М. К. ЛЮБАВСКИЙ

ОЧЕРК ИСТОРИИ ЛИТОВСКО-РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ДО ЛЮБЛИНСКОЙ УНИИ ВКЛЮЧИТЕЛЬНО

ПОМНІКІ
ГІСТАРЫЧНАЙ
ДУМКІ
БЕЛАРУСІ

Матвей Кузьмич
Любавский
(1860—1936)

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт истории

М. К. ЛЮБАВСКИЙ

ОЧЕРК ИСТОРИИ ЛИТОВСКО-РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ДО ЛЮБЛИНСКОЙ УНИИ ВКЛЮЧИТЕЛЬНО

Подготовил к печати
Д. В. Карев

Минск
«Беларуская навука»
2012

УДК 94(476)
ББК 63.3(4Беи)
Л93

Серия основана в 2006 году

Автор вступительных статей Д. В. Карев

Рецензенты:

доктор исторических наук Ю. Н. Бохан,
доктор исторических наук Г. Я. Голенченко,
доктор исторических наук А. Н. Нечухрин

Любавский, М. К.

Л93 Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М. К. Любавский; подгот. к печати Д. В. Карев; авт. вступ. ст. Д. В. Карев. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 397 с. – (Помнікі гістарычнай думкі Беларусі).

ISBN 978-985-08-1502-6.

Данная книга является переизданием фундаментального, обобщающего труда по истории Великого Княжества Литовского выдающегося российского историка Матвея Кузьмича Любавского «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно». В работе в масштабах восточноевропейского социально-исторического контекста X–XVI вв. рассматриваются ключевые вопросы происхождения, становления и развития этого государства: факторы и механизмы рождения державы; эволюция ее основных социальных, политических, правовых структур и институтов; роль уний XIV–XVI вв. и внешнеполитических факторов в исторической судьбе ВКЛ; историческое своеобразие этого государства и его общества по сравнению с Московской Русью и Польшей (XIII–XVI вв.).

Рассчитана на профессиональных историков-исследователей, преподавателей, аспирантов, студентов, магистрантов, краеведов и всех, кто интересуется историей Великого Княжества Литовского, Беларуси, Литвы, Украины, Польши, России.

УДК 94(476)
ББК 63.3(4Беи)

ISBN 978-985-08-1502-6

АКАДЕМИК М. К. ЛЮБАВСКИЙ: ВЕХИ СУДЬБЫ И ТВОРЧЕСТВА

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Преемник В. О. Ключевского по кафедре русской истории Московского университета профессор М. К. Любавский был ярким представителем исторической науки России конца XIX – начала XX в. Интерес к творчеству ученого был велик в первое двадцатилетие прошлого века и снова возрос в 60-е годы в связи с развитием вспомогательных исторических дисциплин, в частности исторической географии, и бурным ростом монографических исследований по истории союзных республик (УССР, БССР, ЛитССР). Имя Любавского довольно часто встречается в историографических работах. Однако творческое наследие этого ученого еще не было предметом комплексного научного анализа.

Рукописи исследований материалов профессора М. К. Любавского по истории ВКЛ дошли до нас в очень незначительном количестве. Фактически из всего дореволюционного «литовского» творческого наследия ученого в распоряжении исследователя имеются только материалы к работам по истории Литовско-Русского государства, выписки из архивных источников Книги Записей и Судных дел Литовской Метрики (около 200 листов) и отрывочные материалы из семинара по изучению «внутреннего строя Литовской Руси на основании законодательных памятников» (1901/02 учебный год). Однако из официальных и вполне достоверных источников известно, что М. К. Любавский на протяжении почти трех десятилетий преподавания в Московском университете читал не только спецкурсы по истории Великого Княжества Литовского, но и вел семинары, где разбирались и анализировались важнейшие его источники в учебных 1903/04 и 1908/09 гг. Вне поля зрения как дооктябрьской, так и советской исторической науки осталась тема «М. К. Любавский как историк феодальной России». В значительной степени достаточно полное освещение в историографии получило лишь творческое наследие ученого по литовско-белорусской истории. Знакомство с трудами ученого по истории феодальной России, как опубликованными, так и неопубликованными, убеждает в необходимости специального исследования в этой области. М. К. Любавский около 20 лет жил и работал в годы советской власти. Поэтому комплексный анализ его творчества, помимо заполнения одной из недостаточно изученных страниц истории российской исторической науки периода империализма, дает нам ценную информацию для разработки двух важнейших, но далеко недостаточно исследованных тем советской историографии:

«Кризис буржуазной историографии в СССР в 20-е годы XX в.» и «Школа Ключевского после Октябрьской социалистической революции».

Недостаточно оценен в историографии и тот факт, что фундаментальные труды российского либерального историка М. К. Любавского существенно подорвали поддерживаемую правительственной Россией «западно-русистскую» версию истории ВКЛ. Нами предпринята попытка путем изучения жизненного и творческого пути ученого выявить некоторые общие тенденции развития исторической науки России конца XIX – начала XX в.

Историография темы «М. К. Любавский» сравнительно невелика по объему. В дореволюционной русской историографии обобщающих работ об ученом не было. Есть материалы, которые являются скорее источником для историографического изучения: рецензии, дискуссионные работы и юбилейные статьи.

Отметим, что в дореволюционной русской академической науке М. К. Любавский был хорошо известен как крупнейший специалист и знаток в трех областях исторической науки: истории Великого Княжества Литовского[1], исторической географии, истории западных славян[2] и как автор оригинальной концепции древней русской истории[3]. Особенно значительными признавались заслуги Любавского в деле изучения Великого Княжества Литовского. Хотя и в этой, казалось бы, наиболее изученной области творчества ученого советскими историками решены далеко не все вопросы, ответы на которые позволили бы воссоздать полноценный «исторический портрет» М. К. Любавского. Прежде всего это вопросы истории создания работ, их источниковой базы, источниковедческого мастерства историка в связи с его методологическими установками, научного «резонанса» исследований Любавского в современной ему историографии. Решение их затруднено крайней скудностью дошедшей до нас источниковой базы для изучения творческой лаборатории ученого. Большинство дореволюционных русских историков были солидарны с оценкой, которую дал «литовскому» наследию ученого С. А. Котляревский. Любавский был официально признан главой научной школы, занимающейся исследованием и разработкой литовско-русской истории[4].

---

[1] Отчет о втором присуждении премии Г. Ф. Карпова Имп. Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете // Чт. ОИДР. М.,1894. Кн. 4; Отчет о 36 присуждении наград графа Уварова. СПб., 1893 (рец. проф. С. А. Бершадского); *Довнар-Запольский М. В.* Спорные вопросы в истории Литовско-Русского сейма. СПб., 1904; *Максимеко Н. А.* Литовско-русские сеймы. Харьков, 1902; Отчет о 45 присуждении наград графа Уварова. СПб., 1905 (рец. Ф. И. Леонтовича); Отчет о 9 присуждении премии Г. Ф. Карпова Имп. Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете. М., 1903 (рец. И. И. Лаппо); *Кизеветтер А. А.* М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910; Русская мысль. 1910. № 5; *Малиновский И.* Новые труды по истории Литовско-Русского государства // ЖМНП. 1910. № 11; *Грушевський М.* Новейшая литература по истории В. К. Литовського // Український навуковий збірнік. Львів, 1916. Вып. II; *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. Пг., 1916. С. 129.

[2] *Бороздин И.* М. К. Любавский. К 30-летию научной и педагогической деятельности // Педагогический вестник Моск. уч. округа. М., 1914. С. 91.

[3] *Грушевский М. С.* Древняя Русь в новых курсах // Голос минувшего. М., 1918. № 8. С. 304–313.

[4] Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С. 1.

«История западных славян» (М., 1917) М. К. Любавского оценивалась русской исторической наукой начала XX в. в целом очень высоко. Книга была отмечена как «добрый почин», с которого «истолкование истории славян сдвинулось с той мертвой точки, на которой оно пребывало»[1]; говорилось о талантливом изложении новейшей истории Чехии и Польши[2]. Как первый труд на русском языке, содержащий в себе цельную историю западного славянства, она была признана «ценным вкладом в русскую историческую науку, как картина социально-правовой эволюции западного славянства».

В советской исторической литературе есть немало, большей частью фрагментарных, «заметок»-оценок творческого наследия М. К. Любавского. Иногда они имеют противоречивый характер, что является отражением взглядов тех ученых, которые давали эти оценки, и закономерностей роста самой советской исторической науки, прошедшей через определенные ступени развития[3].

Первой работой, в которой характеризовалось творчество Любавского, было «Введение в русскую историю» В. И. Пичеты[4]. По его словам: «Белорусская историография получила значительное движение вперед благодаря трудам М. К. Любавского, которые составили эпоху в литовско-белорусской историографии и к которым неоднократно будут возвращаться исследователи независимо от того, разделяют ли они точки зрения и мнения Любавского или нет. Вся последующая историография прямо или косвенно идет по пути, проложенному Любавским»[5]. В работе В. И. Пичеты была дана и краткая оценка основных трудов М. К. Любавского по литовско-белорусской истории. Особое внимание было уделено магистерской диссертации Любавского[6]. Пичета считал, что московская школа историков в лице Любавского отказалась от того централизма, который преобладал в направлении ее историографии, и стала на путь изучения отдельных составных частей Русского государства[7].

В докторской диссертации Любавский[8], по мнению Пичеты, «дает отчетливую картину эволюции самого учреждения», позволяя составить «отчетливое представление как об организации центральных учреждений, так и тех общественных элементах, из которых они состоялись»[9]. В. И. Пичета критически подходил к трудам своего учителя. По его мнению, в «Очерке истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» Любав-

---

[1] *Ясинский А. Н.* М. К. Любавский. История западных славян // Исторические известия. 1917. № 2. С. 169.

[2] Там же. С. 159.

[3] *Ильинский Г.* Первый русский опыт западнославянской истории // Анналы. 1923. № 3. С. 252.

[4] *Пичета В. И.* Введение в русскую историю. М., 1922. С. 142, 178–187, 188.

[5] Там же.

[6] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута; *Пичета В. И.* Введение в русскую историю. С. 187.

[7] *Пичета В. И.* Введение в русскую историю. С. 187.

[8] *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждений в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1901.

[9] *Пичета В. И.* Введение в русскую историю. С. 188.

ский почти не касается тех материальных факторов, из которых слагалась общая структура народного хозяйства; отмеченные Любавским экономические мероприятия правительства интересуют его не столько со стороны их экономического содержания, сколько «своим публично-правовым характером»[1].

М. М. Богословский пишет о том, что Любавский «в конце 20-х годов XX в. считается одним из самых видных и выдающихся представителей науки русской истории»[2]. Такую репутацию создали ему, по мнению Богословского, две главные заслуги – работы по истории Литовской Руси и исторической географии России. В обеих этих областях знаний М. К. Любавский «оставляет после себя глубоко вспаханное поле там, где до его трудов были только первые попытки, первые пробные борозды»[3]. Так же, как и Пичета, Богословский утверждал, что от авторитетных и «дающих направление работ Любавского пошли в дальнейшем работы ряда историков: М. В. Довнар-Запольского, И. И. Лаппо, В. И. Пичеты и др.[4]

В двух главных вопросах своих историко-географических работ – заселение отдельных областей России и образование политических объединений – по ширине предпринятых разысканий, по полноте добытых данных и точности, с которой они излагаются, М. К. Любавский, по оценке М. М. Богословского, «не имеет себе равных среди его предшественников в области изучения исторической географии России»[5]. Изучение подобных проблем создало М. К. Любавскому в конце 20-х годов «положение крупнейшего авторитета в области исторической географии и единственного в ней знатока и специалиста»[6].

1930 год был годом не только крупных перемен в личной судьбе Любавского, но и резкого изменения в оценке его творчества. М. Н. Покровский и его ученики и последователи развернули в эти годы острую борьбу против идейного влияния «буржуазной исторической науки». Ценным и полезным начинанием была попытка освещения идейной платформы русских историков второй половины XIX – начала XX в. Здесь ими были достигнуты значительные положительные результаты, но имелись и значительные ошибки, издержки. Примером подобного рода работ, в которых имели место ошибочные, схематичные положения, были труды С. А. Пионтковского. Подвергая критике работы Платонова, Маркевича, Бахрушина, он уделяет внимание также Любавскому, его работе «Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра» (Л., 1929). Он утверждает, что вся ее ценность «не идет дальше установления хронологического списка присоединения к Московскому княжеству отдельных областей и районов»[7], и расценивает продолжение Платоновым, Любавским, Бахру-

---

[1] *Пичета В. И.* Введение в русскую историю. С. 188.

[2] *Богословский М. М.* Записки об ученых трудах проф. М. К. Любавского. Б. м. , б. г. С. 71.

[3] Там же. С. 73.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] *Пионтковский С. А.* Великодержавные тенденции в историографии // Историк-марксист. М., 1930. Т. 17. С. 23.

шиным и Маркевичем традиций Ключевского (изучение проблемы колонизации) как «политическое выступление тех, кто до сих пор еще не примирился с окончательной гибелью системы отношений собственности»[1].

В более поздней работе Пионтковский справедливо отмечает трудность «раскладки по полочкам» отдельных «буржуазных» историков по социальному признаку, так как в социальных группировках буржуазии имелись нюансы и прослойки. В области идеологии «эти нюансы и прослойки сплетаются и переплетаются в чрезвычайно своеобразных и причудливых сочетаниях. Отсюда уже не раз получалось, что отдельные фигуры отдельных представителей буржуазной историографии возбуждали целый ряд споров и зачислялись по разным прослойкам»[2]. К сожалению, сам автор, делая это верное замечание, не мог избежать политизированного необъективного подхода в оценке места Любавского в русской историографии, заявив, что «политическая программа российской буржуазии в годы нэпа была сформулирована в работах Любавского, Бахрушина и ряда других»[3].

Причисляя Любавского к «социологической» школе Ключевского, Пионтковский включает его в одну группу с такими историками, как Корнилов, Платонов, Ключевский; квалифицирует их как «представителей кулацкой торговой буржуазии»[4], хотя они отличались друг от друга своими политическими взглядами и убеждениями. После работ Пионтковского, вплоть до начала 1940-х гг., имя Любавского фактически исчезает со страниц монографий и статей по истории (за исключением работ В. И. Пичеты).

В 1941 г. вышла книга Н. Л. Рубинштейна «Русская историография», в которой дана в основном верная оценка главных трудов Любавского. Крупной заслугой ученого Рубинштейн считал обращение к «областной» теме, к изучению того раздела нашей истории, который оставался вне поля зрения предшествующих русских историков. В трактовке Любавским темы литовско-русской истории Рубинштейн отмечал исходные позиции государственной школы. Рубинштейн считал, что в «Очерке истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» (М., 1910) Любавский подошел к раскрытию проблемы развития феодальных отношений[5]. Интересна оценка Рубинштейном «Лекций по древней русской истории до конца XVI века» (М., 1915), где, исследуя экономическую и социальную историю Древней Руси, М. К. Любавский попытался в исходную государственную схему включить результаты специальных исследований Павлова-Сильванского, Преснякова, Дьяконова. «Но при всем том, – замечает Рубинштейн, – он не мог подойти к общему пересмотру всей исторической концепции, к которому уже в начале

---

[1] *Пионтковский С. А.* Великодержавные тенденции в историографии. С. 26.

[2] *Пионтковский С. А.* Буржуазная историческая наука в России. М., 1931. С. 12–13.

[3] Там же. С. 92.

[4] Там же. С. 20.

[5] *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941. С. 510.

века пришел Павлов-Сильванский»[1]. «Образование основной государственной теории великорусской народности» Рубинштейн оценил как попытку построения общеисторического исследования непосредственно на историко-географическом материале[2]. Но он не дал анализа содержания этой работы.

В 30–40-е годы В. И. Пичета в ряде статей по истории Литвы и Беларуси дает оценку отдельным положениям работ Любавского, отмечая как их положительные моменты, так и ошибочные утверждения. Эти статьи вошли в сборник статей В. И. Пичеты «Белоруссия и Литва XV и XVI веков» (М., 1961)[3]. В. И. Пичета отмечал, что Любавский внес много ценного в исследование вопросов хозяйственного значения: холопства, социального состава населения государственных дворов, о паробках, о сборе прямого налога «серебщины», о причинах закупничества и происхождении «похожих людей»[4]. Он снова, как и в начале 20-х годов, считает 90-е годы XIX в. переломным моментом в изучении истории Великого Княжества Литовского и связывает его с появлением работы М. К. Любавского «Областное деление». В то время как польская историография в лице К. Шайнохи, С. К. Стадницкого и других исследователей сосредоточила внимание на изучении главным образом проблемы польско-литовских уний XIV–XVI вв., М. К. Любавский обратился к изучению «внутреннего положения Великого княжества Литовского как отдельного, независимого от Польши и самостоятельно развивающегося государства»[5].

Пичета раскрывает понимание Любавским феодализма не как системы производственных отношений, а как формы организации власти и управления. Тем самым Любавский, в понимании Пичеты, оставался на позициях юридической школы, но Пичета обращал внимание на то, что Любавский отмечает классовую сущность Великого Княжества Литовского, наличие борьбы в рядах феодального класса, – справедливо полагает, что исследуемые Любавским институты – результат внутреннего развития Великого Княжества Литовского[6]. Существенным методологическим недостатком В. Пичета считает неправильное толкование Любавским вопроса о происхождении крепостного права. Говоря о методологических корнях научного творчества Любавского, Пичета называет его «опытным исследователем-позитивистом»[7].

Г. А. Новицкий в разделе о русской исторической науке эпохи империализма в «Истории Московского университета» утверждал, что работы Любавского пронизаны охранительными тенденциями и монархическими идеями, написаны в историко-юридическом плане. Несмотря на громадный фактический

[1] *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941. С. 500.
[2] Там же. С. 494.
[3] *Пичета В. И.* Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. М., 1961. С. 153, 154, 158, 185, 340, 397.
[4] Там же.
[5] Там же. С. 183.
[6] Там же.
[7] Там же. С. 378, 374.

материал, они, по его мнению, «не дали правильного представления об истории польского, чешского, литовского и других народов, а во многих случаях ее искажали»[1].

В монографии В. Т. Пашуто Любавский признается «наиболее крупным представителем отечественной литванистики», которым по вопросу об образовании Литовского государства был «высказан ряд верных положений»[2], в частности о давнем развитии в Литве имущественного и социального неравенства, о литовском нобилитете, об унии и др. Он отмечает и недостатки труда Любавского «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно»: «...отрыв истории государства от истории хозяйства страны; отсутствие связи истории образования государства с историей общества, неосвещенность истории борьбы литовского народа с немецкой и польской агрессией, отсутствие анализа источников и историографии вопросов»[3].

Советская историография 60-х – начала 80-х годов в оценке «литовской части наследия Любавского в значительной степени идет в русле характеристик, данных В. И. Пичетой и В. Т. Пашуто. Они отражены в специальных историографических статьях[4], в очерках по историографии Литвы и Беларуси[5].

Так, З. Ю. Копысский, характеризуя историографию Беларуси конца XIX – начала XX в., относит Любавского к либерально-буржуазному направлению[6]. Литовский историк А. Ю. Гайгалайте отмечает, что заслуга разработки литовской истории XII–XVI вв. принадлежит М. К. Любавскому, «который широко использовал материал Литовской метрики и обратил внимание на экономику и социальные отношения. Он дал также очерк политической географии Литвы»[7]. С большой полнотой значение работ Любавского для историографии Беларуси раскрыто В. Н. Перцевым. Он считает ошибочными взгляды Любавского на добровольный характер подчинения русских земель, на возникновение крепостного права в Беларуси, видевшего в нем развитие правовых отношений, которым были подчинены смерды в Киевской Руси. В то же время он подчеркивает, что труды Любавского по обилию фактических данных, почерпнутых из источников, многие из которых он впервые ввел в научный оборот, до сих пор сохраняют свою ценность[8].

Сходную позицию занимает и новейшая литовская историография, считающая, что благодаря своей многогранности и высокому научному уровню

---

[1] История Московского университета. М., 1955. С. 460.

[2] *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1957. С. 186.

[3] Там же. С. 86–190.

[4] *Ючас М. А.* Русские историки о Великом княжестве Литовском // Тр. АН Литовской ССР. Вильнюс, 1966. Сер. 1. С. 77.

[5] См. : *Игнатенко А. П.* Введение в историю БССР. Периодизация, источники, историография. Минск, 1965; *Улащик Н. Н.* Очерки по археографии и источниковедению истории Беларуси феодального периода. М., 1973.

[6] Советская историческая энциклопедия. М., 1962. Т. 2. С. 270.

[7] Там же. Т. 8. С. 733.

[8] Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 726.

анализа и синтеза огромного документального массива труды М. К. Любавского не утратили своего значения и поныне[1].

Если в деле изучения «литовского» наследия М. К. Любавского в советской историографии существует значительная историографическая традиция, то этого нельзя сказать применительно к его исследованиям по истории России, исторической географии, истории западных славян. Имеются лишь отдельные замечания, разбросанные в различного рода специальных статьях и монографиях.

Немного внимания работе Любавского «Образование основной государственной территории великорусской народности» уделяет Л. В. Черепнин, считающий, что ученый остался «в плоскости историко-географических наблюдений, не понял классовой сущности государства и рассматривал его как чисто внешний процесс расширения территории»[2]. Аналогичных взглядов придерживался и А. Н. Насонов[3]. И. П. Шаскольский перечислил вопросы работы[4].

Более подробные замечания о курсе лекций Любавского по исторической географии были высказаны М. Н. Тихомировым. С его точки зрения, Любавский, ставя на первый план колонизационные процессы, придает громадное значение и так называемой монастырской колонизации Севера. Тихомиров охарактеризовал Любавского как поборника правительственной колонизации[5]. Но в свое время такая историко-географическая работа М. К. Любавского, как «Историческая география России в связи с колонизацией» (М., 1909), была своего рода откровением ввиду полного отсутствия трудов по исторической географии России позднего времени (XVI–XVIII вв.)[6]. А. А. Зимин и А. А. Преображенский также считают, что монастырскую колонизацию Любавский показал в розовых красках, в духе старой историографии, а в «Заселении...» сложный процесс внутренней колонизации,включения «нерусских народов» подменил разбором «примыслов»[7] великих князей московских.

«Истории западных славян» М. К. Любавского в советской историографии посвящено два отзыва. По мнению А. М. Панкратовой, она была «первой серьезной работой, опубликованной после Октябрьской революции», в этой области исторической науки[8].

Безусловно, как «выдающийся труд» характеризуют эту работу Любавского В. И. Пичета и У. А. Шустер. По мнению авторов, Любавский благодаря

[1] *Гудавичюс Э.* Процесс закрепощения крестьян Литвы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вильнюс, 1973.

[2] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М., 1948. Т. 1. С. 4.

[3] *Насонов А. Н.* Русская земля и образование территории Древнерусского государства. Л., 1951. С. 14.

[4] *Шаскольский И. П.* Историческая география // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Вып. 1. С. 100.

[5] *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 5, 419.

[6] Там же. С. 4.

[7] Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1965. Т. IV. С. 374.

[8] *Панкратова А. М.* Советская историческая наука за 25 лет и задачи историков в условиях Великой Отечественной войны // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М., 1942. С. 32.

превосходному знакомству с западноевропейской, чешской, польской историографией, а также исчерпывающему знанию источников полно и отчетливо восстановил картину прошлой жизни западного славянства[1].

Из проделанного обзора литературы, раскрывающей степень изученности творческого наследия М. К. Любавского, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, рассматриваемая нами литература, дав ряд верных и интересных оценок Любавскому и его научному творчеству, страдает известной односторонностью. В основном анализируются работы Любавского по истории Великого Княжества Литовского. Советской историографией были только затронуты, но не подвергались специальному анализу историко-географические работы Любавского, его труды по истории западных славян, обойдены вниманием лекционные курсы по истории Русского государства X–XVIII вв. Такая односторонность затруднила выработку правильной общей оценки творчества Любавского. Особенно ярко это сказалось на обобщающей оценке творчества М. К. Любавского, данной в учебнике «Историография истории СССР», где он причисляется к историкам «одной темы»[2]. Оценка эта – по меньшей мере спорная. Опубликованное творческое наследие Любавского и характеристики, данные ему виднейшими советскими учеными, заставляют думать о противоположном.

Во-вторых, вызывает сомнение и немотивированное зачисление ученого в лагерь выразителей идеологии реакционного дворянства, поставившее его в один ряд с Н. К. Шильдером и С. С. Татищевым[3]. В советской историографии существует и другое мнение: его считают представителем либерально-буржуазного направления (С. А. Пионтковский, З. Ю. Копысский, В. И. Пичета, В. Н. Перцев). Разные мнения по поводу принадлежности историка к какому-нибудь одному определенному направлению в русской исторической науке эпохи империализма объясняются, на наш взгляд, двумя основными причинами: отсутствием его научной биографии и тем, что творчество Любавского изучалось в отрыве от нее. Взгляды ученого изучались в «статике», а не в «динамике».

В связи с этим из поля зрения исследователей выпадал целый ряд «ключевых» тем, без анализа которых невозможно создать обобщающий историографический портрет. Не освещалось формирование мировоззрения Любавского, не рассматривалась творческая история создания его работ, не привлекался архивный материал для изучения творческого облика ученого. Последнее особенно важно, поскольку, как показали находки в архивах, в советское время им был создан ряд капитальных трудов по социально-экономической истории России XVII–XIX вв. и исторической географии, публикация которых в те годы по различным причинам не состоялась.

---

[1] *Пичета В. И.* Славяноведение в СССР за 25 лет // Пичета В. И., Шустер У. А. Двадцать пять лет… С. 225.

[2] Историография истории СССР. 2-е изд. М., 1971. С. 410.

[3] Там же. С. 468.

Полноценное раскрытие всех трех «срезов» биографии (научная, общественно-политическая деятельность и личная жизнь) во многом зависит от того, в каком объеме сохранилась база источников для ее изучения, в каком объеме в этих источниках могло запечатлеться искомое явление, в каких соотношениях находятся различные виды источников «биографического» комплекса[1].

Имеющаяся у нас база «биографического» комплекса характеризуется прежде всего следующим. В основном она состоит из протоколов заседаний, формулярных списков о службе, дел об утверждении и назначении в должности тех учреждений, с которыми была связана преподавательская, научная, служебная деятельность М. К. Любавского[2]. Фонды Московского университета дают нам краткие сведения о жизни Любавского до поступления в вуз, о магистерских занятиях, преподавательской деятельности и работе на посту ректора, об отношении к Первой мировой войне и событиям Февральской революции[3]. В значительной мере их дополняют источники из фондов Министерства народного просвещения, которые позволяют получить информацию об истории получения ученым кафедры в Московском университете, начальных этапах его университетской деятельности и обстоятельствах назначения на пост ректора[4]. Преподавательская работа после Октябрьской революции очень фрагментарно прослеживается по материалам фондов этнологического факультета и факультета общественных наук при 1-м МГУ (степень участия историка в университетской жизни, творческие планы, отношение к нему профессуры)[5].

О высоком авторитете профессора М. К. Любавского в среде дореволюционного поколения русской научной общественности свидетельствуют отзывы о нем и его ученых трудах академиков М. А. Дьяконова[6], М. М. Богословского[7], переписка по поводу подготовки сборника статей в его честь[8], сведения об обстоятельствах избрания исследователя членом-корреспондентом и действительным членом АН СССР[9]. Работа М. К. Любавского на посту руководителя ОИДР отражена в материалах архива этой организации за 1917–1929 гг.[10] О большой организаторской и теоретической работе историка в области со-

---

[1] *Бобинская Ц.* Пробелы в источниках. Методологический анализ // Вопросы истории. 1965. № 6. С. 80–81.

[2] *Шмидт С. О.* Некоторые вопросы источниковедения историографии. М., 1976. С. 266–267; *Завелев А. И., Наумов В. П.* Историографический факт: критерии оценки и анализа // Вопросы истории. 1980. № 5. С. 18–30.

[3] ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 492. Д. 186; Оп. 476. Д. 215, 35, 39, 43, 420–424; Оп. 89–95. Д. 1, 4; Оп. 92. Д. 747; Оп. 95. Д. 926.

[4] РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 58, 372; Оп. 150. Д. 1037; Оп. 129. Д. 13; Ф. 740. Оп. 7. Д. 500; Ф. 744. Оп. 1. Д. 269.

[5] Архив МГУ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 7, 8, 15, 67, 121; Ф. 18. Оп. 1. Д. 8, 10, 42, 96–98.

[6] РО РНБ. Ф. 270. Д. 11, 140.

[7] ОПИ ГИМ. Ф. 442. Д. 3–4, 42.

[8] Архив СПб ОИИ. Ф. 29. Д. 1. Л. 1–107.

[9] Архив РАН, Санкт-Петербург. Ф. 1. Оп. 1а. №. 164, 165; Ф. 2. Оп. 7–1913. № 25; Оп. 1. 1905. № 30; Оп. 17. Д. 168.

[10] ОР РГБ. Ф. 203. П. 48. Л. 50–60 об., 118–120, 223–225, 26–229 об., 281–282, 362.

ветского архивоведения в первые годы становления Страны Советов свидетельствуют документы из фонда ГУАД за 1918–1926 гг.[1]

Все эти источники только в сумме своей позволяют, хотя бы мозаично, наметить канву биографии историка. Они дают данные для обрисовки «внешней» стороны жизни М. К. Любавского – биографии действия, а не внутреннего мира. Здесь они в какой-то степени дополняются материалами эпистолярного характера.

Эпистолярий ученого по объему невелик. В результате архивных поисков в 18 архивохранилищах Москвы, Санкт-Петербурга, Минска, Уфы выявлено около 150 писем М. К. Любавского, относящихся к концу XIX – 20-м годам XX в. Крайняя неравномерность их распределения во времени – существенная особенность, которая затрудняет полноценное воссоздание биографии. К тому же 70% писем носят деловой, официальный или полуофициальный характер. Их можно сгруппировать в три раздела: 1) письма об университетских делах Н. А. Попову, В. О. Ключевскому[2], М. М. Богословскому[3], В. И. Ламанскому, М. А. Мензбиру, А. Р. Михайлову, М. Н. Сперанскому, В. Н. Щепкину, Ф. Е. Коршу[4]; 2) письма по делам ОИДР Е. В. Барсову[5,6], В. М. Истрину[7], Г. Г. Писаревскому[8], С. А. Белокурову[9]; 3) письма-записки с приглашением прийти в гости или изъявлением благодарности за оказанные услуги А. С. Лаппо-Данилевскому[10], П. Н. Сакулину[11], А. А. Шахматову[12], С. В. Бахрушину[13].

К сфере глубоко личных писем, где историк позволяет себе «раскрыться», можно отнести лишь письма М. К. Любавского к А. Е. Грузинскому, В. В. Розанову[14], В. И. Герье[15] и С. Ф. Платонову[16]. Их мало, но они приходятся на переломные, очень важные периоды истории нашей страны (1906–1908 и 1917 гг.), по отношению к которым отчетливо обнаруживается проявление наиболее активных социально-политических мотивов и отношений личности, подготовленных предыдущим ее развитием, яснее всего обнаруживается ее характер[17].

---

[1] ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 37, 39, 106; Ф. 2. Д. 42, 142; Оп. 4. Д. 3; Оп. 5. Д. 14, 156; Оп. 7. Д. 174; Оп. 15. Д. 15; ЦГНХ СССР. Ф. 4360. Оп. 1. Д. 4.

[2] ОР РГБ. Ф. 239. К. 12. Д. 44; Ф. 131. К. 32. Д. 57; ОРФ ИМ. Ф. 4. Оп. 5. Д. 171.

[3] ОПИ ГИМ. Ф. 442. Д. 50.

[4] Архив РАН, Санкт-Петербург. Ф. 35. Оп. 1. Д. 850; Ф. 248. Оп 2. Д. 23; Ф. 171. Оп. 2. Д. 56; Ф. 172. Оп. 1. Д. 131; Ф. 254. Оп. 1. Д. 131; Ф. 254. Оп. 1. Д. 42; Архив РАН. Ф. 558. Оп. Д. 203.

[5] ОПИ ГИМ. Ф. 450. Д. 18. Л. 111–114.

[6] ОР РГБ. Ф. 16, 111, 49.

[7] Архив РАН, Санкт-Петербург. Ф. 332. Оп. 2. Д. 84.

[8] ОР РГБ. Ф. 227, X, 3/I-в.

[9] РГАДА. Ф. 184. Оп. 1. Д. 647, 1064.

[10] Архив РАН, Санкт-Петербург. Ф. 113. Д. 243.

[11] РГАЛИ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 531.

[12] РО ИРЛИ. Ф. 624. Оп. 14. Д. 3.

[13] Архив РАН. Ф. 624. Оп. 4. Д. 119.

[14] РГАЛИ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 202; Ф. 419. Оп. 1. Д. 537.

[15] ОР РГБ. Ф. 70. К. 48. Д. 13–16; К. 34. Д. 46.

[16] ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 2. Д. 1196.

[17] *Мердин В. С.* Принципы психологической характеристики типов личности // Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974. С. 233.

Для тех периодов жизни ученого, где налицо были архивные источниковые лакуны (особенно это характерно для последнего десятилетия жизни Любавского – вторая половина 20-х – начало 30-х годов), возникает необходимость привлечь материалы его научного наследия и рассмотреть их не только в историографическом, но и в биографическом ракурсе, извлечь из них информацию, важную для понимании историка как личности. Ибо то, как человек объясняет и комментирует поведение других людей и событий, позволяет исследователю предвидеть модель его поведения в той или иной ситуации[1]. Состояние источников «биографического» комплекса (при всех его лакунах) и относительно хорошая сохранность дошедшего до нас опубликованного и неопубликованного творческого наследия М. К. Любавского дают возможность для решения основных задач нашей работы.

---

[1] *Москвичев С. О.* Проблемы мотивизации в психологических исследованиях. Киев, 1975. С. 49; *Бодалев А. А.* Формирование понятия о другом человеке как личности. Л., 1970. С. 111; *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1946. С. 620.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ УЧЕНОГО

Формирование общественно-политических и исторических взглядов (1870-е – начало 1900-х гг.). Будущий известный историк родился 1(14) августа 1860 г. в селе Большие Можары Сапожковского уезда Рязанской губернии в семье дьячка. Детство Матвея Кузьмича было голодным, ему рано пришлось задуматься о хлебе насущном. Первоначальные азы грамоты Любавский получил от своего деда, заштатного дьячка: дед учил внука церковнославянской азбуке и чтению. Дальнейшим домашним образованием мальчика занимался его дядя, священник села Меньшие Можары. Он обучил племянника арифметике, грамматике и орфографии[1].

В 1870 г. Матвей Кузьмич поступил в Сапожковское духовное училище, после окончания которого в 1874 г. продолжил учебу в Рязанской духовной семинарии. Уже здесь из всех предметов обучения семинариста заняла больше других «гражданская история в талантливом и одушевленном преподавании Н. З. Зиорова (позднее архиепископа Варшавского Николая)»[2]. Учился он блестяще. Из всех оценок, выставленных в аттестате Любавского до 4-го класса, числится только одна четверка – по истории философии[3]. В 1878 г. Любавский закончил 4-й класс семинарии и прибыл в Москву поступать в университет на историко-филологический факультет.

Трудолюбие и практическая сметка помогали молодому студенту выходить из тяжелого, подчас отчаянного положения. Единственной радостью в эти полные забот о куске хлеба годы был университет, его историко-филологический факультет. Здесь было у кого и чему учиться. Всеобщую историю читал маститый ученый В. И. Герье, русскую – декан историко-филологического факультета Н. А. Попов, историю русского языка и литературы – Ф. И. Буслаев, славянскую филологию – известный языковед Дювернуа[4]. В первые годы учебы сильнейшее влияние на круг исторических интересов Любавского оказал Н. А. Попов. Из тематики его семинаров и «выросли» те работы Любавского по истории Великого Княжества Литовского, которые впоследствии создали ученому имя в науке.

---

[1] ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 492. Д. 186. Л. 9.

[2] ОР РГБ. Ф. 70. Оп. 48. Д. 13, 14.

[3] ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 492. Д. 186. Л. 2.

[4] Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1878 г. М., 1879. С. 20–25.

В 1878 г. в семинаре В. И. Герье для младшего отделения разбирались «Анналы» Тацита, труды времен правления Тиберия. Приходилось много читать, много думать, много работать.

На II курсе прибавились новые дисциплины, появились новые преподаватели. Помимо семинаров В. И. Герье и Н. А. Попова, где изучались источники по истории Средних веков, источники по истории Ливонского края и Волынская летопись, читались лекции по логике (М. М. Троицкий), греческим и римским древностям (И. В. Цветаев), истории русского языка и литературы (Н. С. Тихонравов) и всеобщей литературе (Н. И. Стороженко), всеобщей истории (П. Г. Виноградов). В 1879 г. Советом университета был утвержден в звании доцента по кафедре русской истории В. О. Ключевский[1].

На III курсе М. К. Любавский участвовал в общем семинаре В. И. Герье, где занимался анализом статей по новой истории, и в семинаре В. О. Ключевского, в котором изучались Русская Правда и Псковская судная грамота. К читавшимся ранее курсам лекций добавился новый курс по психологии (М. М. Троицкий).

Прослушав лекции по истории философии (М. М. Троицкий), всеобщей истории (В. И. Герье, В. Ф. Миллер), русской истории (В. О. Ключевский), истории церкви (А. И. Иванцов-Платонов), теории и истории искусств (К. К. Герц), политэкономии (А. И. Чупров) и плодотворно поработав в семинарах В. И. Герье (средневековая история и история XVIII в.) и В. О. Ключевского (Судебник 1550 г.)[2], Любавский написал кандидатское сочинение «Дворяне и дети боярские в Московском государстве». Создавалось оно под руководством Н. А. Попова. Матвей Кузьмич был удостоен за эту работу премии им. Исакова, золотой медали[3] и кандидатской степени[4]. По представлению Попова и Ключевского от 31 мая 1882 г. Любавский был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории[5].

Первое исследование (неопубликованное) ученого носило историографический характер. Сам Любавский считал свою работу преимущественно критической оценкой мнений, существовавших в русской исторической литературе XVIII–XIX вв. по вопросу о происхождении и составе дворян и детей боярских Русского государства[6]. Но глубокая, внимательная проработка первоисточников позволяла ученому выходить за круг чисто историографических задач работы.

Эта тема таила много неразрешенных вопросов, имевших первостепенное значение для понимания истории Русского государства XV–XVII вв. Почему и откуда возникло привилегированное положение дворянства в Русском государстве? Почему государство так высоко оплачивало службу этого сословия?

---

[1] Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1879 г. М., 1880. С. 24, 40, 108–109.

[2] Там же, за 1881 г. М., 1882. С. 20, 96.

[3] Там же, за 1882 г. М., 1883. С. 25.

[4] ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 492. Д. 186. Л. 16.

[5] ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 15. Л. 1–2.

[6] ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 513. Д. 5023. Л. 24.

Почему правительство ставит целую массу производительного населения в экономическую, а затем и юридическую крепостную от него зависимость?

Ученый считал, что на многочисленные «почему» можно будет дать ответ, если выяснить, как возник «служебный класс дворян и детей боярских в Московском государстве и из каких общественных элементов он составлялся»[1]. Таким образом, отчетливо виден интерес автора к проблеме социальных отношений в Русском государстве. Ответы на эти вопросы социальной истории М. К. Любавский решал в русле чичеринско-соловьевской «государственной» теории. Повышение социального статуса дворянства ученый связывал прежде всего с положением этого сословия, являвшегося основной силой военных сил государства, и особенно конницы, так необходимой в постоянных схватках «лесной» Руси с кочевыми и полукочевыми народами. Вместе с тем дворяне и дети боярские предстают в работах историка как класс, «прикрепощенный к военной службе»[2].

Высшее общественное положение, которое занимала часть дворянства, М. К. Любавский правомерно считал наследием старого времени, традицией удельного периода. Здесь, с одной стороны, были представители аристократических слоев обедневших княжеских и боярских служилых родов (до XIV в.), с другой – выходцы из простонародья «за службу» (особенно интенсивно с XVI в.)[3].

В сочинении М. К. Любавского, помимо интересных частных наблюдений, ясно прослеживается желание работать в области исторической географии. Историко-географический элемент в этой работе весьма значителен: (наблюдения об особенностях положения дворянства в зависимости от района службы, своего рода «словесная карта Московского государства XVII в.»)[4].

Из стен университета М. К. Любавский вынес прочные и глубокие знания, а также пристрастие к работе с первоисточниками, привитое Н. А. Поповым и В. О. Ключевским. Именно в университете Матвей Кузьмич завязал личное знакомство с учившимися вместе с ним Р. Ю. Виппером, П. Н. Милюковым, В. Е. Якушкиным, М. С. Корелиным. А с двумя последними на долгие годы установились прочные дружеские отношения.

После отъезда товарищей из Москвы для М. К. Любавского наступила пора одиночества и творческих исканий. Даже одна мысль о гигантском предстоящем труде и цели его, не совсем еще ясной, приводила молодого ученого «чуть ли не к отчаянию». Он «погряз в книги. Естественно, что все другие интересы жизни отошли временно на второй план»[5]. Об этом М. К. Любавский не раз писал своему приятелю В. В. Розанову. Занятия историей учили критически мыслить, много работать, что, по словам самого Любавского, превращало его в Фому неверующего, который, «прежде чем не видит своего перста, не верит». Кропотливые изыскания в области исторической географии, работа

[1] ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 513. Д. 5023. Л. 24.

[2] Там же. Л. 10 об.

[3] Там же. Л. 3, 5–7,42 об.

[4] РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 527. Л. 22–22 об.

[5] Там же. Л. 24–25.

над родословными книгами требовали огромных затрат времени и невероятного напряжения сил, тем более что заниматься по одной литературе Любавский не хотел и не любил.

Уважение к факту-первоисточнику, своего рода преклонение перед ним, вытекало из позитивистских установок, впитанных на лекциях М. М. Троицкого – представителя того течения в русской философии и психологии, которое соединяло позитивистские установки с религиозно-философскими учениями православной церкви. «В частности, почувствовал я, – писал Любавский Розанову, – необходимость факта при изучении истории... Только сумма реальных фактов, осмысленных должным образом, возбуждает в душе известное чувство, которое я считаю зиждительным началом жизни: и чем более свидетельств от фактов, тем чувство интенсивнее... Наш дух тут только простая возможность, способность получения впечатлений и образования идей»[1].

В напряженных занятиях незаметно подошел 1885 год. Н. А. Попов предложил Матвею Кузьмичу работать на кафедре русской истории в Сибирском университете. В Сибирь ехать не хотелось, «ибо в провинции дальнейшие занятия русскою историею немыслимы»[2]. Любавский начал уже работать над Литовской Метрикой, в связи с этим понятно его желание остаться в Москве. Начались долгие и мучительные хлопоты по трудоустройству. Со сдачей магистерских экзаменов исчез такой источник существования, как стипендия. Хорошо хоть сохранился один «домашний урок», иначе пришлось бы очутиться в «невозможном положении»[3]. Одно время дела немного улучшились (помогли Герье и Попов), но ненадолго. «Домашний урок» кончился в мае 1886 г., и вопрос о существовании снова выдвинулся на первый план. «До сих пор еще не нашел и мало питаю надежды на то, что найду, – писал Любавский Розанову. – Что буду делать, если действительно случится последнее, т. е. не найду занятий в Москве, об этом стараюсь не думать...»[4] К сентябрю 1886 г. удалось устроиться в частную гимназию О. А. Виноградовой преподавателем истории[5]. В это же время возобновилась прерванная работа над диссертацией. Но и в последующие годы Матвей Кузьмич был вынужден возвращаться к своей научной работе урывками. С 1887 г. он начал давать уроки географии во 2-й женской гимназии и Мариинском училище[6]. Свою преподавательскую деятельность в средних учебных заведениях М. К. Любавский не прекращал вплоть до Октябрьской революции 1917 г. Кроме того, он работал товарищем председателя исторической комиссии учебного отдела Русского технического общества (его Московского отделения)[7]. Но и при такой загруженности он сумел к 1892 г. напечатать свою магистерскую диссертацию «Областное деле-

[1] РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 527. Л. 20.
[2] Там же. Л. 9, 19.
[3] Там же. Л. 16.
[4] ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 15. Л. 2.
[5] Там же.
[6] Вся Москва. М., 1887. С. 572, 578, 565.
[7] ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 15. Л. 2.

ние и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута».

31 мая 1894 г. Любавский получил степень магистра и приступил к преподаванию в Московском университете[1], где проработал до 1930 г.

Первое фундаментальное исследование М. К. Любавского по литовско-русской истории, при подготовке которого большую помощь советами и литературой оказали его учителя Н. А. Попов и В. О. Ключевский[2], было посвящено памяти Н. А. Попова, «человека, который так много содействовал его появлению». Эта работа представляла собой удачную попытку изображения социально-политических механизмов власти и социальной структуры Великого Княжества Литовского в самостоятельный период его развития (до конца XV в.). Поставленная автором цель – уяснение государственного типа «Литовской Руси» – была достигнута с помощью детального показа истории происхождения системы местного управления Княжества и выявления ее роли в жизни Литовского государства. Показ системы местного управления в тесной связи с эволюцией внутри самого социального организма государства позволял раскрыть происхождение и состав его «социальных клеток» (историю классов, сословий, категорий населения).

Удачный выбор фактически неисследованной темы, имевшей крайне скудную и отрывочную литературу, и фундаментальная проработка вводимого в научный оборот огромного источникового массива Литовской Метрики (в основном из Отдела записей) позволяли ученому пересмотреть ранее высказанные точки зрения и обосновать их бездоказательность (например, положения В. Б. Антоновича о происхождении крестьян-отчичей, М. Ф. Владимирского-Буданова о громадном влиянии немецкого права в Литве и др.).

Основательность и глубина изучения источников дали возможность ответить на один из главных для ученого вопросов – о причинах слабой государственной централизации как наиболее характерной особенности в «конструкции Литовско-Русского государства». Чтобы прийти к доказательным выводам о происхождении и устройстве областного деления, потребовалось специальное исследование неизученной политической географии государства в рассматриваемое время.

Не все задачи удалось решить. В первую очередь это касалось вопроса о закрепощении крестьянства. Любавский, несмотря на детальный показ эволюции различных категорий крестьянства Литвы и Беларуси в процессе закрепощения, объяснял право феодала на крестьянский труд действием принципа давности, «старины», господствовавшего якобы во всех сферах государственных отношений Великого Княжества Литовского. Такой вывод был шагом назад даже по сравнению с современной ему историографической версией, представленной в трудах Ф. И. Леонтовича и М. Ф. Владимирского-Буданова,

---

[1] ОР РГБ. Ф. 239. П. 12. Д. 44; Ф. 131. П. 32. Д. 57.

[2] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута. М., 1892. С. III.

которые выводили теорию происхождения крепостного права в Литовском государстве из долговой зависимости крестьянства (т. е. из экономических условий)[1].

Однако несмотря на некоторые недостатки, эта работа Любавского не только создала прочную основу для исследования истории Великого Княжества Литовского XIII–XV вв., но и явилась фундаментом, необходимым для правильного отображения и оценки последующей эпохи в истории этого государства, ознаменовавшейся тесным сближением его с Польшей. Огромный пласт исторической «целины», поднятый ученым в работе, сделал ее отправной точкой для последующих изысканий в области изучения истории Литвы, Беларуси и Украины. Исследование Любавского получило высокую оценку современников, ему была присуждена премия Г. Ф. Карпова от Общества истории и древностей российских (ОИДР) и премия графа Уварова от Петербургской академии наук.

В 1894 г. М. К. Любавского утвердили в должности приват-доцента по кафедре русской истории, и он начал научную и преподавательскую деятельность в Московском университете[2]. В середине 1890-х гг. на историко-филологическом факультете преподавали такие известные филологи, как Ф. Е. Корш, С. И. Соболевский, М. М. Покровский, С. В. Рождественский, слависты Р. Ф. Брандт, М. И. Соколов, историки искусств И. В. Цветаев, В. Г. Аппельрот, Ф. Ф. Фортунатов, историки В. И. Герье, М. С. Корелин, Д. М. Петрушевский, В. О. Ключевский[3]. Молодой приват-доцент читал в 1895/96 академическом году курс «История Западной Руси» (с середины XVIII в.)[4]. В 1896 г. для желающих вел семинар, где изучались земские привилеи Литовско-Русского государства[5]. В 1897–1899 гг. начал преподавать курс «Историческая география России в связи с историей колонизации»; с 1899 г. по поручению факультета – курс «История западных славян» для исторического отделения и «Историю Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» для желающих[6]. Эта тематика была углублена и расширена в последующих работах М. К. Любавского.

Таким образом, мы видим, что к 1900 г. определились три основные области дальнейших исторических интересов ученого: история Великого Княжества Литовского, историческая география и история западных славян.

---

[1] *Леонтович Ф. И.* Крестьяне Юго-Западной Руси по литовскому праву XV и XVI столетий // Киевские университет. Известия. 1863. № 10. С. 4, 18–21; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия по истории русского права. Киев, 1880. Вып. II. Прил. 15. С. 31.

[2] Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1894 г. М., 1895. С. 67.

[3] Обзор преподавания на историко-филологическом факультете императорского Московского университета на 1895–1896 гг. М., 1895. С. 3–32.

[4] Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1896 г. М., 1897. С. 27.

[5] Обозрение преподавания на историко-филологическом факультете императорского Московского университета за 1897–1898 гг. М., 1897. С. 13.

[6] Там же, за 1898–1899 гг. М., 1898. С. 14; Там же, за 1899–1900 гг. М., 1899. С. 13.

Напряженная преподавательская деятельность в эти годы помогла отработать многие положения нового капитального исследования Любавского по истории литовско-русского сейма[1]. Истории происхождения областных сеймов достаточное место уделялось уже в главе IV первой монографии Любавского.

С сообщением «К истории литовско-русского сейма» – своего рода проспект-программой будущего исследования – М. К. Любавский выступил еще в феврале 1896 г. на заседании ОИДР[2]. После шести лет работы тезисы переросли в фундаментальную монографию, ставившей своей целью изучение того центрального учреждения Литвы, в котором выражен «наиболее общий итог социально-политической истории этого государства за время его самостоятельного существования»[3].

В сумме своей магистерское и докторское исследования давали возможность рассмотреть социально-политический аспект внутреннего развития Великого Княжества Литовского в XIV–XVI вв. Успешному выполнению поставленных задач способствовало существование в русской историографии конца XIX в. труда В. О. Ключевского о Боярской думе, основанного на материалах по истории Северо-Восточной Руси.

Разрешение такой сложной и не разработанной в историко-юридической литературе темы, как литовско-русский сейм, требовало глубокой самостоятельной проработки большого комплекса источников, начиная с древнейших летописей и кончая огромным актовым материалом, взятым из отечественных и зарубежных (польских, немецких) публикаций второй половины XIX в.

Основной объект изучения требовал в первую очередь анализа законодательных памятников. Здесь ученый с успехом применил историко-сравнительный метод. Сравнение более ранних статутов с более поздними давало возможность проследить их эволюцию, а их проверка и дополнение по другим источникам (преимущественно по актовому материалу, отображавшему повседневную жизнь государства) позволяли решить вопрос о степени реализации законодательства в действительности. Источниковедческая критика проводилась и путем анализа содержания самого источника, и путем использования результатов самостоятельных генеалогических разысканий.

Ценной чертой источниковедческого анализа, проведенного М. К. Любавским, стало умение выделять при изучении документов интересы того или иного социального слоя, которые в свою очередь накладывали отпечаток на характер и содержание источника. Выявляя в документе подобные интересы, историк всегда исходил из вопроса: кому это более всего выгодно? Нередко он признавал при этом преобладание экономических интересов над политическими и правовыми.

Логичная структура работы позволяла не потеряться в море фактов, а целенаправленно двигаться к решению поставленных задач. Конкретные, до-

---

[1] *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждений в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. М., 1901.

[2] Чтения ОИДР. М., 1898. Кн. II. С. 47.

[3] *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. С. 1.

казательные ответы на главные вопросы исследования (социально-политическое устройство Литовского государства в XIV–XVI вв., история его сейма и двух его «станов» – шляхты и панов-рады, внешнеполитические отношения Литвы с Москвой и Польшей, уния с Польшей, система внутреннего управления Литовского государства и т. д.) стали важным научным достижением отечественной историографии. В ее арсенал вошел и вывод М. К. Любавского о сейме как порождении особенностей внутреннего развития социально-политического строя Литвы. Рассматривая феодализм в качестве формы организации власти и управления, ученый оставался на позициях государственной школы, но понимание сущности социальных процессов было более глубоким. Это сказалось в трактовке привилегированного положения и видной роли правящего шляхетского сословия в делах управления государством как прямого следствия экономического могущества шляхты по сравнению с другими слоями населения. Справедливо отмечалось, что «экономические факторы берут обыкновенно свое вопреки юридическим ограничениям»[1].

Основанное на богатом и в значительной степени новом материале исследование М. К. Любавского «Литовско-русский сейм» было признано «ценным вкладом в историческую науку, восполняющим крупный пробел в русской и польской литературе по историографии Западной Руси»[2]. После защиты исследования как докторской диссертации 28 мая 1901 г. его автор был единогласно удостоен степени доктора русской истории. Труды М. К. Любавского, по мнению одного из рецензентов, составили «новую эпоху в развитии научного изучения прошлого Литовско-Русского государства»[3]. Правда, в эти годы некоторые ученые не только пытались оспаривать выводы Любавского об организации центральных учреждений Литовского государства (М. В. Довнар-Запольский)[4], но и демонстрировали полное непризнание их правоты (Н. А. Максимейко, Ф. И. Леонтович)[5]. Матвей Кузьмич детально и критически рассмотрел аргументацию рецензентов и отстоял свою позицию[6]. Советская историография признала верность выводов М. К. Любавского[7].

После успешной защиты докторской диссертации М. К. Любавский, утвержденный в 1902 г. в должности экстраординарного профессора, фактически стал преемником В. О. Ключевского на кафедре русской истории. Получение кафедры состоялось при личном содействии В. О. Ключевского[8].

---

[1] *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. С. 848.

[2] Исторический вестник. СПб., 1901. Т. 85. С. 360–361.

[3] Отчет о присуждении премии Г. Ф. Карпова имп. ОИДР при Моск. университете. М., 1903. С. 9.

[4] *Довнар-Запольский М. В.* Спорные вопросы в истории литовско-русского сейма. СПб., 1904. С. 47.

[5] *Максимейко Н. А.* Литовско-русские сеймы. Харьков, 1902. С. 40.

[6] *Любавский М. К.* Новые труды по истории литовско-русского сейма // ЖМНП. 1903. № 2–3. С. 121–167.

[7] *Пичета В. И.* Белоруссия и Литва. С. 186.

[8] РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 158. Л. 329.

Новое положение обусловливало и иные масштабы работы. В 1902–1905 гг. Любавский стал читать курс по «Древней русской истории», вел семинары по теме «Главные источники древней русской истории» (летописи, Русская Правда, Судебник 1497 г.), по историографии и др.[1] Он продолжал также вести курсы по исторической географии и истории западных славян, давал уроки в средних учебных заведениях, исполнял обязанности секретаря факультета, преподавал на Высших женских курсах[2]. Как видим, его педагогическая нагрузка в эти годы весьма внушительная.

Кроме того, в активе Любавского как исследователя к 1905 г. числилось около 25 печатных работ по истории Великого Княжества Литовского и западного славянства.

В эпоху революций (1905–1917 гг.). В период революционных потрясений 1905–1907 гг. русская либеральная буржуазия стала ратовать за единение с царизмом, твердой законной властью. Это было характерно и для М. К. Любавского, показавшего себя «академически» мыслящим консерватором[3]. Под напором революционного движения правительство было вынуждено идти на уступки. Так, подачку в виде «Временных правил» подбросили и либерально настроенной профессуре Московского университета. Здесь вводилась ограниченная автономия. Совет университета избрал первого выборного ректора: 3 сентября им стал князь С. Н. Трубецкой, известный русский философ-идеалист и сторонник конституционной монархии. Для управления хозяйственными и учебными делами университета была создана комиссия в составе Р. Ю. Виппера, В. О. Ключевского, М. К. Любавского, В. И. Вернадского, К. А. Умова, К. А. Тимирязева, П. И. Новгородцева, И. А. Каблукова, В. М. Хвостова, А. Б. Фохта, И. Г. Спижарного и Д. И. Дьяконова[4].

Отрицательно относясь к революционному движению в эти годы, М. К. Любавский считал, что революционные события станут причиной гибели высшей школы на несколько лет[5]. Революция определила и его отношение к основным политическим партиям России. К кадетам ученый по своим убеждениям примкнуть не мог, так как они «не провели достаточно резкой границы между собой и революционными партиями». Умеренно-прогрессивная партия отталкивала его своей «четыреххвостностью» (всеобщая, прямая, равная и тайная подача голосов). Монархические партии были «уж очень ветхозаветны». «Скорее всего примкну к так называемой партии 17 октября, – писал Любавский Герье, – хотя по-настоящему следовало бы организовать свою партию

---

[1] Обозрение преподавания на историко-филологическом факультете императорского Московского университета за 1902–1905 гг. М., 1902–1904. С. 13–16.

[2] ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 15. Л. 5.

[3] ОР РГБ. Ф. 70. Оп. 48. Д. 13 (Письма М. К. Любавского к В. И. Герье от 11 октября 1904 г. и 8 декабря 1904 г.).

[4] Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1905 г. М., 1906. С. 63.

[5] ОР РГБ. Ф. 70. П. 48. Д. 14 (письмо М. К. Любавского к В. И. Герье от 27 декабря 1905 г.).

октроированной конституции»[1]. В предчувствии крайностей Матвей Кузьмич начал серьезно подумывать о перемене рода деятельности, поскольку ожидал в исторической науке «либо господства реакционного деспотизма, либо господства якобинского деспотизма». «И то и другое, – отмечал он, – одинаково для меня ненавистно»[2].

В 1908 г. М. К. Любавский был избран деканом историко-филологического факультета и снова активно включился в административную работу не без желания способствовать введению студенческой молодежи в русло академической науки[3].

В небольших статьях, публиковавшихся в газете «Голос Москвы» (издатель и редактор А. И. Гучков), где Любавский вел отдел университетской жизни, Матвей Кузьмич раскрывал свое политическое кредо, призывал водрузить в университете знамя «академизма», покончить с ним как политическим клубом и «вернуть его к прямому назначению служения науке»[4]. Ученый критиковал представителей «крайних» направлений (монархистов и социал-демократов) за «невнимание к условиям и данным текущей русской жизни, непонимание действительности». (Первых – за попытки объяснить революцию как кару за отступление от истинно русского начала и введение конституции, а вторых – за их веру, что «все можно перевернуть в России вверх дном» путем революционного изменения общественного строя.) Любавский считал революционные потрясения, переживаемые страной, не случайными событиями, а явлением, которое «долгое время вскармливалось и вспаивалось отсутствием политической свободы, приказным гнетом и произволом, поверхностным образованием нашего общества, народным невежеством и нищетою. Теперь же оно только вышло наружу во всей своей красе и силе»[5]. Это отнюдь не означало, что он признавал революцию закономерным явлением в жизни общества. «Мы – противники революции не только как практической политики, но и как исторической теории», – писал Любавский в работе «Конституционное движение в России».

В 1910 г. Россия переживала период нового революционного подъема. Учащаяся молодежь активно включилась в общественное движение, выдвигая политические требования. Правительство обрушило на студентов репрессии. Министр народного просвещения Л. А. Кассо разослал 11 января 1911 г. циркуляр, в котором заявлял о недопустимости «публичных и частных студенческих собраний, за исключением собраний научного характера». Если же вопреки усилиям администрации сходка все-таки собиралась, ректорам предписывалось вызывать полицию. Ряд профессоров Московского университета

---

[1] ОР РГБ. Ф. 70. П. 48. Д. 15 (письмо М. К. Любавского к В. И. Герье от 2 января 1906 г.).

[2] Там же. Д. 15 (письма Любавского к Герье от 2 января 1906 г. и от 12 февраля 1905 г.).

[3] Отчет о состоянии и действиях имп. Московского университета за 1908–1909 гг. М., 1909. С. 14.

[4] Голос Москвы. 1907. 1 апр., 15 апр.

[5] Там же. 8 мая.

во главе с ректором А. А. Мануйловым в знак протеста против действий министра подали в отставку. 1 февраля (ст.ст.) Л. А. Кассо удовлетворил их ходатайство. Университет остался без руководства и лучших профессоров. Дело шло к тому, что Россия могла лишиться своего прославленного учебного заведения – оно разваливалось на глазах – профессоров поддержали приват-доценты, многие младшие служащие также оставили должность в университете.

4 февраля 1911 г. М. К. Любавский, отдававший себе ясный отчет о последствиях такого разрушения, обратился к членам Совета университета со своеобразным посланием:

«Московский университет в настоящее время подожжен и объят пламенем извне и внутри. Нам, его преподавателям, надо употребить все усилия, чтобы отстоять во что бы то ни стало нашу альма-матер, спасти все, что только можно. При таких обстоятельствах считаю, что личные чувства преподавателей, как бы благородны сами по себе они ни были, должны отойти на второй план и уступить требованиям блага университета. С этой точки зрения считаю роковой ошибкой выход преподавателей в отставку и полагаю, что Совет должен исчерпать все средства, чтобы убедить их взять назад свои прошения об отставке...»

С историко-филологического факультета уходил Д. М. Петрушевский. Как декан М. К. Любавский пытался не допустить такого шага. Он обратился к попечителю учебного округа, отметив, что отставка выдающегося специалиста по Средним векам скажется на качестве преподавания. Едва выздоровев от инфлюэнцы, протекавшей в тяжелейшей форме, М. К. Любавский поехал к Л. А. Кассо хлопотать за 25 студентов, которых полиция переписала на одной из сходок и которые подлежали отчислению из университета. Преподаватели вступились за них и доказали, что полиция ошиблась – студенты присутствовали на занятиях. Расправу удалось предотвратить.

Даже из этих поступков видно, насколько несправедливым было обвинение М. К. Любавского в «лакейском прислужничестве власти», которое сделали в свое время авторы «Истории Московского университета» (М., 1955. Т. 1. С. 379).

В апреле 1911 г. Совет университета избрал профессора М. К. Любавского ректором. На этой должности он проработал до 1917 г., подвергаясь постоянным атакам то слева, то справа, так как радикалов не устраивало его стремление поставить университет вне политики. Как ни старался заниматься Матвей Кузьмич лишь учебными делами, но приходилось выполнять волю начальства, притом приказывало и начальство московское в лице попечителя, и начальство петербургское в лице министра просвещения. Часто их распоряжения вступали в противоречие друг с другом. Ректор не всегда угождал Совету, а уж сторонники университетской автономии были недовольны М. К. Любавским за одно то, что он согласился стать ректором.

Однако несмотря на все это, Любавский медленно, но неуклонно восстанавливал университет после разгрома 1911 г. При этом прежде всего ученый думал о необходимости этого высшего учебного заведения для России, а не

о выполнении предписаний свыше. Не случайно на официальном заседании Совета, посвященном 300-летию Дома Романовых, ректор «говорил больше о патриотизме народа, чем о заслугах и династии», что не ускользнуло от внимания современников.

Успешное «упорядочение» университета и умелое ведение его хозяйственных дел укрепили авторитет М. К. Любавского в глазах профессуры. В марте 1914 г. он был избран ректором на второе трехлетие (67 избирательных шаров и 12 неизбирательных)[1].

На этом посту и застала Матвея Кузьмича Первая мировая война. Патриотические настроения захватили многих русских интеллигентов; призывы правительства к войне против «немецких варваров» увлекли даже таких демократически настроенных людей, как А. Н. Толстой, В. Г. Короленко[2].

Как и многие другие патриотически настроенные русские интеллигенты, М. К. Любавский был сторонником войны до победного конца. Перед лицом немецкой опасности он призывал сплотиться, прекратить внутренние распри, применить суровые меры к спекулянтам, так как борьба, по его мнению, предстояла «на жизнь и на смерть»[3]. Как ректор Московского университета Любавский выступил инициатором «Ответов русских ученых на обращение немецких ученых к «культурному миру»[4], в которых критиковалась ложь по поводу предъявленных Германией обвинений в «вандализме» и нарушении законов международного права. Активное участие ректор принимал в работе университета, направленной на оборону страны[5].

Деятельно помогал М. К. Любавский становлению и работе периодического печатного органа русских историков «Исторические известия» (начал выходить с 1916 г.)[6]. В эти же годы он выступал одним из инициаторов и организаторов намечавшегося на 1919 г. первого съезда историков[7]. Активно сотрудничал в ОИДР, секретарем которого был с 1907 по 1917 г., а председателем – с 1917 по 1929 г.

Несмотря на значительно увеличивавшийся объем административной работы, Матвей Кузьмич плодотворно и успешно занимался научной и преподавательской деятельностью. Помимо ставших традиционными для него курсов по истории западных славян, древней русской истории (до конца XVI в.), исторической географии, Любавский стал читать новые – по истории Польши, Чехии, русской истории XVII в. и первой четверти XVIII в., XVIII в. Вел

---

[1] ОР РГБ. Ф. 263. Д. без шифра (А. Н. Савин. Дневник. Университетские дела, 1914, с. 106); РГИА. Ф. 749. Оп. 7. Д. 500. Л. 26–26 об.

[2] *Федюкин С. А.* Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972. С. 31–32.

[3] *Любавский М. К.* О значении переживаемого ныне исторического момента. М., 1915. С. 8.

[4] ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 92. Д. 747. Л. 5 об., 6.

[5] Отчет о состоянии и действиях имп. Московского университета за 1915 г. М., 1916. С. 221–228, 415; РГА, Москва. Ф. 418. Оп. 93. Д. 763. Л. 11–11 об.

[6] ОПИ ГИМ. Ф. 442. Д. 50. Л. 38; Д. 50. Л. 127.

[7] ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 29 (письмо Д. Н. Егорова к М. К. Любавскому от 19. VI. 1916); Д. 28 (письмо М. К. Любавского к А. Н. Игнатьеву от 28. VI. 1916).

семинары источниковедческого характера, где изучались Литовские Статуты, сочинение Г. К. Котошихина, Русская Правда, общеземские и областные привилеи Великого Княжества Литовского, Соборное уложение 1649 г., волочная помера и уставы Сигизмунда Августа[1].

Знаком признания и высокой оценки творчества Любавского со стороны русской научной общественности стало его избрание действительным членом многих научных обществ и почетным членом ряда ученых губернских архивных комиссий[2]. Группа ведущих представителей русской исторической науки подготовила к 30-летию научной и педагогической деятельности М. К. Любавского сборник статей в его честь[3]. Московская университетская историческая наука того периода видела в Любавском крупного русского ученого, создавшего в науке о русской истории совершенно новую область[4]. По рекомендации М. А. Дьяконова в декабре 1917 г. ученый был избран членом-корреспондентом Российской академии наук[5]. Он являлся не только крупным историком-исследователем, но и «выдающимся профессором»[6], учителем видных советских историков: В. И. Пичеты, Н. Г. Бережкова, В. А. Панова, А. А. Новосельского, В. К. Никольского, руководителем магистерских занятий С. В. Бахрушина[7].

Из научных работ Любавского этого периода особого внимания заслуживал «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» (М., 1910). Своеобразный итог – обобщение положений магистерской и докторской диссертаций – эта работа знакомила с социально-политической эволюцией Великого Княжества Литовского X–XVI вв.

В научной литературе в то время не существовало труда, который давал бы в известной степени общую концепцию «литовско-русской истории». Любавский старался, по его словам, держаться «на уровне существующих научных разысканий». Поэтому, как ни важно было освещение экономической эволюции Литовско-Русского государства и истории его духовной культуры, автор вынужден был отказаться от всяких значительных попыток в этом направлении «ввиду отсутствия серьезных, достаточно широких и глубоких исследований по этой части»[8]. Сами экономические мероприятия, проводившиеся в этом государстве, интересовали историка, но не с точки зрения экономического содержания, а их публично-правовой аспект. В «Очерке...» формулировался вывод о том, что в «Литовско-Русском государстве господ-

---

[1] Обозрение преподавания на историко-филологическом факультете Московского университета за 1906–1915 акад. гг. М., 1906–1916. С. 7–14.

[2] ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 15. Л. 9.

[3] Архив ЛОИИ. Ф. 29. Д. 1. Л. 2 (Сб. статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917).

[4] ОПИ ГИМ. Ф. 442. Д. 42. Л. 5.

[5] РО РНБ. Ф. 270. Д. 11. Л. 1–4; Архив РАН (СПб.). Ф. 1. Оп. 1 а. № 164. С. 291.

[6] *Черепнин Л. В.* И. А. Голубцов – ученый и человек // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 185.

[7] ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 476. Д. 35. Л. 26.

[8] *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910. С. 1.

ствовал такой же феодализм, как и на Западе в средние века»[1]. Заслуживает внимания попытка Любавского раскрыть историю социально-политического организма Великого Княжества Литовского в сравнении с Русским государством XIV–XVI вв. Это давало возможность проследить, как различные условия повлияли на развитие в разных направлениях двух государств, близких первоначально (XII–XIII вв.) по структуре их социально-политических институтов. Изучение внутренней истории ВКЛ, сохранившего больше традиций и архаических черт, чем Северо-Восточная Русь, позволяло уяснить особенности древнейшего и средневекового периода русской истории, помогало лучше представить своеобразие исторического процесса в Русском государстве XV–XVI вв.

Работа была признана «превосходной»[2], «очень ценным пособием»[3], удачной попыткой построения общего курса «литовско-русской» истории на научных основаниях, крупным вкладом в науку, от которого, как от отправной точки, предстоит идти дальнейшим исследованиям[4]. Многие выводы и наблюдения, сделанные Любавским в этой работе, вошли в основной фонд отечественной литуанистики и не потеряли своего значения и в наше время[5].

Большая часть научных достижений ученого относится к 1906–1911 гг. (литографированные курсы по исторической географии России, истории западных славян, «Очерк...», ряд статей по истории России XIX в.). В течение 1912–1917 гг. вышли лишь «Лекции по древней русской истории до конца XVI в.» (М., 1915). Постоянная занятость Любавского служебными делами естественным образом оставляла меньше времени для исследовательской работы.

Из его трудов второго десятилетия XX в. событием в российском славяноведении стал выход в свет «Истории западных славян». Славянская тематика в творчестве М. К. Любавского появилась не случайно. Для него это – не «проходная» тема. Уже в годы учебы в Московском университете будущий ученый внимательно изучал литературу по истории западных славян. Этот интерес был обусловлен как влиянием одного из его учителей – профессора Н. А. Попова, так и необходимостью сбора данных по истории Польши, после того как наметилась «ведущая» тема ранних исследований Любавского – история Великого Княжества Литовского. Изучение истории, местного и центрального управления Литовско-Русского государства было немыслимо без знания социально-политической структуры и правовых институтов древнего Польского государства, сначала соседа, а затем союзника Великого Княжества Литовского, образовавшего с ним в XVI в. единое государство – Речь Посполитую.

Уже в процессе работы над магистерской диссертацией Любавский, помимо самостоятельного глубокого изучения Литовской Метрики, исследовал

---

[1] *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С. 132–133.

[2] *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. Пг., 1916. С. 129.

[3] *Кизеветтер А. А.* М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. // Русская мысль. 1910. № 5. С. 196.

[4] *Малиновский И.* Новые труды по истории Литовско-Русского государства // ЖМНП. 1910. № 11. С. 154, 159.

[5] *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. С. 187–191.

и польские картографические источники XV–XVII вв., а также польские законодательные памятники XIV–XVII вв. С 1899 г. «славянская» тематика прочно и надолго вошла в круг научных и преподавательских интересов ученого. По поручению историко-филологического факультета он начал преподавать «Историю западных славян» для студентов своего исторического отделения[1]. Курс этот, который Любавский читал в течение четверти века, был впервые издан в 1917 г. и приобрел большую популярность у слушателей тех лет.

Издание его именно в 1917 г. было далеко не случайным. Сам автор недвусмысленно указывал на это во введении ко второму изданию курса, так как считал, что изучение истории западных славян «прежде всего должно раскрыть и объяснить факт тех народных потерь, которые понесло славянство по соседству с германским миром»[2].

«Автора глубоко волновали вопросы, идущие от современности: как смогли западные славяне в большинстве удержать свою народность под напором чуждых стихий, при помощи каких средств и при содействии каких обстоятельств? Уяснение всего этого для русских, – считает Любавский, – имеет не только «теоретическое», но и жизненное значение, ибо дает возможность оценить должным образом позицию, занятую западными славянами в семье европейских народностей и взвесить до известной степени их шансы в будущем»[3].

Нацеленность работы на современность, продиктованная Первой мировой войной, сказалась даже на расположении материалов внутри курса. Стремление связать настоящее западного славянства с его прошлым заставило М. К. Любавского больше места уделить рассмотрению вопросов новой и новейшей истории Польши и Чехии.

Потребность слушателей русских университетов в учебном пособии такого рода продиктовала необходимость широкого хронологического охвата разрабатываемой проблематики (с VII в. до 1910 г.), привлечения широкого круга источников и литературы. В курсе М. К. Любавского использованы работы более 100 авторов. Включены в него и собственные наблюдения автора, содержащиеся в его статьях по истории Польши[4]. Отличное знание источников по-

---

[1] Обозрение преподавания на историко-филологическом факультете имп. Московского университета за 1899–1900 акад. гг. М., 1899. С. 13.

[2] *Любавский М. К.* История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). 2-е изд. М., 1918. С. 1.

[3] Там же. С. 3–4.

[4] *Любавский М. К.* Начальная история малорусского казачества // ЖМНП. 1895. № 7. С. 217–244; *Его же.* Немецкая колонизация и новое сельское и городское устройство в Польше // Книга для чтения по истории средних веков/ под ред. проф. П. Г. Виноградова. М., 1899. Вып. III. С. 427–447; *Его же.* Польский король Казимир Великий // Там же. С. 442–470; *Его же.* Нешгавские статуты Казимира Ягелловича и значение их в истории государственного развития Польши // Там же. С. 471–493; *Его же.* Отзыв о сочинении А. В. Стороженко «Стефан Баторий и Днепровские казаки», «Отчет о 48 присуждении наград гр. Уварова». СПб., 1908. С. 1–41; *Его же.* Александр I и Польша // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 7. С. 88–104; *Его же.* Царство Польское и его конституция // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1912. Т. III. С. 687–710.

зволяло использовать труды предшественников и современников критически, самостоятельно и четко решать серьезные, конкретные проблемы истории западных славян.

Определенный вклад в науку внесли ценные наблюдения и замечания автора курса по ряду важных вопросов социально-политической истории Польского и Чешского государств. В первых восьми главах курса Любавский рассматривает историю западного славянства VI–IX вв. как историю единого этнического целого, уделяя особое внимание вопросам расселения славян в бассейне Вислы, Одера, Эльбы и Дуная, экономического и социального устройства, борьбы с соседями, создания и форм первоначальных государственных образований. Ученый отмечал огромное влияние торговли на процесс образования в них «общественных классов». Признание этого факта вылилось в четкую, недвусмысленную формулу: «имущественное неравенство повело к изменению социальной структуры западно-славянских обществ» (факторами, способствовавшими этому, были развитие торговли и земледелия, а также обогащение более зажиточной племенной верхушки – панов и князей)[1].

Новым обстоятельством, определявшим социальную эволюцию западнославянского общества с X в., признавалась его напряженная борьба за существование с германской экспансией на Восток. Это содействовало созданию среди западнославянских союзов крупных государственных образований[2], которые ученый охарактеризовал как «патриархальные монархии, опиравшиеся на военно-служилый класс». Опираясь на его силу, княжеская власть овладела народными массами[3]. Введение христианства привело к еще большему усилению роли княжеской власти в политической жизни западнославянских княжеств-государств. В социальной жизни этот момент способствовал выделению нового привилегированного класса – духовенства, получившего от княжеской власти материальные и правовые льготы. Рост прав и материальной мощи церкви способствовал ее превращению «в крупную общественную и политическую силу» [4].

В очерке по истории Чехии IX–XIX вв., огромное влияние на которую, по мнению ученого, оказало экономическое, социально-политическое и культурное воздействие Германии[5], наиболее интересными и верными с позиций современного славяноведения выглядят характеристики чешского реформационного движения в XV–XVI вв. В этом сложном явлении, в котором тесно сплелись религиозные, национальные, социальные и политические интересы чешского общества, исследователь справедливо выделял его экономическую основу (недовольство чехов непрерывным ростом церковного землевладения)[6]. Под

[1] *Любавский М. К.* История западных славян. С. 23.
[2] Там же. С. 24–25.
[3] Там же. С. 41,44–47.
[4] Там же. С. 67.
[5] Там же. С. 92, 94, 106.
[6] Там же. С. 123.

религиозной оболочкой движения ученый видел его социальное содержание: «...народ стекался в Табор в чаянии улучшения не только церкви, но и своего материального положения и с решимостью содействовать этому. Движение охватило и панских крестьян, которые бросали свои хозяйства и шли в Табор, не обращая внимания на угрозы своих панов. И они также увидели в своих оброках и повинностях нарушение Божьего закона»[1]. В социальном антагонизме политических группировок внутри гуситского движения, а не в разногласиях в догматах и обрядах крылась, по мнению М. К. Любавского, главная причина междоусобной борьбы между этими группировками[2].

Доказательными и достаточно полно раскрытыми выглядят выводы исследователя о том, что политика Габсбургов в Чехии в XVI–XVIII вв. была направлена на уничтожение народных вольностей, всех особенностей чешского быта, унаследованных от эпохи самостоятельного существования[3], а также утверждение о росте экономического потенциала страны в XIX в. как основе чешского национального возрождения[4]. Свежим и необычным для того времени воспринималось включение в контекст очерка по истории Чехии главы, показывавшей картину социально-политической жизни страны в новейший период ее истории (конец XIX – начало XX в.), оценки которому даются с либеральных, панславистских позиций[5].

Социально-политическую историю Польши (X–XIX вв.) ученый рассматривал в тесной связи с историей Русского государства. Сравнение политических и правовых институтов феодальных Руси и Польши нередко давало возможность Любавскому делать оригинальные, интересные наблюдения и выводы. Один из них – о наличии феодальных отношений в Польше – новый для того времени, поскольку польская историография длительное время отрицала их наличие в древнем Польском государстве. (Вопрос о феодализме в Польше был поставлен только в 1930-е гг.[6]) Следует отметить, что в своем понимании феодализма Любавский стоял на позициях юридической школы, хотя и неоднократно указывал на экономическую основу политического могущества польских феодалов-«можновладьцев» – крупные земельные владения[7].

Внимательное, мастерское «прочтение» источника позволило М. К. Любавскому указать на главную причину экономического и политического застоя Польши в XVIII в. и потери своей независимости. Это, по мнению ученого, – шляхетская «золотая вольность», тесно связанная с «железным порабощением народной массы»[8]. Эти причины, усугубленные религиозной нетерпимостью,

---

[1] *Любавский М. К.* История западных славян. С. 138.

[2] Там же. С. 142.

[3] Там же. С. 149.

[4] Там же. С. 208.

[5] Там же. С. 228–240.

[6] *Пичета В. И., Шустер В. А.* Славяноведение в СССР за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1942. С. 226.

[7] *Любавский М. К.* История западных славян. С. 247, 250, 268, 251, 270.

[8] Там же. С. 310.

сопровождавшей наступление католической реакции в государстве, а также моральным упадком шляхты, развившимся «на почве полного безделья и барства», привели к тому, что у Польши в XVIII в. осталось «очень мало шансов на сохранение своего существования»[1].

Ученый дал трезвую оценку пребыванию Польши в XIX – начале XX в. под «скипетрами» трех монархий: Пруссии, Австрии и России. Позиция либерального и панславистски настроенного историка диктовала необходимость критики в первую очередь попыток Австрии и Пруссии «онемечить» Польшу. Но далеко не в радужном свете характеризовались и русификаторские потуги царского правительства после 1818 г., когда «реакционный дух, охвативший императора Александра в эту эпоху, проявился и в других сторонах его политики в Польше»[2], превратившейся после поражения восстания 1830 г. в «оккупированный край, имевший особое управление с участием туземцев»[3]. В неприглядном для царского правительства свете исследователь показал реакционные усилия самодержавия по русификации Польши в 60–80-е годы XIX в.

«История западных славян» стала для исторической науки того времени не только ценным учебным пособием, но и во многих его разделах оригинальным научным исследованием (вопросы о классообразовании и создании государств у западных славян, о взаимоотношениях германцев и славян, о польском феодализме и характере реформационного движения в Чехии). Превосходное знание источников и литературы позволило ученому нарисовать яркую, четкую картину истории правовых и политических институтов Чехии и Польши. Многие конкретные наблюдения и выводы Любавского по вопросам истории западного славянства неоднократно использовались в работах советских славяноведов.

Выдающиеся заслуги ученого в области отечественного славяноведения, в то время когда история западных славян оставалась еще, по выражению Г. А. Ильинского, «золушкой исторического исследования», дают возможность оспорить историографический «канон», который трактует М. К. Любавского как историка «одной темы» (история Великого Княжества Литовского)[4]. Нельзя не учитывать то огромное научное значение, которое имел курс в контексте своей эпохи, не принимать во внимание тот факт, что «История западных славян» стала учебником для нескольких поколений русских и советских славяноведов (в их числе ученик М. К. Любавского – выдающийся советский славяновед академик В. И. Пичета).

Лекционные курсы М. К. Любавского по истории феодальной России[5] с очевидностью обнаруживают, что в условиях кризиса российской историче-

---

[1] *Любавский М. К.* История западных славян. С. 316.

[2] Там же. С. 385.

[3] Там же. С. 397.

[4] Историография истории СССР. 2-е изд. М., 1971. С. 310.

[5] *Любавский М. К.* Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М., 1915 (2-е и 3-е изд. этого курса вышли в 1916 и 1918 гг.); *Его же.* Русская история XVII и первой четверти XVIII вв. Курс, читанный в весеннем семестре 1911 г. М., 1911; *Его же.* Русская история XVIII века (По запискам слушателей). М., 1913.

ской науки развитие ее в начале XX в. не прекращалось, а в рамках разработанных концепций исторического развития отдельные его стороны находили верное освещение[1].

Между тем положение в стране в эти годы было весьма сложным и трудным. Коррупция, спекуляция, развал власти, близорукость царя, происки германофилов с царицей во главе – все это привело к тому, что М. К. Любавский, «умеренный из умеренных», в своей речи на Совете университета 26 ноября 1916 г. подверг критике существующее положение вещей, а затем решился на «чтение телеграммы Родзянко с пожеланиями Государственной Думе одержать верх в борьбе с темными силами в защиту национального достоинства России»[2]. Февральскую революцию Любавский принял как должное и закономерное явление[3]. Скептически наблюдая за попытками Временного правительства обуздать ход событий, ведущих к новой революции, он считал, что Временному правительству судорожные усилия спасти буржуазную республику помогут как «мертвому припарки»[4]. Любавский оценивал грядущие события пессимистично и глубоко переживал их как ведущие, по его мнению, государство к гибели[5].

Еще в марте 1917 г. М. К. Любавский решил устраниться от административной деятельности. 29 апреля 1917 г. ректором Московского университета был избран М. А. Мензбир (Любавский свою кандидатуру не выдвигал)[6]. С этого времени он целиком посвятил себя преподавательской деятельности.

Советский период жизни и творчества (1917–1936 гг.). М. К. Любавский, как и большинство либеральной профессуры, воспринял враждебно Октябрьскую революцию, круто изменившую не только жизнь страны, но и личную судьбу[7]. Пятидесятисемилетнему маститому историку, добившемуся благодаря незаурядным способностям и огромной работоспособности высокого положения в ученой среде, тяжело было переживать крушение мира своих социальных и политических ценностей. Тем не менее он не бросал работу в университете и призывал русскую интеллигенцию «не уходить в сторону в тяжелый для Родины час»[8].

Основной работой ученого после революции стала деятельность в архивах республики. Университету он теперь уделял значительно меньше времени. В июле 1918 г. М. К. Любавский принимал участие в совещании Наркомпроса по реформе высшего образования[9].

---

[1] *Любавский М. К.* Лекции... С. 65, 70, 73, 74, 81, 85, 88, 90–95, 101–103, 111–123, 146, 151–152, 164–171, 182–183, 217–220, 237, 255, 260–278.

[2] ОР РГБ. Ф. 263. Д. без шифра (Савин А. И. Университетские дела. 1916). С. 255.

[3] ОПИ ГИМ. Ф. 442. Д. 4. Л. 225 об.

[4] Там же. С. 337.

[5] Там же. С. 252, 325.

[6] ЦГА, Москва. Ф. 418. Оп. 95. Д. 926. Л. 1 об., 13.

[7] ОР РГБ. Ф. 585. Оп. 2,*а* 1196. Л. 3О.

[8] *Любавский М. К.* Основные моменты истории Белоруссии (доклад, читанный на I заседании Белорусского научно-культурного общества). М., 1918. С. 23.

[9] ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 18. Ед. хр. 28.

В конце марта 1919 г. Матвей Кузьмич был избран на конкурсной основе профессором факультета общественных наук (ФОН) МГУ (43 голоса – за, 1 – против)[1], а фактически начал работать с сентября 1919 г.[2], когда было решено «просить профессора Любавского читать курс по истории Киевской Руси, ввиду того, что профессор Любавский является крупнейшим специалистом в данной области и подходит к ее изучению с новой и оригинальной точки зрения»[3]. В 1919–1920 гг. Любавский планировал начать чтение лекций по истории русской колонизации, истории Литовско-Русского государства и западных славян[4]. Насколько эту программу удалось осуществить, сведений не имеется, поскольку в те годы в 1-м МГУ часто меняли не только руководящий, но и преподавательский состав.

Политика Наркомпроса, указывал В. П. Волгин, «по отношению к ФОНу исполнена противоречий и колебаний: ответственные лица Наркомпроса то заявляли о государственной важности факультета, то о возможности его закрытия»[5]. Эта тенденция особенно усилилась с сентября 1920 г., когда во главе МГУ был поставлен «левый коммунист» Д. П. Боголепов, часто увольнявший университетских профессоров лишь за то, что они «старые»[6]. Только в мае 1921 г., когда новым ректором стал пользовавшийся авторитетом среди университетских преподавателей историк-коммунист В. П. Волгин, учебная и научная работа в вузе нормализовалась.

В 1920-е гг. М. К. Любавский читал в университете лекции по истории Великого Княжества Литовского, истории России XVIII в. и исторической географии. К 1927 г. он подготовил исследование «Образование государственной территории великорусского племени. Заселение и объединение центра», к 1929 г. – «Историю архивного дела в дореволюционной России в связи с историей учреждений»[7] (вторая работа, к сожалению, не опубликована). Настроения новой преподавательской среды повлияли на политические взгляды Любавского и его лояльное отношение к советской власти. В это время у Любавского завязались плодотворные деловые и личные отношения с В. И. Невским и А. В. Адоратским, с которыми Матвей Кузьмич был тесно связан и по работе в Центрархиве. Сохранился проспект намечаемой работы тех лет – «Русский кризис, его генезис и перспективы». Это своего рода исследование-раздумье ученого о причинах революции в России, в котором он попытался показать социальные и культурно-бытовые противоречия в дореволюционной России, противоречия, которые «были более резкими, чем в какой-либо другой европейской стране»[8].

---

[1] Архив МГУ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 14. Л. 11; Д. 10. Л. 33.
[2] Там же. Д. 12. Л. 85–85 об.
[3] Там же. Д. 7
[4] Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.
[5] Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 15. Л. 4–5.
[6] *Федюкин С. А.* Великий Октябрь и интеллигенция. С. 325–326.
[7] ОР РГБ. Ф. 364. Оп. 1. Д. 13. Л. 2, 3.
[8] Там же. Д. 39. Л. 11.

Ученый стремился понять и решить мучивший его вопрос – как и почему произошли события, перевернувшие жизнь огромной страны.

Будучи великолепным знатоком исторической картографии, М. К. Любавский принимал участие в качестве эксперта-консультанта в работе по заключению мирного Рижского договора РСФСР с Польшей[1]. В тяжелые и голодные для страны годы Матвей Кузьмич не покинул Россию, несмотря на то что получал неоднократные предложения выехать в Польшу и Германию, а также в Литовскую Республику, где труды историка ценились очень высоко[2].

Помимо преподавательской работы в 1-м МГУ, Любавский продолжал свою деятельность в качестве председателя ОИДР вплоть до его закрытия в 1929 г.[3] В 1925 г. Общество пополнилось новыми работниками – еще сравнительно молодыми, начинающими свой творческий путь учеными – И. И. Полосиным, Н. М. Дружининым, Б. Е. Сыроечковским, Г. А. Новицким, К. В. Базилевичем, К. В. Сивковым, С. Н. Черновым, С. Д. Сказкиным, М. Н. Тихомировым и Л. В. Черепниным[4]. Но несмотря на это, ОИДР вести работу в прежних масштабах не смогло. В Обществе Матвей Кузьмич не раз выступал с научными рефератами («К истории колонизации Малорусской Украины» «Возвышение и присоединение Великого княжества Владимирского», «Кто был Михайло Литвин, написавший в половине XVI века трактат "О нравах татар, литовцев и московитов"» и «Славяне и Литва в XI–XII вв.»)[5].

Интенсивную научно-исследовательскую и педагогическую деятельность в эти годы ученый сочетал с огромным подвижническим трудом в архивном деле. В этой области после победы Октября были созданы широкие возможности для осуществления полной его централизации. До 1920 г. М. К. Любавский являлся постоянным членом коллегии и заместителем заведующего Главного управления архивными делами (ГУАД) Д. Б. Рязанова[6]. Активную деятельность на архивном поприще Матвей Кузьмич начал с весны 1918 г., когда он возглавил Московское отделение ГУАД (Московское областное управление архивным делом). При его создании были использованы основные положения доклада «Об организации московских архивов», прочитанного М. К. Любавским на коллегии ГУАД[7]. Особое внимание в это время он уделял задаче спасения материалов московских учреждений XIX – начала XX в.[8] Матвей Кузьмич редактировал проект «Декрета о хранении и уничтожении архивных до-

---

[1] ОР РГБ. Ф. 364. Оп. 1. Д. 13. Л. 30.

[2] Там же. Ф. 203. Оп. 43. Л. 222, 224–225 об., 229 об.

[3] Отчет о состоянии и действиях 1-го Московского гос. университета за 1925–1926 гг. М., 1927. С. 343.

[4] ОР РГБ. Ф. 203. П. 48. Л. 52, 226 об., 362.

[5] ОПИ ГИМ. Ф. 442. Д. 37. Л. 37.

[6] ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 39. Л. 6–6 об.

[7] Там же. Оп. 4. Д. 3. Л. 3–6.

[8] ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 22; О деятельности М. К. Любавского в архивных органах РСФСР см.: *Карев Д. В.* Участие акад. М. К. Любавского в советском архивном строительстве // Сов. архивы. 1978. № 2. С. 31–34.

кументов», в декабре 1918 г. его замечания были заслушаны коллегией ГУАД. Ученый предложил распространить законодательство по обсуждаемым вопросам на местные архивы, наметил общую схему проведения архивной реформы на местах (создание губернских управлений архивными делами). Эти предложения были поддержаны и приняты коллегией ГУАД[1]. В 1918–1919 гг. работа ученого в области архивного строительства была связана также с деятельностью научно-издательской комиссии ГУАД, созданной с целью централизации издания архивных публикаций и руководства в методическом плане публикаторскими учреждениями РСФСР[2]. Он неоднократно высказывался за необходимость издания в первую очередь документов и актов Нового времени, имеющих первостепенное научное и политическое значение (докладов шефов жандармов, министров юстиции и внутренних дел царю, материалов о восстаниях Степана Разина, Емельяна Пугачева, о декабристах и др.)[3].

Практика советского архивного строительства требовала теоретического обобщения накопленного опыта. Эту работу М. К. Любавский вместе с В. М. Фриче, А. А. Сергеевым проводил в научно-теоретической коллегии (НТК) Главархива[4] (руководитель – В. В. Адоратский). Ученый занимался распределением архивных собраний и фондов дореволюционных учреждений по секциям и внутри них[5], вопросами концентрации документов монастырских и усадебных архивов[6]. Включение этих материалов в состав государственных архивов имело большое значение в деле создания первоклассной источниковой базы научных исследований по истории хозяйства феодальной России.

Будучи заместителем председателя поверочной (председатель – В. И. Невский) и научно-технической (председатель – В. В. Адоратский) комиссий, М. К. Любавский принимал деятельное участие в разработке проблем экспертизы ценности, учета, описания и хранения документов[7].

Под руководством М. К. Любавского в 1920-е гг. проводится большая работа по приведению в порядок и описанию документальных сокровищ в Древлехранилище, директором которого он был с 1920 по 1930 г. (упорядочение 700 грамот Коллегии экономии, составление топографического указателя книг и связок Разрядного, Патриаршего, Дворцового приказов и Сената, выявление для публикации документов по истории стрелецких восстаний XVII в. и восстания под руководством С. Разина)[8].

Любавский неоднократно применял свои обширные и глубокие познания в области архивоведения, источниковедения и исторической географии как эксперт ряда правительственных комиссий. В 1922 г. – в комиссии по реали-

---

[1] ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 4. Д. 112. Л. 8–14.
[2] Там же. Оп. 5. Д. 100. Л. 2–2 об.
[3] Там же. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 37. Л. 9, 12–13.
[4] Архивное дело. М.; Л., 1925. Вып. 2. С. 129–130.
[5] ГАРФ. Ф. 4360. Оп. 1. Д. 4. Л. 17–25.
[6] Там же. Ф. 5325. Оп. 2. Д. 42. Л. 1–1 об.; Д. 170. Л. 1, 2, 13–15, 28, 29, 123 об. – 124.
[7] *Максаков В. В.* Архивное дело в первые годы Советской власти. М., 1959. С. 62.
[8] Архивное дело. Вып. 2. С. 130; Бюллетень Центрархива РСФСР, 1925–1927. М., 1927. С. 130.

зации условий Рижского мирного договора, в 1925 г. – в комиссии по передаче союзным республикам (УССР и БССР) материалов, хранящихся в РСФСР, и др.[1]

Огромный вклад внес ученый в подготовку специалистов архивного дела. Еще в августе 1918 г. на заседании ОИДР он сделал сообщение об организации архивных курсов[2], а с ноября 1918 до 1930 г. руководил их работой, читал лекции по исторической географии и истории архивного дела в России[3].

Достигнутые успехи позволили уже в 1921 г. поставить вопрос об организации специального архивного вуза. На 1-й конференции архивных деятелей РСФСР М. К. Любавский выдвинул разработанный им проект организации в Москве и Петрограде двух архивно-археографических институтов. Проект получил положительную оценку участников конференции, и последующая разработка этих вопросов была поручена специальной комиссии[4].

Созданный в 1929 г. при этнологическом факультете 1-го МГУ архивный цикл выступил своего рода промежуточной ступенью между архивными курсами и будущим институтом. М. К. Любавский читал его студентам лекции по истории архивного дела в России, вел семинарские занятия. Для слушателей курсов и студентов архивного цикла он написал учебное пособие «История архивного дела в России»[5], в котором рассматривалась история происхождения и функционирования архивов центральных и местных государственных учреждений страны с X по XX в.[6] Появление в 1920 г. «Исторического очерка архивного дела в России» И. Л. Маяковского, а в 1929 г. – курса М. К. Любавского было делом, тесно связанным с практикой архивного строительства. Чтобы привести все многообразие документов в систему, соответствующую их исторической природе и в то же время отвечающую требованиям их использования, нужны были знания о составе и организации архивных богатств страны.

Научная общественность высоко оценила заслуги ученого как в деле разработки крупных проблемных вопросов отечественной истории, так и громадную работу на архивном поприще. В 1929 г. М. К. Любавский был избран действительным членом АН СССР по отделению общественных наук[7].

В августе 1930 г. ученый подвергся необоснованным репрессиям и был лишен звания академика[8]. Матвей Кузьмич был арестован по делу «О контр-

---

[1] ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 5. Д. 14. Л. 66; Оп. 7. Д. 174.

[2] *Карев Д. В.* Участие акад. М. К. Любавского в советском архивном строительстве // Сов. архивы. 1978. № 2. С. 31–34.

[3] РГАДА. Ф. 184. Оп. 2. Д. 109. Л. 2.

[4] Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу. М., 1921. Вып. 2. С. 6, 36; ОРГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 9. Л. 1–6.

[5] Архивное дело. М., 1923. Вып. 1. С. 120–130.

[6] ОР РГБ. Ф. 364. К. 11. Д. 11, 12; Архив МГУ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 98. Л. 53; Архивное дело. М., 1927. Вып. X. С. 28; Специально о нем см.: *Карев Д. В.* История отечественного архивоведения в творческом наследии академика М. К. Любавского // Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980. С. 89–90.

[7] Архив РАН, Санкт-Петербург. Ф. 2. Оп. 17. Л. 1–2, 166.

[8] Там же. Л. 41, 43.

революционных замыслах» академиков и профессоров истории. После года предварительного заключения, десятков дневных и ночных допросов ему объявили постановление коллегии ОГПУ, по которому он признавался виновным сразу по нескольким пунктам 58-й статьи Уголовного кодекса и приговорен к ссылке на 5 лет с зачетом предварительного заключения.

Раскрученный с осени 1929 г. репрессивный маховик так называемого «дела академика С. Ф. Платонова» затянул в свой трагический водоворот к лету 1930 г. цвет российской исторической науки: в Петербурге – С. Ф. Платонова, Н. П. Лихачева, Е. В. Тарле, Б. А. Романова, П. Т. Васенко, С. В. Рождественского; в Москве – М. К. Любавского, Ю. В. Готье, Д. Н. Егорова, А. И. Яковлева, В. И. Пичету, С. В. Бахрушина. Дело об «академических вредителях», практически не сходившее со страниц печати, ясно показывало, что ни о каком объективном следствии «по делу Платонова» не могло быть и речи. В атмосфере вражды и подозрительности к «старой» интеллигенции, открыто обвиняемой во «вредительстве», следователи ОГПУ усмотрели в группе ученых крупную контрреволюционную организацию, которая ставила своей целью ни много ни мало «свержение Советской власти и установление конституционно-монархического строя в стране»[1].

В январе – феврале 1929 г. вместе с М. К. Любавским действительными членами АН СССР были избраны 38 человек. Многие из них стали гордостью отечественной науки – биохимик А. Н. Бах, биолог Н. И. Вавилов, геолог И. М. Губкин, химик Н. Д. Зелинский, энергетик Г. М. Кржижановский, геолог и географ В. А. Обручев, агрохимик Д. Н. Прянишников, оптик Д. С. Рождественский, химик-органик А. Е. Фаворский...

Судьбы избранников этого академического призыва сложились по-разному. Одних ждали признание и почет, премии и награды, долгая прижизненная и посмертная слава. Но среди этой славной когорты есть и другой список. В 1940 г. были репрессированы и погибли историк Н. М. Лукин, микробиолог Г. А. Надсон, тюрколог А. Н. Самойлович, а еще через три года в сталинском лагере оборвалась жизнь гениального Н. И. Вавилова.

Открыл этот трагический ряд своей ссылкой в 1930 г. старый профессор-историк, бывший ректор Московского университета М. К. Любавский. После застенков ОГПУ уфимская ссылка с ее возможностями пусть ненадежного, но спасительного ухода от кошмара действительности в работу могла показаться чудом. Последний период жизни М. К. Любавского был связан с Уфой. В Институте национальной культуры Любавский проработал научным сотрудником с 1932 по 1935 г.[2]

В уфимский период ученый занимался новыми для него проблемами – историей аграрных отношений и социальных движений в дореволюционной

---

[1] См.: *Брачев В. С.* «Дело» академика С. Ф. Платонова // ВИ. 1989. № 5. С. 117–129.

[2] Научный архив БФ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 1. Л. 12; Д. 2. Л. 16 об.; ЦГА Республики Башкортостан. Ф. р. 798. Оп. 1. Д. 2626; ОР РГБ. Ф. 364. К. 8. Д. 2; Семейный архив В. М. и Г. В. Ливановых // Там же.

России. Были написаны интересные монографии о вотчинниках Башкирии, «Очерки по истории башкирских восстаний XVII–XVIII вв.», где исследовались многие из ключевых проблем истории феодальной Башкирии.

Поднятый и введенный в научный оборот в этих монографиях пласт местной источниковой «целины» чрезвычайно повышает их ценность. Плохое состояние местной источниковой базы по истории феодальной Башкирии сделало особенно актуальной необходимость публикации капитального исследования ученого по истории землевладения и землепользования в крае и двух подготовленных им к печати сборников документов по социально-экономической истории Башкирии XVII–XIX вв.

М. К. Любавскому принадлежит приоритет в постановке ряда крупных проблем, изучение которых продолжается исследователями и в наши дни. Ученый задумал цикл исторических очерков по дореволюционной истории Башкирии. Многое было сделано, но многое осталось в набросках и планах. 22 ноября 1936 г. М. К. Любавский скончался в Уфе, где и был похоронен.

В августе 1967 г. дело по обвинению М. К. Любавского об участии в «контрреволюционном заговоре» было пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР. Ученый был реабилитирован посмертно. В сентябре этого же года ввиду того, что действительный член Академии наук Матвей Кузьмич Любавский был реабилитирован, Президиум АН СССР принял постановление: «Восстановить Любавского М. К. в списках действительных членов АН СССР». М. В. Келдыш в личном письме поздравил В. М. Ливанову с реабилитацией ее отца[1].

---

[1] Семейный архив В. М. и Г. В. Ливановых.

ИСТОРИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ В ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТРУДАХ М. К. ЛЮБАВСКОГО И ЕГО ЛЕКЦИОННЫХ КУРСАХ начала XX в.

Проблемы исторической географии России и расселения в трудах 1900-х гг. Методологической базой историко-географических исследований в русской историографии конца XIX – начала XX в. являлись позитивистские теории, которые получили обоснование прежде всего в широко распространенных среди историков России конца XIX – начала XX в. (П. Н. Милюков, М. М. Ковалевский и др.)[1] идеях немецкой антропогеографии. Эти идеи в значительной степени обусловили повышенный интерес к исторической географии – научной дисциплине, для которой вопросы взаимодействия природы и общества в прошедшие эпохи являются центральными.

Русских историков-«государственников» эта наука привлекала потому, что историко-географический аспект изучения прошлого давал возможность, по их мнению, добывать точные знания о прошлом, поскольку историческая деятельность находит объективное отражение в источниках по исторической географии (акты, географическая номенклатура, данные археологии, исторического языкознания и т. д.). Разрабатывая проблемы исторической географии, «государственники» второго поколения искали дополнительные аргументы в защиту основных положений «государственной» теории. Из двух частей «формулы государства» у позитивистов – «власть плюс территория» – в историко-географических исследованиях конца XIX – начала XX в. на первый план выходит именно вторая. Эти работы ставили своей целью исследовать «материальный фундамент» государственной власти для обоснования закономерности появления такого института, как государство.

Возросший интерес к исторической географии, совершенствование приемов историко-географического изучения объясняются рядом причин не только социально-политического, гносеологического характера. Влияли и внутренние законы развития самой исторической науки. Историко-географическое изучение страны было связано с общей тенденцией специализации исторических исследований во второй половине XIX в. В 1870-е гг. стремление к изучению «областной», местной истории в историко-географическом разрезе определяло пристальный интерес к вопросам формирования территории, внутренней колонизации, поскольку, по мысли С. М. Середонина, одного из

[1] *Середонин С. М.* Историческая география. Лекции, читанные в СПб. Археологическом институте и стенографически записанные. СПб., 1906–1909. С. 5.

видных представителей этого течения, «история окраин есть в то же время история колонизации»[1].

Исходным положением при построении курса исторической географии, доведенного Любавским до конца XIX в., было признание выдающейся роли колонизации в формировании государственной территории России. Основная задача автора – доказательство на конкретно-историческом материале тезиса о том, что русская история есть история непрерывно колонизующейся страны.

Главные концептуальные положения В. О. Ключевского о ходе, особенностях русской колонизации и ее влиянии на экономический и общественный быт русского народа были той основой, на которой выросли конкретно-исторические наблюдения М. К. Любавского. Значительное влияние на теоретическую основу курса оказали также идеи о характере русского исторического процесса в XIII–XVI вв., которые он развивал в это время параллельно с П. Н. Милюковым[2]. Наиболее полно они изложены во введении к курсу[3]. «В истории колонизации, – считал Любавский, – надо искать объяснение политическим делениям Руси в разное время... и объяснение разнообразию экономической деятельности русского народа в течение его истории, ибо многое тут зависело от занятий новых стран с новыми видами естественных богатств. Наконец, и племенное разнообразие уясняется из истории расселения русского народа»[4]. Таковы «внешние», по выражению Любавского, соображения, которые заставляют его связывать историю России с историей колонизации. Но еще важнее соображения «внутреннего» свойства, вытекающие из понятия об основной научной задаче исторической географии – «выяснение влияния внешней природы на человека», изучение борьбы человека с ней, ее результатов.

Для историка главный вопрос истории колонизации страны – это вопрос о том, как и почему русский народ «разбросался» на территории, далеко не соответствующей его численности. По его мнению, этот фактор для России стал сильным тормозом в ее культурном развитии, в экономическом, умственном и гражданском преуспевании[5].

Трактовка причин контраста между Россией и Западом, между «верхами» и «низами» русского общества, объяснение характера и формы политического устройства страны свидетельствуют о приверженности М. К. Любавского положениям «государственной» школы. Он считает закономерной для России XIV–XVIII вв. такую политическую форму государства, как самодержавие. В объяснении причин «непомерного развития» государственной власти Любавский исходит из развивавшихся им одновременно и параллельно с П. Н. Ми-

---

[1] *Мацков Л. Н.* Заметки по географии Древней Руси. М., 1974. С. 17–18.

[2] *Любавский М. К.* Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909. С. 12.

[3] Там же. С. 78.

[4] Там же.

[5] *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. 4-е изд. СПб., 1905. С. 148, 139; *Любавский М. К.* Историческая география России… С. 11–12.

люковым положений (абсолютизм – следствие необходимости того, чтобы государственная власть взяла на себя заботу об общих интересах «разряженной, а потому податливой массы» народа в период чрезвычайно напряженной военной деятельности)[1].

При создании работы привлекался самый разнообразный и широкий круг научных исследований: по истории колонизации отдельных земель, по исторической географии Древней Руси, литература справочного характера. В тексте курса использованы наблюдения и выводы, почерпнутые из исследований видных отечественных антропологов и этнографов (Д. Н. Анучин, Г. Н. Потанин и др.), археологов (А. С. Уваров, А. А. Спицин и др.), языковедов (А. А. Шахматов, В. Ф. Миллер, К. Р. Брандт), географов (П. П. Семенов Тян-Шанский, А. А. Воейков, Л. И. Мечников, Л. Н. Майков), почвоведов (В. В. Докучаев, Ф. И. Рупрехт), экономистов (А. А. Риттих, А. А. Кауфман).

Привлекался огромный массив источников из всех основных отечественных и зарубежных (немецких, польских, венгерских) изданий XIX в. Широко использовались картографические источники XV–XIX вв., данные топонимики. Исследователю удалось реконструировать исторические факты, картины колонизационных процессов с помощью умелого использования, детального сравнения данных разнотипных источников об одном и том же событии, исторической ретроспекции.

В историко-географическом обозрении России, которое дал М. К. Любавский, охвачены огромные территории: Вологодский и Архангельский край, Дон, Кубань, Терек и Левобережная Украина, Поволжье, Сибирь, Урал, Казахстан и Дальний Восток. Историю колонизации этих районов он рассматривал не столько в хронологическом порядке, сколько по направлениям «колонизационных потоков».

В 24 главах исследования содержится богатейшая россыпь конкретно-исторических наблюдений: о причинах, источниках, формах, путях, особенностях, темпах русского колонизационного процесса на различных этапах исторического пути России. Вопросы эти М. К. Любавский решал очень гибко, убедительно показывал и доказывал, что в зависимости от конкретно-исторических условий, в которых находилась страна, от целей и задач, стоявших перед народом и государством в освоении определенного географического района, преобладала та или другая форма («вольнонародная», «правительственная», «монастырская»)[2].

Материал работы можно сгруппировать в 6 основных разделов по двум основаниям:

1) характер колонизационного движения («внешняя» или «внутренняя» колонизация), который прослеживался в тесной связи с социально-экономическим и политическим контекстом рассматриваемого исторического периода;

---

[1] *Любавский М. К.* Историческая география России… С. 68, 177–178, 205, 235, 275, 289, 295.
[2] Там же. С. 131.

2) его форма, зависимость которой от породившей ее исторической действительности отмечается историком на протяжении всего курса[1].

Первая из тем, которую можно назвать условно «Историческая география Древней Руси» (IX – первая треть XIII в.), освещается в 10 главах работы. Для этого периода характерна «внешняя» (экстенсивная) колонизация восточнославянскими племенами, а затем населением древнерусских княжеств северо-западных и северо-восточных районов Восточной Европы.

Причины, породившие интенсивное освоение Северо-Восточной Руси, по мнению ученого, носили комплексный характер. Первая из них – более высокий естественный прирост населения «на спокойном севере», где оно не встречало таких препятствий, как «на опасном юге». Вторая – «прилив» населения с юга, обусловленный натиском кочевников (печенегов, половцев) и частыми разорительными усобицами князей. Третья – влияние характера хозяйственной деятельности древнерусского населения (экстенсивное земледелие, рыбная ловля, охота, бортничество), которая заставляла его «раскидываться мелкими поселками на большом пространстве». И, наконец, четвертая – «благоприятная этнографическая обстановка» на севере[2]. Продвижение это происходило не без борьбы колонистов с аборигенами, но «нередко устанавливалось и мирное сожительство славян с финнами, которое, весьма вероятно, уже в древнейшие времена вело к их смешению»[3]. Этими факторами можно объяснить, считал Любавский, резкое усиление в конце XII – начале XIII в. Галицко-Волынского и Владимиро-Суздальского княжеств.

Изучение вопросов политической географии и географии населения Древней Руси IX–XIII вв. ученый увязывал не только с социально-экономическим и политическим фоном изучаемой эпохи, но и ее физико-географической основой. В главе IV курса («Степь и лес в начальные времена русской колонизации») Любавский на основе почвенных карт Европейской России и географической номенклатуры реконструировал ландшафт Восточной Европы XI–XIII вв. «Русская оседлость, – писал историк, – кончалась там, где кончались более или менее значительные леса и начиналось царство степи. Распределение же растительности в связи с соотношением речных систем определило и внутреннее размещение русского населения в древнейший период нашей истории». Этот вывод выглядит как-будто традиционно, в русле взглядов Соловьева и Ключевского. Но Любавский пошел дальше:

«Это размещение не было равномерным: русские селения были раскиданы известными группами, как бы островами среди степей, лесов, болот»[4]. Подобная мысль, раскрытая ученым на конкретно-историческом материале, привела его к интересному выводу, своеобразно объяснившему политическую «рознь в Древней Руси, отсутствие политического единства, деления по зем-

---

[1] *Любавский М. К.* Историческая география России… С. 38, 39, 91, 120, 124.

[2] Там же. С. 125.

[3] Там же. С. 74.

[4] Там же. С. 85.

лям и княжениям», которые «вытекали из одного и того же факта – физического пространственного разобщения различных групп русского населения»[1].

При изображении природы страны Соловьев и Ключевский, как известно, считали, что равнинный характер России, отсутствие внутри нее естественных преград и близость расположения крупных речных бассейнов способствовали государственному объединению[2]. Любавский же показывает, что внутри страны имелись мощные естественные преграды (дремучие леса, обширные болотные трясины), которые серьезно затрудняли общение проживавшего в Руси населения. Отсюда следовал принципиальный вывод о том, что природа страны с самого начала нашей истории «вовсе не содействовала образованию на Руси единого и тесно сплоченного государства, а, наоборот, обрекла русское население на более или менее продолжительное время сгруппироваться в мелких союзах, тяготеть к местным средоточиям, проникаться местными привязанностями и интересами»[3]. Вывод подтверждался и аргументами из области «экономического быта» русского населения того времени: тесная связь земельного владения с охотничьим, рыболовным и бортническим промыслами приводила к тому, что расселение русского народа не «могло быть поступательным движением густой массы народа, но совершалось вразброд, мелкими группами на более или менее далекое расстояние»[4].

Любавский считал, что в теории «городовых волостей» Ключевского недостаточно подчеркнут географический фактор, действовавший при образовании земель, так как историк не указывал, что земли эти обособлялись в отдельные группы естественно – «лесными пущами и болотными трясинами». Границы земель, по мнению Любавского, были намечены до известной степени самой природой, а не явились результатом случайных политических успехов главных городов земель или их князей. Этот вывод объективно наносил удар по схеме Ключевского в вопросе о «Киевском периоде» русской истории.

Критика эта[5] была попыткой обновить и подкрепить «государственную» схему русского исторического процесса новыми положениями. Они появились в ходе конкретно-исторической разработки тех вопросов, которыми первое поколение «государственников» занималось в общем плане, подходя к их изучению с позиций формально-юридического метода.

Татарские погромы XIII–XIV вв. и их влияние на размещение русского населения (глава XI) – сюжет второй большой темы. В это время «началась новая эпоха в истории русской колонизации, подготовленная задержкой населения в лесной области и сосредоточением народных сил, эпоха обратного на-

---

[1] *Ключевский В. О.* Соч. М., 1956. Т. 1. С. 62.

[2] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1959. Т 1. С. 61; *Ключевский В. О.* Соч. Т. 1. С. 62.

[3] *Любавский М. К.* Историческая география России… С. 86.

[4] *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII стст. СПб., 1901. С. 155, 156–157, 215, 219, 293, 294; *Его же.* Лекции по русской истории. Т. 1: Киевская Русь. М., 1938. С. 9, 137.

[5] *Любавский М. К.* Историческая география России… С. 131.

ступления русского населения в степь, начавшаяся с образования государств Литовско-Русского и Московского»[1].

На основании данных летописей, исторической диалектологии и географической номенклатуры исследователь нарисовал картину размещения восточнославянского населения к середине XIV в. и пришел к новым интересным выводам. Первый из них отмечал принципиальную неверность утверждений о совершенном отсутствии русского населения в Диком поле. Любавский аргументированно утверждал, что «южные пределы русской оседлости претерпели мало изменений по сравнению с тем, как они наметились еще при половцах... а часть населения, которая купила себе пощаду покорностью, была даже вытянута из своих пределов в более южные районы»[2].

Влияние татарских набегов серьезнейшим образом сказалось в другом – в размещении населения в Галицкой Руси, в ее усилении (именно здесь с XIV в. появляется термин «Малая Русь»); в том, что в Ростово-Суздальской земле сбитое на север и запад татарской волной многолюдное население сделало Московское княжество самой крупной политической силой Северо-Восточной Руси[3].

В XIV – начале XV в. этот же прибой татарских волн, задержав распространение русского населения Ростово-Суздальской земли в юго-восточном направлении, заставил определенную его часть искать новые места для земледелия и промыслов на северо-востоке (Белоозеро, Молога, Шексна), что привело, по мнению ученого, к «столкновениям в этом районе со встречной волной новгородской колонизации»[4], а впоследствии (в XV в.) к ожесточенной борьбе между Москвой и Новгородом за эти территории. Так Любавским была дана новая и очень основательная историко-демографическая трактовка давно обсуждавшегося в русской дореволюционной историографии вопроса о причинах «возвышения» Москвы. Она получила высокую оценку в историографии 1910–1920-х гг.[5]

В тесной связи с «татарской эпохой» возникает, согласно Любавскому, новая по форме «ветвь» колонизации – монастырская колонизация Русского Севера и Северо-Востока. Третий очерк историка (главы XII–XIV) содержит наблюдения об условиях, причинах, характере и последствиях для государства этой формы колонизационного движения в России XIV–XVIII вв. В трактовке причины ее появления ученый стоял на позициях идеализации, считая, что она была обусловлена фактором «чисто духовного свойства – стремлением к пустынножительству». Реальная же картина изученного им явления, отдельные оговорки самого ученого противоречат этой установке. Так, он писал, что вслед «за вождями отшельничества многие удалялись в пустыню и по соображениям и потребностям чисто материального свойства» бежали в спокойные места от татарских погромов. Любавский отмечал, что монастырская

---

[1] *Любавский М. К.* Историческая география России…С. 141, 143, 144.

[2] Там же. С. 145, 151, 153–155.

[3] Там же. С. 157, 162.

[4] *Любавский М. К.* Историческая география России… С. 163, 165, 166, 184.

[5] *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. Пг., 1915. С. 143; РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 34. Л. 34.

колонизация обходила районы колонизации княжеской; что монастыри и «тянувшее» к ним крестьянство пользовались экономическими выгодами и льготами[1]. Все это свидетельствовало о социально-экономических причинах этого движения, а отнюдь не о «духовном факторе», будто бы лежавшем в его основе.

Монастыри XV–XVII вв., как можно убедиться из авторского изложения, выступали как мощная экономическая и социальная сила, «формой общественной организации, близкой к казачеству»[2]. Причем ученый отмечал, что монахи разрабатывали свои земли в основном трудом крестьян[3]. Он сделал важные выводы о роли и значении монастырей в заселении России: монастыри не только равномерно «разредили» по Руси ее жителей в XV–XVI вв., но и задержали их в центре страны в период колонизации юга и востока в XVII–XVIII вв.; они же содействовали ассимиляции «инородцев»[4]. Подобные наблюдения до сих пор представляют большой интерес и заслуживают пристального внимания историков и дальнейшей разработки.

Социальная подоплека колонизационного движения хорошо прослежена в 4-м очерке, посвященном заселению и освоению русским населением юго-восточных и южных степных пространств Восточной Европы (Поволжье, Степная Украина, Дон, Урал, Предкавказье). Покорение Казани и Астрахани было «исторической необходимостью» (обеспечение безопасности русских северо-восточных земель от набегов) и «сулило огромные экономические блага», так как Казань и Астрахань играли роль центров восточной торговли[5]. Быстрое освоение завоеванного Казанского царства было бы невозможным, по мнению историка, если бы главная роль в заселении его земель не «принадлежала все-таки крестьянину-земледельцу и мелкому служилому человеку. Они, можно сказать, шли рука об руку, взаимно поддерживая друг друга, мало даже отличаясь друг от друга по роду своей деятельности...»[6] Историк отмечал, что причинами ухода русских людей на окраины выступало не только наличие там плодородных неистощенных земель, «но чаще всего – нужда, невозможность выполнить государственные и частные обязательства, угнетение со стороны властей и землевладельцев...»[7]

Такой же характер (сочетание государственной, военнослужилой и крестьянской форм колонизации) имела, как считал Любавский, и колонизация степной Украины, где «оседлый человек при каждом своем шаге вперед создавал себе опору, твердыню, загораживавший все новыми и новыми перегородками степные шляхи, в конце оттеснил татарина к самому морю»[8]. Освоение этих земель, обильно политых потом и кровью русского крестьянства

---

[1] *Любавский М. К.* Историческая география России… С. 177–178.
[2] Там же. С. 184.
[3] Там же. С. 178, 179, 187, 190.
[4] Там же. С. 209, 210, 237.
[5] Там же. С. 234.
[6] Там же. С. 217.
[7] Там же. С. 255.
[8] Там же. С. 264.

и военно-служилых людей, оборона их от крымцев вместе с потомками ханов и мурзами, по наблюдению Любавского, стоили Русскому государству столько же, если не больше, сколько тот выход, который некогда платила Русь в Орду[1]. Колонизация Предкавказья, как считал ученый, была простым продолжением заселения степной Украины, последним ее моментом, и поэтому носила все тот же характер[2].

Область Дона, в отличие от предыдущих районов, была освоена в XVI–XVIII вв. «вольной народной колонизацией», поэтому правительству осталось только позаботиться о включении в состав государства территории, уже приобретенной инициативой и средствами народа. Успехи колонизации в этих районах историк объяснял особой общественной организацией, приспособленной к условиям жизни в донских краях и особым подбором социальных сил, очень активно устремившихся на Дон с XVII в., когда «государственное бремя тяжелее давило народную массу, чем прежде»[3]. Но и здесь переход казачества в начале XVIII в. к земледелию, а в конце XVIII в. – успехи «государственной» колонизации в крае сгладили бытовые особенности Дона, обусловленные историей его заселения, превратили укрепленные поселки казаков («городки») в типичные села, удержавшие только старинные названия станиц[4].

Пристальное внимание историка привлекала проблема колонизации Сибири в XVI–XIX вв. (главы XV, XX–XXIV), что было не только отражением глубокого интереса к этому краю в русском обществе в начале XX в. Сибирь поражала богатством разнообразных форм ее освоения, позволяла ретроспективно выработать модель колонизационных процессов восточного славянства в Восточной Европе VII–IX вв.[5]

Для создания своего «сибирского очерка» ученый использовал сравнительно небольшой круг литературы, но отличающейся концептуальной емкостью. Критическое использование разнообразного историографического наследия и тщательная проработка источников по истории колонизации Сибири (записки иностранцев XVI – первой половины XIX в.; материалы ревизий и законодательство XVIII–XIX вв.) позволили историку создать цельное полотно истории такого сложного явления, как колонизация Сибири, интересно решить вопросы соотношения форм колонизации, их значения в процессе освоения территорий.

Любавский рассматривал ход колонизации Сибири, предварительно разбив его на ряд этапов (отличающихся по целям и методам освоения края), так как это был сложный и длительный процесс.

Уже на первом этапе колонизации Сибири (XVI–XVII вв.) историк выделил две ее «струи»: «правительственную» и «вольнонародную», отдавая пред-

---

[1] *Любавский М. К.* Историческая география России… С. 288.

[2] Там же. С. 279–280.

[3] Там же. С. 282.

[4] *Багалей Д. И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. С. 131.

[5] *Любавский М. К.* Историческая география России… С. 321, 341.

почтение последней. Для Любавского не подлежало сомнению, что народ – герой колонизации Сибири, которая была освоена не столько благодаря блестящим подвигам, сколько путем поселения служилых людей и крестьян, постройки городов и острожков. При этом подчеркивалась огромная роль частной инициативы торгово-промышленных кругов Русского Севера (городов Поморья и Приуралья), в известной степени стихийный характер освоения Сибири в конце XVI–XVII в.[1] Желание правительства (главной целью которого в этот период было «подчинение инородцев и сбор ясака») удержать за собой занятую богатую территорию совпадало, по мнению Любавского, с интересами народных масс, искавших «лучших условий для своего труда, чем на родине».

Описывая вольнонародную, крестьянскую колонизацию и государственное заселение Сибири «по указу» и «прибору», исследователь определил продвижение русского народа в этом районе как преимущественно мирное. Ценны и интересные замечания Любавского о том, как и какими людьми по социальному и имущественному положению осваивались Сибирь и Дальний Восток, каким был тип расселения и чем он определялся[2].

XVIII – первая половина XIX в. в истории Сибири были, по мнению историка, эпохой «невольной» колонизации, носившей принудительный со стороны правительства характер (в основном – в форме ссылки). Колонизационное значение ссылки для освоения Сибири Любавский считал ничтожным. Уголовная ссылка поставляла нетрудовой контингент, не обеспечивала материального существования ссыльных, обрекая на смерть или бегство из каторжной неволи. Невысоко оценивал ученый и крайне робкую, противоречивую переселенческую политику царского правительства, предпринятую с начала XIX в. как средство перевода избыточного населения из Европейского Центра на восток.

При изучении проблемы нельзя было обойти острый вопрос об этнических последствиях колонизации для аборигенов. К чести ученого, он сумел взглянуть на них трезво, оценив методы эксплуатации края как «грабеж» и причину «вымирания инородцев»[3]. Этот взгляд на национальный вопрос в либеральной историографии России был показателем той эволюции научных ориентиров, когда «великорусские» позиции (учителей С. М. Соловьева, В. О. Ключевского) начинают заменять «российскими»[4].

Характеризуя колонизацию Сибири и Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в., Любавский отмечал «господство экономического фактора» (недостаточный размер надельных земель у крестьянства Европейской России – результат крепостного права и последствий Крестьянской реформы 1861 г., «искусственно задержавших земледельческое население в отдельных

---

[1] *Любавский М. К.* Историческая география России... С. 296, 148–203, 301, 324.

[2] Там же. С. 325–331, 338.

[3] Там же. С. 342–361.

[4] Там же. С. 303, 316, 342.

местностях»)[1] как главную причину переселения. Господствующей формой колонизации Сибири в это время стала, по его мнению, народная колонизация. Исключением были Амурский и Уссурийский края, заселение которых обусловливалось военно-стратегическими и политическими соображениями.

Научные наблюдения и выводы по вопросам колонизации края внесли долю новизны в историческую науку того времени (вопросы о соотношении форм колонизации, составе переселенцев, характере расселения, темпах колонизационных процессов, рассмотрение истории колонизации Сибири в связи с историей заселения других районов страны и др.).

В целом обобщающее исследование М. К. Любавского следует оценить как значительное научное явление, а самого ученого – как виднейшего знатока исторической географии начала XX в. В своем труде историк впервые попытался создать сводный очерк исторической географии страны с точки зрения колонизации, реализовать и существенно уточнить схему В. О. Ключевского, одного из своих учителей, на конкретно-историческом материале.

Рожденная на пересечении научных интересов Любавского с возможностями и запросами времени конца XIX – начала XX в., эта работа несет на себе отпечаток как личности самого создателя, «государственника»-позитивиста либерального направления, так и эпохи. Основные установки «государственной» школы находят у него отражение в трактовке государственной власти феодальной России как силы, действующей в интересах всего общества; подчеркивании активной роли государства при колонизации некоторых районов страны (степная Украина XVI–XVIII вв., Сибирь XIX в.); идеализации монастырской колонизации Русского Севера; недооценке сословных противоречий, которые часто заставляли народные массы осваивать окраинные территории «скорее вопреки крепостничеству, чем в русле его»[2].

По широте охвата затронутых проблем и поднятого источникового материала, по хронологической глубине их рассмотрения (с IX по начало XX в.) исследование Любавского выгодно отличается от историко-географических работ его предшественников и современников. В исследовании ученого ясно намечаются три сферы исторической географии: политическая историческая география, география населения и отдельные аспекты исторической географии хозяйства. Само понимание ученым колонизации как освоения новых территорий прежде всего в хозяйственном отношении заставляло его включать в круг задач исторической географии и историческую географию народного хозяйства.

«Географическая» постановка вопросов применительно к рассмотрению социально-экономических и политических явлений русской истории IX–XX вв. привела историка к новой трактовке ряда ее ключевых проблем. Отличный

---

[1] *Любавский М. К.* Историческая география России… С. 364–365, 377–379.

[2] *Преображенский П. А.* Итоги и задачи изучения Сибири досоветского периода // Вопросы истории. 1972. № 9. С. 170–173; *Колесников А. Д.* С. В. Бахрушин о формах колонизации // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973. С. 177–178.

знаток источников и тонкий их истолкователь, Любавский сделал ряд интересных и важных для анализа политической истории Руси XI–XV вв. наблюдений. Роль географического фактора в политической раздробленности XI–XIII вв., «демографическая» трактовка причины возвышения Москвы как одного из важнейших вопросов образования Московского государства, татарское нашествие и география населения Руси в XIII–XVI вв. – таковы лишь некоторые новые аспекты, рассмотренные М. К. Любавским при решении проблемы особенностей политической структуры Киевской Руси и образования Российского государства.

Курс М. К. Любавского до Октябрьской революции 1917 г. был единственной специальной историко-географической работой, где предпринималась попытка изучения исторической географии России позднефеодального периода (XVIII–XIX вв.), в том числе вопросов колонизации Сибири и Дальнего Востока в контексте колонизации всей страны.

Наблюдения и выводы историка по частным, «специальным» историко-географическим вопросам: соотношение форм колонизации, состав колонистов, характер расселения и типы поселений, темпы колонизационных процессов и др. – вносили не только значительную долю новизны в историографию того времени, но и не утратили своей научной ценности для современных исследователей социально-политической истории феодальной России, специалистов в области исторической географии.

Вопросы истории феодальной России в курсах лекций по истории страны (VIII–XVIII вв.). Лекционные курсы М. К. Любавского по истории феодальной России относятся к той части его творческого наследия, которая не становилась еще предметом специального рассмотрения в советской историографии. Из них в первую очередь заслуживает внимания курс лекций по «Древней русской истории» (до конца XVI в.)[1]. Именно в нем с достаточной полнотой раскрывается общественно-политическое, методологическое и профессиональное кредо ученого.

Первые документальные свидетельства, позволяющие говорить о начале создания курса, датируются 1902 г., когда сравнительно еще молодой историк, утвержденный после защиты докторской диссертации заведующим кафедрой русской истории в Московском университете, начинает читать студентам общие исторические курсы и вести общеобязательные семинары источниковедческого и общеисторического характера.

Из материалов, связанных с этой областью творчества М. К. Любавского, до нас дошли: вступительная лекция к практическим занятиям по русской истории (общее вступление, Начальная летопись, судопроизводство по Русской Правде); семинар 1902/03 учебного года; вступительные лекции семинара по русской истории (1904/05 учебный год), где разбирались источники XV–XVI вв. (Судебники 1497, 1550 и 1598 гг., акты и приказное делопроизводство); рукопи-

---

[1] *Любавский М. К.* Лекции по древней русской истории до конца XVI в. М., 1915. Второе и третье издания этого курса вышли в 1916 и 1918 гг.

си просеминария по русской истории XVII в., где основным разбираемым источником было сочинение Г. Котошихина (1909/10 учебный год); тексты вступительных лекций к семинарию по разбору основных памятников русской историографической мысли (1903/04 учебный год)[1]. Цель этих практических занятий – научить начинающих историков умению получать историческую информацию из источников[2].

Эти материалы позволяют судить о приемах работы ученого с источниками. Прекрасное владение методикой «внешней» и «внутренней» критики при разборе Начальной летописи и других источников, интересное решение вопросов о степени распространенности норм Судебников на территории России, об их соотношении с реальной русской действительностью, ретроспективные экскурсы из века Котошихина в XVI, XV, а то и в XIV век[3]. Все это свидетельство высокого уровня исследовательского и педагогического мастерства историка, находившегося к 1910 г. в расцвете творческих сил. Конечно, решению поставленных задач во многом способствовало привлечение огромного массива источников. Использовались русские летописи XVI–XVII вв., актовый материал из основных русских публикаций конца XVIII–XIX в., Судебники XV–XVI вв., «дворцовые разряды», боярские книги, Уложение 1649 г., записки иностранцев (С. Герберштейн, А. Поссевино, Дж. Флетчер, К. Буссов, А. Олеарий и др.).

Материалы этих семинаров, представлявших собой как бы сплав источниковедения и историографии, легли в основу курса по «Древней русской истории», читавшегося М. К. Любавским в эти годы и впервые увидевшего свет в литографированном издании 1911 г.[4] Широкие хронологические рамки курса и прямо заявленные во введении позитивистские позиции (объективность в интерпретации исторических явлений) обязывали М. К. Любавского использовать гораздо более разнообразный корпус источников, чем в материалах семинарских занятий. Он привлекает дополнительно в курсе работы греческих, римских, византийских и арабских авторов, церковные уставы XI в., хронографы, жития святых, богословские трактаты и полемическую литературу XV–XVI вв., писцовые книги. Широко используется географическая номенклатура. Интересными выглядят попытки использования в источниковедческом и общеисторическом анализе данных из археологических и этнографических источников.

Видовое разнообразие источников заставляло историка брать на вооружение методы смежных наук (исторической диалектологии, археологии, этнографии). В источниковедческой критике М. К. Любавский нередко дает

---

[1] ОР РГБ. Ф. 364. К. 16. Д. 1, 2; К. 1. Д. 1 а, 1 б, 3 а, 3 б, 4; К. 10. Д. 3.

[2] Там же. К. 10. Д. 1. Л. 3–3 об.

[3] *Карев Д. В.* Неопубликованное творческое наследие академика М. К. Любавского // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 304–307.

[4] *Любавский М. К.* Древняя русская история. Курс 1910 г. (По запискам студента Я. С. Ильина. Без редакции лектора). М., 1911.

толкование исторических фактов с помощью анализа эволюции терминологии, отражающей изменение правовых и политических институтов Русского государства. Применяется им и дипломатический анализ актового материала. Данные письменных источников проверяются и дополняются наблюдениями по географической номенклатуре. Ученый применяет сравнительно-исторический и ретроспективный методы (сопоставляет, например, институты Древней Руси, античного Рима и германского общества II–IV вв.; по источникам Западной Руси XV–XVI вв., отразившим массу архаичных черт права и быта Киевской Руси, реконструирует облик Древней Руси).

Но все же в центре внимания у историка были законодательные и актовые памятники. Основным становится доказательство «от факта», добытого из источников, несущих якобы объективную информацию (акты, географическая номенклатура). Именно поэтому «древняя русская история» под пером М. К. Любавского предстает как история ее государственных учреждений, политических и правовых институтов. Неумение или нежелание видеть сословную борьбу в русской истории X–XVI вв. – еще одна характерная черта исторической концепции ученого, которая отразилась в оценках используемых им исторических источников (летописей, хронографов, сказаний). По многим из них он приводит интересные наблюдения конкретно-источниковедческого характера. В частности, жития святых, по мнению Любавского, хотя и содержали много спорного, легендарного, но все-таки имели характер безыскусственного рассказа, довольно верно воспроизводившего различные обстоятельства времени жизни святого, местные условия, черты быта, природы и т. п. Они являются «драгоценными историческими источниками»[1].

Русскую Правду, по мнению М. К. Любавского, никак нельзя признать официальным кодексом. Неясности, противоречия в тексте, «описательная» форма ее статей от третьего лица приводили к мысли, что в Русской Правде представлены не законы в их обычной формулировке, а изложение законов и передача юридических обычаев, действовавших в XI–XII вв., с историческими комментариями о времени и поводах составления той или иной статьи. Отсутствие статей о церковном суде и наличие многих статей о княжеском суде дают основание Любавскому отвергнуть предположение В. О. Ключевского о том, что Русская Правда была составлена для практических целей церковного суда и управления (хотя составляли ее, по мнению Любавского, духовные лица). М. К. Любавский пишет об отсутствии прямых практических целей как причины составления этого источника и приходит к выводу о том, что Правда – это не кодекс законов, а запись обычного права, описание юридических норм, вызванное стремлением русских книжников собрать в одно целое и придать известную законность действующему русскому праву[2].

Изучение курса М. К. Любавского в источниковедческом плане позволяет говорить о тесной связи используемых им приемов исторического исследова-

---

[1] *Любавский М. К.* Древняя русская история... С. 278.

[2] Там же. С. 177–180.

ния, источниковедческого анализа с методологическими основами позитивизма[1], абсолютизацией факта-источника, отождествлением описываемого им события с механическим, зеркальным отражением. В то же время вовлечение им в научный оборот огромного массива исторических источников, наблюдения в области конкретного источниковедения и применение ретроспективного и сравнительно-исторического методов создавали предпосылки для появления в курсе ценных выводов конкретно-исторического характера.

Приверженность позитивистским методологическим установкам прослеживается во всех текстах курсов, как литографированного 1911 г., так и опубликованных в 1915, 1916, 1918 гг. (тексты трех последних фактически тождественны). Текстологическая сверка показывает, что курс 1918 г. можно назвать стилистически-композиционной редакцией курса 1911 г., концептуальных изменений в тексте не наблюдается. Проведена лишь работа по устранению некоторых обобщающих, итоговых формулировок, методологических положений, более резко сформулированных в курсе 1911 г. К ним можно прежде всего отнести декларируемую претензию на объективность в интерпретации исторических явлений: «Мой курс будет чужд всяким притязаниям на построение древней русской истории в духе исторического монизма, как идеалистического, так и материалистического (т. е. марксизма. – *Д. К.*)»[2]. Любавский пишет, что чужд тенденции свести историю «на раскрытие действия одной основной причины, на внутреннюю эволюцию основной причины»[3]. Преклонение перед теорией равнодействующих факторов, заявка на объективность сопровождаются выпячиванием роли политического фактора, поскольку главной задачей является, по его словам, «выяснение генезиса и первоначальной формировки того древнерусского государства, которое послужило ядром теперешней России»[4]. В связи с этим ученый считает важным выяснить эволюцию «внутренних форм на Руси, различных ее политических организаций, которые, в конце концов, привели к монархически-абсолютистской организации Московского государства…»[5]

Эта трактовка роли и места политического фактора в истории, понимание государства как «союза людей под одной верховной властью на определенной территории»[6] типичны для «государственников». Вследствие этого «древняя русская история» под пером М. К. Любавского часто выглядит как история ее государственных учреждений, политических и правовых институтов.

Лекции, изданные в 1915 г., главным образом в учебных целях, М. К. Любавский связывал с «Очерком истории Литовско-Русского государства», с представлениями их автора о ходе истории Киевской Руси, по отношению

---

[1] *Гутнова Е. В.* Место и значение буржуазной позитивистской историографии второй половины XIX в. в развитии исторической науки (по материалам медиевистики) М., 1964. Т. 25.

[2] *Любавский М. К.* Древняя русская история... С. 6.

[3] Там же. С. 5.

[4] Там же. С. 3.

[5] Там же. С. 4.

[6] Там же. С. 88.

к которой Русь Литовская была как бы прямым продолжением, непосредственной преемницей, и о ходе истории Суздальско-Московской Руси как противоположном течении, «хотя и вышедшем из одного литовско-русского исторического русла»[1]. В целом «Очерк...» и «Лекции...» должны были дать «общее построение русской истории во всех главных ее течениях» до конца XVI в.

Концептуальную основу лекций составляли положения «Курса русской истории» В. О. Ключевского[2]. Курс М. К. Любавского, по его собственному признанию, был в некотором роде расширением и дополнением лекций учителя и, наоборот, кратко затрагивал то, что у Ключевского излагалось с особой полнотой и обстоятельностью. Кроме того, у учителя и ученика имелись разные точки зрения по некоторым проблемам отечественной истории. Коррективы, внесенные Любавским, стали результатом его собственных изысканий, использования новых наблюдений в трудах Н. П. Павлова-Сильванского, Н. А. Рожкова, М. А. Дьяконова, А. Е. Преснякова, М. С. Грушевского.

Представления исследователя о русском историческом процессе отразились в данной им периодизации «древней русской истории». В основу выделения узловых ее этапов положены два наиболее значительных, с точки зрения М. К. Любавского, фактора: влияние социально-политических институтов и колонизация[3]. Разумеется, после работ В. О. Ключевского, М. А. Дьяконова, Н. П. Павлова-Сильванского уже нельзя было игнорировать роль экономического и социального факторов. И историк в своем курсе довольно отчетливо выделил вопросы экономической и социальной истории Древней Руси, которым посвящены специальные главы, попытался включить в исходную «государственную» схему результаты новейших специальных исследований А. Е. Преснякова (княжое право), М. А. Дьяконова (старожильство), Н. П. Павлова-Сильванского (закладничество-патронат)[4]. Но в работе они оказались фактически подчиненными фактору политическому, что и предопределяло ее тесную зависимость от исторической концепции В. О. Ключевского.

История Древней Руси, в понимании Любавского, оказалась разбитой на пять основных периодов: I – «догосударственный» (до IX в. (гл. I–VI)[5]); II – время образования и утверждения Великого княжества Русского (IX – начало XI в. (гл. VI–VIII)[6]); III – эпоха «областного строя» (XI – начало XIII в. (гл. IX – XII)[7]); IV – Русь удельная (середина XIII – конец XV в. (гл. XIII–XVIII[8]); V – Русь Московская, единодержавная, абсолютная монархия (конец XV–XVI в.,

[1] *Любавский М. К.* Лекции… С. 1–70.

[2] Там же. С. 11.

[3] *Любавский М. К.* Древняя русская история... С. 42.

[4] *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси. СПб., 1909; *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1912; *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм древней Руси. СПб., 1907.

[5] *Любавский М. К.* Лекции… С. 221–306.

[6] Там же. С. 71–100.

[7] Там же. С. 100–144.

[8] Там же. С. 145–220.

(гл. XVIII–XXIV)[1]). Как видим, в периодизации весьма последовательно брался курс на разрешение главной проблемы работы, намеченный во введении: «выяснение генезиса и первоначальной формировки» Древнерусского государства.

Сопоставление периодизации истории Древней Руси М. К. Любавским с периодизацией В. О. Ключевского позволяет сделать вывод о том, что ученик был гораздо более последовательным «государственником», чем учитель, а понимание Любавским движущих сил русской истории являлось гораздо более узким в сравнении с учителем. Ставка в политике на сохранение в России конституционной монархии, страх перед развалом этого института, потрясенного Революцией 1905–1907 гг., и желание подвести под рушившиеся представления о его незыблемости новые идеологические подпорки – все это объясняет важнейшую особенность курса М. К. Любавского, в котором история Древнерусского государства становится доминантой всей русской истории. Политика вторгалась в историю, направляя перо ученого в сторону той тенденциозности, против которой он выступал на словах.

Однако у Любавского имелся ряд моментов, которые достойны положительной оценки. Это прежде всего понимание ученым истоков древнерусской истории не как начала самого государства. Исходной точкой исторических построений курса стал рассказ об эпохе палеолита на территории Восточной Европы. Наличие у него специальных знаний в области археологии, этнографии и языкознания обусловило более широкое и верное понимание исторических истоков Древней Руси, чем это было свойственно русской историографии начала XX в. Именно поэтому, прежде чем перейти к проблеме образования Древнерусского государства, ученый включает в свой курс ряд лекций, посвященных скифо-сарматскому периоду в истории Восточной Европы, эпохе Великого переселения народов. Они подводили к теме «Общественная организация восточных славян накануне образования Древнерусского государства».

При ее рассмотрении М. К. Любавский вводит еще одну новацию, нетипичную для общеисторических курсов тех лет, – историографический экскурс по теме. Рассматривая социальную структуру восточных славян в VIII в., он подвергает, в частности, специальному разбору существующие по этой проблеме исторические концепции родового быта: Эверса – общинного быта славянофилов; «земскую» – В. И. Сергеевича; задружно-общинную – В. Н. Лешкова; торгового происхождения городовых областей – В. О. Ключевского и др.[2] Проверка версий предшественников привела Любавского к выводу о том, что в каждой из них есть доля истины, каждая из них уловила действительные черты времени, а споры идут лишь из-за того, что дискутирующие стороны

---

[1] *Любавский М. К.* Лекции… С. 221–306.

[2] *Эверс Г.* Предварительные критические исследования Г. Эверса для российской истории / пер. с нем. М., 1825–1826. Кн. 1–2.; *Соловьев С. М.* Исторические отношения между князьями Рюрикова Дома. М., 1847; *Аксаков К. С.* О древнем быте славян вообще и у русских в особенности. М., 1861. Т. 1-М; *Беляев И. Д.* Русская земля перед прибытием Рюрика // Временник МОИДР. Кн. 8; *Лешков В. Н.* Общинный быт древней России // ЗМНП. 1981. Т. 12; *Ключевский В. О.* Боярская Дума Древней Руси. 4-е изд. М., 1909.

совершили методологическую ошибку, стремясь представить свою точку зрения как единственно возможную. Отсюда – упрощение социального быта восточных славян, представление о его однородности, в то время как в действительности он был сложным[1]. Вывод ученого о наслоении в социальной организации восточного славянства к VIII в. особенностей, следов разных эпох, стадий общественного развития[2] согласуется с представлениями, имеющими место в современной советской историографии о многоукладности восточнославянской жизни VIII в. Но вывод Любавского остался незавершенным, он уклонился от ответа на вопрос, какой из укладов был ведущим и представлял тенденцию будущего социально-экономического развития Руси.

Очень осторожный, когда дело доходило до синтеза, Любавский в большей степени умел реализовать себя как исследователя (прекрасное знание источников, высокая источниковедческая культура) в области исторической критики и анализа. Благодаря им историку удалось аргументированно подвергнуть сомнению правомерность тезиса В. О. Ключевского о том, что расселение восточных славян сопровождалось юридическим разрушением родовых союзов[3]. Критика велась прежде всего с источниковедческих позиций. Первой ошибкой учителя Любавский считает неверную, чрезвычайно широкую трактовку источников (договор Руси с греками), на основе которых Ключевский судит о социальных отношениях у восточных славян к началу IX в. Любавский верно отмечает, что эти источники отражают социальные процессы не всей народной массы, а «торговых классов», и поэтому, признавая, что при расселении славян родовой быт должен был разрушаться, считает ошибочной попытку обобщать это явление и распространять его на восточнославянское общество. По мнению историка, разрушение родового быта коснулось только известных (верхушки) слоев общества, но не было общерусским явлением накануне призвания князей[4].

Знание археологической литературы и источников приводило к убеждению, что многочисленные городки восточных славян скорее всего были именно родовыми поселками[5], а специальные историко-географические исследования ученого позволяли утверждать, что в процессе колонизации рушились племенные связи, но не родовые. Причина живучести этого социального организма, по мысли Любавского, заключалась в самом характере колонизации, в ходе которой славяне «по инстинкту» должны были селиться вместе для защиты, так как не было государственной организации, способной их защитить. Наконец, и «экономические побуждения» должны были заставить наших предков селиться вместе («комплексный» характер хозяйства – земледелия,

[1] *Любавский М. К.* Лекции… С. 65.

[2] Там же. С. 70.

[3] *Черепнин Л. В., Пашуто В. Т., Назаров В. Д.* Основные проблемы изучения СССР периода феодализма // Изучение отечественной истории в СССР между XXIV–XXV съездами. Вып. 2: Досоветский период. М., 1985.

[4] *Ключевский В. О.* Соч. М., 1956. Т. 1. С. 117–118.

[5] *Любавский М. К.* Лекции… С. 66–67.

рыбной ловли, охоты, бортничества – требовал усилий сравнительно большого коллектива людей)[1]. Этот сильный критический заряд выбивал источниковедческую основу из-под теории «городовых волостей» Ключевского. Само их наличие в Древней Руси в постановке вопроса, предложенной Любавским, превращалось из господствующего в одно из социально-экономических явлений, характерных для той эпохи.

В лекции о социальном быте восточного славянства в конце VIII – начале IX в. содержалась посылка, помогающая прояснить отношение историка к «норманнской теории». Признанием того, что уже в VI в. на Руси наряду с родовыми союзами и племенами существовали и политические объединения, по существу отрицался основной тезис норманистов о превосходстве скандинавов над славянами, о насаждении первыми государственности и культуры на Руси. И хотя норманны признаются на словах силой, объединившей Русь в конце IX – начале X в., признание это сводится на нет рядом оговорок. Первая имела, так сказать, теоретический характер, была связана с общими представлениями Любавского о причинах и характере возникновения государства как явления внутреннего свойства, здесь, по его словам, «действуют не личные усилия отдельных лиц, **а известные потребности, коренящиеся в самом обществе, могучие, внешние и внутренние причины, создающие известные течения жизни, по которым обыкновенно и плывут уже отдельные лица** (выделено нами. – *Д. К.*)»[2]. Одной из наиболее важных причин, усиливших у восточных славян потребность к единению, исследователь вслед за Ключевским признает внешнюю торговлю. Вследствие того, что военная ее защита, которую восточные славяне имели в свое время от хазар, исчезла, **«им самим пришлось создать себе высшую власть, которая защищала и охраняла»**[3]. И хотя в такой трактовке причин возникновения Древнерусского государства отчетливо сказалась однобокость представления о нем как институте надклассовом, а сама роль экономического фактора в истории была сведена к сфере обмена, все же и она позволяла оценить «норманнское призвание» как явление, не имеющее кардинального значения в становлении русской государственности. Варяжским конунгам пришлось лишь «увенчать крышу политического здания, сооружавшегося местной жизнью»[4]. Подобное толкование «норманнского вопроса» отнюдь не является норманизмом. Современная советская историография также считает, что различные варианты летописного рассказа о так называемом «призвании варягов» отражают исторические события, имевшие место на северо-западе Руси, и что славяно-скандинавский «социальный синтез» имел весомое значение для славянских земель, достигших к X в. высокого уровня политического развития.

[1] *Любавский М. К.* Лекции… С. 68.
[2] Там же. С. 67.
[3] Там же. С. 2.
[4] Там же. С. 73–74, 81.

Хорошее знание источников и внимание к проблемам социально-политического развития позволили М. К. Любавскому высказать интересные соображения. Иначе, чем В. О. Ключевский, оценивал он роль первых русских князей, которые были не только «военными сторожами», но и «устроителями внутреннего порядка»[1]. И хотя создавшееся политическое единство не было крепким, а родившееся государство не являлось еще сплоченным телом, сам факт его существования в X в. не вызвал у историка никаких сомнений. Характеристика политической формы этого государства как «федерации под главенством великого князя»[2] находит поддержку в отечественной историографии[3]. Правда, понимание его социально-экономической основы в XI–XII вв. у Ключевского и следующего за ним Любавского принципиально отличается от концепции, принятой большинством советских историков: у первых это – рабовладение[4], у вторых – феодализм[5].

Из наблюдений над социальной структурой Древнерусского государства X–XI вв. Любавский сделал выводы о существенном ее изменении после «норманнского призвания», начале сословной дифференциации (появление наряду с классами «свободных и рабов» «военно-торгового класса»)[6], образования «княжеского общества». В «княжье общество» входили, по мнению историка, и смерды, эти, по его словам, «княжьи мужики» – разряд сельских жителей, «обложенный данью» и «несущий военную службу во время войны»[7]. Введение христианства и организация церкви способствовали дальнейшему социальному расслоению древнерусского общества: «появилось духовенство, занявшее привилегированное положение». Оно сильно продвинуло вперед эволюцию княжеской власти, способствовало ее превращению в государственную[8]. Хотя, как считал историк, княжеская дружина в X – начале XI в. еще не сделалась «земледельческим классом», но эта будущая ее социальная позиция уже наметилась. Князь с X в. начал распоряжаться землей, в XI в. княжеское сельское хозяйство было налажено[9].

Делая интересные и верные наблюдения на основе анализа древнерусского права (в частности, Русской Правды), Любавский видит причину социаль-

---

[1] *Любавский М. К.* Лекции… С. 81.

[2] Там же. С. 85.

[3] *Пашуто В. Т.* Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // Скандинавский сборник XV. Таллин, 1970. С. 53–55.

[4] *Любавский М. К.* Лекции… С. 85 и др.

[5] *Черепнин Л. В.* К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X–XIII вв. // Исторические записки. М., 1972. Т. 89. С. 358–359.

[6] *Ключевский В. О.* Соч. Т. 1. С. 274; *Любавский М. К.* Лекции… С. 118.

[7] *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М., 1972. С. 146, 250; *Черепнин Л. В., Пашуто В. Т., Назаров В. Д.* Основные проблемы изучения СССР периода феодализма… С. 7 и др. Излагаются и иные модели древнерусского общества X–XIII вв.: «рабовладельческая» – представлена в исследовании В. И. Горемыкиной (К проблеме истории докапиталистических обществ. Минск, 1970), «общинная» – в работе И. Я. Фроянова (Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974).

[8] *Любавский М. К.* Лекции… С. 88.

[9] Там же. С. 90.

ной дифференциации, общества в «усложнившихся задачах по управлению и обороне страны», но не видит экономические социальные ее корни[1]. Он верно фиксирует влияние церкви на ход государственного развития, но не отмечает социальные причины ее привилегированного положения и быстрого укоренения на русской, государственной почве.

Схема третьего периода истории Древней Руси у Любавского сложилась под сильным воздействием взглядов Ключевского (теория «родового владения» князьями Русской землей). Оценивая систему международных отношений, историк в основу своей позиции кладет представления о так называемом очередном порядке княжеского владения[2], разработанную еще Соловьевым и модифицированную Ключевским[3]. Однако, рассматривая процесс политической раздробленности на Руси в XII–XIII вв., он считает, что «было бы ошибкой видеть в эволюции княжеских отношений главную и единственную причину этого факта»[4]. Раздробленность, местный партикуляризм стоит, по его мнению, в тесной связи с новым размещением русского населения к концу XII в., которое явилось следствием княжеских усобиц и набегов кочевников[5]. Эти наблюдения при всем преувеличении роли географического фактора вносили значительную долю новизны в решение традиционного для русской историографии вопроса.

«Порядок», установившийся на Руси в XII – начале XIII в., ученый называет областным («областная политическая организация по отдельным землям вокруг нескольких авантюристов»[6]). Поскольку, на его взгляд, в областях XII – начала XIII в. существовало то же самое политическое единство федеративного типа, которое имелось в Русской земле и в XI – начале XII в., складывалось впечатление, что русская государственность к концу XII в. не претерпела никаких серьезных изменений по сравнению с X в. В русской историографии в начале XX в. часто встречалось утверждение подобного типа. Любавский же полагал, что «новый порядок» не был простым возвращением к старине. Он отмечает такой важный новый момент, как такую политическую группировку земель, при которой уже в XIII в. обозначалось ядро двух будущих государств: Московского (великорусская группа) и Великого Княжества Литовского (белорусская и украинская группа)[7]. Новое проявилось в укреплении веча, второй политической силы, управлявшей обществом наравне с князьями[8]. Наконец, серьезные перемены произошли и в характере социально-экономических отношений на Руси: во-первых, имеет место упадок внешней торговли и развитие княжеского, боярского и церковного землевладения, зарождение

[1] *Любавский М. К.* Лекции… С. 94–95.
[2] Там же. С. 89–90.
[3] *Ключевский В. О.* Соч. Т. 1. С. 180.
[4] *Любавский М. К.* Лекции… С. 91–92.
[5] Там же. С. 101–103.
[6] Там же. С. 106.
[7] Там же.
[8] Там же. С. 111.

частной собственности на землю и рабовладельческого хозяйства[1]; во-вторых, развиваются институт рабства и «особый класс зависимых людей» (закупы, изгои) – «эмбрионов последующих холопства и крестьянства»[2]; в третьих, бояре стали «земским классом» и начали руководить обществом «без князей и нередко против князей»[3]. При этом совершенно справедливо Любавский отмечал, что «областной политический строй», который установился на Руси в середине XII – первой четверти XIII в., в «значительной степени опирался на общественную эволюцию и на то значение, которое приобрели в областях бояре»[4].

Особенности развития феодальной Руси XII – XIII вв., процесс феодальной раздробленности у Любавского имеют в своей основе ряд причин и факторов: географическую среду, социальную эволюцию русского общества, новые явления в экономике (развитие княжеско-боярского землевладения и рабовладения). Разумеется, Любавский и здесь выдвигает на первый план политический фактор.

Более последовательный «государственник», чем Ключевский, Любавский по существу оставил без специального рассмотрения проблемы социально-экономического развития древнерусских городов как центров ремесла и торговли. Это объясняется его пониманием «городовой волости» как лишь одного из ряда «слагаемых» древнерусского социального организма VIII–XI вв. Социально-экономический фактор в его представлении отнюдь не был главным, решающим. Не желая вступать в открытую полемику со своим учителем и отнюдь не отрицая значительной роли внешней торговли в экономике Древней Руси, он основное свое внимание концентрирует на сельском хозяйстве и землевладении, считает их значительными явлениями древнерусской жизни XII – начала XIII в. Тем самым молчаливо отрицается тезис учителя о неземледельческом характере Древней Руси[5].

«Русь Днепровская, городовая, торговая» Ключевского в понимании его ученика, после внесенных им коррективов, хотя и выглядит еще «Днепровской» (до XII в.), но далеко не везде «городовой». В плане экономического развития она, по Любавскому, до середины XII в. является торгово-земледельческой, а с середины XII в. – больше земледельческой, чем торговой.

По мнению Любавского, корни удельного периода лежат в Киевской Руси. Между ними «нет глубокой пропасти», а существовало лишь одно «резкое различие» – князь в Киевской Руси не сделался владельцем территории княжества и его полным хозяином; наряду с ним «огромным политическим значением пользовалось вече»[6]. Эта традиция удержалась в Западной Руси XIII–

---

[1] *Любавский М. К.* Лекции… С. 113.

[2] Там же. С. 123–125. Вопрос о вече в Киевской Руси историк решал в целом в русле концепции исследования В. И. Сергеевича (Вече и князь. СПб., 1867).

[3] Там же. С. 114, 117.

[4] Там же. С. 118, 119.

[5] Там же. С. 120.

[6] Там же. С. 121. Трактовку эпохи политической раздробленности и роли в ней боярства в советской историографии см. в кн.: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1956. Т. 1. С. 575–577 (раздел написан акад. Б. А. Рыбаковым).

XV вв., где вече переросли в сеймы. В Суздальской Руси конца XIII–XIV в. политическая жизнь, по мнению историка, устроилась на других основаниях – вече исчезло. Причины этого исследователь видел в воздействии внешнего фактора – татаро-монгольском нашествии.

Эта «большая беда»[1] была, с точки зрения Любавского, той внешней могучей причиной, которая сыграла огромную роль в дальнейшей социально-экономической и политической эволюции феодальной Руси. Последствия татаро-монгольского нашествия сказались: 1) в усилении географической разобщенности сельского населения, начатой в XII в. (произошло окончательное географическое и политическое разделение северо-восточной и юго-западной Руси; 2) в обострении тенденции князей к оседлости, «превратившей их из правителей общества до известной степени в его созидателей и организаторов народного труда»[2]. Вывод историка о том, что «татары ускорили создание удельного порядка на Руси»[3], шел вразрез со взглядами Соловьева и Ключевского, в своем изложении как бы «забывавших» о татарском нашествии, считая его малозначным явлением в становлении «удельного порядка»[4].

Прежде всего, по его мнению, пострадала сфера экономики, где произошло «страшное потрясение», а хозяйство само регрессировало от денежного к натуральному[5] (хотя торговля совсем не исчезала). Он делает правильный вывод: «Татарские погромы искусственно задержали экономическое развитие»[6]. Татарское иго ускорило, обострило, сделало более болезненным процессы образования категории зависимого крестьянства («подворники», «подсуседки» и др.), разоряемого нашествиями и набегами в XIII–XIV вв.[7] Именно они и сделались арендодателями-съемщиками, чей труд давал возможность князьям и другим зажиточным землевладельцам все больше и больше расширять эксплуатацию своих земель и угодий[8]. Как и в Киевской Руси, в эти столетия происходило одновременно обезземеливание мелких собственников и расширение крупного княжеского и боярского землевладения. В удельную эпоху эти процессы только «поддерживались той тягостью ордынской дани, которая легла на народные массы». Развитие княжеского, боярского и монастырского землевладения было проявлением социального порядка, созданного на почве, которую «обработали еще первые князья-колонисты северо-восточной Руси и удобрили татары»[9]. Таким образом, хотя в трактовке социально-экономической основы удельного периода у Любавского видна явная зависимость от формулы «удельного» периода Ключевского (население княжества – времен-

---

[1] *Любавский М. К.* Лекции… С. 121–122.
[2] Там же. С. 122.
[3] Там же. С. 146.
[4] Там же. С. 151–152.
[5] Там же. С. 153.
[6] Там же.
[7] Там же. С. 156.
[8] Там же.
[9] Там же. С. 157.

ные съемщики земли – у собственников хозяев-князей)[1], в толковании причин, породивших изучаемую ситуацию, его подход был более «сбалансированным», широким (учет роли внешнего фактора и отсутствия исторического разрыва с социально-экономическим строем Киевской Руси).

Основное изменение в политической структуре удельной Руси историк видит в резком усилении политического веса князей, которые еще в дотатарский период в силу слабости северо-восточных городов преобладали над вече. Разгром городов в Северо-Восточной Руси и привел к тому, что здесь из двух сил, «руководивших русским обществом в Киевскую эпоху, осталась одна – князь»[2].

Описывая в дальнейшем явления, характерные для феодальных отношений (превращение князя в крупного вотчинника, а крупной боярской и монастырской вотчины – в небольшое «государство в государстве», складывание иерархической системы, закладничество и т. д.), исследователь задает себе вопрос: что же за политический строй был в удельной Руси XIII–XV вв.? И в отличие от Ключевского приходит к выводу, что эта эпоха, характеризующаяся «раздроблением власти и ее соединением с землевладением» есть время «смешения частных и государственных понятий», являет собой «порядок, близкий к западноевропейскому феодализму»[3]. Одна из основных причин его появления – господство натурального сельского хозяйства. Этот «недоразвитый феодализм»[4] Северо-Восточной Руси выходит из «общего состояния культуры эпохи, не только экономической, материальной, но и политической, юридической, духовной»[5]. Разумеется, признание существования феодализма в удельной Руси сопровождается различного рода оговорками о специфике ее феодальных институтов по сравнению с западноевропейскими, но разница эта, по мнению Любавского, «не столько качественная, сколько количественная»[6].

Сводя феодализм к правовым отношениям, отождествляя его с политической раздробленностью (понимание, типичное для большинства историков второй половины XIX – начала XX в.), ученый, естественно, не увидел его в Новгороде и Пскове. Происходящая от одного корня – Киевской Руси, Северо-Западная Русь пришла, по его словам, не к господству князя-вотчинника, а к «народовластию в виде господства веча главного города»[7]. Историк называет три основные причины, которые позволяли Новгороду Великому прямо продолжить социально-экономические традиции Киевской Руси: 1) всенародный характер колонизации края и ничтожная роль в ней князей; 2) природные условия, не способствовавшие тому, чтобы промысловые и торговые люди занимались земледелием; 3) Новгород и его вечевой строй не затронуло

[1] *Любавский М. К.* Лекции… С. 158.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 158.
[4] Там же. С. 171.
[5] Там же. С. 164.
[6] Там же. С. 174–179.
[7] Там же. С. 179.

разрушительное татарское нашествие[1]. Сопоставление облика городского республиканского строя с социально-политической жизнью Генуи, Флоренции и Венеции приводило к заключению, что со средневековой жизнью Западной Европы Новгород и Псков «не вносят никакого диссонанса»[2]. Социальные отношения в городах Русского Северо-Запада изображаются им в весьма реалистичных тонах. Находясь под впечатлением работ А. И. Никитского[3], где наблюдалось влияние идей экономического материализма, М. К. Любавский указывает «на глубокий социальный антагонизм» (борьба «меньших» с «большими»), который лежал в основе ожесточенной борьбы партий в Новгороде и вместе с «земской рознью» стал причиной гибели Новгородского государства[4].

Как видим, при всей явной зависимости схемы «удельного» периода Любавского от понимания ее «государственниками» (Чичерин, Соловьев, Ключевский) как времени перехода от родового быта к государственному историк в вопросе о феодализме на Руси стоял на стороне Н. П. Павлова-Сильванского. Работы последнего[5] учитываются им при истолковании природы рассматриваемых социально-политических институтов Руси XIII–XV вв. Между ними можно заметить сходство в решении принципиального вопроса о единстве исторических процессов в русском и западноевропейском обществах X–XV вв. Этот вывод Любавский сделал в результате широкого использования историко-сравнительного метода. Сравнение строя Англии после норманнского завоевания (1066 г.) и Франкского королевства VIII–IX вв. с Киевской Русью X – начала XII в. позволяет ему сделать вывод, что «Древнерусское государство выступает с теми же чертами строя и быта, с которыми являются и государства Западной Европы»[6]. Отсутствует и «разрыв» между эпохой «областного строя» и «удельной эпохой» (корни последней он видит в XII – первой половине XIII в.). Строй «удельной эпохи» характеризуется как «недоразвитый феодализм» – недоразвитый в силу «зыбкой» общественной почвы», на которой он создавался, подвижности населения в непрерывно колонизующейся стране и внешнего фактора, «будившего инстинкты народного самосохранения и вызывавшего к жизни и творчеству государственное начало»[7]. Поддержку Любавским выводов Павлова-Сильванского, построенных в плане борьбы с представлениями о самобытности исторического развития России, можно расценивать как, несомненно, положительное явление в российской либеральной историографии начала XX в.

В духе «государственной» школы Любавский идеализирует деятельность князей – «устроителей наряда» в Киевской Руси и «организаторов» народ-

---

[1] *Любавский М. К.* Лекции… С. 175.

[2] Там же. С. 179.

[3] Там же. С. 181.

[4] Там же. С. 182–183.

[5] Там же. С. 195.

[6] *Никитский А. И.* История экономического быта Новгорода. СПб., 1893; *Его же.* Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873.

[7] *Любавский М. К.* Лекции… С. 196–197.

ного труда Руси «удельной», не замечает факты сословной борьбы горожан и крестьян XI–XV вв. против феодального гнета[1]. Социальные категории крестьянства интересуют историка только в правовом аспекте. Все это – следствие методологической позиции исследователя-позитивиста, представлений о государстве как демиурге истории, показатель теоретической основы, его общественно-политических взглядов.

Отразились подобные взгляды и в лекциях Любавского по истории Московской Руси – последнего периода «древней» русской истории[2]. Прежде всего это проявилось в понимании существа рассматриваемого исторического процесса, для которого характерна эволюция удельного княжения в самодержавное абсолютистское (неограниченное) государство[3]. Такое понимание было господствующим не только среди историков либерального направления, но и официального, охранительного[4]. Государство, по его мнению, сыграло решающую роль в формировании сословий и социальных групп. В отличие от предыдущих лекций роль экономического и географического факторов здесь выделена более выпукло, а характеристики князей-собирателей под влиянием Ключевского лишены идеализации. Несомненное влияние на интерпретацию роли социально-экономических явлений оказало использование в курсе результатов авторитетных специальных исследований историков России конца XIX – начала XX в. (В. О. Ключевский, М. А. Дьяконов, С. В. Рождественский, Н. П. Павлов-Сильванский, А. С. Лаппо-Данилевский, А. С. Авалиани и М. Н. Покровский)[5].

Переломный момент в процессе перехода от удельных порядков к самодержавной России (сходный с установлением централизации во Франции), по Любавскому, – княжение Ивана III; исходная его точка – это XVI в.[6], а конечная – первая четверть XVIII в. Основная причина, способствовавшая «собиранию», объединению Северо-Восточной Руси, – это «скопление материальных сил в руках московских князей» вследствие «прилива» населения, обусловленного выгодным географическим положением Москвы вдали от татарских погромов. К этой основной причине присоединилась и «второстепенная»,

[1] *Павлов-Сильванский Н. П.* Иммунитет в древней Руси // ЖМНП. 1901; *Его же.* Иммунитет в удельной Руси. СПб., 1901; *Его же.* Феодальные отношения удельной Руси. СПб., 1901.

[2] *Любавский М. К.* Лекции… С. 90.

[3] Там же. С. 181.

[4] *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси в XI–XII вв. М., 1955.

[5] *Любавский М. К.* Лекции… С. 237. Современная советская историография при всем разногласии трактовок объединена представлением о XVI в. в России как времени формирования сословно-представительной монархии (*Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 325–326; *Его же.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 397 и др.; *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966. С. 127, 317; *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1965. С. 12; *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавия. М., 1973. С. 191; *Черепнин Л. В.* К вопросу о складывании сословно-представительной монархии в России (XVI век) // История СССР. 1974. № 5. С. 251–270; *Его же.* Земские соборы русского государства. М., 1978.

[6] *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. 9-е изд., испр. СПб., 1915.

«производная» – «симпатия» ханов к Москве, которая в силу своего богатства и многолюдства исправнее всех платила дань[1]. Вторая главная причина успехов собирательской деятельности князя – «типичного кулака» лежала, по мнению историка, в той политической среде, в которой она проходила. Крайняя степень политической раздробленности Северо-Восточной Руси в XIV–XV вв. не могла способствовать дружному отпору и сопротивлению со стороны других князей, да и сам размер мелких княжеств облегчал, как считал Любавский, собирательную деятельность Москвы[2]. К объединению подталкивала и внешнеполитическая переориентация московских князей (на востоке – от союза с Ордой до открытого стремления сбросить иго татар; на западе – борьба за «киевское наследство»), вызвавшая появление новых сильных врагов (Великое Княжество Литовское). Усложнение внутриполитических и внешнеполитических задач заставило Ивана III прийти к мысли о невозможности их разрешения при существующем удельном порядке[3].

В такой трактовке проблемы централизации русских земель ученый, верно отмечая «материальные факторы» как основные причины успехов централизованных усилий Москвы, неправомерно сводит их по существу к одному географическому, добавив также связанную с ним демографическую концепцию в объяснении причин «возвышения» Москвы. Производительные силы Северо-Восточной Руси, их рост в XIV–XV вв. остаются в тени. Разумеется, игнорируется и сословная борьба крестьян с феодалами, заставившая последних искать союза с великокняжеской властью.

Объяснение политических потрясений XVI в. решалось историком по Ключевскому и Платонову. Боярство, которое смогло бы потенциально составить аристократическую оппозицию абсолютизму, ослабляется еще до опричнины, которая в своих конечных результатах привела к торжеству «монархического абсолютизма, к падению его (боярства. – *Д. К.*) общественного и политического значения»[4]. Удар был нанесен главным образом той части боярства, которую составляли князья (потомки удельных князей – «княжата» Ростовские, Белозерские, Оболенские и др.), с целью покончить с опасными для царского абсолютизма «пережитками удельной эпохи»[5]. Но общественно-политическое значение высшего московского боярства было подорвано еще раньше. Причины его экономического ослабления заключаются в уста-

---

[1] *Дьяконов М. А.* Власть московских государей. СПб., 1889; *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897; *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. 2-е изд. СПб., 1909; *Лаппо-Данилевский А. С.* Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России // Крепостной строй. СПб., 1906. Т. 1; *Ключевский В. О.* Боярская Дума древней Руси. 4-е изд. М., 1909; *Авалиани А. С.* Земские соборы. Одесса, 1910; *Покровский М. Н.* Местное самоуправление древней России // Мелкая земская единица. СПб., 1905.

[2] *Любавский М. К.* Лекции… С. 210.

[3] Там же. С. 218.

[4] Там же. С. 220.

[5] Там же. С. 223–224.

новлении обязательной службы с княжеских и боярских вотчин, чрезвычайно тяжелой и разорительной, миграции крестьян XVI в. из центральных районов страны в пограничные районы Дикого поля[1], которая подорвала основы вотчинного землевладения.

Одновременно с возвышением дворянства как правящего сословия (с последней четверти XV в.) укрепляется поместье – главное средство для его содержания. В силу наследственной обязанности военной службы поместье по существу становится уже в XVI в. наследственным владением[2]. Развитие поместного землевладения, по верному наблюдению историка, имело огромные последствия для крестьянина.

Оно приводило к обезземеливанию крестьянской массы и подчинению ее землевладельцам; косвенным образом отразилось на положении самостоятельного крестьянства (крестьянский двор стал «редеть», терять переманиваемую помещиками рабочую силу), парализовало развитие городского посада, лишало городскую промышленность главных потребителей и покупателей – служилых людей, тормозило торгово-промышленное развитие страны[3].

Эти довольно проницательные наблюдения о роли «материальных» факторов и социальной истории России в XVI в. историк, к сожалению, не развил и при объяснении причин закрепощения крестьянства придерживался обычных представлений либеральной историографии конца XIX в. В «формуле» крепостного права он пытался сочетать две точки зрения: прикрепление крестьянства к тяглу государством или рост задолженности крестьян помещикам. «Так законодательным путем и часто экономическими и чисто политическими мерами крестьянская масса все более и более прилеплялась к своему крестьянскому состоянию, к тяглу, в известной мере – к владельцу. Хотя общих мер прикрепления не издавалось, но рост такого закрепления, несомненно, шел вперед заметными шагами»[4]. Известное преодоление взглядов, концепций «государственной школы» намечалось там, где в основу наблюдений брались исследования историков, стоявших на позициях экономического материализма. Так, на характеристику в курсе «земельной реформы» середины XVI в. явно повлияли выводы труда М. Н. Покровского. Любавский считает, что осуществление этой реформы, несомненно, стояло в связи с некоторыми успехами народного хозяйства в первой половине XVI в. – «с накоплением у населения денежных капиталов», его причины: 1) общая – «прилив» драгоценных металлов из Латинской Америки и 2) частная, русская, – свержение татаро-монгольского ига и прекращение оттока денег из страны[5]. Но в целом

---

[1] *Любавский М. К.* Лекции… С. 254.

[2] Там же. С. 255. В советской историографии высказывалось мнение о том, что опричная политика не была чем-то единым на протяжении 7 лет ее существования. Как мера антикняжеская она просуществовала не более года (*Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. Л., 1975. С. 7).

[3] Там же. С. 256–257.

[4] Там же.. С. 260–265.

[5] Там же. С. 269–270.

выводы по периоду давались по Ключевскому: русская история XVI в. характеризовалась как эпоха начала закрепощения крестьянства, возвышения и господства дворянства и создания национального государства[1].

С таким капиталом, как отмечает Любавский, страна вступила в XVII–XVIII вв. – новый период своего развития. Характеристику его историк попытался дать в лекционных курсах по истории России XVII – первой четверти XVIII в. и XVIII в., которые читались им в 1911–1915 гг. слушательницам Высших женских курсов и студентам Московского университета. До нас дошли тексты литографированных изданий курсов, прочитанных в 1911 и 1913 гг. Отсутствие специальных научных интересов и изысканий в этой области у историка, ориентация на чисто учебные цели предопределяли их компилятивность. Основательную зависимость от специальных исследований, созданных представителями отечественной буржуазно-дворянской историографии, заметить несложно. Например, от исследований С. Ф. Платонова в оценке Смутного времени, от социологической схемы русской истории XVII–XVIII вв. В. О. Ключевского, от трактовки крестьянского вопроса в XVIII в. у В. И. Семевского, от выводов М. М. Богословского относительно реформ Петра I[2]. Отсутствие самостоятельных версий в объяснении русского исторического процесса этих столетий привело к тому, что в отборе источников и в характере их использования историк руководствовался прежде всего задачами учебного процесса. Вне всякого сомнения, на широту и глубину исторического видения ученого в этих курсах повлияла его стойкая приверженность основным установкам «государственной» школы: идее «надклассовости» государства как института в целом и русского самодержавного государства в частности[3]. Как и в курсе «Древней русской истории», они направляли внимание М. К. Любавского в основном на правовые государственные институты России XVII–XVIII вв., ее внутреннюю политику. Одни важные проблемы истории феодальной России выпали из его поля зрения (экономика, внешняя политика), другие оказались неправомерно суженными (вопросы культуры), третьи (проблемы социальной истории) интересуют его главным образом своей правовой стороной и нередко рассматриваются как производные «от политики»[4]. В целом эти курсы создают впечатление компилятивного повествования об истории русских госучреждений, построенного на основе пересказа законодательства XVII–XVIII вв. и опубликованных мемуаров (дневников и «записок» Котошихина, А. Олеария, Я. Рейтенфельса, Невиля, Ф. Прокоповича, де-Лириа, В. Н. Татищева, И. Посошкова, Ю. Крижанича, А. Болотова, Екатерины II и др.). Манеру работы с источниками в этих курсах нельзя охарактеризовать иначе, как иллюстративно-описательную. Она особенно броса-

---

[1] *Любавский М. К.* Лекции… С. 278.

[2] Там же. С. 287.

[3] Там же. С. 279, 290.

[4] *Любавский М. К.* Русская история XVII – первой четверти XVIII вв. Курс, прочитанный в весеннем семестре 1911 г. М., 1911; *Его же.* Русская история XVIII века (по запискам слушателей). М., 1913.

ется в глаза в лекционном курсе по истории России XVIII в. В нем в большинстве случаев преобладает пересказ законодательства, систематизированного (из исследований) материала по рассматриваемому вопросу. Степень «реализации» законодательства в жизни, как правило, уходит на второй, а то и на третий план. Преобладают историко-учрежденческий и историко-правовой аспекты рассмотрения проблемы.

Главным критерием для выделения нового периода русской истории является изменение форм политического управления. На смену старому, московскому («вотчинному») государству с «отпечатком удельной эпохи» пришло после «смуты» новое «земское», где государь из хозяина-вотчинника «стал первым слугой отечества»[1]. Характерно и его понимание главных «фактов» в истории страны XVII – первой четверти XVIII в. На первом месте стоит изменение понятий о государстве (оно мыслится теперь «уже как общественное здание, а не государева община», много нового было внесено и в сферу государственного механизма – земские соборы стали его «маховым колесом», резко усилена власть воевод на местах)[2]. На втором – крупные социальные изменения (возвышение рядового дворянства и начало «Дворянской России», закрепощение податных классов – крестьянства и посадских людей, их прикрепление к тяглу вследствие тех же «государственных» потребностей в деньгах и т. д.)[3]. Третье – перелом в народной психологии (протест против тяжелого положения, от которого «страдали молча» до конца XVI в., в целом ряде «мятежей в царствование «тишайшего» Алексея Михайловича)[4] по причине обострения процесса «сословной дифференциации» на почве экономических интересов и «государственного тягла»[5]. Рассматривая основные направления внутренней политики России в 20–80-е годы XVII в., Любавский приходит к выводу, что новшества Петра I не были совершенно не знакомы русскому обществу: «Петр вступил в уже господствовавшее течение русской жизни»[6]. Таким образом, в своем выводе историк проводит линию Соловьева об ограниченности петровских преобразований, их естественной преемственности с предшествующей эпохой. Само включение эпохи петровских реформ в курс по истории XVII – первой четверти XVIII в. уже заранее готовило читателя к принятию этой позиции автора.

В противовес концепции П. Н. Милюкова[7] Любавский показывает естественный характер петровских реформ, подготовленность и успешность ос-

---

[1] *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. 3-е изд. СПб., 1910; *Ключевский В. О.* Соч. М., 1957–1958. Т. 3–4; *Семевский В. И.* Крестьяне в царствовании Екатерины II. СПб., 1901–1903. Т. 1–2; *Богословский М. М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция. 1719–1727. М., 1908.

[2] *Любавский М. К.* Русская история XVII – первой четверти XVIII вв. ... С. 92, 103.

[3] Там же. С. 64, 198, 281.

[4] Там же. С. 51–53.

[5] Там же. С. 60, 61, 66.

[6] Там же. С. 72, 75.

[7] Там же. С. 77.

новных направлений экономической политики Петра I[1]. Вслед за Ключевским он верно отметил, что стоимость этих преобразований оплачена народной массой, которая «изнемогала под бременем налоговых тягостей и натуральных повинностей»[2]. Но как у учителя, так и у ученика при обрисовке личности Петра I (типичного представителя «просвещённого деспотизма»[3]) и его политики отсутствует понимание классовой основы сути самодержавия. По Любавскому, Петр прибегал «к обирательству только под давлением неизбежных государственных нужд»[4]. Создание «регулярного европейского полицейского» государства – итог его деятельности[5]. Время Петра – это та грань, с которой начинается второй этап «новой русской истории».

Главной его чертой, особенностью, как утверждает Любавский в предисловии к спецкурсу «История царствования Екатерины II», прочитанному весной 1911 г. студентам университета, есть кульминационное развитие двух основных течений, начавшихся еще в XVII в.: «превращение старого военно-служилого класса в земледельческий», господствующий политически и социально над остальным народом, постепенное порабощение земледельческого класса, полное развитие и господство крепостного права[6]. Тесное сочетание этих двух течений и определило характер XVIII в., с ними были связаны все черты быта. Хотя этой формулировки и нет в курсе по истории XVIII в., но полное текстуальное сходство второй его части с текстом спецкурса позволяет говорить о сохранении прозвучавшего в 1911 г. тезиса. Рассказ ученого о XVIII в. и строится на раскрытии этого положения на конкретно-историческом материале. Рассмотрение основных аспектов социально-политической и социально-экономической жизни России XVIII в. на основе законодательства Любавский приводит к заключению о дворянских тенденциях в мероприятиях правительства и в это время («расширялись права и привилегии дворянства и суживались права других классов общества, особенно крестьян»[7]). Результат этих мер – развитие «социальной пропасти между землевладельцами и земледельцами»[8], которая все более и более увеличивалась и вследствие тех культурных перемен, которые произошли в быту высших классов русского общества[9].

Оценки Любавским крепостного права как тормоза для развития русской экономики, обрекавшего ее «на рутину и застой»[10], резко отрицательное отношение к нему как системе «рабовладения», взгляд на помещиков второй по-

---

[1] *Любавский М. К.* Русская история XVII – первой четверти XVIII вв. … С. 100.

[2] Там же. С. 198.

[3] Там же. С. 237, 247, 259, 263, 269, 290, 305, 341.

[4] Там же. С. 235.

[5] Там же. С. 269.

[6] Там же.

[7] Там же. С. 259.

[8] Там же. С. 305, 343.

[9] *Любавский М. К.* История царствования Екатерины II. Курс, читанный в имп. Московском университете весной 1911 г. С. 3.

[10] *Любавский М. К.* Русская история XVII – первой четверти XVIII вв. … С. 49, 85–86.

ловины XVIII в. как на паразитическое сословие («состоятельный материально, но бедный духовно класс дворян»[1]) – все это характеризует с достаточной полнотой его взгляды по крестьянскому вопросу. Но в понимании причин проволочки с отменой этих античеловеческих порядков он опять показывает себя «государственником». Препятствием к раскрепощению крестьян явилась якобы незначительность населения на весьма значительной территории, вследствие чего «правительству поневоле приходилось приписывать крестьян, а помещикам укреплять за собой рабочие руки»[2]. Характеристика второй половины XVIII в. наполнена кричащими противоречиями между приводимыми ученым фактами, вскрывающими социальную подоплеку политики правительства и тяжелую участь народа с явной идеализацией личности Екатерины II как проводницы излюбленной «государственником» Любавским идеи «общего блага». Социальный смысл проводимых ею мероприятий затушевывается историком в угоду предвзятой идее[3]. Но попытка изобразить Екатерину II как либеральную государыню с «ясным сознанием народных интересов и патриотическими чувствами сроднившейся со своей страной»[4] не удалась Любавскому. Под впечатлением данных известного исследователя В. И. Семевского он вынужден был признать, что Екатерина в «крестьянском вопросе начала за здравие, а кончила за упокой»[5]. К аналогичному выводу пришел он и при попытке представить царицу как покровительницу народного просвещения[6]. Причины противоречий в курсе – следствие полной несовместимости исходных ложных посылок и реальных исторических фактов. Думается, что многое проясняет и знание биографии историка. Тесная связь сына сельского дьячка с крестьянским миром делает понятным его симпатии к крестьянству и антипатию к дворянину, «барину». Однако положение ректора обязывало быть осторожным при оценке «августейших особ».

Время создания и чтения курсов – эпоха, хранившая памятные отголоски революционной бури 1905–1907 гг., – не могла не обратить внимание историка на такую проблему, как народные движения в феодальной России XVII–XVIII вв. (восстания и крестьянские войны). Давая им характеристику, Любавский отмечает объективную основу, причины этих социальных взрывов.

Ограничение свобод и прав «крестьянской массы» и стремление уничтожить донское казачество «ненавистным правительством» Годунова привело к грозным событиям начала XVII в. Движение Болотникова в этих событиях явилось, по мнению историка, «войной низших классов общества против высших»[7]. Смута вполне определенно «приняла характер гражданской войны, междоусобия различных общественных классов»[8]. При этом историк верно указывает на при-

[1] *Любавский М. К.* Русская история XVII – первой четверти XVIII вв. … С. 98.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 222–226.
[4] Там же. С. 239–240.
[5] Там же. С. 66.
[6] Там же. С. 83, 89, 135, 138.
[7] Там же С. 193.
[8] Там же. С. 213.

чину непрочности «войска Болотникова»: в нем произошло соединение на время «социальных врагов, которые расходились в самых существенных интересах». Повсюду в это время шла «война имущих против состоятельных»[1].

Движением, направленным против «правящих классов», был мятеж 1648 г. в Москве[2]. Ясно выраженный «противогосударственный характер» носило движение («бунт») Стеньки Разина – «естественное последствие страшного давления государства на народную массу»[3].

Таким образом, «непомерное обременение народной массы» вследствие огромных затрат государства на войны, внешнюю политику, преобразования признаются основной причиной ее тяжелого положения и недовольства в XVIII в. Оно же в совокупности с утверждением крепостного права явилось причиной «крестьянских мятежей» XVIII в., в том числе и носившего антигосударственный характер «движения» Е. Пугачева, которое «грозило всему установившемуся общественному порядку»[4]. В лексиконе историка появилось даже слово «революция»[5], правда, понимаемое им всегда лишь как быстрый, насильственный переворот. Но значит ли это, что Любавский расценивал народные движения как явления положительные и прогрессивные? Отнюдь нет. Об этом свидетельствует как терминология, применяемая для характеристики восстаний и восставших («бунт», «мятеж», «чернь», «воры»), так и отрицательное отношение к этим вспышкам народного гнева как явлениям прежде всего антигосударственным. Страх перед революцией, боязнь развала государства – этой «надклассовой» организации, признанной по своей природе реализовать идею «общего блага», осуществлять социальное равновесие в обществе, как видим, явственно отразились и в исторических представлениях ученого.

Лекционные курсы М. К. Любавского по истории феодальной России, созданные в тот период жизни, когда в области политики и идеологии ясно обозначался поворот от революции к реакции, являются наглядным свидетельством методологического кризиса, в котором оказалась русская либеральная историография накануне Октябрьской революции. В курсах Любавского он проявился прежде всего в подчеркнутом эмпиризме, предопределившем эклектизм ряда его концептуальных решений. Слабое внимание к изучению экономики, недооценка роли народа как субъекта истории, выдвижение на первый план государства – все эти характерные черты «государственной» школы предопределяли неспособность историка найти исторические предпосылки тех событий, которые составляли содержание современной ему эпохи.

В курсах отразились и общественно-политические взгляды ученого, представителя того либерально-монархического, оппозиционного центра, который после Революции 1905–1907 гг. пошел на сближение с официально-охранительным направлением в русской историографии. Искаженное позитивизмом

[1] *Любавский М. К.* Русская история XVII – первой четверти XVIII вв. … С. 284.

[2] Там же. С. 90, 185.

[3] Там же. С. 21.

[4] Там же. С. 28.

[5] Там же. С. 38.

восприятие русской истории оказало ему плохую услугу в оценке русской действительности 1905–1907 гг. Совершившаяся в октябре 1917 г. социалистическая революция ознаменовала окончательный крах прогностических попыток позитивистской историографии. А между тем позитивистские оценки истории, как был убежден Любавский, должны были быть главными основаниями «практической политики»[1].

Однако в курсе лекций М. К. Любавского по «Древней русской истории» видно и другое – в условиях кризиса буржуазной исторической науки ее развитие не прекращалось, а в рамках разработанных ею концепций исторического развития отдельные его стороны могли находить более или менее верное освещение. Это особенно ощутимо в тех местах курса, где историк акцентирует свое внимание на «материальных» факторах истории – географическом и экономическом. Продуктивную постановку и решение ряда крупных вопросов истории феодальной России во многом определяло широкое использование ученым данных большого комплекса источников, результатов специальных историко-географических исследований, сравнительно-исторического метода. Любавский сумел сказать новое слово, продвинуть вперед исследование ряда проблем отечественной истории. К числу его творческих достижений можно отнести, например, понимание им истоков древнерусской истории отнюдь не как начала Древнерусского государства; наличие историографических экскурсов по рассматриваемым вопросам, наблюдения и выводы о многоукладности восточнославянского быта в начале IX в. В исследование Киевской Руси историк внес ряд интересных наблюдений: 1) о неповсеместности разрушения родовых союзов у восточных славян в эпоху активных миграций (VII–IX вв.); 2) о федеративном устройстве Киевской Руси IX–XI вв.; 3) о роли географического фактора в эпоху феодальной раздробленности; 4) о преобладании земледелия над торговлей – со второй половины XII в. Не приняв версию Ключевского, он пришел к выводу об отсутствии глубокой пропасти между Киевской и «удельной» Русью, иначе, более верно, чем Соловьев и Ключевский, решая вопрос о влиянии татаро-монгольского нашествия на Русь. В вопросе о наличии феодализма на Руси М. К. Любавский, вопреки господствующим в историографии взглядам, поддержал выводы Н. П. Павлова-Сильванского. В трактовке проблемы централизации Русского государства обосновывал «демографическую» концепцию «возвышения» Москвы. Все вышесказанное не позволяет оценить курс по «Древней русской истории» как компиляцию, хотя эклектизм его методологических установок и зависимость от «схемы» русской истории В. О. Ключевского очевидны.

Компилятивность в гораздо большей степени характерна для лекционных курсов по истории России XII–XVIII вв. В историографическом плане они представляют интерес в основном как источники, отражающие общественно-политические и исторические взгляды М. К. Любавского в эпоху русских революций начала XX в.

---

[1] *Любавский М. К.* Русская история XVII – первой четверти XVIII вв. … С. 90.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ДЕМОГРАФИИ РОССИИ В ТРУДАХ 1920-х гг.

Изучение послеоктябрьского периода творчества М. К. Любавского дает все основания утверждать, что в центре его научных интересов в 1920-е гг. по-прежнему остались проблемы исторической географии России. В это время ученым были созданы новые историко-географические труды, но большая их часть до сих пор не опубликована. В процессе работы над монументальными историко-географическими трудами историк опирался на материалы своих ранних произведений (курс 1909 г.) и доклады 1920-х гг. по истории колонизации отдельных районов страны: Северо-Восточной Руси в XIII–XIV вв., Великорусского центра XIV–XV вв.[1], Украины, Великого княжества Владимирского[2], Великого Княжества Литовского[3] и др. Последние он включал в текст монографий порой даже без существенных изменений. Все историко-географические «этюды» ученого с 1917 г. и до начала 1930-х гг. содержат историю колонизации России. Новые наблюдения и выводы Любавский включал в лекции по исторической географии, которые читал слушателям архивных курсов при Центрархиве[4] и студентам МГУ[5] вплоть до 1930 г.

При изучении истории территориального образования России, по мнению ученого, «на переднем плане должен стоять народ-строитель, колонизатор, а не народ-завоеватель, не громкие победы и трактаты, а заимка земель и заселение их, возникновение сел и городов»[6]. Это продолжало интересовать историка в 1920-е гг. в еще большей степени, чем до Октябрьской революции.

Данный аспект творчества Любавского заслуживает особого внимания. С 1918 г. работа над очерком по истории колонизации и создание историко-географического атласа феодальной России стали для ученого «жизненной задачей»[7]. В 1918 г. в письме к Матвею Кузьмичу известный книгоиздатель М. В. Сабашников предложил ему подготовить к печати книгу по истории ко-

[1] Отчет о состоянии и действиях 1-го Московского государственного университета за 1925–1926 гг. М., 1927. С. 343; ОР ГБЛ. Ф. 203. П. 48. Л. 226–229, 281–282.

[2] Труды Института истории РАНИОН. М., 1926, 1929, 1928. Т. 1, 3, 7.

[3] Сб. декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу. М., 1921. Вып. 2. С. 6.

[4] ОР РГБ. Ф. 364. К. 11, 9. Л. 1–6.

[5] Архив МГУ. Ф. 16. Оп. 111. Д. 121. Л. 2; Ф. 18. Оп. 1. Д. 97. Л. 1 об.

[6] *Любавский М. К.* Наступление на степь. М., 1918. С. 3–4.

[7] РО РНБ. Ф. 585. Оп. 2. Д. 96 (письмо С. Ф. Платонову от 23 июля 1918 г.).

лонизации русского народа[1]. К 1922 г. был создан первый вариант книги под названием «Историческая география России в связи с историей расселения русского племени». Во всяком случае, в списке книг, подготовленных издательством Сабашникова к изданию, она значится[2]. Но по неизвестным причинам в свет она так и не вышла. В архиве редакции издательства Сабашникова сохранилось 8 первых глав сверстанного текста этого исследования[3]. Дошла до нас и часть подготовительных материалов (выписки, оглавления, проспекты), которые позволяют судить о планах намечавшейся работы и о характере их изменений.

Неудача с публикацией задуманной книги и новые задачи, вставшие перед Любавским в связи с началом работы в Институте истории РАНИОН, привели к определенной корректировке первоначальных планов создания обобщающего очерка истории русской колонизации. С конца 1923 г. по заданию Института истории он приступил к подготовке историко-географического труда по истории формирования территории и заселения Великорусского центра (бассейны Верхней Волги, Оки и верховьев Днепра, озер Ильмень, Чудское, Ладожское, Онежское и др., до Белого моря включительно)[4]. По замыслу автора, работа должна была состоять из двух частей. В первой предполагалось рассмотреть вопросы образования территории Русского государства к 30-м годам XVI в. В центре внимания второй стояли вопросы формирования территории Новгородской и Псковской земель[5].

В 1924–1926 гг. по исследуемым сюжетам Любавский сделал в институте несколько докладов: 24 марта 1924 г. – «Расселение русского народа к моменту окончательного образования Московского и Литовско-Русского государств»[6]; 23 февраля 1925 г. – «К вопросу о заселении Верхне-Волжского и Окского района»[7]; 8 марта 1926 г. – «Примысли великих князей Василия I и Василия Темного»[8]. К 1927 г. ученый подготовил первую часть работы[9], а к 1928 г. – вторую[10]. Опубликовать удалось только первую часть.

По сути, эта работа была попыткой построить, опираясь на историко-географический материал, общеисторическое исследование, посвященное проблеме образования Русского государства в контексте его связи с колонизационным процессом, т. е. процессом расселения великорусского этноса. Автор

---

[1] ОР РГБ. Ф. 261. К. 1. Д. 22. Л. 2 об.

[2] Там же. Д. 16. Л. 1–96.

[3] ОР РГБ. Ф. 364. К. 2. Л. 1, 2а–6а,7а, 8–10.

[4] *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929. Ч. 1; Труды Института истории. М., 1926. С. 537.

[5] Ученые записки Института истории РАНИОН. М., 1927. Т. 3. С. 391.

[6] Там же. М., 1929. Т. 4. С. 221.

[7] Архив МГУ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 96. Л. 47.

[8] Ученые записки Института истории РАНИОН. М., 1928. Т. 7. С. 162.

[9] *Любавский М. К.* Образование... С. 2.

[10] Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. 4. С. 314.

видел свою задачу в выяснении двух позиций: 1) создания территории великорусской народности «как территории этнографической, т. е. заселения ее славянскими племенами, из которых в смешении с местными «инородцами» образовалась великорусская народность»; 2) государственного объединения этой «этнографической территории».

До выхода в свет работы историка оба эти процесса не получили специального освещения в исследованиях по русской истории. Предшествующая научная литература была богата, с одной стороны, всевозможными общими соображениями (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Д. И. Иловайский и др.), не основанными на подробном анализе источников, с другой – частными наблюдениями, не связанными друг с другом (К. А. Неволин, И. Д. Беляев и др.). Попытки же свести воедино данные источников, относящиеся к истории заселения «коренной Великороссии до XVI в.», не предпринимались.

В дореволюционной русской историографии объединение великорусской территории вокруг Москвы большинство историков изображали в русле идей В. О. Ключевского, как дело разбогатевших и усилившихся московских князей, стремившихся к властвованию над соседями и получению больших доходов. В своем «собирании» они находили поддержку со стороны бояр и духовенства, заинтересованных в успехе этого процесса и материально, и морально, по побуждениям национального чувства и сознания. Но при этом не был до конца выяснен вопрос: откуда взялась сила Москвы? Недостаточно учитывались народно-хозяйственные и военно-политические факторы совершавшегося объединения, а само оно не было представлено в виде органичного процесса.

До появления работы Любавского последнюю попытку пересмотреть вопрос о формировании Русского централизованного государства предпринял в докторской диссертации А. Е. Пресняков[1]. Свое внимание он сосредоточил на внутренней эволюции великокняжеской власти и междукняжеских отношениях. Пресняков подверг резкой критике взгляды В. О. Ключевского и В. И. Сергеевича по вопросу о характере междукняжеских отношений, однако сам представил схему развития надклассовой княжеской власти, оторванную от процесса общественной эволюции[2]. При этом он не уделил должного внимания тому экономическому фундаменту, на котором возникло Русское централизованное государство. Его подход, по словам Любавского, заключался в своеобразной, но неверной формуле: «Объединение Великороссии под государством московских великих князей совершено путем собирания не земли, а власти в развитие и осуществление стародавней традиции о патриархальном целиком княжении в отца место»[3].

М. К. Любавский, критикуя взгляды Преснякова, подходил к проблеме образования Русского централизованного государства с учетом экономического фактора (характеристика территории, населения)[4]. Историк считал, что Пре-

---

[1] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 458.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 2.

[4] Там же.

сняков, выдвигая свою схему, упустил из виду два важных обстоятельства. Во-первых, Великое княжество Владимирское с ослаблением ханской власти над Русью к концу XIV в., т. е. к моменту «слияния своего с московскою вотчиною, уже утратило свое прежнее властно-объединяющее значение, что наряду с ним образовался в бывшей Ростово-Суздальской земле целый ряд новых великих княжений – Московское, Тверское, Нижегородско-Суздальское, Ярославское с теми же функциями в отношении удельных княжеств, которые прежде принадлежали ему одному, и что, следовательно, из его стародавней традиции нельзя выводить объединение Великороссии в XV – нач. XVI в.»[1]. Во-вторых, преувеличив силу и значение указанной традиции, Пресняков, по мнению Любавского, недооценивал значение Великого княжества Владимирского «как комплекса крупных и ценных территорий, источника больших военных и финансовых средств». Именно благодаря последнему обстоятельству, а не стародавней традиции власти слияние Великого княжества Владимирского с московской вотчиной действительно стало решающим фактором в деле государственного объединения Великороссии вокруг Москвы[2]. Понимание ведущей роли экономического фактора в этом процессе позволило Любавскому найти более верный подход к изучению этой проблемы, чем у его предшественников, что явилось новым аспектом ее исследовательского решения.

Работа Любавского была результатом детального анализа огромного фактического материала русских летописных сводов и богатейшего комплекса актов XIV–XVI вв., как опубликованных (СГТиД, АИ, ДАИ, ААЭ, АЮ, АЮБ; сборники: Муханова, князя Оболенского, И. Д. Беляева; акты Ярославского Спасского монастыря; писцовые книги XVI в.), так и неопубликованных (грамоты Коллегии экономии). Также анализировались источники из документальных приложений к работам Ю. В. Готье, М. М. Богословского, Н. П. Барсова, В. В. Зверинского, В. Н. Дебольского, К. А. Неволина; С. Б. Веселовский предоставил Матвею Кузьмичу свои копии грамот XIV–XVI вв. Отличный знаток и истолкователь источников, М. К. Любавский, используя такую особенность географической номенклатуры, как ее относительная устойчивость, в широких масштабах применил ретроспективный метод исследования. По актам XV–XVI вв. он реконструировал территориальные и демографические изменения более ранних периодов (XII–XIV вв.)[3].

Первая часть работы посвящена изучению расширения первоначально сложившейся государственной территории Московского княжества в результате колонизационных процессов в Северо-Восточной Руси и заселения основных ее областей. Любавский проследил ход заселения междуречья Оки и Волги, Заволжья, Суздальской земли, земель Московского, Тверского, Переяславского и других княжеств, территории которых являлись основными районами формирования великорусской народности. Ученый детально изучил вопросы

[1] *Любавский М. К.* Образование... С. 5, 13, 16.

[2] Там же. С. 5.

[3] Там же. С. 8.

политической географии Руси XIII–XIV вв. (постоянно изменявшаяся система удельных княжеств XII–XIV вв. с их территориями и границами, процесс роста территории Московского княжества в XIV в.) и процесс объединения русских земель под властью московских князей в XV–XVI вв.

В исследовании встречаются очень интересные соображения о характере и особенностях политической централизации на Руси. Так, в 1-й главе «Заселение славянами Верхне-Волжского и Окского бассейнов» Любавский на основании изученной географической номенклатуры высказал мнение, что наибольшее участие в образовании великорусской народности принадлежит словенам, что быстрый рост княжеств Северо-Восточной Руси в XIII–XIV вв. был связан не только с численным увеличением княжеского рода, но и умножением самих объектов дележа в процессе расширения колонизации[1] и, наконец, что заселение этих территорий (в XI–XIII вв.) происходило путем внедрения в зону финноугорского мира «поселков-городков» славян в ходе их стихийного движения на северо-восток[2]. Любавский утверждал, что русские поселения XIV–XV вв. обязаны своим происхождением «организующей и устрояющей деятельности князей, бояр, духовенства»[3]. Причина активности княжеской «землеустроительной» деятельности – разорение крестьянства в результате татарского «пополоха», которому поневоле пришлось подсаживаться к тем, у кого были средства для «организации хозяйства». Поэтому «народные колонизационные потоки растекались по тем руслам, которые уже открывали эти земельные владельцы»[4]. В этой трактовке ученого ясно прослеживается юридическая фигура удельного порядка, предложенная в свое время В. О. Ключевским, согласно которой все население княжеств северо-востока было «временным съемщиком земли, находившейся в собственности князей»[5]. В этой формуле ощущается сильное влияние идей Чичерина и Соловьева.

М. К. Любавский сделал ряд интересных выводов и наблюдений, не утративших своей научной ценности и в наши дни. К их числу можно отнести попытку ученого объяснить причины «собирательной» политики Москвы исходя из ее экономико-географического положения (во второй главе – две работы – «Возвышение Московского княжества и первые примыслы московских князей»). Отправным моментом здесь служил тезис курса 1909 г. о демографических преимуществах Московского княжества как самого заселенного по сравнению с другими (вследствие наибольшей безопасности этого края в составе Ростово-Суздальской земли)[6]. Но при этом, по мнению ученого, княжество располагало сравнительно скудными природными ресурсами и не имело значения крупного центра транзитной торговли, так как исходные и конечные

[1] *Любавский М. К.* Образование... С. 12.
[2] Там же. С. 13, 16, 17, 30.
[3] Там же. С. 13.
[4] *Ключевский В. О.* Соч. Т. 1. С. 338, 374.
[5] *Нечкина М. В.* В. О. Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 482, 483.
[6] *Любавский М. К.* Образование... С. 38.

пункты водных торговых путей находились не у Москвы[1]. Отсюда – «агрессивность» московских князей, их стремление к выходу за узкие рамки своей государственной территории, к расширению арены властвования, политического воздействия и «экономической эксплуатации». Делая это интересное и идущее вразрез с традиционными трактовками Забелина и Ключевского наблюдение, историк пришел, однако, к выводу в духе «государственной» школы с ее представлениями о государстве как силе, действующей в интересах всего общества.

М. К. Любавский справедливо утверждал, что с обладанием Великим княжеством Владимирским был связан не только политический, но и «крупный экономический интерес»; борьба Москвы и Твери тоже была сопряжена с «крупными экономическими и финансовыми интересами»[2]. Рассуждая о проблеме изменения междукняжеских отношений в Северо-Восточной Руси во второй половине XIV в., ученый объяснял ее новым взглядом ханов Золотой Орды на роль Москвы в этой системе отношений[3]. Начало открытых конфликтов Москвы и Золотой Орды ученый трактовал как процесс, начавшийся «стихийно, помимо инициативы московских князей». Последние вынуждены были защищаться, чтобы не платить второй и третий «выход», размер которого часто менялся в период распада Золотой Орды[4]. Далее идут интересные наблюдения о чрезвычайной стратегической важности для Москвы подчинения ей территорий по Оке[5], об отрицательном значении для дела централизации Руси феодальной войны 1430–1450-х гг., которая «на четверть века приостановила процесс объединения великорусских земель»[6].

Конкретные наблюдения и выводы ученого по отдельным аспектам проблемы образования Русского централизованного государства представляли и представляют поныне значительный интерес для российской историографии[7]. Ценное исследование М. К. Любавского по исторической географии Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв., по мнению А. А. Юшко, отличается широким историзмом[8]. Разработка данной тематики с позиций изучения «материального фундамента» централизации имела особую значимость для отечественной историографии довоенного периода, поскольку до конца 30-х годов проблема образования централизованного государства в марксистской историографии по существу отсутствовала[9]. Это исследование историка давало не

[1] *Любавский М. К.* Образование... С. 39, 49, 53.

[2] Там же. С. 80.

[3] Там же. С. 83.

[4] Там же. С. 88.

[5] Там же. С. 104.

[6] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства. Очерки по социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 107.

[7] Там же. С. 106.

[8] *Юшко А. А.* Историческая география Московской земли. XII–XIV вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. С. 8.

[9] ОРРГБ. Ф. 364. К. 1. Д. 4. Л. 1–153.

только ценный конкретно-исторический материал, но и положило начало новому историко-географическому ракурсу ее изучения.

Вторая (неопубликованная) часть работы – «Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение с центром территории Новгорода и Пскова. Историко-географический этюд»[1] – была попыткой исследования формирования территории Новгородской и Псковской республик в связи с их заселением. До появления труда Любавского имелась лишь работа А. И. Никитского по экономической истории Новгородской земли, в которой уделялось некоторое внимание и историко-географическим аспектам темы[2].

Главными источниками для исследования послужили летописи и писцовые книги Новгородской и Псковской земель. Особенно высоко оценивал Любавский писцовые книги, так как они давали возможность узнать, как происходило заселение Новгородской и Псковской земель славянскими колонистами, к чему в конце концов оно привело и какая судьба постигла прежних «насельников»[3]. В процессе работы Матвей Кузьмич широко использовал актовый материал почти из всех крупных серийных дореволюционных публикаций. Литературу же привлекал в меньших масштабах. Так, кроме монографии Никитского, чаще всего в подстрочнике работы встречаются ссылки на исследования по истории церкви в России: Амвросия, Досифея, В. В. Зверинского; специальные историко-географические исследования П. И. Кеппена, К. А. Неволина, Е. К. Огородникова, А. А. Спицина, А. С. Уварова, Н. П. Тихомирова, а также работы общеисторического характера А. В. Экземплярского, А. Д. Никитского, А. М. Гневушева, А. А. Шахматова, М. М. Богословского, А. А. Савича[4]. Сравнение актовых источников с повествовательными и с литературными данными позволяло историку в широких масштабах применять один из своих излюбленных приемов – историческую ретроспективу. В этих целях Любавский обращался даже к такому несколько неожиданному здесь источнику, как перепись 1920 г. (по Карельской АССР). Данные письменных источников часто дополнялись и проверялись показаниями географической номенклатуры и ономастики.

Матвей Кузьмич считал вторую часть своей работы естественным и необходимым продолжением первого очерка, поскольку в освоении территории Новгородской и Псковской земель принимали участие главным образом те же восточнославянские племена кривичей и словен, которые составили основу

[1] ОР РГБ. Ф. 364. К. 4. Д. 4. Л. 2 об.

[2] *Никитский А. М.* История экономического быта Великого Новгорода. М., 1883. С. 2, 3, 13.

[3] ОР РГБ. Ф. 364. К. 4. Д. 4. Л. 2.

[4] *Амвросий (Орнатский).* История российской иерархии. М., 1807–1815. С. 1–6; *Зверинский В. В.* Монастыри, закрытые до царствования Екатерины II. СПб., 1897; *Кеппен П. И.* Об этнографической карте Европейской России Петра Кеппена. 2-е изд. СПб., 1859; *Неволин К. А.* О пятинах Новгородской земли // *Неволин К. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1859. Т. 6.; *Спицин А. А.* Историко-археологические разыскания. Б. м., б. г.; *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1815; *Тихомиров Н. П.* Галицкая митрополия. СПб., 1896.

великорусской народности[1]. Любавский ставил перед собой и другую задачу: пересмотреть все данные источников об отношениях Новгорода и Пскова к Москве с целью выяснения тех причин, которые привели к «поглощению» этих республик могучим восточным соседом[2]. Этот вопрос поднимался в работах предшественников, но трактовался в слишком общей форме, без достаточного учета всех слагаемых данного процесса.

Исследование включает 5 глав (текст 1–3-й глав – машинописный с авторской правкой, 4–5-я главы – авторизованная рукопись). Истории колонизации Новгородской земли до XIII в. посвящена 1-я глава – «Борьба новгородских славян с финскими племенами и занятие их земель»[3]. Историк показывает, что исходное ядро Новгородской земли создали словене; местными старожилами здесь была чудь. В процессе освоения земель имела место борьба словен с коренными финскими и пришлыми германскими племенами[4]. Причем в этом процессе, судя по данным топонимики и археологии, известную роль сыграли скандинавы. По мнению Любавского, легенда о призвании князей, как ни относиться к ее деталям, отразила в себе историческую действительность – утверждение в Новгороде варяжских князей. «Весьма вероятно, – писал ученый, – что этот факт был результатом древнего общения словен со скандинавами, давнего их международного сотрудничества, в том числе и продвижения их на северо-восток и восток». Скандинавы сыграли важную роль в «политическом конструировании восточнославянских племен»[5].

Что же заставляло словенские племена вести борьбу с местным населением и пробираться в лесные и болотистые дебри Севера? Историк не без основания главным двигателем славянской колонизации считал особенности «экономического быта» новгородских словен (соединение экстенсивного земледелия и скотоводства с охотой, рыбной ловлей и бортничеством). Эти особенности и заставляли и новгородцев расширять арену своей сельскохозяйственной и промысловой деятельности: «Увеличение населения, с одной стороны, известное оскудение почвы и естественных богатств, с другой стороны, должны были вызвать тягу на новые земли, на новые угодья, главным образом на север и северо-восток» (к богатейшим пушным промыслам этих районов).

Вторая, центральная и самая большая, глава работы – «Ход новгородской колонизации и ее результаты к концу XV века» – решала задачу реконструкции истории ранней колонизации, опираясь на более поздние факты (конца XV–XVI в.) и географическую номенклатуру. Были поставлены и в значительной мере решены три основных вопроса истории колонизации Новгородской земли XIII–XV вв.: 1) о форме и типе поселений; 2) об участии различных социальных слоев и групп населения в ее освоении; 3) о роли «Заволочья в Новгородской земле».

---

[1] ОР РГБ. Ф. 364. К. 4. Д. 4. Л. 3а.
[2] Там же. Л. 1–31.
[3] Там же. Л. 1–5, 8, 29.
[4] Там же. Л. 5–6.
[5] Там же. Л. 30–31.

Детально исследуя процесс складывания административно-территориальной системы Новгорода, историк объясняет причины «скопления» сел и «пустот» в различных областях этой земли[1]. Особого внимания заслуживает обращение Любавского к социальному контексту колонизации Новгородской земли. Под влиянием работ А. И. Никитского и А. М. Гневушева автор приходит к выводу, что огромную роль в процессе освоения ее территории играла деятельность «лепших», «вятших» людей. Эти подлинные хозяева Новгородской земли не «только закабаляли в рабство измученных голодом людей, но, несомненно, скупали земли и угодья разорившихся землевладельцев и промышленников, захватывали покинутые земли и угодья и вновь заселяли их земледельцами и промышленниками, но уже на правах арендаторов, давая ссуду (серебро) на хозяйственное обзаведение»[2]. К моменту падения Новгорода большая часть его земель была уже в их руках[3] и эксплуатировалась даже «без предварительного формального пожалования господина Государя Великого Новгорода»[4].

Определяя (по типу поселения) социальный облик колонистов (частные лица – «капиталисты», крестьяне, государство, церковь, князь) и устанавливая зависимость типа поселения от географического фактора (например, села чаще всего встречались в местностях с наиболее плодородными почвами), историк связывал с этими моментами и распространение «боярщины» именно в определенных районах внутри Новгородской земли (в Заволочье)[5]. Бежецкий край стал центром боярского землевладения, поскольку всегда высокие цены на хлеб в Новгороде обусловливали такую экономическую конъюнктуру, что даже при неблагоприятных условиях «земледелие при всем риске в общем было выгодным промыслом, и в этот промысел все новгородские состоятельные люди охотно вкладывали свой капитал»[6].

Уже в XIV–XV вв. земли Заволочья благодаря развитому земледелию и богатым промыслам (солеварение, салотопенный промысел) стали, по мнению историка, тем «базисом государственного благосостояния, каким они выступают позднее, в XVI и XVII вв.»[7]. Роль этих районов в экономической жизни Новгорода была настолько велика, что вопрос о нем в споре Новгорода и Москвы стал «жизненным вопросом, решившим судьбу новгородской государственности»[8]. Наблюдения Любавского о роли Заволочья в московско-новгородских отношениях XIV–XV вв. стали новым ценным вкладом в историческую литературу того времени. В предшествующей историографии фак-

[1] ОР РГБ. Ф. 364. К. 4. Д. 4. Л. 30–31.
[2] Там же. Л. 41.
[3] Там же.
[4] Там же. Л. 43–44.
[5] Там же. Л. 60–63.
[6] Там же. Л. 86.
[7] Там же. Л. 94, 99, 108.
[8] Там же. Л. 108–109.

ты этой борьбы рассматривались как второстепенные эпизоды новгородской истории, вскользь и поверхностно. Не были установлены ни основные периоды этой борьбы, ни ее территориальные результаты.

В свете этой борьбы за экономические интересы ученый рассматривал всю историю взаимоотношений Новгорода и Москвы в XIII–XV вв., политику Московского княжества («мирную» и «военную») по отношению к своему западному соседу, взаимоотношения Новгорода с Великим Княжеством Литовским в XV в. (3-я глава – «Соединение новгородской государственной территории с московскою»)[1]. М. К. Любавский указывал две причины внутренней слабости Новгородской республики – это различная экономическая ориентация в стане новгородского боярства и купечества («московская» и «литовская» партии) и вражда в республике между «меньшими» людьми и боярами[2].

Рассматривая в 4-й и 5-й главах историю складывания и колонизации Псковской земли, ее взаимоотношения с Московским княжеством, историк пришел к выводу о преобладании там славянского населения в гораздо более ранние времена, чем на территории Новгорода[3], а также о сравнительно безболезненном характере присоединения Пскова к Московскому государству. Причины этих явлений Любавский видел в особенностях географического положения (пограничная территория) и внешнеполитической обстановки, в которых городу приходилось бороться за свою независимость: вражда с западными соседями (немцами и Литвой) и ненадежный союз с Новгородом ориентировали Псков на Москву[4]. Поэтому, по его мнению, «Псковское взятие было естественным завершением отношений между Псковом и Москвой... Царь, взяв на себя дело защиты Пскова, естественно, хотел получать от него настоящие финансовые и военные средства»[5].

Следует отметить, что во второй части работы шаг, сделанный навстречу экономическому материализму, был более последовательным, чем в первой. Наряду с явным подчеркиванием ведущей роли экономических факторов в изучаемых процессах, особенно характерным для «новгородских» глав, отмечается и социальная основа событий политической истории Новгорода (социальные конфликты между «лепшими» и «меньшими» людьми).

Историко-географический аспект рассмотрения вопроса, богатство и точность конкретно-исторических наблюдений делают эту работу значительным явлением отечественной историографии. Большой интерес для современных исследователей представляют многочисленные списки городов, монастырей-колонизаторов, данные о границах земель, «словесные» карты территорий, мастерски установленные на основе тщательной обработки огромного источ-

---

[1] ОР РГБ. Ф. 364. К. 4. Д. 4. Л. 111–125.
[2] Там же. Л. 112, 122 об.
[3] Там же. Л. 127 об.
[4] Там же.
[5] Там же. Д. 1. Л. 148.

никового комплекса. Аналогичные работы по данному вопросу советских историков-марксистов появились с 1950-х гг.[1]

Последним, заключительным трудом историко-географического цикла Любавского явился «Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века»[2]. Этот итоговый труд, без сомнения, может быть назван делом всей жизни исследователя, а его предыдущие работы по данной тематике могут расцениваться как последовательные этапы осуществления грандиозного замысла. Завершенная к концу 1928 г.[3], эта фундаментальная монография историка (750 листов машинописного текста) содержит важнейшие и интереснейшие наблюдения по истории заселения и освоения русским, украинским и белорусским народами огромных пространств нашей Родины.

Здесь следует еще раз специально подчеркнуть, что термин «колонизация» в старой русской историографии не нес того отрицательного идеологизированного отпечатка, который появился в рамках позднейшего марксистского обществознания. Следуя современной традиции, было бы точнее использовать для обозначения изучавшихся М. К. Любавским явлений термин «расселение». «Обзор…» посвящен именно истории расселения тесно взаимодействовавших в историческом процессе русского, украинского и белорусского этносов на пространствах Евразии, изучению как самого процесса, так и факторов, влиявших на него.

Историк был убежден в том, что колонизация русского народа, которая продолжалась вплоть до конца XIX в., оказывала «самое решительное влияние на народно-хозяйственную жизнь, политическое устройство и культурное развитие страны»[4]. Правда, одного существенного изменения в позициях ученого нельзя не заметить. Если курс 1909 г. освещал колонизацию только великорусской народности, то «Обзор... » включал проблемы колонизации украинской и белорусской народностей. Это было шагом вперед на пути отхода от великодержавных позиций учителей Любавского – Соловьева и Ключевского. Любавский и Пресняков касались их вскользь в работах еще дореволюционного периода своего творчества[5]. Этот новый аспект потребовал существенного дополнения фактическим и концептуальным материалом. Первый вариант книги, подготовленный к печати в 1922 г., явился своего рода «подходом»

---

[1] *Бернадский В. Н.* Новгород и новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961; *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л., 1955; *Кафенгауз Б. Б.* Древний Псков. Очерки по истории феодальной республики. М., 1960; *Куза А. В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 144–201; *Подвигина Н. Л.* Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII–XIII вв. М., 1978; *Орлов С. Н.* Топография Новгорода Великого: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1967; *Шаскольский И. П.* Этническая структура Новгородского государства // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 32–39; *Дегтярев А. Я.* Русская деревня в XV–XVII вв. Л., 1980.

[2] ОР РГБ. Ф. 364. К. 3. Д. 3. К. 4, ед. хр. 2.

[3] ОПИ ГИМ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 34. Д. 34. Л. 31 об.

[4] ОР РГБ. Ф. 364. К. 3. Д. 2. Л. 7.

[5] *Пионтковский С. А.* Буржуазная историческая наука в России. М., 1931. С. 19; *Милюков П. Н.* Очерки истории русской культуры. 4-е изд. СПб., 1905.

к теме. В первой половине 1920-х гг. Матвей Кузьмич занимался тщательным исследованием отдельных вопросов, в частности – «этюдов» об образовании основной государственной территории великорусской народности. Второй (окончательный) вариант книги, задуманной еще в 1918 г., включал содержание курсов 1909 и 1922 гг., «этюдов», посвященных образованию основной государственной территории великорусской народности, и докладов 1920-х гг. Палеографические наблюдения над основным и подготовительными текстами показали, что «Обзор...» примерно на 60 % состоит из материалов курса 1922 г. и других работ 1920-х гг.

Какие же соображения заставили автора «Обзора…» предпринять новую попытку общего, но более детального, по сравнению с курсом 1909 г., изложения истории русской колонизации? Прежде всего – отсутствие в русской исторической литературе научного труда, в котором бы сводились воедино все частные исследования по рассматриваемой проблеме. Первый опыт в этом направлении, предпринятый в конце XIX в. П. Н. Милюковым, давал лишь схему хода русской колонизации, но не живую ее картину. В частности, не разъяснялся такой важный, по мнению Любавского, вопрос: «Какие причины заставляли русский народ, обладавший просторной сравнительно со своей численностью территорией, занимать все новые и новые места, расширяя эту территорию, раскидываясь на ней редкими и большей частью малолюдными поселками?»[1] Для того чтобы дать ответ, требовались конкретно-исторические детали, «известные подробности» (по выражению Любавского) о природных свойствах и ресурсах «как заселенных, так и заселявшихся русским народом земель, о хозяйственном быте колонизаторов, о прежнем населении колонизируемых земель, его быте и отношениях с соседями»[2]. Следовательно, уже в определении круга задач работы чувствуется смещение интересов ученого в сторону исторической географии народного хозяйства.

По-видимому, в конце 1920-х гг. Любавский пришел к осознанию определенной ограниченности прежнего подхода к проблеме колонизации, слабо увязанного с социальными отношениями в государстве.

Эти новые акценты, а также и то, что большая часть работы была опубликована, повлияли на ее архитектонику. Разные периоды истории русской колонизации освещены в «Обзоре…» неравномерно. Отчасти это было обусловлено состоянием источниковой базы исследования. Наиболее подробно автор останавливался на тех моментах, которые лучше всего были изучены в исторической литературе или являлись характерными и типичными для русского колонизационного процесса. При изучении географической номенклатуры Любавский уделял внимание преимущественно тем древнейшим русским селениям заселяемых территорий, которые были «первыми вехами, намечавшими пути к дальнейшему заселению этих территорий»[3].

---

[1] ОР РГБ. Ф. 364. К. 3. Д. 2. Л. 11.

[2] Там же.

[3] Там же.

Окончательный вариант этого фундаментального труда состоит из 22 глав и резюме. К исследованию прилагались 5 карт, о которых Матвей Кузьмич сообщал в апреле 1936 г. в письме Н. М. Лукину. Использование самого разнообразного и широкого круга исследований по истории колонизации отдельных земель, антропологии, этнографии, археологии, географии и геологии России, привлечение огромного массива источников из серийных русских публикаций XVIII – начала XX в., мастерская интерпретация данных географической номенклатуры – все это позволило историку охватить в работе огромные территории нашей страны: Европейский Центр, Беларусь, Украину, Прибалтику, Северный Кавказ, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Среднюю Азию.

Особый интерес представляют новые главы работы М. К. Любавского, которых не было ни в курсах 1909 и 1922 гг., ни в 1-й и 2-й части его «Образования и заселения основной государственной территории» (главы I, IX, XIV–XVIII, XX–XXII). Имеет смысл остановиться на них подробнее, выделяя при этом круг основных вопросов, поднятых историком.

В главе I – «Древнейшие обитатели Восточной Европы», посвященной истории Северного Причерноморья, начиная с эпохи скифов и до времени господства готов в южно-русских степях сообщаются сведения о населении лесных пространств Восточной Европы – славянах, литовцах, финнах, местах их расселения. Дается критика теорий И. Е. Забелина, Д. Я. Самоквасова о скифах – якобы праславянах. На основании рассмотренного материала делается вывод о том, что «до конца IV века славян не было в южных степных областях Восточной Европы», а ко времени Геродота «Скифия» явилась уже чисто географическим термином, ее территория была населена в сущности разными народами[1].

Глава IX – «Объединение Литвы и западно-русских земель в Великом княжестве Литовском, его пределы и размещение в нем населения к половине XVI века» – выросла из докладов, которые М. К. Любавский делал в 1920-е годы в ОИДР и в Институте истории РАНИОН. В ней анализируется ряд основных вопросов по истории Западной Руси: географическое и политическое разобщение восточного славянства в XIII в., литовские племена и область их расселения в XIII в., объединение Верхней и Нижней Литвы с Черной Русью в Великое Княжество Литовское, территориальные приобретения ВКЛ в XIII–XIV вв., состав и границы расселения его населения к XVI в. и др.[2]

Глава XIV – «Борьба Московского государства с крымскими татарами и заселение черноземных степей» – освещает вопросы возникновения станичной и береговой службы на окраинах Русского государства, строительства засечных черт в XVI–XVII вв., образования и состава населения Слободской Украины. Рассматривая процесс колонизации Слободской Украины, ученый обращает внимание на соотношение форм колонизации (казацкая, государ-

---

[1] ОР РГБ. Ф. 364. К. 3. Д. 2. Л. 11.
[2] Там же. Д. 4. Л. 2–18.

ственная, вольнонародная) и справедливо утверждает, что в зависимости от обстоятельств в различные периоды времени господствовали разные формы[1].

В главах XVI–XVII – «Заселение Приднепровской Украины во второй половине XVI и в XVII веке», «Заселение Новороссии» – рассматриваются проблемы колонизации и размещения населения в Правобережной Украине XVI в., панского землевладения в Украине в XVI–XVIII вв., истории украинского казачества, его борьбы с Речью Посполитой в XVII в.[2] Пристальное внимание ученого обращено к истории Войска Запорожского (в XV–XVIII вв.), образованию и заселению Новороссийской губернии после русско-турецких войн XVIII и XIX вв., дворянам и переселенцам, а также истории градостроительства в крае (в частности, Николаева, Одессы). Рассказывается о роли иностранных колонистов в освоении богатств Новороссии. Как почти во всех предыдущих главах, Любавский сообщает ценные и очень детальные сведения о количестве и форме поселений.

В очень интересно и живо написанной главе XVIII – «Занятие и заселение русскими людьми Предкавказья» – большое место уделяется истории Терского и Кубанского казачьих войск (первая половина XVI – вторая половина XVIII в.). Ярко обрисован их быт и отношения с местным населением. Рассматриваются вопросы комплектования, состава, службы казачьих войск, а также политика правительства по отношению к Северному Кавказу на протяжении XVI–XIX вв.[3] В итоге, по оценке историка, казачья и крестьянская колонизация Северного Кавказа привела к тому, что к середине XIX в. и в Предкавказье протянулась такая же «засечная» черта, как и на степной «украйне» России, Поволжья, в Приуралье и Западной Сибири[4]. В результате постоянных войн правительства с горцами казачьи войска находились на особом привилегированном положении. Власти смотрели на них «как на стратегический пункт по борьбе с горцами»[5]. Кроме того, подробно освещаются внутренние социальные проблемы казачества, взаимоотношения казаков с беглыми, типы казацких поселений.

В главе XX – «Занятие и заселение русскими людьми Башкирии» – исследуется история башкир начиная с первых веков нашей эры и вплоть до конца XIX в. Дается краткая характеристика природы страны. Затрагиваются вопросы строительства укрепленных линий в Приуралье, истории Оренбургского казачьего войска. Анализируются особенности аграрных отношений в Башкирии XVIII–XIX вв.[6]

В главе XXI – «Занятие киргизских степей и Туркестана и русская колонизация в этих краях»[7] – попытка обзора отношений между кочевыми сооб-

---

[1] ОР РГБ. Ф. 364. К. 4. Д. 2. Л. 1–15.
[2] Там же. Л. 175–212.
[3] Там же. Л. 245–250.
[4] Там же. Д. 75. Л. 104–168.
[5] Там же. Д. 11. Л. 104–168.
[6] Там же. Л. 160.
[7] Там же. Д. 2. Л. 348–389.

ществами Казахстана и государств Средней Азии с Россией XVIII–XIX вв., изучаются формы и пути расселения русского населения в этих районах. Ученый дает периодизацию этапов колонизации, останавливаясь особо на переселенческой политике правительства в конце XIX в. М. К. Любавский считал, что «распространение русского владычества в первую очередь вызывалось потребностями обороны западно-сибирского населения от беспокойства соседей с юга»[1].

В последней главе работы – «Русская колонизация Прибалтийского края в XVIII и XIX веках»[2] – историк, рассматривая правительственную политику по отношению к прибалтийским губерниям в XVIII–XIX вв., приходит к выводу о том, что к концу XIX в. русский элемент в этом крае составлял ничтожное меньшинство и край как был, так и остался «инородческим»[3].

В пространном резюме суммировались «поглавные» выводы о формах, путях, типах и особенностях русского колонизационного процесса на различных этапах истории Русского государства. Ученый подсчитал, что к 1912 г. в России из 22,7 млн км^2 ее территории на долю областей, завоеванных, но не колонизированных, приходилось в общем 2,5 млн км^2, т. е. не более 12 % всей территории огромной страны[4].

Изучение этой работы М. К. Любавского позволяет с уверенностью утверждать, что по широте поставленных задач и охвату материала она не имеет прецедентов в предшествовавшей отечественной историографии. Некоторые темы и положения, очерченные в данной работе, впоследствии получили развитие в исследованиях целого ряда отечественных ученых – В. А. Александрова, А. А. Введенского, С. Б. Веселовского, М. В. Витова, Н. Н. Воронина, В. А. Голобуцкого, И. А. Голубцова, В. В. Дорошенко, В. П. Загоровского, Е. И. Заозерской, А. А. Зимина, М. К. Каргера, Б. Б. Кафенгауза, В. Б. Кобрина, Б. А. Колчина, А. И. Копанева, Е. Н. Кушевой, И. И. Ляпушкина, А. Н. Насонова, А. А. Новосельского, Н. Е. Носова, В. Т. Пашуто, А. Л. Перковского, Д. Л. Похилевича, П. Г. Рындзюнского, К. Н. Сербиной, П. П. Смирнова, А. Л. Станиславского, М. Н. Тихомирова, С. М. Троицкого, А. В. Фадеева, Л. В. Черепнина, А. Л. Шапиро, В. И. Шункова, В. К. Яцунского, Е. И. Дружининой, Б. А. Рыбакова, П. П. Толочко, О. Н. Трубачева, Я. Н. Щапова, В. Л. Янина, Ю. Г. Алексеева, Л. Г. Бескровного, М. Б. Булгакова, Ю. С. Васильева, Я. Е. Водарского, В. М. Воробьева, Н. А. Горской, М. М. Громыко, Я. Р. Дашкевича, А. Я. Дегтярева, Н. Ф. Демидовой, Т. Н. Джаксон, И. В. Дубова, А. В. Дулова, В. Л. Егорова, В. С. Жекулина, Л. И. Ивиной, Э. Г. Истоминой, В. М. Кабузана, С. М. Каштанова, А. Н. Кирпичникова, П. А. Колесникова, В. А. Кучкина, Х. М. Лиги, Н. Н. Масленниковой, Е. А. Мельниковой, Б. Н. Миронова, Э. М. Мурзаева, В. Д. Назарова, Е. Н. Носова, А. А. Преображенского, А. П. Пронштейна,

[1] ОР РГБ. Ф. 364. К. 4. Д. 2. Л. 398.
[2] Там же. Л. 402–414.
[3] Там же. Л. 414.
[4] Там же. Л. 415.

Р. Н. Пуллата, Г. С. Рабинович, В. В. Седова, З. В. Тимошенковой, И. Я. Фроянова, А. Л. Хорошкевич, С. З. Чернова, Е. В. Чистяковой, Е. Н. Швейковской, А. А. Юшко и многих других. В 1996 г. при деятельном участии доктора исторических наук профессора А. Я. Дегтярева, Ю. Ф. Иванова и автора этих строк это фундаментальное исследование ученого было подготовлено к печати и увидело свет в издательстве Московского университета[1].

* * *

В эволюции общественно-политических взглядов историка можно наметить три этапа. Первый – до буржуазно-демократической Революции 1905–1907 гг., когда его политические взгляды и теоретические представления, в основном, укладывались в русло либеральной идеологии. Второй (1905–1917 гг.) был отмечен поправением М. К. Любавского, перемещением его на правый, «октябристский», фланг этой социальной группы русского общества.

Теоретические представления М. К. Любавского, его понимание русской истории, по существу, оставались в рамках взглядов учителя В. О. Ключевского, в русле либеральных традиций отечественной историографии.

Методологическое кредо историка – кредо типичного позитивиста – «государственника». Ученый сохранял верность ему со студенческих лет вплоть до конца 20-х годов. Оно гармонирует как с общественно-политическими взглядами, так и с психологией М. К. Любавского. Эклектизм в теории и компромисс в жизни, ставка на эмпиризм в исследованиях и «здравый смысл» в политических прогнозах и практике, эволюционизм и страх перед революциями с их «непредсказуемостью и хаосом» – все это убеждения человека, ориентирующегося на приспособление к миру, а не на переделку его. Октябрьская революция развеяла миф, часто декларируемый ученым, о возможности существования «объективной», внепартийной исторической науки. Политические взгляды самого историка, мировоззрение, которое накладывало ощутимый отпечаток на его научное творчество, были тесно связаны с либеральной идеологией. Политика вторгалась в историю, направляя перо ученого в сторону той тенденциозности, против которой он выступал на словах.

Изучение дооктябрьского периода жизни научного творчества М. К. Любавского позволяет сделать вывод об ученом как о представителе либерального направления российской историографии конца XIX – начала XX в., того периода ее существования, когда оппозиционность буржуазии по отношению к царизму быстро «полиняла», а ее консервативные настроения выступили с особой отчетливостью.

Сформированное позитивистскими убеждениями восприятие русской истории (изучение которой, как считал историк, «имеет не только научный интерес, а важно для понимания и оценки современного Русского государства»), оказало

---

[1] *Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до XX века. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996.

ему плохую услугу в оценке русской действительности 1905–1917 гг. Встретивший, как и большинство интеллектуальной элиты русской интеллигенции, Октябрь враждебно, М. К. Любавский не сразу и не до конца сумел сделать «переоценку ценностей».

Чувство патриотизма, стремление к сохранению страны как великой державы, присущие ученому, жизнеспособность нового строя в конечном итоге определили его поворот к советской действительности. В трудные и голодные для Отчизны годы он не эмигрировал за границу, а продолжал работать для блага России и ее культуры. В 20-е годы ученый занимал ряд ответственных постов в Центрархиве, где принимал деятельное участие в спасении культурного достояния республики под руководством В. В. Адоратского и В. Л. Невского, работал экспертом-консультантом Наркоминдела и ряда правительственных комиссий, преподавал в 1-м МГУ, вел исследования в Институте истории РАНИОН.

В гораздо меньшей степени в 20-е годы подвергались коррективам методологические позиции историка. Изучение его историко-географических исследований этих лет показывает, чти они в целом создавались на базе позитивистской методологии истории, хотя уже заметны попытки эволюции от установок государственной школы к экономическому материализму. Они отразились в понимании экономического фактора в истории как фактора ведущего в более широком, чем до 1917 г., понимании национального вопроса, большом внимании к вопросам вольнонародной колонизации и усилении критической струи в оценке колониальной политики царского правительства.

Тематика и содержание последних, неопубликованных работ М. К. Любавского, созданных в 30-е годы, позволяет говорить о том, что им был сделан новый, существенный шаг навстречу требованиям жизни. Историк не только старался освоить новую для него область экономической истории, но нередко с новых позиций, близких современной ему марксистской историографии, показать смысл, историческую роль явлений (например, башкирских восстаний XVII–XVIII вв.). Но наличие в этих исследованиях позитивистских методологических установок, безусловно, свидетельствует о том, что в своей методологической «перестройке» М. К. Любавский стоял только в начале пути.

Эклектичные в своей методологической основе, эти труды М. К. Любавского сильны своими конкретно-историческими и частными выводами, насыщенностью источниковым материалом и высокой культурой их источниковедческого анализа. Источниковедческое мастерство ученого, умелое применение сравнительно-исторического и ретроспективного методов позволяли достигать значительных успехов в решении и постановке ряда важных проблем истории феодальной России.

Несомненно, значительным явлением русской историографии начала XX в. можно признать курс лекций М. К. Любавского по исторической географии России. Автор курса попытался впервые в отечественной исторической науке создать сводный очерк исторической географии страны с точки зрения

колонизации, реализовать схему одного из своих учителей В. О. Ключевского на конкретно-историческом материале. Отличный знаток первоисточников и тонкий их истолкователь, историк сделал здесь ряд важных для анализа политической истории Руси XI–XV вв. наблюдений (роль географического фактора в политической раздробленности X–XII вв., «демографическая» трактовка причин возвышения Москвы, татарские нашествия и география населения Руси в XIII–XVI вв. и др.), первый в русской историографии предпринял попытку изучения исторической географии России позднефеодального периода (XVIII–XIX вв.). Понимание ученым задач этой науки, сформулированное в курсе, дает возможность пересмотреть утвердившуюся в ряде работ советских историков точку зрения о том, что дореволюционное поколение исследователей, занимавшееся исторической географией, видело свои задачи лишь в локализации на карте политических событий, политических и племенных границ.

Плодотворное влияние исследований М. К. Любавского в области исторической географии в истории Великого Княжества Литовского, где его труды «составили эпоху в литовско-белорусской историографии»[1], сказалось в курсе лекций по «Древней русской истории». Этот курс интересен не только как попытка «подновления» схемы русской истори В. О. Ключевского за счет привлечения новых аргументированных версий, появившихся в русской историографии в начале XX в. (М. А. Дьяконов, А. Е. Пресняков, Н. П. Павлов-Сильванский, Н. А. Рожков и др.), но и как показатель умения М. К. Любавского дать ряд интересных трактовок некоторым узловым проблемам феодальной Руси (социально-политическая структура восточнославянского общества VIII–IX вв., эволюция форм государственности в Киевской Руси, татаро-монгольское нашествие на Русь, характерные особенности процесса централизации в Северо-Восточной Руси и др.). Все это не позволяет оценить курс как компилятивное сочинение. Изучение материала лекций не дает возможности считать правильным бытующее в историографии мнение о Любавском как норманисте и о положительной оценке им роли татарского ига в деле централизации Русского государства[2]. Сам факт поддержки Любавским взглядов Н. П. Павлова-Сильванского о существовании феодализма в «удельной» Руси, несомненно, заслуживает положительной оценки современной историографии.

Созданные в 20-е годы фундаментальные историко-географические исследования ученого обогатили историческую науку новыми конкретными наблюдениями и выводами по ряду важных аспектов проблемы образования Русского централизованного государства. Эти ценные работы по исторической географии Северо-Восточной Руси (IX–XVI вв.) и Северо-Западной Руси (X–XVI вв.), разрабатывавшие данную проблематику с позиций изучения «материального фундамента», имели особую значимость для отечественной историографии довоенного периода, поскольку до конца 30-х годов в марк-

---

[1] *Пичета В. И.* Введение в русскую историю // Источники и историография. М., 1923. С. 187.
[2] Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 306.

систской историографии проблема образования централизованного государства, по существу, отсутствовала.

Работы Любавского этих лет давали не только ценный конкретно-исторический материал по этой проблеме, но и заложили основу историко-географического ракурса ее изучения. Обобщающий, синтетический труд историка «Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века» содержит важнейшие наблюдения по истории заселения и освоения русским, украинским и белорусским народами огромных пространств нашей страны на протяжении многовековой истории. По широте поставленных задач, по масштабности предмета исследования и по охвату материала этот труд не имеет прецедента в отечественной историографии.

Не меньшего внимания заслуживают и неопубликованные исследования Любавского по истории феодальной Башкирии. Многие ключевые проблемы этой темы ученый впервые в советской историографии доказательно разработал на конкретно-историческом материале (башкирская вотчина, припуск, земельная политика царизма в Башкирии XVII–XVIII вв. и др.).

Изучение биографии ученого и его творческого наследия дает основание считать его не только наиболее крупным представителем отечественной литванистики, истории западных славян, но и выдающимся знатоком исторической географии, истории феодальной России, видным организатором и деятельным участником архивного строительства в РСФСР. Богатые конкретно-историческими наблюдениями и выводами, основанные на изучении первоисточников, многие его работы не потеряли своей научной актуальности в наши дни, привлекают внимание современных исследователей. Известный отечественный историк-исследователь, он был и создателем научной школы. Исторической науке хорошо известны его ученики: В. И. Пичета, Н. Г. Бережнов, А. А. Новосельский, В. К. Никольский, С. В. Бахрушин.

Д. В. Карев

«ОЧЕРК...» М. К. ЛЮБАВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ИСТОРИОГРАФИЙ РОССИИ XIX – начала XX в.

Оценить значение любого исторического труда, признанного классическим в исторической науке, а работы М. К. Любавского по истории Великого Княжества Литовского, несомненно, относятся к такому классическому наследию, можно только сопоставив предшествующую и последующую историографическую традицию изучения этого государства, тем самым вписав их в социокультурный и научный контекст эпохи. История ВКЛ имеет для нас, белорусов, особое значение. В рамках этого государственного образования в течение пяти столетий формировались многие исторические традиции, повлиявшие на дальнейшую судьбу белорусской нации и ее культуры.

Для российского научного сообщества первое фокусирование интереса к истории ВКЛ приходится на конец XVIII – первую треть XIX в., когда после разделов Речи Посполитой вошедшие в состав империи белорусские, литовские и украинские земли заставили правительственные круги и научный мир России по иному осмыслить проблему восточнославянского мира и роли в нем российской цивилизации[1].

Два главных историографических достижения приходятся именно на этот период времени: 1) введение в научный оборот корпуса источников, на базе которых историческая наука Беларуси и Литвы смогла создавать в 40–50-е годы первые синтезные концепции ВКЛ; 2) выделение истории этого государства в самостоятельный, «самодостаточный» объект исследования. В историческую науку вошло «разночинское» поколение сыновей униатского и православного духовенства, которые открыли восточнославянскую (белорусскую в основе своей) природу Великого Княжества Литовского, сумели рассмотреть богатство его истории и культуры. Не уходя окончательно от польской культурной традиции, эти «литвины-патриоты», как их называли современники, внесли в историческую ментальность интеллигенции края ощутимые элементы «билингвизма», по-иному, не «по-шляхетски», начали осознавать проблему народа. Это было особенно важно в тот период, когда полонизация шляхетской интеллигенции Беларуси не только не прекратилась, а приобрела второе дыхание. Восстание 1830–1831 гг. определило ту грань, за которой

[1] *Карев Д. В.* Белорусская и украинская историография конца XVIII – начала 20-х гг. XX в.: в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев. Вильнюс, 2007. С. 76–109.

формирование культуры и историографии Беларуси протекало в совершенно ином политическом и культурном контексте.

Уроки восстания 1830–1831 гг. заставили некоторых видных русских историков более пристально взглянуть на судьбу западных губерний и историю Беларуси. Одним из них, едва ли не первым в русской историографии, попытавшимся подключить историю «Западной Руси» в концептуальную схему русской истории, был придворный историограф Н. Г. Устрялов. Свою позицию Устрялов углубил и сформулировал в написанной к 1838 г. статье «Исследование вопроса, какое место в русской империи должно занимать Великое княжество Литовское». Положения последней, детально разработанные, вошли в состав «литовских» глав «Русской истории» ученого, которая выдержала в эпоху правления Николая I несколько изданий[1].

Прежде чем сформулировать свое понимание истории ВКЛ, историк отмечает, что сам вопрос возник в недавнее время и возбудил всеобщее внимание. При этом мнения разделялись. Многие охотно приняли мысль, что «Литовское княжество Русское по своему началу, Русское по своему составу, по массе народа, по вере и языку», должно занять в отечественной истории по крайней мере такое же место, какое дают историки России княжествам Галицкому или Новгородскому. С другой стороны, находилось немало таких ученых, которые смотрели на «Литву» и соединенные с ней области, как на «польские провинции», и полагали, что русской истории о делах «литовских» надо рассуждать не более, чем о делах «крымских или ливонских». При этом, как замечает Устрялов, ни та ни другая сторона «не подтвердила своего мнения практическими исследованиями» и вопрос с ВКЛ остался темой для будущих исследователей[2]. Для решения этой проблемы историк, по мнению ученого, должен был дать ответы на следующие вопросы: 1) как возникло ВКЛ в виде самостоятельного государства, как утратило свою самостоятельность и подпало чуждому влиянию; 2) как смотрело на него Московское государство во времена его «величия и падения»; 3) как понимали его современные писатели до конца XVII в.; 4) что думали о нем позднейшие историки России. Сам Устрялов дал ответы на эти вопросы в выводах соответствующих глав «Русской истории».

За девяностолетний период, прошедший от времени первого раздела Речи Посполитой до Крестьянской реформы 1861 г. и восстания 1863 г., правительственная Россия успела неплохо узнать Беларусь. Активный сбор информации, который велся в эти годы, создал представительный «банк данных», пригодный для принятия эффективных политических решений по «белорусскому вопросу». Были заложены основы той историографической традиции официального, правительственного направления, которая в 60-е годы XIX в. получит название «западнорусизма». Предпринимались и первые попытки контрпропагандистской «игры» в сфере переориентации исторического и политического

---

[1] РО РНБ. Ф. 213 (архив А. Н. Оленина, XVIII–XIX вв.). Д. 713. Л. 1–30.

[2] *Устрялов Н. Г.* Русская история. Издание пятое исправленное и дополненное с историческим обозрением царствования государя императора Николая I. СПб., 1855. Ч. 1–2. С. 536.

сознания населения Беларуси «от Польши к России». Большого эффекта к началу 60-х годов XIX в. она еще не дала хотя бы потому, что сама официально-охранительная историография ВКЛ имела в значительной мере характер историографии полузакрытой, так называемой историографии для служебного пользования. Но приобретенный опыт и накопленная огромная информация пригодились как нельзя кстати в условиях нового политического контекста, вызванного событиями 1863–1864 гг.

И. Ярошевич – один из историков этого периода, которого можно отнести к группе «литвинов-патриотов». Он явился создателем новаторского для своего времени труда, где впервые в исторической науке Беларуси и Литвы была предпринята смелая попытка создания синтезного образа ВКЛ и его культуры. Уникальный труд «Образ Литвы с точки зрения цивилизации с древнейших времен и до конца XVIII столетия»[1] был делом всей жизни ученого. Эта работа примечательна не столько широтой и разнообразием источниковой базы, сколько глубиной исторического мышления, свежестью методологического подхода европейски образованного и мыслящего историка-культуролога. Являясь ценным обобщением и, в известной мере, продолжением «Истории» Т. Нарбута, «Образ Литвы» И. Ярошевича благодаря богатейшим сведениям по истории экономики, быта, нравов, религии, политико-правового устройства просвещения в ВКЛ давал углубленный взгляд на специфику феодальных отношений в ВКЛ, показывал внутреннюю природу их происхождения. В трактовке «поганской» Литвы (религия и происхождение литвинов) главным «гидом» И. Ярошевича был Т. Нарбут. Предками своей Отчизны («Литвы») ученый считал ятвягов, а белорусов считал потомками кривичей. Историографической новацией Ярошевича стало органичное включение в свою работу истории ВКЛ XVI–XVIII вв., где он представил «изменения, которые под взглядом нравов, религии, просвещения и промышленности до конца XVIII века в Литве произошли», ярко и рельефно очертил «состояние социальной и духовной жизни литвинов». Вразрез с существующей традицией весьма критично характеризует историк влияние на историю ВКЛ уний с Польшей и иезуитов. Увязывает социально-политические и культурные сдвиги в ВКЛ XIII–XVIII вв. с социально-экономическими изменениями.

В трудах, публиковавшихся в рамках дореформенного периода в изучении ВКЛ, было немало ошибочных теоретических положений, фактических неточностей, доминировала локальная, краеведческая тематика, описательность явно преобладала над аналитическими моментами. Это объяснялось состоянием и уровнем развития самой исторической науки в крае – недостаточной разработанностью источниковой базы по ряду направлений исторических исследований (социально-экономическая история, история классов и социальных групп, история культуры), крайней малочисленностью профес-

---

[1] *Карев Д. В.* Белорусская и украинская историография конца XVIII – начала 20-х гг. XX в.: в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев. С. 159–161.

сиональных историков вследствие закрытия Виленского университета (фактор, крайне негативно сказавшийся на развитии белорусской историографии вплоть до Октябрьской революции), классовой и политической тенденциозной избирательностью в отборе и интерпретации исторического материала. И все же подход к осмыслению вклада историков этого поколения в развитие белорусской историографии, исходя из критерия обязательности оценки исторических деятелей не по тому, чего они не дали «сравнительно с современными требованиями», а по тому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками, заслуги их следует признать весьма значительными. Помимо формирования источниковой базы для изучения исторического прошлого феодальной ВКЛ, историки дореформенного периода если и не решили, то поставили перед исторической наукой ряд очень важных реальных проблем их исторического развития (этногенез белорусского и литовского народов, пути и причины создания государственности на белорусско-литовских землях: роль внешних и внутренних политических факторов в государственном развитии ВКЛ, конфессиональные отношения и их роль в судьбах ВКЛ и Речи Посполитой и др.), создали первые обзоры, содержащие систематическое изложение истории Беларуси и Литвы[1]. Это богатое фактами и мыслями наследие активно использовалось историками либерального буржуазного и демократического направлений, когда иные условия общественно-политического и культурного развития страны создали возможность построения новых исторических концепций о прошлом Беларуси и Литвы на основе других политических и научно-теоретических принципов и установок. В наследие историкам пореформенного периода перешла от историков края первой половины XIX в. и сама методологически верная традиция изучения прошлого Беларуси в тесной связи с историей Литвы, Руси и Польши.

На развитие белорусской историографии первого пореформенного двадцатилетия, пожалуй, наибольшее влияние оказал тот мощный социально-политический резонанс, который был вызван в политической и общественной жизни России кровавыми событиями восстания 1863–1864 гг. и мерами по его подавлению. События сфокусировали на ряд лет внимание правительственной России и российского образованного общества на западных губерниях империи. Эти события заставили многих публицистов, общественных и государственных деятелей, ученых страны открыть для себя Беларусь и «белорусский вопрос» не только как вполне ощутимые реалии политического настоящего империи, но и как явление, имеющее древние исторические корни и свою историю.

---

[1] *Улащик Н. Н.* Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973. 362 с.; *Карев Д. В.* Белорусская историография в эпоху капитализма (1861–1917) // Наш Радавод. Гродна, 1991. Кн. 3, ч. 1. С. 49–115; *Его же.* Западнорусизм и его представители в белорусской историографии пореформенного периода (к проблеме влияния политики на историческую идеологию) // Весн. ГрДзУ імя Я. Купалы. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. 2009. № 2 (80). С. 91–102.

Историографическая традиция «западнорусизма», оказавшая значительное влияние на трактовку белорусского прошлого в 60–80-х годах XIX в., при всем своем политическом консерватизме оказалась полезной для развития источниковой базы белорусской историографии ВКЛ. Трудно сказать, какие провалы исторической памяти мы имели бы сегодня, не будь масштабной публикаторской деятельности белорусских историков и архивистов-археографов России конца XIX – начала XX в. В то же время нельзя не видеть и другую сторону их деятельности. Значительная часть историко-краеведческих центров Беларуси того периода, исповедовавшая консервативные, охранительные и клерикальные взгляды на прошлое и настоящее края, своей работой способствовала длительной (вплоть до 1917 г.) реанимации в белорусской историографии идеологии «западнорусизма». Они создавали ту «капиллярную сеть», без которой невозможно было бы само существование историко-концептуальной основы этой идеологии, сформулированной в первые пореформенные десятилетия М. О. Кояловичем, его учениками и союзниками[1].

Общая концепция исторических судеб белорусских земель, представленная в «Лекциях» М. О. Кояловича, в силу явной ее тенденциозности вызвала отрицательную оценку его трудов не только со стороны демократической российской историографии. По мнению В. И. Пичеты, вышедшие в 1884 г. «Чтения по истории Западной России» Кояловича (переработанный вариант «Лекций» 1864 г.) – это «прекрасный показатель того, как не нужно изучать исторические явления»[2]. Что из себя представляла эта концепция, отчетливо отражает текст опубликованных историком в 1864 г. отдельной книгой «Лекций по истории Западной России». К Западной России Коялович относит Украину, Беларусь и Литву, входившие в состав Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой. Доминантным фактором исторического развития Западной России он признает противоборство «двух главных сил – русской и польской», возникшее из-за желания Польши «воссоздать свое господство и могущество на чужой русской земле». Поэтому главную задачу своего курса автор видит в изучении источников и причин «польского триумфа» – главной особенности истории Западной России в эпоху феодализма. Влияние Польши, по мысли Кояловича, «испортило» западнорусское общество, привело к разделению национальному, религиозному и культурно-бытовых «начал жизни». Понятно и стремление историка изобразить историю Западной России как историю «демократизма», «ищущего древних, родных порядков жизни, то есть тоже русских и православных»[3]. Такие установки вполне логично позво-

---

[1] *Коялович М. О.* Историческое исследование о Западной России, служащее предисловием к документам, объясняющим историю Западно-русского края и его отношения к России и Польше. СПб., 1855; *Его же.* История воссоединения западнорусских униатов старых времен. СПб., 1873; *Его же.* Лекции по истории Западной России. М., 1864; *Его же.* Литовская церковная уния. Исследования. СПб., 1859–1861. Т. 1–2; *Его же.* Об этнографической границе между Западной Россией и Польшей // Русский инвалид. 1864. № 18. С. 51–59.

[2] *Пичета В. И.* Введение в русскую историю (Источники и историография). М., 1922. С. 84.

[3] *Коялович М. О.* Лекции по истории Западной России. С. 13–15.

лили Кояловичу оценить события, связанные с разделами Речи Посполитой, как «воссоединение» «исконных» начал Западной и Восточной Руси. Сама схема периодизации истории Западной России, где историк выделяет пять основных этапов, строится на основе учета не внутренних, а внешнеполитических факторов развития региона – особенностей взаимоотношений Западной Руси с Литвой, Польшей и Российским государством. При этом ведущая роль в исторических событиях отводится, в духе предшествующей дворянской историографической традиции, деятельности «сильных мира сего» – князей, королей, «вождей» церкви. Православная религия и церковь объявляются в истории Западной Руси «великими цивилизующими началами»[1]. Люблинская уния, по мнению Кояловича, продолжив негативное влияние унитарных процессов, разделявших Литву и Русь, привела якобы не только к потере национального («западнорусского», говоря языком Кояловича) развития, но и привела на белорусские и украинские земли ВКЛ крепостную неволю[2]. Антипольские позиции приводили историка к очевидному уже в 80-х годах XIX в. искажению реальных исторических событий, когда опубликованные к тому времени источники со всей ясностью свидетельствовали, что крепостничество зародилось на землях ВКЛ до Люблинской унии. Суть антифеодальных движений XVII–XVIII вв. сводилась к защите православной веры «западнорусским народом», который взял на себя «оборону» православия вследствие ополячивания высшего сословия[3]. В соответствии со своей исследовательской доминантой историю Западной России Коялович представлял как историю жертвы польской экспансии, осуществленной в интересах католической церкви. Сама эволюция белорусского общества в эпоху феодализма, по существу, воспринималась как приобретение новых «качеств» по польским образцам и меркам.

Эта концепция исторического прошлого славянских земель и народов ВКЛ, представленная в работах М. О. Кояловича, была убедительно опровергнута уже в 80–90-е годы XIX в., когда за скрупулезное исследование истории ВКЛ взялись ведущие представители российской университетской историографии либерального направления (В. Б. Антонович и ученики его школы в Киевском университете, М. К. Любавский и его ученики – в Московском университете, И. И. Лаппо – в Дерптском университете). Однако теоретически несостоятельная концепция историка не была «сдана в архив» в дооктябрьский период развития белорусской историографии. Говоря о белорусских историках либерального направления, нельзя не признать того факта, что сила их влияния на характер развития белорусской историографии пореформенного периода не может идти ни в какое сравнение с той ролью, которую сыграли в становлении своих национальных историографий великорусские и украинские либеральные исследователи. Отсутствие сильной национальной либеральной интеллигенции в сфере гуманитарных (в том числе исто-

---

[1] *Коялович М. О.* Лекции по истории Западной России. С. 119.

[2] Там же. С. 208.

[3] Там же. С. 253–254.

рических) знаний предопределяло концептуальную зависимость белорусских либеральных исследователей в трактовке своей собственной истории от историков, основных университетских центров Российской империи, в которых разработка проблем истории ВКЛ и его культуры достигла впечатляющих результатов (Киев, Москва, Петербург). Капитальные труды и лекционные курсы В. Б. Антоновича, А. С. Грушевского, М. К. Любавского, В. И. Пичеты, В. Ф. Владимирского-Буданова, Ф. И. Леонтовича, С. А. Бершадского, Ф. И. Тарановского[1] не только поставили изучение истории Великого Княжества Литовского на почву научной (позитивистской) методологии, открыли и освоили новые области в ее исследовании (история социальной структуры и социальных отношений, история города, история крестьянства, история государства и права ВКЛ, история культуры), но и выявили научную несостоятельность официально-охранительных версий «западнорусизма». Разумеется, прямого воздействия на формирование нового исторического менталитета в сфере массового сознания либеральная историографическая традиция изучения белорусского прошлого не имела. Но косвенное ее воздействие через частичное освоение наблюдений, выводов, источниковой информации историков-либералов демократической историографической традиции отрицать не приходится.

В ряду классических работ российских историков ВКЛ конца XIX – начала XX в. ощутимо выделялись фундаментальные труды молодого российского либерального историка М. К. Любавского. Рукописи исследований материалов профессора М. К. Любавского по истории Западной Руси дошли до нас в незначительном количестве. Из всего дореволюционного «литовского» творческого наследия ученого в распоряжении исследователя имеются только материалы к работам по истории «Литовско-Русского государства» (выписки из архивных источников Книги Записей и Судных дел Литовской Метрики, около 200 листов, да отрывочные материалы из семинара по изучению «внутреннего строя Литовской Руси на основании законодательных памятников» (1901–1902 гг.). Из официальных и вполне достоверных источников известно, что М. К. Любавский на протяжении почти трех десятилетий преподавания в Московском университете читал не только спецкурсы по истории Великого Княжества Литовского, но и вел семинары, где разбирались и анализировались важнейшие источники (в 1903/04 и 1908/09 учебных годах – I Литовский Статут 1529 г., в 1911/12 учебном году – общеземские и областные привилеи Великого Княжества Литовского, в 1912/13 учебном году – III Литовский Статут, в 1914/15 учебном году – Волочная помера и Устав Сигизмунда Августа). Один из участников такого семинара, ученик М. К. Любавского, В. И. Пичета отмечал интересную методику ведения, благодаря которой ученый приучал

[1] *Карев Д. В.* Белорусская и украинская историография конца XVIII – начала 20-х гг. XX в.: в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев. С. 206–228.

своих учеников к «тщательной работе над источниками»[1]. Однако и опубликованные работы историка позволяют в какой-то мере заглянуть в его творческую лабораторию. Наибольшие возможности представляет в этом отношении фундаментальный «Очерк истории Литовского-Русского государства до Люблинской унии включительно» (М., 1910).

Обработав колоссальный источниковый материал собственных наблюдений по истории ВКЛ, впервые обнародованных в работах 90-х годов XIX – начала XX в., М. К. Любавский издал в 1910 г. представленный настоящим изданием «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» (второе издание этой книги увидело свет в 1915 г.). В предисловии автор четко и однозначно определил свою мотивацию для создания такого труда – раскрыть особенности социально-политической и правовой эволюции этого самого значительного по масштабам и территории к началу XV в. восточноевропейского государства, в котором восточнославянские народы (белорусы, украинцы) образовывали основное этническое ядро его населения. Именно по этой причине, как считал историк, история ВКЛ, в известном смысле, есть прямое продолжение истории Киевской Руси. «Ретроспективное уяснение» разных черт древнейшего периода русской истории следует искать в позднейших данных «литовско-русской» истории. Согласно М. К. Любавскому, исследование феномена ВКЛ необходимо для того, чтобы понять суть отличий в развитии «Московской Руси и Литвы».

Своеобразный итог-обобщение положений магистерской и докторской диссертаций, эта работа хотя и не касалась вопросов истории экономики и культуры (в этом – ее несомненный минус), все же знакомила с социально-политической эволюцией Великого Княжества Литовского XIII–XVI вв. Очерк составился из лекций, прочитанных автором в Московском университете в 1902–1908 гг., построенных на основе переработки прежних его специальных исследований с привлечением изысканий в той же области, появившихся в 1890-х – начале 1900-х гг.: труды наиболее видных представителей восточнославянских и литовской историографий Российской империи второй половины XIX – начала XX в. (А. Андрияшев, В. Антонович, Д. Багалей, С. Балтрамайтис, А. Барбашов, С. Бершадский, М. Владимирский-Буданов, А. и М. Грушевские, П. Голубовский, В. Данилевич, Н. Дашкевич, М. Довнар-Запольский, А. Ефименко, Р. Зотов, П. Иванов, Д. Иловайский, И. Лаппо, Ф. Леонтович, А. Левицкий, И. Лучицкий, Н. Максимейко, И. Малиновский, Н. Молчановский, И. Новицкий, А. Погодин, В. Пичета, Ф. Тарановский, И. Татарайтис и др.). Использовались наиболее капитальные авторитетные работы представителей польской историографической традиции изучения ВКЛ (исследования А. Барановского, Ю. Вольфа, В. Каменецкого, Е. Кохановского, Ф. Конечного, С. Карновского, Т. Корзона, С. Кутшебы, А. Прохазки, К. Стадницкого, В. Семковича, С. Смольки, Л. Финкеля, В. Чермака, К. Шайнохи и др.).

---

[1] ОР РГБ. Ф. 364 (М. К. Любавский, 1860–1936). К. 1. Д. 15.

В незначительной степени использовались исследования немецких ученых, главным образом посвященных истории взаимоотношений германского мира и народов ВКЛ. Жесткий отбор литературы диктовался вполне конкретными критериями, определяемыми методологией позитивизма. Эти работы, по мнению М. К. Любавского, должны были опираться на первоисточники, иметь строгую доказательную базу и раскрывать новые, ранее не исследованные аспекты истории ВКЛ (историю права, историю политических и социальных институтов, историю отдельных земель ВКЛ).

Причиной создания подобной работы являлось отсутствие в научной литературе труда, который давал бы в известной степени общую концепцию «литовско-русской истории» (труды Т. Нарбута и И. Лелевеля выглядели значительно устаревшими, а в работах П. Кукольника и М. Кояловича охранительная публицистика преобладала над наукой). Сам Любавский старался, по его словам, в своем труде быть «на уровне существующих научных разысканий». Поэтому каким бы важным ни было освещение экономической эволюции Великого Княжества Литовского и истории его духовной культуры, автор вынужден был отказаться от всяких значительных попыток в этом направлении «... ввиду отсутствия серьезных, достаточно широких и глубоких исследований по этой части»[1]. Сами экономические мероприятия правительства этого государства его интересуют, но не со стороны их экономического содержания, а со стороны публично-правового аспекта. В этом плане замечания автора были очень ценными. Сохраняя и в «Очерке...» исходные методологические принципы «государственной» школы, Любавский неоднократно демонстрирует отчетливое понимание зависимости социально-политических явлений от экономических. Методологические принципы историка-позитивиста сказались и на видовой селекции отобранных для исторической реконструкции источников. Ими стали прежде всего законодательные и актовые источники ВКЛ (акты Литовской Метрики, земские и областные привилеи, Волочная помера, Судебник 1447 г. и др.). Нарративные источники (хроники и летописи XIII–XV вв.) стали основой для реконструкций в сфере «событийной истории». Поэтому «Очерк...», по мнению самого автора, вышел в значительной мере историческим комментарием к основным государственным законам Великого Княжества Литовского, содержащимся в его общеземских и областных хартиях, или «привилеях».

Сложность обозначенных проблем требовала от историка создания логичного, стройного композиционного «каркаса» работы и ясного, «прозрачного» стиля изложения материала. Не будем забывать, что работа предназначалась прежде всего для молодой студенческой аудитории и начинающих исследователей. В 48 главах работы в качестве стержневых просматриваются 4 главные проблемы, на решение которых были направлены усилия историка: 1) происхождение ВКЛ и его социально-политическая эволюция в XIII – первой по-

---

[1] *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910. С. 1.

ловине XVI в.; 2) исследования эволюции основных социальных и политических структур государства в связи с изменениями социально-экономического и внешнеполитического контекста в Восточной Европе XIII–XVI вв.; 3) роль уний XIV–XVI вв.; 4) выявление специфики социально-политической истории ВКЛ в сравнении с западным (Польша) и восточным (Московская Русь) соседями.

В решении первой проблемы ученый пришел к доказательному выводу, что в образовании ВКЛ «сила оружия… имела второстепенное значение. Литве сравнительно легко было захватывать раздробленную Русь. Мало того, под давлением внешних опасностей западнорусские земли сами должны были идти в объятия Литвы». При решении второй проблемы в качестве главных факторов, определявших эволюцию социальных и политических институтов Княжества к середине XVI в., М. К. Любавский выделяет факторы внутреннего порядка, роль традиции («старины»), особенно в сфере местного (областного) управления. Роль уний XIV–XVI вв. в исторической судьбе ВКЛ, в трактовке исследователя, признавалась также как фактор очень значимый. По мнению М. К. Любавского, они стали второй, основной причиной, «оказавшей сильное влияние на ход внутреннего развития Литовско-Русского государства и его результаты», способствовали «внутренней ассимиляции Литовско-Русского государства, а затем и соединению его с Польшей. Но это же сближение с Польшей как результат уний было и причиной того, что Литовско-Русское государство, создавшееся из более устойчивого общественного материала, оказалось менее устойчивым в борьбе за самостоятельное существование, чем государство Московское. Польские права и вольности, перенесенные на литовскую почву, способствовали развитию и расцвету литовско-русского феодализма, для которого и без того была благоприятная почва в старом и крепком землевладении, в экономическом и политическом засилье землевладельцев. Но феодализм расслабил, разложил государство, воспрепятствовал развитию сильной центральной власти, лишил ее должных орудий и средств в критические минуты, когда требовалось приказывать и повелевать из центра (войны между ВКЛ и Московским государством конца XV–XVI в. – *Д. К.*)».

В «Очерке...» формулируется вывод о том, что в «Литовско-Русском государстве» господствовал такой же феодализм, как и на Западе в Средние века[1]. Интересна попытка Любавского раскрыть историю социально-политического организма Великого Княжества Литовского в сравнении с Русским государством XIV–XVI вв. Она давала возможность проследить, как различные условия повлияли на развитие по разным направлениями двух государств, близких первоначально (XII–XIII вв.) по структуре их социально-политических институтов. Изучение внутренней истории ВКЛ, сохранившего больше традиций и архаических черт, чем на Руси Северо-Восточной, позволяло уяснить особенности древнейшего и средневекового периода русской истории,

[1] *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С. 131–133.

помогало лучше представить своеобразие исторического процесса в Русском государстве XV–XVI вв. Современники Любавского отмечали значение его трудов в плане раскрытия контраста между Западной и Восточной Русью. Поскольку «Литовско-Русское государство» представляло переходную форму, его изучение помогло уяснить вопрос, был ли в Московской Руси феодализм. По мнению Любавского, прекратившее в 1569 г. самостоятельное существование «Литовско-Русское государство» в ходе своего внутреннего развития, в его конечных результатах было совершенно не похоже на современное ему и родственное Московское государство. Последнее развивалось все время в направлении монархического абсолютизма, ВКЛ – в направлении конституционной монархии. Эта разница в историческом развитии обоих государств М. К. Любавским определялась двумя факторами: 1) тем, что «Литовско-Русское государство» создавалось и держалось на более устойчивом и определившемся «общественном материале», чем государство Московское; 2) последствиями уний XIV–XV вв.

Многие выводы и наблюдения, сделанные Любавским в этой работе, вошли в основной фонд отечественной литванистики и не потеряли своего значения и в наше время в восточнославянских историографиях Беларуси, России и Украины Новейшего времени. Оценка, данная работам М. К. Любавского его современником И. Малиновским, оказалась провидческой («можно не соглашаться с некоторыми мнениями, взглядами проф. Любавского, но нельзя не признать, что его исследования – крупное явление в русской исторической литературе: последующим научным работникам в той же области литовско-русской истории предстоит идти дальше от его исследования, как от отправного пункта, считаясь с его взглядами, опровергая или развивая их»). Как и другие работы М. К. Любавского по истории ВКЛ, «Очерк...» оказал непосредственное позитивное влияние на развитие исторической науки Беларуси в XX – начале XXI в., способствовал популяризации ее богатого прошлого в российском ученом мире. Вместе с классическими работами по социальной и экономической истории ВКЛ М. В. Довнар-Запольского работы Любавского составили фундамент сегодняшних базовых концепций по истории этого государства.

Как показывают проведенные нами предшествующие исследования по истории формирования восточнославянских историографических традиций изучения ВКЛ, в историографической практике XX – начала XXI в. у историков Беларуси, России, Украины нашли отражение три основных концептуальных и политических подхода к изучению истории ВКЛ и Беларуси, сформировавшихся к концу XIX – началу XX в. («западнорусизм», либерально-позитивистский, народнический). Наиболее жизнеспособным, как показало время, оказался позитивистский, реализованный университетской научной традицией начала XX в.

В 90-е годы XX в. – начале XXI в. историческая «литванистика» восточнославянских народов вступила в очередной этап своего развития, определяе-

мого новым социально-политическим и социокультурным контекстом развития белорусской, украинской и великорусской нации. Этот период был ознаменован большим числом значительных изменений (как положительного, так и негативного характера), отразившихся на характере развития исторической науки восточнославянских народов в целом и исторической «литванистики» как одного из ее магистральных направлений в исследовании истории феодализма в частности. Новыми моментами явились: 1) переход исторической «литванистики» на «рельсы» новой методологической парадигмы; 2) выход на первые «роли» в исследовании истории ВКЛ белорусской историографии, для которой история ВКЛ стала в 90-е годы своеобразным историческим «полигоном» для выработки своей национальной концепции исторического процесса на белорусских землях; 3) украинскую и российскую историографию этих лет история ВКЛ привлекала прежде всего своими внешнеполитическими аспектами (история политических взаимоотношений ВКЛ и Российского государства, ВКЛ и украинского казачества), история межкультурных связей восточнославянских народов остается на периферии исследовательских интересов историков Украины и России; 4) ведущим, наиболее продуктивным направлением в плане качества представленных результатов в рамках исторической «литванистики» этого периода являлось историографо-источниковедческое направление.

Достижения восточнославянской историографии в освоении «исторического пространства» ВКЛ за последнее двадцатилетие выглядят весьма впечатляюще как в плане «отраслевого» разреза его изучения (история конфессий; история этносоциальной психологии отдельных групп и сословий населения; исторический менталитет; история культуры «книжно-письменной традиции» и традиционная культура; правовая и политическая культура), так и в плане самого осмысления сложных дискуссионных проблем историко-теоретического характера (специфика проявлений феноменов Ренессанса, Реформации и Контрреформации в «перекодировке» культурно-исторических процессов ВКЛ этого «осевого» для белорусской культуры времени). Тем не менее многие аспекты постижения «смысла» и специфики исторических процессов, происходивших в ВКЛ, еще остаются на периферии исследовательского внимания (историографические традиции изучения культуры эпохи в исторической мысли народов Восточной Европы XVI – начала XXI в.; источниковедческие возможности источникового комплекса как базы для научной реконструкции «силуэта» культуры эпохи XIV – XVIII вв.; роль личности в исторических событиях тех столетий). Без их разработки воссоздание коллективного «портрета» эпохи истории ВКЛ и его культуры будет выглядеть зданием, возводимым на очень зыбком и ненадежном фундаменте.

Будущее развитие и профессиональное совершенствование белорусской историографии представляется малопродуктивным без активного, аналитического использования классического историографического наследия поколения ученых XIX – начала XX в. Реализация этих проектов должна преследо-

вать не только академические цели (приобретение фундаментального нового знания), но и мировоззренческую, общегражданскую – повышение научного и социального статуса белорусской историографии, формирование культуры национального исторического мышления возрождения влияния белорусской историографии в ликвидации исторического «беспамятства» нации. Дополнительную актуальность переизданию этого классического труда М. К. Любавского придает то обстоятельство, что вплоть до сегодняшнего дня в восточнославянских историографиях отсутствует синтезное обобщающее исследование, посвященное самостоятельному периоду истории ВКЛ до конца XVI в., поскольку работы советского и постсоветского поколений отечественных историков ВКЛ (исследования В. Т. Пашуто, А. Л. Хорошкевич, И. П. Старостиной, М. Е. Бычковой, А. Ю. Дворниченко, Г. Я. Голенченко, И. А. Юхо, С. В. Думина, И. Б. Грекова, Ф. М. Шабульдо, М. М. Крома и др.), как правило, посвящались отдельным, хотя и значимым периодам и аспектам его истории.

* * *

Готовя свой труд к печати, М. К. Любавский отмечал, что предлагаемый «Очерк...» должен быть как бы «связующим введением в изучение специальной литературы по истории Литовско-Русского государства». Поэтому в конце каждой главы он указывает труды, которые могут служить для изучения того или иного вопроса по истории ВКЛ. Такой доступный для понимания научно-справочный аппарат издания предназначался определенной аудитории – студентам и любителям российской истории. При подготовке этой работы М. К. Любавского к изданию мы исходили из такой же установки. В основу данной публикации положено переиздание книги 1915 г. Текст дается без изменений и дополнений. Не публикуются приложения: документы привилеев и грамот XIV–XVI вв., которые предназначались автором для ведения практических занятий среди студентов Московского университета. Орфография и синтаксис издания приведены в соответствие с современными правилами русского языка.

Д. В. Карев

Проф. М. К. Любавскій.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ
ЛИТОВСКО-РУССКАГО ГОСУДАРСТВА
до Люблинской уніи включительно.

Съ приложеніемъ текста хартій, выданныхъ великому княжеству Литовскому и его областямъ.

Изданіе 2-ое.

МОСКОВСКАЯ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПЕЧАТНЯ
ТРЕХПРУДНЫЙ ПЕР. 9.
1915.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий «Очерк истории Литовско-Русского государства» составился из лекций, читанных автором в Московском университете за последние годы. По содержанию своему он является переработкою прежних специальных исследований автора по внутренней истории Литовско-Русского государства с привлечением изысканий и других исследователей в той же области. Своим появлением в печати этот очерк обязан желанию автора пойти навстречу ощущаемой потребности в общем доступном руководстве по внутренней истории Литвы и Западной Руси. Несмотря на то, что в настоящее время имеется уже немало специальных трудов, проливающих достаточный свет на эту историю, Литва и Западная Русь все еще продолжают оставаться terra incognita и не только для широкой публики, но и для ученого мира, исключая сравнительно немногих специалистов. До сих пор история Литовско-Русского государства не заняла надлежащего места в преподавании как средней, так и высшей школы, в чем можно убедиться хотя бы по учебникам и разным руководствам по русской истории. Главы, отводимые в них Литовско-Русскому государству, отличаются обычно бессвязностью и фрагментарностью изложения, не говоря уже о всегдашних ошибках и искажениях. Причина этому, очевидно, та, что в научной литературе не имеется легко обозримого труда, который бы так или иначе сводил воедино результаты специальных исследований и давал бы известную общую концепцию литовско-русской истории. Без сомнения, такое положение дела может быть тормозом и для дальнейшей научной разработки предмета. Предлагаемый очерк и является попыткою восполнить этот пробел и дать достаточное первое ознакомление с общим ходом истории Литовско-Русского государства, с его общественными классами и их взаимными отношениями, с государственными учреждениями и их эволюцией. Автор старался в своем труде быть на уровне существующих научных разысканий, не отставая от них, но и не опережая. Поэтому, как ни важно было бы освещение экономической эволюции Литовско-Русского государства и истории его духовной культуры, автор вынужден был отказаться от всяких значительных попыток в этом направлении ввиду отсутствия серьезных, достаточно широких и глубоких специальных исследований по этой части.

Так как, по мысли автора, предлагаемый очерк должен быть как бы связующим введением в изучение специальной литературы по истории Литовско-Русского государства, то каждая глава его снабжена указанием на труды, которые ближайшим образом могут служить для изучения того или другого вопроса, а после вступления указаны и общие библиографические пособия для более детальных справок. Что касается источников, то указания на них даются в самых специальных исследованиях по литовско-русской истории, вследствие чего автор и не счел нужным вводить их в свой очерк.

М. Любавский
Пушкино. 25 июля 1910 г.

Примечание. Настоящее второе издание «Очерка истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» воспроизводит без существенных изменений первое издание и вызвано тем, что первое издание уже разошлось в продаже.

М. Любавский

I. НАУЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИИ ЛИТОВСКО-РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Киевская Русь и Литовская. Необходимость изучения литовско-русской истории для уяснения древнего периода русской истории. Литовская Русь и Московская и необходимость их сравнительного изучения. Историческое значение Люблинской унии. Необходимость изучения внутренней истории Литовско-Русского государства для объяснения этого факта.

Изложению истории Литовско-Русского государства необходимо предпослать несколько общих замечаний о том месте, которое принадлежит ей в общей системе науки русской истории, и о том праве на внимание, которого она заслуживает при изучении этой науки.

Прежде всего надо иметь в виду, что в настоящем случае приходится иметь дело с государством, которое во время óно объединяло добрую половину Руси. На образование Великого княжества Литовского пошла не только область, населенная литовским племенем, но и старинные русские земли в бассейнах Западной Двины и Днепра: Полоцкая, Смоленская, Чернигово-Северская, Киевская и Волынская. Это была исконная Русь, сидевшая на старом корню, медленно эволюционировавшая, но не срывавшаяся со своих жизненных устоев в противоположность Руси Суздальской, которая, расселившись по верхней Волге и ее притокам, устроила там свою жизнь на новых основаниях, отличных от Приднепровской и Подвинской Руси. Правда, Подвинская и Поднепровская Русь подчинилась власти литовских князей. Но при этом подчинении Западная Русь не только не теряла своего исторического наследия, но и передавала его господствующей земле, которая сама во многом устраивалась по образцам этой Руси, вводила у себя русский язык, русские учреждения, русское право и даже русскую веру. Вследствие всего этого и история Литовско-Русского государства является в известном смысле прямым продолжением, дальнейшим развитием истории Киевской Руси. В жизни Литовской Руси можно подметить гораздо больше традиций, архаических черт киевского периода, чем в жизни Суздальской Руси. А если так, то и ретроспективного уяснения разных черт древнейшего, так называемого киевского, периода русской истории приходится искать главным образом в позднейших данных литовско-русской истории, в быту и установлениях государства Литовско-Русского. Такое ретроспективное уяснение важно не только само по себе, но и для того, чтобы можно было лучше представить оригинальность исторического процесса, начавшегося на северо-востоке, в Суздальской земле, с отливом туда населения из Приднепровья. Наряду с этим увеличивается возможность точнее учесть и то историческое наследие, которое при всем том Суздальская Русь получила от Руси Киевской. Следовательно, говоря вообще,

изучение литовско-русской истории является одним из средств к углублению понимания русского исторического процесса в древнейший его период.

Но то же самое справедливо и в отношении к последующим Средним векам русской истории. Как самостоятельный процесс история Литовско-Русского государства поражает противоположностью своего направления и своих результатов по сравнению с историей другого русского государства – Московского. Московское государство, как известно, развивалось в направлении монархического абсолютизма и административной централизации. Оно отлилось в конце концов в форму наследственной и неограниченной монархии с сильным центральным правительственным механизмом, который пользовался органами местного управления и самоуправления как своими орудиями по выполнению преимущественно общегосударственных задач. Социальный процесс в этом государстве привел к установлению крепостной зависимости крестьянского населения от землевладельцев. Но государство при всем том не утратило своих прав суда и обложения над этим населением, и московские землевладельцы не сделались полновластными государями в своих имениях. Все классы общества в Московском государстве обязаны были службою государству в той или другой форме, и внутреннее развитие его совершалось в направлении постепенного роста и закрепления сословных обязанностей, сословного тягла. Таково было государство Московское. Великое княжество Литовское развивалось в направлении конституционализма и политической децентрализации. Оно отлилось в конце концов в форму избирательной (в династических пределах) монархии, ограниченной частью советом вельмож, или *радою* господарскою, частью *сеймом* из представителей дворянского сословия. В этом государстве слабо развивалось и не пошло далее зачатков в своей организации центральное управление, преобладало управление местное, проникнутое автономическими тенденциями. Земли, из которых составилось Литовско-Русское государство, сохраняли в нем свою прежнюю обособленность и самобытность, и все государство было проникнуто началами федерализма. Землевладельцы в этом государстве приобрели государственные права над населением своих имений, даже и не крепостным, и сделались в них государями феодального типа. Все внутреннее развитие Литовско-Русского государства совершалось в направлении роста и укрепления привилегий высшего класса – шляхты – на счет прав государя и остального населения. Чем объясняется такая разница в общем направлении и результатах того и другого процесса – все это вопросы огромной важности, разрешение которых должно способствовать более широкому и более глубокому пониманию среднего периода русской истории, стоящего между киевским периодом, с одной стороны, и новым – петербургским – с другой. Если при этом смотреть на историю Северо-Восточной, Великой, Руси как на главное и основное течение русской жизни, то и с этой стороны изучение параллельного литовско-русского течения чрезвычайно важно, ибо дает материал для всевозможных сопоставлений и сравнений, а через них облегчает уяснение исторического процесса Северо-Восточной Руси.

Отдельная история Литовско-Русского государства, как известно, закончилась крушением его самобытности и самостоятельности, соединением с Польшею в одну *Речь Посполитую*, т. е. государство. Это политическое слияние повело к тесному духовному сближению Литвы и Западной Руси с Польшею и к отчуждению их от Руси Северо-Восточной, которое впоследствии, когда судьба воссоединила их с этою Русью в одно государство, дало тяжело себя почувствовать обеим сторонам. Политическое соединение Литвы и Западной Руси с Польшею вообще затруднило и усложнило дело национального объединения Руси, предпринятое Москвою, и надолго затянуло борьбу за объединение, сопровождавшуюся огромною тратою народных сил, материальных и моральных. Люблинская уния, соединившая Великое княжество Литовское с Польшею, является, таким образом, событием первостепенной важности в общерусской истории. Но историческое объяснение этого события невозможно без надлежащего ознакомления со внутренним развитием Литовско-Русского государства, с его социально-политической организацией. Нельзя в данном случае ограничиваться одними внешними причинами, которые решили вопрос об унии Литвы с Польшею, т. е. Ливонскою войною, поставившею Великое княжество Литовское в затруднительное положение и заставившею его искать тесного союза с Польшею. Если остановиться на этом, то все равно останется неясным, как создалось такое положение вещей в Литовско-Русском государстве, почему оно при всей величине своей территории и населенности так скоро оказалось не в состоянии без польской помощи бороться с Москвою, истощенною и войною, и тиранией Грозного; остается далее неясным, почему Литовско-Русское государство, когда обнаружилась невозможность его самобытного существования, предпочло примкнуть к Польше, а не к Великой Руси, с которою у него было больше национального и религиозного сродства, чем с Польшею. Все эти вопросы не могут получить удовлетворительного разрешения без должного уяснения тех государственных средств, коими располагало Великое княжество Литовское, его внутреннего строя и общественных отношений и стремлений. Надо иметь в виду, что еще с конца XIV в. Польша много раз покушалась на государственную самостоятельность Великого княжества Литовского путем установления унии. И внешние обстоятельства в высшей степени благоприятствовали ее стремлениям. При великих князьях Александре и Сигизмунде Казимировичах (1492–1544) шла напряженная борьба с Москвою, причем Великое княжество Литовское находилось в столь же затруднительном, если не худшем, положении, как и во время Ливонской войны. И, однако, в то время не состоялось соединения его с Польшею, как ни хлопотали о том поляки. Очевидно, что Великое княжество Литовское не было еще готово к такому соединению по внутреннему своему состоянию, по строю и взаимоотношению общественных сил, которые заправляли тогда его политическою жизнью. Ко времени Люблинской унии такая внутренняя подготовка уже совершилась, и Великое княжество Литовское оказалось в состоянии без особой ломки, без потрясения основ внутреннего

быта соединиться с Польшею в одну *Речь Посполитую*, т. е. в одно государство. Поэтому процесс внутренней ассимиляции Великого княжества Литовского с Польшею и его успехи необходимо должны войти в историческое объяснение факта Люблинской унии, имевшего столь важное значение в русской истории.

Сказанного, думается, совершенно достаточно для доказательства того положения, что при изучении русской истории никоим образом нельзя обходить истории того государства, которое именовалось Великим княжеством Литовским. Если до недавнего времени этот предмет был как бы в забросе и небрежении, то это объясняется не маловажностью его, а состоянием исторической литературы. Эта литература мало знакомила с организацией Литовско-Русского государства, с ходом его внутреннего развития – точнее сказать, давала ряд отрывочных, сбивчивых и нередко противоречивых указаний по этой части, по которым нельзя было составить себе сколько-нибудь связного и цельного представления о ходе литовско-русской истории. В настоящее время игнорирование истории Литовской Руси уже не может иметь своего оправдания. В последнее время как в русской, так и в польской литературе появилось немало трудов, проливших свет на внутреннюю историю Литовско-Русского государства, на его политическую и общественную организацию. Наступило время воспользоваться этими трудами и Литовскую Русь, уже более столетия объединенную с Русью Восточною политически, объединить с нею и в научном сознании.

Библиографические пособия

Балтрамайтис С. Сборник библиографических материалов для географии, этнографии и статистики Литвы. СПб., 1904; *Finkel L.* Bibliografia historyi polskiej. Kraków, 1895–1906. Cz. 1–3; *Леонтович Ф. И.* История русского права. Вып. 1: Литература истории русского права. Варшава, 1902; *Он же.* Дополнение к выпуску 1-му // Варшав. унив. изв. 1903. Т. 3; *Грушевський М. С.* Історія України – Руси. Київ; Львів, 1907. Т. 4.

II. ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ ЛИТОВЦЕВ ПО ДРЕВНЕЙШИМ ИЗВЕСТИЯМ

Данные археологии о местожительстве литовцев. Известие Тацита об эстиях и их быте: вопрос о народности эстиев. Судины и галинды Птоломея. Готское влияние на Литву. Успехи литовской общественности к концу X в. по известию Вульфстана. Данные об экономическом быте, социальном делении и политическом строе Литвы XII–XIII вв. в польских, немецких и русских источниках.

Начальным вопросом в истории Литовско-Русского государства является, естественно, вопрос об образовании того политического ядра, из которого оно развилось. Таким ядром, как известно, было Великое княжество Литовское, создавшееся во второй половине XIII в. под властью Миндовга и его ближайших преемников. На создание этого государственного ядра пошло преиму-

щественно литовское племя. Необходимо прежде всего ознакомиться с этим племенем, с его бытом и состоянием его общественности к половине XIII в. Только при этом условии станут ясными та историческая почва, на которой зародилось новое государство, причины этого зарождения, а также и его первоначальная структура и характер.

Итак, кто же такие были литовцы и как они жили в древнейшее время? Уже в первой половине XIX в. ученые Бопп, фон Болен, А. Потт, Гильфердинг и другие по данным литовского языка установили, что литовское племя принадлежит к семье индоевропейских народов, к той же самой семье, к которой принадлежали греки, римляне, кельты, германцы и славяне. Ученые нашли вместе с тем, что язык этого племени по своему грамматическому и лексическому строю обнаруживает большую древность, чем другие европейские языки. Литовцы в большей мере консервировали данные праязыка, от которого пошли индоевропейские языки, чем другие народности Европы. Когда литовцы поселились в Европе и какие местности первоначально в ней занимали – на эти вопросы по настоящему состоянию науки нет еще возможности ответить более или менее утвердительно. С уверенностью можно только полагать, что литовцы в древнейшие времена жили не только в бассейнах Немана и нижней Западной Двины, но и далее на востоке, доходя до средней Оки. Археологи в нынешней Калужской губернии нашли курганы с трупосожжением и предметами той же культуры, которая засвидетельствована раскопками, произведенными в области исконных литовских поселений, т. е. в области Немана. На реке Протве на памяти истории жило племя *голядь*, напоминающее своим именем одно из прусских литовских племен – *галиндов*. Эти галинды вместе с *судинами* являются обывателями Балтийского побережья уже по известиям александрийского географа *Птоломея* II в. Так как судины и галинды фигурируют в позднейших известиях конца XIII в. как подразделения прусского литовского племени, то приходится признать, что древнейшее известие о пребывании литовцев в Европе относится ко II в. от Рождества Христова.

Впрочем, ученые склонны видеть литовцев и в тех *эстиях*, о которых сообщает Тацит в своей «Германии». По словам Тацита, на правом берегу Свевского моря обитали племена эстиев, по наружности и обычаям близкие к свевам, а по языку – к британцам. Железное вооружение было у них в редком употреблении – большею частью обходились палками, но с большим усердием, чем германцы, возделывали хлеба и прочие овощи; продавали также янтарь, который они называли на своем языке glaesum и которому сами для себя не придавали никакой цены. Были ли эти эстии действительно литовцы, трудно с уверенностью сказать. Профессор មержинский считает тождество эстиев с литовцами за несомненный факт, ибо и позже под именем эстиев являются литовцы, например, пруссы в сообщении норвежского мореплавателя Вульфстана. Мержинский находит тождественными и верования, и обычаи эстиев в изображении Тацита с верованиями и обычаями литовскими. Доводы Мержинского, в общем, сильны. Остается только непонятным: почему янтарь на языке эстиев назывался glaesum, а не gentaras?

Когда прибыли готы в нашу страну, литовцы, по всему вероятию, были покорены ими вместе с другими насельниками западной части нынешней России. Доказательством этого являются различные заимствования в литовском языке из готского, например, названия металлов и изделий из них. Из готского языка заимствовали литовцы и название *kuningas* или *kunigas* для обозначения вождя, князя, царя.

Прямые и определенные известия о литовцах идут с конца X в. О пруссах говорят сказания о мученической кончине святых Войтеха или Альберта, написанные вскоре же после его смерти (997) монахом Канапарием, епископом Бруноном и неизвестным автором. О пруссах сообщает разные сведения и норвежский путешественник того же времени *Вульфстан* – сведения, которые в большей или меньшей степени характеризуют быт и других литовских народов. «Страна эстов, – пишет Вульфстан, – очень обширна, и там лежит много городов, и в каждом городе свой король». По-видимому, здесь речь идет не о городах в собственном смысле, а о возвышениях естественных и насыпных, на которых находились укрепленные поселки. В Литве и Жмуди много и до сих пор таких возвышений со следами древних поселений – это так называемые *пилькалнисы*. Находимые в области пруссов абассидские и сасанидские монеты показывают, что и литовцы в то время были втянуты в торговый обмен между Востоком и Западом, совершавшийся через Киев и Новгород. О пруссах, жителях Самландии, рассказывает *Адам Бременский* в своем сочинении «Descripsio insularum Aquilonis». Одновременно с тем, в XI в., начинает говорить о ятвягах, южном литовском племени, *наша летопись*.

В XII в. к нашей летописи, говорящей и о других литовских племенах, присоединяется древнейшая польская хроника *Мартина Галла*, доводящая свой рассказ до 1113 г. В XIII в. о литовцах кроме наших летописей много говорят немецкие хроники и летописи. Немцы в лице рыцарей ордена меченосцев и Прусского ордена вступили в XIII в. в упорную и ожесточенную борьбу с литовскими племенами. Их дееписатели, естественно, поэтому должны были сообщать многое и о Литве. Эти сообщения выясняют не только географическое распространение Литвы и ее племенное деление, но также в большей или меньшей степени экономический, общественный и политический строй Литвы, а также и народный характер, как они сложились к тому времени. Важнейшие из этих сообщений находятся в «Chronicon Livoniae» *Генриха Латыша*, которая, по его словам, не содержит ничего, кроме виденного собственными глазами или слышанного от очевидцев (доходит до 1227 г.); в рифмованной «Ливонской хронике» («Die Livländische Reimschronik»), стихами передающей события Ливонии от 1227 до 1290 г.; в хронике *Петра Дюсбургского* конца XIII и первой четверти XIV столетия, которая наравне с Ипатьевскою летописью может служить основным источником при изучении древней литовской истории. Кроме того, сообщения от XIII в. вошли в хроники и летописи XIV и даже XV вв., которые пользовались не дошедшими до нас источниками XIII в. Из ливонских хроник XIV в. выдается в этом отношении «Chronicon Livoniae»

Германа Вартберга, обнимающая период лифляндской истории со времени первого прибытия купцов немецких к устью Двины до 1378 г. Из прусских хроник заслуживают особенного внимания *старейшая «Оливская хроника»,* обнимающая события от 1190 до 1350 г., *«Торнский летописец»*, обнимающий события от 941 до 1410 г.

В этих источниках и содержатся, главным образом, данные, рисующие состояние литовской общественности накануне перехода литовских племен к государственному быту. Разные подробности относительно древнего быта литовских племен можно, несомненно, почерпать из данных языка и отголосков древности, дошедших в литовских песнях, сказках и других произведениях народной словесности, а также и из данных археологических раскопок. Но этот материал во всяком случае может иметь только второстепенное, вспомогательное значение. Им можно пользоваться только при том освещении, какое дают письменные источники относительно древнего быта Литвы. В своем изложении я ограничусь только тем, что дают письменные источники о быте Литвы накануне ее государственного объединения.

В конце XII и начале XIII в. существовало несколько народцев литовского племени, а именно: пруссы, занимавшие низменную полосу между нижнею Вислою и Неманом (приблизительно нынешнюю Восточную Пруссию); *жемойть*, или нижняя литва, населявшая область правых притоков нижнего Немана до Невяжи включительно (приблизительно нынешнюю Ковенскую губернию); *аукстоте* (Augstaiten), или верхняя литва, занимавшая бассейн Вилии и других правых притоков среднего Немана до Гавьи включительно (нынешнюю Виленскую губернию, часть Гродненской и Ковенской); *жемгала* на левом берегу нижней Двины (в нынешней Лифляндской и Курляндской и частью Витебской губерниях); *летьгола* на правом берегу Западной Двины приблизительно до реки Аа (в южной части нынешней Лифляндской губернии); *ятвяги* в Беловежской пуще и далее к северу от нее, в полосе, орошаемой притоками Буга и Нарева с одной стороны, Немана – с другой.

Край, занятый Литвою, был лесистый и болотистый, и такой характер он сохраняет отчасти и по сие время, хотя человеческий труд уже значительно изменил его физиономию. Так, нынешняя Восточная Пруссия, безлесная, в XII в. была покрыта лесами, как это видно из рассказа Мартина Галла о походе Болеслава Кривоустого в 1110 г. в Пруссию. Все идущие до нас от конца XII и начала XIII в. известия указывают на то, что сообразно с природою страны звероловство, рыболовство, бортничество и скотоводство были обычными занятиями литовских племен. Но при всем том эти племена были не бродячими, а оседлыми. Сама природа занятой ими страны не благоприятствовала передвижениям и кочеваниям с места на место и должна была способствовать установлению прочной оседлости. «Земля их, – говорит Мартин Галл о пруссах, – представляет как бы острова, окруженные болотами и озерами; эти острова и поделены между жителями селений на наследственные участки». Итак, оседлость является у пруссов уже прочно установившеюся в начале XII в.

Позднейшие известия подтверждают сведения, даваемые Галлом, и распространяют их и на другие племена литовские.

В XII и XIII вв. у литовских племен достигло значительного развития земледелие. Польский хронист Ян Кадлубек, описывая поход Казимира Справедливого на ятвягов в 1192 г., говорит, что поляки предавали пламени села, дома и житницы, наполненные хлебом. О значительном развитии земледелия у ятвягов говорит и наша летопись (по Ипатьевскому списку), описывая поход Даниила Галицкого на ятвягов в 1256 г. Разбив ятвягов, Даниил остановился в селе Корковичах, где было только два двора, и нашел там такое обилие хлеба, что всем достало: и людям, и лошадям – и еще осталось, чему Даниил и его воины немало дивились. Но если уже в ятвяжской земле земледелие сделало такие успехи, тем с большим правом можем предполагать их у других литовских племен, и источники вполне подтверждают это предположение. В обмен на произведения своей страны – меха, воск и мед – литовцы получали между прочим и земледельческие орудия: серпы и косы, что служит косвенным указанием на развившуюся земледельческую культуру.

На продолжительную оседлость литовских народцев указывает и общественное устройство их, как оно вырисовывается по источникам XII и XIII вв. В это время вся территория литовских племен является поделенною на постоянные округа, носящие свои названия. Эти округа остались и впоследствии мелкими областными единицами, получившими в верхней Литве и Жмуди русское название волостей. Каждый из этих округов является территорией самостоятельного общественного союза. Эти мелкие общественные союзы, по-видимому, развились из родственных союзов, и в некоторых из них можно еще и в XIII в. рассмотреть такие союзы, как, например, в вышеупомянутых *Корковичах*. На родственное происхождение волостных общественных групп указывают и многочисленные названия литовских волостей с окончанием на *ишки*: Даудишки, Эйшишки, Граужишки и т. д. С таким названием являются древнейшие волости, и потому эти названия нельзя производить от панов этих волостей, как названия некоторых позднейших, а скорее – от родоначальников. Что родственная организация предшествовала политической у литовцев, как и у других народов, на это прямое указание дает Петр Дюсбургский, относя его к пруссам. «Если случаются у них убийства, – говорит он, – то не может быть никакой сделки, пока родственники убитого не убьют убийцу или его родственников». Но эта организация, дав начало мелким общественным союзам, с течением времени превратилась у литовцев, как и у других народов, в организацию чисто политическую. Родичи размножились, утратили чувство родственной близости, поделили землю, приняли в свою среду чужеродцев и в таком виде продолжали жить под одною властью, действовать сообща и солидарно в отношениях к соседним общинам.

В конце XII и начале XIII в. мелкие общественные союзы литовцев были в большинстве, несомненно, уже чисто политическими соединениями. В литовских волостях мы замечаем разделение земель, неравенство имуществ и в

связи с этим неравенство социально-политическое. О разделении земель мы уже приводили свидетельство Мартина Галла от 1108 г. Источники говорят, кроме того, о *лучших людях*, о *благородных*, о *знатных*, называют даже *князей* и *королей* в волостных общественных группах. Петр Дюсбургский говорит, что Жмудь управлялась 70 царьками (septuaginta reguli); в другом месте он говорит уже о nobiles, per quos Samettia tunc regebatur. Рифмованная «Лифляндская хроника» говорит о kunige von Samaiten. Наши летописи XIII в. полны известиями о многочисленных князьях литовских. Новгородская летопись сообщает, например, что Александр Невский в битве под Торопцом убил 8 князей, а преследуя их далее, побил и остальных. Волынская летопись, описывая битвы Даниила Романовича с ятвягами, говорит один раз: «И много князей ятвяжских было избито»; в другой раз прямо указывает число – 40. Петр Дюсбургский, рассказывая о завоевании Пруссии немцами, постоянно упоминает о туземных вождях, власть которых простирается на незначительные сельские округа и которые действуют самостоятельно, не подчиняясь один другому. Но что же такое были эти вожди, к которым немцы не умели применить никакого титула западной феодальной иерархии и называли их безразлично именами: rex, regulus, dux, nobilis, magistratus, castellanus, capitaneus и т. д.? Кто такие были те, кого наши летописи называют князьями, а литовские источники – *рикасами* (rikai) и *кунигасами* (kunigai)? Очень может быть, что некоторые из них были потомками родовых старейшин, происходившими из старших линий разросшегося рода – nobiles, die edelsten. Но чаще всего, по всем признакам, это были вожди, избираемые народом или навязавшиеся ему силою, крупные землевладельцы, имевшие укрепленные усадьбы со множеством челяди, скота, хозяйственных припасов и оружия. Таких именно praepotentes, pociores dominos изображает постоянно Петр Дюсбургский в лице прусских вождей. Они являлись, так сказать, естественными предводителями, около которых и под власть которых должно было собираться население волости в случае нападения извне. Весьма возможно, что такие вожди и сами могли навязываться населению, подчинять его себе и покорять. Дело в том, что в XII в. война для литовцев стала уже не только актом самообороны, но и промыслом. Польские хроники и русские летописи полны известиями о набегах литвы на соседей с целью грабежа. Эти набеги производились чаще всего особыми шайками, специально посвящавшими себя делу войны, иногда даже нанимавшимися воевать. В Литве, по всем признакам, уже в XII в. имелся налицо класс, соответствующий германской и славянской дружине. Генрих Латыш в своей «Ливонской хронике» рассказывает, что в 1204 г. подступал к Риге богатый и могущественный (dives et praepotens) литвин Свельгате со своими дружинниками (cum suis sodalibus). Вожди этого класса, обогащавшиеся на войне, опиравшиеся на своих товарищей и сподвижников, становились, естественно, вождями и в местных обществах. Но могло случаться, что, опираясь на это значение, на свою материальную силу, эти вожди становились и настоящими царьками, властвовавшими над местными обществами. Разно-

образие названий, которые дают немцы местным литовским вождям и представителям, объясняется, по-видимому, разнообразием фактического значения их: в иных местностях это были вожди по народному избранию и согласию, в других – традиционные наследственные предводители, князья или царьки.

В таком виде обрисовывается литовская общественность накануне объединения Литвы под властью Миндовга и образование Великого княжества Литовского. Нашим летописям, преимущественно Волынской, мы обязаны тем, что имеем возможность выследить ab ovo зарождение и первоначальный рост этого политического тела.

Литература

Для более подробного ознакомления с древнейшим бытом Литвы и состоянием ее общественности накануне объединения могут служить нижеследующие труды:

Погодин А. Л. Из древнейшей истории литовского племени: сб. статей по археологии и этнографии. СПб., 1902; *Brückner A.* Starożytna Litwa: ludy i bogi. Szkice historyczne i mitologiczne. Warszawa, 1904; *Skirmunt K.* Nad Niemnem i Baltykiem. Warszawa, 1897. Z. 1; *Антонович В. Б.* Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти великого князя Ольгерда // Антонович В. Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885. Т. 1; *Дашкевич Н. П.* Княжение Даниила Галицкого. Киев, 1873; *Он же.* Заметки по истории Литовско-Русского государства // Университетские известия. Киев, 1885; *Krumbholtz R.* Samaiten und der Deutsche Orden bis zum Frieden am Melno-See. Königsberg, 1890; *Merzynski A.* Żródła do mytologii litewskiej. Warszawa, 1892. Cz. 3; *Он же.* Romowe. Poznań, 1900; *Кршивицкий Л.* Жмудские пилькалнисы. СПб., 1908 // Изв. Императорской археологической комиссии. Вып. 29.

III. ОБРАЗОВАНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Книжная легенда о Криве-Кривейто и ее несостоятельность. Временные союзы литовских вождей в XII и начале XIII в.; старейшие князья. Возвышение Миндовга; захват владений родственников и занятие Черной Руси. Миндовг – самодержец в Литве. Заговор против него и его гибель. Борьба за великое княжение по смерти Миндовга. Утверждение великокняжеской власти на Литве. Превращение местных вождей в подручных князей и бояр. Русский элемент и русское влияние в новообразовавшемся Великом княжестве.

Во второй половине XIII в. среди разбитой на мелкие общественные союзы Литвы сформировалось крупное политическое тело – Великое княжество Литовское под властью Миндовга и его ближайших преемников. Прежде чем следить за образованием этого государства, необходимо расстаться с одним распространенным в научной литературе и учебниках заблуждением, будто бы на Литве до появления великих князей верховная власть находилась в руках главного жреца – *Криве-Кривейто*. Профессор Мержинский во второй части своих «Источников по литовской мифологии», вышедшей в 1896 г., доказал, что это утверждение – плод чистого недоразумения. Утверждение

это, как известно, основано на известии Петра Дюсбургского, которое гласит: «Было в средине этого развратного народа [пруссов], т. е. в Надровии, место, называемое Ромов, которого название происходит от Рима, где жил некто, называемый *Криве*, которого почитают они за папу; ибо как господин наш папа управляет всеобщею церковью верных, так одним знаком или приказом его управлялись не только названные народы, но и летты и другие народы земли Литовской. Власть его была так велика, что если бы не только он сам или кто-нибудь из его родственников, но даже его посланный с его палкою или другим определенным знаком проходил по земле неверных, то все князья и знатные и простой народ оказывали ему величайшее почтение». Мержинский справедливо указал на то, что Петр Дюсбургский, очевидно, увлекся в этом сообщении аналогией с папою, описывая значение одного влиятельного жреца, что другие источники, более древние и современные, ни словом не упоминают о власти какого-либо верховного жреца на Литве; что самое имя «Криве» – не нарицательное, а собственное, принадлежавшее уважаемому жрецу в Надровии, не единственному, однако, как не одно было и Ромове на Литве; что, наконец, название Криве-Кривейто, невозможное в литовском языке, придумано позже немецким хронистом XVI в. Грюнау, от которого оно пошло и в польско-литовские, и позднейшие немецкие хроники. Так обстоит в настоящее время вопрос о языческом литовском папе. Теперь можно принимать за несомненное, что до Миндовга на Литве не было государственной власти, распространявшейся на всю территорию литовского племени, а были одни только волостные *рикасы* в Пруссии и *кунигасы* в Литве.

Для обороны и нападения эти волостные вожди в XII и в начале XIII в. стали соединяться в союзы. Очевидно, что походы русских князей и польских, предпринимавшиеся в XI и первой половине XII в. в глубь Литвы, не остались без влияния на ее внутренний быт, вызвали в ней тенденцию к политическому объединению. Этим объясняется и тот факт, что литовцы со второй половины XII в. перешли в наступление на Русь и Польшу. Едва ли это обстоятельство можно объяснять только внутренними неустройствами Руси и Польши: если бы к тому времени среди самих литовцев не выработалась привычка к соединению, к общему действию, едва ли бы мы слышали об их набегах на Русь и Польшу. В союзы соединялись нередко князья целого народца литовского. Таким образом, например, еще в 1106 г. соединилась вся *Жемгала* и победила Всеславичей полоцких, всю братию, «и дружины убили 9 тысяч». В 1211 г. при нападении Даниила Романовича и поляков «собралась вся земля *ятвяжская*»; на помощь к ятвягам приходили даже пруссы и борты. Но еще более крупное соединение видим мы в собственно Литве и Жмуди в 1215 г. В этом году ко вдове князя Романа Галицкого и его сыновьям присылали для заключения мира своих уполномоченных около 20 князей, между ними *старейший* князь Живинбуд, Довспрунк и брат его Миндовг. Десять лет спустя мы видим новое крупное соединение литовских князьков, но уже с иною целью. В 1225 г. литовская «рать велика зело, яка же не была от начала миру», опустошила обла-

сти Новгородскую, Смоленскую и Полоцкую. Весьма знаменательное явление представляют из себя упоминаемые старейшие князья, которые являются во главе союзов. По-видимому, это были наиболее сильные князья, к которым примыкали более слабые. Литовские князья, по всем данным, в то время уже были неодинаковыми политическими величинами и разнились по величине своих владений. Об отце Миндовга рифмованная «Лифляндская хроника», не называя его по имени, прямо говорит, что он был сильнейшим владетелем на Литве и никто не мог с ним сравняться. Естественно поэтому, что и Миндовг, унаследовав от отца его владения, стал во главе Литовской земли.

Такое положение Миндовг занимал уже в 1236 г. Волынская летопись, рассказывая под 1236 г. о нападении литовцев на Мазовию по наущению Даниила Галицкого, говорит об этом так, как будто бы Миндовг был главою и представителем всей Литвы: «Данил же возведе на Кондрата Литву, Миндога». Рифмованная «Лифляндская хроника», описывая под 1244 г. нападение на владения Ливонского ордена 30 тыс. литовцев под начальством Миндовга, называет его могущественным *королем* литовским.

Возвышение Миндовга на первых порах имело значение простого старшинства, предводительства в совместных военных операциях литовских князей. Другие литовские князья на первых порах являются самостоятельными и действуют отдельно и независимо от Миндовга. Так, в 1246 г., когда Миндовг находился в мире с Романовичами волынскими, один из Рушковичей – Айшвно – вторгался в Пересопницкую волость. Даниил и Василько нагнали его около Пинска, отняли у него добычу, перебили его воинов, и сам Айшвно едва спасся бегством. В следующем году Литва под начальством князя Лингвения воевала около Мельницы и Лековни; Даниил и Василько также нагнали литовцев, отняли полон, самих перебили, а князь Лингвений бежал раненый. Все эти столкновения не нарушили мира их с Миндовгом, который был непричастен к этим нападениям, предпринимавшимся вышеупомянутыми князьями по своей воле, на свой страх и ответственность.

Но с 1248 г. наступает новый период в отношениях Миндовга к князьям. Перемену отношений прежде других почувствовали родственники Миндовга. Он коварно предложил своим племянникам Товтивилу и Едивилу вместе с дядею их по матери жмудским князем Викинтом идти воевать на Русь, к Смоленску, с тем, чтобы «што хто приемлет, собе дерьжить». Когда они отправились в поход, Миндовг захватил их волости, движимое имущество и отрядил свое войско, «хотя убити я». Рассказывая об этом, летопись говорит: «Поимана бе вся земля Литовьская и бесчисленное имение их, притрано бе богатьство их». Летопись верно оценила значение факта: с захватом владений и имущества самых могущественных князей Миндовг сделался полным господином положения на Литве, и все другие князьки должны беспрекословно подчиниться ему. К этому надо прибавить, что в то время Миндовг сумел увеличить наследство, полученное от отца на Литве, приобретениями на Руси. В переполох и сумятицу, произведенную на Руси татарами, Миндовг захватил так называе-

мую Черную Русь, т. е. область правых притоков Немана с главным городом *Новгородком*. Этот Новгородок сделался обычным его местопребыванием, и из этой Черной Руси Миндовг почерпал, по-видимому, немало сил в борьбе со своими врагами.

Нам нет надобности следить за всеми перипетиями борьбы Миндовга с родственниками, которая осложнилась борьбою с соседями – галицко-волынскими князьями, поляками и ливонскими немцами, вступившимися за изгнанных родственников. Достаточно отметить только общие результаты ее. Миндовгу удалось удержать в своих руках захваченные у родственников владения на Литве и поставить твердо дело политического объединения Литвы. Беспрерывная борьба с соседями, их непрестанные вторжения в Литву, их ясно сказавшиеся намерения, пользуясь усобицею Миндовга с родственниками, разобрать Литву по частям, поработить ее и навязать ей христианскую веру в конце концов теснее сплотили Литву под властью Миндовга, поставили его «самодержьцем во всей земли Литовьской», как выражается Волынская летопись. При сильно возбужденном чувстве самосохранения власть Миндовга на Литве приобретала общее и прочное признание и под конец его княжения распространилась даже на Жмудь, именно после того, как Миндовг разорвал с немцами и освободил Жмудь от подчинения ордену, которому прежде он сам же способствовал (Миндовг, как известно, не имея возможности противостоять коалиции Романовичей, поляков и Ливонского ордена, в 1250 г. принял крещение и уступил ордену часть Жмуди). Под конец своего княжения Миндовг, по словам летописи, «нача гордети велми, и вознесеся славою и гордостью великою, и не творяше противу себе никого же». Известно, что такое поведение вызвало реакцию, и Миндовг пал в 1263 г. жертвою заговора подручных ему князей, не вынесших самовластия Миндовга. Но если пал Миндовг, то не пало его дело. Образовавшееся при нем Великое княжество Литовское настолько окрепло, что не разложилось среди междоусобий, наступивших по смерти Миндовга. Сами заговорщики, тяготившиеся самовластием Миндовга, после его смерти спешили занять созданное им положение великого князя Литвы и вступили из-за этого в борьбу между собою. *Тройнат*, князь жмудский, севши на месте Миндовга князем «во всей земле Литовской и в Жемойти», послал приглашение к *Товтивилу* Полоцкому явиться в Литву делить землю и добыток Миндовга. В действительности же он пригласил его с целью погубить и устранить от дележа, а Товтивил со своей стороны мечтал о том же по отношению к Тройнату. Кончилось тем, что Тройнат убил Товтивила, но скоро и сам был убит конюхами Миндовга. На место Тройната заступил сын Миндовга *Войшелк*, скинувший с себя на время монашескую рясу (он сделался ранее христианином и постригся в монахи). Видно, что дело Миндовга было прочно налажено, удовлетворяло общей потребности, находило себе общее сочувствие в Литве. Когда прибыл Войшелк, то «Литва же вся прияша и с радостью великою своего господичича». Опираясь на это сочувствие, на общее признание своего права и своей власти, Войшелк «поча вороги свои избивати,

изби их бесчисленное множество, а другии разбегошася, камо кто видя». Его преемники, *Шварно Данилович* и *Тройден*, по всем признакам, занимали такое же положение, как Миндовг. Тройден (1270–1282) распоряжался силами всей Литвы, как это видно из его столкновений с ливонскими немцами, которых он не раз поражал и избивал в большом количестве; он развивал свою деятельность на всей территории собственно Литвы и Жмуди. На южном пограничье Литвы, в городах Черной Руси – Городне и Слониме – он селил бежавших к нему пруссов и бортев; на севере, в смежной с собственно Литвою и Жмудью Жемгале, он поддерживал восстание против ордена. Ятвяги были также в его распоряжении, и он посылал их в составе большой рати на поляков под начальством своего брата Сирпутия.

Итак, княжество Миндовга оказалось прочным политическим соединением. Оно пережило самого Миндовга и сделалось ядром, из которого мало-помалу выросло обширное государство. Но что сталось с мелкими волостными вождями, существовавшими на Литве до возникновения великокняжеской власти? Часть их, несомненно, была истреблена во время объединения Литвы. Но истреблены были далеко не все. Наша летопись, рассказывая о нападении на Литву в 1266 г. псковского князя Довмонта, называет по именам четырех литовских князей и глухо говорит о других литовских князьях, отправившихся за ним в погоню. Петр Дюсбургский рассказывает, что сын Тройдена Пелюза, отыскивавший отцовский стол, вторгся в 1286 г. в Литву, захватил в одном месте около семидесяти царьков (regulos), собравшихся на свадьбу, и всех их перебил с женами и детьми. Но и позже эти князьки и царьки постоянно появляются по источникам.

Какое же положение заняли они в новообразовавшемся Великом княжестве Литовском? Так как прежнее положение их, по всем признакам, было неодинаковое, то и теперь они разместились не на одинаковых ступенях общественной иерархии. Часть их так и осталась местными князьями, правившими своими волостями под рукою великого князя. Такие князья старых литовских династий являются и в позднейшее время, в XIV–XVI вв., в Гольшанах, Гедройти и на Свири. Другая часть образовала высший слой того класса, который в XIV в. получил русское название бояр. Это позднейшие паны литовские. Такой переход волостных вождей в класс бояр дает себя выследить по источникам с полною ясностью на Жмуди. В той роли народных вождей, в какой в XIII и даже в XIV в. являются жмудские *царьки*, или *знатные* люди, к концу XIV и в начале XV в. выступают уже жмудские *бояре*. Несомненно, что подобное же превращение сильных, знатных, благородных людей, кунигасов в *бояр* имело место и в собственно Литовской земле. Если так, то и значительная землевладельческая аристократия, которая впоследствии играла такую важную роль в политической жизни Великого княжества Литовского, родилась одновременно с этим государством.

И еще одна черта, отличавшая Великое княжество Литовское, сказалась в нем с момента его возникновения. Государство это с самого начала было не про-

сто литовским, а литовско-русским. Мы видели, что Миндовг утвердился в так называемой Черной Руси, силами которой он, по-видимому, пользовался для распространения своей власти в Литве. Черная Русь послужила опорою и его сыну Войшелку, который после убиения отца пошел не прямо на Литву, а на Русь, «а оттоле поя с собою новгородце и пойде на Литву княжить». Даже «окаянный и немилостивый», по характеристике нашего летописца, Тройден смотрел на Черную Русь как на базис своей силы и власти и здесь именно селил бежавших к нему пруссов. В русской общественности литовские князья, по всем признакам, могли почерпать более сил и средств для установления власти, чем в общественности литовской. Русь давала в их распоряжение военный люд, привыкший находиться в определенных и постоянных служебных отношениях к князю, по военной выправке и храбрости, как свидетельствует Петр Дюсбургский, не уступавший западному рыцарству. На Руси литовские князья находили массу городского и сельского населения, связанного с князем определенными и постоянными податными и разными другими повинностями. Здесь же к услугам князя была и организованная администрация, ряд определенных должностей и званий, которыми утверждалась княжеская власть над обществом. Едва ли что-нибудь подобное было в то время на Литве. Правда, что здесь обозначилось уже социальное разделение общества, появились и зародыши государственной власти, но все это было еще пока простым фактом, не приобрело твердого юридического характера и потому было шатко и изменчиво. Поэтому Миндовг и его преемники, утверждая свою власть на Литве, естественно, стремились искать опоры на Руси и пользоваться ее политическими силами и средствами. Но отсюда уже был один шаг до перенесения на Литву тех русских порядков и установлений, на которых могла утверждаться княжеская власть и которые могли в этом отношении оформлять и закреплять данные литовской общественности. К этому надо присоединить и тот факт, что одним из преемников Миндовга был его обрусевший сын Войшелк, а другим – русский родственник, князь Шварно Данилович. Уже сам по себе этот факт не был простою случайностью, а результатом сближения литовской народности с русской. Но он, в свою очередь, должен был способствовать ассимиляции Литвы с Русью: названные князья должны были, естественно, пропагандировать и утверждать на Литве русские порядки, русские обычаи и установления. Так Великое княжество Литовское с самого возникновения своего выходило полурусским государством. Это обстоятельство облегчило ему в сильной степени дальнейшее расширение его на счет западнорусских земель.

Литература

Кроме вышеупомянутых трудов Антоновича и Дашкевича для ознакомления с начальною историей Великого княжества Литовского служат монографии:

Latkowski J. Mendog, król litewski // Rozprawy i Sprawozdania Wydziału historyczno-filozoficznego Akademii umiejętności w Krakówie. Kraków, 1892. T. 28; *Totoraitis I.* Die Litauer unter dem König Mindowe bis zum Jahre 1263. Freiburg, 1905; *Skirmunt K.* Nad Niemnem i Baltykiem. Warszawa, 1909. Z. 3.

IV. ПРИСОЕДИНЕНИЕ К ЛИТВЕ ПОЛОЦКИХ КНЯЖЕСТВ, ПОЛЕСЬЯ И ПОДЛЯШЬЯ

Походы полоцких князей в Литву в XI–XII вв. Колонизация Черной Руси. Политическое раздробление и слабость Полоцкой земли в конце XII и в XIII в. Нападения Литвы на Полоцкую землю и натиск немцев. Подчинение Полоцкой земли смоленским князьям. Смута в Смоленске и захват полоцких княжеств родными Миндовга. Полоцкие княжества под властью Литвы, Смоленска и немцев в конце XIII и начале XIV в. Окончательное включение Полоцка и Витебска в состав литовских владений. Подчинение Минского княжества и других. Присоединение Турово-Пинского Полесья. Земля Берестейская с Подляшьем под властью волынских князей и Конрада Мазовецкого. Захват ее Гедимином.

Новообразовавшееся Великое княжество быстро стало обрастать с востока и юга западнорусскими землями и прежде всего расширилось за счет *Полоцкой земли.*

Полоцкая земля в данном случае стала на первую очередь не случайно, а по требованиям своей географии и истории. Из всех западнорусских земель Полоцкая ближе всех примыкала к Литве, теснее других связывалась географически. Географическая близость обусловила между ними давнишнее житейское общение и знакомство. В течение XI и первой половины XII в. полоцкие князья много раз навещали Литовскую землю в поисках добычи и полона. По следам князей пробиралось в Литву, по всем признакам, и мирное население, искавшее здесь удобных земель и угодий. Так называемая Черная Русь, по-видимому, была полоцкою колонией в Литовской земле. С половины XII в. отношения между Литвою и Полоцкою землею сделались обратными. Полоцкая земля к тому времени, подобно всем другим русским землям, утратила свое политическое единство, разорвалась на несколько княжений под управлением потомков Изяслава, как-то: Полоцк, Витебск, Минск, Друцк, Изяславль, Логожск и т. д. Предания родового старшинства слабо держались между Изяславичами полоцкими, и столы либо добывались силою, либо замещались по соглашению с населением. Последнее чаще всего имело место в главном городе Полоцкой земли, средоточии сильного боярства и богатого купечества. В усобицах из-за столов Изяславичи полоцкие, как и южнорусские князья, обращались за помощью к поганым, но только этими погаными в настоящем случае были не половцы, до которых было далеко, а литовцы – соседи. К литовцам полоцкие князья стали обращаться за помощью и против немцев, которые в конце XII и начале XIII в. сделались их соседями, отняли у них данников на низовьях Двины – ливь и летьголу – и грозили дальнейшим наступлением на полоцкие владения. Опасность от немцев заставляла полоцких князей дружить с литовскими, и мы видим, например, князя *Герсики* Всеволода зятем литовского князя Довгерда (Доугеруте). Но литовцы стали часто являться в Полоцкую землю со второй половины XII в. и непрошеными гостями. Мы знаем, что к тому времени литовцы стали соединяться в крупные общества

и привыкли ходить на войну большими партиями, разлакомились добычею и начали уже промышлять войною. Нападения их со второй половины XII в. участились и заставили певца «Слова о полку Игореве» тревожно смотреть на будущее полочан. «Двина, – читаем у него, – болотом течет оным грозным полочаном под кликом поганых». Полоцкие князья, обессиленные дележом и усобицами, уже не в состоянии были давать им отпор. «Ярославе и вси внуци Всеслави! – обращается к ним певец. – Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи вережени, уже бо выскочисте из дедней славы». «Один только Изяслав Василькович, – плакался певец, – позвонил было своими острыми мечами о шлемы литовские, но, покинутый родными братьями, лежит под красными щитами на кровавой траве, изрубленный литовскими мечами, выронив жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье». В 20-х гг. XIII в. литовцы стали уже рыскать по Полоцкой земле, как по своей собственной. Они беспрепятственно проходили по ней из конца в конец, нападая на владения черниговские (1209 и 1220 гг.), на смоленские (1226), на тверские и московские (от руки их пал и первый московский князь Михаил Хоробрит), на новгородские волости (они опустошили окрестности Торопца в 1223 г., Русы – в 1224 г. и Торжка – в 1226–1227 гг.). Слабость, обнаруженная при этом полочанами, которые не препятствовали литовцам проходить через их землю и даже, повидимому, не прочь были дружить с ними, заставила смоленских князей предпринять в 1222 г. поход на Полоцк и занять его. В Полоцке под рукою великого князя смоленского сел один из младших смоленских князей, который должен был оберегать землю от Литвы. Но это ему не удавалось, и литовцы по-прежнему хозяйничали в Полоцкой земле. Зависимость Полоцка от Смоленска в начале 30-х гг. XIII в. прекратилась и вовсе. Сидевший в нем смоленский князь Святослав Мстиславич ушел на княжение в Смоленск. Наступили затем смуты в Смоленске, во время которых Полоцк предоставлен был собственной участи и отделился от Смоленска; в Полоцке сел какой-то князь Брячислав, судя по имени, из местного княжеского рода Изяславичей. Литовцы тем временем продолжали свое дело, и шайки их появлялись в новгородских волостях, торопецких и около Дубровны. Наконец, какой-то литовский князь напал даже на Смоленск и занял его. Великий князь владимирский Ярослав Всеволодович предпринял в 1239 г. поход на Смоленск, выгнал оттуда литовского князя и урядил Смоленск, посадив на старшем столе Всеволода Мстиславича. Но ничего подобного не сделал он относительно Полоцкой земли. Наводняемая каждый год литовцами, эта земля все более и более отрывалась от остальной Руси и спаивалась с Литвою. Покинутое на произвол судьбы русское население этой земли, естественно, должно было искать себе спасения и защиты от погромов в покорности литовским князьям. После этого не неожиданным является и появление литовских князей на столах Полоцкой земли. В начале 50-х гг. XIII в. там расселились родственники Миндовга: в Полоцке – его племянник Товтивил, в Друцке – другой племянник Едивид, в Витебске – дядя этих князей по матери жмудский князь Викинт. Миндовг, как уже было

сказано, воспользовался уходом этих князей для того, чтобы захватить себе их земли и имущества, покинутые на Литве. Это заставило князей побросать полоцкие столы и начать борьбу против Миндовга в союзе с Романовичами волынско-галицкими и немцами. Но Товтивил спустя некоторое время, помирившись с Миндовгом, вернулся в Полоцк и продолжал княжить там в зависимости от Миндовга. Поэтому и в последовавших войнах Миндовга с Романовичами, татарами и смольнянами мы видим Товтивила полоцкого на стороне Миндовга: Полоцк сделался как бы вассальным владением великого князя литовского. Это положение вещей продолжалось некоторое время и при преемниках Товтивила, погибшего вскоре после Миндовга. Сначала в Полоцке сидел какой-то князь Константин, посаженный соперником Товтивила Тройнатом (известие о его княжении относится к 20 августа 1264 г.), а затем князь Изяслав, который считал себя «в воли Молшелгове», т. е. Войшелка, великого князя литовского, как гласит его грамота, писанная к немцам. В воле Войшелка, по всем данным, был и союзник этого князя витебский князь Изяслав. Оба эти князя вскоре же, уже в конце 1264 г., должны были уступить свое место литовскому князю Герденю, продержавшемуся в Полоцке и Витебске до 1267 г. включительно, когда он был убит псковичами. После этого и на полоцком, и на витебском столах мы видим уже русских князей. Полочане и витебляне, очевидно, воспользовались смутами, происходившими на Литве по смерти Миндовга, междоусобиями за великое княжение и эмансипировались несколько от Литвы. Они стали принимать к себе на княжение природных русских князей, хотя с уверенностью нельзя утверждать, что эти князья были независимы от Литвы. Только Витебск в 80-х гг. XIII столетия освободился совершенно от Литвы и подчинился было смоленскому князю Федору, который и управлял им через своих наместников. Но в Полоцке в конце XIII в. мы видим снова литовского князя. Этот князь, неизвестный по имени, будучи не в состоянии бороться с немцами и не получая надлежащей помощи от соплеменников, принял католичество и, не имея наследников, завещал свое княжество Рижской архиепископии. После его смерти немцы вступили в Полоцк и принялись заводить там свои порядки, вводить католичество и обирать жителей. Полочане, возмущенные всем этим, обратились за помощью туда, откуда она и прежде в таких случаях приходила – в Литву. Великий князь Витень в 1307 г. явился в Полоцкую землю и перебил почти всех застигнутых там немцев, а католические церкви разрушил. Некоторое время он посылал в Полоцк своих наместников, предоставляя полочанам ведать свои дела самим и решать их по-старому на вече. Позже, около 1326 г., в Полоцке сел на княжение уже брат Витеня Воин. С этого времени Полоцк соединился уже прочными политическими связями с Литвою и никогда от нее не отделялся. Поэтому и 1307 г. можно считать годом окончательного присоединения Полоцка к Литовской земле.

За Полоцком наступила очередь *Витебска*, который обособился от Полоцка в самостоятельное княжение.

В Витебске в конце XIII в. княжил какой-то князь Ярослав Васильевич, быть может, из рода князей смоленских, утвердивших свое владычество в Ви-

тебске как раз в конце XIII в. В 1318 г. этот князь выдал свою единственную дочь за литовского князя Ольгерда Гедиминовича, а в 1320 г. скончался, не оставив после себя мужского потомства. В Витебске сел тогда зять его Ольгерд, крестившийся в русскую веру. Ольгерд кроме Витебска имел еще особое княжение на Литве, в Креве, данное ему отцом. С уверенностью можно полагать, что Ольгерд подчинялся отцу не только как князь кревский, но и как витебский, ибо и в Витебске он сел, конечно, не без воли отца, а может быть, и его содействия. Витебск таким путем вошел в сферу политического господства великого князя литовского. Подчинение Витебской земли Литве было при Гедимине только восстановлением и упрочением литовского господства, и ранее уже устанавливавшегося в этой земле. Гедимин простер свою деятельность и далее в том же направлении. Он привел в зависимость и князя минского. Летопись под 1326 г. сообщает между прочим, что приходили в Новгород послы из Литвы: брат великого князя Гедимина Воин, полоцкий князь, Василий, князь минский, и князь Федор Святославич. Значит, князь минский в 1326 г. был уже подручником Гедимина. Но если Минское княжество, Полоцкое и Витебское были в зависимости от Литвы, то необходимо предположить, что и промежуточные между ними княжества, каковы были княжества *Лукомское* и *Друцкое*, были также приведены в зависимость от Литвы. По крайней мере, позже владетели этих княжеств выступают уже в качестве вассалов великого князя литовского.

С подчинением всех этих владений Литве под верховною властью великого князя литовского очутилась уже вся Полоцкая земля в древнейшем и обширном смысле.

В начале же XIV в. молодое Великое княжество Литовское включило в свой состав и *Турово-Пинское Полесье*, т. е. бассейн Припяти.

Около половины XIII в. мелкие и слабые турово-пинские князья из рода Святополка Изяславича (Ярославова внука) подчинялись князю Даниилу Романовичу и его брату, галицко-волынским князьям. Но подчинение их не отличалось постоянством: князья, по выражению летописи, имели «лесть» к Даниилу и Васильку и склонялись нередко на сторону другого могущественного соседа, великого князя Миндовга, утвердившегося в Черной Руси. Это колебание Полесья из стороны в сторону в конце концов и разрешилось присоединением Полесья к Литве. При каких обстоятельствах состоялось это присоединение и когда именно, в точности неизвестно. Мы знаем только, что Гедимин еще при жизни своей посадил в Пинске, главном городе Полесья, сына своего Наримунта Глеба. На других городах Полесья, впрочем, и после того встречаем русских князей, как, например, на Несвиже. Но эти русские князья уже находились под верховною властью великого князя литовского, служили и подчинялись ему наравне со всеми другими подручными ему князьями, литовскими и русскими. Из сего явствует, что одновременно с утверждением в Пинске Наримунта все или почти все Полесье подчинилось Литве.

Тогда же или еще ранее приросла к Литве и земля Берестейская, в западной своей части называвшаяся *Подляшьем*.

Под именем Берестейской земли в XIII в. слыла южная часть Ятвяжской области, колонизованная с юга русскими людьми с Волыни, с запада – поляками из Мазовии. В состав этой области входили во второй половине XIII в. города *Берестье, Каменец, Кобрин, Дорогичин* и *Мельник* с их волостями. Эта область клином врезывалась между Мазовией, с одной стороны, и литовскими владениями – с другой, мало имела территориальной связи с Волынью, отделяясь от нее болотами и лесами по верхней Припяти и Мухавцу. В первой половине XIII в. значительную часть ее с городом Дорогичином во главе захватил было князь Конрад Мазовецкий. Конрад поместил здесь так называемых добринских рыцарей, услугами которых он пользовался для борьбы с пруссами и другими литовцами. Но князь галицкий Даниил Романович вытеснил из нее «крижевников» и воротил свою отчину. Внук Даниила Юрий Львович, помогавший крестоносцам против великого князя Витеня, вызвал против себя нападение брата его Гедимина. В 1315 г. Гедимин захватил Берестье и Дорогичин, а затем продвинулся к самой столице Волынской земли – Владимиру. В происшедшей затем под стенами Владимира битве пал Юрий Львович. Его сыновья, по некоторым известиям, продолжали борьбу с Гедимином и пытались вернуть Берестейскую землю, но безуспешно. Гедимин, ставший вскоре великим князем, удержал за собою Берестье, Каменец, Дорогичин и другие здешние города и посадил здесь на княжение еще при жизни своей доблестного сына своего Кейстута.

С присоединением Подляшья коренная Литовская земля окружилась целым поясом подвластных литовским князьям русских земель, и Великое княжество Литовское еще больше, чем прежде, приняло вид и характер государства Литовско-Русского.

Литература

В качестве ближайших пособий кроме вышеупомянутого труда Антоновича могут быть рекомендованы следующие труды:

Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия // Университетские известия. Киев, 1896; *Андрияшев А. М.* Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия // Университетские известия. Киев, 1887; *Иванов П. А.* Исторические судьбы Волынской земли до конца XIV в. Одесса, 1895; *Грушевский А. С.* Пинское Полесье. Ч. 1: Очерк истории Турово-Пинского княжества в XI–XIII вв. Киев, 1901; *Stadnicki K.* Olgierd i Kiejstut, synowie Gedymina, w. księcia Litwy. Lwów, 1870; *Он же.* Synowie Gedymina wielkowładcy Litwy. Lwów, 1881; *Wolff I.* Ród Gedimina. Kraków, 1886.

Истории территориального образования Литовско-Русского государства посвящены «Очерки истории литовско-русского права» Ф. И. Леонтовича, печатавшиеся в Журнале Министерства народного просвещения за 1893 и 1894 гг. и вышедшие затем и отдельною книгою (СПб., 1894). Но, к сожалению, книгою нельзя пользоваться без постоянной проверки, так как автор не подвергал надлежащему критическому разбору свои источники и пособия. Об этом смотрите мою рецензию на труд господина Леонтовича «К вопросу об удельных князьях и местном управлении в Литовско-Русском государстве» (Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 8).

Краткий очерк территориального образования Литовско-Русского государства дан и в книге автора настоящих очерков «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута» (М., 1892).

V. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛИТОВСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА В ЮЖНОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ

Подчинение киевского князя Гедимину. Замена русского князя в Киеве литовским при Ольгерде. Ослабление Орды как благоприятное обстоятельство для распространения литовского владычества. Битва на Синих Водах и вытеснение татар с Подолья. Князья Кориатовичи на Подолье и зависимость их от Польши. Раздел Подолья между Польшею и Литвою. Смуты в Брянске и занятие черниговосеверских княжеств. Возвышение Галицко-Волынской земли с половины XII в. Тенденция к образованию малорусского государства. Разгром татарами Галицко-Волынской земли и ее разделение и ослабление. Прекращение династии Даниила Романовича и борьба Польши и Литвы за галицко-волынское наследие. Присоединение к Литве Волыни.

Первый и ближайший пояс русских земель, которыми окружило себя с востока и юга новообразовавшееся Великое княжество, составили Полоцкая земля в обширном смысле, Полесье и земля Берестейская с Подляшьем. Уже при Гедимине Литва начала окружать себя вторым поясом, в состав которого вошли Волынь с Подольем, Киевская земля, Чернигово-Северская на юге и юго-востоке, Смоленская – на востоке. Наиболее успешно шло это дело сначала в южнорусских землях, которые к концу XIV в. сделались прочным достоянием Литвы.

В числе послов Гедимина, ездивших в 1326 г. в Новгород для заключения мира, русские летописи называют после минского князя Василия князя Федора Святославича. Можно догадываться, что это был князь из рода путивльских Ольговичей, которому принадлежал тогда *Киев* и который, очевидно, стал подручником Гедимина подобно своему соседу минскому князю Василию. Подчинение киевского князя Литве было, вероятно, следствием победы Гедимина на реке Ирпени над отцом Федора Святославича около 1320 г. Не все ученые, впрочем, признают этот факт. Антонович в своем «Очерке истории Великого княжества Литовского» и по его следам господин Грушевский в своей «Истории Киевской земли» отвергают этот факт, считая его летописным вымыслом. Доводы их основываются на критическом разборе сказания о походе Гедимина на Южную Русь, содержащегося в пространной литовско-русской летописи (так называемой Быховца). Рассказ этот действительно содержит много хронологических и других несообразностей, но при всем том едва ли может быть отвергнут целиком. Составитель неискусно сгруппировал в нем подробности, перепутал и исказил имена, но едва ли выдумал самый основной факт, о котором встречаются краткие известия и в других летописях. Доводы, приводимые в пользу такого понимания Дашкевичем в его «Заметках по истории Литовско-Русского государства», Д. И. Иловайским во втором томе его «Истории России» и отчасти Зотовым в его труде «О черниговских князьях по Любецкому синодику...», являются более убедительными, чем отрицательные доводы Антоновича и его последователей.

Подчинение киевского князя и Киевщины Гедимину легко понять, если принять во внимание, что такое представлял из себя киевский князь того

времени, какими средствами он располагал. Киевский князь был в то время одним из тех бедных князьков, которые еле держались с горстью русского населения, уцелевшего после татарских погромов на степной окраине. Мать и краса русских городов в былое время – Киев – был после татар ничтожным городком, в котором Плано-Карпини, проезжавший через него в 1246 г., насчитал не более 200 домов. Во второй половине XIII в. в нем не было князей, а в 1300 г. его покинул и митрополит Максим, удалившийся со всем своим «житьем» на север от татарского насилия. «Тогда же, – прибавляет летописец, – и Киев весь разбежался». Едва ли Киев успел собраться вновь как следует в то время, когда в нем утвердились Ольговичи путивльские с соизволения хана. Но с горстью людей киевский князь не мог держаться в качестве самостоятельного владетеля и должен был подчиниться могущественному соседу, тем более что этот сосед мог до известной степени оберегать его от татар.

Князь Федор Святославич в качестве подручника, вассала великого князя литовского, продержался до 1362 г. В этом году, как сообщает так называемая «Густынская летопись», великий князь Ольгерд взял Киев под князем Федором и посадил в нем своего сына Владимира. Смещая князя Федора, который был не только подручником великого князя, но и данником татарского хана, Ольгерд, по всем признакам, воспользовался неурядицами, происходившими в то время в Орде. Надо сказать, что со смертью Бердибека (1359) ханская власть некоторое время не существовала фактически. Беспрестанно сменялись эфемерные ханы, временщики и авантюристы; по словам современного арабского историка Ибн-Хальдуна, «было несколько эмиров монгольских, поделившихся управлениями в округах Сарая; они были не согласны между собою и правили своими владениями порознь». Позже, уже в 70-х гг. XIV столетия, из среды этих правителей выдвинулся крымский эмир Мамай, захватил в свои руки власть в Орде и достиг значительного могущества. Но в 60-х гг. XVI в. не было в Орде ханов или князей, которые могли бы дать действительное значение ханскому суверенитету в южнорусских областях. Ольгерд и воспользовался благоприятным моментом для освобождения Киевщины от татарской зависимости и окончательного присоединения ее к Великому княжеству Литовскому. Последнее ему удалось; но эмансипировать Киевщину от татар Ольгерд оказался не в состоянии. Впоследствии, когда восстановилась в Орде сильная ханская власть и прекратились усобицы, князь Владимир Ольгердович должен был по прежнему обычаю выплачивать им дань. Вот почему и на монетах его встречаем татарскую тамгу, которая служила обычным выражением подданничества по отношению к татарскому хану.

Что Ольгерд стремился пользоваться неурядицами в Орде для освобождения южнорусских земель от татарского ига и присоединения их к Литве, на это указывает и поход его, предпринятый в то же время на Подолье. Подолье принадлежало к числу тех южнорусских населенных местностей, которыми непосредственно владели татары. Таких местностей можно указать несколько, кроме Подолья. Таковы, например, Тула и иные «татарские места» в верхнеокском бассейне, селения по рекам Хопру, Вороне и Черленому Яру и т. д.

В рассматриваемое время Подольем владели какие-то три брата: Хачибей, Кутлубуг и Димитрий, «дедичи и отчичи» Подольской земли, как их называет литовско-русская летопись. От них поставлены были атаманы, которые собирали дань с населения и отдавали ее приезжавшим к ним баскакам. Эти три брата, очевидно, принадлежали к тем областным эмирам, о которых упоминает Ибн-Хальдун и которые в рассматриваемое время сделались независимыми от хана Золотой Орды. Ольгерд поразил этих трех братьев наголову в битве на Синих Водах (при Днепро-Бугском лимане). После того с соизволения Ольгерда на Подолье отправились его племянники, сыновья Кориата Гедиминовича, и заняли Подолье, войдя в приязнь с местными атаманами. Этот факт в высшей степени характерный. Он указывает на то, что литовское владычество утверждалось в южнорусских областях при сочувствии населения, которое искало у Литвы защиты и покровительства от татар. Весьма вероятно, что сочувствие населения играло немалую роль и в присоединении Киевской земли, которое совершилось легко, без всякой борьбы. Впрочем, Подолье на первых порах не удержалось за Литвою. Кориатовичи сочли более выгодным для себя примкнуть к Польше и стали в зависимые отношения к польскому королю. Это дало возможность Польше овладеть Подольем и распоряжаться им как леном Короны. В 1411 г. Подолье выхлопотал себе в лен великий князь Витовт. Когда он умер, поляки заняли было Подолье снова на Корону, но утвердившийся вскоре на великом княжении Свидригайло отнял у них восточную часть Подолья. Эту часть Подолья он удержал за собою и после потери великого княжения. Когда избран был на великое княжение Казимир, Свидригайло поддался ему со своими владениями, и с того времени Восточное Подолье уже не отделялось от Литвы до самой Люблинской унии. Поляки долго и усиленно добивались от Литвы на общих сеймах возвращения Восточного Подолья, но литовцы упорно стояли за свое историческое право на эту землю и не отдавали ее полякам.

Неурядицы в Орде дали возможность Ольгерду распространить свою верховную власть и политическое влияние также и в пределах Чернигово-Северской земли. Эта земля в рассматриваемую эпоху разбивалась на несколько мелких княжеств, образовывавших две группы: собственно Чернигово-Северскую в бассейне Десны и ее притоков и группу так называемых «верховских» княжеств по верхней Оке и ее притокам. Сначала присоединена была к Литве первая группа. Совершилось это после внутренних смут в тогдашнем главном городе Чернигово-Северской земли – Брянске. «По смерти князя брянского Василия, – рассказывает летопись, – в Брянске произошел мятеж от лихих людей и великая „замятня" и опустение города; и потом начал обладать Брянском великий князь литовский». Когда это случилось, в точности неизвестно; скорее всего – во время похода Ольгерда на Русь Восточную в 1368 г., ибо уже в 1370 г. великий князь московский посылал воевать город Брянск, очевидно, желая выбить из него Литву. Ольгерд отдал Брянск вместе с Черниговом сыну своему Димитрию, который по источникам выступает брянским князем уже с 1372 г. Одновременно с занятием Брянска и Чернигова занято

было и княжество Новгород-Северское, которое Ольгерд отдал сыну своему Димитрию Корибуту.

Ольгерд распространил свое влияние и на верховские княжества. По крайней мере, мы знаем, что двое из здешних князей, Святослав Титович *Карачевский* и Иван *Новосильский*, были женаты на дочерях Ольгерда. Но твердою ногою Литва стала в верхнеокском крае только в княжение Витовта, о чем будет речь впереди.

При Ольгерде за Литвою утвердилась и большая часть *Волынской земли*. Исторические судьбы этой земли заслуживают особого внимания с нашей стороны. Дело в том, что в половине XIII в. Волынская земля в соединении с Галицкою была соперницею Литвы по части собирания воедино Западной Руси. Тогда еще, можно сказать, стоял знак вопроса над тем, кому удастся превратиться в западнорусское государство: молодому ли Великому княжеству Литовскому или Галицко-Волынской земле. Сто лет с небольшим спустя вопрос этот решился так, что в западнорусское государство превратилось Великое княжество Литовское, а Волынь и Галицкая земля поделены были между этим государством и Польшею. В высшей степени важно дать себе отчет, почему это так произошло и почему собирателем Западной Руси явилась иноплеменная, а не своя, национальная, политическая сила.

Прежде всего надо предварительно уяснить причины и обстоятельства, возвысившие Галицко-Волынскую землю к половине XIII в. и сделавшие ее соперницею Литвы. Уже со второй половины XII в. стало намечаться это будущее могущество Галицко-Волынской земли. Показателем этого является та политика на большую ногу, которую вели волынские князья Изяслав Мстиславич, его сын Мстислав и внук Роман, а затем и пришлый князь Мстислав Мстиславич Удалой. Эти князья вели борьбу с самыми могущественными князьями Руси вроде Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского и Всеволода III и даже с целыми коалициями князей, и сами были душою целых коалиций. Очевидно, что Волынская земля давала им немало финансовых и военных ресурсов для такой борьбы. Могущество галицкого князя Ярослава Осмомысла красноречиво засвидетельствовано певцом «Слова о полку Игореве». От имени великого князя Святослава он обращается к нему с такими словами: «Галичьскый Осмомысле Ярославе! Высоко седиши на своем златокованьном столе, подпер горы Угорьскыя своими железными пълкы, заступив королеви путь, затворив Дунаю ворота, меча бремена через облакы, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямь текуть: отворяеши Кыеву врата; стреляеши с отъня злата стола салтаны за землями» и т. д. Чем же объясняется все это могущество? Не чем иным, как увеличением населения в этих землях. К половине XII в. вследствие княжеских усобиц и набегов половцев в Приднепровье создались почти невозможные условия для жизни мирного земледельческого населения, и оно стало эмигрировать отсюда либо на северо-восток, в землю Ростово-Суздальскую, либо на запад, в Галицко-Волынскую землю, под защиту гор и лесов. Татарское нашествие еще более сбило население в Галицко-Волынскую землю. Хотя на первых порах и сама Галицко-Волынская земля

сильно пострадала от татарского погрома, но не в такой степени, как Приднепровье. Когда прошла первая гроза, южнорусское население, бежавшее от татар из Приднепровья, не воротилось на прежнее место, а осталось там, куда бежало, т. е. в бассейнах верхней Десны и Оки, в Галицкой и Волынской землях. Находившиеся поблизости лесистые Карпатские горы представляли надежное убежище для населения, и потому неудивительно, что с прибытием татар оно потянуло именно в этот край. Князь Даниил Романович Галицкий со своей стороны пошел навстречу этому народному движению и постарался использовать его в своих интересах. После ухода татар он развил сильную колонизаторскую деятельность в Галицко-Волынском крае. По условиям времени эта деятельность должна была выразиться прежде всего в постройке городов. «Созда городы многы, – говорит летопись, – и церкви постави и украси е разноличными красотами». В свой любимый город Холм Даниил, по словам летописи, созывал «прихожае, немцы и русь, иноязычники и ляхы; идяху день и во день, и уноты, и мастере всяции бежаху ис татар, седелници и лучници, и тулници, и кузнице железу и меди, и сребру; и бе жизнь, и наполниша дворы окрест града, поля и села». Весьма вероятно, что такими же «прихожаями» заселялись и другие города, созданные Даниилом, как, например, Данилов, Стожек и Львов. Увеличением населения в Галицко-Волынской земле объясняется, конечно, и та выдающаяся роль, которую играл Даниил Романович с братьею в политических событиях своего времени. Его самочувствие в этом отношении, как известно, шло так далеко, что он хотел даже остаться независимым от татар и после подчинения делал попытки к низвержению их ига. Несомненно, что не все в данном случае надо отнести на счет южного темперамента князя; многое тут вызывалось сознанием действительной силы. Об этой силе галицко-волынских князей свидетельствует и борьба их с Миндовгом, великим князем литовским, борьба, которая едва было не привела к утверждению в Литве власти галицко-волынских князей. Несомненно, что князь Даниил Романович был в свое время самым сильным, самым могущественным на юго-западе Руси. Он более других располагал и военными, и финансовыми средствами. Этот факт можно объяснять не чем иным, как наполнением его княжества людьми, населением.

И, однако, в конце концов не Галицко-Волынская земля заняла первенствующее положение и явилась в роли объединительницы Западной Руси и Литвы, а именно Литва. Отчего же это произошло? Здесь действовало несколько причин, и прежде всего географическая. Белая Русь имела гораздо более географической связи с Литвою, чем с Малою Русью, как стала называться к началу XIV в. Галицко-Волынская земля. Запустевшая Киевщина и лесисто-болотистые дебри Полесья лежали широкою раздельною полосою между Белою и Малою Русью. Благодаря этому между ними не было почти никакого житейского общения, которое создает политические связи. Белая Русь имела более житейского общения с Литвою и потому, естественно, должна была тяготеть к ней, а не к Малой Руси. Географически изолированное положение Малой Руси было причиною ее постепенного ослабления. После разорения

и опустения Киевщины она могла только на время усилиться и возвыситься. Сделавшись окраинною русскою областью, Галицко-Волынская земля должна была сосредоточиться на оборонительной деятельности, а не наступательной, и, стоя одиноко, расходовать и истощать свои силы в этой оборонительной деятельности. Тут ее постиг страшный татарский погром, от которого она уже не могла оправиться долгое время. В 1283 г. Галицко-Волынскую землю наводнили татарские полчища, которые шли под начальством хана Телебуги в Польшу и Венгрию. Главные силы татар схлынули на запад, но часть осталась на Волыни под Владимиром кормить коней. Эти татары, как рассказывает летопись, «учинили пусту» всю землю Владимирскую; бесчисленное множество народа, сбежавшегося во Владимир, перемерло от «остою»; а кто выезжал за город «в зажитье», того татары либо убивали, либо забирали в плен. Такой же погром постиг и Галицкую землю, когда Телебуга гостил в ней две недели на возвратном пути из Польши. Князь Лев Данилович по уходе татар насчитал около 12 $^1/_2$ тыс. человек побитых и взятых в плен. От погрома, постигшего Галицко-Волынскую землю, она долгое время не могла уже оправиться. Тем временем молодое Литовское государство, огражденное от татар расстоянием, лесами и болотами Полесья и Поднепровья, успело оправиться от внутренних потрясений, последовавших вслед за смертью Миндовга, и выросло уже в такую политическую силу, с которою не под силу было тягаться Галицко-Волынской земле. К тому же эта последняя раздробилась политически между потомками Даниила Романовича и, естественно, ослабела вследствие этого разделения. Во второй четверти XIV столетия в Галицко-Волынской земле перевелись князья из рода Даниила Романовича, и она стала ареною домогательств соседних государей и происходивших отсюда внутренних политических смут. Первоначально в ней утвердился было мазовецкий князь Болеслав Тройденович, внук по матери галицкого князя Юрия Львовича (Даниловича). Но он заявил себя таким фанатическим пропагандистом католицизма и вместе с тем тираном, что галичане решили во что бы то ни стало от него отделаться. Болеслав погиб в 1340 г. от поднесенной ему отравы. Польский король Казимир сейчас же вступился в его наследие, но на первых порах не имел успеха. Налегке он вторгся в Галицкую землю, овладел Львовом и другими городами, но вскоре потерял все это. Один из сильных галицких бояр Детко и князь острожский Даниил, призвав татар, вытеснили польские гарнизоны из Галицкой земли и заняли ее на литовского князя Любарта Гедиминовича, который как зять одного из последних волынских князей утвердился тем временем на Волыни. Литве, впрочем, не удалось удержать за собою Галицкую землю. В 1349 г. Казимир, воспользовавшись поражением литовских князей на реке Страве от крестоносцев, снова вторгся в Галицкую землю и на этот раз овладел ею уже окончательно. Он много раз пытался отбить у Литвы и Волынскую землю и по временам имел в этом частичный успех. Но в конце концов по договору 1366 г. он должен был уступить Волынь литовским князьям: Бельз и Холм – Юрию Наримунтовичу, Владимир и Кременец – Александру Кориатовичу, Луцк – Любарту Гедиминовичу, причем Юрий Наримунтович

и Александр Кориатович признали себя вассалами Казимира. Любарт Гедиминович заключил с Казимиром особый договор, в силу которого он обязался быть нейтральным в столкновениях короля с братьями Любарта, но помогать ему против других недругов. По смерти Казимира, в 1370 г., Любарт в союзе с братом Кейстутом отнял у Александра Кориатовича Владимир и присоединил его к своим владениям, а по смерти Людвика венгерского, преемника Казимирова на польском престоле, в 1382 г. присоединил и Кременец, занятый перед тем венграми. Таким образом, вся Волынь, за исключением Холма и Бельза, утвердилась за Любартом, примкнувшим к Великому княжеству Литовскому.

Литература

Кроме указанных уже трудов Антоновича, Дашкевича, Леонтовича, Андрияшева и Иванова ближайшими пособиями при изучении истории подчинения Литве южнорусских земель могут служить: *Иловайский Д. И.* История России. М., 1884. Т. 2; *Грушевский М. С.* Очерк истории Киевской земли // Университетские известия. Киев, 1891; *Он же.* Історія України – Руси. Київ; Львів, 1907. Т. 4; *Молчановский Н.* Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. // Сборник сочинений студентов университета св. Владимира. Киев, 1886. Вып. 8; *Stadnicki K.* Synowie Gedymina wielkowładcy Litwy. Lwów, 1881; *Он же.* Olgierd i Kiejstut synowe Gedymina, w. księcia Litwy. Lwów, 1870; *Он же.* Bracia Władysława Jagiełły, Olgierdowicza, króla Polski, wielkiego księcia Litwy. Lwów, 1867; *Wolff I.* Ród Gedimina. Kraków, 1886; *Филевич И. П.* Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. СПб., 1890; *Багалей Д. И.* История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1882; *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892; *Голубовский П. В.* История Северской земли до половины XIV в. // Сборник сочинений студентов университета св. Владимира. Киев, 1882. Вып. 2.

VI. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛИТОВСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА В СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛЕ И ВЕРХНЕОКСКОМ КРАЕ. ПРИЧИНЫ УСПЕХОВ ЛИТВЫ

Усобицы в Смоленской земле в первой половине XIV в. Натиск Москвы. Зависимость Смоленска от великого князя литовского при Гедимине и Ольгерде. Разрыв с Литвою в начале 50-х гг. XIV в. Занятие Литвою Ржевы, Белой, Мстиславля и Торопца. Восстановление зависимости Смоленска от Литвы. Неудачная попытка Юрия Святославича освободиться от этой зависимости; признание великого князя смоленского вассалом Ягайлы. Окончательное присоединение Смоленской земли к Великому княжеству Литовскому при Витовте. Утверждение литовского владычества в Верхнеокском крае. Общие наблюдения над ходом территориального образования Литовско-Русского государства; причины успехов Литвы.

Уже при Гедимине положено было начало подчинения Литве и *Смоленской земли.*

Земля Смоленская в то время сильно страдала от княжеских усобиц, сопровождавшихся татарскими нашествиями, и от натиска усилившейся Москвы. Особенно тяжела была для Смоленщины борьба великого князя Ивана Александровича с князем Димитрием Романовичем брянским. В 1333 г. этот

князь привел с собою в Смоленскую землю татарские полки и хотя не имел удачи, но вреда наделал много: князья, по выражению летописи, бились много. Но еще более зла делала Смоленской земле Москва. Юрий Данилович, пользуясь неладами смоленских князей, отнял у них Можайск. Москва стала покровительствовать удельным смоленским князьям в распрях их с великими, хлопотать за них в Орде, принимать к себе на службу. Факты в этом роде относятся как раз к рассматриваемому времени. Все это заставляло великого князя смоленского искать себе опоры и поддержки в Литве. С Литвою связывала Смоленск и торговля его с Ригою, шедшая водным путем по Каспле и Западной Двине через подвластную великому князю литовскому территорию. Не удивительно поэтому, если в грамоте великого князя Ивана Александровича, коей он скреплял торговый договор Смоленска с Ригою, мы встречаем наименование Гедимина его старшим братом и указание, что торговый договор Смоленска с Ригою был заключен «по докончанью» этого старшего брата. Ясное дело, следовательно, что при Гедимине установилась уже некоторая зависимость Смоленска от великого князя литовского.

Положение, создавшееся при Гедимине, сохранялось первое время и при Ольгерде. Смоленские князья пребывали в союзе и дружбе с великим князем Ольгердом. Литовские полки ходили на помощь смольнянам, которые добывали Можайск; смоленские полки бились вместе с литовцами против немцев на реке Страве в 1348 г. Но в 50-х гг. XIV столетия эти отношения расстроились, и вслед за этим последовал ряд нападений Ольгерда на Смоленскую землю и захват ее волостей. В 1355 г. Ольгерд занял город Ржеву (нынешний Ржев на Волге), лежавший на самой границе владений смоленских, московских и тверских. Но чтобы подойти к Ржеве, Ольгерд в то же время или еще ранее занял смоленские волости, лежавшие в бассейне реки Межи с Общею, между ними город *Белую*. Смольняне в 1357 и 1358 гг. пытались было в союзе с москвитянами выбить литовский гарнизон из Ржевы и отнять Белую, но не только не успели в этом, а наоборот, понесли даже новые территориальные потери. Ольгерд ответил новыми нападениями, на этот раз уже на южные части Смоленской земли, и завладел важным смоленским пригородом *Мстиславлем*. Ржева, сильно укрепленная литовцами, сделалась опорным пунктом для дальнейших завоеваний их на счет Смоленской земли. В 1362 г. они заняли *Торопец* с волостями, который после занятия Литвою бассейна Межи и Общи оказался уже отрезанным от Смоленской земли. Литовцы стали прорываться уже внутрь Смоленской земли. Так, в 1367 г. князь Андрей Ольгердович полоцкий занял два пригорода: Родню на юго-западе от Смоленска и Хорвач на юго-востоке.

Все это заставило тогдашнего великого князя смоленского Святослава Ивановича переменить политику и восстановить прежние отношения к Литве. Поэтому в 1368, 1370 и 1372 гг. мы видим его со смоленским войском в ополчении Ольгерда, нападавшего на Москву; смоленские полки снова стали ходить с Литвою на крестоносцев. Малейшие уклонения от подчинения Литве навлекали на Смоленск жестокие репрессалии Ольгерда. Так, в 1375 г. Ольгерд

сильно опустошил Смоленскую землю и вывел из нее много полона за то, что удельные смоленские князья Иван и Александр Васильевичи приняли участие в походе Москвы против Ольгердова союзника, тверского князя Михаила Александровича.

Смольняне попытались было освободиться от подчинения Литве во время усобицы, наступившей там по смерти Ольгерда. Великий князь смоленский Святослав Иванович присоединился к князю Андрею Ольгердовичу полоцкому, поднявшему восстание против великого князя Ягайлы. Но в битве под Мстиславлем в 1386 г. он потерпел поражение и погиб вместе со своим племянником Иваном Васильевичем. Новый великий князь Юрий Святославич должен был признать себя уже настоящим вассалом короля польского и великого князя литовского Ягайлы. 20 мая 1386 г. он выдал ему письменное обязательство, скрепленное крестным целованием, никогда не отступать от него и помогать ему во всех войнах его, не иметь никаких сношений с князем Андреем и полочанами и во всем быть верным польско-литовскому государю. Но вассалитет смоленского князя, как естественно ожидать, был только прелюдией к окончательному включению Смоленской земли в территорию Великого княжества Литовского. Это включение произошло уже благодаря стараниям великого князя Витовта.

Витовт начал с того, что переместил великого князя смоленского Юрия Святославича, зятя Олега рязанского, со старшего смоленского стола на удел в Рославль, а на его место посадил брата его Глеба. Вскоре он нашел неудобным для Литвы оставлять Смоленскую землю под управлением ее природных князей. В 1395 г. он неожиданно явился с войском под стенами Смоленска, распустив предварительно слух, что идет на татар. В Смоленске в то время происходил княжеский съезд, на котором князья решали свои распри. Витовт вызвал их к себе в лагерь, обещая быть их посредником, а затем всех их арестовал вместе с боярами и отправил в Литву, кроме князя Юрия, который успел убежать в Рязань. В Смоленске вместо князей стали править литовские наместники. Но в 1401 г. князь Юрий Святославич снова занял смоленское княжение при помощи тестя своего Олега и при поддержке смольнян, причем был убит литовский наместник и перебиты бояре, сторонники литовского господства. Тогда Витовт повел дело иначе. Смоленская земля охвачена была с севера, запада и юга литовскими владениями и только на востоке свободно и беспрепятственно сообщалась с Восточною Русью. Витовт поручил в 1404 г. своему подручному князю мстиславскому Лингвению Ольгердовичу занять Вяземское княжество, восточный удел Смоленской земли, и охватить таким образом Смоленскую землю и с востока. Лингвений успешно выполнил поручение великого князя, взял Вязьму и привел ее князей в плен к Витовту. Тогда же «приложились» к Витовту и удельные смоленские князья Фоминско-Березуйские, владения которых лежали на севере земли. В следующем, 1405 г. Витовт уже сам явился с большим войском и артиллерией под стенами Смоленска. Князь Юрий отправился за помощью в Москву и затем к немцам.

В его отсутствие Витовт взял город не без содействия самих смольнян. Желая упрочить за Великим княжеством Смоленск, Витовт вновь посадил в нем своих наместников и на этот раз дал им приказ чинить людям смоленским всякую льготу, «отводя их от князя Юрия». Такая политика увенчалась полным успехом, и Смоленск утвердился за Литвою.

Одновременно со Смоленскою землею утверждалось литовское владычество и в Верхнеокском крае. Уже в 1396 г. мы видим Витовта в обладании *Любутском* на Оке (на границе нынешних Калужской и Тульской губерний). Он овладел этим пунктом, очевидно, после того как занял Смоленск и получил в обладание бассейн Угры-реки. Во время борьбы с великим князем московским Василием Дмитриевичем, в 1407–1408 гг., Витовт приобрел *Мценск* на реке Зуше, и вскоре после того мы встречаем в Мценске и Любутске его воеводу. Судя по тому, что Верхнеокский край был ареною борьбы тестя с зятем, надо думать, что он был и ее объектом. Приобретением Любутска и Мценска Витовт охватил существовавшие в Верхнеокском крае самостоятельные русские княжества с востока, после чего их князья стали быстро переходить к нему на службу. В конце великого княжения Витовта его подручниками являются по источникам князья Новосильские, Перемышльский, Воротынский, Одоевский и др.

Так Великое княжество Литовское выросло в обширное Литовско-Русское государство. Это государство охватывало бассейны верхней и средней Западной Двины, Немана, Южного Буга, Днепра и верхней Оки, т. е. нынешнюю Литву, Белоруссию, большую часть Малороссии и небольшую часть Великороссии (восточную часть Смоленской губернии, Калужскую, Тульскую и Орловскую губернии).

Мы рассмотрели данные, относящиеся до территориального образования Литовско-Русского государства. Данные эти, в общем, скудны: известия источников о территориальных присоединениях Литвы сухи и отрывочны. Но при всем том они дают возможность сделать некоторые общие наблюдения над тем, как строилось Литовско-Русское государство, какие причины обусловили его территориальный рост на счет западнорусских земель.

Из этих данных явствует прежде всего, что Литовско-Русское государство создавалось частью завоеванием Литвою различных русских земель и волостей, частью путем добровольного присоединения их к основному государственному ядру – Великому княжеству Литовскому в древнем и тесном смысле слова. Но общее впечатление от всех этих данных таково, что сила оружия в данном случае имела второстепенное значение, ибо, не говоря уже о добровольном подчинении Литве земель и владений, сама завоевательная политика Литвы не находила в Западной Руси энергического отпора, так что в иных случаях трудно определить, что решило присоединение, сила ли литовского оружия или добровольное подчинение. Обращаясь к вопросу о причинах, обусловивших успехи Литвы в деле собирания Западной Руси, мы должны пре-

жде всего отметить национально-политическое объединение Литвы, вызванное ее напряженною борьбою с соседями в XII и XIII вв., сосредоточение ее сил и наряду с этим политическое раздробление Западной Руси, разбившейся на отдельные земли и мелкие владения, утратившей политический центр, вокруг которого могли бы группироваться ее силы. В такой раздробленной и расслабленной Руси, разоренной к тому же татарами, Литве сравнительно легко было производить свои захваты и завоевания. Мало того: западнорусские земли сами должны были идти в объятия Литвы. Они, как сказано, утратили политический центр, вокруг которого могли бы группироваться. Между тем в XIII и XIV вв. множество обстоятельств требовали от них политического единения, общей жизни, совместной деятельности. Со всех сторон стали напирать на западнорусские земли враги. С юга шло порабощение и разорение от татар; с северо-запада напирали немецкие рыцари, порабощавшие и насильно крестившие в латинскую веру; в XIV в. стало напирать на Русь и молодое Польское Королевство, только что восставшее из развалин удельной эпохи; а с востока пошли обиды и разорения от усиливающегося Московского княжества. При таких обстоятельствах новообразовавшемуся Великому княжеству Литовскому легко и естественно было стать политическим телом, к которому стали тяготеть западнорусские земли, тем более что с самого зарождения своего оно было не просто Литовским, а Литовско-Русским государством. Это молодое государство, утесняемое постоянно немцами Прусского и Ливонского орденов, чуть не ежегодно совершавшими вторжения («рейзы») в пределы Литвы вместе со своими «гостями», т. е. рыцарями, являвшимися с запада для спасительных подвигов в среде язычников и схизматиков, само должно было в сильнейшей степени испытывать потребность в поддержке западнорусских земель, в расширении своих владений на их счет. Общее давление со всех сторон, естественно, должно было в конце концов спаять Литву и Западную Русь, соединить их в один политический союз под верховною властью великого князя литовского. Объединение западнорусских земель вокруг Литвы в известном смысле было только повторением того, что происходило на той же западнорусской территории в IX и начале X в. Как тогда, так и теперь внешнее давление заставило несколько земель, дотоле разъединенных, примкнуть к сильнейшей, соединиться с нею в один союз. Их соединенными силами легко были покорены и подчинены общей верховной власти и другие земли, тем более что это не противоречило и их собственным выгодам. Объединение западнорусских земель вокруг Литвы было, в сущности, восстановлением разрушенного политического единства киевской эпохи, нахождением утраченного политического средоточия. Разница была лишь в том, что это средоточие теперь, в силу исторических обстоятельств, поместилось на реке Вилии, а не на Днепре, как это было в конце IX в. Таким средоточием стал город *Вильно*, стольный город княжения, заключавшего в себе Восточную Литву и прилегающую к ней непосредственно Русь. По условиям своего

географического положения это княжество наименее страдало от нападений извне, имело возможность густо заселиться и стать сильнейшим в ряду других литовских княжеств. Стольный город этого княжества и стал со времени Гедимина резиденцией великого князя литовского, который и стал называться великим князем литовским, жмудским и русским.

Литература

Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895; вышеупомянутые труды по истории Чернигово-Северской земли Голубовского, Багалея и Зотова; *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута. М., 1892; *Леонтович Ф. И.* Очерки истории литовско-русского права. СПб., 1894.

VII. ВНУТРЕННИЙ СТРОЙ ЛИТОВСКО-РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В XIV в.

Общий характер политического объединения Литвы и Западной Руси; симбиоз политических организаций. Князья Рюриковичи на своих уделах; их отношения к великому князю. Областные князья Гедиминовичи. Отсутствие удельных отношений в их среде. Обязанности их по отношению к великому князю. Влияние Руси на политический и общественный быт.

В своем территориальном образовании Литовско-Русское государство на сто с лишком лет опередило другое русское государство – Московское. Но это скороспелое объединение не выходило столь тесным, как объединение Северо-Восточной Руси вокруг Москвы. Присоединявшиеся к Литве западнорусские земли и владения в большинстве случаев сохраняли свою особность и самобытность, свой внутренний строй, не сливались воедино с основным государственным ядром.

Существовавшие в западнорусских землях князья Рюриковичи по большей части оставались на своих местах и продолжали вместе со своими боярами править местными обществами на положении вассалов великого князя литовского, обязанных ему военною службою, также и платежом дани. Таковы были, например, князья Лукомские, Друцкие, Вяземские, Одоевские, Воротынские и др. Крупные западнорусские земли и княжества получили из руки великого князя литовского его родичей в качестве местных князей, которые должны были быть у него в покоре и послушании. Но за исключением этого никаких других перемен не происходило в положении этих земель и княжеств. Литва не трогала их старины, их внутреннего уклада и обычая, и литовские князья продолжали править ими так же, как и их русские предшественники, и с теми же русскими боярами. Таким образом, например, князь Новгорода-Северского Дмитрий Корибут Ольгердович в 1388 г. приносил присягу королю и Короне Польской вместе со своими боярами и земянами, со своею «до-

брою радою». Эта рада почти вся состояла из русских людей, каковы были: князь Давид Димитриевич, князь Русан Плаксич, Василий Данилович и т. д.

Прямые и определенные известия о сохранении политической старины в западнорусских областях идут с начала XV в., со времен Витовта. Но Витовт имел дело, очевидно, с установившеюся уже традицией. На сохранение политической старины западнорусских земель и княжеств указывает и территориальная их неприкосновенность. В каких местностях обыкновенно создавались новые княжения в течение XIV в.? Во-первых, в пределах собственно Литовской земли. Здесь ко времени объединения не образовалось крупных территориальных подразделений. Вся Литва, как мы видели, состояла из мелких волостей. Поэтому здесь легко было создавать разнообразные территориальные комбинации при образовании новых княжений, без всякой ломки и разрушения старого. Во-вторых, новые княжения создавались в тех русских землях, которые раньше распались на множество мелких владений, вообще разбились и раздробились политически, так что и здесь можно было создавать новые княжения путем простого сочетания существующих, без особой ломки и разрушения сложившихся отношений. Таковы были земля Чернигово-Северская, Полесье и отчасти земля Волынская. Наконец, новые княжества возникали на территориях, оторванных от русских земель силою оружия прежде подчинения самих земель. Таковы были, например, княжества Мстиславское и Бельское, основанные на территориях, оторванных от Смоленской земли. Но крупные и более или менее цельные политические территории, поступившие под власть Литвы, обыкновенно не делились и в целом составе переходили из рук одного князя в руки другого. Очевидно, что, несмотря на присоединение их к Великому княжеству Литовскому, в них так еще было много местной политической жизни и силы, что литовские князья не считали возможным посягать на их целостность и единство, бережно относились к их политической старине. Таковы были русские земли: Полоцкая, Витебская и Киевская. В Полоцкой земле со времени ее окончательного утверждения за Литвою всегда сидел один литовский князь: сначала Воин, брат Гедимина, потом Андрей Ольгердович, наконец, Скиргайло Ольгердович. В Витебской земле княжили преемственно Ольгерд, его сын Ягайло, затем вдова Ульяна, наконец, Свидригайло Ольгердович; в Киевской земле – Владимир Ольгердович, позже в XV в. – Олелько Владимирович и Семен Олелькович. Смоленская земля присоединилась к Великому княжеству Литовскому под управлением своего великого князя, признавшего себя вассалом литовско-русского государя. Все эти факты в общей сложности убеждают, что Литовско-Русское государство в XIV в. представляло, в сущности, конгломерат земель и владений, объединенных только подчинением верховной власти великого князя, но стоявших особняком друг от друга и не сплотившихся в единое и компактное политическое целое. Сильнейший политический организм не поглотил здесь слабейших, как это было позже на северо-востоке Руси, и не претворил их в своем существе. Литовско-Русское государство в XIV в. представляло не единый политический ор-

ганизм, а своего рода *симбиоз* нескольких политических организаций, и такой характер оно удержало отчасти и в последующее время.

Великокняжеская власть была главным скреплением литовско-русского государственного союза. В этом можно наглядно убедиться, рассмотрев отношения между великим князем и местными, областными князьями.

Эти отношения в литературе сплошь и рядом определяются как отношения удельных князей к старшему, великому князю. Высказывается положение, что в Литовско-Русском государстве XIV в. господствовала та же самая удельная система, что и на Руси Северо-Восточной. Но это утверждение грешит чересчур большою общностью. Будучи справедливым до известной степени в отношении к уцелевшим князьям Рюриковичам, владетелям мелких княжеств, оно является неправильным в отношении к князьям Гедиминовичам, правителям крупных областей. Между этими последними и великим князем в XIV в. господствовали совершенно иные отношения, чем между Рюриковичами Северо-Восточной Руси.

Надо начать с того, что между ними не происходило окончательного дележа владений. Правда, Гедимин роздал своим сыновьям еще при жизни различные области государства. Но эта раздача не имела характера выдела им уделов: скорее это была раздача наместничеств. Поэтому, когда умирал тот или другой князь из сыновей Гедимина, его княжество не шло в раздел между его сыновьями, а иногда и совсем не попадало в их руки. Чаще всего в таких случаях на отцовском столе садился один из внуков Гедимина, а другим Ольгерд назначал княжения в других областях; некоторые даже уходили кормиться на сторону. Таким образом, например, когда умер в Минске Наримунт Гедиминович, то на его месте остался княжить один из его сыновей – Михаил, а другие ушли на сторону: Юрий держал одно время Кременец от князей литовских и короля польского Казимира, а затем был князем в Бельзе и Холме на Волыни; Патрикей был князем в Стародубе-Северском, который он получил от Ольгерда и в свою очередь передал одному только из трех сыновей – Александру (двое других уехали служить в Москву). Из сыновей Кориата Гедиминовича, получившего от отца Новгородок Литовский, один только Федор остался на отцовском княжении, а остальные уходили на сторону, княжили на Подолье, а один из них, Юрий, – даже в Молдавии. Ольгерд, раздавая княжения своим сыновьям, также не придавал им значения уделов. Поэтому и после его смерти преемник его Ягайло вновь подтверждал своим братьям княжения, полученные ими от отца. По крайней мере, мы знаем это об одном из них – Андрее Полоцком – из его же собственного признания. Но у некоторых князей по смерти Ольгерда были отобраны владения, перешедшие к ним от отцов. Таким образом, например, отобран был у князя Федора Любартовича, княжившего после отца на Волыни, сначала Луцк, а потом Владимир, взамен которого ему дан был Новгород-Северский. Следовательно, очевидно, что областные княжения не составляли еще уделов, и князья владели ими «до воли» великого князя. И позже, в XV и XVI вв., нужна была особенная грамота ве-

ликого князя, гарантирующая потомственное владение княжеством, чтобы создался удел. В противном случае княжество считалось владением «до воли» великого князя и отбиралось им при первой надобности. Таким образом, например, король Казимир отобрал у князя Ивана Андреевича Можайского Брянск, пожалованный ему в 1450 г., и дал ему взамен Стародуб и Гомель. Итак, владения Гедиминовичей в XIV в. не были еще их уделами. Гедиминовичи княжили в зависимости от великого князя, который давал им княжения, отбирал их, заменял другими, руководствуясь не чем иным, как соображениями своей и государственной пользы, а не известными правами самих князей. Значение уделов владения Гедиминовичей получили позже, в XV в., когда закончился процесс государственного сложения, упразднены были крупные областные княжения и остались сравнительно мелкие владения Гедиминовичей и Рюриковичей. Эти владения и приравнены были в отношении принципа отчинности ко всем другим земельным имениям. Впервые такое приравнение нашло себе общее законодательное выражение в земском привилее Сигизмунда Кейстутовича 1434 г., гарантировавшем ненарушимое владение отчинами не только для бояр, но и для князей. Но восстановлявшиеся в XV в. крупные областные княжения – Волынское, Киевское – по старине носили характер только временных, пожизненных владений Свидригайлы, Олелька и его сына Семена.

Вообще областные князья Гедиминова рода находились в большой зависимости от великого. Уже не говоря о том, что они обязаны были являться на помощь великому князю с ополчениями своих земель, они обязаны были вместе с тем платить великому князю известную дань в знак подданства – *подданщину*. Хронист немецкого ордена объясняет причину похода великого князя Кейстута на племянников – Ягайлу, князя витебского, и Корибута, князя новгород-северского, – тем, что они не заплатили великому князю своей дани (die em seyne zins hatten uff gehalten). Платеж великому князю подданщины был более или менее общим правилом, которому подчинялись как князья Гедиминовичи, так и русские князья Рюрикова рода, уцелевшие на своих родовых княжениях. Акты и хроника Стрыйковского констатируют платеж подданщины подольскими князьями – Константином Кориатовичем и затем Свидригайлой. Договорные грамоты короля Казимира с князем новосильским и одоевским Федором Львовичем показывают, что и чернигово-северские князья платили в казну великого князя литовского полетнее (solitum annuum censum, как выражается латинская грамота). Есть данные на то, что и смоленские удельные князья вносили в великокняжескую казну ежегодно определенную сумму денег под именем *посощины*. Весьма возможно, впрочем, что некоторые областные князья, пользовавшиеся особым значением и милостью у великого князя, вроде, например, Кейстута и Скиргайлы, не платили этой дани. Но если это было, то было исключением, а не общим правилом.

И во внутреннем управлении своими княжествами областные князья были до известной степени ограничены. В исторической литературе было справедливо отмечено, что при Ольгерде ни один из Гедиминовичей, за исключением

Кейстута, не пользовался правом наделять своих сыновей или приближенных людей владениями в пределах своих княжеств. Великий князь издавал иногда известные распоряжения, обязательные для всех областных княжений. Таким образом, например, 22 февраля 1387 г. Ягайло издал приказ для всех литовских и русских земель своего государства, чтобы родовитые литвины обоего пола принимали католическую веру, и вступали в браки, и оставались в браках с русскими не иначе как по принятии тою и другою стороною католической веры. Это распоряжение издано было Ягайлой с совета и соизволения братьев Скиргайлы, Владимира и Корибута. Между тем сила его распространялась, несомненно, и на области других князей. По крайней мере, мы знаем, что позже обыватели Витебской земли должны были добиваться от великого князя особой гарантии в том, что он не будет «нудить» в латинскую веру литву и ляхов, живущих в Витебске и крещенных в русскую веру. Великий князь рассматривал областных князей не как владетельных особ, а скорее как помощников и сотрудников по управлению Великим княжеством, и потому собирал их к себе на *думу*, когда приходилось решать важные вопросы внешней политики и внутреннего управления. Все важнейшие государственные акты XIV и начала XV в. совершены великими князьями при участии областных.

Таким образом, несмотря на существование особых княжений по областям, несмотря на сохранение особности и самобытности этих областей, Литва и Западная Русь составляли единый государственный союз, скреплением которого была власть великого князя литовского.

Русская стихия окончательно возобладала в этом государственном союзе в течение XIV в. Русские порядки, русские учреждения, русский язык и вера не только не колебались в собственно русских областях, но распространялись и в собственно Литве. Князья Гедиминовичи по русскому образцу уряжали княжества в пределах собственно Литовской земли. Таким образом, в княжествах Виленском и Трокском появились *городничие, тиуны, конюшие, ключники* в стольных городах, *наместники* и *тиуны* – в пригородах и волостях. Немецкие летописи, очевидно, со слов самих литовцев стали называть литовских землевладельцев, княжеских дружинников *боярами*, а простой народ *смердами*. Некоторые из Гедиминовичей, например Наримунт и его сыновья, Ольгерд и др., крестились в русскую веру; некоторые обрусевали настолько, что умели говорить только по-русски, как, например, Ягайло. Короче, Великое княжество Литовское в XIV в. стало еще более, чем в XIII в., государством русским, в котором политически господствующая народность подпала под духовное и культурное преобладание народности подчиненной.

Литература

Дашкевич Н. Заметки по истории Литовско-Русского государства. Киев, 1885; *Леонтович Ф. И.* Очерки истории литовско-русского права. СПб., 1984; *Любавский М.* О распределении владений и об отношениях между великими и другими князьями Гедиминова рода в XIV и XV вв. // Издания Московского исторического общества. М., 1896. Т. 1; выше упоминавшиеся труды К. Стадницкого и Ю. Вольфа.

VIII. ВНУТРЕННИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ В ЛИТОВСКО-РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ В XIV в. И ИНКОРПОРАЦИЯ ЕГО В КОРОНУ ПОЛЬСКУЮ

Низведение Явнута с великокняжеского престола. Договор Ольгерда и Кейстута и их совместная деятельность. Усобица между Ягайлой и Кейстутом. Скиргайло как ближайший помощник Ягайлы. Военно-политический характер княжеской власти на Литве. Борьба Ягайлы с Витовтом и другими братьями. Договор 1385 г. об инкорпорации Великого княжества Литовского в Корону Польскую. Присяга литовско-русских князей на верность Короне Польской. Привилей литовскому боярству 1387 г.

Великокняжеская власть, служившая главным скреплением литовско-государственного союза, в XIV в. не раз подвергалась кризисам, которые грозили молодому государству распадением. Литовско-Русское государство несколько раз собственными силами и средствами преодолевало свои внутренние кризисы. Но в конце XIV в. великокняжеская власть оказалась уже в столь затруднительном положении, что для спасения государственной целости и единства должна была решиться на инкорпорацию Великого княжества в Королевство Польское.

Великокняжеская власть очутилась в критическом положении уже по смерти Гедимина (1341). Гедимин посадил на великом княжестве в Вильно одного из средних своих сыновей – Явнута, которого он более всех любил. Но Явнут по своим личным качествам оказался не на высоте положения: его перестали слушаться остальные братья и родственники, вследствие чего молодому литовскому государству стала угрожать серьезная опасность со стороны немцев. Потребность во что бы то ни стало соединиться для борьбы с внешними врагами заставила некоторых братьев Явнута войти в особое соглашение для спасения великокняжеской власти и распадавшегося государственного единства. По рассказу древнейшей литовско-русской летописи, Явнут, «в большинстве будя», не полюбился особенно Ольгерду и Кейстуту. Они сговорились свести его с великого княжения и особым договором определили свои будущие отношения. Великим князем признан был Ольгерд, а Кейстут не только сам обязался повиноваться ему, но и других братьев приводить в послушание. Со своей стороны Ольгерд обязался делить с Кейстутом пополам все, что они придобудут, город ли или волость, и быть с ним «до живота» в великой любви и милости. Итак, авторитетная великокняжеская власть восстановлена была в Литве вследствие тесного союза двух литовских князей. Союз этот продолжался до самой смерти Ольгерда, причем власть Ольгерда признавалась и всеми другими князьями. Чтобы понять, почему этот союз Ольгерда и Кейстута оказался столь могущественным, необходимо принять во внимание те силы, коими располагали оба брата. Ольгерд владел по жене княжеством *Витебским*; от отца он получил княжество *Кревское* в восточной части собственно Литовской земли; после низвержения Явнута в руках его

оказалось и княжество *Виленское*. Его союзник Кейстут был едва ли не самым сильным из всех литовских князей. Его отец, ценя его военные дарования, обнаружившиеся в борьбе с крестоносцами, поручил ему в управление всю западную окраину своего государства, т. е. землю *Жмудскую, Трокскую* половину Литвы, западную половину Черной Руси *(Городенскую область)* и *Подляшье*. Таким образом, союз Ольгерда и Кейстута представлял такое соединение сил, пред которым должны были склониться остальные князья. Притом обостренная борьба, которую вело в это время Литовско-Русское государство с внешними врагами, главным образом с немцами, вовсе не располагала отдельные его части к сепаратизму, а наоборот: заставляла их тяготеть к государственному средоточию, стремиться к единению вокруг одного вождя, в каковой роли, естественно, и должен был выступить самый сильный, энергический и предприимчивый из всех князей. До самой смерти (1377) Ольгерд занимал властное положение в государстве, и никто из областных князей не пытался отказывать ему в послушании. По смерти Ольгерда положение его занял Ягайло вследствие поддержки того же Кейстута. По договору, заключенному между Ольгердом и Кейстутом, на их местах после их смерти должны были сесть их любимые сыновья: на месте Ольгерда – Ягайло, а на месте Кейстута – Витовт. Так как из договорившихся братьев умер раньше Ольгерд, то великим князем стал Ягайло, несмотря на то, что Кейстут был старше его и пользовался большим уважением и авторитетом. Для поддержания престижа племянника Кейстут подавал другим князьям пример послушания, подчинялся Ягайлу как великому князю, приезжал к нему «ко старым думам», как приезжал ранее к брату старейшему.

Но вскоре отношения между племянником и дядею испортились, между ними завязалась борьба, приведшая к новому кризису великокняжескую власть. Этот кризис наступил в тот момент, когда Кейстут согнал племянника с великого княжения и сам стал великим князем: ему отказал в послушании князь Корибут Новгород-Северский, а вслед за тем поднялся и Ягайло, сведенный с великого княжения на отчину свою Крево и Витебск; даже стольный город Вильно вышел из повиновения Кейстуту и принял сторону мятежников. Кейстут пал жертвою этого восстания. Но и его победитель Ягайло, снова сделавшийся великим князем, очутился в трудном положении. Власть его не признали некоторые из его братьев, а именно Андрей полоцкий, Димитрий брянский и Витовт, которого поддерживали немцы. Чтобы удержаться на великом княжении, Ягайло последовал примеру своего отца и сблизился тесно с одним из своих братьев – Скиргайлой. Скиргайло получил от великого князя трокское княжение и занял при нем то же положение, которое занимал прежде Кейстут при Ольгерде и которое близко подходило к положению соправителя. Все договоры с иноземными государствами с 1382 г. заключались от имени Ягайлы и Скиргайлы. Скиргайло стал правою рукою Ягайлы, главною опорою, и благодаря ему Ягайло выдержал первую борьбу с братьями и усидел на великом княжении.

Из всего этого явствует, что высокое значение великокняжеской власти в эпоху территориального сложения Литовско-Русского государства держалось на согласии, на единении старейших князей Гедиминова рода и тех общественных сил, на которые они опирались. Это единение в свою очередь вызывалось напряженною борьбою, которую Литва и соединенная с нею Русь должны были вести со своими соседями и которая требовала единения сил вокруг одного вождя. Князья, чувствовавшие в этом особую потребность, не только сами подчинялись великому князю как верховному вождю, но и помогали ему держать в покоре и других князей. Благодаря напряженной борьбе за существование и княжеская власть Гедиминовичей долгое время носила преимущественно военно-политический, а не гражданский характер. Эти князья являлись в областях не столько в качестве сонаследников государства, сколько в качестве военачальников и правителей, поставленных великим князем. Областные княжения не были еще уделами, а поэтому не мог преуспевать политический сепаратизм, являющийся естественным последствием удельного порядка. Военно-политическим характером княжеской власти Гедиминовичей объясняется и сам порядок замещения как великокняжеского, так и других столов. Великое княжение в семье литовских князей доставалось в XIV в. лицам, которые в данный момент были сильнее других по личным качествам, благодаря поддержке других князей и сочувствию населения. В преемстве великокняжеского стола не заметно только действия одного фактора – известного обычая, известного права. Точно так же и областные княжения доставались разным князьям не по праву или обычаю, а по усмотрению великого князя, руководившегося при этом личными качествами князей, их популярностью среди населения, соображениями своей и государственной пользы.

В конце XIV в. наступил, однако, новый кризис великокняжеской власти, который стал угрожать распадением литовско-русскому государственному союзу. Для предотвращения его великий князь литовский Ягайло стал искать поддержки на стороне, вне Великого княжества Литовского. Внешние обстоятельства выдвинули благоприятную для того конъюнктуру в виде унии Великого княжества Литовского с Польшею.

Выше было отмечено, что Ягайло, став вторично великим князем на Литве, тесно сблизился с братом своим Скиргайлой и в единении с ним старался утвердить и упрочить свою великокняжескую власть. Скиргайло занял при Ягайле то же самое место, какое при отце Ягайлы Ольгерде занимал Кейстут. Скоро обнаружилось, однако, что этого братского союза недостаточно для удержания других князей в покорности и послушании великому князю. Дело в том, что мятежные областные князья стали находить себе поддержку и помощь у прусских немцев. Немцы, дотоле истощавшие Великое княжество Литовское открытыми нападениями, после смерти Ольгерда стали донимать его дипломатическими интригами и вмешательством во внутренние распри. Они старались изо всех сил сеять раздор и смуту на Литве и таким путем ее обессиливать. Они помогли Ягайле свергнуть с великого княжения Кейстута, но

затем стали помогать уже тем князьям, которые восставали против Ягайлы, как, например, Андрею полоцкому и Витовту. Последний при их помощи добился от Ягайлы волостей, назначенных ему еще отцом, – Городно и Берестья с их округами. Недовольный тем, что Ягайло не отдал ему Трокского княжества его отца, Витовт не прочь был снова войти в союз с немцами и силою отстаивать свои нарушенные права. Ягайле и Скиргайле уже не под силу становилось вести борьбу зараз и с внешними, и с внутренними врагами. При таких обстоятельствах Ягайло и пришел к решению жениться на польской королеве Ядвиге с тем, чтобы обеспечить себя и Великое княжество польскою помощью как против немцев, так и против мятежных братьев. Как велика была нужда в этой помощи, показывают письменные обязательства, данные Ягайлой польским послам в Креве 14 августа 1385 г. Ягайло обязался принять католическую веру со всеми своими братьями и родственниками, знатными и простыми людьми от мала и до велика, выложить свою казну на нужды Польши и, в частности, на возвращение отторгнутых от Польши земель, заплатить бывшему жениху Ядвиги неустойки 200 тыс. флоринов, выпустить пленных христиан на волю и навсегда присоединить свои земли к Короне Польской. Едва ли эти обязательства продиктованы были простым честолюбием Ягайлы, желавшего сделаться польским королем. Как самое сватовство Ягайлы, так и выдача им перечисленных обязательств состоялись по совету Ягайлы с матерью своею, великою княгинею Ульяною, и с некоторыми братьями – областными князьями Скиргайлой, Корибутом, Лингвением и др. Очевидно, что не личные только интересы Ягайлы, но и государственные настойчиво рекомендовали такой именно образ действий. Так и состоялась первая уния Великого княжества Литовского с Польшею, закрепленная браком их государей. Уния эта, следовательно, была порождена не одними только внешними причинами, на которые принято обыкновенно указывать в данном случае, но и внутренними, коренившимися в самом строе молодого Литовско-Русского государства, в шатком и необеспеченном положении великокняжеской власти. В единении с Польшею Ягайло стремился не только обезопасить свое государство от общего врага Польши и Литвы – немцев, но и укрепить свое положение в Великом княжестве Литовском и спасти его от разложения.

На каких же основаниях устроилось это первое соединение Великого княжества Литовского с Польшею? Отвечая на этот вопрос, приходится констатировать, что уния 1385–1386 гг. не была ни персональною, ни династическою, а *инкорпорацией* Великого княжества в Королевство Польское. Принимая польскую корону, Ягайло присоединил к ней на вечные времена свои литовские и русские земли. По смыслу данного им в Креве обязательства индивидуальное существование Великого княжества Литовского прекращалось совершенно, и оно сливалось с Короною Польскою в одно политическое тело. Вот почему вслед за коронацией Ягайлы в Кракове со всех литовско-русских князей взяты были присяги на верность королю, королеве и Короне Польской. Эти князья стали теперь ленниками, вассалами Польши и потому, естествен-

но, должны были присягать на верность своему новому отечеству. Поэтому и литовские бояре-католики получили вскоре затем, в 1387 г., права, одинаковые с поляками. Они стали теперь подданными одного с поляками государства, и потому уравнение их в правах с поляками было и логическою, и реальною необходимостью. Только таким путем можно было ввести их в польскую социально-политическую организацию и привязать их к новому отечеству. Уния 1385–1386 гг. была, следовательно, такая же государственная, как и уния 1569 г., а в идее даже полнее сливала оба государства в одно целое, чем уния 1569 г., не уничтожившая вполне индивидуальности Великого княжества Литовского.

Но одно дело – намерения, другое – их выполнение. Ягайло оказался не в состоянии выполнить в точности своих обязательств перед поляками и соединить Литву с Польшею в одно государство.

Литература

Кроме трудов Н. Стадницкого ближайшими пособиями являются: *Шайноха К.* Ядвига и Ягайло: пер. с пол. СПб., 1880–1882. Т. 1–2; *Smolka S.* Kiejstut i Jagiełło // Pamiętnik Wydziału filologicznego i historyczno-filozoficznego Akademii umiejętności. Kraków, 1888. T. 7; *Он же.* Rok 1386. Kraków, 1886; *Koneczny F.* Jagiełło i Witold. Lwów, 1893. Cz. 1; *Boldt F.* Der deutsche Orden und Littauen 1370–1386 // Altpreussische Monatsschrift 1873. H. 5–6; *Krumbholtz R.* Samaiten und der Deutsche Orden bis zum Frieden am Melno-See. Königsberg in Pr., 1890; *Lewicki A.* Powstanie Swidrygiełły // Rozprawy Akademii umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny. Kraków, 1892. T. 29.

IX. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕНИЯ НА ЛИТВЕ ПОД СУВЕРЕНИТЕТОМ ПОЛЬСКОЙ КОРОНЫ

Старания Ягайлы и поляков примирить литовских князей и бояр с инкорпорацией Великого княжества Литовского и их безуспешность. Агитация Витовта и восстание в Литве. Островское соглашение 1392 г. о назначении Витовта пожизненным великим князем. Подтверждение этого соглашения на сейме 1401 г. Усиление Витовта и стремления немцев поссорить его с Ягайлой и Польшею. Городельский сейм 1413 г. и новый договор Польши и Литвы; окончательное восстановление великого княжения на Литве под суверенитетом Польской Короны.

По смыслу договора, заключенного Ягайлой с польскими панами, в Литве не должно было быть отдельного великого князя. Так и было на первых порах по заключении унии. Ягайло уехал в Польшу и оттуда стал править Великим княжеством, советуясь в важнейших вопросах с окружавшими его польскими прелатами и панами. Но вскоре он должен был делегировать высшую власть на Литве и назначить для нее отдельного великого князя. К этому вынудило его восстание некоторых князей и литовского боярства.

С целью примирить князей и бояр с инкорпорацией Великого княжества Ягайло старался всячески их ублаготворить и наградить. Так, он увеличил

владение своего брата Скиргайлы, бывшего его главною поддержкою и опорою и до заключения унии. В 1387 г. он придал ему к Трокскому княжеству еще Полоцкое, отнятое у Андрея Ольгердовича, Минск и ряд других волостей на Руси Литовской. В выданной по этому случаю грамоте Ягайло обязался не отнимать у Скиргайлы его владений, не слушать и не давать веры лихим людям, которые будут доносить на Скиргайлу, держать его выше всей братии и слушать его больше, чем других, никому не давать в обиду и т. д. Кроме того, Ягайло старался умиротворить своего главного противника на Литве Витовта и в 1387 г. дал ему Луцкую землю в добавление к прежним его владениям. Бояр, как уже было сказано, Ягайло старался ублаготворить дарованием прав и вольностей польской шляхты в том же 1387 г. Но всех этих средств оказалось недостаточно для удержания литовских князей и бояр в послушании и верности новому отечеству – Польше. Ягайло и его ближайшие советники, инкорпорируя Великое княжество, очевидно, слишком легко смотрели на такое дело, как внезапная потеря страною своей политической самостоятельности и самобытности.

В свое время нами было отмечено, что в состав боярского класса на Литве вошли многие крупные землевладельцы, пользовавшиеся властью и влиянием в местных обществах до образования Великого княжества и после того. Эти знатные и сильные люди вместе с второстепенными и мелкими литовскими и русскими князьями в общей сложности составляли крупную политическую силу. Пока великий князь со своими ближайшими родственниками правильно служили интересам Литовско-Русского государства, эти князья и бояре охотно подчинялись им и служили верою и правдою. Но уния с Польшею заставила их изменить свое поведение. Эта уния уничтожила самобытность Великого княжества Литовского, сделав его частью Польши, и оттеснила от великого князя на задний план его прежних слуг, заменив их поляками. При таких условиях эти слуги должны были почувствовать и сознать, что уния принесла им не братский союз с поляками, а политическое унижение и порабощение вместе с нарушением существенных материальных интересов, связанных со службою своему государю. Недовольство превратилось в открытый мятеж, руководство которым взял на себя Витовт, раздраженный тем, что Ягайло не отдал ему Трокского княжества и не выдал письменного документа на пожалованное незадолго перед тем княжество Луцкое.

Витовт, улучив момент, когда Скиргайло Ольгердович, бывший главною опорой своего брата на Литве, уехал в пожалованный ему Полоцк, собрал к себе многих князей и бояр литовских и начал перед ними печаловаться по поводу того, что чужестранцы завладели Великим княжеством. Князья и бояре с полным сочувствием отнеслись к сетованию Витовта и положили на совещании овладеть Вильно. Так началась новая борьба в Великом княжестве, в которой приняли участие по обычаю и немцы. Витовт нашел всеобщее сочувствие и поддержку в населении Великого княжества, ибо выставил на своем знамени восстановление независимости Великого княжества. Его войска всюду

находили на Литве и Жмуди дружественный прием; им подвозили вдоволь всяких съестных припасов – муки, мяса, корма для лошадей и т. д. Для спасения своей власти в Великом княжестве Ягайло ввел польские войска и расставил польские гарнизоны чуть не по всем городам Великого княжества. Но жители, соединяясь с войсками Витовта, нападали на польские отряды и истребляли их. В конце концов Ягайло увидал себя в необходимости пойти на уступки. Он попытался было отделить дело литовцев от дела Витовта и удовлетворить одних литовцев. Последовало назначение брата его Вигунта Александра, князя керновского, великим князем литовским. Но Вигунт как раз в это самое время умер, и Ягайле поневоле снова пришлось считаться с Витовтом. Посоветовавшись со Скиргайлой, Ягайло решил помириться с Витовтом и сделать его великим князем на Литве. Это примирение состоялось на съезде в Острове 5 августа 1392 г., на котором участвовала и королева Ядвига в качестве представительницы интересов Польской Короны.

На этот раз Ягайло отдал Витовту Трокское княжество его отца и сверх того пожаловал ему несколько других держав и имений. Но главное – принял его к соучастию в управлении государством, вручив ему великое княжение на Литве и русских землях по конец его жизни. Со своей стороны Витовт обязался стоять неотступно при короле, короне и земянах Королевства Польского и выдал в этом же смысле особую запись королеве Ядвиге как наследнице Королевства Польского. Условлено было, что по смерти Витовта все его владения перейдут под непосредственную власть польского короля, за исключением тех, которые Витовт, с согласия короля, выделит брату своему Сигизмунду с обязанностью повиноваться и служить королю подобно всем другим литовско-русским князьям; кроме того, король обязался за себя и своих преемников не лишать жены Витовта Анны тех имений, которые муж назначил ей в качестве пожизненного вена. Из всего этого видно, что Островское соглашение 1392 г., не изменяя Кревского договора 1385 г. в принципе, внесло в него существенную поправку и дополнение в интересах Великого княжества Литовского. Оставаясь соединенным неразрывно с Польшею, Великое княжество приобретало теперь известную автономию, по крайней мере, на время жизни Витовта, которому в качестве великого князя предоставлялась более самостоятельная роль, чем простому наместнику короля. В формулировке акта 1392 г. поляки старались затушевать это значение Островского соглашения и изложили дело таким образом, что Ягайло взял себе только товарища по управлению своим соединенным государством и в этом едином и нераздельном государстве выделил ему для ближайшего заведования известную часть его, т. е. бывшее Великое княжество Литовское. Но по существу дела нельзя не признать, что Островское соглашение 1392 г. положило начало восстановлению независимости и самобытности Великого княжества Литовского. Факт этот был результатом вмешательства второстепенных литовских князей и бояр. Это было их дело, в котором они наглядно показали свою общественную силу и политическое значение.

Получив великое княжение на Литве, Витовт на первых порах держался действительно товарищем-соправителем Ягайлы. Во всех важных делах он спрашивал согласия Ягайлы. Таким образом, например, с согласия Ягайлы он вывел из областей князей Владимира, Корибута и Свидригайлу Ольгердовичей, Федора Любартовича и Федора Кориатовича, которые не захотели подчиняться ему как великому князю. Ягайло часто приезжал в Вильно и сообща с Витовтом издавал разные распоряжения, касающиеся Литвы. В письмах к великому магистру Прусского ордена Ягайло хвалил Витовта за рвение и верность королю, проявлявшиеся им в управлении и расширении *его королевских владений* (circa gubernacionem et ampliationem dominiorum nostrorum). Но такая политическая идиллия продолжалась сравнительно недолго и обусловливалась в значительной степени тактом Ягайлы, относившегося к Витовту не как к своему вассалу и подчиненному, а как к равноправному товарищу. После уничтожения областных княжений Витовт почувствовал себя полным хозяином в Великом княжестве, и стоило только задеть его самолюбие, дать ему почувствовать, что он не самостоятельный государь, а вассал и ставленник Польши, чтобы он круто изменил свое отношение к Польше и стал держать себя как государь самостоятельного и независимого государства. И не удивительно: за Витовтом стояли литовские князья и бояре, вся литовская земля, которая не желала поступаться своей самостоятельностью. В 1398 г., в бытность короля Ягайлы в Вильно, в Польше пронесся слух, что Ягайло хочет совершенно сравнять с собою Витовта и дать ему титул короля. Польские паны, а еще более агенты ордена, всячески старавшегося разорвать унию Литвы и Польши, научили королеву Ядвигу потребовать от Витовта дани, так как муж ее записал ей будто бы Русь в качестве вена. Это требование страшно возмутило Витовта. Он собрал своих бояр и спросил их, желают ли они быть данниками Польши, причем прочел им грамоту Ядвиги. Буря негодования разразилась тогда в совете литовских бояр, которые заявили, что они ничьими данниками не были и не будут. Витовт стал готовиться к борьбе с Польшею. Он заключил союз с орденом, причем собственною властью, не спрашиваясь Ягайлы, уступил ордену часть земель Великого княжества. В договоре постановлено было, что орден обратится за утверждением этой уступки к Ягайле лишь при том условии, если это Витовту не будет неприятно. Договор был подтвержден при личном свидании Витовта с магистром на острове Салине 12 октября 1398 г. Витовт приезжал со множеством литовских князей и бояр. Когда по окончании переговоров магистр пригласил всех к себе на пир, то произошел интересный эпизод. Бояре литовские и русские провозгласили Витовта королем. Хотя это провозглашение и не имело последствий, так и осталось застольным эпизодом, но хорошо характеризует настроение Литвы и Руси по отношению к Польше, дает знать, что уния Польши и Литвы была фактом сомнительной прочности.

Такту Ягайлы Польша обязана была тем, что не произошло разрыва с Литвою. Ягайло игнорировал происшедшее и обходился с Витовтом так, как будто бы

никаких недоразумений между ними не было. Очень может быть, что он колебался, не знал, что ему делать, что предпринять, и искал руководства в обстоятельствах. Тем временем подоспели события, которые снова закрепили узы, готовые уже было разорваться. Витовт потерпел страшное поражение от татар на реке Ворскле и должен был смириться. Против Витовта стал обнаруживать неприязненные замыслы Свидригайло, незадолго перед тем освободившийся из заключения. Опасность со стороны Свидригайлы была тем значительнее, что он успел сделаться уже популярным у русских людей Великого княжества. Все это заставляло Витовта поневоле искать сближения с Ягайлой и поляками. С другой стороны, в 1399 г. умерла королева Ядвига, и Ягайле, державшемуся в Польше в качестве ее супруга, стала угрожать опасность лишиться польской короны. По крайней мере, мы знаем, что опасения на этот счет у него были. Эти опасения имели свое основание в том, что Ягайло не выполнил точно своих обязательств перед Польшею и не слил с нею в единое политическое тело Великое княжество Литовское. Чтобы восстановить свое пошатнувшееся положение, Ягайло и стал хлопотать о поновлении унии Литвы с Польшею, дабы рассеять всякие сомнения поляков на этот счет. В данном случае с ним должен был вполне сходиться и Витовт, которому не могла улыбаться перспектива возвращения в Литву государя, посадившего его вместо себя на великом княжении. Все это и побудило Ягайлу и Витовта поновить договоры унии и таким образом обеспечить друг друга. В 1401 г. Витовт подтвердил грамотою обещание сохранять верность и покорность королю и Короне Польской, снова признал, что после его смерти Великое княжество должно перейти не к кому иному, как только к королю польскому и его преемникам. По его примеру присягу в верности принесли и другие литовские князья. Для более прочного скрепления унии привлечено было и литовское боярство, проявившее себя к этому времени крупною политическою силою. Литовские прелаты, князья, бароны и знатные люди, собравшиеся в Вильно, за себя и всю знать и обывателей Великого княжества Литовского обещали королю польскому и панам никогда не покидать их, но помогать им и оборонять их от всех врагов, стеречь их добро, как свое собственное; далее письменно же признавали, что по смерти Витовта Великое княжество должно возвратиться снова к королю польскому Владиславу и его преемникам, оговорив только при этом, что в случае бездетной смерти короля Ягайлы поляки не выберут себе короля без предварительного соглашения с ними и Витовтом, буде он останется еще в живых. Таким образом, и Виленский акт 1401 г. подтверждал слияние Литвы с Польшею в одно государство, подтверждал, что уния между ними должна оставаться навсегда, даже с прекращением литовской династии на польском престоле.

Новую фазу в отношениях Польши и Литвы знаменует собою договор унии, заключенный в 1413 г. на Городельском польско-литовском сейме. Новый договор понадобился вследствие перемен, совершившихся к тому времени во внутреннем и внешнем положении Великого княжества. К этому времени Великое княжество Литовское успело уже оправиться от последствий поражения на Ворскле, восстановило свой престиж среди татар и заняло твер-

дое и внушительное положение на Руси. Витовт, как и прежде, до битвы на Ворскле, стал вмешиваться в борьбу, происходившую в Орде между разными претендентами на ханский престол, и влиять на ее исход в интересах Великого княжества. Смоленская земля, выбившаяся было из-под власти великого князя литовского, вновь была покорена и отдана в управление литовским наместникам; с княжествами и землями Северо-Восточной Руси, т. е. с Новгородом, Псковом, Москвою и Рязанью, после некоторых столкновений заключены были большею частью благоприятные для Великого княжества Литовского договоры. После Грюнвальденской победы, которая принесла равную честь и Польше, и Великому княжеству Литовскому, последнее сделалось крупною политическою величиною и во мнении Запада. С Витовтом завязал непосредственные сношения император Сигизмунд; с Витовтом же сносился чаще всего и орден, хлопотавший о мире, прямо или через посредство императора. Самосознание великого князя литовского и его ближайших сотрудников и помощников по управлению – князей и бояр – под впечатлением всего этого должно было повыситься, а это должно было в свою очередь сказаться и в большей независимости и самостоятельности их государственной политики. И хотя в общем Витовт держал себя корректно в отношении к Ягайле как своему сюзерену, тем не менее его поведение в отдельных случаях возбуждало в поляках тревогу и опасения. Эти опасения питались и беспрестанными происками немцев, изо всех сил стремившихся разорвать унию Польши и Литвы. В этом направлении действовали не только должностные лица и агенты Прусского и Ливонского орденов, но даже сам император Сигизмунд. Во время дипломатического съезда в Кезмарке в 1410 г. он предлагал Витовту возвести его в королевское достоинство, освободить от всякой зависимости от Польши и оказывать ему в случае нужды помощь против Ягайлы и всех других врагов. Все эти «козни и махинации», направленные к расторжению унии Литвы и Польши, побудили поляков позаботиться о новом ее подтверждении и скреплении, тем более что отношения к немцам после Торунского мира 1411 г. прогрессивно ухудшались и вели к неизбежной войне. Так создался акт унии 1413 г.

Согласно изменившимся обстоятельствам поляки в этом акте должны были сделать новую существенную уступку литовской самостоятельности. В рассматриваемом акте уже нет упоминания, что по смерти Витовта Великое княжество Литовское поступает под непосредственную власть короля Ягайлы или его преемников. Городельский акт говорит только о том, что по смерти Витовта литовские паны и шляхта (barones et nobiles) никого не изберут и не возьмут себе в великие князья, кроме того, кого признают подлежащим избранию и оставлению король Ягайло или его преемники и прелаты, паны и шляхта Королевства Польского. Со своей стороны и польские прелаты, паны и шляхта обещали в случае прекращения рода Ягайлы не выбирать никого в короли без ведома и совета великого князя литовского, прелатов, панов и шляхты Великого княжества Литовского. Таким образом, Городельский акт предполагал, что Литва, оставаясь в неразрывном соединении с Польшею, всегда будет иметь особого великого князя, которого будет облекать властью король

польский. При таких условиях и уния 1385–1386 гг. как будто бы оказывалась ненарушенною. Составители акта Городельской унии, желая подчеркнуть это с особою силою, вложили в уста Ягайлы и Витовта все глаголы, какими только можно было обозначить слияние обоих государств в одно. Ягайло и Витовт заявляли в документах, что свои земли, коими они полноправно, непосредственно и посредственно владели и владеют до сих пор как законные государи, они вновь инкорпорируют и внедряют в Королевство Польское, присваивают ему, объединяют и соединяют с ним, связывают союзом и навсегда скрепляют по воле, одобрению и согласию панов и шляхты Великого княжества.

Итак, полное слияние Литвы с Польшею, предусматривавшееся договором 1385 г., фактически не осуществилось. Уже по Островскому соглашению 1392 г., подтвержденному затем Виленским договором 1401 г., Литва добилась того, что Ягайло утвердил Витовта пожизненным великим князем на Литве и тем до известной степени признал особность и самобытность Великого княжества Литовского. На Городельском сейме 1413 г. Литва получила гарантии того, что и по смерти Витовта она будет иметь особых великих князей и останется и впредь особым государством, состоящим только под суверенитетом польского короля.

Из всей унии 1385–1386 гг. остался, таким образом, один только суверенитет польского короля. Но и этот результат не надо оценивать слишком низко. Провозглашение и признание польского суверенитета над Литвою сделалось юридическим основанием позднейших польских домогательств в отношении Великого княжества, приведших при благоприятных обстоятельствах к реальной унии обоих государств.

Литература

Барбашев А. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.). СПб., 1885; *Он же.* Витовт. Последние двадцать лет княжения 1410–1430. СПб., 1891; *Kochanowski J. K.* Witold, wielki książe Litewski. Lwów, 1900; *Prochaska A.* Szkice historyczne z XV w. Kraków, 1884; *Он же.* Król Władysław Jagiełło. Kraków, 1908. T. 1–2; *Smolka S.* Szkice historyczne. Warszawa, 1881. Ser. 1; *Lewicki A.* Powstanie Swidrygiełły. Kraków, 1892; *Грушевський М. С.* Історія України – Руси. Київ; Львів, 1907. Т. 4.

X. ВОЗВЫШЕНИЕ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ ПРИ ВИТОВТЕ

Упразднение крупных областных княжений в Литовско-Русском государстве. Новая организация областного управления и старина областей. Увеличение великокняжеских доходов. Возвышение внутреннего и внешнего престижа великого князя литовского. Луцкий съезд.

Восстановленная на Литве великокняжеская власть, проиграв от унии с Польшею во внешнем своем значении, много выиграла во внутренней своей силе. Опираясь на своего сюзерена – польского короля, с одной стороны, на боярство Литовской земли – с другой, великий князь литовский консолидировал

свое государство, упрочил и возвысил в нем свою власть. Этот результат стоял в связи с упразднением областных княжений в Литовско-Русском государстве.

За время борьбы за великокняжеский престол, происходившей по смерти Ольгерда, областные князья, по всем данным, в значительной степени эмансипировались от власти великого князя. Пока шла борьба, великие князья, находившиеся в данное время у власти, не могли осуществлять полностью своих прав, своей власти в отношении к областным князьям. С прекращением борьбы за великое княжение, с утверждением на великокняжеском престоле энергичного и властного Витовта обстоятельства изменились, и притом не в пользу областных князей. Витовт чувствовал, что за ним, кроме польского короля, стоит мощная сила большинства мелких князей и крупных литовских бояр, помогавших ему в достижении великого княжения. Поэтому он энергически стал предъявлять к областным князьям требование «покоры» и послушания. Результатом было почти всеобщее восстание областных князей против Витовта. Но так как они действовали в одиночку, порознь, то и Витовт легко справился с мятежом. Прежде других поднялся против Витовта князь Новгородка-Северского Дмитрий Корибут, который некогда восставал и против отца Витовтова и отказывал ему в платеже дани. Корибут со своим войском вторгся даже в глубь Литвы, но потерпел поражение и должен был бежать в Новгородок, где и захвачен был в плен с женою и детьми. Витовт отослал пленника к Ягайле в Польшу. Вслед за Корибутом отказал в «покоре» Витовту и киевский князь Владимир Ольгердович. Последний отказался идти в поход вместе с Витовтом против подольского князя Федора Кориатовича, который отдался в подданничество венгерского короля. Но когда Витовт взял Житомир и Овруч, Владимир приехал к Витовту и покорился ему. Витовт пока оставил его в Киеве, но спустя некоторое время вывел его из Киева и дал ему Копыль, а в Киев перевел из Полоцка Скиргайлу Ольгердовича, который, впрочем, вскоре умер. Федор Кориатович также лишился своей области и, взятый в плен, посажен был в заключение. Витовт присоединил к Великому княжеству восточное Подолье, т. е. Побужье, уступив западную часть Ягайле. Витовт, кроме того, вывел из Витебской земли Свидригайлу Ольгердовича, самовольно вокняжившегося в Витебске по смерти своей матери, великой княгини Ульяны. Из Волынской земли Витовт вывел в 1393 г. остававшегося там владимирского князя Федора Любартовича и дал ему взамен Владимира Новгород-Северский, где тот, впрочем, недолго оставался, убежав в Венгрию. Таким образом, Витовт упразднил крупные областные княжения в Полоцке, Витебске, Смоленске, Новгороде-Северском, Киеве, на Волыни и Подолье. Из прежних значительных князей Гедиминовичей остались только князья в Мстиславле и Пинске; остальные правили в сравнительно мелких территориях, принадлежали к разряду волостных, а не областных князей.

Описанное крушение системы областных княжений, в свою очередь, имело важные последствия во внутреннем развитии Литовско-Русского государства. Прежде всего благодаря упразднению областных княжений сделало некото-

рые успехи внутреннее объединение Литовско-Русского государства. Правда, что и после упразднения княжений управление областями сосредоточивалось преимущественно в их стольных городах и велось великокняжескими наместниками при деятельном участии областного боярства, как это было и при князьях. Выводя князей из различных областей Великого княжества и сажая на их место своих наместников, Витовт во всем остальном не трогал «старины» областей, которые по-прежнему сохраняли свою особность и внутреннюю самобытность. Об этом говорят как некоторые свидетельства летописей, так и позднейшие привилеи областей. Но при всем том нельзя не признать, что с упразднением областных княжений затянулись крепче узы, соединявшие области Великого княжества в одно политическое целое. Хотя и при областных князьях государственный союз Великого княжества Литовского, как мы видели, так или иначе держался, но при всем том не раз проявлялась и тенденция к распадению государства. Поставляемые великим князем областные князья по самой природе вещей склонны были переходить к роли самостоятельных государей, что совпадало и с приверженностью самих областных обществ к особности и политической самобытности. При помощи своих наместников из бояр великий князь мог крепче держать области в своих руках, чем при помощи областных князей. И это тем более справедливо, что с упразднением областных княжений великокняжеская власть сама по себе стала сильнее, чем была прежде, стала обладать гораздо большими материальными ресурсами для поддержания внутреннего единства и целостности государства.

Здесь на первом плане надо поставить умножение казны великого князя и вообще его финансовых средств. До упразднения областных княжений великий князь кроме обычных княжеских доходов с областей, находившихся под его непосредственным управлением, получал еще особую подать со всего государства, называвшуюся по-латыни contributio, tributum. Эта подать по отдельным местностям государства носила разные названия. В собственно Литве и на Руси, в землях Полоцкой и Витебской она слыла под именем серебряной дани, или *серебщины*; в земле Смоленской и частью на Полесье – под именем *посощины*; в Чернигово-Северской земле – под именем *поголовщины*; в Киевской и Волынской земле – под именем *подымщины* и *поволовщины*. Эту именно подать под именем подданщины и вносили областные князья великому, собирая ее в пределах своих княжений с населения всех земель – княжеских, боярских и церковных (имения католического духовенства были освобождены от уплаты этих податей уже в конце эпохи областных княжений). С упразднением областных княжений в распоряжение великого князя поступили и те доходы, которые прежде шли областным князьям. Таковы были разнообразные поземельные подати деньгами и натурою, т. е. *дань* грошовая, медовая, бобровая, куничная, беличья, лисья, хлебная, или по-литовски *дякло*, мясная, или по-литовски *мезлева*, и т. д.; разнообразные таможенные пошлины, или *мыта*, и другие торговые сборы; судебные пени, или *вины*, и т. д. Все эти подати и пошлины платились князьям не только *смердами*, жившими на

княжеских собственно землях, но и населением земель боярских и церковных, за исключением, быть может, тех, которые были изъяты из этого по особым пожалованиям. Большое подкрепление получил великий князь и с доходов от княжеского хозяйства.

Сельское хозяйство князей в русских областях было давнишнего происхождения. Известно, что еще в XII в. русские князья устраивали на незанятых землях сельскохозяйственные усадьбы, на которых селили свою челядь, заставляя ее пахать пашню, косить сено, стеречь стада и исполнять разные другие работы под надзором особых *тиунов*. С течением времени, когда княжеские переходы прекратились, князья осели по местам, а хозяйство их получило большее развитие, к работам на княжеских усадьбах, полях и угодьях привлечены были в помощь челяди дворной свободные земледельцы, жившие поблизости от этих усадеб. Подобное же княжеское хозяйство развилось и на Литве, и даже еще более, чем в западнорусских областях. Вся Литва и отчасти даже Жмудь покрылись княжескими дворами и дворцами, в которых проживала княжеская челядь, кормился княжеский скот и хранились различные сельскохозяйственные продукты и инвентарь. Эти дворы и дворцы были центрами хозяйства, развивавшегося на окрестных пахотных землях, лугах, лесах и водах. Часть этих дворов и дворцов Гедиминовичи унаследовали от своих предков и устраненных ими мелких князей, а часть устроили сами на землях, не занятых боярами и смердами. К работам по своему хозяйству литовские князья приставили рабов, которых доставляли им война, рынок, преступность, а также естественный приплод. Сверх того они обложили барщинными повинностями и свободных смердов, живших поблизости от их дворов и дворцов. Таким путем вокруг княжеских дворов и дворцов появились княжеские *тяглые* люди, конюхи, конокормцы, кобыльники, стадники, кухари, садовники, рыболовы, бортники, осочники, ловцы, сокольники, бобровники, псарцы и т. д. Повинности, наложенные на свободных смердов в связи с развитием княжеского хозяйства, вероятно, уже тогда же породили те ограничения свободы передвижения крестьян, с которыми мы встречаемся позднее. Вероятно, уже в XIV в. существовали «извечные», «селянитые» «заседелые» крестьяне, которые были людьми «непохожими», т. е. не имеющими права свободного ухода со своих земель, наряду с людьми несвободными в собственном смысле, челядью и паробками (eigene немецких документов XIV в.). Развитие княжеского хозяйства в Великом княжестве повело даже к тому, что на помощь княжеским рабам и людям стали привлекаться и владельческие, боярские люди. С упразднением областных княжений все княжеские дворы и дворцы с полями, угодьями, челядью, скотом и инвентарем скопились в руках великого князя. Для заведования своим хозяйством, а также для суда и управы над местным населением и для сбора доходов великий князь посажал по этим дворам и дворцам своих *наместников* и *тиунов*. Великокняжеские наместники и тиуны рассажены были по таким волостям, где не было княжеского хозяйства, каковы были, например, так называемые поднепрские и задвинские

волости. В этих волостях они уже не были в роли дворцовых приказчиков, а в роли только судей и сборщиков доходов. Через руки всех этих должностных лиц великий князь стал получать неизмеримо большие доходы, чем прежде. Сверх того, с упразднением областных княжений увеличилось количество пустых земель и угодий, находившихся в непосредственном распоряжении великого князя, на которых он мог развивать дальше свое собственное хозяйство или которые он мог раздавать за службу разным лицам. Таким образом, возросло материальное могущество великого князя.

Этот рост, в свою очередь, обусловил и усиление великокняжеской власти как политического фактора. Великий князь, получив под свою непосредственную власть множество военного и должностного люда, получил вместе с тем возможность оплачивать его услуги, а следовательно, и пользоваться ими в своих и государственных целях. Внутреннее усиление великого князя литовского, перед которым покорно склонились все уцелевшие князья, в свою очередь повело к значительным успехам во внешней политике и подняло престиж Великого княжества при Витовте на небывалую дотоле высоту. Любопытны показания одного современника о том, как много значил Витовт у себя дома и за границей к концу своего великокняжения. В 1428 г. Витовт совершал объезд своего государства. На дороге к нему присоединился шут его *Генне*, состоявший тайным агентом ордена. Вот что он писал между прочим великому магистру: «Я прибыл к великому князю во время его четвертой стоянки на пути от *Трок* до *Смоленска*. Доставлено ему во время похода 2700 коней, не считая тех, которые ему еще имеют доставить в Смоленск. Князь Сигизмунд, когда великий князь прибыл в его край, доставил ему десять коней, а когда принял его в замке, доставил двести коней; а кроме того, поднес в подарок дорогие меха, соболи и много татарских денег; мне Сигизмунд подарил шелковый платок. Затем поехал к Свидригайле; этот князь доставил девяносто коней, много мехов, соболей и много других подарков. Потом поехал в замок Минск, куда прибыло много татар с южных границ Литовского государства, и они привезли в дар коней, верблюдов, стрелы и много других подарков. Далее двинулись к одному замку, где князь посадил своего воеводу; тот доставил 150 коней, меха и деньги; жена его и дети поднесли большие подарки. А когда мой господин, великий князь, отправился далее, рязанский великий князь вышел навстречу вместе с пятью другими князьями, с княгиней и с огромной массой людей. Они принесли ему присягу в подданстве и дали много подарков, коней, собольи меха и татарские монеты. Затем другие князья и паны, его воины, встречали нас, доставляя по 30, 20, другие – по 12, 10, 5, 6, 8 коней, собольих мехов и денег, так что трудно было бы все это записать. А особенно дарили моей госпоже великой княгине... Знайте еще, что у великого князя были и посольства из Великого Новгорода, Москвы, Смоленска, и постоянно все приезжают к нему послы: от татарского царя, от турецкого султана и от многих других христианских и нехристианских князей. Приезжают они с богатыми подарками – трудно было бы все их описать, расскажу о том устно, когда возвращусь». Приезд рязанского князя и других пяти кня-

зей объясняется тем, что в предшествующем году, когда Витовт объезжал восточные области своего государства, к нему явились великие князья рязанский, переяславский, пронский, новосильский, одоевский и воротынские, обещали ему верность и послушание и поднесли большие подарки – золото, серебро, коней и соболиные шубы. Об этом сообщал сам Витовт в письме к великому магистру, и это сообщение вполне подтверждается и договорными грамотами князей Ивана Федоровича рязанского и Ивана Владимировича пронского. В этих грамотах они давали письменное обязательство Витовту служить ему верно, без хитрости, помогать против недругов и не заключать ни с кем договоров без его воли, выговаривая для себя неприкосновенность своих уделов. Таким образом, власть великого князя литовского распространилась даже на Рязанскую землю. Наглядным выражением могущества Витовта является и съезд к нему европейских государей в Луцке на предполагавшуюся коронацию Витовта и для совещания об общеевропейских делах, главным образом, о церковных распрях, раздиравших тогда христианский мир, и о борьбе с турками. В Луцк приезжали к Витовту: император Сигизмунд, король польский Ягайло, магистры прусский и ливонский, папский легат и византийский посол, великий князь московский, тверской, рязанский, князья одоевские, послы от короля датского, из Новгорода, Пскова и даже из Орды. Самая мысль о венчании королевскою короною была признанием величия и могущества великого князя литовского как со стороны его самого, так и со стороны императора.

Литература

Кроме трудов, указанных в предшествующем очерке, ближайшими пособиями могут послужить: *Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. Т. 1; *Леонтович Ф. И.* Очерки истории литовско-русского права. СПб., 1894; *Ясинский М. Н.* Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889; *Якубовский И.* Земские привилеи Великого княжества Литовского // Журн. М-ва нар. просвещения. 1903. № 4, 6.

XI. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ УНИИ С ПОЛЬШЕЮ; ПРИВИЛЕГИИ ЛИТОВСКОГО БОЯРСТВА

Избирательная великокняжеская власть. Ее ограничения по привилею 1387 г.; личные и имущественные права бояр-католиков. Политическое возвышение литовского боярства при Витовте. Сословно-политические права бояр-католиков по привилею 1413 г.; преграды для развития монархического абсолютизма. Общая оценка влияния унии на социально-политическое развитие Литовско-Русского государства.

Усиление великокняжеской власти в Литовско-Русском государстве, происшедшее в последнем десятилетии XIV и в первой четверти XV в., не повело, однако, к установлению наследственной и неограниченной монархии в этом государстве. Причины этого надо искать отчасти в отсутствии у Витовта сы-

новей, но главным образом – в политических обстоятельствах и общественных условиях, в связи с которыми совершилось вышеуказанное возвышение великокняжеской власти.

Это усиление произошло в то самое время, когда установилась уния Великого княжества Литовского с Польшею. Но эта уния, как мы уже видели, предполагала замещение великокняжеского стола по избранию литовцев с согласия польских панов и короля польского. Таким образом, устанавливалась в будущем не наследственная, а избирательная великокняжеская власть. С другой стороны, привилегии, выданные литовскому боярству после установления унии с целью ублаготворить его и расположить к унии, поставили известные ограничения великокняжеской власти и укрепили сильную социально-политическую позицию, занятую в то время литовским военнослужилым классом или боярством.

Начало этому положено было, впрочем, еще до восстановления великого княжения на Литве привилеем 1387 г. Этот привилей гарантировал всем литовским боярам, принявшим католическую веру, в непосредственных владениях Ягайлы и в области Скиргайлы, право неотъемлемого владения и свободного распоряжения своими отчинными имениями, свободу в выдаче своих дочерей и родственниц замуж, вдовам – право оставаться на имении мужа до смерти или вторичного выхода замуж, после чего имение должно отходить к детям или родственникам покойного мужа. Сверх того, привилей освобождал названных бояр от всяких барщинных работ по дворцовому хозяйству и обязывал их только военною службою и участием в постройке и починке государственных крепостей. В общем, все эти привилегии и льготы клонились к обеспечению известного правового положения, известной независимости литовского боярства в отношении к господарю великому князю и его брату. Особенно важно было в данном случае освобождение от барщинных повинностей по дворцовому хозяйству. Нельзя не признать, что вместе с этим уменьшалось вмешательство княжеской администрации в жизнь боярских имений и население этих имений связывалось теснее с их владельцами, чем прежде.

Но настоящим родоначальником своих прав и вольностей литовцы считали впоследствии привилей Городельский, выданный в 1413 г. по случаю нового подтверждения унии. Этот привилей обеспечивал не только имущественные и личные, но и сословно-политические права высшего слоя литовского боярства, оформливал и утверждал не только общественное, но и политическое значение, которое успела к тому времени приобрести литовская боярская знать.

Литовское боярство, как мы уже видели, проявило себя крупною политическою силою в реставрации великого княженья на Литве. Кто помог Витовту добиться от Ягайлы уступки великого княженья на Литве в 1392 г.? Второстепенные литовско-русские князья, а главным образом – литовское боярство, в высшей степени недовольное уничтожением самостоятельности Великого княжества. С восстановлением великого княжения на Литве политическое значение литовского боярства поднялось еще выше. Этот факт стоял в связи с упразднением областных княжений, которое произошло вслед за возведе-

нием Витовта на великое княжение. Большая часть литовского боярства сгруппировалась теперь вокруг одного вождя и, объединенная, стала еще большею политическою силою, чем прежде. С устранением областных князей литовские знатные бояре заняли их места при великом князе, сделались его главною опорою и поддержкою, преимущественными советниками и сотрудниками как в будничной правительственной работе, так и в решении чрезвычайных и особо важных вопросах государственной жизни. Знатные литовские бояре наполнили думу, или, как она стала называться, *раду* великого князя, оттеснив на задний план уцелевших князей. Они же преимущественно стали назначаться на должности великокняжеских наместников в областях. Сгруппировавшись вокруг великого князя, которого они возвели на престол, расширивши свою политическую деятельность на все государство, литовские бояре должны были до известной степени почувствовать себя хозяевами государства, вершителями его судеб. Когда Витовт заключил с прусским магистром сепаратный договор на острове Салине в 1398 г., то находившиеся при нем литовские бояре наравне с князьями дали ручательство в том, что Витовт и его преемники будут исполнять договор, и дали обязательство приводить их к тому убеждением и даже делом. Такую силу они сознавали за собою. Но очевидно, что эта сила признавалась за литовским боярством и на стороне, если магистр счел нужным внести в договор с Ягайлой такое обязательство. Еще яснее сказалось это признание политического значения за литовским боярством в 1401 г. Когда понадобилось Ягайле и Витовту поновить унию, они не ограничились уже одними записями на верность Польше самого Витовта и других князей, но привлекли к делу подтверждения унии и литовских бояр. С этой целью в начале 1401 г. их собрали в Вильно на сейм. В один день с Витовтом литовские прелаты, князья, паны, шляхта и все земяне (terrigenae) земель литовских и русских дали от себя письменные обязательства в соблюдении унии. По смыслу договора, заключенного в 1401 г., литовские бояре и впредь должны были участвовать в разрешении важных вопросов, вытекавших из унии обоих государств: поляки обязались в случае бездетной смерти Ягайлы не избирать себе нового короля без ведома и совета Витовта, прелатов, князей, панов, шляхты и всех земян Великого княжества Литовского. Но еще определеннее признал политические права за литовским боярством привилей 1413 г. Этот привилей прямо устанавливал участие литовских прелатов, панов и шляхты в совместных совещаниях с поляками об избрании будущих королей польских и великих князей литовских. Привилей предполагал также участие литовских прелатов, панов и шляхты в совещаниях великого князя о государственных делах Великого княжества (pro bono publico). Сопоставляя эти статьи Городельского привилея с фактами, имевшими место в промежутке времени от 1387 до 1413 г., видим, что эти статьи были не чем иным, как юридическим закреплением действительного положения вещей.

Но раз за боярскою знатью признано было столь высокое политическое значение, великокняжеская власть оказывалась в известной зависимости от этого боярства и во всяком случае ставилась в необходимость действовать

в важных делах совместно и сообща с этим боярством. Выданные этому боярству привилеи сделались своего рода *основными законами* Великого княжества Литовского, которые поставили великокняжескую власть в определенные рамки, исключили ее развитие в направлении абсолютизма.

Теперь мы можем подвести итоги тому, что внесла на первых порах в жизнь Литовско-Русского государства его уния с Польшею, и оценить до известной степени историческое значение этого факта. В исторической литературе нередко высказывалось мнение, что уния с Польшею повернула, так сказать, историю Литовско-Русского государства в новом направлении. Это утверждение приходится принять с большими оговорками и ограничениями. Конечно, принятие католицизма и постоянное политическое и житейское общение с Польшею открыли дорогу влиянию польской культуры на жизнь Литовско-Русского государства, усвоению идей и форм польской государственности. Но самое содержание для этих форм давалось внутренним развитием Литовско-Русского государства. Таким образом, не уния с Польшею установила впервые избирательность великокняжеской власти на Литве. Мы видели, что и в XIV в. великокняжеский престол замещался не по праву или обычаю, а по договорам и соглашениям князей при поддержке стоявшего около них боярства. Уния закрепила этот порядок, ввела в него большую определенность, большую правильность, правомерность. Не уния с Польшею создала влиятельный и могущественный класс литовского *панства*. Генезис этого класса мы выследили при самом образовании Великого княжества Литовского. Но уния с Польшею принесла этому классу права и привилегии польской шляхты и таким путем оформила юридически его положение, закрепила и усилила приобретенную им социально-политическую позицию. Не уния с Польшею создала литовские *сеймы*. Зародыш их надо видеть в тех совещаниях, которые великий князь имел с другими князьями и литовскими боярами в важных случаях в XIV в. Но уния опять-таки оформила, закрепила факт юридически. Не уния создала *раду*, или сенат, великого князя литовского; предшественницею его была *дума* литовско-русского государя. Но уния уподобила до известной степени эту думу польской королевской раде, или сенату. Городельский привилей 1413 г. создал высшие должности – воевод и каштелянов по польскому образцу; появились при великом князе литовском маршалки земский и дворный; некоторые наместники, как, например, жмудский, получили польское название «старуста». Все эти лица стали членами господарской рады, или литовского сената. В общем, таким образом, можно признать, что уния Великого княжества Литовского с Польшею, оказав поддержку самому существованию Великого княжества как государственного союза, закрепила вместе с тем результаты его предшествующего социально-политического развития и оформила их, наложила на них клеймо польской государственности.

С изданием Городельского привилея литовские знатные бояре достигли наивысшего значения в Литовско-Русском государстве. Плотным кольцом окружили они своего господаря великого князя, которого возвели на престол, сделались его обычными советниками и сотрудниками и стали пользоваться его

милостями предпочтительнее перед князьями и боярами других земель Великого княжества. Витовт стал сажать своими наместниками даже по русским областям Великого княжества знатных литовских бояр, или, как они стали называться теперь по польскому примеру, панов; с ними же преимущественно стал решать важнейшие государственные вопросы в своей думе, или *раде*, и на общих съездах, или *сеймах*. По своему политическому значению литовское высшее боярство стало брать верх даже над уцелевшими литовскими и русскими князьями. По своим владениям князья были удалены от государственного центра и развивавшейся в ней политической жизни, имели мало единения друг с другом и общих интересов и соединялись не столько с тем, что группировались вокруг великого князя, сколько с областными землевладельцами. Между тем литовская боярская знать, наоборот, сбивалась по своим служебным отношениям к центру, около которого сосредоточивалось и ее землевладение, и все более и более сближаясь в центре и проникаясь общими интересами, консолидировалась в правительственный класс Литовско-Русского государства. В рядах этого класса нашли себе постоянное место католические бискупы Великого княжества – виленский, луцкий и берестейский, медницкий, или жмудский, киевский, для которых учреждены кафедры при Ягайле и Витовте.

Но все эти привилегии, полученные литовским боярством, внесли в недра Литовско-Русского государства национально-политический антагонизм между Литвою и подвластною ей Русью, антагонизм, который был причиною сильных внутренних потрясений этого государства после смерти Витовта, в 30-х и частью 40-х гг. XV в.

Литература

Любавский М. К. Литовско-русский сейм. М., 1900.

XII. НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ВНУТРИ ЛИТОВСКО-РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В 30-х гг. XV в. И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Недовольство русских князей и бояр привилегиями Литвы; церковная рознь и вражда при Витовте. Вопрос о Литовском королевстве; натянутые отношения литовцев с поляками и сближение с русскими. Смерть Витовта и избрание Свидригайлы великим князем. Возвышение русских князей и бояр. Примирение литовцев с поляками и возведение на великое княжение Сигизмунда Кейстутовича. Возобновление унии и привилей 15 октября 1432 г. Борьба русских земель с Литвою под знаменем Свидригайлы. Привилей 6 мая 1434 г. Победа Сигизмунда; подтверждение старины русских земель. Уравнение князей с боярами в правах и вольностях.

Установившимся после Городельской унии порядком не могли быть довольны многочисленные русские князья и бояре Великого княжества.

Как православные, схизматики, они по новому закону не допускались до занятия высших должностей в государстве, до участия в совете великого кня-

зя и в решении важнейших государственных вопросов, близко затрагивавших интересы не только Литвы, но и всех других земель Великого княжества. На основании Городельского привилея русские люди устранялись даже и от избрания великих князей, которое должно было производиться высшим католическим боярством Литвы с ведома и совета польских прелатов, панов и шляхты. Русские князья и бояре не получили ни имущественных, ни личных гарантий, ни тех льгот в податях и повинностях, какие получили литовские бояре. Воинствующий католицизм воздвиг целую стену между литовским боярством и русским, пробудил национальную вражду к Литве, которой не замечалось прежде. В 1387 г. 22 февраля новообращенный Ягайло издал указ, коим предписывалось всем литовцам знатного рода, проживающим на Литве и Руси, принимать католическую веру и запрещалось вступать в брак с русскими, которые не пожелают перейти в католическую веру. Русский или русская, вступившие в брак с литовцами, обязывались непременно переходить в католическую веру под страхом телесных наказаний. Конечно, такой указ не мог не породить горького чувства в православном населении Великого княжества. Браки между литовцами и русскими были не редкость, особенно в высших классах. Теперь русские люди, вступившие в брак с литовцами, должны были расстаться со своей греческою верою и принять чуждую, латинскую, которую они уже со времен Ярослава привыкли считать неправою. Тот, кто не был обязан к этому, должен был болезненно сознавать унижение, оскорбление православной веры подобным указом. Правда, впоследствии Витовт и Ягайло всячески старались смягчить национально-религиозный антагонизм и хлопотали об унии православной церкви с римскою, для чего посылали на Констанцский собор митрополита Григория Цамблака с некоторыми западнорусскими епископами. Но эти хлопоты не увенчались успехом. Все это в общей сложности должно было настроить русских людей Великого княжества, князей и бояр, против Литвы и ее правящего класса, породить в них желание деятельно вмешаться в политику центра и повернуть ее в направлении, более благоприятном для их интересов. Но пока был жив Витовт, русские люди мало что могли сделать по этой части. Витовт опирался не только на собственно Литву, но и на Польшу, как это было, например, в деле подавления мятежей областных князей. Почти до самого конца великокняжения Витовта отношения между правящею Литвою и поляками были в общем дружественные, и они действовали заодно в вопросах внешней и внутренней политики, чему доказательством служат совместная борьба с орденом, общие съезды для решения таких, например, вопросов, как принятие чешской короны от гуситов, заключение мира с орденом, принятие мер против распространения гуситской ереси, против мазовецкого князя Земовита, выбивавшегося из послушания королю, и т. д. Русские люди получили возможность с успехом вмешаться в устроение государства только по смерти Витовта. Благоприятным обстоятельством для этого послужил разрыв правящей литовской знати с поляками и Ягайлой, который заставил самих литовцев пойти навстречу

к русским людям и привлечь их к участию в решении стоявших на очереди государственных вопросов.

Разрыв правящей Литвы с Польшею начался еще под конец великокняжения Витовта. Известно, что Витовт задумал венчаться королевскою короною. В этом намерении, внушенном со стороны, Витовта усердно поддерживали прелаты, князья и бояре Литовской земли. Коронация великого князя ставила Литву на равную доску с Польшею и поднимала Литву из унижения, в какое она попала благодаря унии. Ягайло, уступая настояниям императора Сигизмунда на съезде в Луцке, сначала дал было свое согласие на коронацию Витовта, но по отъезде императора поспешил взять свое согласие назад. В письме к Витовту он объяснял, что коронация не обещает ничего хорошего и может послужить только причиною раздора между Польшею и Литвою, ибо литовцы, возгордившись, по смерти Витовта могут, пожалуй, выбрать себе нового государя помимо поляков. Этот отказ привел в негодование Витовта и литовцев, которые решились устроить во что бы то ни стало коронацию, не обращая внимания на Ягайлу и поляков. Но так как этот акт грозил им разрывом с Польшею, то они поспешили сблизиться с русскими князьями и боярами и привлечь их к участию в торжестве коронации. Поэтому к назначенному дню коронации съехалось много князей и бояр не только из Литвы, но и Руси. Но им не пришлось быть свидетелями коронации. Поляки перехватили корону, которую везли Витовту послы императора Сигизмунда, и престарелый Витовт умер, не дождавшись ее (1430). Собравшимся князьям и боярам взамен коронации пришлось участвовать в избрании нового великого князя. Ягайло не прочь был от того, чтобы взять великое княжение на Литве в свои руки. Но литовцы, раздраженные предшествующим поведением поляков, и слышать не хотели об этом. Русские князья и бояре, пользуясь возникшим раздором, выставили своего кандидата на великое княжение – Свидригайлу Ольгердовича.

Свидригайло уже давно стал популярною личностью в русском населении Великого княжества. Это был беспокойный, неугомонный человек, давным-давно уже стремившийся сесть на великое княжение. Он несколько раз восставал против Витовта, терпел неудачи и платился изгнанием и даже тюремным заключением. Где-где он не перебывал в течение своей многомятежной жизни. Он был князем в Витебске, в восточном Подолье, в Стародубе и Брянске, в Чернигове, Новгороде-Северском и Трубчевске. Во время своих скитаний Свидригайло приобрел себе множество друзей и приятелей среди русских князей и бояр. Неутомимо стремясь к великокняжескому престолу, Свидригайло заискивал у всех и дружил со всеми, кто мог быть ему полезным. Русских людей он привлекал к себе своей щедростью, гостеприимством и расположением, какое оказывал их вере и обрядам, хотя сам и оставался все время католиком. Неудивительно поэтому, что русские люди горою стояли за Свидригайлу и готовы были жертвовать для него всем. Когда умер Витовт, русские князья и бояре предложили его в великие князья. Литовским панам после разрыва их с Польшею не оставалось иного выбора, и они, скрепя сердце, приняли кандидатуру Свидригайлы, которого до сих пор гнали и преследовали.

Возведение Свидригайлы на великое княжение было первым ударом, нанесенным порядку, созданному Городельским привилеем 1413 г. Это возведение совершилось не только помимо воли Ягайлы и польских панов, но и с участием русских людей, которое не только не предусматривалось, но прямо исключалось Городельским привилеем. Собрание 1430 г., избравшее Свидригайлу, не было сеймом польских и литовских прелатов, панов и шляхты, а собранием литовских и русских князей и бояр, предвозвестников позднейшего «великого вального сойма» всех земель Великого княжества. В этом собрании наглядно сказалось сближение литовской правящей знати с князьями и боярами русских земель. Но вскоре эти союзники разошлись.

Свидригайло, возведенный на великое княжение при поддержке князей и бояр русских земель Великого княжества, опирался на них и в управлении своим государством. Его «верная рада» состояла не из одних только католиков-литовцев, но и из схизматиков-русских. Он не держался точки зрения Городельского привилея, утверждавшего, что различие вероисповеданий может порождать политические разногласия и оглашение того, что должно храниться в тайне. Православные русские люди участвовали и на сеймах при решении важных государственных вопросов вроде, например, заключения оборонительно-наступательного союза с Прусским орденом против Польши. Свидригайло стал назначать русских людей и на разные должности, которые согласно привилею 1413 г. должны были отдаваться только литвинам-католикам. В январе 1432 г. бискуп краковский Збигнев Олесницкий писал к кардиналу Юлиану Цезарини, что Свидригайло во всем слушается русских схизматиков и роздал им все важнейшие замки и уряды, чего не было при покойном Витовте, ибо в актах унии Литвы с Польшею выразительно гарантировано, что русские схизматики не будут никогда держать замков на Литве и не будут допускаться до государственных совещаний. Итак, политический перевес от собственно Литвы стал уже склоняться на сторону подчиненной ей Руси. Свидригайло не только пренебрегал литовскою знатью, но и стал расточать на нее свои опалы, на которые он был щедр во хмелю. А это было его обычное состояние. Все это заставило литовских панов примириться с поляками и в союзе с ними устранить Свидригайлу с великого княжения.

Свидригайло был бельмом на глазу у поляков, которое они жаждали во что бы то ни стало снять. Мало того, что он вокняжился самовольно, без их воли и согласия, он не отдавал им западного Подолья. Это Подолье Ягайло отдал в 1411 г. Витовту в пожизненное владение. Когда умер Витовт и разнеслась весть о вокняжении Свидригайлы, польские паны поспешили прогнать литовских наместников из подольских городов и занять их своими гарнизонами. Но литовцы считали Подолье землею Великого княжества и ни за что не хотели поступаться им. Свидригайло задержал в Литве короля Ягайлу, приехавшего к нему для инвеституры его на великое княжение (Ягайло и поляки старались хотя бы таким признанием совершившегося факта спасти унию Литвы

с Польшею), и отпустил его только тогда, когда Ягайло послал приказ начальникам польских гарнизонов на Подолье сдать города литовцам. Польские паны, однако, не послушались, и Свидригайле пришлось выбивать их оттуда силою, в чем он отчасти и успел. Свидригайло не слагал оружия и готовился к дальнейшей борьбе с Польшею, ища всюду союзников против нее. Поэтому польские паны, как только прослышали о том, что литовцы сильно тяготятся Свидригайлой и не прочь отделаться от него, немедленно снарядили в Литву посольство с явным поручением вести переговоры со Свидригайлой и с тайным предложением литовским панам помощи и поддержки против Свидригайлы. Заручившись этою поддержкою, литовцы решились действовать с целью избавиться от ненавистного великого князя. Во главе их стал брат Витовта Сигизмунд Кейстутович. В ночь на 1 сентября 1432 г. Свидригайло подвергся нападению заговорщиков и должен был бежать в Полоцк с несколькими преданными ему панами. Великим князем литовцы провозгласили Сигизмунда Кейстутовича. После того Ягайло снарядил на Литву торжественное посольство для подтверждения договора об унии и инвеституры нового великого князя. Этому посольству удалось возобновить унию на основании договора 1401 г. и, кроме того, добиться от Сигизмунда Кейстутовича уступки Подолья, а по смерти его – и Волыни в пользу Польши.

Низвержение Свидригайлы и возведение на великое княжение Сигизмунда Кейстутовича были торжеством литовской знати, восстановлением ее положения в Великом княжестве, поколебленного при Свидригайле. Но эта победа и эта реставрация в конце концов оказались неполными. Ягайло и польские паны для умиротворения Великого княжества решили дать русским людям некоторые компенсации за низверженного Свидригайлу, их любимца. Отправляя в Литву послов, они дали им полномочия изменить некоторые статьи в предшествующих актах унии в пользу русских подданных Великого княжества. В силу этих полномочий польские послы в тот же самый день, когда был заключен договор об унии, т. е. 15 октября 1432 г., от имени короля Ягайлы и с согласия великого князя Сигизмунда выдали привилей, коим русские князья, знатные люди и бояре, подданные Литовской земли, уравнивались в правах с католиками-литовцами. Им так же, как и литовским князьям, знатным людям и боярам, гарантировалось неприкосновенное владение отчинными и пожалованными имениями и право свободного распоряжения ими с соблюдением только необходимых формальностей, давались те же льготы, что и литовцам, по части отправления государственных повинностей; предоставлялось брать у литовцев те же самые гербы или клейноты, которые те получили от польских панов, а литовцам вменялось в обязанность принимать русскую знать в свои гербовые братства по сношению со своими польскими одногербовниками. В привилее ясно был обозначен и мотив всех этих уступок русским людям: дабы на будущее время не было между обоими народами разделения или какого-нибудь неравенства, коими может наноситься ущерб государству, но

чтобы все, утешенные одинаковыми милостями, единодушно и согласно, с одинаковым рвением и постоянством радели о благе и преуспеянии государства и ревностно и верно исполняли повеления короля Ягайлы и брата его, великого князя Сигизмунда.

Но, несмотря на выдачу этого привилея, русские люди в большинстве продолжали крепко держаться Свидригайлы. Надо сказать, что привилей 1432 г. по точному смыслу его ублаготворял тех русских князей и бояр, которые были обывателями Литвы и соединенной с нею Руси в тесном смысле (т. е. той части Белоруссии, которая не обнималась Полоцкою и Витебскою землею). Земли Полоцкая, Витебская, Смоленская, Чернигово-Северская, Киевская, часть Волыни и восточное Подолье остались верными Свидригайле. С ополчением этих земель и иноземною помощью (тверскими полками) Свидригайло вторгался в Литву и соединенную с нею Русь и производил в ней страшные опустошения. Это обстоятельство в связи с вторжением орденских войск поколебало верность литовцев Сигизмунду Кейстутовичу. Когда факт обнаружился, поляки поспешили прислать Сигизмунду вспомогательный отряд, а вслед за тем, в начале 1434 г., отправился на Литву и сам престарелый король Ягайло, для того чтобы рассеять всякие колебания литовцев насчет Сигизмунда Кейстутовича. Встреченный Сигизмундом и литовскими панами в Кринках Ягайло объявил им, что свою милость и помощь он дарует Сигизмунду, минуя своего брата, и облекает его великокняжескою властью, а князьям, прелатам и панам литовским приказывает повиноваться ему, как законному великому князю. Сигизмунд Кейстутович, со своей стороны, поспешил привлечь к себе князей и бояр новыми милостями. 6 мая того же 1434 г. он выдал князьям и боярам (principibus et bojaris) привилей, в котором обещал никого не карать без суда, отправленного по обычаю земли, по простому доносу, тайному или явному; освобождал княжеских и боярских подданных от уплаты «дякла» великому князю, предоставлял русским князьям и боярам брать от литовцев гербы или знаки шляхетства и, наконец, подтверждал князьям и боярам все вообще права и вольности, дарованные им его предшественниками. Все это возымело свое действие: Литва и соединенная с нею Русь остались верными Сигизмунду Кейстутовичу.

Этот факт в связи с утомлением от борьбы оказал свое моральное действие и на русские области Великого княжества, которые держались Свидригайлы. В них стала обнаруживаться шаткость и измена. Свидригайло, со своей стороны, постарался оттолкнуть от себя русских людей. 26 июля 1435 г. в Витебске он приказал сжечь митрополита Герасима, заподозренного в измене. Обнаружились затем его сношения с папою, у которого он искал поддержки против своего соперника и которому обещал за то соединить русскую церковь с римскою. Поэтому после погрома, который Свидригайло потерпел в сентябре 1435 г. от Сигизмунда Кейстутовича на реке Свенте, русские земли одна за другою стали покидать его и переходить на сторону Сигизмунда. Последний

старался укрепить их за собою, подтверждая их старинные права и установления. Свидригайло в конце концов удержал за собою только *Кременец* и восточную часть Подолья.

Такой исход имела борьба Сигизмунда Кейстутовича со Свидригайлой за великокняжескую власть. Победа досталась Сигизмунду и поддерживавшим его литовцам не только ценою человеческих и денежных жертв, принесенных войне, но и ценою различных уступок, данных русских князьям и боярам с целью отклонить их от Свидригайлы. Для русских людей Великого княжества это был, можно сказать, положительный результат, совершенно иначе определивший их положение в этом государстве, чем Городельский привилей 1413 г.: русские люди уравнены были в правах с литовцами. Хотя это уравнение в правах относилось только к русским людям, жившим в пределах собственно Литовской земли и Руси Литовской в тесном смысле, но оно имело значение и для остальных земель. Действие привилеев 1432 и 1434 гг. должно было распространяться и на тех князей и бояр русских областей Великого княжества, которым удавалось так или иначе приобретать земельные имущества в пределах Великого княжества Литовского в тесном смысле, т. е. на Литве и примыкавшей к ней тесно Руси.

Из сравнения этих привилеев с привилеем 1413 г. обнаруживается, кроме того, и еще одна крупная новость в социально-политической жизни Великого княжества – распространение различных гарантий, данных знатному боярству, и на князей, известное уравнение обоих классов в правах и вольностях. Мы видели, что высшее литовское боярство как привилегированный и правящий класс стало оттеснять на задний план князей. Князья поэтому приняли деятельное участие в борьбе против политического преобладания высшего литовского боярства и сгруппировались под знаменем Свидригайлы. В битве под Вилькомиром под знаменем Свидригайлы сражалось более пятидесяти князей, из которых 13 было убито, сорок два князя были взяты в плен, а один бежал со Свидригайлой. По источникам можно насчитать поименно свыше сорока князей, бывших в разное время сторонниками Свидригайлы, так что и все политическое движение, во главе которого он стоял, приобретает окраску как бы княжеской реакции против политического господства литовского панства. Но раз класс князей принимал столь значительное участие в борьбе против порядка, установившегося при Витовте, естественно, что и все положительные результаты борьбы должны были распространиться и на этот класс. Вот почему и привилеи 1432 и 1434 гг. даны были уже не одним только панам и боярам, но и князьям. Князья стали нуждаться в таких привилеях не меньше бояр. Размножение князей и измельчание их владений приблизило этот класс по общественному положению к боярам. Многие из князей стали приобретать имения от бояр и нести с них боярскую службу; другим такие имения были пожалованы от великого князя. Вследствие всего этого гарантии, права и вольности, даруемые боярству, оказались не только не лишними, но даже прямо необходимыми и для князей.

Литература

Иловайский Д. И. История России. М., 1884. Т. 2; *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. М., 1900; *Коцебу А.* Свитригайло, великий князь литовский: пер. с нем. СПб., 1835; *Stadnicki K.* Bracia Władysława Jagiełły Olgierdowicza, króla Polski, wielkiego księcia Litwy. Lwów, 1867; *Lewicki A.* Powstanie Swidrygiełły. Kraków, 1892; *Вольдемар А. Г.* Национальная борьба в Великом княжестве Литовском в XV и XVI вв. // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук 1909 г. Т. 14, кн. 3. С. 160–198; *Грушевський М. С.* Історія України – Руси. Київ; Львів, 1907. Т. 4.

XIII. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В ЛИТОВСКО-РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОКНЯЖЕНИЯ КАЗИМИРА И ИЗДАНИЕ ОБЩЕЗЕМСКОГО ПРИВИЛЕЯ 1447 г. И ОБЛАСТНЫХ

Насильственная смерть Сигизмунда Кейстутовича. Избрание великим князем королевича Казимира; разрыв унии 1432 г. Мятежи областей и их усмирение. Избрание Казимира на польский престол и противодействие со стороны Литвы; вопросы о Волыни и Подолье. Издание общеземского привилея 2 мая 1447 г. Значение этого привилея во внутренней истории Литовско-Русского государства. Распространение полученных Литвой прав и вольностей на русские земли; областные привилеи.

Внутренний мир, установившийся в Литовско-Русском государстве после покорения русских областей великому князю Сигизмунду Кейстутовичу, продолжался недолго. В 1440 г. великий князь Сигизмунд был убит заговорщиками, и вслед за тем Литовско-Русское государство испытало новое сильное внутреннее потрясение, которое грозило ему распадением.

Сигизмунд Кейстутович пал жертвой заговора, вызванного, по всем дошедшим до нас известиям, его тиранией. Предшествовавшая восьмилетняя борьба со Свидригайлой, богатая всевозможными изменами и предательствами высшего класса, истерзала его нравственно и поселила в нем недоверие и нерасположение к высшему классу литовского общества. Эти чувства в конце концов приняли у него болезненный характер, граничивший с умопомешательством в форме мании преследования. Великий князь стал удаляться от князей и панов, стал окружать себя людьми низкого звания и раздавать им уряды, а князей и панов – преследовать по простому подозрению. При таких обстоятельствах простого слуха о том, что великий князь замышляет перебить всех князей и панов на предстоящем сейме, оказалось достаточно для того, чтобы составился заговор на его жизнь. В Вербную субботу 1440 г. заговорщики ворвались в Трокский замок, где проживал Сигизмунд, и убили его.

В то самое время, когда зрел заговор, литовские князья и паны, знавшие о том чуть не поголовно, не поднимали вопроса о преемнике Сигизмунда, ин-

стинктивно избегая всяких разногласий, могущих помешать успеху заговора. К решению этого вопроса князья и паны приступили уже после убиения Сигизмунда Кейстутовича, причем между ними оказалось большое разномыслие в этом деле: одни предлагали вернуть Свидригайлу, другие присягнули на верность королю Владиславу III, третьи стояли за сына Сигизмунда Кейстутовича – Михаила; но большинство примкнуло к кандидатуре королевича Казимира. В возможность правления Свидригайлы после пережитого опыта уже перестали верить; кандидатура Владислава III была непопулярна, потому что влекла за собою соединение Литвы с Польшею под одним государем; относительно Михаила Сигизмундовича было распространено опасение, что он будет мстить за смерть отца. Наиболее подходящим кандидатом, таким образом, оказывался королевич Казимир. Вокруг лиц, выставивших кандидатуру королевича, собралась поэтому наиболее многочисленная и сильная партия. Приверженцы Казимира решились действовать как можно быстрее, дабы опередить сторонников Михаила Сигизмундовича и не дать разгореться новой междоусобной борьбе в Великом княжестве. Королевич Казимир в то время проживал в Польше, при дворе брата своего, короля Владислава III. Литовские князья и паны, не медля долго, отрядили в Польшу послов к королю Владиславу с просьбою отпустить Казимира на великое княжение, а сами поехали вслед за послами в Берестье, чтобы встретить и проводить Казимира в Вильно. Владислав согласился отпустить Казимира в Литву, но не в качестве великого князя, а в качестве простого наместника польского короля, ибо согласно договору 1432 г. Великое княжество Литовское по смерти Сигизмунда Кейстутовича должно было перейти непосредственно к королю и Короне Польской. Но литовцы не в силах были помириться с этим. С прибытием Казимира в Литву паны, державшие сторону Свидригайлы и Владислава, примкнули к сторонникам Казимира и все решили возвести его на великое княжение. Когда в Вильно съехались литовские паны из разных земель, подвластных Великому княжеству, литовцы стали просить прибывших с Казимиром польских панов сообща с ними посадить Казимира на великом княжестве. Когда же польские паны ответили категорическим отказом на просьбу литовцев, последние самовольно провозгласили Казимира великим князем.

Так нарушен был акт унии, заключенный в 1432 г. Литовцы, впрочем, не желали окончательного разрыва и обратились к королю Владиславу III за утверждением избранного ими великого князя. Но Владислав отказал им в этом. По словам Длугоша, у него созрел в то время план разделить Великое княжество на несколько частей, чтобы тем легче держать его в подчинении, а именно: для себя и Короны Польской удержать некоторые земли, между прочим Берестье и Каменец; Михаила Сигизмундовича удовлетворить отдачей владений согласно договору 1432 г.; Болеслава мазовецкого утвердить во владении Дорогицкой землей, которую он захватил после смерти Сигизмунда Кейстутовича, а остальные княжества Литвы и Руси отдать королевичу Казимиру.

Но Великое княжество Литовское в то время и помимо намерения Владислава едва было не распалось на свои составные части. Дело в том, что возведение королевича Казимира на великое княжение возбудило сильное неудовольствие против господствующей земли в областях Великого княжества. Это возведение было, собственно, делом самой сильной партии литовских панов, совершено было наскоро и скорее в форме coup d'état, чем правомерно, по общему совету и согласию. Князья и бояре из областей не привлекались к этому делу, их не вызывали на сейм, но литовские наместники, отъезжая из областей в Вильно по получении известия о гибели Сигизмунда Кейстутовича, брали с обывателей их присягу в том, что они не отступят от того великого князя, кого посадят на Великом княжестве в Вильно князья, паны и вся земля Литовская. Такой образ действий литовцев и на этот раз, как при возведении на великое княжение Сигизмунда Кейстутовича, возбудил в областях оппозицию, хотя на этот раз оппозиция проявилась по-разному и не с таким единодушием, и потому сравнительно легко была подавлена. Возмущение против Литвы поднялось прежде всего в Смоленске. Черные люди – кузнецы, кожемяки, шевники, мясники, котельники и другие ремесленники – вооружились, собрались на вече и вступили в бой с наместником и боярами, которые оставались верными Литве. Хотя в первой стычке победа осталась за наместником и боярами, но уже на другой день они принуждены были удалиться из Смоленска. Наместник уехал в Литву, а бояре – в свои имения. Черные люди сначала посадили воеводою в Смоленске князя Андрея Дорогобужского, а затем взяли себе «государем» мстиславского князя Юрия Лингвеньевича. Последний похватал смоленских бояр, посажал их в оковы, а имения их роздал своим мстиславским боярам, намереваясь отделиться совсем от Великого княжества и восстановить древнее смоленское княжение в полном объеме. В то же время он, «возгордясь», как говорит летописец, присоединил к своим владениям Полоцк и Витебск. Точно так же и земля Волынская обнаружила стремление устроить свою судьбу независимо от Литвы. Князья и бояре Луцкой земли приняли к себе на княжение Свидригайлу, который поспешил принести вассальную присягу не Казимиру, а королю польскому Владиславу III. Землевладельцы Владимирского и Кременецкого поветов Волынской земли последовали примеру князей и панов Луцкой земли. Одновременно со Смоленской и Волынской землею отторглась от Великого княжества и земля Подляшская с городами Дорогичином, Бельском и Мельником. Начальствовавший в этой земле староста Носута, мазур по происхождению, поддался со всеми названными городами князю мазовецкому Болеславу, к которому эта земля должна была перейти по смерти Сигизмунда Кейстутовича вследствие особого договора с ним. Вслед за другими и земля Жмудская не захотела подчиняться Казимиру. Жмудины прогнали от себя наместников старосты Кезгайлы и выбрали себе сами старосту – некоего Довмонта, а князем признали над собой Михаила Сигизмундовича. Даже и Киевская земля обнаружила склонность

к отпадению от Великого княжества. Когда бежавший в Москву Михаил Сигизмундович вернулся оттуда со вспомогательным войском и подступил к Киеву, киевляне легко сдались ему и приняли его наместников и гарнизон.

На счастье Казимира, между областями не было того единодушия, с каким прежде они боролись за Свидригайлу. Каждая область действовала сама по себе, преследовала свои собственные цели, и все они, в сущности, тянули в разные стороны. Поэтому паны, стоявшие вокруг Казимира с Яном Гаштольдом во главе, сравнительно легко справились с их сепаратистскими поползновениями и заставили признать власть Казимира. Прежде всего они выслали войско для усмирения смоленского мятежа, а когда оно не исполнило своей миссии, то юный Казимир лично отправился в поход на Смоленск, осадил его и пожег посады и монастыри. Смольняне принуждены были покориться и принять наместника из руки Казимира, а князь Юрий Лингвеньевич бежал в Новгород. Для окончательного умиротворения смольнян великий князь выдал им грамоту, в которой подтвердил различные права и вольности Смоленской земли. Точно так же скоро разделался Казимир и с восстанием Жмуди. Он собрал было большое войско в Ковно с намерением вторгнуться отсюда в Жмудь. Но сопровождавший его пан Ян Гаштольд посоветовал ему послать к жмудинам пана Контовта, племянник которого был избран ими в старосты, и попытаться склонить их к покорности, не прибегая к силе. Контовт успешно выполнил возложенное на него поручение. Жмудины «призволили» служить великому князю Казимиру, приехали к нему в Ковно и принесли присягу в верности. Казимир, со своей стороны, дал им присягу сохранять их в своей милости и не отнимать у них имений. Он выдал им особую грамоту, в которой торжественно признал, что они не мечом покорены, а добровольно пристали к Великому княжеству; кроме того, пожаловал им право избирать себе старосту, оставляя за собой утверждение его, и обратно – право принимать от него только такого воеводу и тиунов, которые будут им любы. Легко удалось Казимиру вернуть под свою власть и Киев. Киевляне поддались Казимиру, как только прибыло к Киеву литовское войско под начальством Яна Гаштольда. Тем не менее Казимир и его рада сочли необходимым в государственных интересах Великого княжества удовлетворить желание киевлян иметь у себя правителем князя. Поэтому, когда вскоре после покорения Киева в Вильно приехал из Копыля князь Олелько Владимирович с сыновьями и большою свитою и стал просить о возвращении ему отчины его – Киева, Казимир по совету своей рады дал ему Киев со всеми пригородками (около 1442 г.). Больше хлопот доставило Казимиру и литовским панам Подляшье. Сначала они пытались вернуть его мирным путем и вошли в переговоры с поляками. Но эти переговоры не привели ни к каким результатам. Литовцы после того не раз пытались вернуть Подляшье силою оружия, но безуспешно. Им удалось возвратить Подляшье только в 1444 г. посредством соглашения с мазовецким князем Болеславом, которому они заплатили 6000 коп пражских грошей. При

этом для удовлетворения местных земян польского происхождения Казимир пожаловал им права и вольности, которые содержатся в статутах Королевства Польского. После того как все эти области воротились к Великому княжеству Литовскому, и Свидригайло с волынянами не захотели отставать от прочих и в конце 1445 или в начале 1446 г. перешли на сторону Литвы. Вместе с Волынью примкнуло к Литве и восточное Подолье, остававшееся все время в руках Свидригайлы.

Итак, Казимиру удалось в конце концов утвердить свою власть во всех областях Великого княжества. Но положение его в Литовско-Русском государстве вскоре опять стало затруднительным. Брат его, польский и венгерский король Владислав III, погиб при Варне в 1444 г. Вследствие этого поляки на Серадзьском сейме 1445 г. поспешили избрать Казимира королем польским. Таким путем они надеялись восстановить унию с Великим княжеством, разорванную в 1440 г. Но вальный сейм литовских и русских панов, собравшийся в январе 1446 г. в Вильно, не разрешил Казимиру принять польскую корону и послал полякам отказ. По словам Длугоша, литовцы опасались, что с отъездом Казимира в Польшу великим княжением овладеет Михаил Сигизмундович, что этот князь будет им мстить за смерть отца и они потеряют при нем пожалования, которыми с юношескою щедростью одарил их Казимир, а равно окажется напрасною и надежда их утвердить за Великим княжеством Волынь и Подолье, которые отбивали у них поляки. Получив отказ, поляки избрали королем Болеслава мазовецкого, но решили повременить с официальным приглашением его на престол и попытаться вновь склонить Казимира к принятию короны, надеясь, что на этот раз Казимир и литовцы образумятся. Они не ошиблись в своих расчетах. Возведение на польский престол Болеслава мазовецкого, шурина и приятеля Михаила Сигизмундовича, грозило Казимиру и литовцам большой опасностью. Дело в том, что Михаил Сигизмундович не переставал еще интриговать против Казимира на Литве и все еще имел своих сторонников. С восшествием на престол польский Болеслава мазовецкого можно было опасаться, что Михаил найдет себе поддержку и в Польше и тогда сгонит Казимира с великого княжения. Поэтому Казимир и его советники отправились на зов поляков в Берестье и вступили в переговоры с польскими уполномоченными. Результатом этих переговоров было согласие Казимира на принятие польской короны и письменное обязательство, выданное им польским послам, – прибыть в Краков к 24 июля 1447 г. на коронацию. Литовские паны согласились на эту коронацию, взяв предварительно с Казимира клятвенную запись, в которой он в качестве польского короля признавал владениями Великого княжества Волынь и Подолье и констатировал право литовцев после его смерти избрать себе отдельного или общего с поляками государя. Казимир потребовал было, чтобы и уполномоченные поляков скрепили эту запись и подтвердили содержащиеся в ней уступки для Великого княжества. Но польские послы категорически отказались от этого и собрались даже уез-

жать из Берестья, не кончив дела. Тогда Казимир, по совету некоторых из них, перестал ставить вопрос об уступках для Литвы как conditio sine qua non, надеясь уладить это дело впоследствии, и заявил окончательно о своем согласии на принятие короны. Литовцы остались с одной записью Казимира, не скрепленной поляками. Чтобы успокоить их и задобрить в свою пользу, Казимир перед самым отправлением своим на коронацию в Краков, 2 мая 1447 г., выдал им привилей, в котором пожаловал им ряд новых прав и вольностей, и притом весьма существенных по сравнению с правами и вольностями, дарованными его предшественниками.

Своей грамотой Казимир освобождал всех княжеских, панских, шляхетских, боярских и мещанских «кметей», т. е. крестьян, не только от платежа натуральных податей («дякла») и от барщинных повинностей на господаря, но и от платежа денежной подати – «серебщины»; обязывался не принимать на свои земли владельческих крестьян – отчичей и невольных, запрещая то же самое владельцам в отношении к господарским крестьянам; устанавливал, что суд над владельческими «подданными» принадлежит владельцам и эти подданные не должны впредь привлекаться к суду великого князя и его урядников, за исключением тех случаев, когда владелец не дает на них управы, причем судебные пени во всяком случае должны идти в пользу владельцев. Литовскому католическому духовенству дана была гарантия в том, что впредь вакантные духовные должности будут замещаться предпочтительно уроженцами Великого княжества и только при отсутствии годных кандидатов – иностранцами. В интересах светских панов Казимир обязался за себя и своих преемников не давать никому, помимо уроженцев Великого княжества, земель, замков и мест в полную собственность, временное владение или в держание, а равно не раздавать иноземцам уряды или почетные звания. Наконец, ввиду притязаний поляков на Волынь и Подолье, Казимир обязался не уменьшать владений Великого княжества, но сохранить его в целости в тех самых пределах, в каких оно заключалось при великом князе Витовте.

Привилей 1447 г. является новою иллюстрацией того действия, которое оказывало тесное сближение с Польшей на внутреннее развитие Литовско-Русского государства. Избираемые на польский престол великие князья литовские старались всячески ублаготворять сильных людей Великого княжества, дабы иметь возможность сидеть сразу на двух престолах и держать свои государства в союзе и братской любви. Средством для этого являлось распространение в Великом княжестве Литовском «прав вольных, добрых, христианских, как в Коруне Польской». К этому средству прибег и Казимир, как это видно из заявления его в привилее 1447 г., что он дарует прелатам, князьям, панам, шляхте, боярам и мещанам Литовской, Русской, Жмудской и других земель Великого княжества все вообще права, вольности и изъятия, какими пользуются прелаты, князья, паны, шляхта и мещане Королевства Польского. Привилею 1447 г. принадлежит весьма важное место в истории социаль-

но-политического развития Литовско-Русского государства. Этот привилей дополнил и завершил ряд уступок, сделанных великокняжескою властью землевладельцам Литовско-Русского государства. В общем все эти уступки были не чем иным, как разделением государственной власти над народною массою между великим князем и военнослужилыми землевладельцами. Благодаря этим уступкам добрая половина населения, если не большинство, почти совсем вышла из непосредственной власти великого князя и попала под власть землевладельцев, которые стали в отношении к ней чуть не такими же *господарями*, как сам великий князь по отношению к остальной части. В Литовско-Русском государстве установился политический строй, имеющий много сходного со средневековым западноевропейским феодализмом. Вместе с тем великий князь утратил шансы на то, чтобы стать единственным и полным хозяином в своем государстве и волею-неволею должен был для решения более или менее важных вопросов государственной жизни обращаться и к другим «господарям», чаще всего, конечно, к наиболее крупным и знатным, но в особо важных случаях и ко всем остальным. Привилей 1447 г. парализовал возможность развития абсолютной монархической власти в Великом княжестве Литовском. В этом отношении особенно важна была та статья этого привилея, которая освобождала владельческих крестьян от государственных податей. Эта статья с течением времени, когда война истощала совершенно скарб великого князя, заставляла его выпрашивать у землевладельцев субсидии на нужды государства, а этим последним давала возможность добиваться от своего государя новых прав и вольностей, клонившихся к ограничению его власти и значения.

Этот результат коснулся одинаково как литовцев, так и русских князей и бояр Великого княжества. Выдавая 2 мая 1447 г. привилей на различные права и вольности военнослужилым землевладельцам, Казимир не мог обойти в нем князей, бояр и военнослужилых мещан областей-аннексов. И эти области приходилось задабривать, располагать к верности разными пожалованиями, тем более что Михаил Сигизмундович не прекращал своей борьбы с Казимиром. Поэтому и привилей 1447 г. был выдан прелатам, князьям, панам, шляхте, боярам и мещанам Литовской, Русской и прочих земель Великого княжества. Таким образом, привилей 1447 г. был первым *общеземским* привилеем, уравнивавшим в правах литовцев и русских всех земель Великого княжества (привилеи 1432 и 1434 гг. уравнивали с литовцами русских землевладельцев Великого княжества в тесном смысле, т. е. Литвы и Руси Литовской). Чтобы устранить всякие сомнения, которые могла порождать общность выражения в общеземском привилее, Казимир счел нужным подтвердить свое пожалование в новых привилеях, которые он повыдавал в областях в подтверждение их старинных прав и вольностей. Указание на это встречаем в позднейших подтвердительных грамотах, выданных областям Смоленской, Киевской и Полоцкой. Что касается Витебской и Волынской земель, то самое содержа-

ние их привилеев показывает, что и на эти области распространилось то само право, которое дано было Литве, Руси и Жмуди в 1447 г., ибо некоторые статьи этих привилеев прямо соответствуют статьям привилея 1447 г.

Земли Полоцкая, Витебская и Смоленская получили от Казимира новые привилеи, по всей вероятности, в 1451 г. В начале этого года Казимир собирал в Вильно общий сейм князей, панов и бояр всех земель Великого княжества для устроения различных внутренних дел Великого княжества. Весьма возможно, что на этом общем сейме Казимир и выдал названным землям свои привилеи. Может быть, впрочем, Казимир сделал это и во время объезда этих земель, который он предпринимал в том же году, непосредственно после роспуска сейма. Как бы то ни было, но от 1456 г. мы имеем указания на «листы», выданные Казимиром областям. Волынской земле, по всем данным, Казимир выдал привилей с новыми правами и вольностями в 1452 г., когда эта земля по смерти Свидригайлы добровольно отдалась под власть Литвы, а не Польши. Что касается Киевской земли, то привилей был выдан ей только по смерти князя Семена Олельковича, случившейся в 1471 г. Дарование Киевской земле новых прав и вольностей было средством ее замирения, ибо, как известно, киевляне в высшей степени были недовольны отменою у них княжения и приняли к себе литовского воеводу, только уступая силе.

Подводя итоги политическим движениям, происходившим в великокняжение Казимира, мы должны констатировать, во-первых, увеличение прав военнослужилого класса Литовской земли и, во-вторых, распространение этих прав и на военнослужилых землевладельцев областей-аннексов Великого княжества. Первый результат стоял в связи с основным фактом, который мы отмечали уже не раз, – с существованием в Литовской земле солидарного класса крупных землевладельцев – князей и бояр, от которых зависело утверждение великих князей на престол и заключение унии с Польшею. Второй результат стоял в связи с тою энергичною борьбою, которую вели области-аннексы Великого княжества против исключительности господствующей земли в 30-х и 40-х гг. XV в. Во время этой борьбы они наглядно показали свою силу и значение и заставили господствующую землю пойти на компромисс и сделать им через посредство великого князя ряд уступок в смысле уравнения в правах и вольностях. Источник той силы, которую обнаружили области Великого княжества в борьбе с господствующею землею, в свою очередь, заключался в их внутренней социально-политической консолидации, унаследованной ими с древних времен. Со времен киевской эпохи население западнорусских областей представляло из себя не разбитую народную массу, над которой легко было властвовать из центра, а ряд довольно крупных и компактных обществ, имевших своих вождей и руководителей и бывших в состоянии постоять за свои права и интересы. В литовскую эпоху областное единство и солидарность держались преимущественно на военнослужилых землевладельцах об-

ластей, которые, имея в зависимости от себя местное крестьянство, объединялись в местных ополчениях и на местных вечах, или сеймах, где решались различные вопросы местной жизни. Эти военнослужилые землевладельцы имели и своих вождей и руководителей в лице местных князей и старших бояр или панов, владевших относительно крупными имениями и участвовавших в местном управлении на различных урядах.

С изданием общеземского привилея 1447 г. и областных внутренний строй Литовско-Русского государства определился в главных своих основаниях. Таковыми являются: политическая обособленность и внутренняя самостоятельность областей; государственные права землевладельцев; избирательная и ограниченная основными законами в пользу землевладельцев великокняжеская власть. На этом фундаменте созидалась и вся дальнейшая стройка Литовско-Русского государства. В этой стройке можно различить два периода. Первый из них совпадает с великокняжением Казимира и его сыновей, т. е. с конца 40-х гг. XV и до конца 40-х гг. XVI в. Главная роль в деле государственного строительства за это время принадлежит, кроме господаря, литовско-русской аристократии – князьям и панам как собственно Литовской, так и западнорусских земель Великого княжества. Все внутреннее строение Литовско-Русского государства за это время носит на себе отпечатки господства и компромисса двух сил – великокняжеской власти и литовско-русского панства. Третья сила – шляхта – является только вспомогательною и только к концу периода начинает приобретать большее значение и направлять государственную жизнь в своих интересах, но не достигает еще преобладания. Второй период совпадает со временем царствования Сигизмунда Августа. За это время шляхта вступает в парламентскую борьбу с господарскою властью и панством, добивается от них существенных уступок в свою пользу, перестраивает законодательство, местное управление и сеймование. Благодаря этим перестройкам внутренний строй Литовско-Русского государства в значительной степени приближается к польскому. Чтобы окончательно утвердить свое политическое положение, литовско-русская шляхта поднимает вопрос об осуществлении унии с Польшею, идя навстречу одновременным усилиям польской шляхты, и результатом их соединенных усилий является парламентарная уния 1569 г., положившая конец самостоятельному существованию Литовско-Русского государства.

Литература

Иловайский Д. И. История России. М., 1876–1905. Т. 1–5; *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. М., 1900; *Lewicki A.* Wstąpienie na tron Kazimierza Jagiełłończyka. Rozpawy Akademii umiejętności. Wydziału historyczno-filozoficzny. Kraków, 1886. T. 20; *Ясинский М. Н.* Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889; *Якубовский И. Б.* Земские привилеи Великого княжества Литовского // Журн. М-ва нар. просвещения. 1903. № 4, 6; *Леонтович Ф. И.* Источники литовско-русского права. Варшава, 1894.

XIV. ОБЛАСТНОЕ ДЕЛЕНИЕ ЛИТОВСКО-РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ПРИ КАЗИМИРЕ И ЕГО СЫНОВЬЯХ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЭТОГО ДЕЛЕНИЯ

Территориальный состав Литовско-Русского государства во второй половине XV и первой половине XVI в. Область Великого княжества Литовского в тесном смысле и ее обособленное положение; политическая гегемония Литвы. Удельные княжества в качестве самостоятельных частей литовско-русской территории; их происхождение и судьба. Остатки прошлой политической самостоятельности областей-аннексов в их привилеях. Федералистический характер Литовско-Русского государства.

С изданием областных привилеев при Казимире надолго установился и определился областной строй Литовско-Русского государства. Привилеи эти подтверждались и в последующее время, в течение всего XVI в. Помимо традиции здесь действовала и политика – стремление господствующей Литовской земли парализовать сепаратизм областей в эпоху напряженной борьбы с Московским государством и татарами. Во время этой борьбы среди Руси, подвластной Литве, не раз обнаруживалась шаткость и измена, и чтобы предупредить отпадение областей, господствующая Литва старалась ублаготворить их подтверждением их прав и вольностей. Таким образом, например, в самый разгар движения, вызванного Глинским, при Сигизмунде I получили подтвердительные привилеи земли Волынская и Витебская. Благодаря этому Литовско-Русское государство продолжало сохранять тот федералистический характер, который оно получило после своего территориального образования.

Главною его областью, центральною землею, к которой тяготели все другие земли и владения, по-прежнему оставалась территория, бывшая основным историческим ядром этого государства, т. е. Великое княжество Литовское в тесном смысле с некоторыми его наростами второй половины XIII и первой половины XIV в. Территория эта состояла из собственно *Литовской земли*, *Руси* в особом тесном обозначении, простиравшемся на города и волости по Березине и ее притокам, по среднему Днепру и Сожу, по нижней Припяти и из *земли Берестейской* (с исключением Подляшья). Таким образом, эта основная часть литовско-русской государственной территории обнимала приблизительно нынешние Виленскую, восточную часть Ковенской, Гродненскую, Минскую и Могилевскую губернии. Старое деление этой территории на виленскую и трокскую половины, установившееся со времен Ольгерда и Кейстута, утвердилось в форме военного и административного деления на Виленское и Трокское воеводства.

Область эта занимала доминирующее положение в Литовско-Русском государстве. Она была самою населенною, самою многолюдною из всех других. Здесь сосредоточено было наибольшее количество господарских, великокняжеских имений, тут же преимущественно скучены были и имения правящей литовской знати – князей Гольшанских, панов Гаштольдов, Радзивиллов, За-

березинских и др. Эта область обособлялась от других своими внутренними порядками по части управления и суда, своим обычаем, своим литовским правом. Ее военные силы мобилизировались в особые полки, стоявшие под командою воевод виленского и трокского и не сливавшиеся с остальным войском (под начальство воеводы виленского и трокского ставились также ополчения княжеств Слуцкого и Мстиславского, Подляшья и Полесья). Все должности по местному управлению в этой территории раздавались местным землевладельцам, из них державы и тиунства – по представлению воевод виленского и трокского, пограничные замки – по совету великого князя с радою, которая составлялась преимущественно из литовских панов. Эти должности были в большинстве наследием политической старины этой территории, когда она была поделена на несколько княжений. Суд в этой области до издания общегосударственного свода, т. е. Статута 1529 г., производился по местному обычному праву и узаконениям, вроде, например, судебника Казимира 1468 г., разнившимся от действовавших в других областях норм. Подобно другим областям, и эта главная область Литовско-Русского государства имела свой земский привилей. Таковым был Городельский привилей 1413 г., подтверждавшийся всеми великими князьями, несмотря на то, что уже составлен был, подтверждался и дополнялся общеземский привилей 1447 г. Литовцы дорожили этим Городельским привилеем, который давал им некоторые важные политические преимущества перед другими землевладельцами, и при случае ссылались на него в ограждение этих преимуществ. Так, когда король Сигизмунд в 1522 г. назначил православного русского князя Константина Ивановича Острожского воеводою трокским и дал ему первое место «в лавице» господарской рады, литовские паны протестовали против этого назначения, ссылаясь на то, что по Городельскому привилею такие высокие должности на Литве, как воеводства, каштелянства, должны предоставляться обязательно католикам, а не схизматикам. И король должен был обещать, что этот случай не будет прецедентом для будущего, и впредь подобные уряды и достоинства не будут даваться русским без совета старших панов рады, но только литовцам римской католической веры.

С востока и юга к этой основной области примыкали, связываясь с нею в военном отношении, удельные княжества: Мстиславское (по верхнему Сожу и частью по среднему Днепру), Слуцкое (на верхней Случи, левом притоке Припяти и частью в бассейне Птичи) и Полесские – Пинское, Клецкое, Городецкое и Кобринское (в бассейне Припяти). Как было уже сказано в своем месте, Витовт упразднил только крупные областные княжения, такие, как Витебское, Полоцкое, Смоленское, Киевское, Подольское и Волынское. Но на более мелких территориях князья Гедиминовичи остались и при нем, и после него, и сделались уже наследственными владельцами своих княжеств. Число таких уделов, стоявших вне территорий областей и бывших такими же самостоятельными частями государства, как и «земли»-области, даже увеличилось при Казимире новыми пожалованиями Гедиминовичам и некоторым бежав-

шим из Московского княжества потомкам Калиты. Так произошли вышеупомянутые княжества. Из них княжество Мстиславское стало потомственным достоянием князя Семена Лингвения Ольгердовича, его сына и внука; в конце XV в., после прекращения мужского потомства князя Лингвения, владельцем Мстиславского княжества стал с утверждения великого князя Александра князь Михаил Иванович Жеславский, муж правнучки Лингвения. В 1527 г. князь Михаил Иванович, лишившись обоих сыновей, из которых один убежал в Москву, а другой умер, записал Мстиславский удел по смерти своей господарю великому князю. Таким путем в 1529 г. Мстиславское княжество перешло под непосредственную власть великого князя. Но его особность вместе с этим не исчезла, и оно составило особую территорию, особую область, сделавшуюся впоследствии воеводством. Княжество *Слуцкое* возникло как потомственное владение князя Владимира Ольгердовича, получившего его от Витовта, после того как он вывел его из Киева. В роде Владимира Ольгердовича Слуцкое княжество пребывало до конца XVI в., когда этот род угас. *Пинское* княжество до 70-х гг. XV в. было во владении потомков Наримунта Гедиминовича. По прекращении этого рода король Казимир пожаловал его вдове последнего киевского князя Семена Олельковича и ее сыну, а по смерти последнего – зятю ее князю Федору Ивановичу Ярославичу (около 1500 г.). Этот князь Федор Иванович был внук московского беглеца Василия Ярославича Боровского, сторонника Шемяки, бежавшего в Литву после проигрыша их дела и торжества Василия Темного. Сын этого Василия Иван, отец князя Федора Ивановича, получил от короля Казимира два полесских княжества: *Клецкое* (на верхней Лани и ее притоках), бывшее перед тем во владении князя Михаила Сигизмундовича, Казимирова конкурента на великое княжение, и княжество *Городецкое* (по реке Припяти с резиденцией в Городке Давыдове), бывшее перед тем во владении вдовы Свидригайлы Анны. От князя Ивана Васильевича оба эти княжества перешли к упомянутому его сыну Федору, который, таким образом, соединил в своих руках целых три полесских княжества – Пинское, Клецкое и Городецкое. Не имея мужского потомства, князь Федор и его жена еще при жизни записали все эти княжества королю Сигизмунду, который пожаловал их своей супруге Боне (1521). Бона получила еще по соседству княжество *Кобринское* (на верхней Припяти), в XV и в начале XVI в. составлявшее потомственное владение в роде князя Федора Ольгердовича. Все эти княжества были особые политические мирки, маленькие государства в государстве, знавшие только своих господарей-князей, а великого князя литовского – только через этих господарей. Эти господари должны были выводить свои ополчения на ратное поле вместе с литовскими полками, причем князья мстиславский и слуцкий ставились под знамя виленского воеводы, остальные – под знамя трокского.

Такими же обособленными политическими мирками, государствами в Литовско-Русском государстве, были княжества Бельское, Стародубское, Новгород-Северское и «верховские» княжества на верхней Оке: Новосильское,

Одоевское, Воротынское, Белевское и др. *Бельское* княжество (на севере Смоленской земли) образовано было Витовтом для сына князя Владимира Ольгердовича – Ивана, от которого оно перешло по наследству к его сыновьям Семену и Федору. В 1500 г. эти князья поддались со своею отчиною Белою великому князю московскому. Княжество *Стародубское* в Черниговской земле было образовано Казимиром для московского выходца князя Ивана Андреевича Можайского, сторонника Шемяки. Около 1465 г. Казимир пожаловал ему Стародуб, Гомель и Брянск. По смерти Ивана Андреевича Стародуб и Гомель унаследовал сын его Семен, которому великий князь Александр пожаловал еще Чернигов, Корачев и Хотимль; Брянск унаследовал второй сын Ивана Андрей; так как Андрей умер бездетным, Брянск взят был в непосредственное владение короля. В 1500 г. князь Семен Иванович можайский передался Москве со своими владениями – Стародубом, Черниговом и Гомелем. Княжество *Новгород-Северское* было образовано королем Казимиром для сына Димитрия Шемяки – Ивана, бежавшего в Литву в 1454 г., из городов Новгород-Северска и Рыльска. Сын этого князя Василий Иванович Шемячич в 1500 г. поддался с этими городами Москве. Что касается «верховских» княжеств, то это были исконные владения потомков святого Михаила, князя черниговского, которые во второй половине XIV и начале XV в. подчинились великому князю литовскому, обязались ему служить и давать полетнее. Эти княжества нельзя даже назвать государствами в Литовско-Русском государстве, а скорее союзными с ним владениями, связанными обоюдными договорами, при нарушении которых связь порывалась. Так, князь Федор Львович новосильский заключил с великим князем Казимиром договор, в силу которого он, князь Федор, обязывался служить Казимиру, его преемникам и Литовской земле верно, без всякой хитрости, быть в его воле, ни с кем не канчивать и никому не пособлять «никоторыми делы», быть в миру или не в миру с тем, с кем великий князь Казимир будет мирен или не мирен, платить ему полетнее; со своей стороны Казимир обязывался держать князя Федора Львовича и его потомков в чести и жаловании, оборонять их от всякого недруга, не вступаться в их земли и воды, давать суд в случаях пограничных столкновений без перевода, разбирать распри самих новосильских князей, по смерти князя Федора выдать его детям такую же докончальную грамоту. При неисполнении этих обязательств со стороны Казимира или его преемников крестное целование снималось с князей и они были свободны. Такой же договор Казимир заключил и с сыновьями Федора – Дмитрием и Семеном. В силу этого договора князь Семен Федорович, когда великий князь Александр не оборонил его отчину от Москвы и не вознаградил его другим владением, не принял его в докончание и посланного к нему боярина не «учтил», сложил с себя крестное целование и перешел с отчиною на службу к Москве.

Особое положение занимали в составе Литовско-Русского государства земли Жмудская, Полоцкая, Витебская, Смоленская (остававшаяся в его составе до завоевания ее Москвою в 1514 г.), Киевская, Волынская, Подляшье и Подолье.

Государственно-правовое положение всех этих земель, за исключением Подолья, определялось их земскими привилеями, которые начали выдаваться им еще Витовтом, а его преемниками подтверждались и расширялись. Из этих привилеев ясно видно, что хотя эти земли и перестали быть княжениями, особыми государствами, тем не менее они удержали много черт из этого своего политического прошлого.

Прежде всего уцелели и сохранялись свято их прежние границы, а нарушенные восстановлялись. Привилей Смоленской земли содержит указание на то, что король Казимир привернул к Смоленску волости, оторванные было от него Витовтом и Свидригайлой. Привилей гарантировал, что этих волостей смоленских никому не держать, «нижели бояром смоленским же». Аналогичная гарантия давалась и земле Киевской: «А городки и волости киевские кияном держати, а никому иному». Такой же порядок наблюдался, как видно из актов, и в землях Полоцкой, Витебской, Волынской, Подляшской и Жмудской. Но с этим порядком неизбежно связывалась и та территориальная неприкосновенность земель, о которой говорит Смоленский привилей. Факты подтверждают это наблюдение и показывают, что пределы названных земель, имевших свое *право*, все время оставались неизменными. В данном случае Литовско-Русское государство представляет полную противоположность Московскому, в котором присоединившиеся земли и владения скоро теряли свою прежнюю особность, раздавались в управление и кормление из центра князьям и боярам по усмотрению великого князя, без всякого соображения с их землевладением, а иногда и по соображениям как раз обратным по сравнению с теми, которые содержатся в областных привилеях Литовско-Русского государства. Если после образования Московского государства и сохранялись прежние границы и перегородки между составившими его землями и владениями, то они имели чисто административное, а не политическое значение.

Следы прежней государственной самостоятельности областей сказываются в областном характере подданства великому князю литовскому их обывателей. Привилей Витебской земли гарантировал ее обывателям спокойное житье, «всякому, покуль хто всхочет»; в частности, великий князь обязался «местичов Витебских з города Витебска не вести вон». То же самое почти буквально повторяется и в привилее Полоцкой земли. В грамотах других земель нет таких положений, но они косвенно вытекают из других, вроде, например, обязательства великого князя не отнимать ни у кого безвинно имений. В данном случае литовско-русские порядки резко расходятся с московскими. Великий князь московский свободно тасовал своих подданных, переводил их из одной области в другую, отнимал у них имения и заменял их другими. Так поступали Иван III, его сын и внук. Областной характер подданства обнаруживается также из постановлений об отправлении военной службы. Все князья, и паны, и бояре литовские, приобретшие имения в Киевской земле согласно ее привилею, должны были отправлять с них военную службу с киевлянами сами «своими головами», т. е. лично. Военнослужилые земле-

владельцы всех вообще земель составляли особые ополчения, которые стояли под командою местных военачальников-воевод, особыми полками шли на войну, особыми полками стояли и на ратном поле. Областным характером подданства объясняются и гарантии, которые давал великий князь некоторым землям, как, например, Полоцкой и Витебской, – не посылать их обывателей «в заставу» в другие города и к ним не ставить «застав» из других областей «без их воли». В данном случае Литовско-Русское государство нисколько не походило на Московское, где военные силы тасовались и располагались по усмотрению правительства, согласно чисто стратегическим соображениям, а не каким-либо иным. Наконец, областной характер подданства, вытекающий из известной политической самостоятельности земель, проявляется и в постановлениях земских привилеев касательно вызова на суд господаря. В привилее Витебской земли господарь обещал не вызывать к себе на суд в Литву витеблянина, на которого будет жаловаться витеблянин, «без истца», т. е. без согласия ответчика, но давать в таких случаях свой лист к воеводе, «хотя бы о смертной вине». То же самое буквально повторяется и в привилее Полоцкой земли. Жмудинам великий князь также гарантировал, что он не будет вызывать их на суд за пределы земли, посылать децких (приставов) за реку Невяжу, которая служила границею между Литвою и Жмудью. Великое княжество Литовское, Литва, в данных случаях выступает как бы чужим, иностранным государством, где пребывает общий государь и куда тяжущиеся могут поехать только добровольно, по обоюдному соглашению. Иное дело, конечно, если господарь великий князь являлся лично в главный город той или другой земли: тут он уже был властен привлечь к своему суду всякого, на кого была подана жалоба. Итак, областное деление, установившееся в конце концов в Литовско-Русском государстве, имело значение *политическое*, далеко выходившее за пределы простого административного деления. В рамках этого деления улеглись прежние самостоятельные политические организации. Эти организации не умерли, но продолжали жить в известной мере своею особою жизнью, так что и содержащиеся в областных привилеях следы государственной самостоятельности земель не являются простыми пережитками, формами без содержания. Факты показывают, что области пользовались на деле большою самостоятельностью в устройстве своих внутренних дел. При таких условиях Литовско-Русское государство и в рассматриваемое время носит федералистический характер, не утрачивая его и в последующем до самого конца своего самостоятельного существования.

Литература

Ясинский М. Н. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889; *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута. М., 1892; *Леонтович Ф. И.* Очерки истории литовско-русского права. СПб., 1894; *Wolff I.* Kniaziowie litewskoruscy. Warszawa, 1895.

XV. ОБЛАСТНАЯ АВТОНОМИЯ В ЛИТОВСКО-РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ ВО второй половине XV И первой половине XVI в.

Участие областей в назначении местной администрации. Областные сеймы и их деятельность распорядительная, законодательная и судебная; участие в решении вопросов внешней политики. Внутренняя самостоятельность удельных княжеств. Значение областной автономии в дальнейшем развитии Литовско-Русского государства.

В эпоху территориального образования Литовско-Русского государства и последовавшей за нею национально-политической борьбы его области нередко проявляли свою самостоятельность в избрании или принятии к себе того или другого князя. Войшелк принят был на великое княжение мимо других претендентов населением Литовской земли, как об этом свидетельствует современник-летописец. Ольгерд стал виленским князем после Явнута также с согласия населения. Вильно, пригороды и замки охотно отворили ворота Кейстуту, помогавшему брату в достижении великокняжеского престола. Витовт, Сигизмунд Кейстутович и Казимир стали великими князьями по избранию князей, панов и бояр Литовской земли. Жмудская земля, высвободившись из-под власти ордена, признала своим государем Витовта с условием, чтобы он никому не отдавал ее в залог, но управлял сам непосредственно. После гибели Сигизмунда Кейстутовича жмудины взяли к себе отдельного от Литвы князя Михаила Сигизмундовича. Такую же самостоятельность проявляли по временам и западнорусские земли: Полоцкая и Витебская, державшиеся Свидригайлы Ольгердовича; земля Киевская, выпросившая себе на княжение Олелька Владимировича, а по смерти его сына Семена требовавшая к себе в князья его сына Михаила; земля Смоленская, избиравшая князя Юрия Лингвеньевича мимо Казимира; земля Волынская, принявшая к себе на княжение Свидригайлу и поддавшаяся вместе с ним Польше. Областные княжения с течением времени прекратили свое существование, стали уже невозможны в Литовско-Русском государстве. Но проявлявшаяся в их замещении политическая самодеятельность областей не исчезла полностью. В некоторых областях она стала выражаться в том участии, которое высшие классы местных обществ принимали в назначении областной администрации, главных правителей и которое было им даже гарантировано областными привилеями.

Постановления на этот счет содержатся в привилеях земель Витебской, Полоцкой и Жмудской. Господарь обещал витеблянам давать им воеводу постарому, по их воле. То же обещание буквально повторяется и в Полоцком привилее. Жмудинам великий князь обязывался давать тех старост (так назывались там главные правители) и даже тиунов (волостных, подчиненных правителей), «которых бы они собе обрали с своих поветов, або которых бы

у нас просили». Эти определения не оставались на бумаге, но имели силу и в жизни. В 1526 г. бояре и мещане витебские, жалуясь на различные «тяжкости» и «кривды» от воеводы Ивана Богдановича Сапеги и не хотя более иметь его воеводою, били челом королю Сигизмунду, чтобы он, согласно привилеям своих предков и его самого, дал им иного воеводу. Король вынужден был удовлетворить их челобитье. В 1532 г. в Жмудской земле происходило прямое избрание старосты, каковым был выбран пан Станислав Станиславович Янович. Другие области не принимали правомерного участия в назначении к ним правителей.

Но выборы предполагают соответственные собрания, веча или сеймы. В источниках рассматриваемой эпохи можно найти множество указаний на эти собрания или сеймы, и притом во всех областях Литовско-Русского государства. Наиболее характерное показание дает грамота великого князя Казимира, писанная в 1456 г. к полочанам после разбирательства одного недоразумения, происшедшего между боярами, с одной стороны, городскими дворянами, черными людьми и всем поспольством – с другой. Казимир приказывал, чтобы бояре, дворяне городские, мещане и все поспольство были «в згоде» между собой, все дела справляли «згодою» на том самом месте, где и прежде «сыймывались»; «а без бояр мещанам и дворянам городским и черни соймов не надобе чинити». Читая эту грамоту Казимира, невольно переносишься мыслью на вечевую площадь Великого Новгорода или Пскова, где также собирались издавна бояре, купцы и черные люди и где также шла борьба между боярами и чернью, вызывавшая вмешательство со стороны московских великих князей. Кроме Полоцкой земли местные сеймы собирались и в собственно Литовской земле, и в Жмудской, и в русских землях – Витебской, Смоленской, Киевской, Волынской, и на Подляшье. Для чего же собирались эти сеймы, что на них происходило?

Во-первых, избрание некоторых должностных лиц. Выше было сказано об участии областных сеймов в назначении главных правителей. Кроме того, в Киевской земле князья, паны и земяне сообща с киево-печерскими старцами выбирали киево-печерского архимандрита; в земле Волынской князья, паны и земяне выбирали игумена самого уважаемого из волынских монастырей – Жидичинского. Затем, на этих сеймах вырабатывались различные важные мероприятия, касавшиеся местной жизни или же связанные с общегосударственными нуждами и потребностями. В бытность воеводою в Витебске пана Яна Юрьевич Глебовича в 1530 г. «панове бояре вси посполито поднялися весполок з мещаны и людьми витебскими тридцать и три городни новых заробити» в замке Витебском. Тогда же они «призволили» выставлять к городовым воротам сторожей с тех дворов и дворищ, которыми владели в месте Витебском и по селам Витебского повета, не держать в замке бань, тушить огни в домах, как только пробьет колокол, и т. д. В следующем году владыка полоцкий, витебский и мстиславский и все князья, паны-бояре и мещане витебские «зволилися» о том, как держать за собою «вольных “похожих”

людей», т. е. ввели однообразные условия для перехожих крестьян, чтобы не перебивать их друг у друга и не переманивать. Аналогичное же постановление состоялось на соединенном сейме Витебской и Полоцкой земли в 1551 г., на который съезжались местные урядники господарские, бояре-шляхта, попы, мещане и слуги панцирные. На областных же сеймах первоначально происходили определение и раскладка субсидии господарю на военные нужды и определение размеров военной повинности. Из вышеупомянутой грамоты короля Казимира, посылавшейся в Полоцк в 1456 г., видно, что на полоцком сейме происходила раскладка «помочи», которую земля давала в известных случаях великому князю. Привилей Волынской земли предусматривал такую же раскладку и в этой земле: когда паны-рада Великого княжества Литовского на какую-нибудь великую потребу земскую «зволят» дать со своих людей «которой плат», тогда князья, паны и вся шляхта земли Волынской должны дать и со своих людей аналогичный «плат». Есть известие, что и размеры военной службы, определявшиеся в XVI в. на великих вальных сеймах всех земель Великого княжества, первоначально также определялись на областных сеймах. По крайней мере, справедливо это относительно Волынской земли. Владыка луцкий Кирилл получил в 1508 г. подтверждение на одно дарственное имение с тем, что он и его преемники будут посылать людей своих на службу земскую вместе с князьями, панами и земянами против всякого неприятеля, «подлуг (сообразно) «уставы» и ухвалы (постановления) земли Волынское».

Описанная деятельность областных сеймов близко подходит по роду своему к законодательной. Но и законодательная деятельность в собственном смысле дает себя выследить на областных литовско-русских сеймах рассматриваемого времени. Так, на областном сейме Великого княжества Литовского в тесном смысле составлен был и издан известный судебник 1468 г., который начинается словами: «Мы с князьями и с панами-радою Великаго князьства и со всим поспольством согадавши урядили есмо так». В Полоцкой земле в начале 30-х гг. XVI в. на областном сейме вырабатывались «уставы» о размерах вознаграждения за «переем» на шляху под неприятельским войском лошадей или какой другой заблудшей скотины, о доходах мельников и т. п.

Но особенно часто разные общие определения вызывались судебною деятельностью, совершавшейся на областных сеймах. В собственно Литве в значении такого областного сейма выступает сейм панов-рады, на который съезжались по делам и другие землевладельцы. Этот сейм, фактически бывший нередко областным, при всем том имел значение общегосударственное, ибо на нем разбирались тяжбы и обывателей других земель, апеллировавших к господарю великому князю. Но в других областях судовые сеймы имели уже чисто местное значение. На них разбирались важнейшие судебные дела, требовавшие соображения с местными обычаями и законами или же новых законодательных определений. Так, в 1533 г. воевода полоцкий пан Ян Юрьевич Глебович отложил разбор дела князей соколенских до собрания полоцкого сейма,

чтобы «со всею землею обмовити» о том, как поступать с теми, которые уклоняются от явки на суд, отговариваясь своими служебными обязанностями перед панами, а не перед господарем великим князем. Не только местные правители, но и сам господарь переносил иногда некоторые дела на областной сейм. Так, в 1527 г., встретив затруднение при разборе земельной тяжбы между князем Андреем Сангушковичем и земянами ставецкими, король Сигизмунд писал владыке владимирскому и берестейскому, владыке луцкому, старосте луцкому, наместнику кременецкому, князьям, панам и всем земянам земли Волынской, чтобы они, как будут на сейме в Луцке, «на збор» (сборное воскресенье), решили: «будет ли то в обычае, у праве (на суде) вашем Волыньском, иж хто о землю ся правуеть, сам не присягаеть, нижли светки (свидетели) их присягу делають», или же «и сами с светками мають присягати, а хто будеть к присяге близший». Решив этот принципиальный вопрос местного судопроизводства, сейм должен был дать соответствующую «науку» судьям и приказать сообразно с этим кончить дело, «подле права земли Волынское». Участие областных сеймов в отправлении правосудия не ограничивалось решением одних принципиальных вопросов, но по временам шло и дальше. Так, в 1536 г. король Сигизмунд приказал своим волынским урядникам собрать на сейм князей, панов и всю шляхту земли Волынской и произвести «обыск и каранье» всех тех, кто занимался разбоями и кражами или не унимал от того своих людей, отобрать у всех присягу в том, что не будут у себя передерживать воров и разбойников и будут тщательно следить за своими людьми. В некоторых землях судовые сеймы были частым и периодическим явлением. В Жмуди, согласно «уставе» 1529 г., судовые сеймы должны были обязательно собираться четыре раза в году в Крожах. На них собирались староста, тиуны и бояре-шляхта, имевшие дела.

Области не устранены были даже от решения вопросов внешней политики, хотя, казалось бы, такие дела должны были решаться исключительно общегосударственными органами. Чаще всего политические вопросы рассматривались и решались на областных сеймах главенствующей Литовской земли. В 1456 г., например, от имени прелатов, панов и всего народа литовского посылалось королю Казимиру в Польшу требование, чтобы он, согласно обещанию своему, возвратил Великому княжеству Подолье. К этому требованию литовские послы присоединяли угрозу, что литовцы не будут долее терпеть своих обид и оружием напомнят полякам о Подолье и других владениях, оторванных от Великого княжества. Такое посольство, очевидно, было результатом известного решения, принятого на сейме Великого княжества. В 1478 г. уже сам Казимир собирал на сейм литовских господ для обсуждения того, что предпринять против великого князя московского, который захватил Новгород и во время похода наделал много зла и Литовской земле. Литовцы хотели воевать с Москвою, но Казимир отклонил их от этого намерения, указав на нена-

дежность русских людей Великого княжества. Из этого видно, что сейм 1478 г. был местным сеймом Литовской земли. С конца XV в. важнейшие вопросы внешней политики стали решаться уже на великих вальных сеймах всех земель Великого княжества. Но менее важные вопросы по-прежнему рассматривались иногда на сеймах панов радных и рыцарства Литовской земли, например, вопрос о выделении удела королевичу Сигизмунду в 1496 г. В XV в. можно выследить участие во внешней политике и других областных сеймов, кроме литовского. При Казимире, например, полоцкие бояре, мещане и все поспольство, Полоцкое место, посылали своих послов «с верющим листом» в Ригу для заключения мирного торгового договора.

Все приведенные факты в общей сложности указывают на то, что следы государственной самостоятельности областей Великого княжества Литовского, содержащиеся в их привилеях, не были простыми переживаниями старинных форм без содержания, что эта государственная самостоятельность не умерла, не исчезла полностью, но продолжала еще жить, хотя уже и не в полном объеме.

Как привилеи, выданные областям, так и отдельные акты показывают, что автономия областей Литовско-Русского государства базировалась на существовании в них сильного и солидарного класса землевладельцев – князей, панов и бояр, которые держали под собою землю и земледельческое население и пополняли собою ряды местной администрации. Кое-где, а именно в землях Полоцкой, Витебской и частью Смоленской и Киевской, к землевладельцам в устроении дел области присоединялось и мещанство главных городов. В Полоцкой и Витебской землях в этом устроении, как мы уже видели, участвовали по временам и слуги, мелкие землевладельцы, занимавшие среднее положение между боярами и крестьянами, а на Жмуди – даже и «кмети», свободные крестьяне. Но доминировали при всем том землевладельцы – князья, паны и бояре. Эти землевладельцы в Литве и Жмуди стали господствующим сословием уже в XIII в. Что касается русских земель, то и здесь бояре стали делаться земским классом и принимать большое участие на вечах уже в конце XII и начале XIII в., так что и позднейшие областные сеймы в них были только дальнейшим развитием и видоизменением веч киевского периода.

Еще более чем земли обладали внутреннею автономией удельные княжества, составлявшие самостоятельные части Литовско-Русского государства наряду с областями-аннексами, имевшими свои областные привилеи. Эта автономия связана была, конечно, с существованием в них особых государей, которые, оставаясь вассалами великого князя, пользовались при всем том большою свободою во внутреннем управлении своих уделов – по выражению одного акта, «прибавляючи и розшириваючи, как то сам налепей разумеючи». В качестве государей-отчичей удельные князья чинили суд и управу, жаловали церквам, монастырям, боярам земли и людей на вечность, подтверждали

имения, данные предшественниками «до воли» дарителя, освобождали жалуемые имения и их население от повинностей в свою пользу, от платежа податей, от присуда своих наместников и тиунов и т. д. Их свобода в данном случае была ограничена только определенными распоряжениями предков. Так, например, князь Михаил Иванович жеславский, получив от великого князя Александра Мстиславль в вотчину «со всим правом и панством», обязывался самою жалованною грамотою не отнимать у местных бояр имений, которые они выслужили у князя Лингвения Ольгердовича, его сына и внука, если эти бояре будут продолжать служить ему так же, как и названным князьям. Но в этом нельзя видеть какого-либо специфического ограничения власти удельных князей. И великие князья литовские в силу земских привилеев не могли отнимать у духовенства, князей, панов, бояр и мещан имений отчинных или выслуженных у их предшественников. Ограничения налагались на удельных князей лишь в тех случаях, когда устанавливалось пожизненное владение уделами. Так, князь Федор Иванович Ярославич, записавший свой удел королю Сигизмунду и получивший от него в 1509 г. подтвердительный привилей на пожизненное владение этим уделом, обязан был ничего не раздавать из этого удела без разрешения короля. Вся правительственная деятельность удельных князей, так же как деятельность самого великого князя или его наместников-воевод в областях, протекала при участии местного боярства, которое замещало различные должности и образовывало *раду*, или думу удельных князей. Если стольный город удела был вместе с тем резиденцией епископа, то последний также входил в состав рады. В удельном княжестве в миниатюре воспроизводились вообще все порядки, которые можно наблюдать в прежних областных княжениях и в самом Великом княжестве Литовском: там были также воеводы (кобринский и грушевский в Кобринском княжестве), наместники и тиуны, существовал тот же суд, те же налоги и повинности, с некоторыми только вариантами, смотря по местностям.

Итак, области Литовско-Русского государства пользовались широкою автономией в своем внутреннем управлении. Областная автономия имела огромное значение в общем ходе внутреннего развития Литовско-Русского государства. С нею стояло в связи, между прочим, слабое развитие административной централизации в этом государстве, возникновение и упрочение того учреждения, которое получило название «великого вального сейма» с проникавшим его принципом представительства не единого Литовско-Русского государства, а всех земель Великого княжества Литовского.

Литература

Любавский М. К. Областное деление Литовско-Русского государства. М., 1892; *Он же.* Литовско-русский сейм. М., 1900; *Максимейко Н. А.* Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г. Харьков, 1902; *Леонтович Ф. И.* Очерки истории литовско-русского права. СПб., 1894.

XVI. ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЕ ДОМЕНЫ И ИХ ТЯГЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПРИ КАЗИМИРЕ И ЕГО СЫНОВЬЯХ

Происхождение господарских имений. Значение их как материальной опоры великокняжеской власти и государственных имуществ. Господарское хозяйство в доменах; дворы и дворцы. Челядь дворная; ее происхождение и хозяйственное назначение. Люди тяглые и их повинности. Крестьяне специальных служб. Добавочные подати и повинности этих крестьян. Оброчные крестьяне. Крестьяне-данники; их территориальное распространение и повинности. Отличие крестьян от челяди.

С изданием общеземского привилея 1447 г. материальною опорою великокняжеской власти в Литовско-Русском государстве стали почти исключительно так называемые *господарские имения.*

Под этим именем разумелись все земли государства, населенные и пустые, которые не имели никаких других верховных собственников, кроме господаря великого князя. Первоначально великий князь считался верховным собственником всех земель, которыми не владели князья-отчичи, литовские и русские. Но с конца XIV в. княжеское право на землю (jus ducale) или «полное право и панство» (plenum jus et dominium) стало признаваться также и за церковными учреждениями, и за крупными землевладельцами боярского класса, получившими название «баронов» или «панов». Вследствие этого и территория собственных великокняжеских имений сузилась. Так как великий князь литовский не сделался наследственным монархом и так как власть его подверглась вообще большим ограничениям, то и господарские имения рано приобрели значение государственных имуществ, казенных имений, которые обслуживали не только потребности господаря, но и государства. В силу этого на великого князя стали налагаться различные ограничения в распоряжении и пользовании этими имениями. И первое ограничение в этом роде содержал уже привилей 1447 г., по которому великий князь обязался не раздавать в землях Великого княжества замков, мест, держав и вотчин иноземцам, но только «тубыльцам» этих земель. Впоследствии, как увидим ниже, наложены были на великого князя и другие ограничения в том же направлении.

Как бы то ни было, но с половины XV в. господарские имения были главною материальною опорою великокняжеской власти в Литовско-Русском государстве. Как же господарь пользовался ими, извлекал из них свои выгоды?

В этом отношении литовско-русский господарь походил на всех других землевладельцев своего государства. Прежде всего он вел в этих имениях собственное хозяйство, эксплуатировал пахотные земли и различные угодья. В великокняжеских доменах, или волостях, раскиданы были господарские дворы и дворцы, т. е. сельскохозяйственные усадьбы с челядью, скотом, инвентарем и различными запасами. Жившие здесь великокняжеские приказчики наряжали окрестное население господарских имений на работы в огородах, садах, полях, лугах, на реках и озерах, собирали и хранили или продавали на деньги

земледельческие продукты, собиравшиеся с господарской запашки, приплод от скота, добычу в лесах и водах. Но и помимо собственного хозяйства великий князь извлекал доходы из своих имений, облагая натуральными и денежными поборами поселившихся в них крестьян и мещан – земледельцев, промышленников и ремесленников. Наконец, великий князь извлекал из своих доменов и ту пользу, что содержал на них множество военнослужилого люда – слуг и бояр разного звания. Ясно все это станет, когда ознакомимся подробнее с составом населения в господарских имениях, с различными разрядами этого населения и их повинностями. На первой очереди рассмотрим *тяглое* население господарских имений, служившее великому князю либо непосредственно трудом, либо продуктами этого труда, чаще всего тем и другим.

Почти в каждом господарском дворе и дворце жила челядь дворная, паробки и жонки. Эта челядь составляла изначальную рабочую силу господарского хозяйства, благодаря которой оно и зародилось как в собственно Литве, так и в русских землях Великого княжества. Известно, что княжеские села в Киевской Руси первоначально были не что иное, как дворы, населенные княжескою челядью. По всем данным, и литовские князья устраивали свое сельское хозяйство первоначально при помощи рабов. В XV и XVI вв. не рабы преимущественно работали на господарском хозяйстве. Но при всем том обыкновенно при каждом господарском дворе было известное количество челяди, *паробков* и *жонок*. Источники, откуда набирался этот класс в Литовско-Русском государстве, были почти те же самые, что и в Киевской Руси: купля, полон, естественное нарождение, брак с невольным человеком. Сюда надо присоединить еще выдачу истцу головою за преступление (кроме воровства), причем истец соглашался не губить человека, а оставить его у себя в рабстве. Но литовско-русское право, как кажется, не знало уже ни тиунства, ни ключничества без ряда как источников рабства; не знало в этом качестве и продажи самого себя или детей от голода, а также имущественной несостоятельности, которая влекла за собою не отдачу в вечную неволю, а отдачу «до искупа», с зачетом каждого года по известной таксе. По крайней мере, определения в этом роде встречаем в первом Литовском Статуте 1529 г. (раздел XI), который, по всем признакам, санкционировал уже действовавшее право. Великокняжеская челядь кроме работ по возделыванию и уборке пашен исполняла и другие работы по дому и хозяйству господарского двора: например, разделывала огороды и сады, стерегла стада, пашни и т. д., женщины пряли лен и ткали полотна для господарыни великой княгини. Жили челядинцы или на господарском дворе, или вне его, на селе и в своих домах, имея свой обиход и свою движимость – «бонду», и свои «прибобки» в пустых землях. Содержалась челядь невольная «месячиною», которая отпускалась ей с господарского двора в виде хлебных запасов, причем те паробки, которые имели свои «бонды» и «прибобки», получали менее сравнительно с теми, у которых ничего не было.

Но самую многочисленную категорию трудового населения господарских имений составляли господарские *люди*, или крестьяне, разных наименова-

ний. Эти наименования разнообразились частью в зависимости от их главных повинностей, которые они несли на господаря, частью в зависимости от их главных промыслов и ремесел. (Взамен слова «люди» в актах попадаются и другие названия: мужи, мужики, смерды, черные люди, кмети, хлопы, чаще – подданные.)

Те крестьяне, которые обязаны были постоянною барщинною повинностью, служили «уставичне» на господарском дворе с сохою, бороною, косою, серпом, топором и лошадью, назывались просто *тяглыми* людьми. Но наряду с ними в составе тяглого населения были различные специальные разряды, отправлявшие особенные повинности по господарскому хозяйству, которые заменяли им барщинные повинности тяглых людей, все или частью. Будучи тяглыми и называясь по временам этим именем, эти крестьяне при всем том противополагаются в источниках тяглым людям в тесном, узком смысле. Таковы были прежде всего крестьяне, обслуживавшие скотоводство великого князя. Самою важною его отраслью было коневодство. Лошади не только пополняли рабочий инвентарь великокняжеских экономий, но и шли в раздачу в виде жалованья военнослужилым людям. Книги пожалований короля Казимира пестрят записями о пожаловании тому или другому князю, пану, боярину, дворянину, слуге коня или жеребенка с того или другого господарского двора. На этих дворах обычною принадлежностью была стайня – конюшня, на которой несли свою службу конюхи разных наименований: *конюхи, конюхи седельные, машталеры* и др. В некоторых дворах находились конские заводы, стада маток с жеребятами, по уходу за которыми несли службу *кобыльники*, или *лейти, стадные конюхи*, или *ройтиники*. В некоторых имениях господарских коней разбирали на покорм крестьяне-конокормцы. Кроме лошадей в господарских дворах разводился рогатый скот, овцы и свиньи, за которыми ходили *стадники, пастухи, свинари* и т. д. Так же, как и все землевладельцы, господарь великий князь эксплуатировал в свою пользу бортные ухожаи, рыбные ловы, бобровые гоны, звериные и пташьи ловы, разрабатывал лес, т. е. добывал деготь, смолу, пепел и другие лесные «товары», добывал соль и руду. Эти отрасли его хозяйства также обслуживались крестьянами соответствующих специальных служб. Так, *бортники* и *подлазники* смотрели за бортями и выбирали из них мед; *рыболовы* и *неводники* «волочили» реки и озера на господаря и делали для него сети и невода; *бобровники* гнали и били бобров на господаря по известным «полосам»; *осочники* стерегли господарские пущи, следили за тем, чтобы никто в них не бил зверей и не жег золы, а главное – выслеживали зверя и участвовали в облавах на него; *ловцы, мысливцы, стрельцы* ловили и били зверя на господаря; *псарцы* кормили и дрессировали охотничьих псов для господарской охоты и «полевали» с ними; *сокольники* ловили, кормили и дрессировали соколов для господарской охоты; *пташники* и *шатерники* ловили пернатую дичь для господарских дворов; *будники, смоляры, дегтяри, угольники, клепачи* разрабатывали господарские *купы* или *буды*, т. е. жгли золу, уголь, гнали деготь, смолу, готовили *клепки* (доски для бочек), *ванчос* (тес);

соляники разрабатывали соль; *рудники* добывали руду и извлекали из нее металл в плавильных печах. Специальными службами обслуживали господарское хозяйство и *огородники*, разделывавшие дворные огороды, *садовники, млынари*, или мельники, заведовавшие господарскими мельницами, и т. д. Необходимо, конечно, иметь в виду, что не везде, не во всех господарских имениях, был полный комплект перечисленных хозяйственных статей. Господарское хозяйство в этом отношении сильно разнообразилось по отдельным местностям. Кроме того, не везде доходы извлекались хозяйственным путем. Иногда различные угодия сдавались в аренду, на откуп, с обязанностью платить с них «врок», или «чинш», натурою и деньгами. Так, на откуп сдавались бортные деревья, рыбные ловли, лесные буды и купы, соляные варницы, рудные заведения и т. д.

Специальную службу по господарскому хозяйству трудом или изделием несли и разные ремесленные крестьяне, жившие в господарских волостях. Таковы были: *кухари* и *пекари*, изготовлявшие пищу для населения господарского двора, для самого господаря и его свиты во время его приезда до того или другого двора; *пивовары, медосытцы* и *винники*, изготовлявшие напитки для господарского двора; *ковали, кузнецы, котляры, слесари*, изготовлявшие различные железные изделия; *дойлиды* и *тесли* (плотники), *колесники, санники, бондари, судники,* приготовлявшие деревянные изделия; *гутники* и *скляры* – стеклянные; *гончары, мурали* (каменщики), *плитники, стрихари* (кирпичники), *меловщики* (обжигальщики извести), *жерновники*, изготовлявшие глиняные и каменные изделия; *кушнеры* (скорняки), *кожемяки, римари* (шорники), *хомутники, седельники, шевцы* и *чеботари*, служившие по выделке мехов, кож и приготовлению изделий из них; *ткачи, убрусные* или *скатертники, кравцы* (портные) и другие, служившие по выработке тканей и изделий из них, и т. д. Часть этих ремесленников были *дворные*, т. е. не занимавшиеся ремеслом помимо господарского двора. Но большая часть практиковала свои ремесла и вне господарского двора, отдавая последнему только часть своего труда или служа ему уже готовыми изделиями, например, кузнецы давали «нороги» (сошники?). Некоторая часть ремесленных людей обслуживала господарское хозяйство выделкою оружия для охотничьих и военных надобностей. Таковы были: *рогатники, лучники, тульники, мечовники, платнеры* (панцирники), *пушкари* и др.

Большая часть крестьян специальных служб сверх своих специальных повинностей несла еще добавочные. Некоторые из них вместе с тяглыми людьми давали *дякло* и *мезлеву. Дяклом* называлась натуральная подать, платившаяся рожью или пшеницею, овсом, сеном, пентиниками (пенькою или льном), дровами, курами, яйцами; мезлевою – натуральная подать, вносившаяся яловицами, свиньями, баранами, курами и яйцами. Эти подати, особенно дякла сенные и дровяные и мезлева, перелагались нередко и на деньги. Кроме дякла и мезлевы крестьяне платили и разные другие «дачки», смотря по величине и хозяйственному составу своих «земель», например, давали «штось меду пре-

сного до ключей». Но чаще всего крестьяне специальных служб обязывались ходить на *толоку*, т. е. на подмогу тяглым людям в разгар сельскохозяйственных работ: косить сено, три дня пахать «на паренину», три дня «на жито», три дня жать озимые, три дня – яровые. Затем все эти крестьяне обязаны были являться *«на кгвалт»*, например, прудить реку, исправлять прорвавшуюся мельничную плотину, участвовать в облаве на зверя, волочить невод на господаря и т. д.

Среди крестьян, служивших на господарские дворы тяглом и другими специальными службами, жили также и люди *осадные, оброчники,* или *врочники.* Осадные крестьяне являлись в результате либо сокращения господарского хозяйства на том или другом дворе, либо увеличения крестьянских тяглых и специальных служб свыше потребностей этого хозяйства. В таких случаях лишние тяглые и другие крестьяне переводились на оброк, осаживались «на вроце», – почему и назывались «осадными» людьми или «врочниками». Эти оброчные крестьяне появлялись и в тех случаях, когда управители господарских дворов раздавали пришлым крестьянам пустовавшие крестьянские участки. Общим правилом при этом было то, что крестьяне, садившиеся на пустовщинах, обязывались служить с них ту же самую службу, какая и перед тем шла с этих земель. Но иногда такой службы впредь не требовалось или же в данное время не находилось охотников брать пустовщину на прежних условиях. В таких случаях пустовщины сдавались на оброк на продолжительное пользование или же «с позему пахати», т. е. в аренду на год. Такая арендная плата называлась *куницею*, а крестьяне, бравшие землю в аренду, – *куничниками.*

В некоторых областях Литовско-Русского государства оброчные отношения оказались наиболее выгодными, а посему упрочились и приняли характер уже известной системы крестьянских повинностей. Так было, прежде всего, в Жмудской земле. Здесь существовал в XV и XVI вв. целый разряд крестьян-*куничников*, постоянных арендаторов господарских земель. Жмудинам дало тяжело себя почувствовать уже орденское хозяйство в конце XIV в., во время подчинения их земли ордену. Поэтому они добились себе от великого князя Казимира гарантии, что в их земле не будет строиться новых господарских дворов сверх тех, которые существовали при великом князе Витовте. Но такое обязательство заставило и великого князя принять свои меры для обеспечения доходов со Жмудской земли. Целый ряд земель, очевидно, наиболее плодородных, изъят был из-под свободной заимки и заселения крестьянами и стал сдаваться им на «куничном плате». Кроме Жмуди оброчная система очень рано утвердилась в Подляшье. Там действовал пример соседней Польши. Великие князья литовские, начиная от Витовта, заселяя свои земли крестьянами, налагали на них не столько барщинные работы по своему хозяйству, сколько чинш (census) – оброк, который они платили в определенном размере с отводившихся им *волок*, или ланов (около 19–20 десятин), деньгами и отчасти натурою.

Великокняжеское хозяйство, как уже было сказано, наибольшего развития достигло в собственно Литовской земле и прилегающей к ней Руси. Область эта была наиболее густо заселена сравнительно с другими областями и по-

сле разгрома сил ордена в 1410 г. пользовалась наибольшею безопасностью. Развитию здесь великокняжеского хозяйства должны были содействовать также близость к великокняжеской резиденции и внешним рынкам сбыта. В других областях великокняжеское хозяйство было развито в общем слабо. По наследству еще от прежних князей великие князья литовские получили здесь по несколько дворов с селами, расположенных около центральных городов и обслуживавших прежде хозяйственные нужды княжеских резиденций. При великом князе Казимире и его сыновьях хозяйство в этих дворах влачило жалкое существование и, видимо, прогрессивно падало, а приписанные к ним села шли в раздачу. Все доходы с этих дворов уходили почти целиком на содержание челяди дворной и администрации, которая, по всем данным, и злоупотребляла своим положением вдали от контроля и надзора центра. В восточных и южных областях, открытых для нападений извне, слабее населенных и удаленных от центра, для великого князя литовского не было особенных побуждений заботиться о развитии собственного хозяйства. И это тем более справедливо, что господствовавшие здесь крестьянские промыслы – бортничий, бобровничий, куничный и др. – давали возможность извлекать хорошие доходы и без хозяйственных хлопот, одним сбором дани в повышенном размере. Дань взималась и в собственно Литовской земле, где велось собственное хозяйство великого князя, с тех крестьян, которые почему-либо не обложены были тяглою и другими издельными службами, например по дальности местожительства от господарских дворов или по своей промышленности и зажиточности. Но чаще всего дань взималась там, где господарских дворов было мало или совсем не было. Настоящее царство крестьян *данников* представляли из себя так называемые задвинские волости, находившиеся в Витебской земле, поднепрские волости по среднему Днепру, Березине и Сожу и их притокам, северские волости по Десне, Сейму и Суле, а также и киевские. Дань платилась или денежная – грошовая, серебряная, или натуральная – медовая, бобровая, куничная, белочья, житная, пшеничная, с течением времени все чаще и чаще перелагавшаяся на деньги. Кроме дани данники по отдельным местам несли и другие повинности, например, ходили на толоку, волочили невод на господаря, давали овес и сено на господарских лошадей, когда их прогоняли через волость, давали разные «подачки», например насадку пива, меру жита, стог сена и т. п.

Соединяясь с челядью дворною в разнообразных работах по господарскому хозяйству, крестьяне отличались юридически от этой челяди. Правда, некоторые разряды их уже лишились свободы передвижения, выбора места жительства и занятий, прикреплены были к своему тяглу, но это было не безусловно, и даже такие крестьяне при известных условиях, как увидим ниже, имели возможность уйти в другое место, даже к другому владельцу. Наряду с ними другие крестьяне еще не были ограничены в праве передвижения и устройства своей судьбы. Но главное – все крестьяне имели от господаря землю, которою они владели и которою пользовались фактически, почти как

собственники, имели собственное имущество, пользовались гражданскими правами в защите своей личности и имущества. Таких прав не имела челядь дворная. Ее личные и имущественные правонарушения рассматривались почти исключительно как убытки господарского двора и, как убытки, перелагались и возмещались на деньги.

Литература

Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута. М., 1892; *Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. Т. 1; *Леонтович Ф. И.* Крестьяне Юго-Западной России по литовскому праву XV и XVI столетий. Киев, 1863; *Он же.* Литовско-русские друскеники – солярни и соляники. Варшава, 1896; *Он же.* Сельские промышленники в Литовско-Русском государстве. Варшава, 1897; *Он же.* Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве. Вып. 3: Сельские ремесленники. Варшава, 1898; *Новицкий И.* Очерк истории крестьянского сословия Юго-Западной России в XV–XVIII вв. // Архив Юго-Западной России. Киев, 1876. Ч. 4, т. 1; *Ефименко А.* Литовско-русские данники и их дани // Журн. М-ва нар. просвещения. 1903. № 1 и в книге: Южная Русь. СПб., 1905. Т. 1; *Грушевський М. С.* Історія України – Руси. Львів, 1905. Т. 5; *Kutrzeba S.* Historya ustroju Polski w zarusie. Lwów, 1914. T. 1.

XVII. КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ В ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИХ ДОМЕНАХ ДО половины XVI в.

Разнообразие размеров и хозяйственного состава крестьянских участков в господарских имениях; причина этого явления. Семейно-родовое товарищеское владение и пользование этими участками; дольники и сябры из сторонних лиц. Раздел земель и угодий. «Земли», дворища и селища в качестве крестьянских участков. Формы общего крестьянского владения; их происхождение. Распоряжение крестьян землями и угодьями и домениальное право господаря великого князя. Судьба описанного крестьянского земельного строя.

Великокняжеские крестьяне в Литовско-Русском государстве до половины XVI в. в подавляющем большинстве сидели на земельных участках самых разнообразных размеров и хозяйственного состава. Исключением были одни только волоки, на которые с начала XV в. стали размеряться пустые земли на Подляшье, а в XVI в. – и в некоторых других соседних с Подляшьем местностях. Крестьянские участки состояли обыкновенно из усадебной и огородной земли, пашни, сенных покосов, лесной заросли (гаи, боры, хворосты), болот, бортных «ухожаев», иногда бобровых гонов и звериных ловов, рыбных тонь или «вступов» в реки и озера, разбросанных по разным местам в округ данного села или даже волости. Величайшая чересполосица царила в распределении крестьянских земель и угодий: крестьянские участки переплетались не только друг с другом, но даже и с землями других владельцев. Причина такого

земельного строя кроется в самом происхождении крестьянских участков. Эти участки создавались исторически, в течение долгого времени были результатом свободной заимки и разработки пустых земель и угодий целым рядом крестьянских поколений. Господарская власть на Литве и Западной Руси до половины XVI в., за малыми исключениями, не принимала планомерного участия в земельном устроении крестьян, не отводила им и не измеряла земли. Она имела дело с крестьянами, уже занявшими или занимавшими земли и угодья по собственной инициативе, и только облагала их податями и повинностями, принимая во внимание величину и хозяйственные качества занятых земель и угодий и число эксплуатировавших их крестьянских «дымов». Каждый крестьянский участок поэтому имел свое особое обложение, традиционно державшееся известное время и менявшееся только тогда, когда изменялась его величина и хозяйственные качества вследствие расширения заимок или вследствие дележа. В тягловом отношении было такое же разнообразие, как и в размерах и качествах крестьянских участков. Таким образом, например, некоторые тяглые люди сверх обычной тяглой службы и дачек – дякла и мезлевы – давали «штось меду» до ключей (погребов) господарских; бортники сверх своих издельных повинностей или дани медовой вносили иногда дякло; конюхи сверх своей специальной службы давали дякло, иногда еще дань грошовую, медовую и куничную и т. д. Бывали случаи и обратные, когда крестьяне, несшие известную службу, исправляли ее не сполна, например, не давали дякла, выходили не на все толоки, платили дань в меньшем размере, чем другие, так как и самые владения их были меньшего размера и доходности.

Крестьянские земли и угодья в большинстве случаев находились во владении и пользовании не единичных хозяев, а сложных крестьянских товариществ. Эти товарищества составлялись обыкновенно из разросшихся семей. Взрослые сыновья с семьями не отделялись от родителей и продолжали жить с ними на одном дворе и разрабатывать сообща нивы и угодья данного участка; таким же путем устанавливалось иногда сожительство зятьев с семьями, братьев по смерти родителей, дядей и племянников, двоюродных братьев и т. д., которые, имея идеальные доли в участке, не делились, а сообща эксплуатировали его и сообща служили с него положенную службу господарю великому князю. Такое экономическое общение вызывалось самым строем тогдашнего крестьянского хозяйства, которое основывалось на корчевании леса под пашню и на одновременной эксплуатации разных угодий. Такое хозяйство удобнее всего было вести силами большой семьи – рода или товарищества – на артельных началах. Вследствие этого, когда семьи или роды оказывались малочисленными и не могли уже собственными силами справляться с хозяйством и выполнять лежавших на их землях и угодьях повинностей, они принимали к себе для подмоги сторонних людей – потужников – на разных условиях. Одни из них становились лишь пользователями крестьянского владения в известной доле дохода – *дольниками, половинниками,* но не совладельцами. Владельцами, или *господарями* земли и угодий, оставались по-прежнему «отчичи»-

крестьяне. Но другие становились не только пользователями, но и совладельцами в известной доле – *сябрами.* Таковыми становились те сторонние люди, которых присаживало в долю к отчичам начальство и которые долгое время заживались на этой доле вместе с отчичами. Таковыми становились также и все те крестьяне, которые покупали у отдельных отчичей доли в их владениях и в силу этого становились их «потужниками». Необходимо заметить, впрочем, что прием потужников не всегда стоял в связи с уменьшением рабочих сил крестьянской семьи или рода, а наоборот, вызывался стремлением увеличить эти силы для расширения заимок и увеличения хозяйственного оборота. Расширение крестьянских «отчин» путем заимки пустопорожних господарских земель, расчистки господарской пущи и проложения «входов» в нее и в рассматриваемое время не встречало обыкновенно препятствий. Вследствие этого создавались по временам огромные крестьянские участки, эксплуатируемые силами многочисленной крестьянской семьи-рода или целого товарищества. Правительство реагировало на это только тем, что с течением времени, когда хозяйство прочно налаживалось на расширенном крестьянском участке, увеличивало размер обложения, требовало не одну, а две и более служб, прибавляло податей и т. д. Вследствие этого иногда такие крестьянские участки разрывались на два и более тяглово-податных участка. Хотя очень часто, даже с приемом сторонних людей в сябры, держалось общее владение и пользование крестьянскими наследственными участками, но все-таки это не было везде и всегда безусловно. Некоторые крестьянские участки с течением времени распадались на отдельные части, или *следы* (в Смоленской земле – *выти*), и между прежними совладельцами – сябрами – оставалась связь только по службе, которую они по-прежнему сообща служили господарю великому князю, да разве еще по совместному владению некоторыми неделимыми угодьями, например озерами, реками, пастбищами и т. п.

Крестьянские участки в собственно Литве с прилегающей к ней Русью, а также в землях Полоцкой и Витебской, не имели нарицательного имени, назывались просто *землями,* с прибавлением обыкновенно собственного имени первого заимщика, прежнего владетеля: земля Петковщина, земля Мацковщина, земля Горностаевщина, земля Римтишки и т. п. В Волынской земле, Полесье и частью в Подляшье крестьянские участки, бывшие хозяйственными единицами владения и пользования, назывались *дворищами,* указывая тем прямо на свое происхождение от той совокупности земель и угодий, которая эксплуатировалась крестьянскою семьею или родом, жившим на одном дворе. В Смоленской земле в таком же значении, как дворище на юго-западе, выступает по актам *сельцо* и *селище. Селище* в значении крестьянского земельного участка как хозяйственной единицы является и в других местностях Литовско-Русского государства, где господствовали однодворные и мелкодворные поселения. С селищами в таком значении мы встречаемся по актам в княжестве Мстиславском и в поветах – Брянском, Мценском, Любутском и Кричевском, которые были частями Смоленской земли. Изредка встречаем «селище»

в значении отдельного крестьянского участка и в актах, относящихся к землям Киевской и Витебской. В частях бывшей Берестейской земли в обширном обозначении, т. е. в поветах Берестейском, Каменецком, Кобринском (княжестве), Бельском, Мельницком и Дорогицком для обозначения крестьянских участков было в ходу слово «жребий». Эти «жеребьи» были такого ж происхождения, как и указанные выше крестьянские участки, т. е. даны были естественным развитием семейно-родовой крестьянской кооперации и совладения. Впрочем, деление на жеребьи в рассматриваемое время здесь все более и более вытеснялось делением искусственным на *волоки,* участки определенной геометрической меры. Это деление вводилось при отводе пустых земель для заселения и разработки на сыром корню, или же земель запустевших. Необходимо, впрочем, иметь в виду, что вышеизложенная терминология не всегда выдерживается строго по районам, термин «земля» прилагается и к крестьянским участкам других областей, кроме Литвы и Белоруссии, термин «дворище» можно встретить в актах, касающихся, например, Киевщины и т. д.

Среди крестьянских участков, находившихся в потомственном владении и пользовании крестьян-отчичей, находились земли и угодья, которые считались достоянием и находились в пользовании целого села, состоящего из нескольких крестьянских «служб», и даже волости. В литературе долгое время держалось мнение, что эти общинные земли и угодья были остатками глубокой древности, когда господствовало общинное землевладение и землепользование. Новейшие исследования в этой области показывают, что для объяснения происхождения этих общих земель и угодий нет надобности восходить к этой глубокой старине, которая к тому же является неизвестным иксом. Общие земли и угодья образовывались на памяти истории, появлялись как результаты экономической и тяглово-податной истории села или волости. Ход дела схематически можно представить таким образом. Поселившись в известном месте и образовав село, крестьянские семьи принимались за разработку лежащих вокруг земель и угодий. Земля, распаханная той или другою семьею или родом, расчищенный и скошенный ею луг, заклейменные бортные деревья, пройденные «ухожаи» становились достоянием этой семьи или рода, входили в состав ее дворища или жеребья (последнее название указывает на то, что при первоначальной заимке мог иметь место выбор участков по жребию). Каждый крестьянский участок свободно расширялся заимкою новых земель и угодий, и с увеличением населения села расширялся и район его хозяйственной деятельности, пока не доходил до пределов, куда ходила соха и топор соседнего села, или до таких мест, которые недоступны были для культуры. Так определялась граница села, т. е. всех земельных участков, принадлежавших отдельным крестьянским семьям или родам, пущ и степных пространств, куда они имели свои «входы». В этой границе могли находиться и пустопорожние земли, и угодья, обойденные почему-нибудь при первоначальной заимке. С определением пространственных границ для экономической деятельности села рано или поздно должно было устанавливаться и общинное вла-

дение теми землями и угодьями, которые еще не были освоены отдельными дворами. Односельчане не могли теперь допускать, чтобы кто-нибудь один из их среды захватывал эти земли и угодья и тем лишал возможности пользоваться ими остальных. Так как не всегда границы хозяйственной деятельности соседних сел смыкались, иногда терялись в каком-нибудь смежном лесу или степи, то могло таким же образом с течением времени устанавливаться общее владение землями и угодьями соседних сел, а иногда даже и целой волости, если, например, целая волость ходила в пущу на промыслы бортные, звериные, на сенокос и т. п. Здесь в миниатюре совершался тот же самый процесс обобществления земель при установлении границ для заимок и хозяйственной деятельности, который en grand совершался в образовавшихся государствах и приводил к обращению всех не занятых частными землевладельцами земель в государственную собственность.

Владея и пользуясь своими участками потомственно, великокняжеские крестьяне продавали и закладывали свои земли другим крестьянам и даже лицам других сословий. Но все эти сделки не имели самостоятельного юридического характера, практиковались в силу допущения высшей власти, которая по временам вмешивалась в эти сделки и аннулировала их, если они состоялись без ее разрешения. В 1501 г. король Александр, пожаловав на вечность городничему виленскому Занку человека Тешила Пуполевича с братьею и землею, написал в жалованной грамоте: «Теж, што будет тот Тешило и з братьею земли свои попродали або заставили кому в пенязех, а любо кому отдали, и мы и тыи их земли дали Занку вечно, зань же людем нашим нельзе земель продавати ани запродавати без нашого призволенья». Король Сигизмунд в своих привилеях неоднократно выражал: «Неволно в людей наших земль без дозволенья нашого никому купити». Рельефным выражением доменияльного права великого князя на земли своих крестьян является пожалование этих земель под крестьянами, даже вольными, военнослужилым людям или духовенству, причем крестьянам предоставлялось на волю или служить новым владельцам, или уходить с земли прочь, хотя бы эта земля была давнишняя, исконная принадлежность крестьянского рода. Фактически в некоторых областях Литовско-Русского государства, особенно там, где среди великокняжеских крестьян преобладали данники, крестьянские земли довольно свободно переходили из рук в руки.

Описанный земельный строй господарского крестьянства просуществовал до аграрной реформы, произведенной во второй половине XVI в. и известной под именем «волочной померы и уставы». Новый земельный строй, прежде чем получил значение общей реформы, вводился по частям в некоторых местностях уже и в рассматриваемое время. Волочная система, как уже сказано, вводилась постепенно, исподволь, на Подляшье на сыром корню или на пустовщинах как господарскими урядниками, так и частными владельцами, вытесняя старое деление на жеребьи. Чаще всего волоки вымерялись для осады мест; но и новоустраивавшиеся села также осаживались на волоках. При Сигизмунде I волочное измерение стало распространяться уже и на заселенные

земли Подляшья, а в самом начале великокняжения Сигизмунда Августа перекинулось в соседнюю Черную Русь и на Литву, например в Волковысский повет, во дворы тиунства Виленского и т. д. В конце концов, как увидим, вся Литва, Жмудь и Белоруссия получили новое земельное устройство, и только Украина удержала исконный древнерусский поземельный строй как результат заимочного пользования и освоения.

Литература

Кроме трудов, указанных в предшествующем очерке, для изучения вопроса могут служить: *Леонтович Ф. И.* Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве // Журн. М-ва нар. просвещения. 1896. № 2–4, 7, 10, 12; 1897. № 4–5; *Довнар-Запольский М. В.* Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI в. Киев, 1905; *Любавский М. К.* Рецензия на книгу Довнар-Запольского «Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI в.» // Отчет о третьем присуждении премии П. Н. Батюшкова, изданный Академией наук. СПб., 1907; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Формы крестьянского землевладения в Литовско-Русском государстве XVI в. // Киевский сборник в помощь пострадавшим от неурожая. Киев, 1892; *Ефименко А.* Дворищное землевладение в Южной Руси // Русская мысль. 1892. № 4; *То же* // Южная Русь. СПб., 1905. Т. 1; *Лучицкий И. В.* Сябры и сябринное землевладение в Малороссии // Северный вестник. 1889. № 1; Займанщина и формы заимочного владения в Малороссии // Юридический вестник. 1890. Т. 1; *Грушевский М. С.* Барское староство // Архив Юго-Западной России. Киев, 1893. Ч. 8, т. 1–2; *Он же.* Історія України – Руси. Львів, 1905. Т. 5; *Jabłonowski A.* Siabrowstwo, jako jedna z form rodowego posiadania ziemi w krainach litewsko-ruskich Rzeczypospolitej. Pisma. Warszawa, 1910. T. 1.

XVIII. «НЕПОХОЖИЕ» И «ПОХОЖИЕ» КРЕСТЬЯНЕ И ВОЛЬНЫЕ СЛУГИ В ГОСПОДАРСКИХ ИМЕНИЯХ ПРИ КАЗИМИРЕ И ЕГО СЫНОВЬЯХ

Старожильство как юридическое основание «непохожего» состояния и его происхождение и признаки. Обязательственный характер прикрепления крестьян-отчичей; случаи ухода их на сторону и превращения в вольных «похожих» людей. Вольные «похожие» люди на самостоятельном тягле или оброке; «жалобники» или «слободичи»; потужники и дольники крестьян-господарей. Элементы, из которых составлялось «похожее» крестьянство. Слуги и их главная повинность; происхождение этого класса. Слуги путные, панцирные, доспешные, щитные, конные; ордынцы. Личная вольность как главное отличие этого состояния от «простых» людей. Бояре-крестьяне.

Тяглое крестьянство, жившее в господарских имениях, разделялось на «непохожих» невольных и «похожих» вольных людей. Все крестьяне-отчичи, жившие целыми поколениями на своих земельных участках, de jure считались *«непохожими»,* не имевшими права покидать свои земли и свои службы господарю великому князю. Тот самый принцип старожильства, который крепил крестьян к тяглу и владельцу в Северо-Восточной Руси, действовал в той же мере, если не в большей, и в Литовско-Русском государстве, где «старина» во-

обще была юридическою опорою и социальных, и политических отношений. В отношении к положению крестьян принцип старожильства стал определяющим, главным образом, благодаря условиям тогдашнего господарского и вообще крупного хозяйства. При малочисленности рабочего населения сравнительно с величиною территории, при натуральном характере крестьянских «служб» господарское, как и всякое другое крупное хозяйство, могло держаться только на невольном труде. Одной челяди дворной было недостаточно для надлежащего обеспечения господарского хозяйства рабочею силою и доходами. Поэтому литовско-русские господари, как и все другие землевладельцы, стали держаться правила, что крестьяне, прочно осевшие в их имениях, – люди *«заседелые», «старожильцы»* – не могут покидать своих земель, бросать свою «службу» господарю или владельцу. Известный привилей 1447 г., устанавливавший, что господарь и его урядники не будут принимать в великокняжеские села из имений князей, панов, рыцарства-шляхты и мещан людей «данных, извечных, селянитых, невольных», и требовавший того же от землевладельцев в отношении господарских крестьян, не вводил никакой новости, а только подтверждал, санкционировал уже сложившиеся отношения. Старожильство господарских крестьян было основанием для сыска их как беглых и возвращения на свои отчины. Например, в 1533 г. пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду как державце бобруйскому дан был такой приказ: «Которыя земли пустовския лежат впусте, а их никто не держит, на таковых повинни будете ваша милость, отчичов отыскавши, и посадити». Признаком старожильства крестьян было отчинное, наследственное владение тем или другим участком: землею, дворищем, селищем, жеребьем или его долею. Кроме того, старожильство устанавливалось и десятилетнею *земскою давностью* владения крестьянским участком, без особых гарантий свободного выхода.

Вызванное потребностями господарского хозяйства прикрепление крестьян-отчичей носило при всем том обязательственный характер, не было в жизни безусловным. Крестьянин-отчич мог освободиться от своей неволи, сдав или продав свою отчину прихожему крестьянину. Такая сдача и продажа господарскими крестьянами своих отчин практиковалась в широких размерах. Продавшие или сдавшие свои отчины (подразумевается: с разрешения господаря или его уряда) крестьяне уже не подлежали возвращению на эти отчины, с которых полнилась служба новыми владельцами. На это указывает, например, такой случай. Тиун господарский Черсвятской волости в 1522 г. предъявил требование к одному полоцкому боярину, чтобы он выдал человека своего Климяту на том основании, что человек этот господарский, из Лодостна. Но Климята объяснил, что хотя он и из Лодостна, но отец его еще при жизни своей продал свою отчину старцу лодостненскому Тетере. На основании этого показания воевода полоцкий оставил Климяту за его владельцем. Обязательственным характером прикрепления объясняется и широко практиковавшийся отход членов крестьянской семьи на сторону. Крестьянские отчины в некоторых случаях оказывались недостаточными для всех наличных членов

крестьянской земли. Поэтому часть их уходила на сторону, порывала всякую связь с отчиною и не подвергалась возвращению, раз с отчины и без того исправно полнилась служба. Таким образом, например, в 1514 г. Сигизмунд I разрешил своему дворянину Косте Пищикову принять на пожалованную ему землю двух господарских крестьян, которые «отошедши от братьи своея колко лет ходили по людем по наймом», между тем как там, «где они перед тым жили, четыре брата их живут и службу супольно служать». Разъяснение мотива, которым король руководился в своем дозволении, указывает на то, что здесь мы имеем дело не с простым разрешением принять господарских крестьян-отчичей, а с признанием того, что эти отчичи перестали быть в сущности отчичами, стали вольными «похожими» людьми, не связанными более обязательною «службою» своему господарю.

Обязательственный характер прикрепления господарских крестьян сказывается и в отношении литовско-русского правительства к уходу крестьян без заместительства на их отчинах. Крестьяне-отчичи нередко покидали свои дома и земли вследствие бедности и невозможности служить службу господарю. Они расходились «в покормы», поступали в наймы или «запродавались в пенязях», т. е. становились закупами, наконец, присаживались к зажиточным крестьянам в потужники, в дольники и подсуседки. Великокняжеская администрация не возвращала таких разорявшихся крестьян на их отчины, где от них не могло уже быть пользы. Таких крестьян надо было ставить на ноги, поднимать экономически. Но такая задача была не по плечу великокняжеской администрации, и потому правительство предпочитало терпеть уходы разорившихся крестьян в надежде, что они сами поправятся на стороне, воротятся на свои отчины или сядут на другой господарской земле. Господарь мог бы распоряжаться такими ослабевшими крестьянами и другим образом, например, продавать их или жаловать без земли другим владельцам. Но продажа господарских крестьян без земли совершенно не практиковалась, а пожалование без земли бывало очень редко. Нам известна только одна запись такого пожалования, состоявшаяся при Казимире в 1447 г.: «Билятовичам Твирмунтову землю, а самого Твирмунта пану Кезкгайлу». Обычно крестьяне жаловались частным владельцам с землями и угодьями, с обязательством нести с них новому пану ту же службу, какую несли и самому господарю великому князю или какую другую по его усмотрению. Крестьянин-отчич крепко срастался со своей землею, с которой он служил свою службу, и мыслился вместе с нею как живая служба, а не отдельно от нее. Сами крестьяне обычно тяготели к своим отчинам, к своим родовым гнездам и неохотно расставались с ними. В источниках сохранились многочисленные следы борьбы их с нуждою, стремления удержаться так или иначе на своих отчинах. Самый отход крестьянина на сторону иногда имел целью простой заработок, поправление материальных ресурсов для продолжения хозяйства и службы господарю на своей отчине. Для поправления своего материального положения крестьяне прибегали также к долгам у зажиточных соседей, которые они погашали либо работою, либо

прибытками своего хозяйства, либо отдачею в пользование арендатору своих земель и угодий, либо, наконец, продажею части своей отчины. Но все это сплошь и рядом еще более обессиливало крестьянина, который и бросал тогда свою отчину, становясь «похожим» человеком, на которого господарской администрации приходилось только махнуть рукой.

Как бы то ни было, но крестьяне-отчичи de jure были людьми «непохожими», и господарь великий князь в известных случаях, когда представлялась возможность, осуществлял это право в жизни, выводил крестьян-отчичей, зашедших за других владельцев или даже в другие господарские волости, и водворял их на места прежнего жительства. Но наряду с отчичами «непохожими» в господарских имениях проживало немало крестьян вольных – «похожих». Эти вольные крестьяне устраивались в господарских имениях разным образом. Часть их оседала на пустовщинах, покинутых отчичами, либо на той самой службе, которая шла прежде с этого участка, либо на оброке, арендной плате. Эти крестьяне, если они не засидели земской давности или если особым договором гарантировали себе право выхода, оставались людьми вольными, которые могли уйти в другое место. Ограничение существовало для так называемых «жалобников» и «слободичей», которые садились «на воле», «на жалобе» или «на свободе», т. е. с условием в течение известного количества лет не платить всех или части податей и не нести повинностей (в большинстве случаев это были вольные прихожие люди, которые садились не на пустовщинах, а на сыром корню, новозаселяли имение). Такие прихожие крестьяне должны были отсидеть не только волю, но и таковое же число лет уже без воли, и в случае самовольного ухода подлежали возвращению «не мней, яко и отчичи» (Статут 1529 г., раздел VIII, арт. 20). Вольные и «похожие» люди, не сидевшие на воле, не были привязаны к своей земле и могли всегда покинуть ее. Когда великому князю приходилось жаловать князю, пану или боярину в составе того или другого имения земли, на которых сидели вольные «похожие» люди, он постоянно оговаривал в своих привилеях, что люди вольные, сидящие в том имении, вольны: всхотят ему служить, служат, а не всхотят ему служить, и он имеет отпустить их добровольно «со всими их статкы». Другая часть вольных «похожих» людей устраивалась в господарских имениях не самостоятельными хозяйствами, а в потужниках, в дольниках, половинниках, третчиках у крестьян-отчичей. Эти крестьяне имели дело не с господарскою администрацией непосредственно, а с крестьянами-«господарями», с которыми они и заключали свои ряды и уговоры.

Откуда набирались вольные «похожие» люди? Прежде всего, несомненно, что часть их наследственно пребывала в этом звании. Вольные «похожие» люди, чтобы не подпасть действию земской давности и не сделаться людьми «заседелыми», брали особые удостоверения или записи своего вольного состояния, которое переходило таким образом и на их детей. Часть набиралась из вольноотпускной челяди и отчичей, получавших формальное разрешение «уходить прочь, куда кто хочет». Но значительная часть набиралась из отчи-

чей и без этого прямого разрешения. Таковы были прежде всего те крестьяне, которые сдавали или продавали свои отчины другим, а сами шли кормиться на сторону. Сюда присоединялись также и те крестьяне-отчичи, которые по бедности бросали свои отчины и долгое время «волочились» по людям в наймитах и закупах. Давность делала их свободными в глазах правительства. Поэтому, жалуя их пустовщины какому-нибудь боярину, господарь сплошь и рядом оговаривал: «А придут ли отчичи тое земли, а всхотят ли ему служыть по своей доброй воли, и они нехай служать, а не всхотят ли ему служыти, и они мают поити, куда хотячы». Наконец, в разряд вольных «похожих» людей попадали и те крестьяне-отчичи, которых выпускали от себя на сторону крестьянские семьи-товарищества как лишних членов, ненужных для выполнения службы господарю. В состав вольных «похожих» людей попадали приходни из-за рубежа, тверичи, москва и пребывали в этом состоянии до тех пор, пока не становились людьми «заседелыми», старожильцами или отчичами. Вольные «похожие» люди набирались также и из мещан, которые покидали свои усадьбы и земли в городе и шли на покорм в села. И наконец, контингент вольных «похожих» людей пополнялся из класса так называемых слуг, которые по природному состоянию своему в рассматриваемое время были еще вольными людьми.

Люди служебные, *слуги* разных наименований составляли вторую многочисленную категорию населения господарских имений наряду с тяглым крестьянством. По своему экономическому положению слуги близко стояли к тяглому крестьянству. Так же, как и тяглые крестьяне, слуги были маленькими землевладельцами, а сплошь и рядом и земледельцами, и промышленниками, сидевшими целыми гнездами на своих «отчинах». Но они отличались от крестьян своей специальною службою. Главною их повинностью была военная служба и разъезды по поручениям великокняжеской администрации в мирное время. Все другие повинности, которые они отправляли вместе с тяглыми крестьянами, были только побочными, добавочными к главной повинности.

Первоначальное ядро этого класса составили младшие дружинники, те самые гриди и отроки, которые были у князей Киевской Руси и которые под именем слуг постоянно фигурируют рядом с боярами в договорных грамотах удельных князей Северо-Восточной Руси. Так же, как и старшие дружинники-бояре, слуги с течением времени сели на землю за невозможностью князей содержать их на всем готовом. Потребности военные и административные заставляли литовско-русского господаря пополнять этот основной контингент слуг различными элементами из тяглого крестьянства. Вот характерный в этом отношении пример. В 1514 г. некто Лаврин Станкевич, слуга из Киевской земли, бил челом господарю, прося вызволить его отца и братьев от тяглой службы. Он мотивировал свою просьбу тем, что его отец и братья – люди «достаточные» и могут «гораздо службу земскую заступовати». Господарь исполнил просьбу: освободил крестьянина Станка и его двух сыновей от трех тяглых служб, которые они служили, от дякла и других «дачек», которые они

платили господарю и его урядникам, и велел им «службу земскую заступовати у трех зброях». Они должны были иметь коней добрых, и зброи, и брони «так достаточне», как предписано было боярам-шляхте. Слуги или служки, не ездившие на войну и служившие только по поручениям администрации, набирались иногда не только не из достаточных, а наоборот – из «привбожалых», «зубожалых» людей, которые не в состоянии были полнить своей тяглой службы.

Слуг было несколько разрядов. Наиболее многочисленный из них составляли *слуги путные* (по лат. servitores expeditionarii), названные так оттого, что специальною повинностью их был «путь» или «листовная служба». Они ездили по разнообразным поручениям местной великокняжеской администрации с «листами», с деньгами в Вильно и другие города, куда было нужно. Но когда начиналась война, они выступали в поход под командою местного державцы или наместника. Некоторые из них по отдельным местностям несли и другие повинности, давали дякло, дань медовую и грошовую, коней, бобровщину и разные другие «подачки» господарю и местной администрации. Наиболее распространенною повинностью путных слуг было кошение сена на господаря. Слуги путные в Полоцкой земле назывались *сельскими путниками.* В Киевской земле, на Волыни и Полесье к этому же разряду слуг относились *слуги посельские*. Путные слуги иногда только по традиции назывались путными, ибо не несли путной собственно службы, а только военную, *панцирную.* Такие слуги назывались иногда *путными боярами.* В Смоленской и Витебской земле слуги, несшие панцирную службу, так и назывались панцирными слугами или даже *панцирными боярами.* Панцирная служба считалась тяжелее обыкновенной военной, и потому панцирные слуги обыкновенно не несли уже никаких других повинностей, кроме панцирной службы, которую они отправляли «поспол з бояры». Впрочем, бывали и тут исключения, и панцирные слуги несли и разные другие повинности. Кроме панцирных слуг в Смоленской земле были еще слуги *доспешные, щитные* и *конные.* Это были все разновидности одного и того же разряда слуг, несших военную службу. Слуги конные являются по актам и в других областях Литовско-Русского государства, в том числе и в собственно Литве. Все они сверх своих специальных служб несли и другие повинности: давали дани деньгами, лошадьми, медом, косили сено, ходили на толоку, сыпали ставы. Слуги Киевской земли, провожавшие послов в Орду, назывались *ордынцами.*

Выходя сплошь и рядом из тяглого крестьянства, неся заодно с ним разные повинности, слуги рассматривались как крестьяне и вместе с крестьянами назывались «людьми» (например, люди служебные, люди путные и т. п.). Но при всем том в рассматриваемое время они не приравнивались вполне к тяглым крестьянам, не почитались за людей «простых» и «невольных», хотя бы и были отчичами, людьми «заседелыми» (во второй половине XVI в. положение их в этом отношении уже изменилось). В силу этого в 1511 г. королю Сигизмунду били челом «люди служебные» Городенского повета Сенька Климович и Мицута Иванович, жалуясь на то, что король отдал их дворянину Сеньку Тверитину «за простых людей», не ведая того, что они люди служеб-

ные и живут большею частью при господарском дворе. Король уважил их жалобу и вернул их снова к Городно. В составе того или другого господарского села и волости слуги нередко жаловались господарем разным лицам наряду с тяглыми крестьянами. Но жаловались, собственно, не они лично, а их земли. Поэтому, пожаловав в 1511 г. князю Михаилу Ивановичу мстиславскому двор Молодечно в вотчину, король Сигизмунд счел нужным оговорить: «Которые люди путные и иные люди *вольные* там в Молодечне, тые и теперь вольны: всхотят ли ему служити, и они мают ему служити, а не всхотят ему служити, ино им поити добровольно, где хотячи, землю оставивши». В одном судебном «выроке» по поводу путных слуг господарь и паны-рада в опровержение притязания на этих слуг в силу господарского пожалованья разъясняли: «То не слушная речь (не подходящая вещь), абы слуги путные мяли кому в неволю даны быти». Но с течением времени старожильство как принцип прикрепления стало действовать и в отношении слуг, которые стали такими же невольными людьми, как и тяглые отчичи (см., например, Статут 1588 г., раздел XII, арт. 12–13).

Потребности государственной обороны заставляли литовско-русского господаря привлекать к военной службе зажиточных крестьян, снимая с них решительно все тяглые повинности. Примеры такой вербовки идут со времен Витовта. Витовт вызволил, например, предков городищских земян на Подляшье Сабней и Головенек от тяглой службы, от «порубов» (раскладки крестьянских повинностей) и дякла и предоставил им «одним конем на войну ходить, как и иншии бояре ходят». Великий князь Сигизмунд Кейстутович во время похода своего к Брянску вызволил с тяглой службы предка некоего Яна Ганцевича и велел ему «боярскою службою служить». Переход с тяглых и других служб совершался иногда по инициативе самих крестьян. Так, в 1541 г. сокольник Сташко Тузикович просил вызволить его от службы сокольницкой и дать ему земли, которыми он владеет, «на службу боярскую земскую». Король исполнил его просьбу: обязал служить его тою же службою, как и иные бояре, и освободил от всех других служб и дачек. Все эти лица, служившие вместе с боярами, и слыли обыкновенно за бояр, хотя и не приравнивались к благородным боярам, шляхте. Поэтому, например, когда вышеупомянутый Ян Ганцевич захотел получить с прибившего его лица шляхетское бесчестье, т. е. 12 рублей грошей, Сигизмунд отказал ему на том основании, что хотя великий князь Сигизмунд и велел его предку служить боярскою службою, но шляхетства ему не дал. Король присудил ему бесчестья только рубль грошей, «как которому путному слуге». Из этого видно, что многие бояре носили только имя бояр, не отличаясь по своим правам от слуг.

Литература

Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута. М., 1892; *Он же.* Литовско-русский сейм. М., 1900; *Леонтович Ф. И.* Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве // Журн. М-ва нар. просвещения. 1897. № 4–5; *Он же.* Бояре и служилые люди в Литовско-Русском государстве // Журн. М-ва нар. просвещения. 1907. № 5–6; *Грушевський М. С.* Історія України – Руси. Львів, 1905. Т. 5.

XIX. МЕЩАНЕ И ЕВРЕИ В ГОСПОДАРСКИХ ИМЕНИЯХ ДО половины XVI в.

«Места» как торгово-промышленные городские и сельские поселения. Разнообразие занятий, повинностей и юридического положения мещан. Привилегированное положение евреев; грамоты Витовта. Их распространение по литовско-русским городам в XV в.; временное изгнание в конце XV и начале XVI в. Еврейское засилье и его причины; кредитные операции евреев и откупа.

Кроме сел и селец, населенных тяглыми и служебными людьми, в господарских имениях существовали еще *места* с жившими в них *мещанами*. Так назывались в Литве и Западной Руси селения, соответствовавшие московским посадам, в которых происходили торги и ярмарки, находились гостиные дворы и лавки, винные, пивные и медовые корчмы и разные другие торговые и промышленные заведения. Такие места-посады располагались либо вокруг военных пунктов – замков или острогов, либо вокруг центральных господских дворов, бывших административными средоточиями, либо отдельно в качестве особых поселков. Некоторые из этих мест были крупными торгово-промышленными селениями, обыватели которых жили исключительно или преимущественно торговлею и ремеслами. Таковы были старые городские поселения Литвы и Западной Руси, каковы были: Вильно, Троки, Ковно, Берестье, Новгородок, Минск, Полоцк, Витебск, Смоленск, Киев, Луцк, Владимир и Кременец. Другие в сущности были только торговыми селами, жители которых занимались торговлею и ремеслами только в придачу к земледелию. Мещане таких мест, кроме усадебных участков и домов в месте («садиб»), имели еще поблизости земли пахотные, бортные, сенные покосы и другие угодья, на которых они устраивали свои хутора-фольварки.

Сообразно с этим были неодинаковы и повинности, и юридическое положение господарских мещан. Мещане крупных торговых городов платили обыкновенно общий «плат» со всего места за освобождение от всяких тяглых повинностей и за предоставление им самоуправления по магдебургскому праву (это самоуправление стало жаловаться им с конца XIV в.). Кроме того, они платили налог и за усадебные места, называвшийся по разным местам разными именами: *подымщина, поворотщина, верховщина* (во Владимире), *прутовое* (от меры «прут», польск. pręt), и промысловые налоги: *торговые пенязи* с лавок, клеток и «яток» (хлебных закромов), *куничное* с домов, где пиво и мед варят и продают; *корчемные пенязи,* или *капщину,* с домов, где пивом и медом и вином горелым шинкуют, и т. д. Мещане незначительных мест, пахавшие земли и разрабатывавшие угодья, кроме промысловых местских налогов платили со своих земель те же разнообразные «дачки» и несли те же «тягли», что и крестьяне, т. е. платили *дань* (например, в поднепрских и задвинских волостях), *дякло, чинш* (плат с волок деньгами и натурою – овсом, курами и яйцами), *серебщину* и *ордынщину* (в поднепрских волостях), давали *стации* и *подводы* проезжающему господарю, его послам, гонцам и урядникам, ходили

на толоки и *на гвалты* вместе с господарскими крестьянами и т. д. Система обложения всеми этими податями и повинностями находилась в полном соответствии с обложением крестьян, ибо и мещанское землевладение представляло полное сходство с крестьянским. Мещанские «земли» представляли такие же исторически сложившиеся комплексы пашен и угодий, как и крестьянские, самого разнообразного размера и состава. Только в западных частях государства вошло в практику при пожаловании местам магдебургского права размерять мещанские земли на волоки, и это не только на Подляшье, но и на Волыни, Полесье и в собственно Литве. В отношении «волочной померы» мещанское землевладение шло и впереди крестьянского и влекло его, так сказать, за собою.

Мы видели, что значительная часть крестьянства в господарских имениях кроме податей и барщинных повинностей несла военную службу. На войну ходили не только слуги разных наименований, но и некоторые ремесленные люди, как, например, ковали, дойлиды, клепачи и т. п. Точно так же и мещане обложены были военною повинностью. Они выполняли эту повинность «водле уставы», т. е. выставляли столько ратников со всего места, сколько определено было для него по поставлению господаря и панов-рады на каждый данный случай. Независимо от сего отдельные мещане, приобретавшие земские имения у бояр-шляхты или земли слуг, несли военную службу по этим своим приобретениям.

В соответствии с экономическим положением и повинностями разнообразилось и юридическое положение мещан. В то время как мещане таких, например, городов, как Полоцк, Витебск, в силу местных земских привилеев не могли быть отдаваемы господарем в частное подданство, не могли быть выводимы из своих мест, сами имея право вольного выхода из них, мещане незначительных мест и местечек сплошь и рядом жаловались в составе великокняжеских имений частным лицам наряду с крестьянами, по своим владениям были такими же отчичами-«непохожими», как и крестьяне. В то самое время как мещане крупных мест обособились от крестьян по управлению и повинностям, особенно в местах, получивших магдебургское право, мещане незначительных мест и местечек на литовском и русском праве едва отделялись от крестьян, с которыми они сообща несли разные повинности и вместе подлежали суду и управе одних и тех же должностных лиц и т. д.

Совершенно особое и исключительное положение занимали в господарских местах *евреи,* расселившиеся в них из Польши. Положение это определено было грамотами Витовта, которые подтверждались затем его преемниками на великом княжении. В общем, евреям даны были не только личные и имущественные обеспечения, но и значительные преимущества перед мещанами-туземцами. За убийство еврея грамоты полагали смертную казнь и конфискацию имущества; за нанесение ран и побоев еврею – штраф в пользу великого князя и вознаграждение потерпевшему в том же размере, в каком полагалось

шляхтичу. Никто не имел права принуждать евреев к уплате долга или вообще к ответу в еврейские праздничные дни. Строгое наказание полагалось за нарушение еврейского богослужения, а также за нападение или разрушение еврейских кладбищ. Так как евреи хоронили своих покойников только в определенных городах, где были их кладбища, грамоты, предусматривая перевоз мертвых еврейских тел, запрещали чинить евреям на таможенных заставах препятствия и брать что-либо с перевозимых ими мертвых тел. Запрещалось, согласно папским декретам, обвинять евреев в употреблении христианской крови. Самые широкие права предоставлены были евреям по части ссудных операций. Еврей мог принимать в заклад всякую вещь, за исключением церковных вещей и одежд мокрых и окровавленных, мог принимать во всякое время, за исключением лошадей, заклад которых должен происходить непременно днем. Он не обязан был наводить справки о принадлежности залогодателю вещи, которая представлялась в заклад. В случае, если бы открылось, что заложенная вещь украдена или пограблена, еврею достаточно было присягнуть в том, что он не знал этого, а также в том, какая сумма выдана под заклад этой вещи, и хозяин найденной вещи должен был внести ему эту сумму и половину наросших процентов. Соблюдения каких-либо формальностей при приеме в заклад, вроде, например, занесения стоимости заклада в книгу и выдачи соответственной расписки в принятии, не требовалось. В случае, если еврей отрекался от принятия заклада, дело решалось присягою. Просроченный заклад еврей мог обратить в свою пользу после заявления перед урядом о просрочке. Евреи получили право брать в залог и недвижимые имущества с правом входа во владение ими в случае просрочки платежа впредь до выкупа. Что касается права торговли, то грамоты трокским и брестским евреям предоставляют им свободную торговлю всеми предметами наравне с христианами с обязанностью уплачивать с товаров пошлины наравне с другими жителями Великого княжества Литовского. Грамота гродненским евреям предоставляла им право торговать в лавках и по улицам наравне с мещанами-христианами, заниматься ремеслами и даже земледелием, уплачивая в великокняжеский скарб те же подати, что и другие мещане, варить и продавать пиво, мед и горелое вино под условием платежа «капщины» и т. д. Все свои внутренние дела евреям предоставлено было решать самим, между прочим разбирать гражданские тяжбы. Только по делам уголовным и искам христиан евреи должны были судиться господарскими урядниками.

Пользуясь защитою и покровительством власти, евреи стали распространяться и по другим городам Литовско-Русского государства. Их распространение и засилье вызвало в конце XV в. реакцию. В 1495 г. великий князь Александр приказал «жидову з земли вон выбити». Изгнание коснулось всех еврейских общин Литовско-Русского государства: Берестье, Городно, Троки, Луцк, Владимир и Киев были очищены от евреев. Вся поземельная собственность, какая к тому времени накопилась в руках евреев, была конфискована. Ссуды,

данные евреям под залог недвижимости, велено было должникам вносить в скарб; ссуды же, данные под залог движимости, погашались. Евреи могли избавиться от постигшей их беды только принятием христианства. Мотив изгнания был религиозный, но вырос он несомненно на экономической почве. Недолго, однако, продолжалось это изгнание. В 1503 г. Александр, «помысливши с паны-радами», принял опять евреев в свое государство и дозволил им проживать там, где они и раньше жили. Им возвращались дома, лавки, огороды, поля и луга и прочее – все, чем они владели до изгнания. Евреи должны были только заплатить владельцам их имуществ то «челобитье», которое было уплачено этими последними при пожаловании им конфискованных еврейских недвижимостей, а равно и всякие издержки по устройству и улучшению этих недвижимостей. Если эти имущества новыми владельцами были проданы или заложены, евреи должны были выкупить их. Им предоставлено было взыскивать долги со всех своих должников по всем долговым обязательствам, взятым еще до изгнания. Все литовские евреи обязались сообща выставлять на войну 1000 всадников. Но скоро эта повинность была снята с них, и они обязаны были заодно с мещанами тех городов, где жили, платить обыкновенные и чрезвычайные подати и нести вообще все повинности. В XVI в. евреи заполонили чуть не все города Великого княжества Литовского. Общины их, или «жидовские зборы», кроме упоминавшихся уже городов видим в Новгородке, Слониме, Мстибогове, Клецке, Пинске, Кобрине, в Полоцке, Витебске, Остроге, Турце и т. д. Распространение евреев и их экономическое засилье вызвало уже в половине XVI в. сильное раздражение в литовско-русском обществе. «В эту страну, – писал Михалон Литвин, – собрался отовсюду самый дурной из всех народов – иудейский... народ вероломный, хитрый, вредный. Он портит наши товары, подделывает деньги, печати, на всех рынках отнимает у христиан средства к жизни, не знает другого искусства, кроме обмана и клеветы». Еще резче писал об евреях современный поэт Кленович в поэме «Roxolania»: «Ты спросишь, что делает жид в этом главном городе? А то же, что делает волк, попавший в полную овчарню. Посредством долгов к нему попадают в заклад целые города; он утесняет их процентами и сеет нищету. Червь медленно точит дерево и понемногу съедает дуб. От моли погибают ткани, от ржавчины портится железо. Так жид-тунеядец съедает частное имущество, истощает общественные богатства». «Даже казна государственная не безопасна от его изворотов». Приведенные отзывы не были единичными голосами. Против евреев выражала свое неудовольствие шляхта на великих вальных сеймах. Так, на сейме 1551 г. шляхта жаловалась на то, что евреи захватили в свои руки купли немалые и откупа мыт и корчем.

Чем же объяснить это преуспеяние еврейства в Литовско-Русском государстве? Да теми же самыми исконными свойствами еврейского племени, коими и теперь обусловливается его преобладание на рынке, бирже и в промышленности, – необыкновенною подвижностью и изворотливостью, энергией и уме-

нием собирать капиталы и пускать их в оборот. Туземное литовско-русское мещанство не отличалось этими качествами. Мы видели, что значительная часть его занималась торговлею и ремеслами не исключительно, а только в придачу к земледелию. Недостаточно специализировались в торговле и индустрии и богатые мещане Вильно, Ковно, Полоцка, Витебска и Киева, приобретавшие земские имения, имевшие крестьян и служившие с них военную службу наравне с боярами. Будучи либо земледельцами, либо землевладельцами, крепко привязанные к месту своего жительства, литовско-русские мещане не вырабатывали в себе той подвижности и предприимчивости, какими отличались евреи, а наоборот, отличались всеми теми чертами, которые свойственны земледельческим классам, – известною неподвижностью, косностью. Они не прочь были торговать и промышлять, но непременно дома, не отрываясь от земли, от домашнего хозяйства, не так, как евреи, стремившиеся поспевать всюду, где была надежда на прибыль. Литовско-русские мещане ждали обыкновенно к себе покупателя и заказчика, а евреи искали и находили их. Но особое преимущество евреев перед туземным мещанством состояло в необыкновенном умении их собирать капитал и пускать его в оборот, ссужать нуждающихся в деньгах. Этим своим умением евреи и снискали себе покровительство как у господаря, так и у правящей аристократии.

Литовско-русский господарь рано научился ценить евреев как откупщиков корчем и мыта. Уже у великого князя Витовта были такие откупщики из евреев. Когда Великое княжество Литовское превратилось в огромное государство, а политическая и придворная жизнь пошла на широкую ногу, литовско-русский господарь вынужден был нередко жить в счет будущих поступлений, прибегать, подобно частным лицам, к кредиту. Этот кредит и оказывали ему евреи. Взимая у них деньги, великий князь предоставлял им выбирать эти деньги с разных доходных статей. Чаще великие князья сдавали евреям на откупы или «в аренду», как говорилось тогда, мыта и корчмы. Туземные мещане неохотно брались за эти хлопотливые и рискованные предприятия. Еще местные корчмы, доходность которых им была известна, они брали в аренду, ибо это не отрывало их от домов. Но если предлагалось взять корчму в аренду где-нибудь на стороне, на большой торговой дороге – «гостинце», литовско-русский мещанин редко решался бросить для этого свое хозяйство и верное дело менять на неверное. В таком случае обыкновенно являлся еврей и брал корчму в аренду. Еще реже туземное мещанство бралось за хлопотливое и рискованное дело собирания мыта, для которого надо было покидать дом, уезжать на границу, бдительно смотреть за проезжающими, держать надежных сторожей и т. д. Евреи охотно брались за все это, не будучи в такой степени привязаны к месту своего жительства, как туземные мещане. Даже и в тех случаях, когда местные мещане соглашались взять на откуп ту или другую регалию, евреи обыкновенно перебивали у них откуп, давая надбавку против цены, предложенной мещанами. Свои обязательства перед казною они обыкновенно

выполняли точно и добросовестно, правильно понимая свои выгоды. Поэтому и господари литовские предпочитали еврея – корчмаря и мытника – всякому иному. Принимая на откуп казенные доходы, евреи обыкновенно вносили вперед часть суммы: за четверть года, за полгода, иногда даже за несколько лет. Такие откупщики сделались положительною необходимостью для Литовско-Русского государства, которое силою исторических обстоятельств вынуждено было жить в счет будущих доходов. Разумеется, снабжая авансом литовский скарб, евреи не забывали о своих процентах, и казна должна была поступаться в их пользу значительною частью своих доходов.

Итак, евреи нашли себе покровительство у литовско-русского правительства, потому что снабжали его «готовизною» – готовыми деньгами.

Но откуда же сами они брали эти деньги? Было бы ошибочно думать, что евреи в массе были богатыми людьми, если могли оказывать кредит государству. Факты, приводимые исследователями, показывают, что богачей-капиталистов было сравнительно мало в среде евреев, что масса, как и теперь, влачила убогое существование. Евреи вели свои операции компаниями, составляли крупные суммы из маленьких взносов. Вот почему около таможен жила обыкновенно целая еврейская колония. Наиболее богатые из евреев были заправилами предприятия и юридическими его представителями. Они заключали контракт с казною. Бедняки вносили в общее предприятие гроши, свои хлопоты по его устройству и ведению и перебивались со дня на день на ту микроскопическую прибыль и заработки, которые давало им предприятие. Евреи делали оборот не с одними только собственными капиталами, но и с чужими. Они сами брали в долг деньги у туземных состоятельных людей под большие проценты, довольствуясь тем остатком прибыли, который им удавалось сэкономить для себя. Евреи тем были и сильны, что принесли с собою на Литву умение составлять крупные капиталы из мелких, умение выполнять те самые функции, которые выполняют теперь банки и акционерные общества. В интимных отношениях с еврейством по этой части стояли богатые литовские паны, пускавшие через евреев в оборот свои сбережения и потому обыкновенно им покровительствовавшие. Евреи сумели стать необходимыми как для великого князя, так и для литовско-русского панства как финансовые дельцы, умевшие ковать деньгу. Один из таких дельцов, Аврам Езофович, сделался при великом князе Александре подскарбием земским, т. е. министром финансов.

Литература

Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута. М., 1892; *Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901; *Бершадский С. А.* Литовские евреи. СПб., 1883; *Он же.* Аврам Езофович Ребичкович, подскарбий земский, член Рады Великого княжества Литовского. Киев, 1888; *Грушевський М. С.* Історія України – Руси. Львів, 1905. Т. 5.

XX. ШЛЯХТА В ГОСПОДАРСКИХ ДОМЕНАХ ПРИ КАЗИМИРЕ И ЕГО СЫНОВЬЯХ

Бояре-шляхта как высший класс населения господарских доменов. Состав шляхты по Городельскому привилею 1413 г. Расширение этого состава по привилеям 1432, 1434 и 1447 гг.; отсутствие резкой грани между боярами-шляхтою и людьми, несшими боярскую службу. Значение судебного пересмотра прав отдельных бояр в деле обособления шляхетского сословия: «устава» о «выводе» шляхетства. Значение «земского пописа» 1528 г. и хозяйственных «устав» 1529 г. Возведение в шляхетство и привилеи на это звание; внешние знаки шляхетства. Особые права и преимущества шляхетского звания. Земяне как равнозначительный боярам-шляхте класс в западных областях. Служилые татары и их положение.

Не все военнослужилые землевладельцы Литовско-Русского государства утвердили во всей полноте право собственности по отношению к своим имениям (plenum jus et dominium). Такое право досталось только на долю крупных и влиятельных землевладельцев, которые в латинских хрониках XIV в. назывались domini praepotentes, viri famosi, а в латинских документах – barones, proceres, в русских источниках – старшие, наилепшие бояре и затем – паны. Земельные имущества среднего, рядового боярства остались под доминиумом господаря великого князя, который регулировал владение ими в своих военно-политических и отчасти финансовых целях. Таким образом, высшим классом в составе населения господарских доменов оказалось среднее или рядовое боярство.

Это среднее или рядовое боярство исподволь превращалось в шляхетское сословие и получило имя *бояр-шляхты* (отчасти земян).

Основание шляхетскому сословию в Литовско-Русском государстве положил Городельский привилей 1413 г. Этот привилей, как известно, предоставил разные права польской шляхты тем литовским «баронам» и знатным боярам, которые были исповедниками римской католической веры и которых поляки сопричислили к своим гербовым братствам. Привилеи Ягайлы 1432 г. и Сигизмунда Кейстутовича 1434 г. даровали и русским князьям, панам и боярам Великого княжества те же шляхетские права и вольности, какие получили литовские паны и бояре в 1413 г., причем им дозволялось, но не предписывалось обязательно, брать себе гербы от литовцев по соглашению сих последних со своими польскими одногербовниками. Привилей Казимира 1447 г. распространил шляхетские права и на бояр земель-аннексов Великого княжества Литовского, причем совсем оставил вопрос о гербах, считая, по-видимому, боярское звание совершенно достаточным для пользования шляхетскими правами. Круг шляхты Великого княжества Литовского благодаря этим привилеям сильно расширился. Но вместе с тем исчезла и та ясная черта, которая прежде отграничивала этот класс от остального населения: признаком шляхетства стала не только принадлежность к тому или другому гербу, но и простая боярская служба, без герба. Но мы уже видели, что боярская служба отправ-

лялась не только теми, кто «з веков» были бояре, но и «простыми» людьми, которые освобождались от «дачек» и «тяглей» специально для несения этой службы. Шляхетское сословие, таким образом, в боярстве стало незаметно сливаться с простыми людьми, с крестьянством. И это тем более справедливо, что и «извечные» бояре, шляхта нередко нисходили до тяглого, податного состояния. Происходило это разнообразными путями. В Жмудской земле, например, при Сигизмунде I многие бояре-шляхта «за великими упадками своими» перестали служить военную службу и начали давать со своих земель «подачки» великому князю. Их перестали уже различать от податных людей, и король должен был поручить старосте жмудскому произвести специальное «выведанье», кто из них «правые» бояре. Иногда бояре-шляхта приобретали крестьянские земли и вместе с ними принимали на себя и крестьянские повинности, не переставая в то же время быть боярами и нести военную службу. В общем можно сказать, что хотя привилеи, даровавшие литовско-русским боярам права и вольности польской шляхты, и создали в Литовско-Русском государстве особое шляхетское сословие, но это сословие не выделилось сразу и не обособилось резко от остальной народной массы.

Обособление это совершалось исподволь, постепенно и значительных успехов достигло только в половине XVI в. В этом процессе значительную роль сыграл прежде всего судебный пересмотр прав отдельных бояр.

Вследствие того что бояре-шляхта сплетались с верхними слоями крестьянства как на почве землевладения и повинностей, так и в самом названии, и правительственные органы, и крестьянские власти, и частные лица по временам не различали бояр-шляхту от «простых» людей, нарушали их шляхетские права или унижали их шляхетское достоинство. Боярам-шляхтичам поэтому нередко приходилось восстанавливать судебным порядком свою принадлежность к шляхетскому сословию или «выводить» свое шляхетство. В таких случаях они различными документами или свидетельскими показаниями старались доказать, что они «з веков» бояре, что предки их служили военною службою, назывались боярами, держали волости в кормлении и т. п. Практика, установившаяся в решении дел о шляхетстве, нашла себе в конце концов законодательную формулировку в «уставе» о «выводе» шляхетства 1522 г. и в Статуте 1529 г. В 1522 г. господарь и паны-рада постановили: шляхтич имеет выводить свое шляхетство двумя шляхтичами, которые должны под присягою показать, что он от прадеда и деда одного рода с ними и брат им по крови; если не может поставить двух, а только одного, то должен сам лично подтверждать его показание присягою; если же не может поставить на суд ни одного свидетеля, то должен представить, по крайней мере, старинные листы Витовта, Сигизмунда и Казимира или некоторых высоких панов-рады, в которых он сам или его предки писаны боярами независимо от их собственных показаний. Статут 1529 г. предоставлял право представлять в качестве свидетелей, если род перевелся, и околичных бояр-шляхту, которые под присягою должны показать, что данное лицо шляхетского рода. Таким образом,

путем судебных решений в составе шляхетского сословия подбирались все те бояре, предки которых уже во время дарования шляхетских привилегий были настоящими боярами, а не вновь набраны были на боярскую службу. Лица, восстановившие судебным порядком свои шляхетские права, получали соответствующие «листы», при помощи которых доказывалось их шляхетство впоследствии и которые они хранили, как фамильное сокровище, могущее пригодиться для их потомков.

Помимо судебных дел о шляхетстве, возникавших спорадически и более или менее случайно, выяснению наличности шляхетского сословия и обособлению его от соседних низших классов помогли немало и некоторые общие административные меры, принятые в великокняжение Сигизмунда Старого. На первом плане здесь надо поставить «попис земский» 1528 г., в котором поименно были перечислены все бояре-шляхта, долженствовавшие отправлять военную службу. К этому реестру позже стали обращаться за справками при разборе дел о шляхетстве. Помещение в список бояр 1528 г. стало считаться официальным признанием шляхетского достоинства лица и основанием для восстановления этого достоинства. В 1528 г. таким образом составлена была своего рода дворянская книга, определившая, хотя бы и приблизительно, наличность шляхетского сословия в Литовско-Русском государстве. В следующем году принята была новая мера, которая в своем результате должна была еще более отграничить бояр-шляхту от нешляхты. По новой «уставе», данной в 1529 г. в руководство державцам дворов Виленского и Трокского поветов и Жмудской земли, путные бояре, обязанные «войну служити и сено косити», обложены были еще сверх того тяглыми повинностями, так называемою толокою: «три дни на паренину орати, три дни на жыто, а три дни серпом жыто жати, а три дни ярыну». Кроме того, некоторые из них отставлялись от военной службы и переводились на оброк, облагались «осадными копами». Этот перевод производился писарями господарских дворов, которые согласно с новою «уставою» стали объезжать эти дворы, устанавливать и «пописывать» господарские «пожитки». В тех случаях, когда писари по недоразумению облагали тяглыми повинностями бояр-шляхту, последние доходили до господаря и восстановляли свое шляхетство. Все это в общей сложности содействовало вящему обособлению и выделению собственного шляхетского сословия.

Тому же служили и специальные грамоты на шляхетство, выдача которых участилась как раз с конца 20-х гг. XVI в. Возведение в шляхетство производилось и ранее на официальных торжествах. Таким образом король Сигизмунд на торжественном празднестве, которое отправлялось по случаю принесения ленной присяги прусским герцогом Альбрехтом в 1525 г., возвел в шляхетское сословие своего мытника еврея Михеля Езофовича, во внимание к заслугам покойного брата его Аврама Езофовича, бывшего подскарбия земского, и к его собственным. При этом король выдал ему особый привилей, в силу которого Михель Езофович должен был пользоваться всеми правами, вольностями, милостями и льготами, которыми пользовались и остальные шляхтичи, и,

между прочим, гербом, перстнем, цепью и другими «рыцарскими» знаками. Что касается герба, то Сигизмунд утвердил за ним герб «Лелива», в который принял его пан Юрий Глебович, и предоставил изображать его знак всюду, где изображаются гербовые знаки шляхтою, – на печатях, коврах и других предметах (этот знак написан был красками в подлинном привилее). Из всего этого видно, что и на Литовско-Русское государство распространилось влияние различных обычаев и установлений западноевропейского средневекового рыцарства и что название «рыцарь», фигурирующее довольно часто в официальном литовско-русском языке, – не пустой звук, а слово, обозначающее известное реальное, жизненное явление. В Литовско-Русском государстве действительно было свое рыцарское благородное сословие на манер западноевропейского, с его инсигниями, а также, по всем данным, и с его сословными понятиями и предрассудками. Возведение в шляхетство с конца 1520-х и начала 1530-х гг. участилось, именно потому что к тому времени шляхетское сословие довольно уже резко обособилось и отграничилось от простонародья, так что и попадать в него стало возможно только по особой милости господаря. В актах попадаются случаи возведения в шляхетство тяглых крестьян, годных «службу земскую заступовати». Но чаще всего возводились в шляхетство не прямо с тяглой, а с панцирной, путной или какой-нибудь другой военной службы за особые заслуги и отличия. Кроме военной службы ступенью к достижению шляхетства была также канцелярская и придворная служба. Господарь возводил в шляхетское звание не только своих подданных, отличавшихся на ратном поле, но и своих заслуженных дворцовых служителей: одверных (швейцаров), машталеров (конюхов), коморников (лакеев) и т. д., а также и выслужившихся канцелярских служителей.

В чем же состояли особенности положения бояр-шляхты по сравнению с «простыми людьми», населявшими господарские домены? Бояре-шляхта были и оставались вольными людьми, сколько бы времени ни жили в господарских доменах. Они всегда могли покинуть свои имения, которые они держали под господарем, хотя бы то были их «извечные отчины», и в противоположность крестьянам-отчичам не подлежали возвращению на свои отчины. Из других прав шляхты надо отметить гарантированную им земскими привилеями личную и имущественную неприкосновенность: шляхтич без судебного разбирательства не мог быть наказываем ни смертью, ни телесным наказанием, ни заключением в тюрьме, ни конфискацией имения, ни денежным штрафом. За поранение, увечье и непредумышленное убийство шляхтича полагались повышенные денежные штрафы в 12 рублей, 30 коп и 100 коп грошей (простые люди, ударившие шляхтича, наказывались даже отсечением руки). Шляхтич признавался вообще человеком «добрым», благородным, достойным веры, и потому сплошь и рядом в судебных тяжбах «шляхетская присяга» принималась за решающий довод. Как люди благородные, не простые, шляхтичи подлежали юрисдикции воевод, старост, маршалков земского и дворного (на сеймах), но не обязаны были являться на суд державцев, кото-

рые переименованы были из тиунов и которые судили преимущественно простых людей, холопов. Шляхтичи могли судиться у таких державцев только по своей доброй воле. На суд вызывались «позвами», судебными повестками, а не привлекались через «детских», в форме привода: детский посылался за шляхтичем лишь после того, как шляхтич не явился на суд за двумя «позвами». Наконец, только шляхтичи участвовали с половины XV в. на великих вальных сеймах, созывавшихся для решения важнейших вопросов внешней и внутренней политики и законодательства.

Бояре-шляхта владели под господарем имениями главным образом в Литовской земле и слившейся с нею «Руси» и в землях Жмудской, Полоцкой, Витебской, Смоленской и Киевской. На Подляшье, в Берестейской области, на Волыни, Подолье и в западных поветах земли Киевской класс, соответствующий боярам-шляхте, носил польское название *земян,* чередующееся, впрочем, нередко с именем «бояре-шляхта». Здесь действовал, очевидно, пример соседней Польши. Дело в том, что некоторые из этих областей попадали в XIV и XV вв. под власть Польши. В этих областях немало было землевладельцев, переселившихся из Польши; независимо от этого поддерживалось тесное житейское общение с Польшею. Не удивительно, если здешние бояре-шляхта усваивали себе польское имя земян, которое к тому же лучше отличало от «простых» людей, чем имя «боярин». Здешние «земяне» удерживали это имя даже и в тех случаях, когда приобретали имения на Литве и в других областях. С течением времени проявилась общая тенденция к вытеснению названия «бояре-шляхта» названием «земяне», и Статут 1529 г. мешает уже названия «бояре-шляхта» и «земяне». Впрочем, в других памятниках официальной письменности, современных и позднейших, название «бояре-шляхта» было преобладающим.

На одинаковом почти положении с боярами-шляхтою и земянами, не пользуясь их политическими преимуществами, находились татары, испомещенные в великокняжеских доменах. Известия о служилых литовских татарах идут со времен Витовта, который после похода на Дон в 1397–1398 гг. поселил множество пленных татар в западных частях Литовской земли – по Вилии, Ваке и Лососне. Из переписи военнослужилого люда, произведенной в 1528 г., видно, что татары жили преимущественно в разных местах Трокского воеводства, а также и в Новгородском повете. Многие из них имели своих крестьян, вследствие чего ездили на войну сам-друг, сам-третей, сам-шесть и т. д. Но многие из них были «казаки», «што людей не мают», а некоторые даже сидели на огородах, не имея пашен. Татары делились на *стяги,* которыми командовали *хоружие* из татар, а казаки ставились под начальство хоружих своими *атаманами.* В тех местностях, где татары были рассеяны спорадически, они ставились на войну вместе с местными боярами-шляхтою. Вообще татары-землевладельцы пользовались теми же правами, что и бояре-шляхта, на тех же основаниях владели имениями, отправляли военную службу и т. д.

Литература

Любавский М. К. Литовско-русский сейм. М., 1900; *Леонтович Ф. И.* Бояре и служилые люди в Литовско-Русском государстве // Журн. М-ва нар. просвещения. 1907. № 5–6; *Он же.* Правоспособность литовско-русской шляхты // Журн. М-ва нар. просвещения. 1908. № 3, 5–7; 1909, № 2–3; *Semkowicz W.* Braterstwo szlachty polskiej z bojarstwem litewskiem w unii horodelskiej 1413 roku // Polska i Litwa w dziejowym stosunku. Warszawa etc., 1914; *Грушевський М. С.* Історія України – Руси. Львів, 1905. Т. 5.

XXI. ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ПОВИННОСТИ ШЛЯХТЫ В ГОСПОДАРСКИХ ДОМЕНАХ ПРИ КАЗИМИРЕ И ЕГО СЫНОВЬЯХ

Фактическое владение как древнейший тип боярского землевладения. Появление гарантированного «вечистого» землевладения и основные его черты; ограничения в праве распоряжения отчинами и выслугами. Имения «до воли господарской», «дочасные» и «ленные». Господарский доминиум над имениями бояр-шляхты и передача его в частные руки; прекращение этой передачи ко времени первого Статута. Военная служба с имений бояр-шляхты и ее размеры. Замковая, дорожная и мостовая повинности; подводная, стацийная, сторожевая и другие повинности с выслуг. Бояре, слуги и крестьяне в шляхетских имениях. Сябринное боярское землевладение и землепользование и отправление повинностей.

Бояре-шляхта, земяне и татары держали под господарем земельные имения на разных условиях. Древнейшим типом боярского землевладения было фактическое владение с допущения или пожалования господаря. Это владение сплошь и рядом было наследственное и потомственное. Но при всем том такие фактические владения в иных случаях могли отбираться от владельцев по усмотрению господаря. С конца XIV в., со времени выдачи известных привилеев, это фактическое землевладение стало разделяться на разные виды. Из него выделилось прежде всего «вечистое», т. е. неотъемлемое при условиях службы владение «отчинами, материзнами, выслугами и куплями». Такие «вечности» переходили по наследству к жене и детям, «счадком» (дальнейшим нисходящим) и «близким» (боковым родственникам) и только при неимении таковых возвращались к верховному собственнику – господарю великому князю. Владельцы «вечистых» имений могли продавать их, дарить, отдавать в приданое и на помин души и вообще «к своему пожиточному обернути, как сам налепей разумеючи». Единственное ограничение по существу в данном случае констатируется актами и Статутом 1529 г. в интересах рода: нельзя было отчуждать самовольно, без согласия родных, более одной трети отчины. Кроме того, для отчуждения выслуг ввиду разнообразных условий их пожалования требовалось вообще разрешение господаря великого князя. С появлением этого гарантированного типа боярского землевладения прежний фактический тип боярского землевладения юридически определился уже

как владение «до воли и ласки господарской». Даруя «в вотчину», «на вечность» имения своим боярам и земянам, подтверждая в частных и общих земских привилеях вотчины и старые выслуги «на вечность», литовско-русские господари наряду с этим в интересах службы продолжали раздавать из состава своих доменов имения и «до воли и ласки» своей господарской, не определяя срока владения и пользования. Но так как такой порядок не особенно был удобен для землевладельцев, держа их в неизвестности и неуверенности относительно владения, то господарь стал определять срок владения. Появился новый тип «дочасного» землевладения: «до живота», т. е. пожизненного, «до дву животов», т. е. с правом передать детям, «до трех животов», т. е. с правом передачи детям и внукам. Иногда имения жаловались временно – «до очищения отчины» владельца, занятой неприятелем, или просто «до осмотренья» иным более подходящим имением. Все подобные временные владения называются по временам в актах XV и XVI вв. *поместьями.* В интересах же господарской службы с течением времени возник особый тип землевладения на *ленном праве,* т. е. с правом перехода к наследникам только мужского пола. Источники рано, в XIII в., упоминают об имениях jure feodali. Но неизвестно точно, в каком смысле разумелся тогда этот латинский термин. О «ленах» упоминает затем Статут 1529 г. и современные акты, которые и разъясняют лены именно как наследственные в мужском потомстве имения. Такие имения стали возникать, очевидно, в то время, когда пришлось считаться с отрицательными последствиями установившегося «вечистого» землевладения с полным правом распоряжения и со свободою выхода замуж боярских наследниц. Статут 1529 г. принял целый ряд мер против «вдов», которые остаются по смерти мужа на его имении, против девиц, которые своевольно выходят замуж. Общая тенденция его – стеснить по мере возможности землевладение женщин, не выгодное для интересов земской военной службы. В административной практике эта борьба с развитием женского землевладения породила раздачу имений боярам-шляхте и земянам на ленном праве, т. е. с правом наследования только для нисходящих потомков мужского пола. Уступка частным интересам в свою очередь порождала комбинированные формы землевладения: имения давались иногда мужу, *жене* и нисходящим мужского пола, а при неимении их – дочери, внуке или правнуке и ее нисходящим мужского пола и т. д. Вообще надо сказать, что формы боярского шляхетского землевладения в рассматриваемое время все более и более дифференцировались, умножались и усложнялись, по мере того как определялись и закреплялись юридически самые основания, на которых покоилось шляхетское землевладение.

Всеми своими имениями бояре-шляхта владели только при условии службы верховному собственнику, господарю великому князю. Каждый боярин-шляхтич со своим «почтом», т. е. с известным числом слуг, смотря по размерам имения, должен был ставиться под поветовое знамя, под начальство местного *хоружего.* Имение, все равно, какого бы типа из перечисленных оно ни было, отбиралось от владельца, если он не явился или служил с него неисправно

военную службу. На этом основании бояре-шляхта, имевшие земли под господарем, не имели права поддаваться с этими землями на службу к князьям и панам. На этом же основании все лица, покупавшие или получавшие в дар, по наследству или в приданое за женами боярские шляхетские имения, должны были нести с них службу господарю великому князю. Боярские шляхетские имения составляли принадлежность господарских доменов, источник земской боярской службы господарю и потому не могли отделяться от его доменов по желанию владельцев этих имений. Сам литовско-русский господарь в качестве верховного собственника этих имений долгое время считал себя вправе передавать имения бояр-шляхты в составе других земель во владение князьям и панам. Господарь отчуждал в таких случаях только свой доминиум над этими имениями. Бояре-шляхта в таких случаях не лишались своих имений и не могли быть лишены и новыми владельцами. Но они обязаны были нести с них новому пану ту же службу, которую до этого несли самому господарю великому князю; в противном случае должны были сойти с них прочь, взявши свое движимое имущество. С течением времени выяснилось, что передача господарского доминиума над имениями бояр-шляхты в частные руки нередко приводила бояр-шляхту к необходимости покидать свои имения, была, следовательно, косвенным отнятием этих имений, что противоречило общему шляхетскому праву. В 20-х гг. XVI в. господарь пришел к сознанию этого противоречия и признал, что «шляхта не маеть, а не можеть быть никому в моц подана». В общеземском привилее 1529 г. господарь дал торжественное обещание за себя и своих потомков не отдавать шляхту, своих подданных, или ее имения никому из панов и князей. С того времени хотя и бывали случаи пожалования разным лицам в составе волости или крупного имения бояр с их землями, но собственно бояре-шляхта с их отчинами перестали включаться в это число. По отношению к имениям пожалованным – выслугам – господарь остался на прежней точке зрения и передавал свой доминиум над ними в частные руки, за исключением тех случаев, когда в жалованных грамотах на эти имения было прямо оговорено, что владельцы их обязаны служить с них только одному господарю.

Таково было землевладение бояр-шляхты в господарских доменах. Что касается повинностей их, то главною была, как уже сказано, военная боярская служба. Долгое время размер этой службы с каждого данного имения определялся чисто исторически, как и с крестьянского участка. Все зависело здесь от размеров имения, зажиточности владельца, условий, на которых пожалована была земля, и т. п. Мелкие землевладельцы самолично выезжали на войну, «водле можности своее», т. е. на таких конях и в таком вооружении, какое доступно было по их средствам. Иные выезжали на войну самолично, но на добром коне и в полном вооружении – «зброи», как полагалось; иные выезжали сам-друг, сам-третей и т. д., с «почтом» слуг. С начала XVI в. военная повинность уже регулировалась сеймовыми «ухвалами», т. е. постановлениями, причем за основание принималось количество крестьянских служб

в шляхетском имении. Определялось выставлять конного ратника в полном снаряжении с десяти, иногда более, иногда менее крестьянских служб. Что же касается мелких землевладельцев, то они по-прежнему должны были лично выезжать на войну «водле можности своее». Кроме военной общею повинностью шляхетских имений была повинность замковая, дорожная и мостовая, т. е. обязанность ставить работников при постройке и ремонте замков, военных дорог и мостов. Эти повинности оставлены были на имениях бояр-шляхты земскими привилеями 1413, 1434 и 1447 гг. и последующими, которые освобождали эти имения от всяких других «тяглей» и «дачек» на господаря великого князя. Но на имениях, которые жаловались вновь боярам-шляхте, сплошь и рядом оставлялись и другие повинности. Литовско-русские господари считали себя связанными в данном случае только в отношении к имениям бояр-шляхты отчинным или выслуженным в давнее время, при пожаловании же имений вновь сплошь и рядом оговаривали, что с этих имений должны выполняться те или другие повинности сверх перечисленных выше. Чаще всего на боярских выслугах оставлялись повинности: подводная, стацийная, сторожевая и заставная, т. е. бояре-шляхта со своих имений должны были давать подводы проезжающим господарю и его урядникам, заодно с господарскими крестьянами «стеречь недели», давать стации, или кормы, господарю и его урядникам при проезде, держать сторожу при замках или в поле, в степи, отправляться в заставу, т. е. на гарнизонную службу в тот или другой город, и т. д. В отдельных случаях на выслугах бояр-шляхты оставлялись и другие повинности, например хождение на толоку на господарские пашни и сенокосы. Впрочем, это были уже сравнительно редкие исключения.

Бояре-шляхта и земяне выполняли лежавшие на их имениях «земские» повинности не только самолично, но и при помощи своих «подданных». Те из них, которые владели более или менее значительными имениями, держали на участках этих имений даже собственных своих бояр и слуг, которые и выезжали на войну в их «почтах». Но большинство шляхетских подданных составляли крестьяне разных наименований: тяглые, данники и др. И в шляхетских имениях констатируется разнообразие крестьянского населения по роду занятий и повинностей, хотя и не такое, как в непосредственно эксплуатируемых великим князем частях его доменов. Сходство в настоящем случае происходило частью от сходства хозяйственных условий, частью от того, что многие шляхетские имения обязаны были своим существованием пожалованиям боярам-шляхтичам и земянам господарских людей с землями. Так же, как и в непосредственных владениях великого князя, крестьяне шляхетских имений делились на людей «непохожих», извечных (отчинных) и людей «похожих», вольных, обладавших правом перехода с соблюдением известных условий. То обычное право, которое действовало в данном случае по отношению к господарским крестьянам в собственном, тесном смысле, находило себе еще более полное и резкое применение в быту шляхетских подданных.

Так как и шляхетские имения в большинстве не отличались крупными размерами, то и среди бояр-шляхты так же, как и среди «простых станов»,

распространено было сябринное землевладение и землепользование и совместное отправление военной службы и других повинностей. Статут 1529 г. постановлял, что если будет несколько братьев неделенных, тогда с их «сумесного» имения должен служить один из них – «годнейший». С мелких шляхетских имений отбывалась одна земская служба даже и в том случае, когда они разделялись и попадали во владение чужеродцам. Так было, например, на Подляшье, где жила убогая шляхта, страшно измельчавшая. Каждому из таких убогих шляхтичей в отдельности немыслимо было выправляться на войну. Поэтому бедные шляхтичи складывались и сообща отправляли «коня» на войну либо выезжали по очереди, причем остававшиеся дома помогали ехавшему снаряжаться на войну.

Литература

Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута. М., 1892; *Он же.* Литовско-русский сейм. М., 1900; *Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. Т. 1; *Леонтович Ф. И.* Правоспособность литовско-русской шляхты // Журн. М-ва нар. просвещения. 1909. № 2–3; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Очерки из истории литовско-русского права. [Ч.]1: Поместья Литовского государства. Киев, 1889; *Грушевський М. С.* Історія України – Руси. Львів, 1905. Т. 5.

XXII. КНЯЖЕСКОЕ И ПАНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЛИТОВСКО-РУССКОГО ГОСУДАРСТВА. ЦЕРКОВНЫЕ ИМЕНИЯ

Общая характеристика владения с полным правом и панством. Уделы князей Рюриковичей, Гедиминовичей и древних литовских династий. Имения литовского панства; древность их происхождения. Военное могущество землевладельческой аристократии по данным переписи 1528 г.; паны хоруговные. Земские повинности с имений князей и панов. Положение церковных имений.

Наряду с великокняжескими доменами, которые давали господарю финансовые средства для содержания двора и удовлетворения государственных потребностей и военные силы для обороны от внешних врагов и для поддержания власти и порядка внутри государства, в Великом княжестве Литовском существовала большая наличность независимых имений, владельцы которых владели и распоряжались ими «с полным правом и панством». На этих имениях не лежало тех ограничений, которые лежали на имениях «под господарем». Великий князь, сохраняя в отношении к ним права верховного правителя страны (salvis juribus nostris regalibus), не простирал на них прав своих как верховного собственника своего землевладельческого доминиума. Вследствие

этого, например, их собственники жаловали части этих имений своим слугам с правом служить с них, «кому хотя», а не непосредственно только великому князю.

Как создались в Литовско-Русском государстве такого независимого типа земельные владения? Ответ на это дан отчасти в изложении территориального образования Литовско-Русского государства.

Мы видели, что, присоединяя русские земли, великие князья литовские замещали своими родичами или наместниками только главные столы областных княжений, оставляя мелких удельных князей на их отчинах. Таким образом, например, в Полоцкой земле остались на своих отчинах князья *лукомские,* давшие от себя ветвь князей Щидуцких, Мелешковских и т. д.; в Витебской земле остались князья *друцкие,* разветвившиеся на князей Толочинских, Соколинских, Озерецких, Одинцевичей-Багриновских, Одинцевичей-Гольцовских, Зубревицких, Путятичей, Горских, Шишевских и др., а также князья Севские; в Смоленской земле остались князья *вяземские,* разветвившиеся на князей Бывалицких, Козловских, Крошинских, Жилинских и т. д.; на Волыни оставались князья *Четвертинские,* от которых произошли князья Сокольские; затем князья *Острожские, Ружинские, Острожецкие, Несвецкие,* от которых пошли князья Збаражские, Вишневецкие и т. д. Все эти князья Рюриковичи помимо отчин приобрели имения и в других областях Литовско-Русского государства путем покупок у других князей и панов или путем пожалования великого князя «с полным правом и панством». Число их кроме нарождения увеличилось некоторыми пришельцами из Москвы вроде, например, князя Матвея Микитинича, прибывшего с великою княгинею Еленою и давшего начало роду князей *Головчинских* (от имения Головчина). Мы видели также, что и Гедиминовичи далеко не все лишены были своих княжений при установлении на Литве единодержавия. Владевшие мелкими княжествами остались на своих столах, и княжества их с течением времени были признаны их вотчинами. Таким образом, на Руси Литовской уцелели князья *Жеславские,* потомки Явнута, получившего Жеславль, или Изяслав, под Минском после низведения его с великого княжения; князья Чарторыйские на Волыни и Литве, потомки князя Константина Ольгердовича; многочисленные князья *Сангушковичи* на Волыни, потомки Федора Ольгердовича; князья *Корецкие* и *Буремские* там же, потомки Наримунта Гедиминовича, и т. д. Наконец, некоторые княжеские владения образовались еще в древнейшую эпоху, предшествующую объединению Литвы, каковы были владения князей *Гольшанских, Гедройтских, Свирских* в пределах собственно Литвы. Эти князья спасли свои владения подчинением великому князю литовскому. Некоторые из этих старинных литовских династов получили имения уже от великих князей литовских вроде, например, князя Ямунта, родоначальника князей *Подберезских*. Наконец, некоторые княжеские имения образовались путем пожалования их князьям из татарских выходцев вроде, например, князей *Глинских*. Таким путем и создался огромный контингент княжеских имений в Литовско-Русском государстве. Большею частью эти имения лежали в русских областях Великого княжества. Что касается собственно Литовской земли, Жмуди и Подляшья,

то здесь были сосредоточены преимущественно имения литовских панов: Гаштольдов, Радзивилловичей, Остиковичей, Кезгайлов, Заберезинских, Кишков, Пацов, Ходкевичей, Воловичей, Немировичей, Довойнов, Ильиничей, Глебовичей, Нарбутовичей, Сологубовичей, Сапегов, Солтановичей, Хребтовичей, Зеновьевичей, Монтыгирдовичей, Тышкевичей и т. д. Эти имения так же, как и имения князей литовских династий, в значительной степени были древнего происхождения. То были имения тех domini potiores, domini praepotentes, о которых говорят нам немецкие хроники XIII и XIV вв. и которые наряду со всеми другими нетитулованными землевладельцами, несшими военную службу великому князю, получили русское имя бояр. В конце XIV и начале XV в. эти крупные землевладельцы, или «бароны», вместе с другими боярами (armigeri, milites) получили от великого князя права неотъемлемого владения и свободного распоряжения своими отчинами, куплями и выслугами. Но эти права в отношении к ним имели другое значение, чем в отношении к простому, рядовому боярству. Для них они явились только юридическим определением и закреплением фактической землевладельческой независимости их от великого князя, тогда как среднему и мелкому боярству они гарантировали только известную устойчивость землевладения под господарем как верховным собственником. Число панских независимых имений возрастало с течением времени от пожалования целых волостей знатным боярам или панам, от перехода к ним княжеских имений и т. д. Некоторая доля крупных панских имений оказалась и в русских землях Великого княжества, но сравнительно с собственно Литвою – небольшая.

Как владельцы крупных независимых имений князья и паны представляли в общей совокупности такую крупную политическую силу, которая могла всегда соперничать с великим князем во влиянии на ход внешней и внутренней жизни государства. В этом можно убедиться, познакомившись, например, на основании земского «пописа» 1528 г. с количеством панских «почтов», которые выходили на войну. Трое панов Кезгайлов выставляли 768 коней – только на 53 коня меньше, чем вся земля Волынская (282 владельца, исключая князей Острожских), на 56 ратников больше, чем все землевладельцы Полоцкой земли, на 80 ратников больше, чем все землевладельцы (1995 человек) Бельской хоругви. Паны Радзивиллы выставляли 621 коня, родственная им фамилия Остиковичей – 337 коней, князья Острожские – 424, Заберезинские – 258, Кишки – 244, Глебовичи – 279, Ходкевичи – 198 и т. д., и т. д. Один пан Гаштольд со своим сыном выставляли 466 коней, т. е. на 64 ратника больше, чем все землевладельцы (331 человек), составлявшие хоругвь Вилкомирского повета (выставляли 402 ратника) и в $7^1/_2$ раза больше, чем все бояре и мещане, служившие под хоругвью Витебской земли. Из этого сравнения можно видеть, какими крупными величинами в окружавшем их обществе были князья и «паны хоруговные». Эти князья и паны на самом деле, а не по одному только титулу, были «вельможными», настоящими магнатами среди окружавшей их землевладельческой мелкоты, такими же reguli, homines praepotentes, viri famosi, какими были их предки в XII–XIII вв., теми же «баронами», какими были их

прадеды, деды и отцы в XIV и XV вв. Среди них не выдавались нисколько и те удельные князья, владения которых были самостоятельными территориями Литовско-Русского государства. Князь слуцкий, например, выставлял всего 433 коня – менее нескольких панов, менее князя острожского; князь мстиславский – 152 коня. К этому надо прибавить, что большинство князей в Литовско-Русском государстве по сравнению с вельможными панами были средними и даже мелкими землевладельцами. Обладая такими средствами, литовские паны были действительно «властелями» Великого княжества, как называет их литовская летопись, хозяевами страны наряду с великим князем, исключавшими возможность его полного и беспредельного хозяйничанья в государстве.

По общему правилу княжеские и панские имения подлежали тем же «земским» повинностям, каким подлежали и имения бояр-шляхты, находившиеся под господарем, и прежде всего *военной*. Крупные землевладельцы, князья и паны выезжали самолично и выводили отряды своих слуг («почты») под собственными хоругвями, с которыми они и ставились в ополчении той или другой земли или воеводства. В этом случае они отличались от бояр-шляхты и земян, которые ставились под поветовою хоругвью, под команду своих хоружих. Поэтому и приказы о снаряжении или выступлении на войну («листы военные») князья и паны «хоруговные» получали непосредственно, тогда как бояре и земяне – шляхта – оповещались о том своими хоружими, а где их не было – местными державцами (наместниками) и тиунами (в Жмудской земле). Крупные княжеские и панские имения выставляли свои ополчения под особыми хоругвями даже и тогда, когда уже раздроблялись на мелкие части между многими владельцами. Таково было, например, княжество Гедройтское, владельцы которого – князья и паны (в 1528 г. 84 человека) – ставились со своими «почтами» под одною хоругвью. На этих хоругвях изображались гербы князей и панов. В отношении размеров военной службы крупные княжеские и панские имения подчинялись тем же самым сеймовым «ухвалам» и «уставам», каким подчинялись и имения бояр-шляхты и земян. Отчины князей и панов кроме военной повинности подлежали еще замковой, дорожной и мостовой, а выслуги – по временам и подводной, кормовой, сторожевой и другим повинностям. Но по этой части бывали и исключения. Некоторые князья и паны, например, князь острожский, обязаны были строить и чинить только свои собственные замки, имевшие значение самостоятельных укрепленных центров данного округа, и не участвовали вместе с другими землевладельцами в отстройке центрального замка земли или данного повета.

Сходное с княжескими и панскими имениями положение занимали в Литовско-Русском государстве имения церковные, принадлежавшие епископским кафедрам, соборным церквам и монастырям. Привилей Ягайлы 1387 г. освободил имения католической церкви от всяких повинностей: военной, подводной, сторожевой, дорожной, от платежа всяких податей деньгами и натурою в великокняжеский скарб, от суда княжеских урядников. После Флорентийской унии эти изъятия, по-видимому, распространены были и на церковные имения греческого закона. Но когда началась напряженная борьба Литовско-

Русского государства с татарами и Москвою, литовско-русский господарь перестал жаловать подобные иммунитеты церковным учреждениям. Оставляя полные изъятия за старыми, исконными имениями, великие князья литовские стали требовать военной службы с тех имений, которые церковь вновь приобретала путем ли пожалования от господаря, путем ли записей частных лиц: князей, панов, бояр-шляхты. Изъятиями духовенства от государственных повинностей всегда недовольны были светские землевладельцы, с чувствами и мнениями которых приходилось считаться литовско-русским господарям. Поэтому, например, утверждая за Луцкою кафедрою имения Колодези и Жабче, отказанные ей на помин души паном Федором Янушевичем и его женою, король Сигизмунд оговорил: «А владыка Кирилл и по нем будучыи епископы мают с тых именей на службу земскую посылати посполу с князи и паны и земяны против всякаго неприятеля нашого, подлуг "уставы" и ухвалы земли Волыньское». При таком порядке вполне естественно, что и Киево-Печерский монастырь, например, выставлял со своих имений десять человек «на конех у зброях». Статут 1529 г. сделал общим правилом, чтобы с земских имений, записанных на церковь, отправлялась военная служба. Поэтому и церковные учреждения держали в своих имениях бояр и слуг, которые владели известными участками земель и обязаны были ездить на войну.

Литература

Любавский М. К. Литовско-русский сейм. М., 1900; *Леонтович Ф. И.* Правоспособность литовско-русской шляхты // Журн. М-ва нар. просвещения. 1908. № 3–4, 6; *Semkowicz W.* O litewskich rodach bojarskich zbratanych ze szlachtą polską w Horodle roku 1413 // Miesięcznik Heraldyczny. 1913. № 9–12; 1914. № 1–2.

XXIII. НАСЕЛЕНИЕ КНЯЖЕСКИХ И ПАНСКИХ ИМЕНИЙ И ПРАВА НАД НИМ ВЛАДЕЛЬЦЕВ. ЭЛЕМЕНТЫ ФЕОДАЛИЗМА НА ЛИТВЕ И ЗАПАДНОЙ РУСИ

Сходство княжеских и панских имений с господарскими доменами по составу крестьянского населения и его причина. Отчинные люди в этих имениях; отличие их от господарских крестьян-отчичей. Происхождение крестьянской зависимости в княжеских и панских имениях. Бояре и слуги в этих имениях; сходство и различие их положения сравнительно с положением господарских бояр и слуг. Происхождение бояр и слуг в княжеских и панских имениях. Коммендация мелких землевладельцев крупным. Бояре и слуги у княжеских и панских бояр и слуг. Места в княжеских и панских имениях. Черты и формы феодализма в Литовско-Русском государстве.

Вельможные паны и князья имели в своих владениях таких же «подданных», как сам господарь великий князь. Наиболее многочисленный разряд их составляли, конечно, их *люди,* или крестьяне разных наименований. В имениях князей и панов существовали такие же дворы или сельскохозяйствен-

ные усадьбы, какие мы видели в великокняжеских доменах. Эти дворы обслуживались прежде всего их челядью дворною, паробками и женками, а затем крестьянами тяглыми и различных специальных служб. В имениях князей и панов жили также и крестьяне-данники. Вообще повинности крестьян в княжеских и панских имениях были приблизительно те же самые, что и в господарских. Объясняется это, конечно, как общими экономическими условиями, так и тем, что многие княжеские и панские имения были не чем иным, как выслугами, отделились от тех же господарских доменов. Тяглые и различных специальных служб крестьяне так же, как и в господарских имениях, делились на «непохожих» и «похожих». Первые, называвшиеся людьми *отчинными,* соответствовали крестьянам-отчичам господарских доменов. Юридическим основанием их прикрепления, так же как и основанием прикрепления господарских крестьян-отчичей, служила старина, давность. Те крестьяне, которые достались князю или пану от его отца и своевременно не заявили и не доказали, что они люди вольные, становились в силу этого людьми отчинными, «непохожими», и когда они начинали «выламываться из подданства», суд обыкновенно присуждал их владельцу. Вообще вольные, «похожие» крестьяне не должны были засиживаться на землях владельца, ибо только «незаседелые» могли уйти от него, «выход» давши. По Статуту 1588 г. достаточно было прожить на земле владельца десять лет, чтобы попасть в разряд «отчинных непохожих людей». Это правило действовало несомненно и ранее: по Статуту 1529 г. отчинные люди, бежавшие от своего владельца к другому, подлежали выдаче лишь в том случае, если не засиживались за новым владельцем *десятилетней давности,* из чего можно заключить, что эта давность имела свою силу также и относительно вольных, «похожих» людей. Впрочем, земская давность не действовала в таких случаях, когда, садясь на владельческую землю, крестьяне заключали специальные условия, что они могут уйти от владельца, отдав ему «выход». Отчинные крестьяне князей, панов в противоположность крестьянам-отчичам господарским почти не отделяли от себя вольных, «похожих» людей. Если крестьяне эти оказывались лишними или ненужными, то владельцы отчуждали их на сторону без земли. С другой стороны, частные владельцы имели большую возможность устраивать своих обедневших крестьян и потому не относились так равнодушно к уходу их из своих имений, как господарь великий князь, энергично отыскивали и возвращали в свое подданство. Они переводили их из одного своего имения в другое, менялись и т. д. В общем, таким образом, и прикрепление крестьян в частновладельческих имениях было более действительное, чем в господарских доменах. К этому надо прибавить, что и землевладение крестьянское в княжеских и панских имениях не пользовалось такою свободою, как землевладение крестьянское в господарских доменах. Мы видели, что там крестьяне довольно свободно расширяли свои участки «прироблками», продавали части своих земель и угодий или даже отчуждали свои земли целиком. В княжеских и панских имениях, конечно, не было такого земельного простора, как в господарских доменах, и потому здесь, естественно, было больше стеснений по этой части и гораздо

резче и осязательнее сказывалась идея, что земля под крестьянами есть земля панская, княжеская, а не их собственная.

Как создалась эта зависимость крестьян от князей и панов? Начало этого процесса скрывается в темной древности. Но так как процесс этот продолжался на памяти истории, то и по продолжению его можно судить до известной степени о начале. И в рассматриваемое время господарь великий князь нередко налагал новые повинности на своих крестьян как носитель высшей власти, их защитник. То же самое делали князья и паны на своих сеймах, постановляя сбор серебщины со своих крестьян на военные нужды. Можно думать, что и в старину сильные люди, местные вожди или князья, установив свою власть над местным обществом и выступив в роли его защитников, облагали землевладельцев различными податями и повинностями. Далее, и в рассматриваемое время случалось, что господарь, князья и паны, дозволяя крестьянам вновь занимать и разрабатывать земли и угодья в своих имениях, налагали на них за пользование этими землями и угодьями вновь различные «тягли» и «дачки» или же прибавляли «тягли» и «дачки» к существующим. Можно думать, что и в старину сильные люди, осваивавшие крупные территории около своих дворов, разрешали селиться на этих территориях пришлым земледельцам не иначе, как под условием платежа «дачек» и несения разных повинностей в их пользу. Зависимость крестьян от князей и других крупных землевладельцев до поры до времени созидалась как обычай на почве местных политических и экономических отношений. С конца XIV в. эта зависимость стала закрепляться и усиливаться общегосударственными законами. В привилеях, выданных князьям и панам, великие князья литовские стали отказываться от разных барщинных повинностей и податей с имений князей, панов, бояр и мещан, которые и обращали все трудовые и платежные силы населения этих имений в свою пользу. Привилей 1447 г., как мы видели, укреплял за владельцами их отчинных «селянитых» невольных людей – и отдавал их под вотчинную юрисдикцию. Так исподволь возросла и оформилась законами зависимость крестьян в княжеских, панских и боярских имениях.

Но кроме крестьян в имениях князей и панов проживали и вольные люди, которые ни при каких условиях не становились людьми «непохожими», пользовались личною свободою как своим сословным правом. То были бояре и слуги, составлявшие те самые «почты» их, с которыми они выезжали на войну. Лично эти слуги и бояре были свободны и могли при желании оставить свои земли и служить, кому хотели. Так, король Сигизмунд, поделившись имениями пана Петра Станиславича с сестрою, написал в «дельчем листе»: «А бояре с обу сторон, земли оставивши, кому хотят, тому мают служить, а один к другому мает их пустити со всими статки их домовыми, и с челядью купленою, и со всими рухомыми речьми, и з житом, и яринами, што у гумне и што в землях посеяно». Но земли слуг и бояр считались собственностью владельца, и слуги и бояре могли переходить со своими землями на службу к другим лицам лишь тогда, когда эти земли были пожалованы им от владельцев с правом служить с них кому хотят; в противном случае, т. е. если не было такой оговорки

в жалованных грамотах, бояре и слуги могли переходить на службу к другим владельцам только лично, земли свои покинувши. Формы землевладения под князьями и панами были те же самые, что и под господарем. Шляхта, служившая князьям и панам, пользовалась такими же гарантиями неотъемлемости своих отчин и выслуг на вечность, как и бояре-шляхта в господарских имениях. В случае нарушения этих гарантий служилые шляхтичи могли жаловаться на своих владельцев господарю великому князю, который и восстановлял нарушенное право. Так же, как и в господарских доменах, и в княжеских и панских наряду с отчинами и «вечистыми» выслугами было распространено владение «до воли княжеской или панской», «до живота» и т. п. Но даже и давая гарантии неотъемлемости имений своим слугам-шляхтичам, князья и паны считали себя вправе отчуждать свой доминиум над этими имениями, продавали их и дарили другим владельцам целиком в составе своего имения и по частям. Служилые шляхтичи в данном случае уже не имели тех гарантий, которые получили в 1528 г. господарские бояре-шляхта. Наряду со всеми другими «подданными» князей и панов бояре и слуги по жалобам на них других подданных и сторонних людей подлежали суду этих владельцев.

Как создался этот класс княжеских и панских бояр и слуг? В княжеских имениях часть этих бояр и слуг, несомненно, была наследована от русской старины. Кроме того, многие бояре и слуги попали в подданство к князьям и панам вследствие пожалований их имений великим князем в составе волостей тому или другому князю и пану. Часть навербована была князьями и панами из зажиточных крестьян в интересах военной службы, как это имело место и в господарских доменах. И наконец, бояре и слуги переходили на службу к князьям и панам от господаря великого князя. Между литовско-русским господарем, с одной стороны, князьями и панами – с другой, в настоящем случае действовал тот же уговор, хотя и неписанный, какой заключали между собою князья Северо-Восточной Руси в XIV и XV вв.: «А бояром и слугам межи нас вольным воля». Разросшиеся семьи и роды господарских бояр и слуг обыкновенно отпускали лишних членов на сторону, так как всем на отчине часто не с чего было служить. Ушедшие поступали на службу к частным владельцам и служили им либо «с сукна», т. е. за жалованье, либо с имений, которые получали от них во временное, пожизненное или потомственное пользование. Наконец, контингент княжеских и панских бояр и слуг пополнялся и теми свободными земледельцами, которые поддавались со своими имениями на службу к князьям и панам. Так, например, в 1541 г. некий Федор Петеля, получив от вдовы пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда три службы людей в Койданово, записался к ней на службу со всеми крестьянами, которых он сам и его отец покупили у панов Скиндеревичей из их Суетицкого имения: «А так и с тыми моими людми кýплеными маю еи милости, панеи моей милостивой, я сам и потомки мои службу военную конно и збройно служити так, как и иншии бояре ее милости шляхта, – еи милости и потомкам ее милости на вечность». По-видимому, в данном случае побуждением к переходу в панское подданство было желание увеличить свое имение. Кроме того,

к этому же склоняли иногда и притеснения, чинимые могущественными соседями, князьями и панами. Свободные мелкие землевладельцы в таких случаях не придумывали ничего лучшего, как поддаться с имениями обидчику или другому могущественному соседу, князю или пану.

Участки, которые получали от князей и панов бояре и слуги, по временам были таких значительных размеров, что они должны были выезжать на войну в «почте» владельца не только сами лично, но и с известным количеством слуг, подобно тому, как и господарские бояре выезжали на войну сам-друг, сам-третей и т. д. Благодаря этому случалось иногда, что княжеские и панские бояре, как и господарские, имели своих бояр, путных и других слуг. Если сами княжеские и панские бояре были вассалами второго разряда, то эти боярские бояре, подчинявшиеся непосредственно власти и присуду своих «господарей», были уже вассалами третьего разряда. Так усложнялась этими отношениями система частного подданства в Великом княжестве Литовском.

В княжеских и панских имениях так же, как и в господарских доменах, находились замки с облегавшими их местами или одни места с торгово-промышленным населением, называвшимся *мещанами*. Положение этого класса было здесь, в общем, такое же, как и в господарских местах. Необходимо только отметить, что новые места устраивались князьями и панами с разрешения великого князя. Дело в том, что устройство новых мест с их торгами, ярмарками, корчмами, со всеми доходами, которые получал владелец, могло наносить существенный ущерб уже существующим великокняжеским местам, и потому на это устройство и требовалось специальное разрешение великого князя. Точно так же князья и паны испрашивали разрешение великого князя на предоставление своим местам «майтборского права», так как и этот факт косвенно затрагивал интересы соседних господарских мест.

Раздробление государственной власти между землевладельцами и система частного подданства, констатированные нами в предшествующем изложении, ясно показывают, что в Литовско-Русском государстве господствовал такой же феодализм, как и на Западе в Средние века. Мы видим, что все литовско-русские «господари» образуют приблизительно такую же иерархическую лестницу, какая была и в западных государствах феодального типа. Наверху ее стоит великий князь, наивысший государь, суверен; под ним находятся некоторые удельные князья, соответствующие принцам крови, как, например, князья слуцкий и мстиславский; ниже стоят другие князья и паны, соответствующие западным герцогам, графам и баронам; еще ниже шляхта-рыцарство, вассалы всех перечисленных государей и сами государи над населением своих имений, имеющие иногда своих подвассалов и т. д. Сами современники этого строя чувствовали и сознавали его сходство с феодальными порядками и отношениями Запада. В различных латинских грамотах, писанных уже в первой половине XV в., встречаем упоминания о «баронах», «рыцарях», «вассалах», «присяжниках» (homagiales), «феодальных службах» и т. д. Позже эта терминология проникла отчасти и в русский канцелярский язык Великого княжества. Точно так же по западному феодальному обычаю ближайшим образом

по польскому примеру знатные литовские бояре уже в XV в. стали обозначаться не только личными и родовыми именами, но и по имениям, им принадлежавшим: Протасий с Островка, Корева с Солечник, Михаил Кезгайлович с Дявилтова, Миколай Радзивиллович с Мушник и т. д. Та же самая претензия на княжеское значение, которая проявилась в этих величаниях по имениям, позже стала искать себе более определенных выражений и привела к принятию знатными литовскими панами соответствующих титулов. Так, например, известный пан Альбрехт Мартинович Гаштольд стал называть себя *графом* Каменных Гераноин; пан Николай Николаевич Радзивилл во время пребывания на Венском конгрессе 1515 г. достал себе от императора Максимилиана титул *князя* Священной Римской империи на Ганязе и Мядели; император Карл V в 1547 г. пожаловал титул *князей* на Несвиже и Олыке братьям Николаю и Яну Яновичам Радзивиллам, а их двоюродному брату Николаю – князя на Биржах и Дубинках и т. д. Здесь уже замечается некоторая переоценка значения литовских панов как феодальных государей, ибо пожалование их князьями и графами империи как бы уже выводило их из-под суверенитета великого князя. Как бы то ни было, но литовско-русский феодализм – факт, не подлежащий сомнению.

Литература

Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута. М., 1892; *Он же.* Литовско-русский сейм. М., 1900; *Он же.* Литовско-русский феодализм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 35; *Леонтович Ф. И.* Панский двор в Литовско-Русском государстве. Варшава, 1895; *Он же.* Бояре и служилые люди в Литовско-Русском государстве // Журн. М-ва юстиции. 1907. № 5–6; *Он же.* Правоспособность литовско-русской шляхты // Журн. М-ва нар. просвещения. Н. С., 1908. Ч. 14, март; *Baranowski I. T.* Z dziej w feudalizmu na Podlasiu // Przegląd historyczny. 1907. T. 4, z. 1–2.

XXIV. ОРГАНИЗАЦИЯ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ КАЗИМИРЕ И ЕГО СЫНОВЬЯХ. СОСЛОВНЫЕ ВЛАСТИ В ГОСПОДАРСКИХ ДОМЕНАХ

Общая классификация органов местного управления в Литовско-Русском государстве. Тиуны и подтиуны при наместниках-державцах и их функции. Пристава, сотники, сорочники, десятники, приказники и путники, атаманы в роли непосредственных крестьянских властей. Старцы как главы крестьянского самоуправления в даннических волостях. Войты в селах на немецком праве. Урядники, ведавшие специальные повинности крестьян. Общие власти у крестьян и мещан, не состоявших под магдебургским правом. Хоружие бояр-шляхты и их функции.

В государстве, проникнутом началами федерализма и феодализма, естественно, должно было получить перевес наибольшее развитие управления местного как по числу органов, так и по их функциям. Поэтому и обзор судебно-административного строя Литовско-Русского государства, естественно, приходится начинать с организации его местного управления.

Органы этого управления были разнообразны. Одни из них обслуживали исключительно либо господарские волости, либо княжеские, панские и церковные имения, причем распадались на две категории: сословные, ведавшие тот или другой класс населения, и общесословные, ведавшие все население господарских волостей или княжеских, панских и церковных имений. Другие обслуживали зараз не только господарские волости, но и княжеские, панские и церковные имения, были органами не только домениального, но и государственного управления в собственном смысле этого слова.

К сословным органам домениального и вотчинного управления относились прежде всего различные крестьянские и мещанские власти. Мы ограничим свой обзор этих властей господарскими волостями, где эти власти по источникам более известны, чем в княжеских, панских и церковных имениях. Насколько позволяют видеть источники, между господарскими волостями и частновладельческими имениями в настоящем случае была большая или меньшая аналогия.

В качестве крестьянских властей по актам выступают прежде всего *тиуны*. Тиуны были при господарских дворах и дворцах, где велось собственное хозяйство великого князя. Они были ближайшими помощниками великокняжеских наместников-державцев по надзору за работами, производившимися на господарской пашне и угодьях, по охранению собранного урожая и всяких вообще господарских «пожитков». По «уставе» 1529 г. они должны были присутствовать обязательно на суде наместника-державцы и записывать «вины», т. е. собираемые судебные пошлины, две трети которых шли господарю. Тиуны выезжали иногда сами разбирать поземельные столкновения и мелкие «спорчизны» между крестьянами. Тиуны в качестве помощников наместников-державцев являются по актам преимущественно в собственно Литовской земле, но встречаются также в землях Киевской, Смоленской и др. Тиуны состояли при главных дворах; при дворцах были у них помощники – *подтиуны*. Родоначальниками этих тиунов были, очевидно, те «сельские» и «ратайные» тиуны, о которых говорит «Русская Правда» и которые, по-видимому, были тогда из рабов. В рассматриваемое время эти тиуны выбирались наместниками-державцами из крестьян «лепших служеб», но были также и из челяди дворной. Вместо тиунов помощниками наместников-державцев по хозяйственному управлению бывали *понаместнички* из слуг наместника-державцы.

Тиуны не были исключительно крестьянскими властями, ибо распоряжались также и челядью дворною. Их деятельность сосредоточивалась главным образом на господарских дворах, пашнях и гумнах (гумнами заведовали иногда и особые гуменники). В селах распоряжались уже другие, в собственном смысле крестьянские власти. Эти власти по разным местам носили разные названия. В землях, населенных литовским племенем, т. е. на Литве и Жмуди, эти власти назывались *приставами* и выбирались наместниками-державцами из крестьян «лепших служеб». Приставов было несколько в волости, которая делилась вследствие этого на «приставництва». Один из них был старшим,

или волостным, а другие назывались *посельскими,* иногда *десятниками.* Пристава выгоняли крестьян на работы и в подводы, собирали с них дякло, мезлеву и разные другие натуральные подати, следили за тем, чтобы никто не уклонялся от волостных повинностей, вследствие чего перед наместниками-державцами «приискивали» в «потягли» разных людей, владевших крестьянскими землями, которые обнаруживали стремление «бояритися». Как и на Руси Северо-Восточной, эти крестьянские власти присутствовали на суде державцев и тиунов, когда разбирались крестьянские тяжбы, за что получали 2 пенязя с рубля грошей судебных пошлин. Кроме того они получали разные другие «подачки» с крестьян, денежные и натуральные, вследствие чего в свою очередь платили «доходы» назначавшему их на прибыльную должность господарскому урядику. В той части собственно Литовской земли, где население было смешанное, с преобладанием русского элемента, т. е. так называемой Черной Руси (поветы Новгородский, Городенский, Слонимский и Волковысский), в роли приставов встречаем *сотников, сорочников* и *десятников.* Это были старинные русские крестьянские власти. Из них сотники ведали крестьян всего повета, состоявшего из нескольких волостей, в отношении тех повинностей, которые они несли на замок или центральный двор повета, сорочники были волостные пристава, десятники – посельские. Сотники и десятники встречаются по актам кроме того в Берестейской земле, на Полесье, т. е. в бывшей Турово-Пинской земле, в землях Киевской, Чернигово-Северской, частью в Смоленской и Полоцкой (в Полоцкой десятники были по *станам,* на которые делились волости). В южных окраинных волостях Киевской земли, как и в соседней Подольской, в качестве крестьянских властей действовали *атаманы,* установленные здесь еще татарами для сбора доходов. В Смоленской земле в роли волостных крестьянских властей были *приказники,* назначаемые из слуг, а иногда и бояр. В тех волостях, которые носили название путей, крестьянские власти носили название *путников.*

В поднепрских, задвинских и других волостях, где не было господарского хозяйства и где крестьянское население состояло из данников, в качестве крестьянских властей действовали *старцы.* Эти старцы были выборными местных миров и утверждались в своем звании самим господарем, которому они вносили «плат» от своего «старчения», бывшего доходною должностью. Старцы собирали дань грошовую, медовую, бобровую и куничную и отвозили ее либо в скарб (грошовую), либо до ключей. Они же «меты метывали» на волость, т. е. раскладывали и собирали с отдельных крестьян «недополнки», т. е. недоимки дани (дань была фиксирована для каждой волости), наместничьи доходы и разные другие «розрубы» и «розметы». Старцы делали это не единолично, но на мирском сходе, или вече. В даннических волостях, как и в черных волостях Северо-Восточной Руси, крестьянское самоуправление было развито гораздо более и крепче держалось, чем в других. Бывали случаи, что крестьянское самоуправление здесь заменяло управление господарских урядников. Такой пример можно указать, например, в Торопецком повете, где была

особая Старцева волость. Наместники торопецкие не имели права въезжать в эту волость за данью и тиунщиной, судить и рядить данников этой волости, привертывать их в подводы и другие «податки» и «розметы»: судил и рядил их во всем старец их или особый «въездчий», которого великий князь посылал собирать с них дань или по другим делам. Впрочем, полное устранение великокняжеских урядников было крайнею редкостью. Там, где суд судили наместники-державцы, старцы разбирали бортные и межевые дела между крестьянами, как делали это и литовские пристава. Как представители своих волостей старцы от лица их вели иски против наместников-державцев и других должностных лиц по поводу их «кривд» или «новин», которые они заводили по части волостных повинностей, приискивали в «розрубы» и «розметы» разных лиц, уклонявшихся от них, раздавали крестьянские «пустовщины» съемщикам за известную плату, которая шла в пополнение недоимков, и т. д.

В тех местностях, где в рассматриваемое время вводилась волочная система, т. е. на Подляшье и в западных поветах Волыни и Литвы, крестьянские власти древнерусского происхождения вытеснялись *войтами* немецко-польского типа. Войтами становились обыкновенно устроители новых поселений на немецком праве, или осадчики. Они размеривали земли на волоки и созывали на них вольных прихожих людей на чинш. В награду за это войты получали обыкновенно две-три вольных, т. е. свободных от податей и повинностей, волоки, чинш с каждой десятой волоки из вымеренных, юрисдикцию над осадою с правом получать в свою пользу третий грош с «вин», т. е. судебных пеней, и мельницы. Войты получали это в собственность с правом передавать по наследству, отчуждать по доброй воле и с обязанностью нести со всего этого земскую службу вместе с земянами. Местные державцы-наместники не должны были вступаться в подначальных войтам людей, в их земли, платы и пожитки. За правильным поступлением доходов в пользу господаря следили и отвечали войты, заменившие собою таким образом не только прежних сотников и десятников, но отчасти и самих наместников-державцев.

Крестьянские власти ведали крестьян в отношении повинностей, бывших более или менее общими, и мало, а быть может, и вовсе не касались некоторых специальных повинностей, которыми заведовали особые центральные дворцовые урядники, например *конюшие* и *подконюшие*, *гаевники, лесничие, бобровничие, сокольничие, ловчие,* несшие свои обязанности по эксплуатации угодий на великого князя, а также слуги наместников-державцев или же сами они непосредственно. Конюшие существовали при тех господарских дворах, которые были в резиденциях областных княжений. Таким образом, были конюшие виленский, трокский, полоцкий, витебский, смоленский, луцкий, новгородский, пинский, брянский. Они заведовали конскими заводами и табунами и специальными службами конюхов, конокормцев, стадников и т. д. Их ведомство охватывало обыкновенно всю территорию бывшего княжения или почти всю. То же самое надо сказать и относительно ловчих, сокольничих и бобровничих. Что касается гаевников и лесничих, то они существовали в тех

местностях, где были господарские лесные пущи. Гаевники заведовали в господарских пущах бортными деревьями, которые крестьяне «подлазили» или на господаря, или на себя под условием платежа определенной дани; лесничие следили за тем, чтобы никто не бил зверей и не разрабатывал «буд» (не гнал смолы, дегтя, не жег золы) в господарских пущах без надлежащего разрешения.

Старцы, существовавшие в поднепрских, задвинских и других даннических волостях, атаманы в Киевской земле, сотники и соцкие в некоторых восточных территориях были не только крестьянскими, но и мещанскими властями. «Места» здесь не обособлялись от сел в платеже податей и несении повинностей, и волостная организация распространялась здесь и на места, включала их в себя. Только в местах Смоленской земли мы встречаем особых старост, как, например, в Смоленске, Кричеве (Кричев был, по-видимому, завоеван Литвою в XIV в. от Смоленска). Места на Литве и в других областях, где было развито великокняжеское хозяйство, соединены были с господарскими дворами и, по всем данным, находились под управлением великокняжеских урядников до поры до времени. Но с течением времени в литовско-русских местах стало распространяться особое управление, носившее до известной степени характер самоуправления по немецкому образцу, или так называемому «майтборскому праву».

Не одни крестьяне и мещане господарских доменов имели свои сословные власти. Имели их и бояре-шляхта, и земяне. Таковы были прежде всего *хоружие,* которые выводили бояр-шляхту и земян данной господарской волости или повета на войну, оповещали их о мобилизации, следили за тем, чтобы никто из них не оставался дома и служил с тем числом слуг, какое полагалось по величине его имения. Кроме того, хоружие «под сведомом» наместников-державцев выбирали чрезвычайный налог – серебщину, когда она налагалась по определениям сейма с людей боярских, земянских и татарских. Поветовые хоружие назначались обыкновенно самим господарем из состава местных бояр или земян по представлению наместников-державцев и от своей должности получали некоторые доходы. Кроме хоружих значение шляхетских властей имели и те земяне, которые должны были выбираться наместниками-державцами для обязательного присутствования на суде их наместников и маршалков, когда разбирались шляхетские тяжбы.

Литература

Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута. М., 1892; *Леонтович Ф. И.* Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве // Журн. М-ва нар. просвещения. 1897. № 4; *Довнар-Запольский М. В.* Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI в. Киев, 1905; *Грушевський М. С.* Історія України – Руси. Львів, 1905. Т. 5.

XXV. УПРАВЛЕНИЕ МЕСТ С МАГДЕБУРГСКИМ ПРАВОМ

Распространение магдебургского права в местах Литовско-Русского государства и причины этого явления. Податные и повинностные льготы при даровании магдебургского права; «плат» за это право. Доходы мест, получивших магдебургское право. Право склада товаров. Выгоны и права пользования лесами. Местский войт и его функции. Местская рада и лава, их состав и функции. Шаферы и контрольная коллегия в Вильно. Органы еврейского самоуправления.

Магдебургское городское устройство ранее других мест в Литовско-Русском государстве получила великокняжеская столица – Вильно. Привилей на магдебургское право был выдан Вильно в 1387 г. В XV в. магдебургское право даровано было Трокам, Берестью, Ковно, Луцку, Кременцу, Владимиру, Полоцку, Киеву, Минску и Новгородку; в XVI в. его получили и многие другие, менее значительные места. Из вступительных заявлений, содержащихся в привилеях на магдебургское право, видно, что великие князья литовские, даруя своим городам это право, руководились господствовавшим тогда и у поляков, и у чехов убеждением, что это право содействует преуспеянию городов, умножению в них населения и увеличению их материального благосостояния. Прямым образом это содействие выражалось в тех мерах, коими сопровождалось введение магдебургского права в городах. Таковыми были, во-первых, освобождение мещан от разных повинностей, которые они несли заодно с волостными людьми – крестьянами; во-вторых, предоставление местам различных доходных статей для их «оправы», т. е. для удовлетворения их общественных нужд; в-третьих, освобождение их от «моцы, владности и суда» воевод, старост, державцев, от городового и боярского права, от всех вообще прав, «устав» и обычаев, которые противны магдебургскому праву, и организация одновременно с тем особого, специально городского управления.

Выше был дан общий очерк тяглых повинностей, которые несли господарские крестьяне. Те же повинности заодно и сообща с крестьянами несли и мещане незначительных мест, обыватели которых занимались главным образом земледелием и мало специализировались на торговле и ремесле. При даровании этим мещанам магдебургского права мещане освобождались от этих повинностей. Так, мещане Кременца были освобождены от хождения на толоки и в ловы; мещане Волковыска – от косьбы сена, от работ по выделке извести, от сторожи дворной, от пастьбы господарских коней, от подвод для урядников, от платежа дякол и т. д. Мещане крупных торгово-промышленных центров, населенных богатым купечеством и ремесленниками, как, например, Вильно, Полоцк, Новгородок, Минск, конечно, не несли барщинных повинностей и до дарования им магдебургского права. Но при всем том на них лежали некоторые общие с волощанами повинности, как, например, подводная, кормовая и сторожевая. Привилеи на магдебургское право обыкновенно освобождали их и от этих повинностей, с оговоркою, что мещане обязаны давать стации,

овес и сено и сторожу на двор господарский в случае приезда господаря и подводы на потребу земскую по листам, запечатанным господарским «сыкгнетом», т. е. перстнем. Из прежних повинностей оставлялись на местах: военная в виде обязательства выставлять известное количество ратников со всего места по «уставе», серебщина и ордынщина, которые мещане обязаны были платить «безо всякое вымовы» всякий раз, когда этот податок налагался господарем на военные нужды. Впрочем, с некоторых мест слагались не все барщинные повинности. Так, мещане волковысские и после пожалования им магдебургского права должны были ходить на толоку на господарскую пашню, два дня пахать и два дня жать. За освобождение от барщинных повинностей и за дарование вообще льгот мещане должны были вносить ежегодный «плат» со всего места, варьировавшийся по отдельным местам, 30, 50, 100 и более золотых, коп грошей и т. д. Раз прекращались или сокращались повинности, которые находились в ведении дворовых урядников, естественно, прекращалась или сокращалась их распорядительная деятельность в местах.

Для «полепшения» мест и их «оправы», как сказано, им жаловались разные доходные статьи. Мещане получали право выстроить ратушу, в нижних помещениях ее иметь «крамницу» (мануфактурный магазин), хлебные «ятки» (закрома), «комору пострыгалную» для стрижки сукон, «бочку мерную» для сыпучих тел и «медницу медную» для жидких. Доходы с этих статей войт и бурмистры должны были употреблять на общественные нужды. Некоторым местам давалось право все вообще хлебные закрома (ятки) и «клетки» мясные держать и сдавать от города и не допускать частных яток и клеток. Впрочем, для тех, которые уже существовали, делалось иногда исключение, и частным лицам не дозволялось только вновь устраивать ятки и клетки. Там, где был большой приезд купцов со стороны – гостей, места получали право выстроить гостиные дворы для стояния этих гостей с их товарами. В числе доходных статей постоянно давалось право иметь местскую *важницу,* т. е. городские весы, *воскобойню* и *капницу* для отливания в формы (камени) воска и для наложения на них местской печати (эти формы и печати были гарантиями полновесности и чистоты воска за границею, куда он шел), *посполитую лазню,* т. е. торговые бани, и *млын,* т. е. мельницу. Некоторым местам давалось право держать и *посполитую кухню,* харчевню или трактир по-нашему, очевидно, для потребностей приезжающего люда. Что касается корчем винных, медовых и пивных, то по этой части дело обстояло различно. Корчмы вообще составляли господарскую регалию, и великий князь либо сдавал их на откуп, либо предоставлял держать их отдельным мещанам, внося обычный плат, или капщину. Но бывали случаи, что все место брало в аренду корчмы, и они уже сдавались тогда отдельным лицам от города. Места получали в свое распоряжение все пустые усадебные земли, которыми должны были распоряжаться войт и бурмистры. Все доходы с этих статей должны были поступать в местскую «скрыню», в общественный сундук, ключи от которого находились у бурмистров. Из этих доходов платились плат за магдебургское право,

серебщина, а также оплачивались вообще все расходы, которые падали на место по доставлению подвод и стаций, по постройке укреплений: стен, рва и т. д. «Место» вело целое общественное хозяйство, которое давало не только приходы, но и расходы, например, на содержание плитницы, или кирпичного завода, выделывавшего кирпичи на местные нужды мостовых, гостиного двора, лазни, мельницы и т. д. Одним из самых видных прав, которые давались при пожаловании магдебургского права, было *право склада,* дававшееся крупным местам. В силу этого права приезжавшие в место сторонние гости не имели права отвозить свои товары в другие города, но должны были продавать их в данном месте, и притом не в розницу, а оптом: сукно – поставами; соль – ластом; перец, имбирь, миндаль и другие простые «зелья» – каменем; более дорогие – шафран, мускат, гвоздику, цвет мускатовый, калган, цытвар – фунтом; топоры, ножи и другие подобные вещи – «тахром» либо «тузинами» (dutzend, дюжина); железо, олово, медь, свинец, латунь и т. д. – центнером; фиги, изюм – «кошем»; вино и пиво немецкое – бочками. Продавая оптом все свои товары местным купцам, сторонние гости должны были закупать товары у тех же купцов оптом: воск – штуками по полуберковцу; дорогие меха соболей, куниц и хорьков – по 40; дешевые – белку, горностая, лисицу и норицу – по 250; золу и смолу – ластом. Так, следовательно, покупка и продажа в розницу сосредоточивалась в руках местного купечества. Приезжие купцы могли торговать в розницу только в дни ярмарок. Кроме того, особая привилегия давалась в этом отношении некоторым мещанам, например, виленским, которые свободно могли торговать не только у себя в Вильно, но и в других местах.

К числу прав, обеспечивающих материальное благосостояние мещан, надо отнести также право их пасти скот там, где и прежде пасли его, брать лес на строение хором (не на продажу) и дрова на известное расстояние вокруг города, например на милю.

Кто же распоряжался в этих привилегированных местах, кто судил и рядил после устранения воевод, старост, державцев и других господарских урядников? Во главе местских властей стоял *войт,* первоначально назначавшийся господарем с правом передавать и свою должность по наследству и отчуждать ее за деньги в чужие руки. Должность войта была доходная: он получал обыкновенно третий грош с «вин» и вообще судебных доходов, несколько «клеток мясных» с платом их, одну или две корчмы вольных и т. д., и за все это должен был не только отправлять свою войтовскую должность, но и нести военную службу вместе с боярами-шляхтою или земянами. С течением времени города перекупали наследственные войтовства, и эти должности становились выборными. Войт сообща с поспольством места избирал радцев, советников в количестве 6, 12 и даже 24, как в Вильно, а эти последние избирали из своей среды на год бурмистров: двух, четырех, шесть, двенадцать, смотря по величине места, половину римского закона и половину греческого. С этими бурмистрами и радцами войт и вершил все дела как судебные, так и административные. Войт с бурмистрами и радцами разбирал обыкновенно

как гражданские, так и уголовные дела: о злодействе (краже) и разливании крови, о мужебойстве, отнятии членов и о других проступках. Во всех этих делах войт получал «суполную моц судити и осудити, карати и стинати, и на кола бити, и потопляти, яко же то право немецкое майтборское во всех своих розделах и члонках держить и жадаеть [требует]». Только дела о гвалте (нападении на дом), поджоге, разбое, шляхетской ране и насилии над женщинами обыкновенно изъяты были из местского суда и подсудны были господарским урядникам, которые судили их с радцами. В тех случаях, когда тягались на суде мещанин с волостным человеком, устраивался общий суд господарского наместника с войтом на дворе господарском или ратуше по правилу «actor forum rei sequitur». Недовольные решением войтовского суда апеллировали непосредственно к великому князю, минуя все инстанции, и великий князь пересматривал дело на основании того же магдебургского права (кодексами его служили «Саксонское зерцало» и магдебургские узаконения). В некоторых местах, впрочем, местский суд распадался на раду и лаву. *Рада* состояла из бурмистров и радцев, которые заведовали хозяйством города и всем его благоустройством и разбирали гражданские дела мещан. *Лава* состояла из войта и присяжных, лавников, которые разбирали уголовные дела. На решения рады можно было апеллировать к войту (в Полоцк), но на решение войта апелляция должна была уже идти к великому князю. Впоследствии, когда войт становился выборным, устанавливалось и обратное отношение: отозвание от войта до суда бурмистров и радцев. Иногда рада и лава соединялись вместе для решения каких-либо дел. Но вообще рада была более административным, чем судебным учреждением. Рада в Вильно заботилась о боевой готовности места, принимала меры к тушению пожаров, заботилась о снабжении города водою, наблюдала, чтобы мясники не били нездоровый скот и не продавали порченого, наблюдала за весами и мерами, скупала хлеб для снабжения жителей во время голода и т. д. В некоторых крупных местах это судебно-административное устройство с течением времени осложнялось. Так, в Вильно имущество места, его доходы и расходы ведали с 1536 г. особые *шаферы* в числе четырех. Двух из них выбирала из поспольства рада непосредственно, а двух выбирала из числа восьми, которые избирались самим поспольством. Этих шаферов проверяла особая коллегия, состоящая из двух радцев, представителей от каждого цеха по выбору рады и шести человек от поспольства, избираемых радою из состава 18 кандидатов, избранных поспольством (купечеством и всеми постоянными обывателями).

Когда вводилось в месте магдебургское право, то не только мещане, но и владельческие люди, проживавшие в местах, – церковные, княжеские, панские, боярские и мещанские – объявлялись под «послушенством этого права». Они освобождались от присуда своих господ и подчинялись местскому суду; своим же «господарям» они обязаны были только платить «позем», т. е. плату за пользование их усадебною землею. Исключение представляли собою обыкновенно евреи, которые группировались в особые самоуправляющиеся

общины – «зборы» – вокруг своих синагог и кладбищ. Они выбирали своих *старших,* которые под председательством *доктора* (раввина) составляли коллегию. Эта коллегия налагала духовные наказания (проклятие, отлучение), а также разбирала гражданские дела между евреями (дела между евреем и христианином разбирал господарский урядник). По всем делам, не имеющим отношения к религии, возможна была апелляция к господарскому наместнику, т. е. к воеводе, старосте и державце, смотря по тому, кто сидел в городе. По делам духовным апелляция на решение доктора и старших дозволялась к «старшим докторам». В ведении раввина и старших находились *кантор, школьник* и *резник,* находившиеся на иждивении «збора». По уголовным делам евреи были подсудны господарскому наместнику. Некоторые еврейские общины, как, например, трокская, получили свое магдебургское право, обособлявшее их от остального места.

Литература

Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. Т. 1; *Бершадский С. А.* Литовские евреи. СПб., 1883; *Антонович В. Б.* Исследование о городах Юго-Западного края // Антонович В. Б. Монографии по истории Западной и Северо-Западной России. Киев, 1885. Т. 1; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868; *То же* // Журн. М-ва нар. просвещения. 1866. № 8–12; *Halban A.* Zur Geschichte des deutschen Rechts in Podolien, Wolhynien und der Ukraina. Berlin, 1896; *Тарановский Ф. В.* Обзор памятников магдебургского права западнорусских городов литовской эпохи. Варшава, 1897; *Грушевський М. С.* Історія України – Руси. Львів, 1905. Т. 5.

XXVI. НАМЕСТНИКИ-ДЕРЖАВЦЫ КАК ОРГАНЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО И ФИНАНСОВОГО УПРАВЛЕНИЯ В ГОСПОДАРСКИХ ДОМЕНАХ

Наместники и тиуны на пригородах и волостях Великого княжества Литовского в древнейшее время. Замена тиунов наместниками в XV в. Сближение наместников с польскими державцами и усвоение этого названия. Хозяйственно-административная деятельность наместников-державцев в господарских имениях. Наместники-державцы в роли сборщиков натуральных и денежных податей. Доставление стаций и подвод господарю, его послам и гонцам. Доходы наместников-державцев от господарского хозяйства.

Главными правителями в господарских имениях, коим подвластно и подсудно было все население этих имений, были *наместники-державцы* и *тиуны.* Их судебно-административная власть простиралась на округа, называвшиеся *волостями* или *поветами* (последнее название предпочиталось, если округ состоял не из одной волости).

Наместники и тиуны в качестве правителей пригородов и волостей были унаследованы Литовско-Русским государством от древней Киевской Руси. При

этом тиуны, по всем данным, первоначально преобладали над наместниками, которые сажались только по большим городам. Но в XV в. тиуны постепенно исчезали и заменялись наместниками; состоявшие при этих наместниках тиуны из челяди дворной или крестьян были помощниками их по управлению челядью же и крестьянами. В качестве органов общего управления и суда тиуны уцелели только в Жмудской земле, составляя ее особенность. Замена тиунов наместниками, по всей видимости, стояла в связи с тем обстоятельством, что литовско-русскому господарю их должности пришлось все чаще и чаще раздавать знатным боярам, панам, для которых имя «тиун» было малоподходящим. Вследствие развития господарского хозяйства и поручения его ведения наместникам, вследствие изъятий частновладельческих имений от несения повинностей на господаря и от присуда его урядников наместники пригородов и волостей, особенно на Литве и Жмуди, почти низошли на положение управителей господарских имений, параллельных с управителями княжеских и панских волостей, называвшихся нередко также наместниками. Сблизившись в этом своем значении с польскими державцами королевских имений (крулевщизн), они и стали с конца XV в. сплошь и рядом именоваться *державцами*. С течением времени это название вытеснило прежнее русское название «наместник». Будучи параллельными, близкими к вотчинным властями, наместники-державцы при всем том, однако, не сравнялись с ними полностью. Домены в Литовско-Русском государстве не были вотчиною, наследственным достоянием великих князей, которые получали свою власть по избранию князей, панов и бояр-шляхты. Господарские имения были государственными имуществами, с которых доходы шли не только на содержание великого князя, но и на нужды государства. В этом смысле наместники-державцы (равно как и жмудские тиуны) были органами общегосударственного управления на местах.

Наместники-державцы сделались главными органами хозяйственного управления преимущественно в собственно Литве и Жмуди. Чрезвычайно разнообразна была их деятельность в этом качестве, как она вырисовывается из отдельных показаний актов и данных им «устав», или инструкций. Наместники-державцы распоряжались постройкою и ремонтом господарских дворов и дворцов, городьбою огородов и садов, устройством ставов и млынов (запруд и мельниц), расчисткою и обработкою пашен, эксплуатацией рыбных ловов и бобровых гонов, бортных и звериных ухожаев, господарских «буд» или «куп» в пущах; заботились о том, чтобы было достаточное количество рабочего скота и земледельческого инвентаря, а также и о том, чтобы великокняжеское хозяйство было обеспечено крестьянским трудом, чтобы для потребностей его было должное количество служб тяглых и специальных. Эта последняя забота находила себе применение в разнообразных случаях. Так, пожалование людей из состава великокняжеской волости решалось окончательно только по докладу наместника-державцы, что это пожалование будет двору господарскому «не шкодно». Получив просьбу о пожаловании тех или других людей с их землями, великий князь запрашивал своего наместника, не будет ли это «шкод-

но» для двора его, и только получив отрицательный ответ, утверждал имение за просителем. Пожалования, состоявшиеся в обход этого порядка, иногда отменялись по представлению наместников-державцев или заменялись другими. Поэтому господарь великий князь очень часто поручал самому наместнику-державце «обыскать» в волости известное число людей с землями для того или другого лица, с тем чтобы пожалование этих людей двору господарскому не было убыточно. В интересах господарского хозяйства и для увеличения доходности своей «державы» наместники-державцы «осаживали» людьми пустые крестьянские участки. Они посылали особых «выводчих», которые сводили с владельческих земель господарских крестьян, ушедших недавно из волости, буде возвращение таких крестьян представляло интерес, или же старались разными льготами заставить крестьян вернуться на покинутые ими участки. Особенно эта деятельность развивалась в волостях, опустевших или от неприятельского разорения, или от дурного управления. Пустовщины осаживались не только отчичами, но и сторонними прихожими людьми; когда же отчичи возвращались в волость, наместники-державцы приискивали им другие участки. Пустовщины раздавались не только вольным «похожим» людям со стороны, но и местным многосемейным крестьянам, имевшим уже свои отчины, «на особную службу». Вольных «похожих» людей наместники-державцы не только сажали на самостоятельные пустовавшие участки, но также и присаживали в «потужники» к маломочным крестьянам, имевшим под собою большие отчины.

Осаживая пустовщины людьми, наместники-державцы налагали на этих людей обыкновенно те же самые повинности, которые и прежде шли с этих пустовщин, руководясь определившимися уже потребностями и порядками господарского хозяйства. Но так как в этих потребностях с течением времени происходили изменения, то и наместники-державцы осаживали пустовщины нередко на оброке взамен шедших с них ранее повинностей. «Уставы», дававшиеся при Сигизмунде I наместникам-державцам дворов Виленского и Трокского поветов, предписывали им произвести общий пересмотр крестьянских служб с точки зрения потребностей господарских дворов и лишних крестьян осадить на «вроке». Это предписание было крупным нововведением в управление господарских волостей, ибо до этого в нем господствовала тенденция соблюдать крестьянскую старину. О причинах, вызвавших это нововведение, будет сказано в своем месте.

Организуя крестьянские службы, наместники-державцы следили и за их надлежащим выполнением. Крестьянские власти получали распоряжения по этой части от наместников-державцев и контролировались ими. Точно так же наместники-державцы имели в своем ведении и все сборы с господарского хозяйства, хлебный урожай и приплод скота. Гумна и житницы состояли под их надзором и контролем. По сбору урожая из него выдавалась прежде всего церковная десятина, затем откладывались месячина для челяди дворной и семена, а остальное делилось на три части, из которых одну брал себе наместник-державца, а две шли в пользу господаря. Этот хлеб либо продавался, либо

раздавался разным лицам по «квитациям», или ассигновкам, из центра. Так обстояло дело во дворах Виленского и Трокского воеводств, т. е. в пределах Великого княжества Литовского в тесном смысле. В окраинных областях, где господарское хозяйство было сравнительно слабо развито, весь урожай уходил на содержание уряда и замковых «залог» (гарнизонов). Наместники-державцы вели точный учет и приплоду скота, особенно лошадей, которых они переписывали в особые реестры. Лошадей также выдавали разным лицам «по квитациям».

В связи и наряду с административно-хозяйственною деятельностью выступает и значение наместников-державцев как главных органов финансового управления в господарских волостях. Во всех великокняжеских волостях, как в тех, где велось господарское хозяйство, так и в тех, где его не было, наместники-державцы были сборщиками податей как натуральных, так и денежных. Одною из самых распространенных податей было *дякло*, взимавшееся рожью (иногда пшеницею), овсом, сеном, дровами, пентиниками (пенькою или льном), с прибавкою кур и яиц, иногда еще *колодины* и *глинных пенязей*. Дякольный хлеб и овес наместники-державцы частью расходовали по «квитациям», но большею частью препровождали в распоряжение *городничих*. Городничие существовали в крупных замках, бывших базисами обороны областей: в Вильно, Троках, Ковно, Городно, Новгородке, Минске, Берестье, Каменце, Полоцке, Витебске, Смоленске, Киеве, Луцке, Владимире и Кременце. Должность их состояла в надзоре за исправностью укреплений, в руководстве их постройкою и починкою. Это была старая русская должность, прототипом которой был еще «городник» «Русской Правды». Хлеб и овес, который получали городничие от наместников-державцев, предназначался собственно на содержание «залоги», или гарнизона, на пополнение крепостных провиантских магазинов; лишний продавался за деньги. Вместе с хлебом городничим шла еще и колодина – деньги взамен колод для укреплений, а также глинные пенязи взамен обязанности поставлять глину для укреплений. Сено, дрова и живность оставались на господарских дворах либо заменялись деньгами. Наместники-державцы собирали также *мезлеву*: натурою, когда это было нужно, а чаще всего деньгами, а также и разные другие платежи натурою, как, например, солью (с соляников), рыбою (с рыболовов), углем (с угольников), хмелем и т. д. К натуральным податям, которые собирали наместники-державцы, относилась и *дань* медовая, бобровая, куничная и др. Исключение в этом случае представляли поднепрские и задвинские волости, которые сами отправляли дань до скарба и до ключей виленского и трокского; впрочем, по временам и здесь сбор дани поручался иногда наместникам-державцам. Что касается денежных сборов, производившихся наместниками-державцами, то здесь прежде всего надо упомянуть пенязи, собиравшиеся взамен перечисленных натуральных податей, *осадные пенязи*, или оброк, собиравшиеся взамен издельных повинностей; *куницы*, или арендную плату, взимавшуюся за пользование пустовщинами и разными доходными статьями; *грошовую*, или *серебряную, дань* и, наконец, «земский податок», называвшийся на Литве

и в землях Жмудской, Полоцкой и Витебской *серебщиною,* в Смоленской – *посощиною,* в Киевской – *подымщиною,* в Волынской – *воловщиною.* Этот земский податок, шедший на военные нужды, был податью чисто политического происхождения, tributum pacis. В русских землях его платили первоначально, по-видимому, татарам, а затем областные литовские и русские князья стали платить его великому князю литовскому, верховному повелителю и защитнику государства. В поднепрских и задвинских волостях наместники-державцы собирали наряду с серебщиною еще и *ордынщину*, которая взималась первоначально едва ли не на уплату поминков крымскому хану.

Хозяйственно-административная и финансовая деятельность наместников-державцев в равной мере охватывала и места. Наместники-державцы осаживали мещанские усадебные и полевые участки пришлыми людьми, разрешали купли и продажи этих участков и вообще заботились о полноте тяглых и податных сил места. Иногда им поручалось вновь осаживать место на магдебургском праве. Наместники-державцы следили за выполнением мещанами всех издельных повинностей на господаря и собирали с них подати и налоги как общие с крестьянскими, так и специально местские, где эти налоги не шли в пользу самого места. Так, через их руки шли в скарб *прутовое*, *поворотное*, *мыто мостовое*, *перевоз*, *бочечное померное*, *вага*, или *весчее*, *торговые пенязи* (лавочный сбор), *куничное* от домов, где пиво и мед варят и продают, *капщина*, или корчемные пенязи, и т. д. Впрочем, некоторые из этих сборов отдавались иногда в аренду на откуп, например, мостовое, померное, корчемные пенязи. Пошлины с продаваемых товаров собирали особые мытники, соляничие (с соли) и восковничие (с воска), получавшие этот сбор или «к верной руце», или в аренду, на откуп. Но бывали случаи, когда сбор мыта от товаров, приходивших сухим путем и водою, поручался наместникам-державцам, как, например, в Речице.

Как главные приказчики в господарских имениях наместники-державцы обязаны были принимать и кормить господаря с его свитою в случае приезда их в данное имение, а равно господарских послов и гонцов, поднимать их, как говорилось тогда, «стациями» и доставлять им подводы для дальнейшего путешествия. Для продовольствия господаря и его свиты шла мезлева, которую наместники-державцы отправляли иногда в заранее определенные пункты, но сверх того собиралась и экстренная стация, которая также не только расходовалась на месте, но и отвозилась по указанию господаря. Стацию и подводы наместники-державцы давали не из своих доходов, а собирали с тех же волостных крестьян, даже и не одних господарских, но и владельческих, пожалованных из состава волости тому или другому князю, пану, боярину или мещанину с обязанностью давать стацию и подводы.

Сделавшись во многих местностях главными приказчиками по господарскому хозяйству, наместники-державцы (и тиуны) стали получать и такие доходы, которых не имели их русские предшественники. По «уставам» дворов Виленского и Трокского воеводств и Жмудской земли, выданным в 1529 г., но, несомненно, регулировавшим частью действовавшие уже порядки, наместни-

ки-державцы получали третью часть чистого урожая, а с 1529 г. – четвертую с ярового хлеба. Огородными овощами им предоставлено было пользоваться полностью и только в случае приезда господаря доставлять на его кухню положенное количество овощей. В тех державах, где производился лов рыбы на господаря, наместникам-державцам предоставлялась также третья часть улова. В других случаях державце на замок рыболовы давали десятую рыбу. Там, где водилось много зверей, наместникам-державцам предоставлялось ловить их по известным местам и посылать с этою целью стрельцов и т. д. В тех областях, где господарское хозяйство было слабо развито, все продукты его обыкновенно шли на державцу и состоявших при нем слуг и военных людей. На Жмуди, в тех волостях, которые состояли в державии старост и тиунов, господарские пахотные земли даже всецело эксплуатировались в пользу этих державцев, считались принадлежностью их урядов, так что господарских дворов фактически не было, а были только дворы старостинский и тиунские. Но так как староста и тиуны чересчур обременяли местных крестьян работами и вызвали тем усиленную эмиграцию из Жмуди, Сигизмунд в 1527 г. освободил жмудских крестьян от барщинных повинностей и разных платежей в пользу старосты и тиунов и заменил все это определенными кормами в пользу старосты и тиунов.

Литература

Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута. М., 1892; *Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. Т. 1; *Грушевський М. С.* Історія України – Руси. Львів, 1905. Т. 5.

XXVII. НАМЕСТНИКИ-ДЕРЖАВЦЫ КАК ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНЫЕ И СУДЕБНЫЕ ОРГАНЫ В ГОСПОДАРСКИХ ДОМЕНАХ

Преемство военной власти наместников-державцев от древнерусских наместников. Оборона повета и мобилизация местных вооруженных сил; заведование крепостями. Юрисдикция наместников-державцев и ее ограничения. Суды общие, полюбовные и копные. Должностные лица при наместниках-державцах из их слуг. Судебные и другие доходы наместников-державцев. Взгляд на их должность как на кормление; «челобитья» от наместничеств.

Наместники-державцы были не только органами хозяйственного и финансового управления господарских доменов, но и военными начальниками и главными судьями в этих доменах. Военно-административные функции их были прямым наследием западнорусской старины. Западнорусские наместники в старину были комендантами городов, которые давались им в держание,

и начальниками местных вооруженных сил, вследствие чего даже и назывались *воеводами*. Такие воеводы-наместники сидели, например, по городам Галицкой земли во время присоединения ее к Польше, по городам Волынской земли в княжение там Любарта Гедиминовича, в Чернигово-Северской земле в княжение Дмитрия Корибута Ольгердовича. Воевод встречаем даже в удельных княжествах Острожском, Кобринском и т. д. Подобно этим воеводам-наместникам и позднейшие литовско-русские наместники-державцы были военачальниками, которые выводили местные вооруженные силы для отражения неприятелей (особенно в пограничных поветах), поддерживали в исправности укрепления, мосты и военные дороги. По этой должности наместники-державцы распоряжались всем населением своего повета. На их зов все обыватели повета, способные носить оружие, обязаны были выступать в погоню за неприятелем в случае вторжения его в повет. Во время мобилизации земской рати наместники-державцы не только выводили господарских слуг и военнослужилых крестьян, но следили также и за тем, чтобы все бояре-шляхта их повета шли на войну «по «уставе» земской», т. е. с известным числом конных ратников, согласно определению сейма. Ближайшие командиры шляхты – хоружие – действовали в данном случае под «сведомом» наместников-державцев, которые несли ответственность наравне с хоружими за упущения и злоупотребления при мобилизации. Все землевладельцы заодно с господарскими мещанами и крестьянами обязаны были строить и чинить укрепления, мосты и дороги; многие сверх того несли «сторожу» в замке и «поле». Распоряжения и приказания по этой части отдавали наместники-державцы. В данном случае власть наместников-державцев простиралась даже на такие имения, которые вышли уже из состава господарских доменов, пожалованы были с полным правом и панством, но с оставлением на них прежних земских повинностей.

Как начальники местных вооруженных сил наместники-державцы по временам принимали деятельное участие в организации военнослужилого землевладения, особенно в пограничных поветах. По собственной инициативе они раздавали иногда пустовавшие земли «на военную службу» «до воли и ласки господарской» и делали затем соответствующие представления господарю великому князю. С ведома и разрешения наместников-державцев совершались различные сделки на военнослужилые имения в их повете и т. д.

Но с особенною ясностью проявлялось значение наместников-державцев как органов общего управления в господарских доменах, в их судебных функциях. Их юрисдикции подлежали господарские крестьяне, мещане непривилегированных мест, бояре-шляхта и другие землевладельцы, державшие имения из состава господарских доменов и под господарем. Мещане привилегированных мест, состоявших на немецком праве, а равно и владельческие крестьяне и другие подданные подлежали суду наместников-державцев только по важнейшим уголовным делам, каковы были: гвалт домовый (вторжение в дом и насилия в нем), разбой, поджог, шляхетская рана, изнасилование женщин. По искам к владельческим «подданным» давали суд и управу владель-

цы; но если владельцы отказывали в правосудии, тогда вступали в свои права наместники-державцы и привлекали уже владельцев на свой суд. Вообще же в тяжбах лиц разных подсудностей по действовавшему тогда праву судил судья обвиняемой стороны в присутствии уполномоченного судьи, коему подсуден истец; если судивший судья не удовлетворял истца, тогда назначался *обчий*, или *смесный,* суд. Юрисдикции наместников-державцев не подлежали те обыватели их поветов, коим даны были несудимые грамоты, предоставлявшие им право судиться непосредственно перед господарем или уполномоченными им людьми. Чаще всего это были откупщики мыта и корчем и других доходных статей. Кроме того, боярам-шляхте по Статуту предоставлялось право не становиться на суд перед теми наместниками-державцами, которые перед тем были переименованы из тиунов.

В пределах, ограниченных перечисленными изъятиями, наместники-державцы чинили суд и управу по всевозможным делам, гражданским и уголовным. Их деятельность в этой области ограничивалась, главным образом, фактически – желанием тяжущихся, которым предоставлено было право в великих делах отзываться до господаря. К этим «великим делам» относились: насильственный захват имения, нападение на дом (гвалт домовый), «безправный грабеж» (самоуправство), убийство, тяжба об отчинном имении, о шляхетской чести и некоторые другие. Стороны имели право отзываться до господаря, «не вступая в право», т. е. не принимая доказательств, коими решалось дело. Если стороны не изъявляли желания судиться у господаря, все эти «великие дела» могли разбираться и решаться наместниками-державцами. Наместники-державцы не имели права только постановлять такие решения, коими решался вопрос о чьем-либо шляхетстве: такие дела они должны были переносить к господарю, так как нобилитация и денобилитация были исключительным его правом. Кроме того, в силу привилеев, пожалованных некоторым землям, например Киевской, наместники-державцы не могли приводить в исполнение своих приговоров по важным уголовным делам без указа господаря.

Фактически судебная деятельность наместников-державцев ограничивалась кроме того деятельностью дворных тиунов и крестьянских властей, например старцев, разбиравших земельные тяжбы, бортные и межевые дела и разные мелкие «спорчизны» между крестьянами, а также деятельностью полюбовных судей, которых брали себе стороны у наместника-державцы, каждая «с своее руки», для разбирательств столкновений и недоразумений на местах. Все эти дела обыкновенно разрешались так называемым «копным правом», т. е. при участии окольных людей, которых собирали тяжущиеся. Копные суды были в большом ходу у литовско-русских крестьян. Копа велась и в тех случаях, когда приходилось отыскивать преступника. Потерпевшие вызывали «на сок» всех окольных жителей, и никто не имел права отказаться от этого под страхом быть обвиненным копою. Копный суд был не чем иным, как продолжением того следственного суда, который совершался еще в эпоху

«Русской Правды». Известно, что в то время искали по верви разбойника, поджигателя, коневого татя, клетного, кто крал чужих бобров, пчел и т. д. Точно так же и в рассматриваемое время копа собиралась тогда, когда нужно было разыскать в данной местности разбойника, поджигателя, татя, покравшего лошадей, сено или хлеб с гумна, бобров и птиц из чужих ловушек и сетей и т. д. Этот розыск естественно превращался в суд, ибо в старину представление доказательств, розыск преступника уже решали дело, и «вырок» судьи был уже простою формальностью, а с другой стороны, при отыскивании преступника копе приходилось оценивать доказательства виновности и невиновности. Даже в частностях можно видеть сходство копного процесса с тем, что происходило в эпоху «Русской Правды». Так, например, если след татя приводил разыскивающих к селу, село должно было или найти татя в себе, или платить за воровство, или «отсочить», отвести от себя след. Копы собирались на определенных местах – коповищах, причем все крестьяне, жившие на известном расстоянии от коповища, чьи бы они подданные ни были, обязаны были являться на копу. Кроме тиунов и крестьянских властей тяжущиеся брали на копу иногда наместника державцы или его «вижа».

Наместники-державцы производили свой суд обычно в присутствии людей из местного общества – бояр, мещан и даже крестьянских властей, смотря по тому, чье дело разбиралось. Все эти лица играли роль свидетелей суда и вместе с тем знатоков местных обычаев и отношений, к которым судья обращался по временам за советом, с которыми он «намовлялся» о деле. Статут 1529 г. вменил в обязанность державцам выбрать из среды местных земян двух человек, людей добрых и веры достойных, для непременного участия в суде, который будут производить в отсутствие державцев их наместники и маршалки.

Наместники-державцы в данных им волостях держали целый штат слуг, которые помогали им в суде и управлении. Из среды этих слуг выходили прежде всего *наместники* наместников-державцев, заменявшие их во время их отсутствия, и *маршалки*, чинившие суды по отдельным поручениям своих господ. Дело в том, что паны, державшие господарские волости, отвлекались постоянно как своими собственными делами, по имениям, так и «справами господарскими и земскими». Сплошь и рядом они были придворными сановниками, членами рады Великого княжества и, кроме того, господарскими наместниками-державцами в других волостях (знатные паны постоянно имели в держании по несколько господарских волостей). Но и независимо от отсутствия их слуги были им необходимы для управления поветами. Слуги наместников-державцев ездили от них *децкими*, когда нужно было кого-нибудь приводом доставить на суд или когда надо было произвести полицейским порядком имущественное взыскание по суду. Из среды их брались *вижи*, на обязанности которых лежало официальное засвидетельствование различных правонарушений и удовлетворений по ним и вообще обеспечение частных лиц «урядовым» свидетельством в целях получения правосудия. Посылка

вижей давала возможность наместникам-державцам, не выезжая из своей резиденции, чинить правосудие по делам, требовавшим ознакомления с правонарушением на месте. Вижи вызывались, как уже было сказано, и на копные суды, решения которых получали оттого большую силу и законность. Из среды слуг наместников-державцев выходили и *увязчие*, которые вводили во владение имениями, присужденными кому-нибудь за долг или по какой-либо другой причине. Все эти лица получали за свои труды доходы – децкование, вижовое, увязчее, которыми делились со своим паном. К ним надо отнести еще *писарей* и *дьяков*, составлявших канцелярию наместников-державцев.

При отправлении суда наместники-державцы получали в свою пользу: известный процент с суммы иска, называвшийся *пересудом*, с истца, доискавшегося своего, а с 1509 г. и с оправданного ответчика; *повинное,* или известный процент с «вин», т. е. судебных штрафов, шедших в пользу господаря, а иногда взамен этого «вины малые» (не свыше 50 грошей); *выметное,* т. е. деньги, которые условливались платить наместнику-державце тяжущиеся, державшие между собою судебное пари; *заклады,* или *заруки,* которые тяжущиеся устанавливали по обоюдному соглашению в пользу наместника-державцы с целью пресечь дальнейшие правонарушения; *поколодное* или *повежное* с тех, кого выпускали из колоды и тюрьмы, часть децкования, вижового и увязчего.

Перечисленные судебные доходы наместников-державцев были несомненно наследием западнорусской старины. В этом можно убедиться, сравнив их с доходами судей по «Русской Правде» и другим памятникам древнего русского права. Таким же наследием были и некоторые другие доходы, получавшиеся наместниками-державцами русских волостей, где не велось господарское хозяйство, а именно: *узъезд*, въезд, *полюдование*, т. е. дары, приносившиеся в старину князю или его наместнику при объезде волости; *стации*, или кормы, дававшиеся мещанами и крестьянами деньгами или натурою; *обвестки* со сторонних купцов, приезжавших торговать в ту или другую волость; *выводные куницы* с женихов, которые выводили невест из места или села на сторону. По особому пожалованию от господаря наместники-державцы получали иногда разные сборы, которые в старину шли особым должностным лицам, а в рассматриваемое время, пережив их, собирались господарем в свою пользу как обыкновенные подати или же раздавались в виде особого жалованья, или «волосток». Таковы были *тиунщина великая* и *малая*, *бобровщина*, *ловчое*, *доводничое*, *данничое*, *сокольничое* в поднепрских, задвинских и некоторых других волостях. Наконец, наместники-державцы по особому пожалованию или «уставе» получали в свою пользу и часть собственных господарских доходов. Господарь руководился при этом разными соображениями: или тем, что наместничьи доходы в данном повете были чересчур малы, или особыми заслугами лиц, или тем, что наместники-державцы принимали на себя некоторые лишние обязательства, не связанные с их должностью, вроде, например, отстройки местного замка «своим накладом».

Доходы, которые наместники-державцы получали со своих держав, рассматривались не только как вознаграждение за исполнение обязанностей по их должности, но и как вознаграждение за их службу господарю вообще, как средства содержания высшего слоя военнослужилого класса, его *кормление*. Взгляд этот находил себе выражение во многих отношениях. Великие князья в своих грамотах, выданных русским областям, постоянно подтверждали, что города и волости они будут раздавать местным боярам. И действительно, города и волости в этих землях раздавались местным землевладельцам большею частью на год, «колеею», т. е. по очереди, чтобы не обидеть никого. Того же правила держались великие князья и в отношении наместничеств и тиунств на Литве и Жмуди, раздавая их местным панам и князьям, с тою разницею, что здесь эти наместничества и тиунства давались либо «до воли господарской», чаще «до живота» или «до осмотренья иншим лепшим врадом». Годовые наместничества вследствие развития здесь господарского хозяйства не были в ходу. В раздаче этих должностей отдельным лицам великие князья руководились не только заслугами и исполнительностью лиц, но иногда желанием дать «поживленье» тому или другому лицу, у которого, например, имение было занято или разорено неприятелем. Воззрение на «держания» как на кормления приводило иногда к тому, что лица, державшие замки и дворы с волостями, передавали их с согласия великого князя своим родным и близким людям. Так поступил, например, князь Константин Иванович Острожский, получивший от великого князя Александра замки Браслав, Веницу и Звенигород «до живота» и в 1517 г. передавший их «сестренцу своему» князю Роману Андреевичу Сангушковичу. Взгляд на «держания» как на кормления ясно обнаруживается и в обычае давать одному и тому же лицу по несколько держаний за раз в разных частях государства, вследствие чего наместники-державцы поручали все управление в них своим наместникам.

Получая кормления от великого князя, наместники-державцы и тиуны платили ему особое «челобитье». В XV в. раздача доходных должностей, по всем признакам, принимала иногда характер настоящей продажи их, вследствие чего и наместничества кое-где (например, в Торопце) отдавались иногда состоятельным людям из мещан и волостных людей. Великий князь Александр в общеземском привилее 1492 г. обещал не требовать ничего с назначения на должность и довольствоваться тем, кто что даст по доброй воле. Такое обещание по существу дела мало к чему обязывало, а потому и после того встречаемся по актам с «челобитьями», которые платились господарю наместниками-державцами при назначении на должность. «Челобитья» платились также воеводам и старостам, по представлению которых господарь раздавал державы.

Литература

Те же труды, что и в предыдущем очерке.

XXVIII. СТАРОСТЫ И ВОЕВОДЫ КАК ОРГАНЫ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТЯХ

Предшественники старост и воевод. Староста жмудский как державца и главный правитель Жмудской земли; подчинение ему других державцев и тиунов. Старосты луцкий, владимирский и кременецкий как главные правители бывших княжений. Старосты берестейский, городенский, ковенский, дорогицкий, бельский и мельницкий и воевода новгородский; их значение как державцев и органов общегосударственного управления в поветах. Воеводы виленский и трокский как наследники власти областных князей. Их судебно-административная власть в собственных державах и в державах наместников-державцев; их власть по отношению к княжеским и панским имениям. Виленский и Трокский военные округа; подчинение воеводам староств и удельных княжеств в военном отношении. Воеводы полоцкий, витебский, смоленский и киевский как преемники областных князей; областные думы и сеймы. Значение воевод и старост как земских правителей, глав областного самоуправления.

Наместники-державцы и тиуны были органами домениального управления в областях Литовско-Русского государства. Им параллельны и аналогичны были управители крупных княжеских и панских вотчин, носившие по временам то же имя наместников и тиунов. Но кроме домениальных властей в областях Великого княжества существовали и такие власти, которые могут быть признаны органами общегосударственного управления в собственном смысле. То были *старосты* и *воеводы*, судебная власть которых простиралась не только на господарские домены, но и на независимые княжеские, панские и церковные имения. Эти старосты и воеводы большею частью вышли из тех наместников, которых великий князь сажал в главных городах областей, бывших резиденциями областных князей, и которые должны были заменять собою этих последних.

Ранее других областей староста утвердился в значении главного великокняжеского наместника в Жмудской земле (со времени возвращения ее от ордена в 1411 г.). Часть господарских волостей староста получил в непосредственное заведование и стал править ими на положении наместника-державцы, пользуясь при этом и всеми его обычными доходами. Несколько господарских дворов с волостями в XV в. и позже стали раздаваться господарем наместникам-державцам, а остальные раздавались старостою тиунам. Но с 1527 г. тиунства в Жмудской земле стали раздаваться самим господарем. Для всех господарских урядников Жмудской земли – тиунов и наместников-державцев староста был главою и непосредственным начальником. «Устава», данная Жмудской земле в 1529 г., регулируя существующий порядок, предписывала тиунам быть во всем послушным пана старосты, «яко рады а местца нашого», особливо в тех делах, которые относятся «ко спноможенью доброй справе речи посполитое» Жмудской земли. Из актов частного характера видно, что

«послушенством» жмудскому старосте обязаны были и местные наместники-державцы. Не мешаясь в их хозяйственную деятельность в господарских волостях, староста при всем том участвовал в управлении этими волостями. Он раздавал в пределах этих волостей пустые земли местным боярам на земскую службу «до воли господарской». К нему великий князь обращался за справками, не будет ли пожалование той или другой земли убыточно для него, господаря. Староста отдавал распоряжения по части ввода во владение тою или другою землею тиунам и державцам и т. д. В тех волостях, которые находились в державии тиунов, староста жмудский творил даже и суд. Ежегодно его наместники разъезжали по этим волостям и вместе с тиунами чинили суд господарским людям, т. е. крестьянам, взимая с них «вины», т. е. пени. Очевидно, тиуны, получая волости из рук старосты, должны были делиться с ними своими судебными доходами. Наконец, тиуны и наместники-державцы подлежали суду старосты по жалобам на них господарских людей или бояр-шляхты. Суд этот отправлялся на сейме земли Жмудской, собиравшемся ежегодно. Здесь разбирались дела и шляхты, которая была неподсудна, как уже было сказано, тиунам. Кроме господарских волостей, их державцев и населения под ведением и властью старосты жмудского состояли владельцы и население независимых от господарского доминиума имений. С этих имений шла военная служба и другие земские повинности, о которых была речь в свое время, и следил за выполнением этих повинностей староста. Староста вообще был блюстителем господарских интересов по отношению к таким имениям. Разрешения осаживать в них места, заводить ярмарки, торги и корчмы давались господарем только на основании показаний старосты, что это будет местам, торгам и корчмам господарским «не шкодно». Наконец, владельцы этих имений, кроме панов радных, которые судились самим господарем и его радою, подлежали юрисдикции старосты; население же этих имений на общих основаниях судилось старостою или его наместником по так называемым «старостинским артикулам», т. е. важнейшим уголовным делам.

Из приведенных данных относительно старосты жмудского можно видеть, что он как бы заменил собою в Жмуди областного князя. Такая же замена произошла и на Волыни. В конце XIV и начале XV в. здесь было три княжества во владении потомков Гедимина – Луцкое, Кременецкое и Владимирское. По упразднении княжений на Волыни стали править три великокняжеских наместника. Когда Волынь попала в руки Свидригайлы Ольгердовича, эти наместники стали областными правителями Волынского княжения и получили польское название *старост*. Свидригайло, как известно, признал себя вассалом польского короля и урядил свое княжение по польскому образцу. По смерти его эти старосты снова сделались великокняжескими литовскими наместниками, причем староста луцкий, имевший резиденцию в стольном городе Волынского княжения, удержал имя старосты и сделался старшим урядником Волынской земли. При нем остались некоторые должностные лица Свидригайлы, как-то: *маршалок земли Волынской,* под команду которого становились все землевладельцы земли Волынской – князья, паны и земяне-

шляхта; *хоружий земли Волынской,* под знамя которого собиралась шляхта; *ключник* луцкий. Владимирский наместник в 1503 г. получил название старосты, а кременецкий назывался сначала державцею, а затем, в 20-х гг. XVI в., получил также имя старосты.

Каждый из этих старост был державцею господарских доменов в своем повете и правил ими, как и все другие державцы, получая в свою пользу обычные доходы державцы. Но сверх того под его властью и присудом находились и владельцы тех имений, которые не были под господарским доминиумом, княжеских и панских. Старосты следили за выполнением военной, дорожной, мостовой, кормовой, подводной и сторожевой повинности с этих имений, утверждали сделки на эти имения, собирали с них «податок земский», судили их владельцев по искам и жалобам на них как местных, так и чужесторонних обывателей и т. д.; население этих имений они судили по своим «старостинским артикулам» и т. д. Важнейшие тяжбы и уголовные дела разбирались, как уже было сказано в свое время, на сеймах Волынской земли, которые собирались ежегодно в Луцке. Здесь председательствовал либо староста луцкий, либо маршалок земли Волынской, именно когда разбирались дела по апелляции от старост. На суде присутствовали владыка луцкий и берестейский, старосты, князья и паны.

Аналогичные местные правители с более обширною компетенцией, чем простые наместники-державцы, были также и на Литве и тесно связанном с нею в военном отношении Подляшье. То были наместники берестейский, городенский, ковенский, дорогицкий, мельницкий, бельский и новгородский. Под их властью и присудом находились не только господарские домены, но и имения князей и панов, находившиеся в их поветах. По-видимому, и эти наместники получили свою более обширную власть по наследству от прошлого своих поветов, бывших в старину особыми политическими организациями – княжениями и областями княжений. На это указывают состоявшие при них штаты должностных лиц. Так, при наместнике берестейском были уряды – *ключництво*, *данничое*, *житщина*, *бобровничое*, *ловчое*, раздававшиеся по общему правилу местным землевладельцам; при наместнике городенском – *конюший*, *городничий*, *ключник*, *лесничий*, *тиун* и подчиненные главному наместнику *наместники* и *тиуны* отдельных волостей; при наместнике ковенском были *наместники* отдельных волостей Ковенского повета; при наместнике новгородском – *конюший*, *ключник*, *городничий*, наместники отдельных волостей. Все перечисленные главные наместники с течением времени получили название старост, за исключением новгородского, которому дано было даже название воеводы (в начале XVI в.). Они творили суд и управу не только в господарских волостях, где они были державцами, но и во всем своем повете, обнимавшем сверх того господарские волости, раздававшиеся в держание особым наместникам, княжеские и панские имения. По отношению к господарским доменам помощниками их, кроме их слуг, были перечисленные выше урядники. На суде их присутствовали по общему правилу и местные землевладельцы, сначала случайные, а затем особо для того назначенные, как и на суде на-

местников-державцев. На Подляшье, т. е. в поветах Дорогицком, Мельницком и Бельском, судебная деятельность местных старост ограничивалась *земскими судами*, состоявшими из *судьи*, *подсудка* и *писаря земского* и судившими местную шляхту по всем делам, кроме «старостинских артикулов». Эти земские суды были введены по примеру Польши для удовлетворения местной шляхты, которая наполовину состояла из поляков. Но владельцы некоторых крупных имений из литовских панов были изъяты из местной юрисдикции и состояли в литовском праве, т. е. подсудны были великому князю и его раде. Надо сказать, что паны радные вообще не судились в поветах, а только в центре. Иногда это правило распространялось и на их вдов и детей.

С такою же и отчасти даже с большею компетенцией, чем старосты, были наместники областей, получившие имя *воевод*.

Ранее других это имя упрочилось за наместниками виленским и трокским. В конце XIV и начале XV в. все эти наместники назывались старостами, подобно польским наместникам, правившим в обширных территориях. Виленский и трокский наместники заменили собою тех областных князей, которые были здесь в момент заключения унии с Польшею в лице Ягайлы и Скиргайлы Ольгердовичей. Областные княжения упразднились здесь после того, как Ягайло удалился в Польшу, а на Литве стал великим князем Витовт. Этот великий князь, сводя князей с областных столов, брал на себя, однако, только важнейшие политические функции, большую же часть текущей, так сказать, будничной правительственной работы, которую они производили, оставил в стольных городах бывших княжеств, в руках посаженных там наместников. При этих наместниках остались исполнять свои обязанности и все прежние должностные лица княжеских резиденций, каковы были *тиуны*, *конюшие*, *ключники*, *ловчие*, *сокольничие* и т. д. Этим же главным наместникам подчинены были наместники и тиуны пригородов и волостей бывших областных княжений, которые стали назначаться по их представлению. Главные наместники сделались военачальниками и судьями в областях, коим подвластны были все остальные военачальники, и судьи, и все население областей. С 1413 г. эти главные наместники в Вильно и Троках, бывшие вместе с тем первейшими советниками великого князя в его думе, или раде, получили в подражание Польше имя *воевод*. Это официально было утверждено в Городельском привилее 1413 г.

Каждый из этих воевод был прежде всего наместником-державцею в некоторых волостях, данных ему «к воеводству», т. е. в непосредственное управление и «поживенье». Судебно-административная деятельность виленского и трокского воевод в этих волостях вырисовывается в тех же самых подробностях, как и рассмотренная уже нами судебно-административная деятельность наместников-державцев. Но наряду с этим воеводы распоряжаются и производят суд и управу над населением тех волостей, которые держали особые наместники-державцы и тиуны по их представлению. Надо сказать прежде всего, что население этих волостей тянуло своими повинностями не только к своим местным волостным центрам, но и к главным областным. Таким образом, например, дяклом господарские мещане и крестьяне тянули, как мы

видели, к городничему виленскому и трокскому, медовою данью поднепрские волости тянули к ключу виленскому и трокскому, по уходу за господарскими лошадьми – к конюшему виленскому и трокскому, по ловле зверей – к ловчему и т. д. Волости, находившиеся в держании наместников-державцев, отряжали своих людей на сторожу при главных замках, или в заставу, косить сено к Трокам, на городовое дело и т. д. Вследствие этого и на эти волости неизбежно должна была распространяться власть воевод, как и других урядников областных центров. Поэтому, когда в XVI в. эти волости стали попадать в залог к разным панам, в «заставных листах» и приходится сплошь и рядом читать: «А пан воевода Виленский (или Трокский) не маеть в тую волость децких своих всылати, а ни теж тое волости... людей не маеть судити; и вже и врядники наши Виленские (или Трокские): городничий, тиун и ключник не мають ни по что у волость того двора нашого всылати и доходов наших и своих теж не мають правити». Но и независимо от этого воеводы распоряжались в волостях наместников-державцев в качестве высших администраторов, заменивших областных князей. Они раздавали в этих волостях пустовщины на крестьянскую или боярскую службу, отдавали в этих случаях приказания наместникам-державцам, приискивали земли для пожалования разным лицам по поручению господаря и т. д. Воеводы судили тех людей, которые отзывались до их суда от суда наместников-державцев, в частности бояр-шляхту тех волостей, которыми правили тиуны и заменившие их наместники-державцы, буде тяжущиеся не желали перед ними судиться. Наконец, сами наместники-державцы по жалобам на них разных лиц подсудны были тем же воеводам.

Такова была судебно-административная власть виленского и трокского воевод по отношению к господарским волостям, находившимся в их непосредственном держании или в держании наместников-державцев и тиунов. Судебно-административная власть названных воевод простиралась и на имения княжеские и панские, находившиеся в Виленском и Трокском поветах. Владельцы этих имений, за исключением панов радных, и отчасти население (по старостинским артикулам) были подсудны воеводам; воеводам же подведомственны были все эти имения в отношении лежавших на них земских повинностей, о которых нам уже не раз приходилось говорить.

Военная власть виленского и трокского воевод захватывала более обширную территорию и была выше, чем их собственно старостинская власть. Воеводы виленский и трокский были начальниками военных округов, в состав которых кроме Виленского и Трокского судебно-административных округов входили судебно-административные округа наместников – старост ковенского, городенского, берестейского, дорогицкого, бельского и мельницкого (в составе Трокского воеводства), наместника-воеводы новгородского (в составе Виленского воеводства), а также и удельные княжества: Кобринское, Пинское с Городецким и Клецким (в составе Трокского воеводства), Слуцкое и Мстиславское (в составе Виленского). Воеводы виленский и трокский были начальниками ополчений, мобилизировавшихся не только с их собственных территорий, но и с территорий других, в гражданском отношении им равнозначительных

местных правителей. Такое военное устройство Великого княжества Литовского в тесном смысле было наследием военно-политического дуализма, установившегося еще при Ольгерде и Кейстуте. Уже тогда установилось деление Литвы на Виленскую и Трокскую половину в зависимости от борьбы, с одной стороны, с немцами, с другой – с Москвою и татарами, борьбы, которая требовала сосредоточения военных сил на два фронта. Этот военно-политический дуализм держался и после смерти Ольгерда, при Ягайле и Кейстуте, а затем при Ягайле и Скиргайле и в конце концов отвердел в указанном военном делении Литвы.

Еще более, чем виленский и трокский воеводы, напоминают областных князей своею правительственною деятельностью главные наместники русских земель Полоцкой, Витебской, Смоленской и Киевской, переименованные в конце XV и начале XVI в. в воевод. Они отправляли ту же самую деятельность, что и литовские воеводы в своих поветах, подобно им были также непосредственными державцами известных господарских волостей, главными администраторами и судьями по отношению к господарским волостям, раздававшимся местным землевладельцам в держание по их представлению, администраторами и судьями в отношении к владельцам и населению княжеских и панских имений, начальниками всех военных сил земель. Но всю свою правительственную работу они выполняли не только с отдельными должностными лицами прежних областных князей, но и с их *думами,* или радами. Так, воевода смоленский судил и рядил с владыкою, казначеем, окольничим, старостою места Смоленского, конюшим, чашником, ловчим, князьями и боярами Смоленской земли; воевода витебский – с городничим, ключником, конюшим, ловчим, сокольничим, кухмистром, с князьями и боярами Витебской земли; воевода полоцкий – с владыкою, городничим, конюшим, тиуном, бобровничим, князьями и панами Полоцкой земли; воевода киевский – с архимандритом печерским, князьями и панами Киевской земли и т. д. Эти правительственные советы прежних областных князей расширялись иногда в местные сеймы всех военнослужилых землевладельцев, а в Полоцке и Витебске с участием даже мещан и слуг. На этих сеймах разрешались важнейшие судебные дела, принимались разные административные мероприятия и издавались, как мы уже видели, местные законы.

Воеводы и старосты были, несомненно, наместниками великого князя в областях. Но, выходя из состава местных землевладельцев, в некоторых областях назначаемые великим князем по избранию или согласию местных землевладельцев, управляя областями при содействии этих же землевладельцев, воеводы и старосты и сами смотрели на себя, и на них смотрели со стороны не только как на великокняжеских наместников, но и как на земских правителей, выдвинутых землею и призванных радеть об ее интересах. С особенною силою это самочувствие проявлялось по временам у старосты жмудского, который чувствовал себя гораздо более князем жмудским, чем наместником, и шел во главе политической оппозиции, проявляемой землею по отношению

к распоряжениям государственного центра. В некоторых областях, как, например, на Волыни, значение старост как великокняжеских наместников стояло на заднем плане в силу того обстоятельства, что Волынская земля с течением времени почти вся оказалась во владении князей, панов и земян, господарского в ней осталось уже мало, а потому и старостам приходилось иметь дело не столько с интересами и нуждами в этой области великого князя, сколько с интересами и нуждами местных землевладельцев. В общем можно сказать, что так как областное управление в Великом княжестве Литовском в значительной степени носило характер самоуправления, то и воеводы, и старосты были не только наместниками великого князя в областях, но и их политическими представителями перед центральною властью, главами земского самоуправления областей.

Литература

Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута. М., 1892; *Леонтович Ф. И.* Областное управление в Великом княжестве Литовском до и после Люблинской унии // Юрид. зап., изд. Демидовским юрид. лицеем. 1908. Вып. 2; 1909. Вып. 1–3; 1910. Вып. 1; *Он же.* Веча, сеймы и сеймики в Великом княжестве Литовском // Журн. М-ва нар. просвещения. 1910. № 2–3; *Он же.* Областные суды в Великом княжестве Литовском // Журн. М-ва юстиции. 1910. № 10–11.

XXIX. ВЫСШИЕ УРЯДНИКИ ЗЕМСКИЕ И ДВОРНЫЕ ПРИ ЛИТОВСКО-РУССКОМ ГОСПОДАРЕ И ИХ ФУНКЦИИ

Правительственная децентрализация в Литовско-Русском государстве; отсутствие центральных учреждений с самостоятельным ведомством, кроме господаря и его рады. Маршалок земский как главный распорядитель и охранитель порядка в господарской резиденции, в раде и на сейме; маршалок дворный как его товарищ и начальник господарских дворян; охмистр как маршалок великой княгини. Придворные должностные лица: подчаший, чашник, крайчий, подстолий, стольник, кухмистр, конюший дворный, ловчий, подкоморий, ложничий, мечный; их обязанности. Канцлер как начальник государственной канцелярии, состоявшей при господаре и его раде; подчиненные ему писари, секретари и дьяки. Подскарбий земский как начальник государственного казначейства, связь скарба с канцелярией Великого княжества. Доходы скарба, порядок их поступлений и расходования. Финансовое управление в руках господаря и рады. Подскарбий дворный как товарищ подскарбия земского. Гетман как главнокомандующий, но не военный министр; его товарищ – гетман дворный, или польный; хоружие земский и дворный.

Из представленного очерка судебно-административной деятельности старост и воевод можно убедиться, что упразднение областных княжений в Литовско-Русском государстве не сопровождалось переносом их управления в центр в такой мере, как происходило это в другом русском государстве – Московском. Благодаря этому в руках и литовско-русского господаря, и его

рады не могло накопляться так много текущей правительственной работы, как в руках великого князя московского и его думы. Это обстоятельство в свою очередь объясняет тот факт, что в Литовско-Русском государстве не создалось почти никаких центральных учреждений, кроме господаря и его рады. Все текущие дела, приливавшие из областей к центру, разбирались и вершились господарем и панами-радою непосредственно или через комиссии ad hoc. В важных вопросах политики и законодательства господарь и паны-рада прибегали к содействию сеймов, созывая их для каждого данного случая. Но они совсем не пользовались услугами каких-либо посредствующих центральных учреждений вроде московских приказов. Правда, при литовско-русском господаре возник целый штат должностных лиц, аналогичный штату польского двора. Но большинство этих лиц имели чисто придворное значение. Некоторые из них, как канцлер, подскарбий и гетман, играли более важную роль, но при всем том не самостоятельную, а только вспомогательную при господаре и его раде, технически-исполнительную.

В справедливости сказанного можно убедиться из более детального обозрения функций высших урядников земских и дворных, состоявших при литовско-русском господаре.

Из этих урядников значительною властью пользовался *маршалок земский*, министр великокняжеского двора. Но власть эта не шла, однако, далее того места, где в данное время пребывал господарь или собирался сейм, так что с этой стороны маршалка земского можно считать органом местного, а не центрального управления. Маршалок земский был блюстителем порядка и этикета при дворе и на сейме. Он отводил квартиры послам, гостям, панам радным, прибывавшим к господарю, и господарским дворянам, а также и лицам, съезжавшимся на сейм. Все лица, искавшие аудиенции господаря, предварительно должны были являться к маршалку земскому, который и докладывал о них господарю. Когда происходил прием иноземных послов, маршалок земский давал им слово. Точно так же и в собрании рады он раздавал голоса. Он же объявлял о господарских решениях и пожалованиях, судил все преступления и правонарушения, совершенные в местопребывании господаря или на сейме, устанавливал таксу на съестные припасы, следил за тем, чтобы на господарском дворе и на сеймах не было никаких ссор, драк, оскорблений, распутства, и наказывал за все это по закону и «водле воли и росказанья» господаря. По выражению одного документа, маршалок земский носил на себе «зверхность господарскую»: со своей маршалковскою «ласкою» (жезлом) он имел право «росказанья и владности» над головами рыцарскими; в отсутствие господаря держал между панами радными место самого господаря. За отсутствием маршалка земского его обязанности исполнял товарищ его, называвшийся *маршалком дворным* и бывший непосредственным начальником господарских *дворян*.

Дворяне состояли при господарском дворе для исполнения разных поручений. Их рассылали по областям с приказами о мобилизации, о сборе серебщины, о съезде на сейм (листы военные, серебщинные и сеймовые); посылали

к отдельным лицам с «листами позовными» и «мандатами» (вызовы на суд); им поручали вводить разных лиц во владение имениями в силу пожалования господаря или судебного решения, производить различные следствия, собирать «к верной руце» мыта и корчемные пенязи и т. д. В дворяне определялись обыкновенно молодые люди из аристократии, стремившиеся выслужиться на глазах у господаря и получить какой-нибудь уряд, а также и совсем бедные, безземельные шляхтичи и выходцы со стороны, из Польши и Москвы, для куска хлеба и в надежде выслужить имение. Дворянская служба была, таким образом, для одних началом служебной карьеры, для других – пропитанием. Дворяне получали от господаря «даток» в виде сукон, хлеба, соли, лошадей, овса, сена, а иногда и денежного жалованья; когда их услуги не требовались, их рассылали «на лежи» по господарским дворам, где им отводились квартиры и выдавался корм. При исполнении возлагаемых на них поручений дворяне получали в свою пользу некоторые доходы, например, «увяжчее» от ввода во владение имениями, «выгончое», когда они выгоняли людей к работам на украинских замках, *посекерщину*, когда наблюдали за этими работами, и т. д. Дворяне, по-видимому, имели еще значение дворцовой гвардии, охранявшей личную безопасность господаря. Они участвовали в походах, составляя особый отряд, «гуф», при войске. Под «сведомом и справою» маршалка дворного дворяне находились лишь на господарском дворе и в чисто служебном отношении. Во всех других отношениях они подведомственны были местным властям, в округах которых находились их имения, или непосредственно самому господарю, причем маршалок дворный не был посредствующею инстанцией между местными властями и господарем.

Те обязанности, которые при господаре выполняли маршалки земский и дворный, при великой княгине выполнял ее *охмистр* (гофмейстер), называющийся в латинских актах magister curiae reginalis. Вероятно, под его «справою» находились дворяне великой княгини, коморники, ключник двора и разные другие дворцовые служители. Исключительно придворное значение имели и другие уряды дворные, заведенные по образцу польского двора. *Подчаший* (subpincerna) имел в своем владении напитки, подаваемые к господарскому столу, наливал господарю вино и предварительно пробовал его. Так бывало в торжественных случаях; обычно же эту должность выполнял *чашник* (pincerna). *Крайчий* (incisor) на торжественных обедах разрезал кушанья, подаваемые господарю. *Подстолий*, а в обычное время *стольник* заведовал сервировкою господарского стола; *кухмистр* заведовал господарскою кухнею; *конюший дворный* – придворною конюшнею; *ловчий* (venator) – придворною охотою; *подкоморий* (succamerarius) – порядком и убранством в покоях господаря; *ложничий* – господарскою опочивальнею; *мечный* держал меч господарский на различных торжествах; *хоружий дворный* командовал «гуфом» господарских дворян. Все эти уряды существовали для того, чтобы, как выражается один акт, «здоровья и учтивости маестату господарского перестерегати», т. е. для личных услуг господарю и оказания вящего почета его сану.

Под ведением этих дворных урядников находились низшие придворные служители: скатертные и убрусные (под ведением стольника), кухари дворные и пекари (под ведением кухмистра), конюхи дворные, возницы, машталеры (под ведением конюшего дворного), нагончий, ловцы, псарцы, сокольники и другие «мысливцы» (под ведением ловчего), коморники и одверные (под ведением подкомория) и др. Все эти служители вербовались из крестьян, причем за свою службу при дворе освобождались от всех или от части крестьянских повинностей навсегда или на то время, когда служили при дворе. Они были подведомственны перечисленным дворным урядникам лишь в то время, пока находились при дворе и несли свою специальную службу; в другое же время их ведали судом и управою местные правители, причем дворные урядники не были посредствующею инстанцией между этими местными правителями и господарем. Труд всех этих дворцовых служителей, кроме владения господарскою землею, вознаграждался отдельными дачами денег, сукон, шуб, хлеба, соли, овса, сена и т. п. Такие же дачи получали и их начальники.

Остается теперь рассмотреть, чем были, какие функции выполняли *канцлер* Великого княжества Литовского, *подскарбий земский* и *подскарбий дворный*, *гетман великий* и *дворный*, или *польный*.

Канцлер был правителем государственной канцелярии Великого княжества, состоявшей при господаре и его раде. Под его началом состояли писари, секретари и их помощники – дьяки, которые изготовляли все письменные акты, выходившие от господаря и панов-рады, вписывали их копии в особые книги, а подлинники выдавали по принадлежности, равно также принимали все письменные документы, поступавшие к господарю и панам радным, и вписывали их копии в книги. Эти акты и документы были чрезвычайно разнообразны: земские привилеи, выданные Великому княжеству; областные привилеи; «уставы», выработанные на совещаниях господаря с панами-радою; «земские ухвалы», т. е. постановления сеймов, утвержденные господарем и рассылавшиеся в копиях по областям в виде листов военных, серебщинных и т. п.; ответы господаря на петиции, подававшиеся ему «станами», т. е. сословиями, на сеймах; грамоты к соседним государям и правительствам; «науки», или инструкции послам и гонцам, отправлявшимся за границу; привилеи городам на магдебургское право; «уставы» волостям относительно их повинностей; дипломы на должности и звания; жалованные грамоты на имения; арендные листы на мыта, коморы восковые и соляные, корчмы, «мынцу», рыбные озера и другие регалии и доходные статьи; «выроки» господаря и панов-рады по судебным делам; «мандаты», т. е. судебные повестки о явке на первый и окончательный срок на суд господаря и панов-рады; листы «кглейтовные», гарантирующие безопасность лицам, желающим очиститься судом от взводимых на них обвинений; листы «заповедные», отсрочивающие частным лицам явку на суд по уважительным причинам; листы «железные», отсрочивающие по уважительным причинам расплату с долгами; листы «заручные», гарантирующие имущественную и личную безопасность со сто-

роны противника до суда и после суда, под страхом уплаты за ее нарушение господарю известного «заклада»; листы «закривальные», освобождающие от подсудности всем судьям, кроме господаря, и т. д. При господаре, где бы он ни находился, всегда был писарь, или секретарь, т. е. тот же писарь, но умевший писать по-латыни и по-польски, который и писал документ по его личному приказу или по приказу канцлера, или по приказу кого-либо из других панов радных, уполномоченного на то господарем, а иногда даже и всех панов, находившихся при совершении акта. Иногда писарь составлял документ на основании того, что сам слышал, присутствуя на заседании рады. Изготовленный документ скреплялся приложением печати, или большой, «маестатной», находившейся у канцлера, или «сыкгнетной», находившейся всегда при господаре, и подписью писаря, изредка канцлера. Грамоты, посылавшиеся в другие государства, скреплялись подписью руки господарской; Сигизмунд стал крепить своей подписью и другие документы. После скрепы писарь вписывал копию документа в находившуюся при нем книгу или же поручал это сделать своему дьяку. Если при нем не было книги, он пересылал все изготовленные документы вместе с реестром их в канцелярию, где они и вписывались в книги. Подлинные документы во всяком случае сдавались писарями в государственную канцелярию, откуда они уже и выдавались на руки просителям, причем взыскивались с них канцелярские пошлины.

Не только копии исходящих документов, но и копии всех входящих вписывались в книги государственной канцелярии, из которых и составлялась так называемая *метрика* Великого княжества Литовского, т. е. государственный архив. В книги метрики вносились в копиях: грамоты, полученные от соседних государей; отписки украинных воевод и старост по внешним делам; инвентари, или описи господарских дворов и замков, составленные на месте по поручению господаря или панов-рады; наконец, все заявления, которые делали господарю или панам-раде частные лица, согласно закону, о продаже своих имений, о дарении, о завещании, о дележе и других имущественных сделках, которые через это приобретали юридическую силу. Первоначально не было никакой сортировки при внесении документов в книги метрики, и в одну и ту же книгу вписывались вперемежку и привилеи на имения, и дипломатические документы, и судебные решения господаря и панов-рады. Книга состояла не при столе, где сосредоточивалось то или другое делопроизводство, а при писаре, который вписывал в нее все вышедшие и поступившие документы в бытность его при господаре. Позже стали делаться попытки группировать документы по их роду. Таким образом, стали составляться книги «справ судовых», книги посольств, сеймовых «ухвал» и т. д. Но при всем том эта классификация не выдерживалась строго, и разделение на столы по роду дел, очевидно, не осуществилось.

Из приведенных подробностей обнаруживается, что государственная канцелярия Великого княжества Литовского с канцлером во главе, со всем ее штатом секретарей, писарей русских, латинских, татарских или арабских и дьяков не

была каким-либо особым органом центрального управления, а состояла при господаре и раде как вспомогательное технически-исполнительное учреждение. Эта канцелярия была только канцелярией и ничем иным, не походила, например, на разряд, посольский и поместный приказы Московского государства, которые, будучи отделениями канцелярии при государе и думе, вместе с тем имели и самостоятельную распорядительную и судебную власть по известным делам и над известным родом людей.

Таким же вспомогательным технически-исполнительным учреждением был в рассматриваемое время и *скарб* Великого княжества Литовского с *подскарбием земским* во главе и его помощниками – *скарбными.*

Необходимо прежде всего заметить, что скарб в рассматриваемое время был соединен самыми тесными узами с государственною канцелярией Великого княжества: это были как бы два отделения одного и того же учреждения, состоявшего при господаре и его раде. Скарб был только хранилищем разных ценностей, которые поступали в распоряжение господаря и его рады. Но письменное делопроизводство по приходу и расходу государственных сумм велось писарями великокняжеской канцелярии, к числу которых с 1509 г. принадлежал обыкновенно и подскарбий земский. За главным же начальником канцелярии – канцлером – признавалась обязанность «доходов господарских и земских стеречи». Для государственной же канцелярии скарб был архивом, где хранились ее документы и книги, между прочим и земские привилеи Великого княжества. Скарб был также хранилищем «клейнот и оздоб» Великого княжества, т. е. великокняжеских регалий – шапки Гедимина, «ласки», или скипетра, меча и хоругви земской. Наконец, скарб был и главным арсеналом, в котором хранилось огнестрельное оружие и боевые припасы – «дела, гаковницы, салетра, свинец, аркебузы, формы для литья ядер, сера» и т. д. Поэтому при скарбе состояли различные мастера, которые изготовляли для него «слесарские» вещи и т. п.

Но главным образом скарб был все-таки государственным казначейством, куда сдавались все государственные доходы, не израсходованные на месте. Кроме серебщины и равнозначительных ей налогов, собиравшихся экстренно, большею частью на военные нужды, в скарб поступали разнообразные таможенные пошлины – мыта, перевозы и другие, корчемные пенязи, судебные пошлины – вины и пересуды, доходы с господарских доменов: дань, чинши, пенязи осадные, деньги, вырученные от продажи хлеба и разной живности, деньги, полученные взамен натуральных сборов с господарских крестьян и мещан, от сдачи в аренду разных хозяйственных статей, доходы от «мынцы», т. е. чеканки монеты, и т. д. Короче сказать, в скарб земский шли всевозможные доходы, которые только получал литовско-русский господарь на свои и государственные надобности.

Состоявший при скарбе подскарбий земский не был министром финансов, а только государственным казначеем. Его функции состояли в приеме сумм, в выдаче их по приказанию господаря и ведении кассовой отчетности скарба.

Подскарбий, выдавая деньги или вещи, выдавал лицу, доставившему их, расписку, или «вызнанье» в получении, которое и служило для этого лица оправдательным документом при сдаче отчета господарю или уполномоченным от него лицам. Выдачи из скарба денег и вещей подскарбий производил «на устное росказанье» господаря или панов-рады, но чаще всего «на листы» и «квитацеи», т. е. ассигновки, выданные получателям из канцелярии Великого княжества. Реестр сделанным расходам вместе с «листами» и «квитацеями» подскарбий предъявлял господарю и панам-раде при сдаче «личбы», т. е. подсчета сумм. Кассовые ведомости скарба вел особый скарбный писарь, всегда находившийся при скарбе. Кроме писаря скарбного при подскарбии земском состоял еще скарбный трокский, хранитель той кладовой скарба, которая находилась в крепком замке Трокском.

Итак, роль подскарбия земского была чисто пассивная, исполнительная. Он не управлял финансами государства. Все распоряжения по этой части, назначение финансовых агентов, надзор за ними принадлежали господарю и панам-раде. Уже не говоря о старостах, державцах, ключниках, городничих и тиунах, господарь назначал мытников, которые собирали дань «к верной руце»; он же сдавал в аренду мыта, корчмы, «мынцу», «купы» или «буды» в лесах, рыбные озера и разные другие хозяйственные статьи, избирал агентов по продаже своих товаров, назначал тех агентов, на которых возлагалась обязанность не только собирать, но и находить господарские «пожитки», устанавливать их вновь, вроде, например, писарей дворов Виленского и Трокского поветов, Жмудской земли и поднепрских волостей. Все эти агенты, назначаемые господарем при участии панов-рады, и подчинялись непосредственно господарю и панам-раде. Распоряжения о выдаче денег и других ценностей они получали от господаря и панов-рады; господарю и панам-раде или особо назначенным комиссиям они сдавали отчеты по сбору и расходу государственных поступлений; господарю и панам-раде все эти лица были и подсудны по должностным упущениям и злоупотреблениям. В управлении финансами по существу в рассматриваемое время больше значил канцлер, чем подскарбий земский. Господарь поручал, например, канцлеру пану Гаштольду устройство таможенного дела на Подляшье, суд над мытниками во взаимных их тяжбах или по жалобам на них сторонних лиц и т. п. Подскарбий земский вышел из своей незначительной роли и превратился в министра финансов уже при Сигизмунде Августе в связи с общими финансовыми преобразованиями, произведенными при этом государе в Великом княжестве Литовском.

Товарищем подскарбия земского был *подскарбий дворный*, в ведении которого находилась домовая казна литовско-русского государя, его драгоценности и деньги, шедшие на его личные расходы. Когда не было подскарбия земского, подскарбий дворный заведовал и земским скарбом.

Министром не был в рассматриваемое время и *гетман наивысший* со своим товарищем гетманом дворным, или польным. Военною частью так же, как и финансовою, в рассматриваемое время заведовал непосредственно господарь

с панами-радою. Господарь и паны-рада заботились о комплектовании армии, обращаясь к сейму в особо важных случаях, когда надо было увеличивать военную повинность шляхты или облагать ее новыми налогами на содержание «служебных». По их поручению разные лица вербовали этих «служебных», т. е. наемные войска. Господарь и паны-рада распоряжались и выдачею «заслужонаго» этим наемникам. Кроме того, господарь с панами-радою раздавал земли на военную службу, переводил с тяглой службы на военную или подтверждал распоряжения касательно этого, сделанные местными правителями. От господаря и панов-рады исходили распоряжения о мобилизации, о ремонте укреплений, о снабжении их боевыми и съестными припасами, о переписи имений военнослужилых землевладельцев в целях более исправного отбывания военной службы и т. д. Все письменное делопроизводство по военной части велось чинами государственной канцелярии, в архиве которой – скарбе – хранились и все нужные документы. Что же касается гетмана, то роль его начиналась в сборном пункте, где под его команду становились ополчения земель и наемные отряды, продолжалась затем на театре войны и оканчивалась с прекращением войны и роспуском войска. В сборном пункте гетман производил всем смотр и перепись, кто явился, с каким почтом слуг и на каких конях. Этот гетманский «реестр» служил средством проверять наличность служилых людей и после и отмечать тех, кто самовольно уехал со службы. На основании гетманских отметок и налагались наказания господарем и панами-радою на всех тех, кто не явился на войну совсем, кто явился не с надлежащим числом слуг и снаряжением или кто, наконец, самовольно уехал с войны. Гетману предоставлялось право тех лиц, которые оказывались больными на смотре или после смотра, отпускать домой, оставляя слуг их в войске, а также разрешать заменяться взрослыми сыновьями, если он найдет их годными к службе. О всех, выказавших особое рвение к службе и храбрость, гетману предоставлялось писать к господарю для их награждения. Как главному военачальнику гетману во время похода давалась большая власть. Все без различия звания: воеводы, князья, паны, старосты, наместники, тиуны, дворяне и все рыцарство-шляхта – должны были слушаться его так же, как самого господаря, все время, пока войско будет в поле. Непослушных и виновных в нарушении военной дисциплины он мог карать смертью или «вязеньством» согласно «уставе», которую давали ему господарь и паны-рада, снаряжая его в поход. Гетман судил всех лиц, бывших под его командою, по жалобам их друг на друга или по жалобам на них местных жителей, причем в пользу его шли и судебные пени. Кроме того, гетман собирал деньги от «пописа», с каждого коня известную сумму. В тех случаях, когда должность гетмана оставалась незамещенною, его заменял гетман дворный, или польный. В войске при гетмане состоял *хоружий земский* с хоругвью земскою; его заменял по временам товарищ его – *хоружий дворный*. Итак, гетман наивысший был собственно фельдмаршалом, который пользовался властью только во время похода. Только позже, при Сигизмунде Августе, гетман стал более чем фельд-

маршалом. Затянувшаяся Ливонская война потребовала от него деятельного участия в комплектовании армии, в снабжении ее жизненными средствами, в распоряжении ее бюджетом, и гетман, оставаясь фельдмаршалом, в то же время стал отправлять функции и военного министра. Но факт этот определился уже незадолго до Люблинской унии.

Литература

Любавский М. К. Литовско-русский сейм. М., 1900; *Леонтович Ф. И.* Литовские господари и центральные органы управления до и после Люблинской унии // Юрид. зап., изд. Демидовским юрид. лицеем. 1908. Вып. 1.

XXX. ГОСПОДАРСКАЯ РАДА, ЕЕ СОСТАВ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ В XV И первой половине XVI в.

Правительственная деятельность господаря и панов-рады. Судовые и другие сеймы панов-рады. Система комиссий. Состав господарской рады и его образование. Наивысшая, или тайная, рада. Порядок мест в раде. Рада как орган землевладельческой аристократии, литовской по преимуществу. Возвышение политического значения рады при Казимире. Рада как ограничивающее власть господаря учреждение по привилеям 1492 и 1506 гг. и Статуту 1529 г.

Обозрение функций высших урядников земских и дворных, состоявших при литовско-русском господаре, приводит к заключению, что в Литовско-Русском государстве не было в сущности особых органов центрального управления, помимо господаря и его рады. Господарь и паны-рада вершили все текущие дела, возбуждавшиеся в центре или приливавшие в центр: издавали «уставы», или отдельные законы, вели дипломатические сношения, принимали меры государственной обороны, разбирали судебные дела лиц, не судившихся в поветах или отозвавшихся от местных судей, а также некоторые дела, изъятые из юрисдикции местных судей (например, о шляхетской чести), ведали государственные приходы и расходы и монетное дело и издавали по этой части разнообразные распоряжения, раздавали имения на вечность, «до живота», ленным правом и т. д. Чтобы понять, каким образом господарь и рада управлялись со всеми делами, необходимо прежде всего иметь в виду, что между господарем и его радою фактически осуществлялось некоторое разделение труда. Господарь, проживая в Польше или в Литве, но вне столицы, издавал разные распоряжения и разбирал судебные дела вместе с теми панами, которые находились при нем. В то же время паны радные, находившиеся в Вильно, со своей стороны вершили ряд текущих дел, принимали и отправляли послов и гонцов, рассылали разные распоряжения относительно обороны

государства и судили суд по уполномочию господаря. Чтобы не было задержек в отправлении правосудия, было установлено (Статутом 1529 г.), чтобы паны-рада съезжались ежегодно на сейм (в 1532 г. было установлено два таких съезда) и разбирали все дела. Суд этот имел значение суда самого господаря в том смысле, что на рассмотрение его шли дела, которые разбирал сам господарь. Но при всем том от этого суда в известных случаях возможно было апеллировать к самому господарю. Кроме этого разделения труда в центральном управлении Литовско-Русского государства за недостатком постоянных органов в широких размерах практиковалась система комиссий, частных поручений. Так, для приема денежных отчетов от арендаторов и разных сборщиков государственных доходов назначались очень часто комиссии из панов радных и писарей. Судебные дела господарь поручал разбирать своим *маршалкам*. Для рассмотрения земельных тяжб и исков о боях, гвалтах, наездках, грабежах и татьбах, требовавших производства следствия на месте, опроса множества свидетелей, великий князь посылал *судей-комиссаров* с полномочием произвести следствие и постановить решение. Иногда тяжущиеся сами брали у господаря таких судей полюбовно, каждый со своей стороны, и эти *полюбовные судьи* разбирали дело так же, как и судьи, посланные господарем или от него «высажоные». Иногда, когда накоплялось особенно много дел, господарь назначал особые комиссии из панов радных для их рассмотрения. Так бывало обыкновенно на сеймах, когда судебных дел накоплялось особенно много.

В обычное время господарскую раду составляли те члены ее, которые в данное время находились при господаре, чаще всего – бискуп виленский, воевода и пан (каштелян) виленский, воевода и пан трокский, староста жмудский, маршалки земский и дворный и подскарбий земский, которые пребывали либо в Вильно, либо в недалеком от него расстоянии и потому легче и скорее других могли быть в сборе. Но в особо важных случаях, когда обсуждались, например, дела внешней политики или законодательства, господарская рада собиралась в более или менее полном составе. Такие собрания назывались *соймами* панов-рады.

Кто же входил в состав господарской рады, игравшей столь важную роль в управлении Литовско-Русским государством, и какие отношения были между господарем и этим его советом?

Состав господарской рады слагался постепенно. Предшественница ее – великокняжеская дума XIV в. не была определенным учреждением и не представляла из себя какой-либо определенной корпорации. Это был совет, составлявшийся при великом князе, так сказать, нарочито из разных лиц, кого он считал полезным или возможным иметь около себя в данное время. Таким образом, например, в совете Гедимина в 1324 г. постоянно заседал доминиканец Николай, а год тому назад – виленские минориты, которые в 1324 г. уже не пользовались этою честью. Сын Гедимина Ольгерд и внук Ягайло советовались со своими родичами, областными князьями, какие при них в данное

время находились или каких они считали нужным пригласить. По временам они приглашали в свой совет и своих бояр, которые были их сотрудниками по управлению их собственным Виленским княжеством, в особенности в тех случаях, когда обсуждались и решались дела этого княжества, а равно также и влиятельных виленских мещан. С утверждением Витовта на великом княжестве и после погрома, постигшего областных князей, великокняжеская дума, или рада, стала составляться преимущественно из знатных литовских бояр. Эти бояре играли главную роль в возведении Витовта на великокняжение и в дальнейшем сделались его главною опорою и поддержкою. В качестве наместников великого князя они заступили место прежних областных князей; ими стали замещать некоторые высокие должности, созданные по примеру Польши, – воевод, каштелянов, маршалков и т. д. Все эти бояре, сделавшие Витовта великим князем и сами сделавшиеся его сотрудниками по управлению Великим княжеством, естественно, сделались обычными и частыми его советниками. Поэтому и именем панов радных стали обозначаться воеводы виленский и трокский, каштеляны виленский и трокский, староста жмудский, различные наместники областей, маршалок земский и дворный, маршалки господарские и разные другие должностные лица. В состав рады вошли и католические бискупы. Но весь этот круг лиц, из которых составлялся совет Витовта, пока еще не был очерчен точно и замкнут. По временам в этот совет входили и разные другие лица, обычно в нем не участвовавшие, которых великий князь считал нужным или возможным иметь при себе при совершении того или другого правительственного акта, – писари, секретари, дворяне из польских шляхтичей и т. п. В то время роль великокняжеского советника не отделялась еще резко от роли простого свидетеля при совершении того или другого правительственного акта. Самый акт исходил собственно от великого князя, который был его творцом и выдавал его даже и единолично, без совещания с радою. Это слияние роли советника с ролью простого свидетеля, продолжавшееся долгое время и после Витовта, нашло себе выражение и в языке актов, которые заканчиваются нередко стереотипною фразою: «А при том были сведоки паны-рада наша». Но если совет великого князя играл нередко такую, чисто пассивную, роль, то естественно, что и доступ в него был довольно широкий и открытый. До роли «сведоков» легко допускались и такие лица, которые не занимали каких-либо должностей, дававших основание быть советниками великого князя. В отношении доступа в великокняжеский совет было установлено одно только ограничение по Городельскому привилею 1413 г.: в совещания о государственных делах должны допускаться только католики на том основании, что разница вер порождает иногда разномыслие и во всем остальном, и иноверцы не держат государственных тайн. Но и это ограничение, по-видимому, не касалось православных князей правящей династии, которых видим в совете Витовта после 1413 г. Но хотя при Витовте великокняжеский совет не представлял еще установившейся кор-

порации, тем не менее уже при этом государе за некоторыми должностными лицами утверждалось значение советников, так сказать, постоянных членов рады (consiliarii). Таковы были упоминавшиеся выше воеводы и каштеляны виленский и трокский, староста жмудский, маршалки земский и дворный, наместники, заменившие областных князей, и уцелевшие еще значительные князья, католические бискупы. Значит, если корпорация не сложилась окончательно, не замкнулась, то во всяком случае при Витовте наметился известный персонал государевых советников по должности и званию, завязалось ядро господарской рады как определенного учреждения.

Положение вещей, сложившееся при Витовте, продолжалось и при его ближайших преемниках – Свидригайле, Сигизмунде Кейстутовиче и Казимире. В это время возросло количество земских и дворных урядов по польскому образцу. Появились канцлер, подскарбии земский и дворный, подчаший, крайчий, кухмистр, стольник, подстолий, подкоморий, конюший дворный, хоружий земский, хоружий дворный, мечник; увеличилось число господарских маршалков. Все эти должностные лица стали также приглашаться на совет великого князя, сделались панами радными. По временам в раде великого князя бывали, как и раньше, князья и паны, не носившие перечисленных выше званий. Но большинство всегда состояло из высших духовных и светских сановников, урядников земских и дворных. В конце концов они и составили постоянный контингент рады, стали панами радными в собственном смысле.

Состав господарской рады определился окончательно уже при сыновьях Казимира – Александре и Сигизмунде I, когда к перечисленным должностным лицам присоединились еще *гетманы* наивысший и *дворный*. Состав этот оказался очень большим, вследствие чего в нем с течением времени выделилась *наивысшая*, или *тайная*, *рада*, сенат в собственном смысле, состоявший из католических бискупов, воевод, каштелянов, старост жмудского и луцкого, маршалков земского и дворного и подскарбия земского. С этими старшими панами радными господарь стал обсуждать и решать наиболее важные дела, требовавшие охранения тайны, res secretiores. Но при решении будничных, текущих дел присутствовали сплошь и рядом и остальные паны радные, маршалки господарские и другие дворные урядники. В более или менее полном составе рада собиралась обыкновенно в те моменты, когда созывались вальные соймы.

Паны радные рассаживались в «лавице» рады господарской в известном порядке, определявшемся важностью занимаемых ими должностей и носимых званий. В этом отношении с течением времени выработался известный обычай, от которого отступления делались в исключительных только случаях. Таким образом, первые места занимали бискуп виленский, воевода и каштелян виленские, воевода и каштелян трокские и староста жмудский. Это была «передняя» лавица, или «передняя рада». Тут были представители коренной Литвы. На второй лавице сидели остальные католические бискупы – луцкий и берестейский, медницкий (жмудский) и киевский, воевода киевский, старо-

ста луцкий, воеводы смоленский и полоцкий, староста городенский, воеводы новгородский, витебский и подляшский. Такой порядок мест открывается частью из прямых свидетельств некоторых источников, частью из обычного перечисления панов радных в актах, частью из самого движения их по службе. Что касается маршалков земского и дворного и гетманов наивысшего и дворного, то они сидели большею частью по другим своим званиям, ибо на должности эти назначались обыкновенно лица, носившие звания воевод, каштелянов или старост. Маршалки господарские сидели в господарской раде ниже всех только что перечисленных урядников, причем место каждого маршалка определялось уже степенью его знатности и личных заслуг. В среду маршалков, а иногда и выше ее вдвигались дворные урядники, как подчаший, крайчий, кухмистр, стольник, подстолий, подкоморий и ловчий. Между дворными урядниками наблюдалась также известная иерархия: подчаший, например, сидел выше крайчия, крайчий – выше кухмистра, кухмистр – выше стольника и т. д.

Большая часть этих сановников, становившихся по своему званию членами рады господарской, при Казимире и его сыновьях, как и раньше, выходила из рядов литовской землевладельческой аристократии. Число фамилий заведомо русского происхождения, посылавших своих представителей в раду господарскую, было невелико. Таковы были Ходкевичи из киевских бояр и родственная им фамилия Воловичей; Ильиничи, Глебовичи и родственная им фамилия Вяжевичей из Витебской земли; Сапеги, происходившие по всем данным из бояр Смоленской земли; Кирдеевичи из Волынской земли; князья Друцкие, Острожские и Глинские. Чем объяснить тот факт, что Казимир и его сыновья подобно своим предшественникам набирали свою раду преимущественно из литовских князей и панов? Нельзя объяснить это, как делалось это прежде, действием Городельского привилея 1413 г., преграждавшего схизматикам доступ в господарскую раду. Как показывает практика королей Казимира, Александра и Сигизмунда, они не придерживались строго предписаний этого привилея, ибо со времени Флорентийской унии и православные русские люди Великого княжества не считались уже всегда и решительно схизматиками. Преобладание в господарской раде князей и панов литовского происхождения объясняется тем, что и в рассматриваемое время они составляли самую значительную общественную силу в Литовско-Русском государстве. Мы видели уже, какими крупными величинами они были в обществе, среди окружавшей их землевладельческой мелкоты. По переписи 1528 г. княжеские и панские фамилии, из которых выходили паны радные, выставляли в общей сложности 7190 коней, на 21 коня больше, чем все остальные князья, «значнейшая шляхта» и рядовое боярство из собственно Литовской земли и примыкавшей к ней Руси, т. е. воеводства Виленского и Трокского, и на 2023 человека более, чем все остальные земли, взятые вместе, за исключением Киевской, реестр которой до нас не дошел. Естественно, что на этих сильных людей

преимущественно и старался опираться литовско-русский господарь, и потому привлекал их на должности и в свою раду.

Общественным положением фамилий, из которых набиралась господарская рада, объясняется и то значение, которое она приобрела с течением времени в своих отношениях к господарю. Состоя из крупнейших землевладельцев Великого княжества, в руках которых находилась большая военная сила и денежные средства, а также и государственная власть над многочисленным населением их имений, господарская рада с самого образования своего носила в себе тенденцию стать более, чем простым совещательным учреждением при господаре. Эта тенденция при благоприятных обстоятельствах и привела к превращению рады в учреждение, разделявшее с господарем высшую власть и формально его ограничивавшее.

В XIV и первой половине XV в. великокняжеская рада была de jure и de facto советом, к содействию которого великий князь обращался, когда чувствовал в этом нужду, при обсуждении и решении важнейших вопросов внешней политики и внутреннего управления. При Казимире значение господарской рады увеличилось. При частых отсутствиях его из Великого княжества рада по необходимости становилась и выступала в роли высшего правительства страны. Таким образом, например, в 1474 г. паны-рада, а не сам Казимир, уведомляли начальство Прусского ордена о том, что по случаю морового поветрия не может состояться съезд уполномоченных для заключения мира между Великим княжеством и орденом. И сам Казимир стал признавать за своей радою вышеуказанное значение. Выданный им в 1468 г. судебник предписывал подавать жалобы на тех, кто будет самовольно захватывать земли и наезжать на имения, непосредственно самому господарю, а в его отсутствие панам-раде, которые должны расследовать дело по существу и посадить виновного «у казнь» до прибытия господаря, когда должен решиться окончательно вопрос о наказании. Паны-рада при Казимире стали признаваться высшим правительством страны в отсутствие господаря и за границею. Заключая договор с Казимиром в 1470 г., новгородцы между прочим выговорили, чтобы в том случае, когда на них нападет неприятель в отсутствие Казимира, помощь им оказывала рада литовская. Рада литовская была в глазах новгородцев отдельною от господаря политическою силою, вследствие чего они заставляли Казимира целовать им крест не только за себя лично, но и за всю раду литовскую. Можно сказать, таким образом, что господарская рада при Казимире стала не только личным великокняжеским, но и *государственным советом Великого княжества.* Этот совет в своей самостоятельности пошел даже далее простого заместительства господаря в его отсутствие и принял на себя попечение об интересах государства и защиту их от возможного нарушения со стороны самого господаря, бывшего одновременно и литовским великим князем и королем польским. В такой роли рада выступала во время продолжительного конфликта с Польшею, когда Казимир не прочь был иногда становиться

на сторону поляков. В эти минуты целостность и самостоятельность Великого княжества ограждались энергией и патриотизмом панов-рады Великого княжества. Таким образом, личная уния, фактически установившаяся между Польшею и Литвою при Казимире, поставила на стражу государственных интересов Великого княжества господарскую раду преимущественно и тем способствовала ее эмансипации от господаря, приобретению ею известной самостоятельности и независимости.

По смерти Казимира в 1492 г. эта фактическая личная уния порвалась, и Литва получила для себя особого, отдельного от Польши государя в лице Александра Казимировича. При таком условии господарской раде предстояло вернуться к своей первоначальной роли совещательного учреждения при господаре. Но паны-рада, набиравшиеся из крупной землевладельческой знати – князей и панов, за время великокняжения Казимира привыкли чувствовать себя и сознавать «властелями» Великого княжества, его хозяевами и защитниками, и потому не могли помириться с тою подчиненною ролью, которая их ожидала. Поэтому, избирая Александра на великое княжение, они воспользовались случаем для того, чтобы оградить юридически приобретенное ими политическое значение и ограничить формально власть великого князя в свою пользу. По их настоянию великий князь Александр не только подтвердил обывателям Великого княжества права и вольности, дарованные его предшественниками, но и от «своей щедрости», как выражается его грамота, придал им ряд новых милостей. Он обязался вести дипломатические сношения с другими государствами не иначе, как по совету с панами-радою, по обычаю, наблюдавшемуся его предшественниками. В делах внутреннего управления великий князь Александр обязался не изменять ничего, что уже было решено вместе с панами-радою; в случае несогласия панов-рады с его мнением при обсуждении государственных дел – не держать на них за то гнева и выполнять то, что они посоветуют для его и государственного блага. Затем великий князь обязался не отнимать ни у кого урядов без вины и без совета с панами-радою, раздавать державы наместникам и тиунам по представлению воевод, а в украинных областях по совету с панами-радою; все доходы с мыт, корчем, судных штрафов, или вин, отлагать в своем скарбе и расходовать их не иначе, как по соглашению с панами-радою. Паны-рада, таким образом, брали в свое ведение и финансы государства. Наконец, привилеем 1492 г. обеспечивалось и участие панов-рады в суде господаря. Великий князь обязался все важнейшие дела (causas graviores) решать с панами-радою.

Все эти права признаны были за литовским панством и великим князем Сигизмундом, который при избрании своем на великое княжение подтвердил все права и вольности духовных и светских «станов» Великого княжества. Выданный им в 1506 г. подтвердительный привилей еще яснее и категоричнее установил непременное участие панов-рады в высшем правлении Литовско-Русского государства, в законодательстве, администрации и в суде. Земский

привилей 1492 г. устанавливал только, что решения господаря с панами-радою имеют силу законов, обязательных для самого господаря, который не властен изменять их иначе, как по совету с панами-радою. Но он не говорил прямо, что господарь должен все важнейшие решения принимать по совету с панами-радою. Привилей 1506 г. устранил всякое недоразумение в данном случае: на основании его все законы и распоряжения общего характера, направленные ко благу государства, должны издаваться не иначе, как по зрелом обсуждении с панами-радою, с их ведома, совета и согласия. Позже в Статуте 1529 г. Сигизмунд сверх всех этих обязательств дал еще новое – выдавать привилеи на вечное владение только в бытность свою на вальном сейме с панами-радою.

Так ограничена была власть литовско-русского государя в политическом отношении. Это ограничение было дальнейшим развитием того конституционализма, основание которому положили земские привилеи первой половины XV в. Привилеи 1413, 1434 и 1447 гг. установили известные законные пределы для великокняжеской власти в отношении к личности, имуществу, государственным повинностям и власти над зависимыми людьми духовенства, князей, панов, бояр и мещан Великого княжества. Но во всем остальном великокняжеская власть пока еще не ограничивалась формально. Однако естественный ход вещей рано или поздно должен был привести к формальному ограничению великокняжеской власти и в сфере политики в собственном смысле слова. Этот ход вещей вытекал из основных условий, в которые поставлено было внутреннее развитие Литовско-Русского государства, т. е. из существования многочисленной и сильной землевладельческой аристократии, избирательности великокняжеской власти и тесного политического общения с конституционною Польшею.

Развитие и расцвет политического значения господарской рады совпадают по времени с зарождением и первоначальною организацией того учреждения, которое с течением времени стало над господарскою радою, т. е. *великого вального сойма*. Это учреждение вызвано было к жизни борьбою, которую правящей литовской аристократии пришлось вести против настойчивых поползновений Польши на государственную самостоятельность Великого княжества, выращено было затем тою продолжительною борьбою, которую Великому княжеству Литовскому пришлось вести за свое существование с Москвою и татарами.

Литература

Любавский М. К. Литовско-русский сейм. М., 1900; *Он же.* Новые труды по истории литовско-русского сейма // Журн. М-ва нар. просвещения. 1903. № 2, 4; *Довнар-Запольский М. В.* Спорные вопросы в истории литовско-русского сейма // Журн. М-ва нар. просвещения. 1901. № 10; *Малиновский И.* Рада Великого княжества Литовского в связи с боярской Думой древней Руси. Томск, 1904–1912. Ч. 2, вып. 1–2; *Леонтович Ф. И.* Рада великих князей литовских // Журн. М-ва нар. просвещения. 1907. № 9–10; *Он же.* К вопросу об ограничении политических прав православных князей, панов и шляхты в Великом княжестве Литовском до Люблинской унии // Сб. статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909.

XXXI. ЛИТОВСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ КАЗИМИРЕ И ЕГО СЫНОВЬЯХ; УТВЕРЖДЕНИЕ ВЕЛИКОГО ВАЛЬНОГО СЕЙМА

Спор о Волыни и Подолье и о форме унии между Польшею и Литвою при Казимире; фактическая личная уния. Разрыв этой унии с избранием на великое княжение Александра. Возобновление Городельской унии в 1499 г. Избрание Александра королем польским и договор 1501 г. о слиянии Польши и Литвы в одно государство. Отказ литовцев и русских от принятия этого договора. Избрание Сигизмунда великим князем помимо поляков. Восстановление личной унии с Польшею с избранием Сигизмунда на польский престол. Безуспешные попытки поляков возобновить унию 1501 г. Влияние литовско-польских отношений на внутреннюю жизнь Литовско-Русского государства; утверждение великого вального сейма.

С избранием Казимира на великое княжение литовское вопреки желанию поляков и вопреки договору 1432 г. порвалась уния Литовско-Русского государства с Польшею. Этот разрыв не прекратился и с избранием Казимира в короли польские. Правда, что в грамоте Казимира, содержащей изъявление согласия на принятие короны и обязательство явиться на коронацию, говорилось, что он соединил оба государства в братский союз (in unionem fraternam), желая править ими обоими и защищать их от нападения врагов. Но здесь констатировался, таким образом, только факт естественного союза двух государств, находящихся под одним государем, независимо от каких-либо определенных условий и обязательств с той и другой стороны. Эти условия и обязательства предстояло еще определить. Обстоятельства настойчиво требовали этого определения. Дело в том, что поляки и литовцы диаметрально разошлись в своих требованиях к новому государю, и Казимиру стала угрожать перспектива сесть не на двух престолах зараз, а между ними. Литовцы согласились на принятие польской короны Казимиром только на том условии, если он оставит Великое княжество в тех пределах, в каких оно было при Витовте, и не будет отрывать от него Волыни и Подолья. Поляки со своей стороны захотели взять с Казимира обязательство не отрывать от Польши земель луцких, русских и подольских. Вследствие этого Казимир на первом же вальном сейме, собравшемся в Петркове после его коронации, отказался подтвердить права и вольности поляков, прежде чем они не придут к соглашению с литовцами и не выяснят окончательно взаимных отношений.

С этою целью летом 1448 г. поляки и литовцы съехались на сейм в Люблине. В переговорах, происходивших на этом сейме, ярко выступало различие стремлений литовцев и поляков. Литовцы желали установить между обоими государствами ту самую «братскую унию», о которой говорили записи Казимира, данные полякам до коронации, другими словами – постоянный оборонительно-наступательный союз с сохранением политической индивидуальности каждого государства. Они прямо заявили полякам, что считают себя обиженными теми выражениями предшествующих актов унии, где говорится

об инкорпорации Литвы в Польшу, т. е. incorpriamus, adjungimus, appropriamus etc., и потребовали исключения этих выражений из текста договора об унии: этими-де выражениями они как будто бы отдаются в подданство полякам, а не соединяются с ними в братский союз, как равные с равными. Вместе с тем литовцы потребовали возвращения к Великому княжеству той части Подолья (западного) и Волыни (замков Олеска, Ветель, Лопатина и Городно), которыми завладели поляки в смутное время, наступившее по смерти Витовта. Поляки, выставляя на вид литовцам неосновательность их требований с юридической и исторической точек зрения, предложили им один верный способ для устранения всяких споров и недоразумений между ними: пусть оба государства сольются в одно, в Королевство Польское, пусть уничтожится самый титул Великого княжества и литовские области станут тем же самым, чем и земли Краковская, Сандомирская, Серадзьская и т. д., т. е. воеводствами Польши; пусть литовцы возьмут себе те же права и вольности, что и поляки, сделаются подданными единого государства, и тогда им не о чем будет спорить, не из-за чего ссориться. Способ действительно был верный, но он не понравился литовцам, которые заявили, что для них будет позором, потерею славы и имени уничтожение титула Великого княжества и полное слияние его с Польшею. Поляки возражали, что это слияние уже установлено в договорах унии Ягайлы и Витовта, и изменять что-либо в этих договорах, скрепленных согласием предков, людей мудрых, не годится, ибо в противном случае никакие договоры не будут крепко стоять и соблюдаться и т. д. Но эти доводы не подействовали на литовцев, и переговоры в Люблине не привели ни к каким результатам.

Переговоры возобновились после этого только два года спустя, в 1451 г., в Парчове, куда съехались по 12 уполномоченных с той и другой стороны. На этот раз литовцы уже прямо потребовали кассации прежних договоров об унии, которые их предшественники подтверждали, не зная об их содержании, по одному только приказу великого князя, и замены их новым актом, из которого должны быть исключены такие выражения, как jugo servitutis obnoxios, incorporamus, invisceramus, appropriamus et unimus terras Lithwaniae et Russiae Regno Poloniae, и который утверждал бы не инкорпорацию или подчинение Литвы, а союз ее с Польшею; кроме того, повторили свое прежнее требование относительно Волыни и Подолья. От имени поляков отвечал литовцам Збигнев Олесницкий. Он указал на то, что литовцы, в том числе и некоторые из настоящих делегатов (бискуп виленский Матвей), не раз подтверждали договоры об унии и потому не могли не знать их содержания; указал далее на то, что поляки владели Волынью и Подольем, отбив их у татар, в то самое время, когда о литовцах в этих странах не было и слуха, и в конце концов сослался на недавний договор с Сигизмундом Кейстутовичем, в силу которого эти земли по смерти его должны перейти к Польше и который подтвержден был также согласием литовских панов, в том числе и самих делегатов. Но все эти выводы не убедили литовских уполномоченных, и они уехали из Парчова, не придя ни к какому соглашению с поляками.

В таком же роде шли переговоры и на последующих съездах поляков и литовцев и не только не приводили к соглашению, но даже грозили кончиться вооруженным столкновением поляков и литовцев. Когда Польша втянулась в трудную и продолжительную борьбу с орденом, литовцы настойчиво стали требовать Волыни и Подолья и грозить полякам войною. Самому Казимиру стала угрожать опасность лишиться великого княжения на Литве. Среди литовских князей и панов образовалась сильная партия противников Казимира, во главе которой стали воевода виленский Ян Гаштольд и князь Юрий Семенович Гольшанский. Эта партия решила совершенно разорвать с поляками и для этого возвести на великое княжение киевского князя Семена Олельковича, зятя Гаштольда. В этом направлении партия развила агитацию среди литовцев, результатом которой было обращение литовцев к Казимиру на сейме 1461 г. с требованием, чтобы он или сам постоянно пребывал на Литве, или отдал бы великое княжение Семену Олельковичу. Казимиру удалось кое-как дотянуть до окончания войны с Пруссией. После того как поляки развязались с этой войной, всецело поглощавшей их силу, литовцы, естественно, должны были сделаться скромнее в своем поведении и понизить свой тон в отношении к полякам. Кроме того, пропаганда церковной унии, начавшаяся с 1458 г., с назначением митрополитом киевским Григория Болгарина, принявшего Флорентийскую унию, испортила отношения между католическою Литвою и православною Русью в Великом княжестве и снова возбудила между ними улегшуюся было национально-политическую вражду. До сих пор Литва смело выступала против поляков между прочим и потому, что имела за собою всю свою Русь. Наглядным выражением добрых отношений, установившихся между ними, служит участие русских людей в созываемых тогда государственных совещаниях. Так, на сейме 1446 г., где решался вопрос о принятии Казимиром польской короны, присутствовали князья и паны не только польские, но и русские. На общем сейме с поляками в Люблине в 1448 г. кроме литовских панов и шляхты были и некоторые русские князья, например князь Василий Красный (из Друцких) и князь Острожский. В 1451 г. для решения вопроса о Волыни и Подолье собирался общий сейм всех земель Великого княжества и т. д. Но с начала 1460-х гг. снова возгорелась национально-религиозная вражда между русскими и литовцами. Эта вражда, как явствует из свидетельства самого Казимира, связала руки Литве в ее отношениях к соседям. Когда литовцы после покорения Новгорода великим князем Иваном Васильевичем в 1478 г. хотели взяться за оружие и воевать с Москвою, Казимир, по рассказу Длугоша, стал уговаривать их, чтобы они не начинали войны, не обеспечивши себя предварительно польскою помощью, и не полагались на русских людей, которые, как ведомо им самим, не благоволят к ним по причине различия вероисповеданий. При таких условиях никакие крайности в неприязненных отношениях к полякам стали уже невозможными для литовцев. Они перестали поднимать вопросы о Подолье и Волыни и ограничивались только тем, что по временам обращались на своих сеймах к Казимиру

с просьбою дать им кого-либо из сыновей в великие князья. Со своей стороны и поляки перестали выступать резко и настойчиво со своими требованиями возобновления прежних договоров об унии и присоединения Волыни и Подолья к Короне. По окончании прусской войны внимание и силы поляков были отвлечены от Литвы широкою династическою политикою короля Казимира, силившегося посадить своих сыновей на престолах Чехии и Венгрии. При таких обстоятельствах Польша и Литва до самой смерти Казимира держались установившихся отношений, не заключали договора об унии и не решали вопроса о Волыни и Подолье.

Как только умер Казимир, литовцы поспешили воспользоваться благоприятным случаем для осуществления своего заветного желания – иметь отдельного от Польши государя. Казимир умер в Великом княжестве, в Городно. При нем находился сын его Александр. Паны-рада Великого княжества Литовского упросили его не сопровождать тела отца в Польшу, мотивируя свои настояния опасением, что враги нападут на Великое княжество, оставшееся без главы. В этой мотивировке была доля правды, ибо отношения к Москве и Крыму в последние годы великокняжения Казимира действительно были в высшей степени натянутые. Но главным побуждением, заставившим литовскую раду удерживать королевича Александра в Литве, было несомненно желание возвести его на великое княжение. Паны-рада, впрочем, не решились самолично предпринять такой шаг, который грозил полным разрывом с Польшею, в высшей степени опасным при тогдашнем международном положении Великого княжества. Кроме того, можно было опасаться внутренних замешательств вследствие того, что в государстве существовала многочисленная партия князей и бояр, которые хотели видеть на великокняжеском столе князя Семена Михайловича (Олельковича) слуцкого. Поэтому паны-рада решились произвести избрание Александра на великом вальном сейме всех земель Великого княжества.

Уже из Городно они разослали грамоты по всем областям с извещением о смерти Казимира и с приглашением к «старшим» из всех земель явиться на сейм к 20 июля для избрания нового господаря. В этих грамотах они напоминали князьям, панам и земянам, или боярам, что они всегда прежде были заедино с Великим княжеством Литовским, и выражали уверенность, что и на этот раз они не отступят от него и сообща с ним выберут одного из сыновей покойного короля. В таком же духе разосланы были грамоты и от имени королевича Александра. Эти напоминания и увещания вызваны были именно тем, что много сторонников, особенно в русских областях Великого княжества, имела кандидатура князя слуцкого. Когда собрался сейм, приверженцы князя Семена Олельковича выставили было его кандидатуру. Сам князь приехал с целым отрядом в 500 человек для большей внушительности. Но паны-рада объявили сейму, что предсмертным желанием покойного короля было, чтобы поляки взяли себе в короли его сына Яна Альбрехта, а литовцы – в великие князья Александра. Это спокойное и твердое заявление разбило шансы Олельковича, и сейм провозгласил Александра великим князем.

Избрание великого князя Александра совершилось без всякого участия поляков, которое требовалось предшествовавшими договорами унии. Литовцы ограничились только посылкою извещения полякам, что они, согласно с волею покойного короля, хотят посадить у себя великим князем королевича Александра, и предложением, чтобы поляки согласно той же воле посадили у себя королем Яна Альбрехта. Об унии не было и помину. Польские паны прислали было приглашение литовцам прибыть в Польшу и принять участие в избрании короля. Но литовцы очень хорошо понимали, что появление их на избирательном сейме в Польше означало бы признание с их стороны договоров об унии, и потому отвечали уклончиво, что-де они уже объявили полякам свою мысль и волю покойного короля «братским обычаем». Когда состоялось избрание Яна Альбрехта, великий князь Александр послал послов поздравить брата и напомнить ему о «дружбе», какая существовала издавна между их государствами, которые при покойном отце их всегда помогали друг другу против всякого неприятеля. Итак, вместо акта субмиссии, который следовал бы со стороны великого князя Александра, было послано братское поздравление и напоминание о дружбе государств. Ясное дело, что акты унии в глазах литовцев не имели более никакой силы, и они рассматривали свое Великое княжество как вполне независимое государство. Порвалась и та связь, которую представлял собою для Польши и Литвы общий государь.

Но отношения к соседям в самом скором времени заставили и Литву, и Польшу болезненно почувствовать взаимный разрыв и предпринять шаги к возобновлению унии. Литва подверглась нападению Москвы, которая отобрала у нее часть владений на востоке. В то же время крымские татары стали громить южные области Литвы и Польши. К ним присоединились турки, которые в 1498 г. страшно опустошили Подолье и Галицкую землю и увели до 100 тысяч пленных. После продолжительных переговоров о возобновлении «ровных и слушных записов», без ущерба для чести и достоинства обоих государств, в 1499 г. возобновлена была Городельская уния с более точным обозначением порядка избрания королей польских и великих князей литовских. В грамотах определялось, что литовцы на будущее время не будут приступать к избранию великого князя без ведома и участия поляков, лишь бы они пожелали прибыть в Литву ко времени избрания; точно так же и поляки со своей стороны не будут обходить литовцев при выборе королей.

Уния, заключенная в 1499 г., в сущности мало гарантировала и Польше, и Литве взаимную поддержку. Правда, оба государства обязались помогать друг другу omni consilio, auxilio et favore. Но пока сохранялось их отдельное существование, пока они не сливались в одно государство с одним правительством, эта поддержка всегда должна была сводиться до минимума, а иногда и на нет. У каждого государства были свои враги, которых оно должно было остерегаться; каждое государство, естественно, должно было всячески щадить и приберегать свои силы для самого себя. Все это обнаружилось на другой же год по заключении унии 1499 г. Весною 1500 г. московские войска вторгнулись в Великое княжество Литовское и заняли множество городов

и волостей. Высланное против них литовское войско 14 июля потерпело полное поражение на реке Ведроше близ Дорогобужа. Поляки не оказали никакой помощи Великому княжеству, потому что собирались в то время идти в поход на турок и должны были оборонять свои земли от татар, два раза в этом году вторгавшихся в Юго-Западную Русь. Ян Альбрехт оказал своему брату Александру только дипломатическое содействие, отправил своего посла в Москву хлопотать о мире, т. е. сделал для него то же, что и другой брат его, венгерский король Владислав. Литва должна была искать себе помощи на стороне, и хотя нашла себе союзников в лице ливонского магистра Плеттенберга и заволжского хана Шиг-Ахмата, тем не менее правящие литовцы приложили все старания и к тому, чтобы связаться для борьбы более тесными узами с Польшею. По обстоятельствам момента этого можно было достигнуть возведением на польский престол, осиротевший за смертью Яна Альбрехта, великого князя Александра и заключением новой унии с Польшею. Литовский сейм, собравшийся в Городно, отправил в конце августа 1501 г. послов на польский избирательный сейм и с полномочиями на заключение новой унии. Все это оказало свое действие на избирателей, и Александр восторжествовал над своими соперниками, в числе которых был и родной брат его, король Владислав.

Формальному избранию предшествовала выработка прелиминарных статей договора, который должен был быть заключен между Польшею и Литвою. Постановлено было, что Польша и Литва впредь будут иметь одного общего государя; этот государь будет избираться в Польше на общем польско-литовском сейме; оба государства будут неразлучны в счастии и несчастии; будут иметь одну монету, но отдельные суды и должности; прежние договоры, заключенные одним государством, будут иметь обязательную силу и для другого; новоизбранный государь должен подтверждать права и вольности обоих государств. Когда уже состоялось избрание и провозглашение Александра королем польским, написан был акт унии на основании вышеизложенных прелиминарных статей и подтвержден присягою чинов польского сейма. Литовские уполномоченные со своей стороны дали клятвенное обещание в том, что склонят великого князя и остальных братьев своих литовцев к принятию, подтверждению присягою и выполнению заключенного договора.

Но это обещание выполнено было только отчасти. Договор был принят и подтвержден присягою только Александром и теми панами, которые находились при нем в Мельнике, где он поджидал исхода дела. Александр обещал привести к тому же и всех остальных своих подданных и побудить их выдать соответственные записи, скрепленные их печатями. Этого, однако, не удалось ему сделать. Продолжавшаяся война с Москвою и Крымом не давала возможности литовскому правительству созвать на сейм князей, панов и бояр, шляхту всех земель Великого княжества, как требовалось важностью дела и установившеюся уже традицией. Мало того, в сущности даже опасно было поднимать такой щекотливый вопрос, как вопрос об унии с Польшею. И без того уже много русских княжеств отпало от Литвы и добровольно пошло под власть Москвы. Провозглашение народно-политического единства с католи-

ческою Польшею – ut sit una gens, unus populus et communia consilia eidemque corpori unum caput – могло сделаться поводом к еще большему отпадению православного русского населения, могло толкнуть в объятия Москвы целые русские земли, особенно пограничные с Москвою, как Полоцкая, Витебская и Смоленская, более других расплачивавшиеся за верность литовскому государю. Когда же окончилась война и заключено было перемирие с Москвою (23 марта 1503 г.), сами литовцы охладели к унии и не прочь были кассировать сделанные уже записи. Уния вовсе не принесла Великому княжеству той помощи со стороны Польши, на которую рассчитывали литовские паны при ее заключении. Поляки один только раз, весною 1502 г., отрядили значительный отряд жолнеров на помощь Литве. Но лишь только этот отряд прибыл на театр военных действий, его немедленно отозвали в Польшу вследствие приближения турок к границам государства. Поляки не только не помогли литовцам, но даже оказали на них давление, понуждая их к миру во что бы то ни стало. Перемирие, заключенное при их посредничестве, стоило Литве множества городов и волостей, которые она должна была уступить Москве. Поэтому когда король Александр по настоянию поляков стал требовать от своих литовских подданных «реверсалов» на заключенную унию, то те, которые не были при заключении ее, а также многие земли, которые к Великому княжеству «прислухали», не захотели выдать желанных «реверсалов». Таким образом, в конце концов Великое княжество Литовское отвергло унию, заключенную его послами в 1501 г. и подтвержденную господарем.

Уния не восстановлена была и по смерти Александра, последовавшей 19 августа 1506 г. в Вильно. Тотчас же паны-рада назначили сейм всем землям Великого княжества для избрания и «поднесенья» на великое княжение нового господаря. Коронные сенаторы, получив известие о смерти Александра и о приготовлении литовцев к избранию нового господаря, отправили в Вильно посла напомнить литовцам о договоре 1501 г. и просить, чтобы они не приступали отдельно от поляков к избранию господаря. Но литовцы не послушались, ссылаясь на те опасности, которые угрожали Великому княжеству как извне, так и внутри (от происков князя Михаила Львовича Глинского и его партии). 20 октября 1506 г. все литовские паны и княжата со всеми землями, принадлежащими к Великому княжеству, «единостайною волею» избрали на великое княжение королевича Сигизмунда, дедичного и прироженого господаря своего. Полякам ничего не осталось делать, как последовать примеру литовцев, и Сигизмунд 6 декабря был избран королем польским. Так восстановлена была личная уния Великого княжества с Короною Польскою при полной взаимной независимости обоих государств.

Необходимость сообща бороться с крымскими татарами и сообща уплачивать упоминки их хану снова поставила на очередь вопрос об унии Польши и Литвы. В 1512 г. коронные сенаторы предложили литовцам поновить и поправить постановления унии и на основании их установить такую оборону, которая предохранила бы оба государства от падения. Литовцы ответили предложением простого оборонительно-наступательного союза с обязанно-

стью нести все издержки пополам, сообща стараться о возвращении потерянных земель и делить вновь приобретенные пополам. Поляки объявили литовским послам, что они ожидали не такого ответа от своих братьев-литовцев, что они желают возобновления той унии, которая уже была заключена при короле Александре. Переговоры возобновились в 1513 г., когда литовцы прислали в Польшу просить помощи против москвитян, продолжались и в 1514 г., но без всякого результата.

Считая Великое княжество совершенно независимым от Польши, литовские паны-рада вместе со всем рыцарством на сейме 1522 г. предизбрали на великое княжение по смерти Сигизмунда его сына Сигизмунда Августа, не спрашиваясь поляков, которые в свою очередь предизбрали Сигизмунда Августа своим королем в 1530 г. Для характеристики отношений Литвы к Польше в то время имеют значение переговоры, которые вели паны-рада с королем Сигизмундом в 1526 г. по поводу слухов о том, что папа хочет дать великому князю московскому королевскую корону и что поляки этому не препятствуют. Они поручили своим послам наедине передать королю, чтобы он никоим образом не пропускал в Москву этой короны. Поляки, не пропустив в свое время короны для Витовта, теперь легко пропускают ее в Москву: ясное дело, что они стараются держать Великое княжество «в пониженье», чтобы тем легче оно было «втелено ими к коруне». Указывая на то, что Великое княжество Литовское – настоящий оплот династии, что литовцы давно уже избрали себе «за пана» королевича Сигизмунда, между тем как поляки до сих пор и не подумали об этом, паны-рада предлагали королю вытребовать у них корону, которую они некогда перехватили у Витовта, и венчать ею королевича Сигизмунда: тогда и поляки не будут иметь поползновений унижать Великое княжество и присоединять его к Короне – «бо коруна в корону втелена быти не може», – но будет «ровное братство и приязнь против всех неприятелей»; если же поляки не выдадут короны, пусть король пошлет за нею к папе, а они, литовцы, не пожалеют никаких «накладов» на это дело. Королевской короны литовцам не удалось добиться для своего великого князя. Но их представления не остались без результата. Король Сигизмунд, ввиду преклонного возраста своего и болезненного состояния, в 1529 г. решился еще при жизни своей возвести на великое княжение своего сына Сигизмунда Августа. Опасаясь противодействия поляков, он вступил в тайные совещания с литовцами на Виленском сейме. Все «станы» сейма отнеслись к намерению короля сочувственно, и 18 октября состоялся торжественный акт возведения на великое княжение Сигизмунда Августа. Полякам ничего не оставалось сделать, как и со своей стороны признать Сигизмунда Августа королем польским, что они и сделали в следующем, 1530 г. С 1544 г. Сигизмунд Август стал фактическим правителем Великого княжества, тогда как в Польше правил его отец. Таким образом, вопреки унии 1501 г. Литва снова приобрела отдельного от Польши государя.

Итак, все попытки, предпринимавшиеся при Казимире и его сыновьях к осуществлению польско-литовской государственной унии, не привели ни к каким положительным результатам. Литовско-Русское государство, пребывая в личной унии с Польшею, сохраняло полную самостоятельность и независимость.

Поэтому и в борьбе за существование оно всецело предоставлено было своим силам и средствам. Эта напряженная борьба, как увидим, привела к чрезвычайно важным последствиям во внутренней формировке этого государства.

Но, прежде чем переходить к этой борьбе и ее последствиям, необходимо констатировать, что и длительный спор Великого княжества с Короною по вопросу об унии не прошел бесследно в истории государственного развития Великого княжества. Мы видели, что Казимир и его сыновья для решения такого важного вопроса, как уния, созывали не только панов радных, но и князей, панов и бояр-шляхту всех земель Великого княжества, созывали *великий вальный сейм.* Такие же сеймы созывали паны радные и для избрания великих князей в обход притязаний поляков. Господарь и паны радные во всех этих случаях не считали возможным обходиться без согласия и содействия областей Великого княжества. До великокняжения Сигизмунда I на эти сеймы, по всем данным, вызывалась только аристократия земель-аннексов: князья, паны или крупные бояре-землевладельцы. Но при Сигизмунде I, как увидим, стала созываться и рядовая шляхта. Этот факт стоял в связи уже с внешнею борьбою Литовско-Русского государства.

Литература

Любавский М. К. Литовско-русский сейм. М., 1900; *Довнар-Запольский М. В.* Польско-литовские унии на сеймах до 1569 г. М., 1897; *Mosbach A.* Początki unii Lubelskiej. Poznań, 1872; *Пичета В. И.* Литовско-польские унии и отношение к ним литовско-русской шляхты // Сб. статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909; *Kutrzeba S.* Unia Polski z Litwą. Kraków, 1911.

XXXII. БОРЬБА ЛИТОВСКО-РУССКОГО ГОСУДАРСТВА С КРЫМСКИМИ ТАТАРАМИ И МОСКВОЮ ПРИ КАЗИМИРЕ И ЕГО СЫНОВЬЯХ

Нападение крымских татар на литовско-русские земли; борьба с ними. Пропаганда церковной унии в Литовско-Русском государстве и обострение вражды между Литвою и Русью. Отпадение русских князей от Литвы и переход их на сторону Москвы. Военные действия Москвы в начале 1490-х гг. Договор 1494 г. и брак князя Александра с Еленою Ивановною. Новые попытки унии в конце 1490-х гг. и новые отпадения русских князей. Возобновление войны с Москвою; договор 1503 г. и потеря Чернигово-Северской земли и верхнеокских княжеств. Мятеж Глинского и новая борьба с Москвою при Сигизмунде; потеря Смоленска.

В XIV и первой половине XV в. главным врагом, с которым Литовско-Русскому государству приходилось вести напряженную борьбу, были немцы Прусского и Ливонского орденов. Под Грюнвальдом силы Прусского ордена потерпели страшный разгром, от которого орден не мог уже оправиться. Казимир довершил дело Ягайлы и Витовта, и Торунский мир 1466 г., обусло-

вивший присоединение устья Вислы к Польше и вассальное подчинение ей Пруссии, знаменовал собою устранение с арены борьбы этого давнишнего врага Литвы и Польши. Его место по отношению к Литовско-Русскому государству во второй половине XV и в XVI в. заняли Крымская татарская орда, объединившаяся под властью Гиреев и признавшая над собою власть турок, и новообразовавшееся Московское государство, объединившее в себе всю Северо-Восточную Русь.

Крымские татары стали опустошать южные области Литовско-Русского государства уже при Казимире. В 1482 г. хан Менгли-Гирей взял Киев и сжег его. Под натиском крымцев южные пределы Литовско-Русского государства, при Витовте придвинувшиеся было к Черному морю и устью Днепра и Днестра, отступили на север, к рекам Тясмину (притоку Днепра), Синюхе и Савранке (притокам Южного Буга) и Егорлыку (притоку Днестра). Менгли-Гирей был верным союзником великого князя московского в борьбе его с преемниками Казимира – Александром и Сигизмундом, несмотря на то что добился от них уплаты ежегодных богатых упоминков в размере до 15 тысяч золотых, не считая подарков натурою. Почти ежегодно крымские татары навещали Киевщину, Подолье, Волынь, пробираясь иногда и глубже, в Полесье, жгли, грабили и уводили в плен жителей и скот. Нападения бывали даже несколько раз в году. Преемник Менгли-Гирея Махмет-Гирей, хотя и сделался врагом Москвы, не переставал нападать и на литовско-русские земли. Впрочем, отдельные татарские отряды нападали на литовско-русскую украйну и помимо воли хана, которого плохо слушались разные князья и мурзы. Так обстояло дело до конца великокняжения Сигизмунда. После разгрома под Могачем в 1526 г. венгров и их союзников Литве и Польше стали угрожать турки. Опасность со стороны турок увеличилась после того, как в начале 1540-х гг. они заняли Венгрию и врезались в середину среднеевропейского христианского мира.

Но особенного напряжения сил потребовала за это время борьба с Москвою. Борьба эта порождена была положением вещей, создавшимся как вне, так и внутри Литовско-Русского государства.

К концу XV в. почти закончилось политическое объединение Северо-Восточной Руси под властью великого князя московского. Этот великий князь как в собственных глазах, так и в общественном мнении стал национальным русским государем, призванным властвовать над всею Русью, в том числе и над тою, которая находилась под властью великого князя литовского. Это национально-политическое притязание не раз выражалось со стороны Москвы в дипломатических переговорах. Венгерскому послу, приезжавшему в Москву мирить Ивана III с его зятем, королем Александром, от имени великого князя заявлялось: «Короли Владислав и Александр – отчичи Польского королевства да Литовской земли от своих предков, а Русская земля от наших предков, из старины, – наша отчина». Наряду с этим, после падения Царьграда в Москве все более и более укреплялась мысль, что великий князь московский – не только единственный правый государь всея Руси, но и единствен-

ный православный царь, призванный оберегать и защищать православное христианство. Между тем в державе великого князя литовского православная вера с половины XV в. стала подвергаться гонениям и притеснениям в связи с попытками осуществить ту самую церковную унию, которая заключена была на Флорентийском соборе 1439 г. Эти гонения и притеснения обострили национально-религиозную вражду в недрах Литовско-Русского государства и вызвали среди подвластной Литве Руси тяготение и даже отпадения на сторону единоверной Москвы. Великий князь московский не мог ввиду всего этого оставаться равнодушным, не мог не протянуть руку помощи русским людям Великого княжества, над которыми он и без того считал себя прирожденным государем. Так возгорелась продолжительная, затяжная борьба между Московским и Литовско-Русским государствами.

Мысль об унии римского и греческого закона зародилась в Литовско-Русском государстве еще при Ягайле и Витовте, в эпоху соборного движения на Западе. Для переговоров об этом предмете Витовт, как известно, посылал на Констанцский собор в 1418 г. киевского митрополита Григория Цамблака с несколькими западнорусскими епископами. Но эта миссия не привела ни к каким результатам. Мысль о церковной унии, однако, не умирала в литовских правящих сферах: эта уния представлялась желательною не только в церковных, но и в государственных интересах Великого княжества как средство для более тесного сближения и объединения Руси с Литвою, для уничтожения тяготения Руси к Москве. Благоприятные условия для проведения унии наступили после Флорентийского собора 1439 г., на котором и цареградский патриарх, и русский митрополит Исидор приступили к унии с римскою церковью. Но литовскому правительству помешали на первых порах мятежные движения русских земель Великого княжества, происшедшие вслед за избранием Казимира. Чтобы не давать никакого повода к раздражению Руси, чтобы успокоить русских людей, правительство Казимира поспешило заявить себя благосклонным к старой русской вере. Поставленный собором восточнорусских епископов митрополит Иона был признан в этом сане и в Литовско-Русском государстве. В 1451 г. мы встречаем его обозревающим православные епархии в пределах Великого княжества. Это был тот самый год, когда Казимир объезжал области Великого княжества и подтверждал русским землям своего государства права и вольности.

Вскоре, однако, последовала попытка ввести церковную унию в Западной Руси, и на этот раз по инициативе из Рима. После завоевания Константинополя турками прибыл в Рим цареградский патриарх Григорий Мамма. В бытность его в Риме возобновились старания о подчинении и русской церкви папе. Православных Восточной Руси, ввиду проявленной ими резкой враждебности к унии, решено было до поры до времени оставить в покое. Но за Литовскую Русь сочли возможным приняться ввиду содействия, которое могло в данном случае оказывать ее католическое правительство. По желанию Пия II цареградский патриарх Григорий Мамма посвятил для Литовской Руси осо-

бого митрополита Григория Болгарина, бывшего протодиакона при митрополите Исидоре. Григорий, принявший унию, обязался привести к ней и свою паству и получил от папы грамоту к королю Казимиру, в которой папа просил короля о принятии его митрополитом и о содействии в подчинении ему западнорусских епископов. Казимир не осмелился ослушаться папы, несмотря на то что уже выдал грамоту на управление литовскими епархиями митрополиту Ионе, несмотря на уговор свой с великим князем московским Василием – признавать митрополитом только того, кто им обоим будет люб. Под давлением господаря западнорусские епископы признали над собою власть нового митрополита.

Итак, официально западнорусская церковь стала числиться в унии с римскою, раз митрополит и подчиненные ему епископы признали эту унию. Но идея унии плохо воспринималась как православною паствою, так и самими католиками. Десять лет спустя после прибытия митрополита-униата, в 1468 г., король Казимир писал Папе Павлу II, что в Литве и соединенных с нею русских областях обитает «великое множество еретиков и схизматиков, и число их возрастает со дня на день». Король просил у папы дозволения основать как в Литве, так и в западнорусских областях по два монастыря ордена бернардинов, с тем чтобы «братья этих монастырей своею проповедью и жизнью могли приводить тамошних еретиков и схизматиков к единству церкви». С другой стороны, латинское духовенство склонно было смотреть на православных русских людей, даже искавших мира и любви с римскою церковью, как на недоверков и принимать в отношении их разные насильственные меры. Преемник Григория на митрополичьей кафедре Мисаил вместе с некоторыми духовными лицами, князьями и панами греческого закона по этому поводу составил целое послание к Папе Сиксту IV (14 марта 1476 г.). В этом послании русские люди заверяли папу, что они содержат семь Вселенских соборов, «к ним же купно и осмый флорентийский ухваляют», что они исповедуют Святого Духа, «исходяща от Отца прежде, также и Сына единым дуновением». Поэтому они просили папу оградить их от оскорбления латинян, которые клевещут на них, будто они не истинные христиане и не право веруют в Святую Троицу, насильно принуждают их к своему исповеданию, действуя яростью, криком, побоями и мучениями, и т. д. Дело дошло до того, что сам король Казимир по просьбе своего сына Казимира в 1481 г. издал указ, коим запрещалось православным строить новые храмы, восстановлять прежние и поправлять обветшавшие. Такой натиск на православие объясняется тем, что не только православная паства, но и пастыри – митрополит и епископы – не обнаруживали ревности к унии. Уже митрополит Григорий Болгарин, несмотря на то что посвящен был патриархом в Риме, посылал за благословением и утверждением в сане к патриарху в Константинополь. Так же поступали и преемники Мисаила. Что касается самих цареградских патриархов того времени, то они хотя и не прочь были от «святого единения», но не могли осуществить его, так как этому противились их «овцы», ненавидевшие латинян.

Итак, попытка соединения греческого и римского закона в Литовско-Русском государстве вместо мира и любви раздула только религиозно-национальную вражду и ненависть и навлекла на государство внешние опасности. В 1481 г. против короля Казимира составился заговор, во главе которого стали слуцкий князь Михаил Олелькович, его двоюродный брат Федор Иванович Бельский и один из князей Гольшанских. Заговорщики задумали погубить Казимира, а если не удастся сделать это – «отсесть» от Великого княжества со всеми землями по реку Березину и соединиться с Москвою. Заговор этот стоял в прямой причинной связи с распоряжением Казимира относительно православных церквей. Об этом мы имеем свидетельство от сына Казимира, великого князя литовского Александра. В одном из своих писем к брату, польскому королю Яну Альбрехту, вспоминая об этом заговоре, Александр пишет, что князья восстали против их отца не ради чего иного, как только ради веры.

Заговор был своевременно открыт, Михаил Олелькович и князь Гольшанский сложили головы на плахе, а князь Бельский бежал в Москву и остался там навсегда со своим потомством. Уход Бельского был как бы сигналом к отпадению от Литвы и других окраинных князей. Уже в 1487 г. видим на службе в Москве князя Ивана Михайловича Воротынского; в следующем, 1488 г. отступил от Литвы князь Иван Васильевич Белевский. В 1490 г. поддался Москве со своим уделом и уделом брата своего Семена князь Димитрий Федорович Воротынский. Эти переходы пограничных князей вызваны были, по всем данным, натиском со стороны Москвы. Узнав о внутреннем настроении и вражде в Литовско-Русском государстве, Москва стала нападать на пограничные литовские владения. Прямые военные действия начались, как только умер король Казимир. Московский отряд вступил в литовские владения на верхнеокской украйне, сжег города Мценск и Любутск, Мосальск и увел в плен литовских наместников, бояр и многих других людей. В то же время другой отряд вторгался в северные пределы Смоленской земли и занял города Хлепень и Рочагов. Пограничные князья поспешили спасти свое достояние переходом на сторону Москвы. В начале 1493 г. перешел к Москве князь Семен Федорович Воротынский, причем завладел двумя литовскими городами – Серпейском и Мещовском. Литовцы отбили было назад эти города, но московские воеводы взяли у них Мещовск и увели в плен жителей, а Серпейск сожгли и разграбили; взят был также ими и Опаков на Угре. В то же время приехал на службу в Москву князь Михайло Романович Мезецкий и привел пленных двух своих братьев, которых немедленно сослали в Ярославль. Примеру верхнеокских князей последовал и князь Андрей Юрьевич Вяземский. Поссорившись со своими родичами, он отъехал в Москву. Чтобы обеспечить за своим новым слугою его отчину, великий князь приказал своим воеводам занять Вязьму. Воеводы исполнили приказ и привели в Москву вяземских князей и панов. Великий князь пожаловал их же отчинами и велел служить себе. Так Москва отрывала одну волость за другою от Великого княжества Литовского.

Литовцы ясно увидали, что одним им не справиться с Москвою, и поневоле обратились за помощью к полякам, с которыми только что порвали унию.

Но поляки взамен помощи прислали требование возобновить «записы» об унии. Время, однако, не терпело, и литовцы, не получая помощи от поляков, должны были войти в мирные переговоры с Москвою. По договору 1494 г. к Москве отошли все отчинные владения князей Вяземских, Новосильских, Одоевских, Воротынских, Перемышльских и Белевских, часть владений князей Мезецких и некоторые великокняжеские волости, лежавшие между этими владениями, например Козельск. Договор, как известно, скреплен был браком великого князя Александра на дочери Ивана III – Елене, причем Иван III взял обязательство со своего зятя не нудить Елену к римской вере.

Но это обязательство Александр выполнил только отчасти. Он действительно не принуждал Елену к прямому переходу в католичество, но хлопотал о том, чтобы она со всеми православными русскими людьми приступила к унии с римскою церковью. Попытка к утверждению унии возобновилась в Литовско-Русском государстве в самом конце XV в. и имела для него самые пагубные последствия. В 1500 г. в Москву явился посол от князя Семена Ивановича Бельского бить челом, чтобы государь пожаловал князя Бельского, принял его на службу с отчиною. Посланный говорил от имени князя: «Терпят они в Литве большую нужду за греческий закон; великий князь Александр посылал к своей великой княгине Елене отметника православной веры Иосифа, владыку смоленского, да бискупа своего виленского и чернцов-бернардинов, чтобы приступили к римскому; посылал и к князьям русским, и к виленским мещанам, и ко всей Руси, которая держит греческий закон, принуждает ее приступить к римскому закону». Вслед за тем перешли к Москве с богатыми волостями князья, бывшие до сих пор заклятыми врагами Москвы: князь Василий Иванович Шемячич с Рыльском и Новгородом-Северским, князь Семен Иванович Можайский, сын приятеля Шемякина Ивана Андреевича Можайского, – с Черниговом, Стародубом, Гомелем и Любечем. Разумеется, ввиду всего этого московский государь не мог остаться безучастным. Московские войска вступили во владения Литвы и 14 июля 1500 г. нанесли литовским войскам полное поражение на речке Ведроше, близ Дорогобужа (в Смоленской земле). Продолжавшаяся два года война кончилась шестилетним перемирием, заключенным 25 марта 1503 г., причем сверх городов и волостей, уступленных Москве по договору 1494 г., Александр отступился в пользу Москвы от всей верхнеокской украйны и от Чернигово-Северской земли (городов Чернигова, Стародуба, Путивля, Рыльска, Новгорода-Северского, Гомеля, Любеча, Почепа, Трубчевска, Радогоща, Брянска, Мценска, Любутска, Серпейска, Мосальска), от значительной части Смоленской и части Витебской земель (городов Дорогобужа, Белой, Торопца). Всего уступлено было Москве 19 городов, 70 волостей, 22 городища и 13 сел. Во время этой борьбы русское население восточных окраин Литовско-Русского государства обнаруживало наклонность к отпадению от Литвы. Так было, например, в Брянске, который занят был московским воеводою вследствие прямой измены жителей литовскому государю и перехода их в подданство к великому князю московскому.

С теми же явлениями встречаемся и в дальнейшей борьбе Литовско-Русского государства с Москвою. Борьба эта возобновилась на другой же год по восшествии на великокняжеский престол брата Александрова Сигизмунда, в 1507 г. Ее возобновлению предшествовала присылка в Москву челобития от князя Михаила Львовича Глинского и от многих князей русских и людей, которые держали греческий закон, чтобы московский государь пожаловал их, стал за них и оборонял. Они сказывали, что на них пришла большая нужда за греческий закон, принуждают их приступать к римскому закону. Эти люди под начальством Глинского собирались в Белоруссии, под Минском и Борисовом, для оказания вооруженной помощи московским войскам. Недостаток средств и одновременные нападения из Крыма заставили литовское правительство пойти на мир с Москвою, причем Сигизмунд уступил окончательно Москве города и волости, завоеванные Иваном III (8 октября 1508 г.).

Но уже в конце 1512 г. московские войска под личным начальством великого князя Василия снова вступили в литовские пределы и облегли Смоленск. Поводом возобновления неприязненных действий был союз, заключенный Польшею и Литвою с Крымом. Война на этот раз затянулась на целые десять лет. В 1514 г., 30 июля москвитяне взяли Смоленск. Московские летописцы приписывают это разрушительному действию московской артиллерии. Но это едва ли так. По словам литовской летописи, смольняне сдались добровольно, по подговору князя Михаила Глинского. Содействие смольнян утверждению у них московского господства особенно ярко сказалось после Оршанского поражения московского войска 8 сентября 1514 г. Владыка смоленский Варсонофий, князья и паны смоленские обнаружили готовность возвратиться под власть Литвы и послали сказать Сигизмунду, чтобы он поскорее присылал к ним войско, а они сдадут город. Но бояре и черные люди в Смоленске пожелали остаться за Москвою и предупредили об измене московского наместника князя Василия Шуйского. Шуйский похватал всех изменников, посажал их в оковы и приготовился к встрече литовского войска. Когда подошел к городу гетман князь Острожский, Шуйский, давая ему знать об открытии заговора, повесил на городских стенах всех изменников, кроме архиерея. Тщетно после того Острожский посылал к смольнянам грамоты с увещаниями предаться Сигизмунду, тщетно делал приступ к городу. Доброжелателей королевских не существовало более, жители бились крепко, и Острожский должен был отступить с большим уроном. Очевидно, в награду за все это великий князь московский и выдал смольнянам грамоту на права и вольности, являющуюся подтверждением литовского земского привилея. Подобная практика была не в обычае Москвы по отношению к областям, взятым силою оружия. Несмотря на страшное поражение, которое потерпели московские войска под Оршею, Литве не удалось отобрать назад новые завоевания Москвы. В 1522 г. заключено было пятилетнее перемирие, причем Смоленск остался в фактическом обладании Москвы. Переговоры, начавшиеся при посредничестве императора Карла V в 1526 г., опять кончились ничем; продолжено было только перемирие до 25 декабря 1532 г. и затем еще на год.

Смерть великого князя Василия Ивановича и неурядицы, начавшиеся после того в Москве, при малолетнем его преемнике, побудили литовско-русского господаря сделать попытку к возвращению того, что было захвачено Москвою. Возобновились военные действия, которые продолжались около четырех лет. Литве удалось воротить только Гомель и некоторые незначительные волости на востоке. В 1537 г. заключено было перемирие на пять лет на основании statuque до 25 марта 1542 г. Это перемирие продолжалось затем до самой Ливонской войны. Внимание и силы Литовско-Русского государства вместе с Польшею отвлечены были от Москвы грозною турецкою опасностью и борьбою с крымскими татарами.

Литература

Любавский М. К. Литовско-русский сейм. М., 1900; *Papée F.* Polska a Litwa na prze omie wieków średnich. Kraków, 1904. T. 1; *Pułaski K.* Stosunki z Mendli-Girejem. Kraków, 1881; *Он же.* Szkice i poszukiwania historyczne. Kraków, 1887; *Карпов Г. Ф.* История борьбы Московского государства с Польско-Литовским, 1462–1508. Ч. 1–2 // Чтения в императ. О-ве истории и древностей российских. 1866. Кн. 3–4; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1959. Кн. 1 (Т. 1–2); *Грушевський М. С.* Історія України – Руси. Київ; Львів, 1905. Т. 4; Львів, 1907. Т. 5.

XXXIII. ОРГАНИЗАЦИЯ «ОБОРОНЫ ЗЕМСКОЙ» ПРИ АЛЕКСАНДРЕ И СИГИЗМУНДЕ I

Порядок отбывания военной службы с земских имений в XV в. Постановление Новгородского сейма 1502 г. о размерах военной службы. Сеймовые постановления на этот счет 1529 и 1544 гг. Переписи крестьянских служб в земских имениях. «Уставы» против уклонения от военной службы. «Уставы» о власти гетмана. Постановления Статута 1529 г. об «обороне земской». Наемные войска на службе Литовско-Русского государства; порядок их вербовки и содержание.

Внешняя борьба, в которую вступило Литовско-Русское государство с последнего десятилетия XV в., потребовала от него чрезвычайного напряжения всех его военных и материальных ресурсов. Это напряжение выразилось в целом ряде мер и постановлений, имевших целью установить наиболее полное и равномерное отбывание военной повинности с «земских» имений и вообще поднятие боевой способности государства, а также в ряде мер и постановлений, имевших целью пополнение ресурсов государственного казначейства до уровня нужд, выдвигавшихся войною. Эти меры и постановления проводились большею частью уже не простым распоряжением господаря и панов-рады, а «ухвалами» великих вальных сеймов с участием князей, панов и бояр-шляхты всех земель Великого княжества. Великий вальный сейм за это время сделался частым явлением, необходимым политическим фактором в государственном строительстве Великого княжества. Это обстоятельство, в свою оче-

редь, как увидим, повело к чрезвычайно важным последствиям во внутреннем развитии Литовско-Русского государства. Не опережая хода дел, остановим наше внимание прежде всего на тех военных и финансовых мероприятиях, которые вызваны были напряженною борьбою с Москвою и татарами.

В течение всего XV в. военная служба, отправлявшаяся в Литовско-Русском государстве с имений, не была определена и регулирована никаким общим законом. Каждое имение обязано было своей службою: одно выставляло одного ратника, другое – двух, трех и т. д., сообразно установившемуся обычаю или условиям приобретения имения на земскую службу. Но такой порядок с течением времени должен был оказаться и неудобным, и несправедливым. Во-первых, с течением времени трудно было знать служебную старину имений во всем ее разнообразии, с другой стороны, некоторые имения возросли в доходности вследствие увеличения в них крестьянского, рабочего населения, а другие, наоборот, захудали. В разгар борьбы, когда требовалось напряжение всех сил, и явилась потребность урегулировать военную службу с земских имений, поставить ее на известных, общих для всех имений основаниях. В 1502 г. на сейме в Новгородке с прелатами и панами радными великий князь Александр установил, чтобы впредь все князья, паны, земяне и дворяне выставляли с каждых десяти служб крестьян ратника в «зброе», на коне и с «древцом» (копьем). Эта норма оставалась в силе долгое время и при Сигизмунде I. Но в начале 1529 г. на великом вальном сейме в Вильно принята была уже другая норма: постановлено было, чтобы ратник в полном «уставном» вооружении выставлялся с каждых восьми служб людей; у кого имелось только восемь служб, тот обязан был выезжать лично (женщина-землевладелица – выставлять пахолка доброго); у кого крестьян было меньше или совсем не было, тот обязан был выезжать на войну сообразно со средствами, «водле можности своее». В счет служб заодно с крестьянами тяглыми шли слуги разных наименований, данники и службы волочные подляшские, как крестьянские, так и мещанские. Не шли в счет бояре и мещане владельческие. Эта «устава» предположена была к действию на десять лет, после чего предполагалось, что каждый будет служить военную службу «подле наболшее можности своее, как и перед тым служили». Но в конце великокняжения Сигизмунда была издана новая «устава» на восемь лет, чтобы с девяти крестьян десятый отправлялся на войну, хотя «станы» на сейме 1544 г. и жаловались на обременительность этой «уставы».

Но недостаточно было установить норму военной службы с земских имений. Потребны были известные меры для того, чтобы эта норма действительно выполнялась. Здесь на первом месте надо поставить «попис» земских имений, т. е. констатирование количества крестьянских служб и, в зависимости от этого, числа ратников с каждого имения. На сейме 1507 г. было определено, чтобы все паны, княжата, земяне, вдовы и вся шляхта переписали своих людей и списки отдали господарю под присягою, что ничего не утаили, чтобы господарь мог точно знать, кто как должен служить. В 1528 г. сейм принял другой

порядок «пописа». Для этого в каждом повете державца должен был выбрать двух земян, «годных веры», которые вместе с дьяком должны были объехать все имения, переписать их владельцев и отобрать у них под присягою показания относительно количества людей в их имениях или воловьих и конских сох и вообще относительно «маемости» каждого человека. Державцы вместе с земянами и дьяками должны были представить реестры «пописа» воеводе или главному старосте (например, на Жмуди) и принести присягу в том, что производили опись добросовестно, никого и ничего не утаили. Для переписи людей в господарских имениях разосланы были особые переписчики из центра. Результатом этой переписи был реестр князей, панов, земян и бояр-шляхты Великого княжества Литовского и тех «почтов», с которыми они должны были выезжать на войну. Это тот самый реестр, который так много послужил делу консолидации шляхетского сословия, стал своего рода дворянскою книгою в Литовско-Русском государстве. Как чисто военный реестр он, конечно, мог иметь только временное, преходящее значение. Уже на Виленском сейме 1532 г. «станы» заявляли, что они не могут выезжать на войну с тем «почтом», который установлен за ними на основании произведенного «пописа» их имений, так как «мало не половицу того почту отмерло». Сигизмунд отказал на просьбу об облегчении на том основании, что землевладельцу, у которого умер подданный, достается «дом и вси статки его и земля и вси пожитки». Но, разумеется, и этот отказ не мог повторяться бесконечно, и реестр 1528 г. рано или поздно должен был замениться другим. Переписи имений производились периодически сборщиками серебщины, определяемой на сеймах также с крестьянских «служеб» или «сох», и этими переписями, очевидно, руководились и гетманы, когда производили смотр собравшимся ратникам.

Одновременно с «пописами» земских имений на сеймах вырабатывались строгие «уставы» против уклонения землевладельцев от военной службы и против неаккуратности в службе. На сейме 1507 г. было постановлено, что не явившийся к сроку в сборный пункт войска подвергается штрафу в 100 рублей; кто не выедет неделю спустя, «надеючися на богатство свое и упором своим», тот «шыю тратит»; кто уедет с войны без разрешения, наказывается смертью. На сейме 1514 г. постановлено было карать «шиею и именьи» тех, кто не поспеет к сроку на военную службу. Практика убедила в нецелесообразности этого закона, и на Городенском сейме 1522 г. было определено наказывать отнятием имения всех тех, кто не явится к сроку на положенное место, конно и збройно, или кто, заявившись перед гетманом и записавшись в его реестр, потом самовольно уедет домой или отошлет часть своих слуг, а сам останется «у малом почте»; имения таковых лиц постановлено отдавать тем отличившимся лицам, за кого будет ходатайствовать пан гетман. Кроме этих «устав» вырабатывались «уставы» о правах и обязанностях гетмана в отношении к ратным людям. Такие «уставы» были изданы на Минском сейме 1507 г., на Берестейском 1511 и 1516 гг. Все воеводы, князья, паны, старосты, наместники-державцы и тиуны, дворяне и все рыцарство-шляхта должны были слу-

шаться гетмана, как самого господаря; упорных и непослушных гетман имел право карать, смотря по «выступу», «везеньем або шиею»; о всех отличившихся должен был представлять господарю. Гетман, как уже было сказано в своем месте, составлял реестр явившимся на войну к сроку и остававшимся на войне до роспуска войска. Он следил за соблюдением ратными людьми военной дисциплины, наказывал за ее нарушения, судил ратных людей в их взаимных обидах и налагал взыскания, определенные в «уставе». Все эти постановления были обобщены, распространены и дополнены в разделе втором Статута 1529 г. Напряженная борьба, которая велась в то время, таким образом, вызвала целое систематическое законодательство о размерах военной службы с земских имений, о порядке мобилизации, о взысканиях за уклонение или неисправное отбывание воинской службы, за нарушение военной дисциплины и т. д.

Это законодательство имело своей целью наивозможно полное использование военных сил, шедших с земских имений Великого княжества. Но этих сил уже стало недостаточно для успешного ведения наступательной и особенно оборонительной войны. В то время в Польше и в других западноевропейских государствах пользовались услугами наемных войск. Люди, посвящавшие себя военному ремеслу, солдатской профессии, оказывались в битвах более искусными и стойкими, чем рыцарская, дворянская, или городская милиция. При том же с этою милицией трудно было оперировать во всех сколько-нибудь продолжительных и затягивавшихся войнах. На Западе, как известно, существовали прямые сроки, по истечении которых рыцари могли уехать с войны. В Польше таких сроков не было, но собиравшиеся на войну шляхтичи нередко разъезжались по домам по необходимости, вследствие истощения привезенных из дома съестных и боевых припасов и денег или просто для свидания с семьями. Так же обстояло дело и на Литве. Все это в общей сложности заставило и литовско-русское правительство прибегнуть к вербовке наемных «служебных» уже при Казимире и Александре. Жолнеров (Söldner) ценили не столько за количество, сколько за их качество, за то моральное действие, которое они оказывали в битвах своим искусством и стойкостью на остальное войско. Поэтому, отправляя своего посла в Польшу в марте 1493 г. с просьбою о помощи против Москвы, великий князь Александр наказывал ему войти в переговор с ротмистрами, т. е. офицерами-профессионалами, которые собирали и нанимали на службу военных людей по поручениям правительств, и на первых порах привести хотя бы 300 жолнеров. Как важно было их участие в бою, показала Ведрошская битва, в которой сражалось одно только земское ополчение Великого княжества: в этой битве литовцы были разбиты наголову, много людей было побито, много побрано в плен. Недостаток стойкости обнаружился и в других поражениях, испытанных в том же году литовскими войсками, например, под Мстиславлем. После этих поражений Александр навербовал для продолжения войны множество служебных в Польше, Моравии и Силезии за дорогую цену. Хотя эти служебные на первых порах и не принесли той пользы, какая от них ожидалась, и только починили грабежи и опусто-

шения литовским жителям, тем не менее Александр не разочаровался в них, и в последующее время мы видим у него на службе этих жолнеров. В походе на москвитян в 1502 г. служебные составляли авангард литовской армии. В то же время они были расставлены на пограничных замках, например в Полоцке и Смоленске, и оставались там и по окончании войны с Москвою, на всякий случай. Преемник Александра Сигизмунд в первой войне с Москвою держал 5000 служебных под начальством Фирлея. Источники упоминают о служебных, нанимавшихся и во время второй войны с Москвою как для действия против москвитян, так и для охраны украинных замков. Число этих служебных, по данным источников, доходило до 5000 человек; на одной южной украйне содержалось ежегодно 2–3 тыс. человек. Всем этим служебным платилось жалованье по четвертям года – конному 10 золотых, пешему 5–6 или около того. Ротмистры и поручники (помощники ротмистров) получали за свои труды по вербовке и командованию усиленное вознаграждение (ротмистры, например, по 10 золотых за каждые 30 человек служебных). Принимая во внимание, что золотой равнялся 30 грошам, а покупная сила тогдашнего гроша равнялась приблизительно нынешней полтине, получаем огромные суммы от $1^1/_2$ до 3 млн рублей, которые приходилось расходовать Великому княжеству специально на наем служебных.

Литература

Любавский М. К. Литовско-русский сейм. М., 1900; *Korzon T.* Organizacya wojskowa Litwy w okresie Iagiełłońskim // Rocznik Towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie. Wilna, 1909. T. 2; *Лаппо И. И.* Конные мещане витебские // Сб. статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909.

XXXIV. ФИНАНСОВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ В ЭПОХУ БОРЬБЫ С МОСКВОЮ И ТАТАРАМИ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ И СИГИЗМУНДЕ I

«Заставы» господарских имений. Чрезвычайные подати по определению сеймов – серебщины и поголовщины. «Уставы» 1514 и 1529 гг. державцам дворов Виленского и Трокского поветов и Жмудской земли; тенденции к оброчной системе повинностей. Учреждение писарей-контролеров и инструкторов по управлению доменами. Осада мест и сел на волоках и чинше. Распространение магдебургского и хельмского права в городах. Погоня за «готовизною» как движущая сила всех этих реформ.

Текущих поступлений на уплату жалованья служебным не хватало. Под давлением неотложной нужды литовско-русский господарь стал обращаться к займам у своих князей и панов под залог своих имений. Ссужавшие его деньгами паны получали в «заставу» господарские имения либо «в сумме пенязей», с правом брать с них в свою пользу не только обычные наместничьи

доходы, но и господарские, целиком или частью, в уплату процентов, или «на выбирание пенязей», т. е. в уплату процентов и погашение долга. К такой операции прибег уже великий князь Александр, в конце своего великокняжения позаложивший немало своих господарских имений. Но в особенности широко использовал эти ресурсы брат его Сигизмунд после взятия Смоленска москвитянами в 1515, 1516, 1518 и 1519 гг. К 1522 г. почти все господарские имения и мыта «в долзех зашли». «Заставы» имений и мыт, конечно, выручали литовско-русское правительство в критические минуты, но они вместе с тем сокращали приток обычных поступлений в скарб и грозили в конце концов совершенным прекращением этих поступлений. Значит, надо было изыскивать какие-нибудь новые средства для удовлетворения государственных нужд, и средства эти найдены были в чрезвычайных податях, которыми стали облагать себя все землевладельцы Великого княжества Литовского.

К этому средству прибег уже король Казимир: в 1473 г. сейм, собиравшийся в Вильно, определил дать ему субсидию со всех земель Великого княжества по 6 пражских грошей с плуга. Это средство подсказано было литовско-русскому господарю и хорошо знакомою ему практикою Польши, и самою логикою вещей. В Польше уже давно, со времени освобождения шляхетских имений от платежа податей (кроме двух грошей с лана в знак подданства), правительство обращалось к шляхте на сеймах за денежными субсидиями на государственные нужды. Литовские князья, паны, земяне и бояре-шляхта с 1447 г. были также освобождены от платежа в скарб постоянной серебщины со своих людей. Естественно поэтому, что рано или поздно и литовско-русский господарь должен был обратиться к ним с приглашением нести материальные жертвы на алтарь отечества. При Казимире, по всем данным, субсидия была определена панами-радою на литовском сейме. Но когда началась напряженная борьба с Москвою, немыслимо стало решать подобные вопросы без участия князей и бояр из земель-аннексов Великого княжества. И без того эти князья и бояре были недовольны Литвою, пропагандировавшею церковную унию, и без того обнаруживали по временам шаткость и стремления к отпадению от Литвы. Привлечь их к жертвам для государства, и притом тяжелым, легче всего, конечно, было, войдя с ними в переговоры, заручившись их добровольным согласием. Поэтому с самого начала великокняжения Сигизмунда для «ухвалы» серебщины собираются великие вальные сеймы с участием князей, панов, земян и бояр-шляхты всех земель Великого княжества.

Первая серебщина была определена на великом «сойме» 1507 г. Литовское правительство готовилось к войне с Москвою и найму «служебных». Между тем оставались еще долги от великого князя Александра, который умер, не расплатившись со «служебными». Князь-бискуп и паны-рада, воеводы и княжата, земяне, вдовы и вся шляхта, собравшиеся на сейм в Вильно, «зволили» дать господарю серебщину со своих людей за текущий год с воловой сохи по 6 грошей, с конской – по 3; с тех, кто не имел ни волов, ни кляч, но держал землю, – также по 3 гроша. В 1514 г., когда возобновилась война с Москвою,

великий вальный сейм в Вильно постановил нанять семь тысяч польских жолнеров, а для уплаты им жалованья дать поголовщину в размере одного гроша с крестьян обоих полов и всех возрастов, двух грошей – с бояр и золотого – с урядников и сановников государства. Серебщина для уплаты жалованья служебным определялась затем на Виленском сейме 1516 г. На Берестейском сейме 1518 и начала 1519 г. определялась снова поголовщина не только в срединных, но и в окраинных областях. Каждый пан и каждый урядник должен был дать с головы своей, жены и детей по золотому, т. е. по 30 грошей, каждый шляхтич – по 2 гроша; простые люди – по грошу. В 1520 г. в военном стане под Минском рыцарство-шляхта согласилось дать серебщину со своих людей, за исключением Жмудской земли, которая отказалась сделать, «выламываючи своими правы». В 1522 г. на сеймах в Городне и Вильно на все Великое княжество, не исключая и украинных земель, была положена новая серебщина. Все землевладельцы, как светские, так и духовные, должны были от каждой сохи воловой дать 15 грошей, от конской – вдвое меньше, от людей, не имеющих сох, но держащих землю, – 6 грошей, от огородников – 3 гроша. Новая серебщина была положена на сейме 1524 г. и затем на сейме 1528 г. Последняя серебщина была наложена частью на уплату «служебным», частью на выкуп «заставленных» господарских имений. Размер ее был определен в 11 грошей и 2 $^1/_2$ пенязей со службы или полторы копы грошей (90) с каждых восьми служб, выставляющих одного конного ратника на войну. Шляхтичи, не имевшие людей, ничего не платили, ибо вообще с барской запашки («с домовых сох») не взималось никаких налогов. Обложению подвергнуты были и все господарские места. На каждое место была наложена определенная сумма, которую оно должно было внести в скарб; раскладка же внутри места была уже делом местных властей. Все евреи, жившие в господарских местах, – трокские, городенские, пинские, берестейские, кобринские, клецкие, луцкие, владимирские и новгородские – должны были все вместе внести в скарб 1000 коп грошей, разложив эти деньги «сами на себя, як ведаючи, водле можности кождого». Всего предложено было собрать 7000 коп грошей. Но так как этих денег не было собрано, то в октябре 1529 г. положена была новая серебщина, дополнительная, в размере 2 грошей с каждой службы людей. Перед началом третьей войны с Москвою, на сейме 1534 г., была «ухвалена» серебщина на три года со всех подданных господаря, королевы, княжеских, панских и земянских: с каждого рабочего вола 12 грошей, с коня 6 грошей; с того, кто имел одну землю, но не имел ни коней, ни волов, также 6 грошей; с огородников 3 гроша; на места господарские серебщина была положена общею суммою. В 1538 г. на содержание «служебных» на украинных замках паны-рада, княжата, панята и земяне, бывшие на сейме в Новгороде, «зволили» дать плат со своих людей по 20 грошей «с коня», т. е. с каждых восьми служб, которые выставляли одного конного ратника. В 1540 г. Виленский сейм «ухвалил» новую серебщину со всех подданных господарских, княжеских, панских, боярских, кроме слуг путных, бояр и слуг бояр их, на три года в таком размере: кто

пашет одною сохою на двух волах или клячах, должен дать 12 грошей; кто пашет одною сохою на одном воле или кляче, – шесть грошей; у кого нет волов или кляч, а есть только земля, – с земли шесть грошей; у кого есть только огороды и нет ни скота, ни другой земли, – три гроша; «воляне», которые «ново» осели, но пашню уже запахали и хлеб со своей земли ели, платят по общему правилу; те же из них, которые еще не ели хлеба с пашни своей, не должны платить ничего.

Из приведенных данных видно, что серебщина с владельческих крестьян, имевшая первоначально значение чрезвычайной подати, субсидии господарскому скарбу в трудные минуты государства, превратилась в рассматриваемое время почти в постоянную подать, определяемую на сеймах. Трудное время, переживавшееся Литовско-Русским государством, лишило землевладельцев Великого княжества материальных благодеяний привилея 1447 г. Но при всем том вся политико-юридическая ценность этого акта осталась в силе. Серебщина даже в качестве обычной подати осталась субсидией, которая давалась господарю «станами» сейма добровольно, по крайней мере в идее. Необходимость получения этой субсидии обусловила частые, через год-два-три, а по временам и ежегодные созывы сеймов, что, как увидим ниже, должно было направить внутреннее развитие Литовско-Русского государства в том же направлении, в каком оно совершалось и в Польше.

Под давлением хронической финансовой нужды литовско-русское правительство в рассматриваемое время делало некоторые попытки к увеличению поступлений в господарский скарб путем улучшения хозяйства и обложения в господарских доменах, улучшения порядка сборов и усиления контроля за ними. Первая крупная попытка в этом направлении была сделана в 1514 г. В этом году разослана была «устава», т. е. инструкция державцам дворов Виленского и Трокского поветов. «Устава» предписывала державцам все лишние тяглые и специальные службы крестьян осадить «на пенязех», т. е. перевести на оброк. Это делалось частью под давлением нужды в «готовизне», частью потому, что изделная повинность и натуральная подать легче ускользали от контроля, чем оброчное обложение. Вообще вся «устава» проникнута тенденцией сократить по возможности натуральное хозяйство в господарских доменах и заменить его сбором денежных оброков с крестьян. Кроме того, «устава» стремилась точно определить, что с господарского хозяйства должен был получать державца, что должно было идти господарю. В 1529 г., когда должен был совершиться выкуп «заставленных» господарских имений и они снова переходили в распоряжение великокняжеской администрации, издана была новая «устава» державцам дворов Виленского и Трокского поветов и «устава» державцам и тиунам Жмудской земли. В этих «уставах» оброчная тенденция выступила еще резче и определеннее, чем в «уставе» 1514 г., а господарские доходы и наместничьи перечислены с большею полнотою и обстоятельностью, охватывая не только села, но и места державств. Для наилучшего контроля

и руководства державцев учреждены были писари дворов Виленского повета, Трокского, Жмудской земли и поднепрских волостей. Эти писари два раза в год должны были объезжать господарские державы и волости и брать «личбу», т. е. учитывать державцев и тиунов. Кроме того, им поручалось иногда собирать «капщинные» или «корчемные пенязи» в господарских волостях, а в поднепрских волостях – «недополнки» даней, которые местные данники вносили в скарб либо через руки наместников-державцев, либо через руки своих «старцев». Писари не ограничивались, впрочем, принятием «личбы» и сбором денег, но вмешивались в управление и, по существу, не только «пописывали», но и устанавливали вновь господарские пожитки, решали вопросы о повинностях крестьян и т. п. Так, под влиянием растущих нужд государства совершенствовалось и формировалось управление государственными имуществами Великого княжества и изменялась финансовая практика.

Тенденция к оброчной системе повинностей проявилась также и в сфере колонизационной политики литовско-русского правительства. Осаживая пустые земли на Подляшье, в Берестейской области, в западных частях Волыни и на Полесье, литовско-русское правительство измеряло эти земли на волоки и сажало колонистов на чинш, который заменял литовские тяглые службы и натуральные дани целиком или в большей части. Места и села, возникавшие на западе на «сыром корени» вновь, большею частью устраивались на немецком праве. Конечно, много тут значил пример, влияние соседней Польши, но путь этому примеру, этому влиянию облегчала усиленная погоня литовского правительства за готовым грошем.

Эта же погоня несомненно влияла и на дарование по польскому примеру литовско-русским городам «майтборского» или «хелминского» права. Исследователями отмечено, что широкая раздача привилегий на магдебургское право началась как раз в разгар борьбы с Московским государством, с последнего пятилетия XV в. Лихорадочная раздача этих привилегий, носящая характер какой-то моды, увлечения, заставляет видеть здесь не столько органическую реформу, подготовленную внутренним развитием литовско-русской городской жизни, сколько чисто внешнюю, финансовую меру.

Некоторыми исследователями все эти явления ставятся в связь с развитием денежного хозяйства на Литве и Западной Руси. Конечно, нельзя отрицать в данном случае значения прилива драгоценных металлов, увеличения денег в народном обороте. Но при всем том тенденция к замене издельных повинностей и натуральных податей денежною шла несомненно впереди совершавшейся эволюции в народно-хозяйственной жизни. Эта тенденция вызвана была и поддерживалась потребностями международной борьбы, в которую втянуто было Литовско-Русское государство. Эта борьба заставляла правительство этого государства вытягивать из населения «готовизну», т. е. деньги, во что бы то ни стало, не считаясь с тем, увеличилось или нет количество этой «готовизны» у населения. В данном случае практика литовско-русского прави-

тельства была совершенно та же, что и практика Петра Великого в эпоху Северной войны. И Петр вводил своего рода поголовщину и серебщину в своих чрезвычайных сборах; и Петр лихорадочно тащил деньги из всех карманов, лихорадочно улучшал управление и вводил городское самоуправление.

Литература

Любавский М. К. Литовско-русский сейм. М., 1900; *Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. Т. 1.

XXXV. ВЕЛИКИЙ ВАЛЬНЫЙ СЕЙМ ПРИ СИГИЗМУНДЕ I; НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОЗВЫШЕНИЯ ШЛЯХТЫ

Привлечение шляхты к сеймованию и организация ее представительства; отступления от принципа представительства. Состав великого вального сейма к концу великокняжения Сигизмунда I. Избрание господаря и постановление унии как первоначальная компетенция литовско-русского сейма. Расширение ее постановлениями о начатии войны, о размерах военной службы с имений и о сборе серебщины при Сигизмунде I. Участие сейма в законодательстве, издание Статута 1529 г. Преобладающая роль литовско-русской аристократии на сеймах при Сигизмунде I. Политическое воспитание шляхты и пробуждение в ней самостоятельных стремлений к концу правления Сигизмунда I; требования выборного суда и других гарантий правосудия.

Напряженная борьба с Москвою и татарами оказала решительное влияние на расширение состава и деятельности великого вального сейма Литовско-Русского государства. Этот сейм, вошедший в государственную практику Великого княжества при Казимире, составлялся, как мы уже видели, из панов радных, «значнейшей» литовской шляхты и «старших», т. е. князей и панов областей-аннексов. Но так продолжалось до тех пор, пока великий вальный сейм решал только политические вопросы, касавшиеся унии и избрания господарей. Но уже с самого начала великокняжения Сигизмунда великие вальные сеймы стали созываться для решения таких вопросов, которые прямо и непосредственно затрагивали материальные интересы шляхты, как обложение земских имений серебщиною на военные нужды и установление размеров военной службы с этих имений. Обходить рядовую шляхту в решении таких вопросов, как уже сказано, было неудобно как по юридическим соображениям, ввиду привилея 1447 г., так и по политическим, ввиду национально-религиозного тяготения русских областей к Москве. Поэтому на великие вальные сеймы при Сигизмунде I стала созываться не только литовско-русская аристократия, но и рядовая шляхта всех земель Великого княжества.

Сначала шляхта приглашалась поголовно. Представительства от нее не было, и приезжали все, кто хотел и имел возможность или надобность до го-

сподаря. Вот почему и на Виленском сейме 1507 г. имел место такой случай: присутствовавшие в случайном составе жмудские бояре не решились дать своего согласия на сбор серебщины, так как на сейме не было никого из их «старших». Поголовным же привлечением на сейм шляхты объясняется и тот факт, что начавшаяся мобилизация расстроила совещания Берестейского сейма 1511 г. Испытанные неудобства от поголовного привлечения шляхты на сеймы повели к организации представительства от шляхты. Задумав собрать в 1512 г. новый сейм в Вильно для решения вопросов, не оконченных на Берестейском сейме 1511 г., Сигизмунд распорядился, чтобы державцы собрали шляхту в своих поветах и предложили ей выбрать двоих представителей на сейм, давши им «зуполную моц». С того времени избрание шляхетских «послов» входит в обычай и окончательно устанавливается в сеймовой практике. Выборы производились под руководством местных державцев, а иногда хоружих, которые обычно также приезжали на сеймы. Однако, несмотря на организацию правильного представительства, шляхте не возбранялось присутствовать на сеймах и лично. Вследствие этого некоторые сеймы, как, например, Берестейский 1515–1516 гг. и Берестейский 1544 г., отличались большим многолюдством. Господарь на сеймах решал множество текущих дел, выдавал пожалования на имения, производил суды и т. д. Поэтому на сеймы многие шляхтичи приезжали по личным делам и также принимали, по всем данным, участие в занятиях сеймов. Шляхта участвовала viritim на тех сеймах, которые составлялись в военном лагере во время сборов земского ополчения Великого княжества Литовского. Таковы были, например, сеймы под Минском в 1507, 1520 и 1521 гг. и под Новгородком в 1538 г.

В конце концов в великокняжение Сигизмунда установился такой состав великого вального сейма: паны-рада, урядники (старосты, державцы, тиуны, хоружие), княжата и панята, и рыцарство-шляхта всех земель Великого княжества Литовского. Сверх князей и панов, состоявших в различных должностях и званиях и по ним имевших место на сейме, туда вызывались лично князья Слуцкий и Дубровицкий, все князья друцкие, лукомские, свирские, гедройтские, Сангушковичи, збаражские, заславские, корецкие, паны Хребтовичи, Кухмистровичи, Довойны, Сологубовичи, Зеновьевичи и др. Все это были лица старинных княжеских и панских фамилий, предки которых участвовали еще на сеймах времен Витовта и Свидригайлы, в большинстве крупные землевладельцы, даже паны хоруговные, выводившие свои «почты» под собственными хоругвями. По отношению к этим фамилиям, пока их не постигало окончательное захудание, держалась известная традиция, признававшая их станами, «сойму належачими». Вызывались на сеймы и православные епископы с митрополитом во главе как владельцы имений, с которых шла земская служба. В общем, можно сказать, что при Сигизмунде I состав литовско-русского вального сейма определился в полном объеме. Позднейшие реформы коснулись только организации шляхетского представительства, но не коснулись самих элементов, из которых слагался сейм, если не считать вве-

дение на сейм виленских бурмистров с совещательным голосом по вопросам, относившимся до Виленского места.

При Сигизмунде же на практике и частью в теории наметилась и та компетенция великого вального сейма, которая нашла себе юридическое, хотя и не полное, выражение в Литовском Статуте 1566 г. Ко времени Сигизмунда I компетенция вального сейма определилась в двух вопросах: в избрании господаря и заключении унии с Польшею. Когда предстояло избрание Александра, паны-рада сочли нужным обратиться с циркулярным приглашением на сейм к князьям, панам и земянам всех земель Великого княжества, в котором указывали, что они были завсегда «за один пополу» с Великим княжеством Литовским, и выражали надежду, что и на этот раз они будут также «посполу» с Великим княжеством и сообща с ним выберут одного из сыновей покойного короля. Значит, паны-рада признавали за землевладельцами земель-аннексов прямое право участвовать в избрании господаря. Такое же право признавали они за ними и в решении вопроса об унии. На этом основании они отказали полякам в ратификации договора об унии, заключенного в 1501 г.: на это-де не соглашаются некоторые земли, «которыи ж прислухают к великому князьству». При Сигизмунде эти выяснившиеся права оставались в силе и общегосударственному сейму, как и ранее, приходилось избирать господаря и выступать в качестве договаривающейся стороны в переговорах об унии с Польшею. Сигизмунд Август избран был преемником своему отцу на великом Виленском сейме 1522 г., а на великом Виленском сейме 1529 г. был уже возведен на великое княжение «за вольным обраньем тых же всих станов и обывателей великого князьства», по позднейшему сознанию самого Сигизмунда Августа. Переговоры о подтверждении унии велись на вальном Берестейском сейме 1511 г., на вальных сеймах Виленских 1512, 1514 и 1532 гг., и если это подтверждение не состоялось, то только потому, что Сигизмунду и полякам не удалось взять «порозумене» с панами-радою Великого княжества, с княжатами, панятами и со всеми землями, которые «привлащоны» к Великому княжеству.

При Сигизмунде на вальных сеймах стали решаться вопросы о войне. Так, на Виленском сейме 1514 г. было решено продолжать войну с Москвою; подобное же решение состоялось и на Виленском сейме 1516 г. Точно так же и в 1534 г. решение о начатии войны с Москвою состоялось на вальном Виленском сейме. Можно сказать, что за великим вальным сеймом стало уже признаваться известное право в этом отношении. По крайней мере мы знаем, что война с волошским воеводою в 1532 г. не состоялась потому, что ее не захотела шляхта-рыцарство, собранная на великом Виленском сейме.

Расширение компетенции великого вального сейма в этом направлении было историческою необходимостью. Войны для литовского правительства в XVI в. были уже почти немыслимы без наложения экстраординарных военных тягостей на землевладельцев Великого княжества, без денежных субсидий с их стороны. Поэтому правительство и старалось заручиться предва-

рительным согласием их на начатие или продолжение войны, чтобы тем легче получить от них и самую субсидию или согласие на более тяжелое обложение военною повинностью в натуре. Большая часть великих вальных сеймов в великокняжение Сигизмунда созывалась именно с этою последнею целью. «Ухвала» военных «устав» и серебщины из области практики перешла в право, признана была законным порядком. Сигизмунд в своей грамоте 1528 г., изданной по поводу выкупа господарских имений из «заставы», торжественно признал, что он не может, не нарушая законов, облагать серебщиною военнослужилых землевладельцев Великого княжества без их воли и согласия; но эти воля и согласие, конечно, могли быть получены только на сеймах. Статут 1529 г. мимоходом признал делом великого вального сейма и определение размеров военной службы с земских имений. Первый артикул раздела II этого Статута гласит, что каждый, владеющий земским имением, должен служить с него и выправлять на войну ратников «подле уфалы земское». Станы сейма признавали за собою это право и дорожили им. Поэтому, когда господарь уже после издания Статута 1529 г. стал отступать от установившегося порядка и определять размеры военной службы по совету только с панами-радою, станы сейма, собравшегося в Берестье в 1544 г., не преминули сделать господарю по этому поводу представление. Они заявили, что и при предках Сигизмунда, и при нем самом оборона устанавливалась не иначе как на вальном сейме, при участии княжат, панят, старост, хоружих и шляхты, «с которых призволеньем и радою завжды оборона была доконывана». Поэтому они просили, чтобы и на будущее время соблюдался тот же порядок. Хотя господарь дал суровую отповедь на эту просьбу как на неуместное будто бы притязание, но тут же косвенно признал за станами сейма то право, на которое они претендовали, заявив, что оставляет в силе свое прежнее решение об отправлении на войну с девяти человек десятого, «на што вжо сами есте зволили». Позже постановления об обороне земской делались не иначе как в форме земских «ухвал». Статут 1566 г. уже устранил всякие недоразумения и неясности в этом отношении, определив, что господарь с панами-радою не имеют «мочи» одни, без вального сейма, устанавливать оборону земскую, налагать серебщину или какой-либо «поплат».

Издание военных «устав» и наложение серебщины были видами частного законодательства, составлявшего компетенцию великого вального сейма. Отсюда уже был один шаг к расширению компетенции сейма и в сфере общего законодательства. Одновременно с определениями относительно количества ратных людей, которые должны были выставляться с земских имений, на великих вальных сеймах стали вырабатываться постановления общего характера о наказаниях за неявку, опоздание и другие неисправности по военной службе, о правах и обязанностях гетмана и т. д. Господарь и паны-рада стали вносить на рассмотрение станов сейма и другие важные вопросы законодательства, которые и стали решаться ухвалою сейма. Таким образом, например,

Городенский сейм 1522 г. «ухвалил» конфискацию имений за неправильный захват господарских земель, на Виленском сейме 1529 г. установлен был ежегодный судовый сейм панов-рады для разбора не решенных господарем дел. В особенности на великом вальном сейме стали разрешаться те законодательные вопросы, которые и поставлены были по инициативе «станов» сейма. Так, например, в 1509 г. по просьбе станов сейма издана была «устава» о «пересудах», т. е. о судебных пошлинах с гражданских дел. На сеймах 1514 и 1522 гг. были поданы господарю просьбы о том, чтобы он дал своим подданным писаные права и законы. Вняв этим просьбам, господарь и паны-рада позаботились о составлении проекта уложения, или Статута. Этот проект читался по статьям и подвергался обсуждению на великом Виленском сейме 1522 г., и до тех пор не вошел в законную силу, пока не принят был окончательно во всех «артикулах» станами сейма. Привлечение сейма к подобной законодательной работе было почти необходимостью. Статут должен был не только кодифицировать письменные законы, но и формулировать существующие юридические обычаи, пополнить недостатки в законодательстве по указаниям жизни. Поэтому уже Казимир издавал свой судебник, «согадавши» с князьями и панами-радою Великого княжества и «со всем поспольством». Подобным же образом поступал и Сигизмунд I. Разбирая в январе 1514 г. одно казусное дело и не зная, как его решить согласно с существующими обычаями, Сигизмунд отложил его решение до будущего великого сейма, на котором пожелал переговорить об этом «со всею землею». Приступив к кодификации существующих законов и юридических обычаев, Сигизмунд счел нужным пользоваться в этом деле экспертизою станов сейма и их прямым участием. Так поступал он и позже. На Берестейском сейме 1544 г. господарь издал «уставу» относительно порядка переписи шляхетских имений в том именно роде, в каком пожелали станы сейма, и такие же «уставы» относительно несения мещанами военной службы с земских имений, о прекращении выдачи из канцелярии «заручных листов» по заочным жалобам, о неподсудности шляхты суду духовному по светским делам, о привлечении мещан к земскому суду по делам о грабежах и ранах, нанесенных шляхте и ее подданным, о прекращении вызовов на суд в Польшу и т. д. Можно сказать, что участие сейма в законодательстве при Сигизмунде стало обычным явлением. Оставалось только формально признать за сеймом право участия в законодательстве, что и сделано было во втором Статуте 1566 г.

Так великий вальный сейм Литовско-Русского государства при Сигизмунде I по значению своему близко подошел к польскому сейму. Но при всем том он все еще разнился от польского сейма. Дело в том, что хотя рядовая шляхта и заняла на нем постоянное место, но не играла еще первенствующей роли, как на польском сейме. Почин, главная роль, решающий голос в сеймовых постановлениях принадлежали большею частью панам-раде. Даже те постановления, инициатива которых исходила от шляхты, разрабатывались большею частью в кругу панов-рады. Если шляхта по временам выступала активно,

то главным образом потому, что в ее «коле» была значительная часть аристократических элементов, не вошедших в раду, княжат и панят. В кругу князей и панов, таким образом, лежал центр политической тяжести литовско-русского сейма при Сигизмунде I. Великий вальный сейм по существу своему в рассматриваемое время был полным собранием господарской рады, пополненным всеми аристократическими элементами, не вошедшими в ее состав, совещающимся в присутствии шляхты и до известной степени прислушивающимся к ее желаниям и мнениям. Какую роль играла знать на великих вальных сеймах того времени, об этом дает понятие заявление пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда одному поляку. Пан говорил, что шляхта занимает на Литве иное положение, чем в Польше; «и сеймы наши отправляются совершенно иначе: что решается господарем и панами-радою, то шляхтою обязательно принимается к исполнению; мы ведь приглашаем шляхту на наши сеймы как будто бы для чести, на самом же деле для того, чтобы всем явно было то, что мы решаем». В этом заявлении несомненно есть преувеличение. Шляхта вовсе уже не была такою пассивною и по временам отказывала в своем согласии, расстраивая планы господаря и панов-рады. Таким образом, например, на Виленском сейме 1521 г. шляхта отвергла проект посылки ее на украинные земли на гарнизонную службу на том основании, что она дала уже серебщину для найма на эту службу жолнеров. В 1532 г. рыцарство Великого княжества Литовского не захотело «призволить» на войну с волошским воеводою, для которой король просил у литовцев помощи, и Литва осталась в мире с воеводою. Но в общем при всем том нельзя не признать, что при Сигизмунде главную, преобладающую роль на сейме играли вельможи и многие постановления выступают как постановления господаря и панов-рады на сеймах.

Но к концу великокняжения Сигизмунда шляхта стала уже выходить из своей подчиненной, пассивной роли. К тому времени под влиянием частого сеймования сделало уже значительные успехи политическое воспитание шляхты. Шляхта втянулась в курс политической жизни, ознакомилась с положением дел в государстве и прониклась известными политическими стремлениями. На сеймах конца великокняжения Сигизмунда Старого шляхта не только совместно со своей старшею братией – княжатами и панятами – подавала ряд петиций господарю, клонившихся к утверждению и дальнейшему «размноженью» ее прав и вольностей, но и выступала отдельно, с домогательствами, клонившимися к ее пользе, к ограждению ее от утеснений со стороны старшей братии – князей и панов и к сравнению ее в правах с этими князьями и панами. Такие тенденции обнаружились на Новгородском сейме 1538 г. и особенно на Берестейском сейме 1544 г. Рыцарство-шляхта в составе других «станов» сейма просила, чтобы господарь не раздавал уряды в Великом княжестве чужеземцам, чтобы не вызывал никого на суд в Польшу, чтобы не допускал поляков владеть по женам имениями в Великом княжестве, чтобы не держал подолгу вакантными мест в своей раде, чтобы не установлял обороны

земской без «оповеданья и произволенья княжат, панят и всего рыцарства», с одними только панами-радою, чтобы нес военную службу с тех имений, которые на него «спали», чтобы духовные также отправляли военную службу со своих имений, как отчинных, так и церковных, а равно и с десятин, чтобы и мещане отправляли военную службу с земских имений наравне с шляхтою, а с «купель» своих и маетностей – по оценке и приказу господаря, чтобы военная служба отправлялась также и с воеводств, староств и всяких «врядов» по-стародавнему, «водле важностей врядов», а особливо с имений стола господарского, отданных в «заставу» или в какое-нибудь другое держание. Последняя просьба, направленная против литовского панства, указывает несомненно на активную роль, которую стала играть шляхта в составлении петиций к господарю. Еще более характерна в этом отношении просьба, поданная на Берестейском сейме 1544 г., о том, чтобы в каждом повете были избранные шляхтою судья и писарь, с которыми бы воеводы, старосты и державцы могли судить каждого князя, пана и духовного в своем повете. Дело в том, что князья и паны, владевшие имениями не под господарем, не судились наместниками-державцами, которые судили только население господарских доменов, в том числе и бояр-шляхту. Некоторые князья и паны не судились даже перед воеводами и старостами. Все это создавало великие затруднения для шляхты, которой приходилось добиваться правосудия на князей и панов. Между тем в Польше уже давно все землевладельцы без различия рангов подсудны были земским выборным судам, существовавшим в каждом повете, а по важным уголовным делам – судам городским, во главе которых стояли старосты. Литовская шляхта и стала стремиться к утверждению подобного же порядка в Великом княжестве Литовском. Кроме учреждения выборных судов, литовская шляхта на том же сейме подавала и другие просьбы, имевшие целью ограждение своих прав от нарушения со стороны «можных» князей и панов, например, чтобы воеводы, старосты и державцы давали ей суд в своих поветах, а не по своим имениям, чтобы они не увозили с собою из поветов судовых книг, чтобы не сажали шляхту без вины «у везенье» и не всылали к ней различных лиц на постой, чтобы приняты были меры против сильных и своевольных людей, которые укрываются от «позвов» на суды, и т. д. Все это в общей сложности указывает на значительные успехи политического воспитания рядовой шляхты, на повышение в ней сословно-политического самосознания. С этим повышенным самосознанием рядовой литовской шляхты пришлось особенно считаться преемнику Сигизмунда Старого – Сигизмунду Августу.

Литература

Любавский М. К. Литовско-русский сейм. М., 1900; *Довнар-Запольский М. В.* Спорные вопросы в истории Литовско-русского сейма // Журн. М-ва нар. просвещения. 1901. № 10; *Максимейко Н. А.* Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г. Харьков, 1902; *Любавский М. К.* Новые труды по истории литовско-русского сейма // Журн. М-ва нар. просвещения. 1903. № 2–3; *Леонтович Ф. И.* Вече, сеймы и сеймики в Великом княжестве Литовском // Там же. 1910. № 2–3.

XXXVI. МЕРЫ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБОРОНЫ В ВЕЛИКОКНЯЖЕНИЕ СИГИЗМУНДА АВГУСТА ДО ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

Усиление опасности со стороны турок. Ревизия замков в 1545 г. и ее данные о состоянии государственной обороны. Уклонение землевладельцев от несения замковой и других земских повинностей. Созыв великого вального сейма в 1547 г. для решения вопроса о земских повинностях; постановления о пересмотре привилеев на имения. Опустошения южной украйны татарами в 1549 и 1551 гг.; усиление опасности со стороны Москвы. Великий вальный сейм 1551 г. и его постановления о выполнении земских повинностей, о размерах военной службы с имений и о сборе серебщины. Описание украинных замков 1552 г. Размещение наемных войск по южным замкам и возобновление Браславского замка. Сейм 1552 г. и постановление о сборе «поконевских пенязей». Сейм 1554 г. для принятия мер на случай войны с Москвой. Постановления о размерах военной службы и о сборе серебщины. Общая характеристика принятых для обороны государства мер.

Изнемогая под тяжестью лет и бременем государственных забот, престарелый король Сигизмунд еще при жизни своей, 8 октября 1544 г., с согласия Берестейского сейма передал управление Великим княжеством Литовским молодому королю Сигизмунду Августу. Новому господарю в первую очередь пришлось позаботиться об упорядочении и усилении обороны Литовско-Русского государства от внешних вторжений.

Вопрос об обороне обострился в то время главным образом благодаря наступлению турок. В 1541 г. турецкий султан Солиман, призванный на помощь против австрийцев, осаждавших вдовствующую венгерскую королеву Изабеллу в Буде, вытеснил австрийцев из Венгрии, провозгласил малолетнего Яна Сигизмунда королем Венгрии, а до совершеннолетия его занял большую часть Венгрии и посажал в ней своих правителей. Турки, таким образом, врезались в середину христианского мира Европы и грозили распространить свое иго и далее. Вследствие этого христианские государства начали готовиться к борьбе с ними. Об этом шли совещания на имперском сейме в Шпейере в 1542 г., на чешском сейме в Праге, на польском сейме в Петркове в 1542, 1543 и 1544 гг. и на литовском сейме в Берестье в 1544 г. Между прочим, поляки, ввиду угрожавшей опасности от турок, возобновляли свои настояния касательно осуществления унии Великого княжества с Короною Польскою. Но станы литовского сейма и на этот раз предпочли унии простой оборонительный союз с Польшею и вынесли решение – помогать Польше всеми силами, если только турки покажутся со стороны Белгорода и Волыни, и выставить 4000 наемной конницы, если турки будут вступать в Польшу через Силезию или от Кошиц. Этим решением вопрос об обороне Литовско-Русского государства, конечно, не исчерпывался. Надо было привести в надлежащее состо-

яние собственные его оборонительные средства, и прежде всего укрепления, замки, которые, по доходившим до правительства сведениям, уже давно находились в неисправном, заброшенном состоянии.

С этою целью господарь и паны-рада весною 1545 г. разослали особых посланцев с поручением на места удостовериться в потребностях и нуждах замков, сделать возможные распоряжения касательно устранения замеченных недостатков, а если этого нельзя сделать – доложить о них господарю. Посланцы должны были привести в известность, кто обязан строить и чинить эти замки, кто должен мостить дороги и мосты, какие доходы идут на содержание укреплений и находящегося в них административного персонала, кто должен сторожить и оборонять замки, какие в них военные запасы и т. д. До нас дошли результаты «ревизии» только южных украинных замков, производившейся в 1545 г. бискупом луцким Юрием Фальчевским и дьяком Львом Патеевичем Тышковичем. Замки эти были – Овруч, Житомир, Луцк, Владимир, Кременец, Браславль и Веница. Но из записи деяний сейма 1551 г. узнаем, что не только южные украинные, но и «тутошние», т. е. литовские, замки были осмотрены господарскими посланцами, и составлены были «реистры» со сведениями о том, «которые князи, панове, бояре повинни замки робити, мосты мостити, гати гатити, подводы и стацыи давати, сторожу при городах давати». Донесения господарских посланцев констатировали самое плачевное состояние южных замков: укрепления, особенно деревянные, развалились, дороги и мосты находились в невозможном состоянии; съестных и боевых запасов было мало, а то и совсем не было; орудия были старые и негодные. Опрос местных обывателей выяснил главнейшие причины такого неудовлетворительного состояния укреплений. В этом виноваты оказались отчасти местные старосты и державцы, которые не заботились об исправности укреплений и боевой их готовности, потакали местным обывателям, обязанным ремонтировать замки, обращали в свою пользу доходы, предназначенные на содержание укреплений, и т. д. Но еще более виновными объявились местные землевладельцы, особенно крупные – князья и паны. Пользуясь своим значением, они перестали нести со своих «выслуг» не только те повинности, от которых шляхта освобождалась в силу общих привилеев, но и те, которые обыкновенно оставлялись на шляхетских имениях, т. е. ремонт замков, военных дорог и мостов и доставку подвод и кормов господарским гонцам и послам. Остальным уже не под силу было поддерживать в исправности укрепления, которые и приходили от того все в больший и больший упадок.

Так как многие землевладельцы «закрывались» от несения государственных повинностей своими «листами», т. е. жалованными грамотами на имения, в которых прописаны были их льготы и изъятия, то господарские посланцы должны были пересмотреть документы на владения. Но по этой части они встретили решительный отпор. Землевладельцы отказывались класть перед ревизором свои привилеи, заявляли, что они сделают это лишь на вальном

сейме, если последует соответствующий приказ господаря и если другие земли также будут класть свои привилеи перед господарем. Инстинкт сословного самосохранения говорил, что совокупными усилиями им более удастся отстоять свои права и вольности, чем порознь, по отдельным землям и поветам. Но раз не предъявлялись документы на владения, нельзя было делать и распоряжений о выполнении замковых повинностей, о приведении укреплений в исправное состояние. Между тем турецкая гроза не только не сходила с горизонта, но стала вновь сгущаться. В конце 1546 г. пошли слухи, что «цесарь» турецкий собирает огромное войско – «десеть крот сто тысяч» – и хочет идти в Венгрию и на Вену. Можно было опасаться, что эта гроза захватит и Великое княжество. Кроме того, близок был и срок перемирию, заключенному с Москвою в 1542 г. на семь лет, и могла возобновиться война и с этой стороны. Нужно было, следовательно, во что бы то ни стало покончить с вопросом о приведении в исправность укреплений. Уступая желаниям, выраженным военнослужилыми землевладельцами при производстве ревизии замков, Сигизмунд Август созвал в январе 1547 г. великий вальный сейм в Вильно.

Немногого удалось добиться господарю на этом сейме. После «намовы» относительно замковой, дорожной, подводной и кормовой повинности с земских имений, княжата, панята и все рыцарство просили панов-раду доложить господарю, что те из них, которые уже несли эти повинности со своих выслуженных имений, и впредь хотят выполнять эти повинности; те же, которые вызволены от того особыми листами – привилеями, – просят, чтобы не нарушались их стародавние права и вольности, которые они приобрели своей верною службою господарю. Выслушав эту просьбу, паны-рада сообща с остальными станами сейма порешили на том, чтобы господарь с панами-радою сначала рассмотрели те реестры, в которых все такие повинности по всем городам Великого княжества «пописаны», после чего листами-мандатами потребовали бы представления к известному сроку документов, «за чим хто што держить», с тем чтобы на основании этих документов решить, кто обязан нести повинности и кто свободен от этого.

Пока производилась эта сверка реестров и привилеев, Литовско-Русскому государству пришлось пережить большие бедствия и опасности в связи с неудовлетворительным состоянием обороны. В 1549 г., несмотря на дружественные отношения крымского хана Саип-Гирея к королю Сигизмунду Августу, татарские загоны натворили много бед на Волыни, увели в плен много шляхты и побрали много имущества. Летом 1551 г. новый хан Девлет-Гирей, успокоив короля обещаниями дружбы и присягою, безвестно вторгнулся в пределы Великого княжества, спалил замок Браславль и перебил в нем весь его гарнизон. По слухам, доходившим до литовского правительства, он грозил еще новыми нападениями; с другой стороны намеревался вторгнуться в Великое княжество волошский воевода Стефаница с братом своим Ильяшем, белгородским санджаком. Все эти опасности были тем грознее для Великого княжества Литов-

ского, что и отношения к Москве сделались в то время в высшей степени натянутыми. Посольство, снаряженное в Москву в 1549 г. для заключения вечного мира, еле добилось заключения пятилетнего перемирия (до 25 марта 1554 г.). К прежним причинам вражды присоединилась еще новая – царский титул, которым хотел величаться московский государь и которого не хотели признать за ним господарь и паны-рада Великого княжества Литовского. Из-за этого титула чуть было не порвались переговоры о перемирии, с большим трудом состоялась ратификация договора и происходили неприятные объяснения по заключении перемирия. Вопрос об обороне государства вследствие всего этого настойчиво потребовал особенного к себе внимания. Для решения его Сигизмунд Август созвал великий вальный сейм к 23 сентября 1551 г.

На этот раз князья, паны, бояре и вся шляхта Великого княжества Литовского, «милуючи речь посполитую и добрый рад и справу», торжественно подтвердили, что люди их, а также и люди панов духовных римского и греческого закона, которые перед этим были к тому повинны, «мають городы новые робити, старые оправовати, мосты мостити, гати гатити там, где того потреба и пожиток речи посполитое указовати будеть», также «сторожу городовую и станы и стацыи, хто перед тым полнивал, тот и теперь на то повинен». Постановлено было всех тех, кто будет уклоняться от несения этих повинностей, понуждать к тому силою. Господарь должен выбрать несколько особ, людей достойных и годных веры, и поручить им ежегодно объезжать замки и доносить ему и панам-раде об их состоянии и нуждах. На воевод и старост этих замков возлагалась обязанность тщательно следить за тем, чтобы никто не уклонялся от работ на замках; в случае невозможности обойтись одними работами обязанных землевладельцев господарь с панами-радою должен изыскать другие средства. Подобное же заявление сделали станы сейма и относительно подводной повинности, причем постановлено было взамен ее уплачивать по шести грошей с крестьянской службы для содержания постоянных наемных подвод. Для наилучшей обороны государства «станы» сейма определили, чтобы впредь до отмены все военнослужилые землевладельцы выставляли на войну пахолка в уставном одеянии и вооружении не с десяти крестьянских служб, как раньше, а с девяти. Затем для пополнения скарба денежными средствами на военные нужды станы сейма «поступили» господарю на три года серебщину со своих людей в размере 5 грошей со всех, кто пашет на двух волах, $2^1/_2$ гроша с тех, кто пашет на одном воле или на одной лошади, кто не имеет ни волов, ни лошадей, но держит землю на полную службу, и с огородников. И господарь со своей стороны определил такую же серебщину на военные нужды со своих людей. Впрочем, сбор первой серебщины ввиду постигшего Литовско-Русское государство неурожая был отсрочен до осени 1552 г.

На средства скарба Сигизмунд Август принял энергичные меры по обороне прежде всего южной украйны. Здесь описаны были замки Чернобыльский, Остерский, Любецкий, Мозырский, Киевский, Житомирский, Луцкий, Креме-

нецкий, Черкасский, Каневский, Веницкий и Браславский, т. е. зарегистрированы были все повинности местного населения, которыми оно тянуло к этим замкам (из других замков описан был таким же образом замок Полоцкий). Навербованы были «служебные» и расставлены были в Черкассах, Каневе, Венице и других городах под начальством ротмистров и главным начальством пана Василия Тишковича. Сверх того, король распорядился посылкою на эти замки пушкарей, пороха, свинцу и железа для гаковниц. Летом 1552 г. начата была постройка вновь сожженного Браславского замка на Подолье силами господарских людей с Волыни и Подолья, на помощь которым нанято было 600 рабочих и 150 запряжек волов. Все это в общей сложности вместе с уплатою 7500 золотых «упоминков» крымскому хану поглотило в значительной мере средства скарба и заставило господаря и панов-раду прибегнуть к чрезвычайной мере для его пополнения ввиду дальнейших больших трат.

Главный расход в будущем предстоял на уплату наемным служебным, которых необходимо было содержать на украйне. Господарь и паны-рада стали на ту точку зрения, что содержание этих служебных является в сущности заменою военной службы для землевладельцев Великого княжества: не будь этих служебных, военнослужилым землевладельцам пришлось бы самим отправляться со своими «почтами» на украйну и «лежать» там долгое время в ожидании неприятеля; поэтому вполне будет справедливо и даже выгодно для этих землевладельцев обложить их известною суммою денег взамен каждого «коня», которого они ставят на войну. Задумав такую меру, господарь и паны-рада не решились собственною властью привести ее в исполнение и постановили для «ухвалы» ее созвать на сейм всех более или менее значительных землевладельцев Великого княжества. На сейм, кроме панов-рады, собирались (25 ноября 1552 г.) урядники земские (старосты, державцы и тиуны жмудские), княжата и панята, и поветовые хоружие; шляхетских послов, вопреки установившемуся уже обычаю, не было. Сейм «ухвалил» дать господарю с каждого «коня» по копе грошей на середопостье 1553 г. Этими «поконевскими пенязями» обложены были и все господарские места, и русские волости сообразно числу выправлявшихся ими на войну конных ратников, а также и духовные греческого и римского закона в размере шести грошей с каждой крестьянской службы. Постановление о сборе «поконевских пенязей» возбудило сильное неудовольствие в среде шляхты. Шляхта была недовольна и самим определением сейма, состоявшегося без участия ее послов, и тем, что сбор производился строго, через децких и с конфискациями имений у тех, кто не платил вовремя, и тем, что деньги шли прямо в скарб, минуя контроль избранных шляхтою «головных бирчих». Это неудовольствие выразилось на следующем великом вальном сейме, созванном в Вильно в ноябре 1554 г.

Сейм созван был для принятия мер на случай войны с Москвою. Литовским послам, ездившим в Москву в конце 1553 г., не удалось заключить мира, а только продолжить перемирие на два года, до 25 марта 1556 г. Следовательно,

в недалеком будущем Литве угрожала война с Москвою, к которой надо было заранее готовиться. Собравшиеся на сейм землевладельцы Великого княжества постановили выставлять «з девети чоловеков десятого пахолка на кони в зброи». Господарь милостиво принял эту «ухвалу» и со своей стороны объявил, чтобы ввиду скорого окончания перемирия все были готовы к «попису» и смотру в своих поветах на осень будущего года. Не ограничиваясь «ухвалою» касательно собственной военной повинности, станы сейма по соглашению с панами-радою для найма служебных людей определили в течение трех лет давать господарю плату в размере десяти грошей с воловой или конской сохи, пяти грошей – с полсохи, т. е. с одного вола, трех грошей – с огородников и мещан, которые не имеют земель и волов, пяти грошей – с земель, сдаваемых в аренду или обрабатываемых наймом, причем обложению не подвергались дворные сохи самих землевладельцев и сохи слуг путных или панцирных, ездящих обыкновенно на войну со своими панами. Господарь с благодарностью принял это постановление и по просьбе станов сейма со своей стороны обложил таким же «платом» на нужды государственной обороны и своих крестьян и мещан, исключая тех, которые состоят под магдебургским правом и которые обязаны платить по давнему постановлению; такой же «плат» господарь наложил на мещан и крестьян королевы Боны и духовных панов римского и греческого закона.

Таковы были мероприятия, принятые для обороны государства Сигизмундом Августом совместно с сеймом в первые десять лет его великокняжения на Литве. Нельзя сказать, чтобы по существу сделано было что-нибудь новое и решительное. Великий князь старался использовать лишь традиционные средства, предоставлявшиеся ему конституцией государства, т. е. установившимися отношениями между ним и землевладельцами Великого княжества, санкционированными в общеземских и частных привилеях. Эта конституция парализовала всякий сколько-нибудь широкий размах творческой деятельности господаря и заставляла его обращаться за содействием и согласием землевладельцев Великого княжества даже в случаях, где право его власти было ясно и неоспоримо. А это обращение, в свою очередь, давало повод и благоприятный случай землевладельцам Великого княжества выступать с сословно-политическими домогательствами и стремиться к дальнейшему расширению своих прав и вольностей на счет господаря великого князя.

Литература

Любавский М. К. Литовско-русский сейм. М., 1900; *Довнар-Запольский М. В.* Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI в. Киев, 1905; *Любавский М. К.* Рецензия на сочинение М. В. Довнара-Запольского «Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI в.» // Отчет о третьем присуждении премий П. Н. Батюшкова. СПб., 1907; *Jabłonowski A.* Ziemia Wołyńska w połowie XVI w. // Żrodła dziejowe. Warszawa, 1877. T. 6; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Население Юго-Западной России от пол. XIII до пол. XVII в. // Архив Юго-Западной России. Ч. 7, т. 1; *Kolankowski L.* Żygmunt August, wielki księże Litwy do roku 1548. Lwów, 1913.

XXXVII. СОСЛОВНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДОМОГАТЕЛЬСТВА ШЛЯХТЫ НА СЕЙМАХ 1547, 1551 И 1554 гг. И РЕЗУЛЬТАТЫ ЭТИХ ДОМОГАТЕЛЬСТВ

Просьба о подтверждении и выполнении земских привилеев. Двукратное подтверждение этих привилеев. Вопрос о хранении и публиковании привилеев. Ходатайства об исправлении Статута; назначение особой комиссии для этого дела. Ходатайства о безмытном пропуске продуктов из шляхетских имений и беспошлинном ввозе товаров из-за границы, освобождении от сторожевой и подводной повинности, от частого сбора серебщины, о привлечении духовных, мещан и шляхты «спадковых» имений к военной службе, о подчинении мещан суду шляхетскому по делам со шляхтою, об установлении постоянных мер и таксы на изделия ремесленников, об ограничении юрисдикции и землевладения духовенства, об уравнении господаря со шляхтою в гражданском процессе. Ходатайства о непременном участии сейма в выпуске новой монеты, в законодательстве и в расходовании серебщин. Ходатайства о расширении состава рады, о неотнятии урядов и держав без суда и следствия, о сохранении за ними всех их «пожитков». Ходатайства о таксации, уменьшении и отмене урядничьих пошлин. Просьбы об учреждении шляхетского выборного, более доступного и дешевого суда, с юрисдикцией, простирающейся на всех землевладельцев. Результаты ходатайств: новые «уставы» о «пересудах» и о «вижовом»; присяжные вижи; восстановление шляхетских судей при воеводах и старостах; увеличение судебных сессий и назначение особого комиссарского суда для жалоб на панов.

Прежде всего шляхта озаботилась о новом юридическом закреплении уже занятой ею социально-политической позиции и о получении возможности быть всегда на страже своих прав и вольностей. По ее просьбе господарь на сейме 1547 г. приказал «оказати и вычести» перед всем сеймом «привилеи и листы вольностей» ее и затем торжественно подтвердил их своей грамотою. Одновременно с тем Сигизмунд Август подтвердил особые права и вольности подляшской шляхты, витебской, полоцкой и волынской, ходатайствовавших о подтверждении своих привилеев. Но так как это подтверждение выдано было в то время, когда Сигизмунд Август имел еще над собою наивысшего господаря в лице отца своего Сигизмунда, то после смерти его, на Виленском сейме 1551 г., Сигизмунд Август уже в качестве суверена Великого княжества вновь подтвердил права и вольности прелатов, князей, панов и бояр-шляхты, причем согласно их просьбе, выраженной на сейме, обещал привести в исполнение все, что не выполнено было из этих привилеев, в частности, обещал принять меры к тому, чтобы состоявшиеся назначения на воеводства людей греческой, или русской, веры не принесли вреда государству и чтобы впредь такие назначения уже не имели места, чтобы свято выполнялось все, что содержится в прежних привилеях. Намереваясь и впредь следить за ненарушением своих прав и вольностей, шляхта на сейме 1547 г. вошла с ходатайством, чтобы

земские привилеи хранились не в скарбе земском, а где-нибудь в другом месте для более легкого к ним доступа. Господарь исполнил эту просьбу и передал на хранение земские привилеи канцлеру Великого княжества. Но так как и этот порядок хранения не давал легкого доступа к привилеям для справок, то на сейме 1554 г. шляхта просила господаря просто вписать эти привилеи в Статут. Господарь отложил это до окончательного исправления Статута.

«Поправа Статута» была предметом шляхетских просьб на каждом из сеймов, собиравшихся до Ливонской войны. Еще на Берестейском сейме 1544 г. состоялось постановление о назначении для этого особой комиссии из пяти лиц римского закона и пяти – греческого. На Виленском сейме 1547 г. «станы» просили господаря наименовать этих особ в том расчете, что, назначив комиссию, господарь будет выдавать и жалованье этой комиссии из своего скарба. Но господарь предоставил самим «станам» сейма избрать эту комиссию и определить на ее содержание «податок» со своих имений. Дело об избрании комиссии дождалось следующего сейма 1551 г., на котором состоялся компромисс: господарь и паны-рада назначили членов комиссии, а станы сейма «поступили» с каждой сохи по пенязю на содержание тем лицам, которые будут исправлять Статут.

Шляхетские станы добивались исправления Статута, конечно, в своих сословных интересах. Но, уже не дожидаясь окончания этого исправления, они выступили с целым рядом ходатайств, которые клонились к расширению сословных и политических прав шляхты и которые должны были влиять и на само исправление Статута в этом именно направлении. Отметим прежде всего ходатайства, имевшие в виду материальные интересы шляхты. Подляшская шляхта на сейме 1547 г. просила, чтобы не взималось мыта с хлеба и скота, отправляемых из шляхетских имений в Польшу или Пруссию на продажу, и торговое с тех же товаров, продаваемых на местных рынках. На следующем сейме 1551 г. подобное требование заявлено было уже от лица литовской шляхты, жмудской и волынской, причем шляхта домогалась безмытного вывоза не только хлеба и скота из своих имений, но и лесных товаров, а также и безмытного привоза различных товаров из-за границы на собственные надобности. Это же ходатайство предъявлялось и на Виленском сейме 1554 г. землевладельцами Великого княжества, Жмудской и Волынской земель. Выше было указано, что на сейме 1551 г. станы признали в принципе обязанность нести с земских имений службы замковую, мостовую, сторожевую и подводную. Но при всем том они ходатайствовали, чтобы шляхта была освобождена от сторожи в замках, в частности, от караула пленных москвичей, и от кошения сена на господаря и давания подвод. Освобождения от давания подвод и стаций с выслуженных имений добивались станы и на сейме 1554 г. На этом сейме шляхта протестовала даже против частого сбора серебщины, чем, по ее мнению, нарушались земские привилеи, освободившие ее от платежа серебщины.

Стремясь к облегчению себя в несении государственных повинностей, шляхта в то же время хлопотала об усилении этих повинностей для других со-

словий. На Виленском сейме 1551 г. станы просили, чтобы духовные отправляли военную службу с церковных имений, чтобы мещане с каждых шести домов отправляли на войну пешего ратника и заодно со шляхтою служили с купленных земских имений, и чтобы и сам господарь нес наравне с прочими военную службу со «спадковых» (выморочных) имений. О том же самом ходатайствовал и сейм 1554 г. Вообще по отношению к другим сословиям шляхта заняла боевое положение. Станы Виленского сейма 1547 г. просили, чтобы мещане за бои, поранения и убийство шляхтичей, их слуг и подданных отвечали не по магдебургскому праву, а земским правом в судах, коим подсудна шляхта; чтобы для искоренения злоупотреблений мещан установлены были определенные меры при скупке зернового хлеба и такса на изделия ремесленников. По отношению к духовенству шляхта добивалась, чтобы духовные не заседали в светских судах и не привлекали к своему церковному суду по делам светского характера, чтобы им запрещено было вывозить и отказывать свое имущество за границу, чтобы вдовам запрещено было записывать свои имения духовным лицам, чтобы шляхте предоставлено было самое широкое право выкупа имений у духовных (равно и у мещан). Даже самого господаря шляхта не прочь была ставить на одну доску с собою и ходатайствовала на сейме 1547 г., чтобы был исключен из Статута артикул, гласящий, что господарь не подчиняется закону земской давности, а на сейме 1551 г. просила внести в Статут постановление, что в земельных тяжбах с господарем довод (право решающего аргумента) принадлежит не исключительно господарской стороне, а той, которая будет иметь «годнейших» свидетелей.

Наряду с сословными притязаниями шляхта предъявила ряд ходатайств о расширении ее политических прав, ее участии в управлении. На сейме 1547 г. станы сейма пытались установить свое право на участие в выпуске новой монеты. Они напомнили господарю, что отец его, задумав пустить в Великое княжество польскую монету, хотя паны радные и дали на то свое согласие, не решился учинить этого без ведомости остальных станов и созвал их на сейм, на котором и объявил свое решение. Станы просили, чтобы и впредь господарь не «упослеживал» их в таких вещах, которые касаются всей земли. Еще более важное ходатайство заявлено было на сейме 1551 г.: станы просили, чтобы силу закона имело только то, что будет установлено на вальном сейме, с ведома панов-рады и всего рыцарства. Наконец, шляхта стремилась и к тому, чтобы взять под свой контроль расходование серебщин, собиравшихся по постановлениям сеймов на военные нужды. На сейме 1547 г. станы домогались, чтобы на будущее время серебщина отдавалась не в скарб земский, а двум избранным особам и при них писарю, которые должны хранить деньги за своими ключами и не отдавать их ни на какие расходы, кроме военных, в чем и должны давать отчет перед сеймом.

В составе сеймовавшей шляхты были довольно разнообразные по своему общественному положению элементы: здесь была и крупная землевладельческая знать – княжата и панята, и рядовая шляхта, и землевладельческая мел-

кота из Подляшья и Жмуди. Это обстоятельство не могло не отразиться на самом характере подававшихся шляхтою просьб, отличающихся большим разнообразием. С одной стороны, видим просьбы, в которых могли быть заинтересованы только высшие слои «шляхетского народа». Такова была, например, просьба волынян (на сейме 1554 г.) о том, чтобы господарь допустил до своей рады старост луцкого и владимирского и маршалка Волынской земли, которые прежде всегда имели в ней места; просьба, предъявлявшаяся на сеймах 1547 и 1551 гг., о том, чтобы господарь не отнимал ни у кого урядов и держав без суда и следствия, по заочному доносу или жалобе, чтобы уряды сохранялись во всех их правах и пожитках и т. п. С другой стороны, видим ряд ходатайств, которые шли несомненно от рядовой и низшей шляхты и которые имели в виду ограждение этой шляхты от притеснений старшей братии – князей, панов, урядников земских и дворных. Кроме прямых жалоб на тех или других лиц, в данном случае характерна просьба, поданная на сейме 1551 г., о том, чтобы паны-рада обращались с должным почтением к шляхте в судах и других местах и чтобы одни не судили своих слуг шляхтичей в делах, касающихся шляхетской чести. Из недр рядовой же и низшей шляхты несомненно вышел целый ряд просьб, касающихся таксации уменьшения или отмены пошлин, собиравшихся господарскими урядниками частью в пользу господаря, частью в свою собственную. Так, на сейме 1547 г. бельская шляхта просила освободить ее от уплаты урядникам так называемого «припустного» при продаже имений и писарской пошлины, а также и о том, чтобы установлена была справедливая плата в великокняжеской канцелярии за написание листов и приложение к ним печатей. Последняя просьба, предъявлявшаяся еще на Берестейском сейме 1544 г., поддержана была на сейме 1551 г. всею шляхтою и возобновлялась на сейме 1554 г.

Но самая важная просьба, клонившаяся к обеспечению младшей шляхты от гнета со стороны старшей и к уравнению их в правах, была просьба об организации более доступного и дешевого выборного суда с юрисдикцией, простирающейся на всех землевладельцев данного округа. Существовавшая судебная организация была крайне неудобна и разорительна для большинства шляхты. Во-первых, многие крупные землевладельцы – князья и паны – совсем не судились в поветах. Чтобы найти на них суд и управу, надо было обращаться либо к самому господарю, либо в судовый сейм панов-рады, т. е. в том и другом случае ехать в Вильно. С некоторыми князьями и панами можно было судиться у воевод и старост. Но и этот суд был дорог для шляхты, требовал от нее больших «накладов». Занятые множеством других дел, воеводы и старосты почти не имели возможности лично отправлять правосудие. При этом же они часто переезжали с одного места на другое, не имели определенных трибуналов, так что тяжущимся приходилось разыскивать их за 50 миль и более. Так же малодоступны были и державцы, суду которых подлежала шляхта, державшая имения под господарем. Шляхте чаще всего приходилось иметь дело с наместниками воевод, старост и державцев, но, по свидетельству

Михалона Литвина, эти наместники были обыкновенно люди, малосведущие в юриспруденции, умевшие только взыскивать свой «пересуд», заседавшие вместо трибуналов на шумных попойках. В интересах правосудия Статутом 1529 г. было предписано, чтобы эти наместники воевод, старост и державцев судили шляхту не одни, а вместе с назначенными из местной шляхты судьями. Но этот порядок не привился в жизни, и как сами воеводы, старосты и державцы, так и наместники их стали отправлять суд по-прежнему, в присутствии случайно находившихся при них лиц, а иногда и без них. Мало удовлетворяя требованиям беспристрастия и справедливости, суд воевод, старост и державцев был непомерно дорог для шляхты. Судья взимал десятую часть исковой суммы с истца, доискавшегося своего, или так называемый «пересуд»; в делах о личных обидах и насилиях, об имущественных убытках судья брал с виновного штраф в том же размере, в каком присуждал вознаграждение истцу. Велики были и побочные судебные поборы. Так, вижам, посылаемым воеводами, маршалками и старостами, уплачивалась полтина (50) грошей; вижам их наместников – полкопы (530) грошей и т. д. Недовольная всеми этими порядками шляхта на сейме 1547 г. повторила свою прежнюю просьбу о том, чтобы господарь дал ей судьями людей добрых, избранных самою шляхтою, и такого же писаря присяжного. Вместе с тем, жалуясь на то, что старосты, державцы и их наместники посылают нередко вижами людей простых, «веры негодных», т. е. мещан, тяглых мужиков, «холопью невольную», которые показывают в пользу тех, кто их перекупит, шляхта просила о разрешении иметь выборных вижей из местных бояр-землевладельцев, людей добрых и веры годных, которые бы брали «вижованья» по грошу на милю. На сейме 1551 г. шляхта вновь возбудила ходатайство об установлении в поветах выборных присяжных судей и писаря и просила, чтобы перед судьями поветовыми отвечали паны-рада и духовные с имений, коими они владеют «под земским правом», чтобы и шляхта «спадковых» имений была под тем же правом. Вместе с этим шляхта домогалась отмены «пересуда» и «вин», за исключением тех, которые платятся за «головщину» и за нарушение «заруки», т. е. приказа господаря или добровольного соглашения под страхом уплаты штрафа, и за неподчинение судебному приговору.

Таковы были сословно-политические домогательства, с которыми выступала литовско-русская шляхта на первых трех сеймах в правление Сигизмунда Августа. По актам этих сеймов ясно видно, как росли эти домогательства и какое значение имело в данном случае общение шляхты на сеймах. С теми или другими просьбами выступала иногда не вся шляхта, а только ее часть, например, княжата и панята или рядовая шляхта-рыцарство. Отдельные заявления становились, однако, общими просьбами либо потому, что не встречали протестов со стороны других «станов», либо потому, что находили общее сочувствие. Затем с известными просьбами выступала первоначально шляхта только одной земли. Эта просьба, найдя себе сочувствие в шляхте других земель, на следующем сейме предъявлялась уже от лица шляхты Великого кня-

жества или других земель. Наиболее видная роль в возбуждении различных ходатайств принадлежала подляшской шляхте. Живя в Великом княжестве под польским правом, эта шляхта настойчиво стремилась к устранению всяких несоответствий в своем положении с положением польской шляхты, стремилась к полному и действительному уравнению с этою шляхтою в правах и обязанностях, служа для остальной шляхты примером. Подляшская шляхта была как бы передаточною станцией для воздействия на литовско-русскую шляхту идеалов польского шляхетского строя. Мы видели, что от нее сначала вышло ходатайство о безмытном пропуске за границу хлеба, скота и лесных товаров из шляхетских имений, ходатайство, заявлявшееся затем и литовскою, и жмудскою, и волынскою шляхтою. На пример Подляшской земли ссылалась шляхта, ходатайствуя о выборных судьях и писаре. Подляшская же шляхта проявила особую настойчивость в домогательствах касательно уменьшения и уничтожения канцелярских пошлин и т. д.

Немногие ходатайства шляхты, предъявленные на сеймах 1547, 1551 и 1554 гг., получили удовлетворение до Ливонской войны. Господарь некоторые из этих ходатайств прямо отклонил, например ходатайство о безмытном пропуске шляхетского хлеба, скота и лесных товаров за границу и о непременном участии сейма в выпуске монеты и в законодательстве; по другим ходатайствам обещал дать удовлетворение по исправлении Статута. Самым ценным результатом шляхетских домогательств на первых порах была новая «устава» о «пересуде» и о «вижовом». На сейме 1551 г., посоветовавшись с панами-радою, господарь постановил, чтобы впредь пересуд взимался в половинном размере по сравнению с прежним, т. е. в размере 5 % с цены иска со всех тех, в пользу кого присуждено взыскание, за исключением кредиторов, взыскивающих свои деньги: эти последние должны платить судье только «памятное» в размере четырех грошей, а пересуд должны уплачивать должники вместе с долгом. Относительно «вин» господарь решил держаться в общем старого порядка и только за убийство шляхтича определил вместо уплаты «вины» смертную казнь, если убийца будет пойман на горячей крови, и строгое тюремное заключение в течение целого года с уплатою воеводе или старосте «повинного» 12 рублей грошей, если убийца будет уличен в преступлении судом. Изменен был также порядок выкупа «лица», конфискованного у вора и отбиравшегося на двор господарский. Господарь постановил, чтобы каждое «великое лицо», хотя бы оно стоило и 100 коп грошей, выкупалось со двора полтиною грошей (прежде оно выкупалось по действительной стоимости), а лицо стоимостью ниже 10 коп – 12 грошами; если вору платить нечем, лицо должно возвращаться владельцу даром, а вора вешать. Определяя согласно просьбе шляхты, что вижами должны быть местные шляхтичи-землевладельцы, люди добрые и веры годные, господарь постановил, что за труд и проезд им должно платиться впредь по грошу на милю; служебникам же воевод и старост за проход и освидетельствование на месте – шесть грошей, а служебникам их намест-

ников – три гроша. Относительно вознаграждения писарей господарь оставил в силе старый обычай: за запись в книги всех документов, больших и малых, платить 2 гроша, за выпись – 12 грошей; если кто за раз пожелает и записать что-нибудь в книги, и получить выпись – платить только за одну выпись. Что касается выборного шляхетского суда, то сначала господарь попытался совсем снять этот вопрос с очереди и объявил шляхте такое постановление: впредь во всех воеводских и старостинских поветах будут судьи, установленные от воевод и старост согласно Статуту; эти судьи будут судить с наместниками воевод или подстаростами, съезжаясь там, где им укажут воеводы и старосты, четыре раза в году, каждый раз на четыре недели; для разбирательства дел по апелляции от этих судей воеводы и старосты должны будут приезжать в свои поветовые резиденции два раза в год; от суда самих воевод и старост вольно отзываться до господаря или панов-рады «на роки судовые великие», которые будут отправляться один раз в году (на День святого Мартина) и на которых будут разбираться также тяжбы между панами хоругвовными и вообще всеми, кто не судится в поветах; на этих «роках» суд будет судить сам господарь, а в его отсутствие – паны-рада, от суда которых можно апеллировать потом к самому господарю. Просьбу о подчинении юрисдикции поветовых судей панов радных и духовных, имеющих недвижимые имущества «под земским правом», господарь отклонил и предоставил по-старому привлекать их на суд самого господаря или панов-рады «на великих роках». Но шляхта не удовлетворилась этим постановлением. Бойкотируя новые суды, засаженные воеводами, шляхта на сейме 1554 г. вновь подтвердила свои прежние ходатайства об учреждении выборных поветовых судов с юрисдикцией, простирающейся на всех землевладельцев повета. На этот раз господарь не отклонил категорически ходатайство шляхты, а лишь отложил дело до исправления Статута, а пока для облегчения шляхте возможности получать суд и управу на панов установил вместо одного два великих судовых рока (на святого Мартина и на седьмую субботу). Независимо от того господарь предоставил шляхте во всякое время привлекать панов, которые не судятся в поветах, к суду двух комиссаров из панов радных, по назначению господаря или по выбору самого истца.

Итак, самые заветные желания шляхты не получили на первых порах удовлетворения. Но продолжительная и напряженная война, наполнившая собою всю вторую половину великокняжения Сигизмунда Августа, истощившая все ресурсы господарского скарба и заставившая господаря постоянно обращаться за материальною и моральною поддержкою к землевладельцам Великого княжества, сделала его гораздо уступчивее в отношении сословных и политических притязаний шляхты и привела в конце концов к исполнению ее заветных желаний.

На сеймах 1551 и 1554 гг. шляхта выступала с целым рядом просьб и жалоб, вызванных начавшимся в то время усиленным введением так называемой волочной системы в господарских имениях и сопряженными с этим введе-

нием последствиями. Реформа эта имела громадное значение во внутренней жизни Литовско-Русского государства, была крупным шагом вперед в деле ассимиляции этого государства с Польшею. В этом отношении она занимает не меньшее место, как и последовавшие в 1560-х гг. реформы шляхетского судоустройства и сеймования. Поэтому и на ближайшей очереди должно быть поставлено рассмотрение этой реформы.

Литература

Любавский М. К. Литовско-русский сейм. М., 1900; *Леонтович Ф. И.* Центральные судебные учреждения в Великом княжестве Литовском до и после унии // Журн. М-ва юстиции. 1910. № 2.

XXXVIII. ВВЕДЕНИЕ ВОЛОЧНОЙ ПОМЕРЫ И «УСТАВЫ» В ГОСПОДАРСКИХ ИМЕНИЯХ ПРИ СИГИЗМУНДЕ АВГУСТЕ

Недостаточность мер, принимавшихся при Сигизмунде для поднятия доходности господарского хозяйства. Новая «устава» державцам Виленского и Трокского поветов Сигизмунда Августа; борьба с уходом и обнищанием крестьян и с малодоходною эксплуатацией земель и угодий. Невыгодные стороны земельного и повинностного строя и расселения, созданные развитием заимочного землепользования и землевладения. Распространение волочной системы в новых поселениях в Подляшье. Перевод старых сел на волочную систему при Сигизмунде I на Подляшье. Деятельность по этой части королевы Боны. Волочная помера при Сигизмунде Августе; время и район ее производства. Волочная «устава» 1557 г. Новая земельная единица – волока; уничтожение чересполосицы и округление земельных участков. Уничтожение «входов» и «вступов» в господарские угодья со стороны и консолидация господарских имений. Тенденция к равномерному расселению крестьян. Новое, более правильное и равномерное обложение в селах и местах. Волочная помера мест в поднепрских волостях; «поровнанье грунтов» и повинностей в селах. Меры для уравнения крестьянских повинностей и увеличения господарских доходов на южной украйне.

Уже Сигизмунд I озабочен был поднятием доходности господарских имений и два раза, в 1514 и 1529 гг., выдавал инструкции державцам своих дворов с указанием различных мер к повышению доходов с этих имений. Но эти инструкции мало подвинули дело вперед. Одною из самых важных мер, рекомендованных в них державцам, была *осада* – перевод на оброк тяглых и других крестьян, служба которых оказывалась лишнею в данном дворе. Мера эта, однако, не принесла желанных результатов. Господарские урядники и писари слишком механически приводили ее в исполнение: не обращая внимания на размеры и качество крестьянских земель и угодий и на старые повинности крестьян, одинаково облагали «копою осадного» и богатого, и бед-

ного. Благодаря этому многие крестьяне обнищали, и некоторые со своих отчин прочь ушли. Затем, давая определенные указания относительно лишних служб, инструкции не говорили ничего относительно организации недостающих служб, не давали указаний, как бороться с уходом крестьян, с их обнищанием. Были в них недомолвки и по вопросам чисто хозяйственной администрации. Ввиду этого Сигизмунд Август, приняв бразды правления в Великом княжестве, поспешил разослать новую инструкцию державцам Великого княжества как Виленского, так и Трокского поветов.

В этой инструкции господарь вооружился против взгляда на отчины крестьян как на своего рода собственность их. Благодаря этому взгляду крестьянские отчины, покинутые владельцами, нередко пустовали, никто их не брал из боязни, что вернутся отчичи и сгонят новых владельцев. Поэтому господарь предписывал державцам крестьянские отчины, покинутые незасеянными, отдавать другим крестьянам и не отбирать у них, если бы отчичи и вернулись на свои земли. Отчичи в таком случае должны получить другие земли и быть отданы на поруки, чтобы больше не волочились по сторонам. Лишь в том случае, если крестьяне покинут отчины от голода и засеяв их, державца должен был ждать Святой недели или Дня святого Яна и даже целый год не отдавать крестьянской отчины иным крестьянам. Покинутые земли предписывалось отдавать новым тяглецам со всеми посевами и постройками, со всем хозяйственным обзаведением, взяв поруку в том, что новый тяглец не растратит имущества и не сбежит. Самим державцам строго запрещалось присваивать себе «отбегщины» и «отумерщины» крестьян. Предписывая такой решительный образ действий по отношению к покинутым крестьянским отчинам, новая «устава» вместе с тем давала ряд распоряжений и указаний с целью прекращения ухода крестьян из господарских волостей. «Устава» предписывала державцам следить за тем, чтобы господарские крестьяне не продавали и не сдавали своих земель околичным земянам и боярам и другим крестьянам, дабы один участок не расширялся, а другой не уменьшался ко вреду господарского скарба; предписывала осадные пенязи привести в соответствие с размерами и качеством земель и количеством прежних повинностей, дабы крестьяне не разорялись от непомерного оброка. В голодные годы державцы должны были давать льготы крестьянам как в «данинах» разных, так и в работе и подводах. Льготы должны даваться и отдельным крестьянам, потерпевшим от пожара, эпидемии и падежа скота. Для предохранения крестьян от разорения «устава» предписывала подати взыскивать своевременно, после сбора урожая, с неплатящих не взыскивать при помощи децких, ибо в таком случае убогому крестьянину приходится платить столько же, сколько и подати. Лучше в таких случаях прибегать к бичу, к тюрьме и к поруке; если уже нечего взять, лучше простить крестьянину подать и дать ему возможность поправиться в следующем году. Крестьяне разорялись нередко безбожными процентами жидов. «Устава» требовала от державцев не дозволять жидам одолжать крестьян без ведома уряда. Крестьян, бежавших из господарских имений, несмо-

тря на все эти меры, державцы должны были энергично отыскивать и препоручить их всему селу на его ответственность. Для извлечения наибольшего количества доходов с крестьянских земель «устава» предписывала державцам не раздавать пустовщины ни земянам, ни слугам своим, ни крестьянам до воли господарской без установленных платежей с них. Так как крестьяне предпочитали снимать пустовщины «на поклоне», т. е. в краткосрочную аренду за деньги, пшеницу или мед, «устава» предписывала прекратить раздачу пустовщин на этих условиях и побуждать крестьян брать земли на ту или другую постоянную службу. «Устава» рекомендовала также брать у крестьян сыновей и отдавать в наученье ремеслу, с тем чтобы они потом могли оказаться полезными для замков и дворов господарских. «Устава» предписывала державцам не оставлять без внимания и челяди дворной, на содержание которой много выходит, и следить за тем, чтобы она своей работою заслуживала свой хлеб. Для исправности сбора господарских доходов и для наилучшей отчетности «устава» предписывала старостам и державцам составить главный реестр, в коем должно быть обозначено имя каждого подданного, величина его земель и количество получаемых с него господарских доходов. К этому реестру державцы и урядники должны приложить свои печати. В остальном новая «устава» большею частью повторяла предписания прежней «уставы» 1529 г.

И эта новая «устава» не могла значительно возвысить доходность господарских имений, пока господствовал в них старый земельный строй, созданный развитием заимочного землепользования и землевладения. При этом строе крестьянские земельные участки отличались крайним разнообразием как по своей величине, так и по хозяйственному составу – разнообразием, при котором было трудно установить равномерное и справедливое обложение, как ни требовала этого изложенная «устава» Сигизмунда Августа. При этом разнообразии господствовала страшная чересполосица пахотных земель и угодий. Крестьянские земли и угодья не только переплетались друг с другом, но и с землями и угодьями землевладельцев шляхетского сословия. Последние имели сплошь и рядом освященные стариною «входы» и «вступы» в те же господарские пущи, озера и реки, где имели входы и вступы господарские крестьяне. Господарские крестьяне имели сервитуты на землях панских или шляхетских, выслуженных у господаря, и наоборот: князья, паны и бояре-шляхта имели сервитуты на землях и угодьях господарских крестьян, составлявших некогда одно целое с их землями и угодьями. Разбросанность земель и угодий приводила к напрасной трате рабочего времени; чересполосность – ко всевозможным столкновениям и неприятностям с соседями. К тому же приводило и совместное владение разными землями и угодьями нескольких владельцев или нескольких селений. Исторически создавшиеся крестьянские земельные единицы были, как уже сказано в своем месте, во владении и пользовании семейно-родовых групп или сябров-чужеродцев. Это обстоятельство приводило к неравномерному распределению крестьянской рабочей силы по землям и угодьям. На иных участках гнездилось чересчур много народа, на других –

чересчур мало, вследствие чего либо оставалась без надлежащего приложения часть рабочей крестьянской силы, либо оставалась без должной эксплуатации часть земель и угодий. Вообще исторически создавшееся крестьянское землевладение и расселение во многом уже не соответствовало потребностям господарского хозяйства. В некоторых местностях размножившееся крестьянство испытывало уже земельную тесноту и волочилось по наймам, уходя в «покорм». В других местностях, наоборот, лежали девственные пустыри, которые ждали поселенцев для обработки. В некоторых господарских дворах чувствовался излишек тяглых и специальных крестьянских служб; в других, наоборот, их недоставало; наконец, были и такие места, где могло прекрасно идти дворцовое хозяйство, но где не было совсем господарских крестьян и где нередко делали захваты и заимки соседние землевладельцы – князья, паны, бояре-шляхта и др.

Все эти отрицательные стороны создавшегося земельного строя довольно рано стали сознаваться литовским правительством, которое и стало заменять этот строй искусственным распределением земли на волоки, или ланы, и сдачею их на чинш по немецко-польскому образцу. Впервые такая раздача применена была еще Витовтом при колонизации Подляшья. Его примеру следовали на Подляшье и преемники его до Сигизмунда I включительно. Сначала волочная система вводилась только «на сыром корню», при отводе для заселения и обработки пущ. Но Сигизмунд I стал уже переводить на волоки целые группы старых сел на Подляшье. Его супруга королева Бона перемерила на волоки крестьянские земли и пущи в своих имениях, полученных от мужа в Пинском, Клецком, Городецком и Кобринском староствах, в Кременецком старостве, в Бельске, Сараже и Городно. Сигизмунд Август решился провести волочную померу в собственно Литовской земле и на Жмуди. В лице Петра Фальчевского, Пильховского, Лашковского, Градовского и некоторых других поляков король нашел опытных и усердных исполнителей его воли, и к концу 60-х гг. вся Жмудь, Подляшье и Полесье, поветы Виленский и Трокский, т. е. собственно Литва, имели на господарских землях волочную систему. (По примеру господаря ввели эту систему в своих имениях и многие частные землевладельцы.) Каковы же основные черты этой системы и в чем состояло ее преимущество перед старым земельным строем? Ответы на эти вопросы можно получить из волочной «уставы», выданной державцам господарских дворов и ревизорам в 1557 г., с позднейшими дополнениями и изменениями, и инструкций отдельным ревизорам, а также и из некоторых других современных актов.

Новая система вводила прежде всего определенных размеров земельную единицу. Такою единицею была волока, состоявшая из 33 моргов в трех полях (приблизительно около 21 $^1/_2$ десятины). На волоки разбивались все дворовые пашни, крестьянские земли и пущи, годные для пашни. В идеале волоки должны были быть «прогоняными», сплошными, т. е. все три поля должны были лежать рядом, причем усадьбы крестьян должны были располагаться в среднем поле, для того чтобы «паренина» могла служить общим выгоном

для скота. В случае невозможности вымерить сплошные волоки они должны были составляться из нескольких участков. Земли, оставшиеся за вымером волок, назывались «застенками». Из них вырезались участки огородникам (по три морга), а также крестьянам, которые брали неполные волоки. Кроме того, застенки шли под сенные покосы, сдававшиеся ежегодно за определенную плату.

При разбивке крестьянских земель на волоки все эти земли сливались воедино и уничтожалась или уменьшалась обычная чересполосица крестьянских участков. Но среди этих участков могли попадаться и участки земель, принадлежавших соседним шляхтичам. Все эти участки также забирались в померу, а в «отмену» давались другие участки господарских земель, лежавшие по соседству с имением владельца и по мере возможности – одинакового качества. Если не было подходящей земли, давалась земля худшего качества, но «с наддатком». Одновременно с вымером волок должны были ограничиваться и измеряться огулом леса и пущи с болотами и озерами, куда господарские подданные имели «входы» и «вступы» вместе со шляхтою и их подданными и где были также и господарские «ловы», и «оступы», и бортные деревья. Волочная «устава» имела в виду ликвидировать частновладельческие «входы» и «вступы» в господарские леса, пущи и озера для прекращения заимок, хищничества и для установления «покою» между господарскими и частновладельческими «подданными». Эта ликвидация, как показывают акты, производилась путем пожалования земельных «отмен», а также и уплатою денег по оценке (например, за шляхетские борти). Благодаря всем этим мерам господарские имения консолидировались и обособлялись от шляхетских имений гораздо резче, чем прежде, что в хозяйственном отношении должно было представлять значительные выгоды. Консолидировались вместе с тем и крестьянские участки, что, в свою очередь, представляло удобства для крестьян.

Волока предполагалась как нормальный надел для обычного крестьянского хозяйства, ведущегося силами одного крестьянина со взрослым сыном или двух братьев. Поэтому «устава» рекомендовала в тех случаях, когда на малом грунте оказывалось много людей, расселять их, осаживать ими пустые волоки, давая им льготы «для вспоможенья», на два-три года, если пустые волоки были при селах, на пять-шесть и даже десять лет, если волоки были в пущах, в черных и тяжких для разработки лесах. При общей земельной переверстке предвиделось переселение крестьян и по потребностям господарского хозяйства. Волочная «устава» не ограничивалась простым предписанием переводить на оброк все крестьянские «службы», которые оказывались при данном господарском дворе лишними, но требовала, чтобы при каждом дворе было потребное число тяглых и специальных служб. Тяглых волок при каждом дворе должно было быть в семь раз больше волок дворной пашни; требовалось известное число волок путных бояр, конюхов, бортников и т. д., смотря по потребностям каждого данного двора. Если волок недоставало, они должны были быть «прилучены» к данному двору; если недоставало крестьян, они должны были переводиться из других мест. «Устава» предписывала заводить фольварки с дворными пашнями всюду, где было возможно.

Введение геометрически определенных земельных наделов давало возможность установить и более правильное, однообразное и равномерное обложение. Прежде каждый земельный участок имел свое обложение – сверх основной «службы» нес разные другие повинности по старине. Эта старина повинностей далеко не всегда соответствовала старине размеров самого участка, либо увеличившегося от «приробок» и прикупов, либо уменьшившегося от распродажи по частям. Да и вообще, устанавливаясь в разное время и при разных обстоятельствах, повинностная старина крестьянских участков не давала равномерного обложения. Теперь по этой части произошло значительное усовершенствование. Единицею обложения основными службами стала волока. Но так как основные службы крестьян ценились неодинаково как в отношении своей тяжести, так и в отношении важности, то и известными службами облагалась иногда не одна волока, а две. Таким образом, путные бояре, конюхи седельные, или дворные, стрельцы, одверные и другие дворные слуги, осочники, сельские войты получали на свою службу по две волоки, а крестьяне других специальных служб и тяглые – по одной. Уравнение между различными разрядами служб производилось не только путем отвода разного количества волок, но и путем сложения или наложения разных добавочных повинностей. Крестьяне перечисленных специальных служб получали свои волоки вольными от всяких других повинностей. Крестьяне других специальных служб, такие как тесли, слесари, ковали, колодеи, бондари, грабари, гуменники, рыболовы, получали только по одной вольной волоке. Тяглые же люди со своих волок несли не только свои специальные повинности и работы на господарской пашне и угодьях, но сверх того платили чинш, давали овес, сено, гусей, кур, платили на неводы, вносили стацию деньгами или натурою. Размер этих добавочных повинностей варьировался в зависимости от качества земли. С волоки доброго грунта чинш устанавливался в размере 21 гроша, среднего – 12 грошей, подлого – 8 грошей, «вельми подлого», песчаного или болотистого, – 6 грошей. Овса с волоки доброго и среднего грунта полагалась бочка или 10 грошей (5 – за овес и 5 – за отвоз); сена – один воз либо 5 грошей (3 – за сено и 2 – за отвоз); с подлого грунта ни овса, ни сена не взималось, но взамен того – гусь или 1 $^1/_2$ гроша, 2 курицы или 16 пенязей, 20 яиц или 4 пенязя. На неводы со всех волок взималось по 2 гроша, а за стацию – 2 $^1/_2$ гроша или же натурою, с каждых 30 волок – одна яловица и два барана, с каждой волоки – по курице и десятку яиц.

Не все крестьяне брали полные волоки: некоторые довольствовались моргами, которые вырезались им из «застенков». Эти крестьяне не несли никаких служб, кроме уплаты за морг доброго грунта 3 грошей и 4 пенязей, среднего – 3 грошей, подлого – 2, вельми подлого – 1 $^1/_2$ гроша. Огородники, получавшие обыкновенно по три морга, обязаны были служить по одному дню в неделю пешими, а жены их – в течение лета шесть дней на жниве или полотье.

Крестьяне, с которых работа не требовалась по условиям господарского хозяйства при данном дворе, осаживались на оброке, причем должны были

платить вместо работ по 30 грошей с каждой волоки «осадного», за 12 толок – 12 грошей и за «гвалты» – бочку жита или 10 грошей. Такое же «осадное» платили и крестьяне некоторых специальных служб в те года, когда ее не служили, например борти, конюхи седельные или дворные.

Волочная помера охватила не только крестьянские, но и мещанские земли. И здесь введено было однообразное и равномерное обложение. Мещане непривилегированных мест платили прежде всего *прутовое* от усадебной земли: 7 $^1/_2$ пенязя от прута на рынке, 5 пенязей от прута на улицах; 3 пенязя от прута огородной земли в месте; 1 пенязь с прута гуменной земли на предместье, а с морга – 3 гроша. Затем мещане платили чинш с пахотных земель: с волоки доброго грунта – 50 грошей, среднего – 40, подлого – 30; кроме того, с каждой волоки – 12 грошей за толоки. Других повинностей с земель мещане уже не обязаны были отправлять.

Нельзя не признать, что изложенная система обложения представляла больше определенности, больше количественного соответствия, а следовательно, и больше равномерности, чем прежняя система, основанная на глазомерной оценке величины и доходности земельных участков. Эта система представляла и больше удобств для взыскания платежей и повинностей, для учета и контроля урядников, производивших взыскания. Так как волочная «устава» наряду с этим проникнута была стремлением к более правильному и равномерному распределению крестьянской рабочей силы по земельным участкам, к округлению этих участков и уничтожению вредной в хозяйственном отношении разбросанности и чересполосицы земель, к заселению пустых земель и расширению господарского хозяйства, к округлению господарских имений и к ограждению их от захвата и эксплуатации другими землевладельцами, то и введение волочной системы приходится считать крупною хозяйственною реформою, которая могла сильно поднять доходность господарских имений.

Волочная система введена была в собственно Литве, Жмуди, Подляшье, Полесье и в западной части Волыни. Но отрицательные результаты старого земельного и податного строя давали чувствовать себя и в остальных областях Литовско-Русского государства, между прочим, и в даннических поднепрских волостях. Здесь также образовалось крайнее разнообразие земельных участников – крестьян и несоответствие количества лежавших на них повинностей с их величиною; здесь также много господарских земель было захвачено землевладельцами. Поэтому правительство Сигизмунда Августа вознамерилось и здесь произвести известное уравнение как в землевладении, так и в платежах и повинностях каждой службы, другими словами – известную переверстку землевладения и обложения, хотя и не такую радикальную, как в вышеупомянутых областях. Волочная помера предпринята была здесь только для городов, а по селам в 1560-х гг. были разосланы ревизоры, которые должны были произвести «порядок и постановенье» господарских «пожитков» и «поровнанье грунтов» между господарскими подданными. Ревизоры

эти производили описание и обмежевание крестьянских земель частью по старым границам их, частью заново для приведения в соответствие с повинностями, отправлявшимися с того или другого участка, и наоборот – регулировали и фиксировали повинности в соответствии с величиной и качеством участков. Таким «поровнаньем» имелось в виду, между прочим, уничтожить образование недоимок, которые уплачивались здесь сообща волостными людьми, чем волости уже давно тяготились. При описании и ограничении крестьянских участков обмежевывались господарские пущи и леса с целью прекращения захватов со стороны других землевладельцев. Полагая предел самовольным заимкам, ревизоры в некоторых случаях производили редукцию занятых господарских земель и облагали их податями. Некоторые из таких отбираемых земель ревизоры обращали даже под господарские фольварки.

Даже и на южной украйне правительство Сигизмунда Августа приняло некоторые меры, задачею которых было уравнение крестьянских повинностей и увеличение доходов скарба. На юге был полный земельный простор, и потому там не было и настоятельных побуждений к прекращению заимочного землепользования и землевладения. На южной украйне чувствовалась более всего нужда в рабочих руках, в удержании крестьян на их участках. Крестьяне там свободно переходили не только из имения в имение, но и из Великого княжества в Корону. Поэтому в 1560 г. туда отправлен был пан Ян Волчкович, которому дано было поручение установить одинаковые «пожитки» со всех подданных, как господарских, так и земянских, применяясь к польским порядкам, и даже в меньшем размере, с целью прекратить крестьянские переходы. Волчковичу предписано было, кроме того, обложить десятиною зерна всех владельческих крестьян, которые пользовались господарскими землями, а сами земли и поля переписать.

Таковы были мероприятия, предпринятые при Сигизмунде Августе для увеличения доходности господарских имений. Значение главного из этих мероприятий – введения волочной «уставы» – вышло, однако, далеко из чисто хозяйственной области и имело свои немаловажные последствия как в социальной, так и в политической истории Литовско-Русского государства.

Литература

Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута. М., 1894; *Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. Т. 1; *Он же.* Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI в. Киев, 1905; *Любавский М. К.* Рецензия на сочинение М. В. Довнара-Запольского «Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI в.» // Отчет о третьем присуждении премий П. Н. Батюшкова. СПб., 1907; *Новицкий А.* Очерк истории крестьянского сословия Юго-Западной России // Архив Юго-Западной России. Ч. 6, т. 1; *Бережков Н. Г.* Устава замков, держав и дворов Сигизмунда Августа, предшествовавшая волочной уставе // Журн. М-ва нар. просвещения. 1911. № 5; *Грушевський М. С.* Історія України – Руси. Львів, 1905. Т. 5.

XXXIX. ПЕРЕМЕНЫ В ПОЛОЖЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ГОСПОДАРСКИХ ИМЕНИЙ В СВЯЗИ С ВОЛОЧНОЮ РЕФОРМОЮ

Окончательное обособление шляхты и выход ее из состава населения господарских доменов. Падение крестьянского землевладения и усиление прикрепления крестьян. Превращение челяди невольной в огородников. Новые поселения крестьян. Стеснения по части эксплуатации пустых земель и угодий. Строгая регламентация крестьянских повинностей. Установление однообразия в платежах и повинностях мещан непривилегированных мест.

С введением волочной померы и «уставы» произошло еще более резкое отделение шляхты от остального населения господарских доменов, чем было раньше. Волочная помера сопровождалась прежде всего пересмотром прав состояния, которым решался вопрос, подлежит ли данная земля помере на волоки или нет, т. е. крестьянская ли она или шляхетская. Все землевладельцы должны были предъявлять документы на владение и звание, причем не только редуцировались самовольно захваченные земли, но и возвращались в простое состояние шляхтичи, неправильно присвоившие себе это звание. Так было, например, в Жмудской земле, где много «простых» людей вкупились в боярство и хотели быть шляхтою. Шляхта на сеймах протестовала против предъявления документов, но господарь настоял на том, чтобы документы предъявлялись ревизорам и мерчим для снятия с них в сомнительных случаях копий и отсылки этих копий господарю. Введение волочной системы сопровождалось вместе с тем подробной и точной регистрацией тяглого населения. Все это вместе углубляло и расширяло межу между шляхтою и остальным населением господарских доменов.

Обособление шляхты совершалось не одним только внешним путем. При производстве волочной померы было установлено и резко подчеркнуто положение, что крестьянская земля есть земля собственно господарская, так как «кмет и вся маетность его наша (господарская) есть». Поэтому волочная «устава» предписывала не церемониться с мнимыми владельческими правами крестьян и забирать в померу всякий крестьянский грунт, купленный и заставленный. Но по отношению к шляхетским грунтам «устава» давала совершенно другие предписания. Если для вымера волок нельзя было обойтись без занятия шляхетского грунта, «устава» предписывала найти предварительно справедливую «отмену». Очевидно, господарь руководился в данном случае взглядом на шляхетскую землю как на собственность шляхты. Взгляд этот развивался постепенно во всех земских привилеях и, когда началась волочная помера, оказался в полной силе. Таким образом, при производстве волочной померы окончательно порвалось всякое единение шляхты и крестьянства на почве землевладения. Крестьянское землевладение было аннулировано как таковое; признано было только одно крестьянское землепользование. Землевладение стало уделом только господаря и шляхетского сословия. Уничтоже-

ние чересполосицы и сервитутов шляхты на крестьянских землях и обратно сервитутов крестьян на шляхетских землях, прекращение «входов» и «вступов» шляхты в господарские угодья обособили шляхту от остального населения господарских доменов и территориально. Шляхта, в сущности, вышла из состава населения господарских доменов, сравнялась до известной степени с самостоятельными землевладельцами, князьями и панами, приблизившись в этом своем положении к польской шляхте. Этот процесс происходил не только помимо сознания, но и помимо воли шляхты, которая одинаково протестовала и против занятия ее грунтов в волоки, и против уничтожения входов в господарские пущи и угодья.

Но особенно сильно отразилось введение волочной «уставы» на положении господарских крестьян. Волочная «устава» не только упразднила окончательно крестьянское землевладение, существовавшее и развивавшееся фактически с давних времен в господарских доменах, но целым рядом предписаний затянула крепко узы крестьянской неволи. В прежнее время члены многолюдных крестьянских семей сплошь и рядом покидали свои отчины в господарских имениях, уходили на сторону и становились вольными «похожими» людьми. Волочная «устава», как уже было указано, предписывала многолюдные крестьянские семьи и товарищества расселять в господарских же имениях. Таким образом, прекращалось выделение из крестьян-отчичей вольных «похожих» людей. В прежнее время господарский крестьянин-отчич, «непохожий» человек, продав свою отчину и посадив на своем месте другого тяглеца, становился вольным «похожим» человеком. Волочная «устава» прекращала и этот выход на волю. Крестьянин, продавший свое «домовство» на волоке, посадивший на своем месте другого, не мог уже идти куда вздумается, но должен был осесть либо в господарском месте, либо в господарской волости на пустой волоке. В том случае, если бы такой волоки не оказалось, крестьянин, взяв от уряда удостоверение, что он вышел, осадив волоку, должен был идти в другую господарскую же волость и там искать себе место для поселения. Таким образом, и по отношению к господарским крестьянам приобрел полную силу тот же самый принцип личного прикрепления, какой уже давно действовал относительно частновладельческих крестьян. Волочная «устава» повторила предписания первой «уставы» Сигизмунда Августа о том, чтобы беглые и самовольно ушедшие господарские крестьяне непременно отыскивались урядом и осаживались на пустых волоках даже в тех случаях, когда их засевки и все «домовство» были отданы другим крестьянам.

Если увеличилась крестьянская неволя, то зато челядь невольная приблизилась в своем положении к крестьянству. Волочная «устава» совсем не знает челяди, состоящей на иждивении двора. Литовское правительство уже и раньше сознавало всю дороговизну содержания рабов, подневольный труд которых не оплачивал этого содержания. Поэтому уже первая «устава» Сигизмунда Августа предписывала державцам следить за тем, чтобы челядь за-

рабатывала свой хлеб. Теперь челядь совсем исчезла из состава населения господарских дворов, но зато появились *огородники,* которым нарезалось обыкновенно по три морга земли и которые обязаны были работать один день в неделю на барщине (женщины обязаны были работать шесть дней в лето на жниве или полотье). Эти огородники несомненно образовались из дворной челяди и малоимущего крестьянства. Наряду с другими разрядами тяглого населения они стали облагаться «податками» на нужды государства и таким образом оказались уже в ведении государства.

С введением волочной «уставы» последовал и ряд других больших перемен в жизни господарских крестьян. Волочная «устава» перетасовывала не только земли и угодья крестьян, но и сами поселения. Согласно ее требованиям, усадьбы крестьян должны были идти прямою линией через среднее поле волок, которые имели вид расположенных рядом прямоугольников, разделенных на три части («реза»). Насупротив должны были идти такою же прямою линией гумна, так что образовывалась прямая широкая улица. Селения должны были выходить многодворные. Так как существовавшие дотоле мелкодворные и разбросанные селения не подходили к этому типу, то приходилось переселять крестьян. «Устава» предписывала ревизорам назначать места для поселений, а уряд должен был настойчиво («с пильностью») понуждать крестьян к переселению на эти места.

С раздачею определенных и точно обмежеванных участков прекращалась для крестьян та вольная эксплуатация пустых земель и угодий, которая практиковалась в предшествующее время. В прежнее время крестьяне нередко брали пустовщины пахать «с позему» или «за поклоны». Волочная «устава» запретила раздавать пустые волоки на этих условиях, а непременно на службе. Прекратилась возможность делать «приробки» в господарских пущах, косить сено, бить зверей, ловить рыбу и т. д. так же свободно, как было раньше. Волочная «устава» обставила все это ограничениями и условиями. «Приробки» можно было иметь в «застенках», но за определенную плату; косить сено там же, но за определенную плату; бить зверей можно было только на собственных волоках, но не в господарской пуще, вследствие чего крестьянам, имеющим там «входы», запрещалось брать с собою оружие и собак; рыбу можно было ловить крыгою, удою, бреднем, трегубицею, обором и другими малыми сетками, но не езами. «Устава» предписывала все «входы» до пущ и лесов, озер и рек, забиванье езов, дерево бортное, сеножати и другие «пожитки» на господарских грунтах сдавать господарским подданным, а не кому иному, «на цыншах и платах», но не за «вкупы и поклоны».

Волочная «устава» определила точнее и равномернее не только платежи, но и повинности крестьян. Тяглые люди должны были работать два дня в неделю и, кроме того, четыре толоки, за что им должны отпускаться три недели – на Святках, Масленице и на Святой неделе. Становиться на работу должны были с восходом солнца и уходить с заходом; на отдых полагалось три часа

в три приема. Опоздавший должен отрабатывать на другой день столько же часов, сколько опоздал; неявившийся без уважительных причин карался штрафом в грош за первый день и бараном за второй; если же и в третий день не являлся, подлежал наказанию бичом на лавке, а пропущенные дни должен был отработать. Дякольный овес крестьяне должны были отвозить на 20 миль, а сено дякольное и дворное (по возу на каждую волоку) – на 15 миль; если бы пришлось везти дальше, за это полагалось соответствующее отчисление из чинша и других платов. Крестьяне обязаны были ходить в далекие подводы и на постройку замков и дворов, складываясь из трех или четырех волок на одну подводу или на одного работника. Но за это опять-таки полагалось отчисление из платов и чинша по «уставе». Для проезда послов и гонцов в каждом селении крестьяне и мещане должны были держать по два коня с волоки, чередуясь по неделям, причем получали с проезжающих плату – по грошу на милю за каждого коня, по полтора за возовую одноконную подводу, по $2\,^1/_2$ за возовую двухконную подводу и т. д.

«Устава» ввела единообразие и в систему податей мещан непривилегированных мест. Выше были указаны размеры платов за усадебную землю и волоки мещан. Кроме того, мещане были обложены и промысловым налогом, а именно: купцы, торговавшие шелковыми товарами, должны были платить по четыре гроша, торговавшие сукнами и другими мануфактурными изделиями – по два гроша, золотари – также по два гроша, корчмари – по грошу, продавцы горелки – по два гроша, резники – по грошу, все ремесленники – также по грошу; коморники, занимающиеся торговлей, – по два гроша. Сверх того, полагались особые платежи с корчем – *капщина,* по копе грошей с пивных и медовых и за запись в реестре четыре пенязя, по тридцать грошей с корчем, продающих горелку, и два пенязя за запись. Резники также должны были уплачивать господарю за камень лою (сала) 15 грошей и уряду за лопатки в торговые дни: за воловью и яловичью – один грош, за кабанью – пять пенязей, за баранью, козью и телячью – три пенязя и писчего два пенязя от каменя лою. С домов, владельцы которых не имели ни волок, ни шинку (торговли), полагалась подать в два пенязя с ворот. Мещане обложены были и подводными пенязями: по два гроша – с дома, по три гроша – с волоки, по шести грошей – с фольварка или с пашни там, где земли не размерены были на волоки, по шести грошей – с крестьянской службы там, где мещане имели своих людей, по четыре пенязя – с морга и по одному пенязю – с огородного прута на предместье. По части платежей с мещан в прежнее время господствовало большое разнообразие по отдельным местностям. Теперь это разнообразие и неравномерность устранялись и вводились всюду одинаковые платежи.

Литература

Те же труды, что и выше, на с. 331.

XL. ПЕРЕМЕНЫ В УПРАВЛЕНИИ В СВЯЗИ С ВВЕДЕНИЕМ ВОЛОЧНОЙ ПОМЕРЫ И «УСТАВЫ»

Новые крестьянские власти – войты и лавники; их функции. Войты в непривилегированных местах. Функции державцев по волочной «уставе»; их регламентация и усиление ответственности урядников. Доходы державцев. Прекращение юрисдикции воевод и старост в округах державцев. Мерники и померчие и их функции. Ревизоры; их роль при организации господарского хозяйства на новых основаниях; надзор и контроль над деятельностью урядников и крестьянских властей. Подскарбий земский в роли министра финансов и государственных имуществ. Особое управление господарскими пущами.

Волочная «устава» сменила прежних крестьянских властей, разнообразившихся по отдельным местностям Литвы, Руси и Жмуди, – всех этих приставов, десятников, сорочников, старцев, введя всюду по селам *войтов* и *лавников* по немецко-польскому образцу. *Войты* назначались урядником, т. е. державцею или старостою, совместно с ревизором с согласия крестьян для ста и более волок, в зависимости от того, какие крестьяне сидели на этих волоках – тяглые или осадные. Тяглые войтовства по размерам были обыкновенно меньше, чем осадные, ввиду того что тяглому войту было гораздо больше хлопот, чем осадному. Во внимание к этому и размер их земельного довольствия был неодинаков: тяглому войту давалось две вольные волоки, а осадному – одна; другую он мог взять только на чинш. Главною обязанностью тяглого войта было выгонять людей на работы и надзирать за их выполнением. Войт должен был находиться и при отправлении крестьянами других повинностей, например, при отвозе и сдаче дякольного овса. Он должен был также выгонять людей своего войтовства с чиншем и другими платами и быть при их взносе; от него отбирались показания об имущественном положении недоимщиков, на основании которых могли делаться им разные льготы. На обязанности войта было ежегодно исправлять границы и копцы волок принятых и пустых, следить за тем, чтобы не искажались межи от соседей, а обо всех замеченных по этой части фактах доносить уряду. Войту принадлежало некоторое участие и в суде над крестьянами. Он должен был по требованию уряда ставить их к суду; децкий посылался лишь в том случае, когда крестьянин не слушался войта. Войт обязан был присутствовать и на самом суде и «справедливости подданому допомогати». Между прочим он должен был следить за тем, чтобы уряд не брал лишних «вин» и «пересудов», а о замеченных злоупотреблениях доносить ревизору, вести список взысканных «вин» и представлять его ревизору. Вообще, ставя войта в подчиненное положение к уряду, требуя от него исполнения его приказаний, «устава» в то же время стремилась сделать войта органом надзора за действиями уряда. Войт под страхом жестоких кар обязывался доносить обо всех злоупотреблениях уряда, например об освобождении за деньги от работ, о сдаче в аренду пустых волок и т. п. Что касается *лавников,* то они назначались в числе двух, трех и большем в каждом селе. Их

главная обязанность была осматривать «шкоды» крестьян в потравах и других случаях и давать показания уряду. К ним обращались как сами крестьяне, так и уряд и в других случаях, например при расследовании причин неявки крестьянина на работу, имущественного положения недоимщика, при расследовании об утаенных и захваченных землях, о злоупотреблениях должностных лиц и т. д.

Кроме сел, войты учреждены были по волочной «уставе» и в непривилегированных местах, где дотоле в большинстве случаев не было никаких аналогичных властей и где всем распоряжался дворный уряд. «Устава» не говорит подробно о положении и обязанностях местских войтов; они просто должны были «порадку в местех и пожитков (господарских) примножати и догледати». Надо думать, что их положение и обязанности были приблизительно те же самые, что и сельских войтов.

В качестве приказчиков, управляющих господарскими имениями, волочная «устава» оставила по-прежнему урядников, т. е. державцев (кое-где – старост и воевод), коим предоставила иметь наместников. Функции урядников по волочной «уставе» предполагались те же самые, что и по прежним «уставам». Они обязаны были озаботиться, чтобы вся дворная пашня была своевременно засеяна, чтобы собран был и обмолочен как следует урожай; обязаны были следить за тем, чтобы сеножати дворные не залегали, чтобы все сено было скошено и свезено куда следует. «Устава» предписывала им разрабатывать и огороды дворные, разводить рогатый скот, овец и коз, устраивать «ставы» и рыбные «сажавки», где было можно, также мельницы и фолюши (мельницы для обработки руды) и т. д. Все хозяйственные распоряжения и приказы по этой части должны были исходить от урядников. Они же должны были наказывать господарских подданных за неявку и нерадение в отправлении повинностей денежными штрафами и телесными наказаниями. Урядники реализовывали на деньги доходы от дворной пашни, сеножатей, огородов, скота. Они же сдавали на оброк разные хозяйственные статьи – бортные ухожаи, рыбные ловли, пахотные земли и сенные покосы. Наконец, урядники обязаны были принимать на господарском дворе или в месте, или в определенном селе чинши и всякие другие платежи от господарских подданных, начиная от Дня святого Михаила до Дня святого Мартина, причем неисправных плательщиков могли наказывать «вязеньем», а подать взыскивать через децкого. «Устава» предписывала, однако, освобождать от наказания и взыскания тех крестьян, которые, по расследованию на месте, не уплатили податей или оброков «за пожогою, за вымеретьем або за хворобою всего дому, за голодом, за побитьем граду и за убожеством», и требовала, чтобы во всяком случае не конфисковались у крестьян волы и кони, «за цынш и ни за што иное... николи». Всем господарским подданным урядники обязаны были давать суд и управу, а также и владельческим подданным – по жалобам и искам на господарских, причем виновных обязаны были штрафовать, а с выигравших тяжбу брать «пересуд».

Отличие волочной «уставы» от предшествующих касательно функций урядников состояло в том, что волочная «устава» обставляла эти функции

большею регламентацией, большею отчетностью и ответственностью, чем прежние «уставы», и кроме того подчиняла их контролю и руководству особых экономических инспекторов – ревизоров. «Устава» требовала, чтобы вся пашня дворная непременно была засеяна; если урядник по небрежности не засеет или сдаст в аренду, подвергается штрафу по десяти копен хлеба за каждый незасеянный морг. Хлеб молотить урядник должен по возможности сыромолоткою, а не сушеный в овинах, так как солома от несушеного в овинах хлеба более полезна для скота, чем от сушеного. Овины должны делаться поодаль от амбаров и скирд для безопасности от огня. При каждом фольварке должны содержаться по крайней мере двадцать коров, а то и более, овцы и козы, которыми должны заведовать бабы и девки под надзором *дворнички,* или *рыкуньи.* Этой рыкунье полагалось жалованье по две копы грошей на год и содержание по три бочки ржи с господарского гумна и четвертая с урядничьего третьего снопа. Всему скоту должен был вестись тщательный реестр, причем от каждой дойной коровы урядник должен был вносить двадцать грошей в скарб, от каждой старой овцы за волну (шерсть) – один грош, от молодой – полгроша, от дойных коз и овец – по усмотрению ревизора; за шкуру павшего вола – пять грошей, за шкуру павшей коровы – 2 $^{1}/_{2}$ гроша и т. д.

Все собранные доходы урядники должны были отвозить на крестьянских подводах в Вильно в скарб своевременно, до Рождества, и сдать подскарбию или писарю скарбному, получивши от него «квит». Затем в назначенные сроки, между 1 января и 5 мая, должны учинить «личбу» в скарбе перед писарями скарбными, т. е. представить приходорасходный отчет «по реистром и уставе ревизорской» с объяснением причин недобора, если бы таковой оказался. «Устава» требовала строгой и неукоснительной отчетности и предписывала забирать в казну имение урядника, не собравшего без уважительных причин всех господарских доходов и не представившего своевременно приходорасходный отчет, пока он не представит денег и отчета.

Подчиняя державы непосредственному ведению органов центрального управления, волочная «устава» порывала те связи, которые соединяли прежде державы с областными центрами. «Устава» постановляла, что впредь ни воеводы, ни староста жмудский не имеют давать «позвы» и посылать децких в державы, но всем подданным будет даваться суд и управа на месте урядниками.

Некоторые нововведения последовали вместе с волочною «уставою» в доходах державцев. Они имели впредь получать: весь плат с каждой десятой волоки, кроме сена и овса, третий сноп всякого хлеба с господарских гумен, десятую рыбу при спуске господарских ставов, пересуд в 5 %, децкованье и помильное слугам, выводную куницу в 12 грошей, третий грош с «вин», за порчу меж 12 грошей, штрафы с крестьян за прогул, записного с волоки 14 грошей, при сборе овса на господаря от бочки по пенязю.

Для проведения волочной померы и «уставы» в жизнь созданы были особые органы, ставшие наряду с обычною администрацией и отчасти над нею. Низшую, чисто исполнительную роль среди них играли *мерники*, разбивав-

шие земли на волоки. В мерники выбирались ревизорами люди умелые и опытные; за свои труды они получали по десяти грошей с каждой вновь вымеренной волоки. Мерники должны были оставаться и по окончании волочной померы по одному на каждый двор – для проверки и восстановления границ отдельных волок и на случай нарушения границ со стороны соседней шляхты, причем за свой труд должны были получать по 2 гроша с волоки. Мог быть и для нескольких дворов один мерник, который получал в таком случае три вольных волоки и одно войтовство. Работою мерников при первоначальной разбивке волок руководили *померчие,* которые осматривали шляхетские документы и грунты, отводили «отмены», вымеряли волоки на церковь и т. д. Работу мерников и померчиев проверяли *ревизоры.* Ревизоры не только следили за исправностью технической стороны дела, но и устанавливали господарские «пожитки» – определяли, например, количество оброка, который должен был взиматься за разные хозяйственные статьи в господарских имениях, указывали, где должны быть построены мельницы, рыбные садки, фольварки, корчмы, где могут содержаться табуны лошадей, и т. д. Вообще в организации господарского хозяйства на новых основаниях ревизорам принадлежала деятельная роль. Они распределяли села, грунты и сеножати между господарскими дворами, приписывали людей к господарским «ловам» и «оступам», определяли потребное количество специальных служб для того или другого двора, вместе с урядом осаживали людей на пустых волоках или на сыром корню, санкционировали льготы, дававшиеся новоселам, и т. д., и т. п. Возлагая такие обязанности на ревизоров, волочная «устава» требовала, чтобы они были люди добросовестные, сведущие в волочной помере и в хозяйстве, для того чтобы могли все выведать и указать уряду, в чем может быть господарский пожиток. Но деятельность ревизоров не ограничивалась только первоначальною организацией господарского хозяйства по новой системе: они должны были следить и за действием новой «уставы» и контролировать с этой стороны деятельность господарских урядников. Волочная «устава» предписывала, чтобы все урядники, кроме панов радных и лиц, занятых посольствами и другими государственными «послугами», ко времени приезда ревизора находились в своих державах. Они должны были обо всем давать ведомость ревизору и свои объяснения, если бы произошел какой убыток господарскому хозяйству или какая обида господарским подданным. Урядники должны были отвечать перед ревизором по жалобам подданных на их наместников, даже если бы этих наместников не было налицо, и дать по ним соответствующее удовлетворение. Если бы они не хотели делать этого, ревизор должен был дать знать господарю или подскарбию земскому и ждать дальнейших инструкций, не съезжая с уряда. Ревизор должен был проверять наличность хлеба и зерна в господарских дворах, наличность скота, записи «вин», т. е. взысканных судебных штрафов, оценивать правильность и целесообразность произведенных расходов, доведываться о том, засевается ли вся дворная пашня, убираются ли дворные сенокосы, не сдаются ли «в поклоны» пустые волоки, не сдаются ли

в аренду разные хозяйственные статьи мимо господарских подданных, не откупается ли кто от работ, не взимаются ли «вины» и «пересуды» сверх «уставы» и т. д. При этой проверке ревизор должен был пользоваться показаниями войтов, лавников и других крестьян. Деятельность войтов также подлежала контролю ревизоров, причем войтов, оказавшихся неисправными, ревизор сообща с урядником отставлял и заменял другими. На ревизоров возлагалась обязанность составлять подробные описания хозяйственного состояния господарских дворов, «реистры» их ревизии. Для того чтобы деятельность их отличалась единообразием и систематичностью, им дан был общий руководитель в лице старосты кнышинского Петра Фальчевского. С этим Фальчевским, носившим титул «справцы пожиток и дворов господарских», ревизоры должны были съезжаться ежегодно и обо всем, что относилось к их должности, совещаться и уговариваться. Фальчевский и лично объезжал господарские дворы, где вводилась волочная «устава», и давал соответствующие указания и распоряжения. Когда было нужно, Фальчевский должен был обращаться к первому члену господарской рады (из светских), воеводе виленскому, маршалку земскому и канцлеру Великого княжества Николаю Радзивиллу, который уполномочен был господарем давать надлежащие указания и оказывать содействие во всех делах, касавшихся пожитков и грунтов господарских.

С введением волочной «уставы» повышалось и значение подскарбия земского. Сигизмунд Август с самого начала, рассылая первую свою «уставу», предназначал подскарбия к более активной роли в отношении своего хозяйства, чем была роль государственного казначея. Предполагалось, что подскарбий объедет лично господарские дворы и установит на месте все «уставы» касательно замков, держав и дворов. Несколько позже, при введении волочной «уставы», эта задача была возложена на ревизоров и их старшину – справцу пожитков дворов господарских. Но эти новые должностные лица оказались, в сущности, местными агентами подскарбия земского, которому отдано было в руки центральное управление господарскими имениями и ведение центральной отчетности. Ревизоры должны были съезжаться со своими докладами к подскарбию, при котором в это время должен был находиться и главный «справца пожитков господарских дворов». Подскарбий в случае смерти какого-либо старосты и державцы посылал ревизора для переписи оставшегося в господарском дворе имущества и управления державою впредь до назначения нового державцы; подскарбию в случае отсутствия господаря ревизоры докладывали о тех урядниках, которые не пожелали отвечать перед ними по жалобам на них господарских подданных; у подскарбия в отсутствие господаря ревизоры и державцы брали разрешение на возведение значительных построек; подскарбий же давал разрешение на засев дворной пашни старым зерном, или купленным, или взятым из другого двора в случае недостатка зерна нового урожая; он же разрешал давать хлеб господарским крестьянам «в отсоп», сдавать в аренду шинки и т. д. Новая «устава» подчинила подскарбию земскому в отношении отчетности старост, державцев и тиунов, город-

ничих, ключников, неводничих, бобровничих и т. д., которые прежде учитывались особыми комиссиями. Теперь все эти дворцовые управители должны были сдавать деньги и отчеты уже подскарбию земскому или одному из его ближайших помощников – писарю скарбному, и получать от них квитанции, уплачивая за них по два гроша. Для принятия отчетов в скарбе установлена была известная очередь. Подскарбию предоставлено было право по докладу господарю об урядниках, не сдавших в срок денег и отчета, отбирать у них имения и прилучать их к какому-либо господарскому двору или же отдавать их в заставу посторонним лицам в известной сумме впредь до сдачи денег и отчета, а в том случае, если бы имение не стоило ожидаемой недоимки, отстранять урядников от должности впредь до получения указаний господаря, что далее делать с такими урядниками. Таким образом, подскарбий земский стал в некоторых отношениях министром государственных имуществ и финансов.

Одновременно с обмером и перемером господарских земель, находившихся в державах, составлен к 1559 г. Григорием Воловичем обмер и описание лесных незаселенных пространств – пущ и находившихся в них звериных переходов. Эти пространства предназначались частью для колонизации, частью для эксплуатации находящихся в них угодий, непосредственной и оброчной. Все эти пространства разбиты были на известные округа, во главе которых поставлены были *лесничие.* Эти лесничие должны были объезжать свои лесничества и наблюдать за тем, чтобы господарю не чинилось никаких «шкод» ни в дереве, ни в зверях, ни в других отношениях. Лесничие обязаны были следить за тем, чтобы никто не вывозил дерева стоячего без разрешения господаря, а кому дано это разрешение, вывозил бы не больше дозволенного количества; чтобы сухое дерево и хворост возили одни только господарские подданные; чтобы лесные работы велись там, где было указано, и чтобы будники не портили и не брали дерево там, где им не было разрешено. Специальная «устава», выданная лесничим, запрещала им самостоятельно выдавать лес, исключая те случаи, когда лес требовался на поправку плотин, мельниц и других построек на господарском дворе или на возобновление сгоревших крестьянских изб. Но, отпуская в таких случаях лес, лесничие должны были тщательно его регистрировать. Надзору лесничих поручались сенные покосы в пущах, которые они должны были либо косить на господаря, либо сдавать за плату господарским подданным; на лесничих же возлагалась обязанность наблюдать за бортными деревьями, бобровыми гонами, звериными и рыбными ловлями и эксплуатировать их на господаря при помощи полазников, бобровников, осочников и стрельцов. Наконец, ведению их подчинены были и все «воляне», т. е. крестьяне, вновь посаженные в пущах на волоках. По отношению ко всем этим людям лесничие играли роль державцев, отводили им волоки, собирали с них чинш и другие поборы, судили и т. д. Вообще лесничества были, в сущности, державами в заселяемых пространствах и превращались затем в настоящие державы, как только набиралось население. Деятельность лесничих проверялась и направлялась, как и деятельность державцев, ревизо-

рами. Но сверх того было лицо, игравшее роль главного лесничего. Таковым был сначала пан Станислав Довойна, а затем ловчий господарский Григорий Волович. Каждый лесничий получал три волоки на фольварк и шесть оседлых волок для работ на фольварке, по одной бочке овса с каждых десяти волок и по грошу в год с каждой волоки, пользующейся сухим деревом.

Хозяйственные мероприятия Сигизмунда Августа несомненно подняли доходность господарских имений. Но все эти доходы стали уплывать еще быстрее, чем прибывали, благодаря войне за Ливонию, в которую втянулось Литовско-Русское государство.

Литература

Довнар-Запольский М. В. Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI в. Киев, 1905; *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. М., 1900.

XLI. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЛИВОНИИ К ВЕЛИКОМУ КНЯЖЕСТВУ ЛИТОВСКОМУ

Наступление Москвы на Ливонию и необходимость для Литовско-Русского государства защищать ее. Договор 1559 г. о защите Ливонии и начало военных действий. Подчинение Ливонии Сигизмунду Августу. Опустошения и завоевания москвитян на территории Литовско-Русского государства. Назначение Ходкевича гетманом и администратором в Ливонии. Договор 1566 г. об унии Ливонии с Великим княжеством Литовским. Значение Ливонской войны в истории Литовско-Русского государства.

В 1558 г. московские войска страшно опустошили Ливонию, взяли Нарву, Дерпт, Нейгауз и другие города и грозили дальнейшими завоеваниями. Не добившись помощи ни от Германии, ни от Дании, ни от Швеции, ни от Польши, ливонцы обратились к Литве и нашли у нее сочувствие и желанную поддержку. Расширение владений Московского государства на счет Ливонии угрожало жизненным интересам Литовско-Русского государства. Во-первых, завоевание обширной и, по признанию современников, богатой по природе, экономически благоустроенной и хорошо укрепленной области должно было усилить могущество и без того сильного и опасного врага; во-вторых, завоевание Ливонии отдавало в руки московского государя отпускную торговлю Белоруссии и части Литвы: Рига стягивала к себе по реке Двине разнообразное сырье из Полоцкой и Витебской земель, а по реке Муше – из Жмуди; наконец, утверждение власти могущественного московского государя в Ливонии могло повлечь за собою появление его флота на Балтийском море, что, в свою очередь, грозило опасностями и отпускной торговле, шедшей через Данцигский порт. Все эти опасности ясно сознавались государственными людьми и господарем Великого княжества. Поэтому, когда ливонцы обратились к ним

за помощью, они поспешили созвать великий вальный сейм, куда прибыл и ливонский магистр Кеттлер (летом 1559 г.). 31 августа 1559 г. был заключен договор, в силу которого магистр отдавал себя, весь свой орден со всеми его владениями под протекторат и опеку Сигизмунда Августа как великого князя литовского, а в возмещение военных расходов, могущих пасть на литовско-русского господаря, отдавал ему пять замков (Бовск, Розитен, Люцен, Динабург и Зельбург) со всеми их территориями, с населением и со всеми доходами, оставляя за собою право по окончании войны выкупить эти замки за 600 тысяч золотых польских, а если войны не будет, то получить эти замки обратно без выкупа. Со своей стороны Сигизмунд Август обязался отправить послов к московскому государю с требованием прекратить военные действия против Ливонии и возвратить награбленное имущество и пленных, а если царь откажет во всем этом, двинуть свои войска и защищать всеми силами Ливонию. 15 сентября к этому договору присоединился и рижский архиепископ с капитулою, сословиями и всеми подданными своих владений, причем уступил Сигизмунду Августу на тех же основаниях, как и магистр, два замка (Мариенгаузен и Леневарде) и два двора (Лабон и Бирзен), оставив за собою право по окончании войны выкупить эти замки и дворы за 100 тыс. золотых. Как и следовало ожидать, дипломатическое предстательство за Ливонию потерпело полное фиаско, и литовцы должны были взяться за оружие.

Военные действия начались в ноябре 1559 г. и продолжались и в 1560, и в 1561 гг. В них участвовали как наемные войска, расставленные по ливонским замкам, так и земское ополчение Великого княжества, выступавшее три раза на защиту Ливонии против москвитян. За это время обнаружилось с полною ясностью, что страна, на защиту которой выступило Литовско-Русское государство, находится в состоянии полного политического и морального банкротства и разложения и что защитить ее, сохраняя ее самостоятельность, в сущности немыслимо. Еще в начале 1560 г. эзельский епископ поспешил продать свое владение датскому королевичу Магнусу, который в половине апреля 1560 г. высадился в Эзеле, а затем в Гапсале, где был принят с отверстыми объятиями населением. Примеру эзельского епископа последовал вскоре епископ ревельский и фогт зонненбургский. Эти приобретения Дании возбудили аппетит и у шведского короля Эриха XIV, который в июне 1561 г. прислал послов в Ревель склонять жителей к подданству Швеции, обещая им помощь и защиту от Москвы. Посольство это увенчалось полным успехом, и ревельцы поддались Швеции. Обыватели не занятой еще части Ливонии сомневались в том, что магистр и архиепископ сумеют отстоять их независимость, не имели уверенности в собственных силах и тянули в разные стороны: часть склонялась к Дании, другая – к Швеции, некоторые готовы были даже броситься в объятия Москвы, остальные желали стать под владычество Польши и Литвы. Все, впрочем, согласно осуждали орден и сваливали на него причину всех бед. Братья ордена, всеми ненавидимые, жаждали перемены формы правления, отмены безбрачия (среди них распространился протестантизм) и избрания наследственного князя. Дни ордена были сочтены, и он уже не мог суще-

ствовать как самостоятельное государство. Поэтому литовскому правительству надо было позаботиться об обеспечении интересов Великого княжества. Посланный в Ливонию с несколькими тысячами наемного войска воевода виленский и канцлер Николай Радзивилл уговорил ливонцев поддаться под власть короля Сигизмунда Августа. В ноябре 1561 г. в Вильно на сейм прибыли магистр и архиепископ со своими советниками и депутаты от рыцарства и городов. 28 ноября был составлен акт о подчинении Ливонии. Ливонцы желали унии не с одним Великим княжеством, но и с Короною Польскою, полагая, что от двух государств они получат более верную защиту, чем от одного. Но так как для этого надо было иметь формальное согласие поляков, а поляки сдержанно относились к этому вопросу до осуществления унии с Литвою, то ливонцы поддались сначала лично Сигизмунду Августу как королю польскому и великому князю литовскому. Сигизмунд Август, со своей стороны, обязался склонить поляков к утверждению договора и к принятию Ливонии под свою защиту. На тот случай, если бы Польша отказалась сделать это, устанавливалось, что Ливония присоединяется к Великому княжеству Литовскому. Как провинция Польши и Литвы Ливония имела впредь управляться королевским наместником и старостами немецкого происхождения, с сохранением прав и вольностей сословий и самоуправления городов. Магистр Кеттлер, сложивший с себя свое звание, получил Курляндию и Семигаллию в вассальное наследственное владение с титулом герцога. Он же объявлен был и королевским наместником в Ливонии. Ввиду того, что предшествующею войною были совершенно исчерпаны силы и средства ливонских землевладельцев, Сигизмунд Август обязался снабдить ливонские замки служебными людьми, обещал, кроме того, освободить магистра от уплаты долгов Данцигу и Риге, помочь обывателям Вендена, Вольмара и Пернова в уплате их долгов и доставкою для них хлеба и других предметов необходимости.

Хотя ливонцы имели в виду и польскую помощь, но вся тяжесть войны обрушилась на Великое княжество Литовское. В то время как все военные силы Великого княжества стянулись в Ливонию, раннею весною 1562 г. москвитяне вторглись в Белоруссию и сильно опустошили окрестности Витебска, Дубровны, Орши, Копыси и Шклова. Театр войны перенесся, таким образом, на собственную территорию Великого княжества Литовского. В следующем, 1563 г. московский царь внезапно напал на Полоцк и 15 февраля взял его. В 1564 г. литовцы получили реванш: литовский гетман Николай Юрьевич Радзивилл разбил на реке Уле, на Чашникских полях, князя Петра Ивановича Шуйского с 30-тысячным войском; другой отряд в 50 тысяч под начальством князя Петра Серебряного, узнав о поражении Шуйского, бежал в панике, побросав оружие и съестные припасы. Но в конце того же 1564 г. москвитяне снова начали брать верх. Московский воевода Юрий Токмаков занял витебский замок Озерище. Москвитяне успешно воевали и в Ливонии и уводили оттуда большие полоны. Попытка литовцев перейти в наступление на московские владения с юго-запада потерпела неудачу: воевода киевский князь Константин Острожский и староста чернобыльский Филон Кмита, напавшие на Чернигов, были

отбиты. Тяжесть борьбы за Ливонию для Литовско-Русского государства усилилась выступлением шведов, которые в том же 1564 г. начали распространять свои завоевания в Ливонии из Ревеля.

Чтобы все жертвы, приносимые для Ливонии, не пропали даром, литовское правительство с одобрения Берестейского сейма 1566 г. решило изменить систему управления Ливонией. Вместо Кеттлера в Ливонию назначен был «гетманом и администратором» пан Ян Еронимович Ходкевич, староста жмудский. Ходкевичу была предоставлена высшая военная и гражданская власть в области с чрезвычайными полномочиями. Он получил право созывать на войну под свое начальство всех военнослужилых землевладельцев области, устанавливать для них размеры военной службы с их имений, отбирать имения у неявившихся на его зов и раздавать людям заслуженным, докладывая королю. Ходкевичу подчинены были и все ротмистры и наемные войска: он должен был принимать их на службу и увольнять, выплачивать им жалованье, распределять по замкам, давать на них суд и управу по жалобам на обиды и притеснения с их стороны. Так как Великое княжество и без того уже потратило много средств на Ливонию, то на будущее время предполагалось привлечь к несению финансовых тягостей и обывателей Лифляндской земли. Ходкевичу предоставлено было право собирать областные сеймы в Ливонии и требовать от них субсидий. Косвенные же налоги, т. е. торговые пошлины, Ходкевичу предоставлено было устанавливать и регулировать собственною властью, а равно также и чеканить монету известной формы и веса. Ходкевич получил право воздвигать новые замки, раздавать господарские замки и дворы в Ливонии в держанье достойным людям, смещать старост и державцев с их должностей, издавать различные предписания по господарскому хозяйству, раздавать земельные имения заслуженным людям по докладу королю, судить по апелляции от местных судов и издавать законы с совета местных сословий и одобрения короля. Словом, Ходкевич получил, по выражению данной ему грамоты, ту же самую власть в Ливонии, какою бы пользовался сам господарь, если бы находился в этой области. Перед отправлением на место назначения Ходкевич получил инструкцию всячески склонять ливонцев на предстоящем Рижском сейме к унии с Великим княжеством Литовским.

Ходкевич исполнил возложенную на него миссию. На сейм, собравшийся в конце 1566 г. в Городне, прибыли ливонские уполномоченные и привезли на утверждение трактат, заключенный Ходкевичем с ливонскими чинами. В силу этого трактата обыватели земли Лифляндской признали великого князя литовского своим верховным и наследственным государем, обязались никогда не отделяться от Великого княжества, но всегда быть с ним в подданстве у одного государя, сообща избирать его, и не иначе как из рода настоящего государя, не заключать никаких договоров отдельно и помимо Великого княжества, отправлять общие с ним сеймы, на которых должны быть отведены приличные места их сенаторам и послам. Для себя ливонцы выговорили: ненарушимость своих старинных прав и вольностей с добавлением новых, если это потребуется для уравнения с Великим княжеством, аугсбург-

ское исповедание веры и недопущение иноверной пропаганды, учреждение коллегиума для подготовки образованных проповедников и пасторов, суперинтендентов, членов консистории, визитаторов, ректоров школ, профессоров школ, начальствующих лиц и т. д., учреждение школ и церквей для народа, преобразование женских монастырей в учебно-воспитательные заведения для девиц и в приюты для престарелых женщин, для лишившихся крова и имущества от войны; замещение всех замковых и городских должностей местными уроженцами, знающими немецкий язык, разделение страны на четыре округа и учреждение для каждого округа уголовно-гражданского трибунала из трех земских судей и одного секретаря, старинное муниципальное устройство, апелляционный суд в пределах земли из четырех местных сенаторов под председательством администратора, официальное делопроизводство на немецком и частью латинском языках, монету, одинаковую по ценности и весу с литовскою (для облегчения торговых сношений с Великим княжеством), назначение на должность администратора лица, знающего немецкий язык, и право ходатайства о его смещении, буде он окажется неудобным, сохранение положения, гарантированного настоящим договором, в случае унии Великого княжества с Польшею. Все эти условия, сообщенные канцлером Великого княжества станам сейма, заслужили свое одобрение, и король на другой же день (26 декабря 1566 г.) по настоянию панов-рады со своей стороны утвердил договор и пожаловал земле Лифляндской по примеру других областей Великого княжества особый герб для изображения на земской хоругви, урядовых печатях и монетах.

Так состоялось присоединение Ливонии к Великому княжеству Литовскому не только de facto, но и de jure. Литовско-Русскому государству, однако, не удалось удержать и закрепить за собою исключительно эту область. Польша, почти не принимавшая участие в борьбе за Ливонию, в то время когда Великое княжество Литовское изнуряло и обессиливало себя этою борьбою, предъявила притязание на эту область и на само Великое княжество Литовское, когда оно почти уже не в силах было одиноко жить и бороться. Одновременно с унией Великого княжества Литовского с Короною Польскою осуществилась и новая уния Ливонии с соединенною Речью Посполитою.

Но продолжительная и напряженная борьба за Ливонию не прошла безрезультатно для Литовско-Русского государства. Во-первых, в связи с этою борьбою обострились и ускорились некоторые внутренние процессы, ассимилировавшие это государство с Польшею. Во-вторых, борьба, надорвав силы Литовско-Русского государства, толкнула его в объятия Польши, от которых доселе оно успешно уклонялось в течение полутораста лет. Посмотрим сначала, как отозвалась борьба на внутренних отношениях Литовско-Русского государства.

Литература

Любавский М. К. Литовско-русский сейм. М., 1900; *Karwowski St.* Wcielenie Inflant do Litwy i Polski 1558–1561 roku. Poznań, 1873.

XLII. ФИНАНСОВОЕ И ВОЕННОЕ НАПРЯЖЕНИЕ ЛИТОВСКО-РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ВО ВРЕМЯ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

Частые сеймы во время Ливонской войны для ассигнования субсидий и издания военных «устав». Постановление Виленского сейма 1559 г. о сборе серебщины в 1560 и 1561 гг. «Заставы» господарских имений в 1560 и 1561 гг.; принудительный заем у мещан. Обложение новою серебщиною господарских мещан и крестьян на сейме 1561 г., «поконевскими пенязями» военнослужилых землевладельцев; установление «побора» с товаров, вывозимых за границу и ввозимых из-за границы, с помола и материалов для спиртных напитков. Усложнение и возвышение должности подскарбия земского. Дефицит 1562 г. Виленский сейм 1563 г. и его постановления об усиленном отбывании военной повинности и о сборе серебщины в течение трех лет. Тугое поступление этой серебщины и дефициты 1563 и 1564 гг. Съезд в Трабах и его постановления о найме служебных. Ухвала поголовщины на Виленском сейме 1565–1566 гг. Постановление Берестейского сейма о взыскании двойной серебщины за невзнос ее в срок и об увеличении поборов с товаров. Новые заставы господарских имений в 1563 г. Наложение новой серебщины на господарских подданных в том же году. Постановление Городенского сейма 1566–1567 гг. об увеличении численности земского ополчения и наемных войск и о сборе серебщины в 1567 и 1568 гг. Уклонение землевладельцев от платежа этой серебщины; новые заставы господарских имений и принудительный заем у мещан и евреев. Неисправное несение воинской службы землевладельцами Великого княжества в 1567 г. Постановление военно-полевого сейма об ускорении сбора второй серебщины, определенной на Городенском сейме. Новые заставы господарских имений. «Ухвала» увеличенной серебщины на Городенском сейме 1568 г. Усложнение и возвышение должности гетмана наивысшего.

Борьба за Ливонию потребовала от Литовско-Русского государства крайнего напряжения финансовых и военных сил и заставила правительство почти каждый год обращаться к «станам» государства за материальною и моральною поддержкою и созывать их на сеймы. Сеймы собирались в 1559, 1561, 1563, 1564, 1565, 1566, 1567 и 1568 гг., в 1566 г. собиралось даже три сейма: в Вильно – в начале года, в Берестье – в середине и в Городне – в конце года. Сверх того, устраивались иногда экстренные съезды для обсуждения и решения некоторых неотложных вопросов, например в Трабах в 1565 г.; происходили затем совещания и принимались известные решения в собрании шляхты на ратном поле, например в Лебедеве, Борисове. Главным предметом этих совещаний и решений были меры для покрытия военных издержек и для увеличения войска.

Уже сейм 1559 г., на котором заключен был договор о защите Ливонии, должен был прибегнуть к экстренному обложению ввиду пустоты земского скарба. Дело в том, что серебщина, определенная на сейме 1554 г., собрана была всего за один только 1555 г., за следующие два года не собиралась вовсе по случаю постигшего в то время Великое княжество неурожая. В течение

последних трех лет все государственные расходы Великого княжества покрывались поступлениями господарского скарба. А расходы эти были немалые, ибо за все время на украинных замках стояли наемные войска на случай нападения татар и москвитян; кроме того, в 1557 г. снаряжался поход против ливонского магистра Фюрстенберга, который засадил в заключение рижского архиепископа, двоюродного брата короля Сигизмунда Августа. Для пополнения скарба господарь еще в конце 1558 г. издал распоряжение о сборе двух недобранных серебщин: первой – к Сретенью 1559 г., а второй – к Сретенью 1560 г., но в половинном размере. Теперь, когда над Великим княжеством нависла опасность тяжелой войны, стало очевидно, что нельзя обойтись без нового обложения на наем «служебных». Поэтому станы сейма определили дать со своих имений «податок» на увеличение наемных войск, а именно: к пяти грошам с сохи, которые они должны были выплатить к Сретенью 1560 г., прибавить еще по пяти грошей и такой же податок дать и в следующем, 1561 г. Господарь со своей стороны постановил собрать такой же плат со своих крестьян, а мещан, как всегда, обложить известными суммами на каждое место.

Все эти средства вместе с обычными поступлениями в скарб быстро израсходованы были на содержание наемных войск, расставленных в ливонских замках, и литовское правительство должно было прибегнуть к экстренным займам в счет будущих поступлений. В течение 1560 и 1561 гг. множество держав отдано было «в заставу» князьям и панам. Не довольствуясь этим, Сигизмунд Август прибег к принудительному займу у «мест». Мещанам предписано было внести определенную сумму со всего места в скарб к 29 июня 1561 г. или, если найдут это для себя неудобным, 10 % со своих маетностей под страхом конфискации имущества за неповиновение этому распоряжению, вызванному крайнею нуждою. Внесенные суммы король обещал вернуть после осеннего сбора доходов с господарских волостей. Недостаток денег в скарбе помимо больших расходов, сделанных в 1560 и 1561 гг., происходил и от крайне неудовлетворительного поступления доходов за предшествующие годы. В скарб не поступили еще сполна доходы с господарских волостей за 1556–1561 гг., серебщина с господарских мест за 1559 и 1560 гг., серебщина с владельческих крестьян за 1554–1556, 1560–1561 гг. Впереди предстояли еще новые и большие расходы вследствие тех обязательств, которые принял на себя литовско-русский господарь по защите Ливонии. В силу договора 1561 г. о подчинении Ливонии Сигизмунду Августу последний брал все издержки по обороне ее на себя, т. е. на средства земского скарба Великого княжества, ибо Польша, как уже было сказано, воздерживалась пока от подания помощи Ливонии. Для пополнения скарба господарь на сейме в конце 1561 г. обложил новою серебщиною своих людей и мещан: по 20 грошей с волоки или, где не было волочного измерения, с полной (парной) воловьей или конской сохи, по 10 грошей с полволоки или полсохи, по 10 грошей с тех, у кого не было волов и лошадей, но была полная земля, по 7 грошей с тех, у кого были морги (неполный надел), по 5 грошей с огородников. Военнослужилых землевладельцев господарь и па-

ны-рада постановили привлекать к уплате «поконевских пенязей», по 2 копы с коня с тех, кто не поедет на войну (предполагалось предоставить в этом отношении свободу ввиду того, что опустошенная Ливония не могла прокормить значительного войска). Затем господарь и паны-рада постановили собирать «побор» по известной таксе со всех товаров, которые вывозились из Великого княжества за границу (с воска, сала, кож и мехов, пеньки, льна, пряжи, хмеля, пшеницы, овса, ячменя, гороха, круп, пшена, гречихи, рогатого скота, домашней птицы, говядины, свинины, меда, простого сукна и полотна и разнообразных лесных товаров), а равно также и со всех товаров, которые ввозились в Великое княжество (с иностранных вин, пива и горелки, соли, рыбы, селедок, пряностей, сахара, олифы, красок, дорогих мехов, шелковых и златотканых материй, дорогих сукон и т. д.). Побор с товаров, вывозимых за границу, должен был собираться в пограничных мытных коморах, а с товаров, ввозимых в Великое княжество, – либо на этих коморах, либо в местах их склада. Это дело возлагалось на особых бирчих, которых должны были выбрать из своей среды мещане, причем никто не имел права отказываться от этой обязанности. Побор предлагалось взять не только с тех товаров, которые должны были впредь ввозиться в Великое княжество, но и с тех, которые уже были ввезены. Этот побор должен был собираться до тех пор, пока не кончится война; при этом как сами купцы за утайку товаров, так и бирчие за пособничество подлежали конфискации всех маетностей. Наконец, на том же сейме господарь и паны-рада постановили взимать побор по определенной таксе с помола со всех тех, кто будет молоть пшеницу, рожь, солод и крупу на мельницах или домашних жерновах для продажи, а равно с материалов производства пива, меда и горелки, приготовляемых «на шинк». Этот побор в господарских местах должны были собирать войты и другие местские урядники с двумя достойными веры мужами и отдавать в руки господарскому дворянину каждые четыре недели. В имениях князей, панов и бояр-шляхты побор с помола должен был собираться их урядниками и идти в пользу владельцев, с тем чтобы они лучше снаряжались на войну. Владельцам запрещалось освобождать своих людей от этого побора, дабы этою льготою не привлекать к себе в имения торговых людей из господарских мест и сел. Все грамоты, в силу коих отдельные лица или целые общества освобождались от платежа пошлин с товаров, кассировались на все время войны.

Для большей успешности сборов руководство, контроль и все делопроизводство по ним сосредоточены были в руках подскарбия земского. Все поборцы ставились под его присуд и «послушенство»; он имел судить их по жалобам на злоупотребления и давать им «науку и приказания». Господарь обязывался не отдавать поборов в аренду или в чье-нибудь заведование помимо представления подскарбия земского. Последнему предоставлялось также вознаграждать поборцев за их труд и старание по своему усмотрению, смещать неисправных и нерадивых и поставлять других на их место, представлять господарю об увольнении от платежа поборов по бедности или по случаю разо-

рения от служебных людей. Собранные деньги подскарбию предоставлялось расходовать по приказанию господаря, а в его отсутствие – по решению панов-рады на служебных и оборону земли Лифляндской, а также на снабжение украинных замков и на другие нужды господарские и земские. Так, еще более усиливалось значение подскарбия земского как министра финансов, наметившееся уже в связи с введением волочной «уставы».

Благодаря усиленному взысканию недоимок за предшествующие годы, а также займам у мещан и евреев под залог драгоценностей, взятых из дворного скарба, у панов под залог господарских имений, к началу 1562 г. в скарбе была наличность почти в 51 тыс. коп грошей. Но следующий год войны, сопровождавшийся содержанием большого наемного войска как в Ливонии, так и в Литве, и другими экстренными расходами, поглотил и этот остаток, и новые поступления и в конце концов свелся с дефицитом почти в 17 тыс. коп грошей. По неимению денег правительство задерживало «заслужоное» у жолнеров, стоявших по ливонским замкам. Между тем войне не только не предвиделось конца, но она как будто бы только еще вступала в свою серьезную фазу. Москвитяне, не довольствуясь Ливонией, вступили в пределы Великого княжества Литовского и 15 февраля 1563 г. взяли Полоцк. При таких обстоятельствах литовскому правительству не оставалось ничего делать, как обратиться к великому вальному сейму, который и созван был 12 мая 1563 г.

Станы сейма осознали, что значительная доля вины в утрате Полоцка падает на военнослужилых землевладельцев, которые не явились своевременно на войну или не привели сполна своих «почтов». Поэтому на сейме принят был целый ряд постановлений об отбывании военной службы и определены были строгие кары (конфискация имений) за невыполнение или неисправное выполнение военной повинности. Сверх того, паны-рада, урядники земские и дворные, княжата, панята, хоружие и шляхта, собравшиеся на сейм, видя «кгвалтовную потребу речи посполитое», определили, чтобы все военнослужилые землевладельцы, имеющие свыше двадцати служб крестьян, выставили между двумя конными ратниками третьего пешего – с ручницею, рогатиною или секирою. Станы определили также, чтобы все взрослые сыновья шляхтичей и братья неотделенные не оставались дома, а ехали на войну в качестве жолнеров или слуг в панских почтах; кто не поедет, тот подвергается тюремному заключению в подземелье на двенадцать недель. Для пополнения скарба станы изъявили готовность давать в течение трех лет серебщину со своих людей в размере 30 грошей с каждой сохи, 15 грошей от земли с тех, кто не имеет сохи, и 5 грошей с огородников, но с тем чтобы эта серебщина не шла в уплату долгов жолнерам, стоящим в Ливонии, и вообще употреблялась только на очищение от неприятелей и защиту собственных владений Великого княжества, а в те годы, когда войны не будет, не собиралась и вовсе. Господарь изъявил свое удовольствие по поводу «ухвалы» серебщины и со своей стороны постановил собирать на нужды войны такой же «плат» и с господарских крестьян. Но ходатайство станов о том, чтобы серебщина шла исключи-

тельно на оборону Великого княжества, а не Ливонии, отклонил – вследствие невозможности разграничить обе эти государственные потребности.

Частичные победы, одержанные литовцами в 1564 г., не приблизили их к миру, и военно-финансовое напряжение государства не ослабевало. 1563 г., по отчету подскарбия земского, был заключен с дефицитом в 477 коп грошей. Но в 1564 г. дефицит дошел уже до 16 $^{1}/_{2}$ тыс. коп грошей. Между прочим, надежда на серебщину, определенную на сейме 1563 г., не оправдалась: землевладельцы крайне неисправно вносили ее, ссылаясь на разорение своих имений от жолнеров. Такое же положение продолжалось и в 1565 г., так что господарь и паны-рада вынуждены были «заставить» еще целый ряд господарских имений, чтобы набрать денег. В сентябре 1565 г. пришло известие, что москвитяне собираются врасплох напасть на Витебск и Сураж и овладеть этими замками. Надо было защищать постоянными войсками и эту украйну. Поэтому в октябре 1565 г. господарь наскоро устроил в Трабах съезд панов-рады, урядников земских и дворных, княжат, панят и шляхты-рыцарства для решения этого вопроса. Съехавшиеся на этот съезд пришли к заключению, что им с «почтами» своими нельзя непрерывно находиться под оружием и что для обороны государства нет другого средства, как только к 4000 служебных, уже нанятых, принанять еще 4000. Но так как денег в скарбе не было, то чины Трабского съезда упросили некоторых богатых панов сформировать на свой счет отряды наемных служебных и дали им известную гарантию в том, что все их расходы будут возмещены. Для этого они исходатайствовали у господаря созыв обычного великого вального сейма, который и собрался 18 ноября 1565 г. в Вильно.

Сейм определил собрать со всех, кроме людей шляхетского и духовного звания и несущих военную службу, а также грудных младенцев, поголовщину. Размер поголовщины определен был разный, смотря по званию и состоянию, от 15 грошей (с жидов) и до 5 пенязей (с челяди невольной, имеющей свои дома и присевки). С владельческих подданных поголовщину должны были собирать владельцы или их урядники шляхетского звания и отдавать поветовым «бирчим», а поветовые бирчие должны были сдавать главным земским бирчим, избранным на сейме. Земским бирчим было предоставлено расходовать собранные ими суммы на расплату с панами, сформировавшими наемные отряды по просьбе Трабского съезда. Сбор поголовщины в господарских волостях и непривилегированных местах возложен был на старост, державцев и тиунов, а в привилегированных местах – на выбранных мещанами лиц, причем те и другие должны были собранную поголовщину представить уже непосредственно в скарб. Обязавшись внести поголовный податок со своих подданных, станы упросили господаря уже не взыскивать с них третью серебщину, которую они должны были внести за 1564 г. по постановлению прошлого Виленского сейма, а вторую серебщину, которую они должны были уплатить в 1564 г., взыскивать с них «водлуг преможенья», ввиду разорения их имений от жолнеров. На тот случай, если бы собранной поголовщины не хватило на расплату с жолнерами, станы обещались на своих поветовых сей-

миках увеличить размер поголовщины и к двум грошам прибавить третий. Это обещание было выполнено перед собранием Берестейского сейма в апреле 1566 г.

На этом сейме также состоялся ряд постановлений для изыскания средств на расплату с наемными «служебными». Сейм постановил, чтобы все, не отдавшие серебщины за 1563 и 1564 гг., и установленную на прошлом сейме поголовщину, а равно и поконевские пенязи, внесли все это бирчим поветовым не позже 8 сентября; с тех, кто не заплатит к этому сроку, должны были взыскивать уже господарские посланцы вдвойне и отдавать бирчим земским. С жидов, которые также не отдали сполна прежних налогов, паны-рада и все станы определили собрать 6000 коп грошей также к 8 сентября, в известных суммах с каждого «збора». Сверх того, сейм определил увеличить на два года обложение предметов вывоза и ввоза, установленное на сейме 1561 г., и кассировать все льготы и изъятия по этой части, за исключением дарованного в 1559 г. шляхте привилея отправлять за границу беспошлинно продукты своих имений, изготовленные на собственный счет.

Поголовщина, определенная на Виленском сейме 1565–1566 гг. взамен серебщины, которая должна была собираться в этом году, пошла в значительной части на погашение расходов этого 1565 г. К тому же поступала она крайне неаккуратно, несмотря на постановление Берестейского сейма об обязательном взносе ее и прежних недоплат к 8 сентября 1566 г. Вследствие всего этого и расплата со служебными производилась в высшей степени неаккуратно, и они постоянно грозили правительству уходом со службы. Чтобы достать денег, господарь должен был прибегать опять-таки к займам у панов под залог своих имений. В начале же сентября, когда финансовая нужда особенно сильно обострилась и когда служебные, не получая жалованья, стали уже действительно разъезжаться по домам, король для расплаты с ними и удержания их на службе наложил серебщину на всех подданных своих имений по 15 грошей с волоки или сохи воловьей, а у кого волов нет, но есть земля, по 4 гроша от ворот (на Руси по 8 грошей с дыма), с огородников – по 2 гроша, с беззмельных – по 2 гроша от ворот. Серебщина должна была быть представлена не позднее половины октября; кто не отдаст в срок, с того урядники должны были взыскивать с децкованьем. Недостаток средств для войны и приготовления неприятеля, не приславшего к сроку послов для заключения мира и начавшего строить замки на литовской территории, заставили Сигизмунда Августа созвать к декабрю 1566 г. в Городне новый сейм «для обмышленья обороны и валки потужное».

На этом сейме станы постановили прежде всего просить господаря перенести театр военных действий из Великого княжества в землю неприятельскую и для этого принять личное участие в походе. На этот случай, рассматриваемый как conditio sine qua non, они приговорили увеличить численность «почтов» с земских имений. Постановлено было, чтобы с каждых десяти служб литовских или десяти волок, а с имений на Руси, Полесье, в Киевской земле и поднепрских волостях с каждых двадцати дымов, ставился на войну

пахолок добрый, шляхтич, в цветном платье и надлежащем вооружении, на коне стоимостью не ниже 10 коп грошей, а при нем парный воз, управляемый возницею, с живностью, железною лопатою, мотыкою, секирою и рогатиною. Относительно убогих шляхтичей, не имеющих крестьян, как литовских, так и подляшских, было постановлено, чтобы на этот раз они все ехали на войну, кто как может, не наблюдая очереди. Затем станы приговорили единогласно, чтобы все землевладельцы, за исключением убогих шляхтичей, выставили порознь или в складчину при двух конных ратниках одного пешего драба с ручницею, мечом или кордом, или с секирою и рогатиною. Все землевладельцы должны были лично выступать в поход; сейм сократил до минимума число лиц, которые по своим служебным обязанностям имели право не ехать на войну. За уклонение от военной службы сейм на два года постановил наказывать не только конфискацией имений, но и лишением шляхетства. Станы приговорили также, чтобы владельческие мещане выправили на войну с десяти домов пешего воина с ручницею и мечом и сверх того – для трех человек воз одноконный под управлением возницы, с живностью, железною лопатою, мотыкою, секирою и рогатиною. По примеру прежних лет станы добивались, чтобы князья-бискупы, митрополит, владыки, каноники, плебаны и все вообще духовные чины с церковных имений несли ту же самую службу, как и со светских. Но король обещал только созвать синод и передать на его рассмотрение просьбу станов сейма; сверх того, он нашел возможным обязать всех светских лиц, получивших свои имения от церкви, нести с них военную службу и платить «податки» наравне со всеми другими светскими землевладельцами.

Для более успешного ведения войны и для лучшей охраны особы господаря станы приговорили нанять 6000 конных жолнеров и 4000 пеших, а для уплаты им жалованья давать со своих имений новый податок в течение 1567 и 1568 гг. в размере 30 грошей с каждой оседлой волоки, трех грошей с огорода, 15 грошей с дыма (в волостях поднепрских, русских и киевских). С невнесших серебщину в срок постановлено было собирать ее принудительно и вдвойне, а у тех, кто будет противиться этому взысканию, отбирать имения. Со своей стороны и господарь постановил дать на военные нужды серебщину и со своих людей, но в меньшем размере, ввиду того, что с них недавно взималась серебщина, а именно: с волоки – 20 грошей, с дыма (на Руси, Полесье, в землях Киевской и Волынской, в поднепрских волостях) – по 10 грошей, с мещан, не имеющих волок, а только огороды и дома – по 5 грошей, с имеющих одни только дома – по 2 гроша от ворот, с огородников – 3 гроша и т. д. На следующий, 1568 г. господарь налагал на своих подданных уже ту же серебщину, какая положена была на владельческих людей. Станы определили немедленно взыскать вдвойне через «увязчих» недоимки поголовщины и серебщин, согласно с постановлением Берестейского сейма.

В расчете на сбор «податка», определенного на Городенском сейме 1566–1567 гг., произведен был усиленный набор служебных. Но в этом расчете правительство сильно обманулось. Когда прошел срок взноса земского «податка»,

«головные бирчие» донесли королю, что податковых пенязей, «праве згола ни одного гроша» к ним не прислано поветовыми бирчими. Для расплаты со служебными правительству пришлось делать новые займы под залог господарских имений. В начале сентября правительство для расплаты со служебными решилось прибегнуть опять к принудительному займу у мещан. Им предписано было сложиться на известную сумму и отдать ее в скарб через посланных к ним дворян. Взятую сумму господарь обещал им вернуть из скарба либо зачесть в счет будущих платежей мест. Всего таким образом предполагалось собрать 10 870 коп. Непривилегированные места были также обложены известными суммами, но не в виде принудительного займа, а в виде уплаты за те стации (кормы), которые они должны были поставить господарю по случаю его выступления в поход. С непривилегированных мест в общей сложности предположено было собрать около 2000 коп грошей. Принудительный заем наложен был и на «зборы» жидовские в общей сумме 4170 коп грошей. Но так как и эти деньги не могли быть доставлены немедленно, а нужда не терпела ни малейшей отсрочки, то король в сентябре 1567 г. прибег к новым займам под залог господарских имений.

Не менее неисправными оказались военнослужилые землевладельцы и в отправлении военной службы за 1567 г. Они должны были собраться со своими «почтами» в Молодечно 17 мая. Прошли два месяца с лишком после этого, а гетман доносил, что из некоторых поветов немногие только приехали, а из других до сих пор не явился никто. Между тем начавшиеся было мирные переговоры с Москвою прервались и ясно было, что дело клонится к усиленной войне. Поэтому в начале августа король разослал листы военнослужилым землевладельцам, чтобы они немедленно выезжали со своими «почтами» к Молодечно, «днем и ночью, яко на кгвалт, поспешаючися». Король объявлял, что и сам он, «вже ничого не мешкаючи», выступает из Городни прямо к Молодечно. Несмотря на это, военнослужилые землевладельцы не очень торопились выезжать на войну; при повальном запаздывании каждый боялся явиться раньше других и потерять даром время и деньги. Кроме того, уже много раз тревога оказывалась напрасною, и потому приглашения ехать как «на кгвалт» уже не действовали. Многие и совсем не приехали. Сам король только пообещал немедленно ехать на войну из Городна. В действительности во второй половине августа король уехал в свой любимый Кнышин на отдых и пробыл там конец августа и весь сентябрь. Только в начале октября король отправился в главный сборный пункт войска – Лебедево. Около месяца, с 20 октября до 21 ноября, простоял он с войском в Лебедеве, а затем передвинулся далее на юго-восток, в Радошковичи, где пробыл до половины декабря, после чего, передвинув войско к Борисову, сам остановился в Койданово. Здесь он пробыл до 18 января включительно, а затем отбыл в Кнышин. План наступательной войны не осуществился. Его парализовала большая московская рать, готовившаяся вторгнуться в Великое княжество с севера, из Великих Лук и Торопца. Литовскому войску поневоле пришлось остановиться на своей территории

и не двигаться далее, в неприятельскую землю, чтобы не оставить без защиты собственное государство и не быть обойденным с тыла. Но земское ополчение Великого княжества не могло выдержать продолжительной стоянки без дела на одном месте. Поэтому, едва король уехал из Койданово, как шляхта-рыцарство стала самовольно разъезжаться по домам. Донося об этом господарю, паны-рада со своей стороны прибавляли, что они не останутся в Борисове, если другие станы разъедутся по домам. Вслед за тем король получил лист от шляхты-рыцарства, остававшейся еще в Борисове, с жалобою на то, что оно терпит и холод, и голод, и с просьбою распустить по домам. В конце января король приказал распустить шляхту-рыцарство, а против людей неприятельских предложил отправить пока Яна Еронимовича Ходкевича с почтами панов-рады, в сопровождении некоторых панов радных «для рады» и «большого построху неприятельского». Так разбилась попытка «потужной» наступательной «валки» с Москвою.

Между тем финансовая нужда продолжала угнетать литовско-русское правительство. В бытность в Лебедеве на расплату со служебными господарю пришлось опять перехватывать деньги у панов под залог господарских имений. Король не брезговал при этом даже такими суммами, как 40 коп грошей; в залог пошли уже не державы и волости, а отдельные села. Чтобы достать денег, король обратился к станам, собравшимся в военном лагере, с просьбою изыскать средства на расплату со служебными за последнюю четверть года. Паны-рада, княжата, панята и шляхта-рыцарство определили ускорить сбор второй серебщины, определенной на последнем сейме, назначив сроком ее взноса Рождество Христово 1567 г. вместо начала марта 1568 г. Такое постановление, странное на первый взгляд, ввиду того, что и первая-то серебщина выбиралась с большим трудом, можно объяснить только крайностью нужды, тем, что другого выхода и не было. Очевидно, сеймовая практика в частых «ухвалах» податков стала руководиться уже не платежеспособностью всех военнослужилых землевладельцев, а простым желанием взять деньги на государственные нужды с тех, у кого они еще есть и кто их платит.

Серебщиною, которая должна была поступить к Рождеству 1567 г., правительство предполагало расплатиться со служебными за их прошлую службу. Но чем платить в будущем? Опять пошли в ход заставы господарских имений, которые все больше и больше сокращали поступление обычных доходов в скарб. Перебиваться так до бесконечности было нельзя, и король обратился к станам, стоявшим в Борисове, с предложением обсудить вопрос о содержании служебных. Но станы не захотели совещаться об этом в военном лагере и просили короля созвать для этого обычный великий вальный сейм.

Сейм этот собрался в Городне в начале 1568 г. Станы определили дать с каждой крестьянской оседлой волоки или службы, считая в литовской службе три обыкновенных дыма, по 48 грошей, с лишних дымов – по 16 грошей, с больших дымов, двух или одного, которые находятся на полной службе, – по 48 грошей, с дымов поднепрских, киевских и волынских – по 24 гроша,

с огородников – по 4 гроша; с мещан владельческих, сидящих на волоках, – по 48 грошей; с мещан, владеющих землею не более как на 10 бочек или только огородами – по 4 гроша; с мещан, владеющих только домами, – по 2 гроша от ворот. Бедные шляхтичи, не имевшие крестьянских служб, а только огородников или совсем не имевшие подданных и выставлявшие на войну коня по очереди или в складчину от нескольких семей, обложены были копою грошей с каждого коня; шляхтичи подляшские подобной категории – по 30 грошей с каждой волоки, находящейся в их владении и пользовании. Равным со шляхтою податком обложены были и духовные греческого и римского закона со светских имений. Общее постановление по просьбе станов распространено было и на Лифляндскую землю, которая уже присоединена была к Великому княжеству, считалась его «члонком» и имела своих представителей на сейме, сенаторов и послов. Военнослужилые татары обложены были также на равных основаниях со шляхтою. Податок должны были собирать избранные на сейме поборцы поветовые, которые должны были взыскивать судебным порядком серебщину вдвойне с тех, кто не внесет ее в срок. Господарь со своей стороны наложил такой же податок и на своих подданных, мещан и волостных людей; на жидов положил поголовщину в размере 12 грошей с каждой головы. Серебщину с господарских людей должны были собирать старосты, державцы или их урядники и представить в срок в скарб, под страхом взыскания недоимок с их собственных имений.

Податок определен был сеймом взамен «посполитого рушенья». Господарь обязался не вызывать шляхту на войну в текущем году, если не произойдет неприятельского вторжения в Великое княжество. Затем станы поставили условием, чтобы определенная ими серебщина шла на уплату жалованья только тем жолнерам, которые будут навербованы после сейма для обороны государства. Расходование новой серебщины было предоставлено гетману наивысшему, на которого возложена была обязанность вербовать жолнеров и иметь их под своей «справою и послушенством». Бирчим поветовым строжайше, под страхом начета, было запрещено расходовать собранные ими суммы на какие-либо иные назначения или по каким-либо иным ассигновкам, кроме «квитов» гетмана.

Эти постановления обнаруживают, что в эпоху Ливонской войны усложнились обязанности и гетмана наивысшего: он уже не только был фельдмаршалом, но стал превращаться в военного министра, обязанного заботиться между прочим и о комплектовании армии. Эта эволюция гетманской должности констатируется и другими современными свидетельствами. Так, еще в 1566 г. на гетмана был возложен главный надзор над состоянием украинных замков, для обозрения которых он должен был отряжать доверенных лиц. В заботах о пополнении войска гетман стал раздавать даже земли до воли и ласки господарской в тех местностях, где в данное время пользовался наивысшею властью по военному положению. Такая эволюция гетманской фельдмаршальской должности была естественным последствием усложнения дела

военного управления в связи с затянувшеюся войною. Война, сделавшаяся хроническим явлением, потребовала постоянного войска и интенсивной оборонительной деятельности, а эти обстоятельства, в свою очередь, вызвали и соответствующее развитие военной администрации.

«Ухвала» серебщины на Городенском сейме 1568 г. была уже последним финансовым усилием самостоятельного Литовско-Русского государства. Истомленные и изнуренные продолжительною войною станы уже не захотели дальше упорствовать в литовской государственной самостоятельности, стоившей им таких больших жертв, и склонились на унию с Польшею для того, чтобы уже сообща с нею вести дальнейшую борьбу за существование.

Литература

Любавский М. К. Литовско-русский сейм. М., 1900; *Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. Т. 1.

XLIII. РАСШИРЕНИЕ СОСЛОВНЫХ ПРИВИЛЕГИЙ ЛИТОВСКО-РУССКОЙ ШЛЯХТЫ И УЧРЕЖДЕНИЕ ЗЕМСКИХ, ГРОДСКИХ И ПОДКОМОРСКИХ СУДОВ ПО ПОЛЬСКОМУ ОБРАЗЦУ

Шляхетская программа реформ. Освобождение шляхетских товаров от платежа мыта на внешних и внутренних таможнях. Утверждение за шляхтою исключительного права на получение урядов и достоинств. Уравнение в правах шляхты всех христианских исповеданий. Бельский привилей 1564 г.; отказ магнатов от наместничьих прерогатив и привилегированной подсудности и утверждение нового Статута. Виленский привилей 1565 г. и введение в действие нового Статута. Новые судебные округа. Состав, компетенция и деятельность новых земских судов; суды подкоморские. Уменьшение судебных пошлин и расходов. Гродские суды, их организация и компетенция.

Напряженная и изнурительная борьба, в которую вступило Литовско-Русское государство с конца 50-х гг. XVI в., не только не отодвинула на задний план стоявшие на очереди внутренние реформы, но, наоборот, ускорила их осуществление. Реформ жаждало консолидировавшееся к тому времени шляхетское сословие, стремившееся, с одной стороны, к умножению своих прав и вольностей, а с другой стороны – к установлению юридического равенства в собственной среде и к уничтожению особенных преимуществ, которыми пользовались ее старшие братья – крупные землевладельцы, князья и паны. В этом направлении шляхта выработала целую программу преобразований, с которою и обращалась к господарю на сеймах. Как было уже сказано, шляхта добивалась освобождения не только от прямых, но и от косвенных налогов,

уменьшения судебных и канцелярских пошлин и расходов, учреждения выборного суда, которому были бы подсудны все землевладельцы шляхетского звания, без всяких исключений; требовала привлечения духовенства и мещан к большему участию в несении государственных повинностей, предоставления урядов и достоинств (почетных званий) только лицам шляхетского сословия и сохранения этих урядов в их прежнем значении и «пожитках», и, наконец, обязательного участия в законодательстве великого вального сейма как органа шляхетского сословия во всей его совокупности. Исполнение всех этих желаний должен был дать новый Статут, куда шляхта просила вписать и старые привилеи, и новые права и вольности. Но осуществление шляхетской программы требовало больших жертв как от господаря, так и от правящей аристократии, и естественно, что исполнение требований шляхты отсрочивалось под разными предлогами и отговорками до последней возможности. Начавшаяся Ливонская война, сопровождавшаяся постоянными обращениями господаря и панов-рады к шляхте за материальною и моральною поддержкою, заставила их быть сговорчивее и уступчивее, и шляхта в это время получила удовлетворение по всем своим главным просьбам.

Уже на сейме 1559 г., когда решался вопрос о принятии Ливонии под защиту Великого княжества, получила удовлетворение одна из этих просьб. Господарь освободил от платежа мыта на пограничных таможнях как лесные товары, так и хлеб и скот, которые будут отпускаться из шляхетских имений за границу, с тем условием, чтобы служебники, сопровождающие товары, показывали под присягою на мытных коморах, что отправляемые товары – шляхетские и приготовлены к продаже на средства самого владельца. Эта уступка была крупным подарком шляхетскому сословию не только за счет земского скарба, но и за счет торгово-промышленного сословия – мещанства, посредническая роль которого в отпускной торговле вследствие этого постановления должна была сильно сократиться. На следующем сейме 1563 г. по просьбе станов господарь подтвердил эту новую привилегию шляхты и расширил ее и на «гребельное», взимавшееся частными владельцами при пропуске судов через мельничные плотины и загородки. Второй Статут (раздел I, арт. 26) подтвердил эти права шляхты и расширил их в том смысле, что освободил собственные продукты шляхты от мыта и на внутренних путях, а подводы с домашними вещами и живностью для собственного потребления шляхты – и от платежа «мостового».

Еще до Ливонской войны (на сейме 1551 г.) шляхта добивалась у Сигизмунда Августа, чтобы он не повышал над шляхтою простых хлопов и чтобы урядов не держали ни простые хлопы, ни сомнительные шляхтичи. В то время Сигизмунд Август уклонился от принципиальных заявлений на этот счет, а просил только указать ему из его практики примеры назначения на уряды таких лиц. Во втором Статуте дано было уже прямое и определенное заверение, разъяснявшее обещание старого Статута не повышать простых людей

над шляхтою в том смысле, что господарь не будет давать урядов и достоинств простым людям.

На сейме 1563 г. шляхта добилась формальной отмены тех ограничений, которые установлены были в земских привилеях для людей, не принадлежавших к римскому закону. Эти ограничения подтверждены были по просьбе «станов» не далее как двенадцать лет тому назад, на Виленском сейме 1551 г. По всем данным, тогдашняя просьба обязана была своим возникновением инициативе литовской аристократии, которая наиболее заинтересована была в том, чтобы не пускать на высшие должности в государстве русских православных людей. Но за двенадцать лет, протекших со времени сейма 1551 г., настроение шляхты и этого круга сильно изменилось. Литовская шляхта охвачена была оппозиционным духом в отношении к римской церкви; среди литовских панов распространился протестантизм. С другой стороны, произошло несомненное сближение между шляхтою разных земель и вероисповеданий, собиравшеюся на великих вальных сеймах, сознавшею общность своих интересов и сообща добивавшеюся себе разных прав и вольностей. При таких обстоятельствах и на сейме 1563 г. от лица всех станов подана была господарю просьба, как раз обратная той, с которою обращались станы на сейме 1551 г. Господарь исполнил желание станов и выдал привилей, в котором, оставляя в силе все статьи Городельского привилея относительно бояр-шляхты римского закона, предки которых побрали гербы у поляков, добавлял, что теми же правами и вольностями должны пользоваться и все другие «стану рыцарского и шляхетского», как русские, так и литовцы, без различия вероисповедания, лишь бы были христиане, даже если бы предки их не брали себе гербов у поляков; ограничения, содержащиеся в Городельском привилее, не будут иметь по отношению к ним силы, и господарь будет раздавать им всякие уряды и достоинства и допускать их до рады согласно с заслугами каждого данного лица. Логическим последствием уравнения в правах подданных Великого княжества римского и греческого закона должно было бы быть и введение православных епископов в господарскую раду. Но когда на Городенском сейме 1568 г., после подтверждения изложенного привилея 1563 г., митрополит Иона стал хлопотать, чтобы ему и другим православным архиереям были отведены места в господарской раде, Сигизмунд Август отложил ответ до другого раза, и православная иерархия ни от него, ни от его преемников не получила удовлетворения своей просьбы.

Особенно настойчиво добивалась шляхта учреждения выборного земского суда с юрисдикцией, простирающейся не только на шляхту, но и на князей и панов. Как выше было сказано, учреждение такого суда отложено было до исправления Статута. Это исправление долгое время затягивалось как по техническим трудностям дела, так и вследствие скрытого противодействия со стороны господаря и аристократии князей и панов. Господарю с учреждением земских судов по польскому образцу предстояло ограничение прерогатив вла-

сти и уменьшение доходов, князьям и панам предстояло поступиться прерогативами наместничьей власти, доходами от суда и своею привилегированною подсудностью. Но когда в разгар Ливонской войны литовско-русская шляхта решительно повернула в сторону Польши, ни господарь, ни магнаты не сочли возможным противиться ее желанию иметь новый Статут и свой выборный земский суд по польскому образцу: король – чтобы не лишиться союзника в деле установления унии с Польшею, магнаты – чтобы не толкать еще более рыцарство-шляхту в объятия Польши и не заставлять ее искать новых прав и вольностей в подданстве новому государству. Поэтому, когда на Бельском сейме 1564 г. стало известно, что новый Статут готов и что «судовый» раздел исправлен в нем согласно желаниям шляхты, паны-рада, старосты, державцы и другие урядники, отправлявшие дотоле суд, представ «обличне» перед господарем, «по своей доброй воле» заявили ему, что они «милуючи речь посполитую, а в ней братью свою молодшую, народ шляхетский и рыцарский», отступаются и отрекаются от своей судебной власти, которою пользовались на основании старого Статута и обычая, а также от всех «пожитков», которыми пользовались сами они, их урядники, слуги и децкие, – дабы установление новых земских судов не встречало никаких препятствий. Вслед за тем все станы сейма – паны-рада, маршалки и другие урядники, княжата и панята и вся шляхта, духовные и светские, великого и малого рода – заявили, что все они без исключения со своими потомками поддаются «в одно ровное право», под один и тот же суд и подчиняются юрисдикции новых земских урядников, имеющих быть избранными для отправления правосудия. Вместе с тем они просили, чтобы и господарь со своей стороны отменил все то, что стоит в противоречии с новым Статутом со стороны верховной господарской власти и стародавних господарских судов. Господарь исполнил это желание станов и 1 июля выдал привилей, коим утверждал новый Статут и обязывался за себя и своих преемников соблюдать этот Статут и не допускать никаких нарушений его другими лицами; если обнаружится надобность в чем-нибудь его дополнить и исправить, предоставлял сделать это общим советом и соизволением всех станов на будущем вальном сейме.

На Бельском сейме предполагалось назначить места для новых судов, определить их округа и избрать урядников; новый Статут должен был войти в действие с 11 ноября 1564 г. Но оказалось на деле, что сделать все это так скоро нет никакой возможности. Не говоря о трудности разграничения судовых поветов, оказалось, что новый Статут и не во всем еще удовлетворяет шляхту, требует дальнейшего исправления. Введение его в действие поэтому замедлилось, а работа по организации новых судов и исправлению Статута продолжалась на следующих сеймах. На Виленском сейме 1565–1566 гг. станы просили господаря разрешить им «поровнать» некоторые поветы великие и произвести выбор «электов», т. е. кандидатов для замещения новых должностей земского суда. Вместе с этим станы ходатайствовали об учреждении под-

комориев «для справ граничных и земленых» по польскому образцу, причем просили предоставить им право избирать для замещения этой должности кандидатов, как и на другие земские судовые уряды. Господарь изъявил согласие на удовлетворение ходатайств, причем, однако, оставил за собою право замещать должности подкомориев по усмотрению. Так как одновременно с этим господарь согласился и на установление поветовых сеймиков по польскому образцу, то станы сейма, считая свои главные желания удовлетворенными, просили уже «неотволочно» перед роспуском сейма ввести в действие новый Статут и вписать в него наиболее важные привилеи земские, в частности – привилей 1563 г., уравнивающий в правах подданных Великого княжества «разных послушенств веры христианские», привилей Бельский 1564 г. и привилей Виленский 1565 г. о поветовых сеймиках. Король исполнил эту просьбу и объявил, что новый Статут, за исключением некоторых статей, входит в силу с 26 января 1566 г.

Учреждение земских судов по польскому образцу повлекло за собою новое деление государственной территории Великого княжества. Собственно Литва с Литовскою Русью включительно поделены были на пятнадцать судовых поветов: Виленский, Ошмянский, Вилькомирский, Браславский, Трокский, Городенский, Ковенский, Лидский, Упитский, Новгородский, Слонимский, Волковысский, Мстиславский, Минский и Речицкий; Жмудь составила пока один судовый повет; Берестейско-Подляшская земля с частью Полесья – пять: Дорогицкий, Мельницкий, Бельский, Берестейский и Пинский; Волынь с Подольем – четыре: Владимирский, Кременецкий, Луцкий, Браславский; Киевщина – два: Киевский и Мозырский; Витебская земля – два: Витебский и Оршанский; Полоцкая земля – один: Полоцкий. В пределах каждого из этих поветов присуду земского суда подчинены были все местные землевладельцы – паны-рада духовные и светские, княжата, паны хоруговные, шляхта-бояре и земяне. Прежние мелкие хоругви, под которыми выходили на войну бояре-шляхта, теперь были соединены, так что все шляхтичи данного судового повета стали составлять теперь одну поветовую хоругвь.

Персонал нового *земского* суда составился из *земского судьи, подсудка* и *земского писаря*. Кандидатов на эти должности на будущее время Статут определял избирать на поветовых сеймиках, при участии всех землевладельцев данного повета, по четыре лица на каждую должность; окончательный выбор из представленных кандидатов и утверждение в должность предоставлены были уже самому господарю. В кандидаты могли избираться только светские лица шляхетского звания, имеющие самостоятельную оседлость в данном повете и притом не занимающие в нем никаких других урядов. Земский суд получил право судить землевладельцев своего округа по всем делам, за исключением тех, которые отнесены были к юрисдикции замкового суда, т. е. о насильственных наездах на шляхетские дома, о подобных же действиях в господарских местах, о поджогах, о разбоях на проезжих дорогах, об изнасиловании женщин, о воровстве, о подлоге, об убийстве шляхтича.

Другими словами: земский суд должен был стать гражданским трибуналом шляхетского сословия по преимуществу. Но и в качестве гражданского трибунала земский суд должен был разделить свою деятельность со специальным *подкоморским* судом, на долю которого отнесены были все судебно-межевые разбирательства на местах. Сессии земского суда должны были происходить в центральных замках или господарских дворах судовых поветов три раза в году и начинаться: первая – в понедельник после Троицы, вторая – 30 сентября, третья – после Крещения. Этот порядок мог нарушаться только по случаю созыва великого вального сейма, войны или морового поветрия. Члены суда должны были являться на сессию в полном составе под страхом потери своих урядов за неявку без уважительных причин; если бы кто-нибудь из них не мог участвовать по болезни или потому, что сам имел в этом же суде дело, должен был посадить вместо себя шляхтича, человека доброго, веры годного и в законах сведущего, из местных землевладельцев; а если господарь пошлет кого-нибудь из них в посольстве и на другие земские «справы», то должен назначить ему временного заместителя. Писарь в составлении протоколов судебного разбирательства и внесении их в земские книги мог заменяться *подписками*, но отвечать должен за все сам. Сессии должны были продолжаться две недели каждая, если дел много, а если мало – до окончания их. Судьи должны разбирать дела в порядке «позвов», по заранее составленному реестру, не делая никому особого снисхождения; судить должны с раннего утра и до вечерен. При этом писарь должен вносить немедленно каждое решенное дело в *земские книги*. Эти книги должны храниться в местах судебных сессий в особых зданиях, которые должна была выстроить шляхта, за ключами судьи, подсудка и писаря и открываться за три дня до начала сессии (для внесения позвов) и закрываться три дня спустя по окончании сессии (дабы дать возможность тягавшимся взять из них нужные выписи). Определено было взимать штраф в размере копы грошей в пользу судьи, полкопы – в пользу подсудка и трех рублей – в пользу противной стороны со всякого, кто не захочет судиться у земских судей в делах, подлежащих их юрисдикции, и станет отзываться до замкового, комиссарского и других судов, исключая те случаи, когда противная сторона добровольно поддастся под другой суд. От приговора земского суда предоставлено было апеллировать непосредственно на суд господаря и панов-рады, минуя все посредствующие инстанции, ибо еще на Бельском сейме 1564 г. воеводы отказались от юрисдикции по апелляциям, которую установил было для них новый Статут, и от судов на областных «вечах». Но и к господарю нельзя было апеллировать от решений земского суда, основанных на письменных обязательствах стороны, проигравшей дело, или на добровольном ее сознании; запрещалось также апеллировать, придираясь к маловажным нарушениям формальностей при отправлениии суда. Апелляция ни в коем случае не могла идти за пределы Великого княжества; нарушивший это постановление и вызвавший противную сторону на суд к господарю в Польшу, должен заплатить вызванному 12 рублей грошей.

Во всех этих определениях относительно земского суда ясно выразилось стремление законодателя облегчить и удешевить получение правосудия, чего неустанно добивалась шляхта на великих вальных сеймах с начала 40-х гг. XVI в. Это же намерение сказалось вполне определенно и в новой таксе судебного вознаграждения. «Пересуд» в пользу судей с 5 процентов иска понижен был до гроша с каждой копы, т. е. до 1 $^2/_3$ процента. Точно так же понижены были сильно и судебно-канцелярские пошлины. Второй Статут определил писарям земскому и гродскому такой доход: за запись судебного «позва» – грош, за выпись – грош, всего, таким образом, – два гроша; за заявление «кривды» (т. е. правонарушения с чьей-либо стороны) – грош; за судовые листы и выписи судебных решений – два гроша; за выписи на пергаменовых листах – 12 грошей, причем пергамен, воск и шнуры (для печати) обязан был дать берущий их. Понижены были значительно и пошлины, платившиеся прежде вижам, увязчим и децким. Заменившие их *возные*, которых для каждого судового повета должен был назначать из местных оседлых шляхтичей воевода, имели получать: за езд – по грошу за милю в один конец; за осмотр следов преступления на месте и удостоверение – по грошу; за ввод во владение по приговору суда – по грошу с каждой службы людей и по полгроша с каждой пустовщины, которую пашут; за взыскание денег – по два пенязя с каждой копы, т. е. $^2/_3$ процента. Дороговизна прежнего суда зависела от того, что этот суд находился в руках магнатов, которым раздавались державы, староства и воеводства. Теперь шляхта добилась своего сословного и выборного суда и потому, естественно, свела судебные пошлины на обычное вознаграждение за труд, а не на источник обогащения.

Параллельно с земскими судами оставлены были для шляхетского сословия и суды замковые или дворные, получившие название *гродских*, по одному на каждый судовый повет. Все господарские наместники-державцы в пределах судового повета лишены были права судить шляхту, кроме одного, который держал замок или двор, признанный центральным в судовом повете; остальные державцы оставались судьями только господарских крестьян и мещан своего повета. Таким образом, замковый или дворный суд над шляхтою оставлен был за воеводами виленским, трокским, новгородским, витебским, полоцким и киевским; за старостами – жмудским, ковенским, городенским, слонимским, волковысским, пинским, берестейским, бельским, дорогицким, мельницким, владимирским, луцким, кременецким, Браславля Подольского, мстиславским и оршанским; за державцами – ошмянским, вилкомирским, Браславля Литовского, лидским, упитским, мозырским, минским и речицким (эти державцы, впрочем, скоро переименованы были в старост). Такое сокращение числа господарских наместников, имевших право судить шляхту, вызвано было требованиями самой системы нового судоустройства, предполагавшей параллелизм земских и гродских судов. Что же касается общего уменьшения судебных трибуналов для шляхты, то оно было вызвано необ-

ходимостью создать для новых шляхетских судов такие обширные округа, которые могли бы вмещать в себя и крупные княжеские и панские имения, владельцы которых на этот раз потеряли свое право не судиться в поветах. Впрочем, на деле это уменьшение едва ли было значительно, если только было. Во-первых, по Статуту 1529 г. далеко не все державцы имели право привлекать к своему суду шляхту-бояр; во-вторых, в тяжбах с князьями и панами шляхта все равно должна была обращаться прямо к воеводскому суду. «Гродскому» суду так же, как и земскому, подчинены были все землевладельцы данного судового повета без исключения по перечисленным выше уголовным преступлениям и, кроме того, по всем делам – неоседлые шляхтичи и «гости», чужеземцы, совершившие преступление в данном повете. Личный персонал «гродского» суда остался тот же самый, что был и прежде, т. е. судил сам воевода или староста, а в его отсутствие – его наместник с гродским судьею, назначенным воеводою или старостою, или державцею из местных оседлых шляхтичей. Письмоводство находилось в руках гродского писаря. На неправый суд наместника и гродского судьи предоставлено было жаловаться самому воеводе или старосте, или державце, а на суд этих последних – самому господарю. Гродский суд должен был действовать непрерывно и давать правосудие немедленно на всякого, кто будет пойман «на горячем учинку» без предварительного «позва», в противном случае должен посылать обвиняемому «позов» с приказом явиться не позже двух недель со дня его вручения; кто ослушается, подвергается «баннициии», т. е. объявляется вне покровительства законов, до тех пор, пока не даст удовлетворения потерпевшему.

Таковы были перемены, внесенные в судопроизводство Великого княжества вторым Статутом и вызванные желанием шляхты сделать правосудие более доступным и равным для всех «станов» сословия. Не ограничиваясь всеми этими приобретениями, шляхта выступила с домогательствами политического характера, клонившимися в общем также к сближению ее с князьями и панами и к возвышению ее роли и ее значения в государственном управлении. Результатом ее усилий по этой части было учреждение новых воеводств и каштеляний и должности поветовых маршалков, установление поветовых сеймиков и законодательных прав великого вального сейма.

Литература

Любавский М. К. Литовско-русский сейм. М., 1900; *Czermak W.* Sprawa rownouprawnienia schizmatyków i katolików na Litwie (1432–1563) // Rozprawy Akademii umiejętności. Wydzial historyczno-filozoficzny. Kraców, 1905. T. 45; *Kamieniecki W.* Organiczenia wyznaniowe w prawodawstwie Litewskiem XV i XVI w. // Przegląd historyczny. Warszawa, 1911. T. 12; Лаппо И. И. Земский суд в Великом княжестве Литовском в конце XVI в. // Журн. М-ва нар. просвещения. 1897. № 6; *Он же.* Подкоморский суд в Великом княжестве Литовском в конце XVI и начале XVII в. // Там же. 1899. № 9; *Он же.* Гродский суд в Великом княжестве Литовском в XVI столетии // Там же. 1908. Ч. 13, янв.

XLIV. УЧРЕЖДЕНИЕ ПОВЕТОВЫХ СЕЙМИКОВ, НОВЫХ ВОЕВОДСТВ И КАШТЕЛЯНИЙ ПО ПОЛЬСКОМУ ОБРАЗЦУ И РАСШИРЕНИЕ ПРАВ ВЕЛИКОГО ВАЛЬНОГО СЕЙМА

Потребность в сеймиках по польскому образцу и их установление. Состав, порядок созыва и компетенция поветовых сеймиков. Состав великого вального сейма после введения сеймиков; усиление значения в нем шляхты. Определение Городенского сейма 1566–1567 гг. о посещении сеймиков и сеймов и о порядке совещаний. Учреждение новых воеводств и каштелянии и вызвавшие его причины. Новое военное деление и новый порядок мобилизации; поветовые маршалки. Признание за великим вальным сеймом законодательного значения. Исключение частновладельческой и «спадковой» шляхты из «поветов». Особые права виленских мещан.

Кандидаты на должность земских судей и подсудков на первый раз намечены были на великом вальном сейме. Шляхта, однако, не имела в виду узаконить такой порядок и на будущее время. Желательным был для нее польский порядок избрания кандидатов всею шляхтою, viritim, на местных, «поветовых», сеймиках. Поветовые сеймики по польскому образцу представлялись для литовско-русской шляхты идеалом и в том отношении, что они давали ей возможность обсуждать предварительно в полном собрании все те вопросы, которые должен был решать ближайший сейм, и снабжать своих послов на этот счет известными инструкциями. Литовско-русская шляхта уже давно чувствовала в этом потребность и уже давно старалась снабжать своих послов на сеймы инструкциями. Почти на каждом сейме ее послы выступали с петициями как о местных, так и об общих нуждах сословия. Но общегосударственные вопросы заставали шляхетских послов до известной степени врасплох, и послы, не имея указаний от своих избирателей, большею частью шли послушно за своими «старшими братьями», панами-радою и урядниками земскими и дворными, княжатами и панятами. Теперь шляхта хотела иметь свои самостоятельные голоса на великом вальном сейме и принимать более активное участие в его совещаниях и постановлениях. На Виленском сейме 1565–1566 гг. «станы» обратились с просьбою к господарю, чтобы он разрешил им в новых судовых поветах иметь «сеймы поветовые» по примеру Короны «для лепшого и вечистаго порадку в речи посполитой». Господарь исполнил эту просьбу и 30 декабря выдал особый привилей, коим учреждались в Великом княжестве Литовском сеймики по новым судебным округам, где уже засажены новые земские уряды и где они будут засажены впоследствии. Сообразно с этим и в раздел третий нового Статута «О вольностях шляхетских» внесен был новый «артикул» о поветовых сеймиках. На эти сеймики имели собираться все землевладельцы шляхетского звания без исключения – паны-рада, урядники земские и дворные, княжата, панята и вся шляхта повета – и совещаться как о своих нуждах и потребностях, так и «о потребах речи посполитое», о чем им будет объявлено особыми господарскими листами. Господарь

обязался созывать поветовые сеймики всякий раз перед вальным сеймом, не позже четырех недель до его начала. «Зволившися вси одностайне», собравшиеся на сеймике должны были выбирать из своей среды двух послов от каждого судового повета и отправлять их на вальный сейм, снабдив инструкциями и полномочиями решать как те вопросы, о которых было объявлено господарем, так «и иные припалые речы водле часу и потребы». Независимо от того, станы, приглашавшиеся прежде лично на вальный сейм, т. е. князья, паны хоруговные, маршалки и все другие урядники земские и дворные, и впредь имели лично ездить на вальные сеймы, занимать свои места и подавать голоса по старому порядку. Для поветовых послов расписаны были места и «воты» в «раде посполитой» в порядке, основанном на иерархии воеводств в господарской раде. Таким образом, первые места были отведены послам Виленского воеводства – Виленского повета, Ошмянского, Вилькомирского, Браславского; затем поветовым послам Трокского воеводства – Трокского повета, Городенского, Ковенского, Лидского и Упитского и т. д. Кроме предсеймовых сеймиков Статут предоставлял воеводам созывать еще сеймики экстренные для избрания кандидатов на открывшуюся вакансию в земском суде.

Итак, на великом вальном сейме с 1566 г. стало гораздо меньше шляхетских представителей, чем на прежнем, когда съезжались послы от множества мелких поветов, особенно из Великого княжества в тесном смысле. На новом сейме шляхетских представителей стало меньше, ибо уменьшилось число самих поветов вследствие соединения в один повет нескольких хоружеств. Но при всем том несомненно, что значение шляхты на сейме не только не понизилось, но повысилось. Благодаря введению поветовых сеймиков шляхта получила возможность принимать поголовное участие в обсуждении тех вопросов, для которых созывался великий вальный сейм, и через инструкции, даваемые послам, влиять на его решения. Рассылавшиеся прежде «сеймовые листы» обыкновенно содержали приказ всем станам, «сойму належачим», прибыть на сейм в назначенное место и время, без точного указания вопросов, подлежащих обсуждению и решению, а просто «для великих и пильных (настоятельных) потреб господарских и земских». Иногда даже прямо говорилось, что о предметах предстоящего совещания будет объявлено на самом сейме. При таких условиях и рыцарство-шляхта, посылавшая своих послов на вальный сейм, не имела возможности влиять, насколько было для нее желательно, на решение вопросов, возбужденных правительством, и должна была довольствоваться тем, что удавалось достигнуть ее послам в собрании, наполненном аристократическими элементами – панами радными, урядниками земскими и дворными, княжатами и панятами, собранными на сейм viritim.

Новый порядок сеймования мог обеспечивать интересы «станов» лишь при условии правильного посещения сеймиков и сеймов и правильного совещания. К достижению всего этого и были приняты известные меры на Городенском сейме 1566–1567 гг. Было постановлено: сеймовые листы должны вручаться гродскому уряду, т. е. старосте или его наместнику, не позже двух

недель до открытия сеймика, а гродский уряд уже со своей стороны должен посылать с этими листами возных на дом ко всем тем станам, к которым посылались и прежде сеймовые листы из господарской канцелярии, а шляхте объявлять по костелам и на торгах; за неявку на поветовые сеймики паны-рада подлежат штрафу в пять коп (300) грошей, а урядники земские и дворные – в две копы; шляхтичи, владеющие имениями в разных поветах, могут являться в какой угодно из этих поветов; кто из них не приедет к сроку, тот не может протестовать против того, что без него будет решено; сеймики должны продолжаться не долее трех дней; кто из панов радных без уважительных причин не приедет на третий день по открытии сейма к мессе о Святом Духе, бывающей в этот день, тот теряет право голоса на столько дней, на сколько опоздал, и без возражений должен принять все, что за это время будет постановлено; кто же из остальных станов или послов земских не явится вовремя без уважительных причин, тот теряет право голоса на всю сессию, с которой он, однако, не должен отъезжать. Относительно самого порядка совещаний станы постановили: пропозиция господаря и вотирование панов-рады должны происходить в присутствии господаря и всех станов, «сойму належачих», по польскому обычаю; по польскому же обычаю, с разрешения господаря, должно происходить «схоженье стану рыцарского до панов-рад».

Так как на польских сеймиках над шляхтою предводительствовали сенаторы – воеводы и каштеляны, то и литовцы на Виленском сейме 1565–1566 гг. подали господарю просьбу, чтобы он «для лепшого порядку» на сеймиках и «для оздобы (украшения) и помноженья преложоных (высших) станов в речи посполитой» увеличил число мест в своей раде и учредил новых воевод и каштелянов. Это учреждение новых воевод и каштеляний, помимо председательствования на сеймиках, по всем данным, вызывалось и готовящеюся унией с Польшею. Как один из результатов этой унии, намечался общий сенат или, по меньшей мере, соединенные заседания польского и литовского сената. В этом соединенном сенате могли получить места далеко не все члены господарской рады Великого княжества, а только те, которые были одинакового ранга с польскими сенаторами, т. е. князья-бискупы, воеводы, каштеляны и некоторые министры (маршалок земский и дворный, канцлер и подканцлер, подскарбий земский). Но так как воевод и каштелянов в Литве было очень мало по сравнению с Польшею, то станы и настаивали на учреждении новых воеводств и каштеляний. Господарь исполнил эту просьбу и учредил новые должности воевод – берестейского, мстиславского, минского, волынского, браславского (подольского) и каштелянов – берестейского, мстиславского, минского, волынского, браславского, жмудского, киевского, полоцкого, витебского, новгородского и подляшского. Все эти новые сановники и заняли подобающие места в господарской раде в известном порядке, непосредственно после старых воевод и каштелянов. В отличие от старых воевод новые не были одновременно старостами-наместниками, так что наряду с воеводою берестейским оставался староста берестейский, наряду с воеводою мстиславским – староста

мстиславский и т. д. В данном случае новые воеводы были уже вполне сходны с польскими воеводами.

С учреждением новых воеводств произведено было новое военное деление литовско-русской государственной территории и новое распределение командования. До учреждения новых воеводств вся Литва с Русью, Полесьем и Подляшьем составляла два военных округа, начальниками которых были виленский и трокский воеводы; Жмудь, Полоцкая земля, Витебская, Киевская и Волынская с Подольем образовывали пять военных округов под главным начальством старосты жмудского, воевод полоцкого, витебского, киевского и маршалка земли Волынской. Теперь число этих округов возросло до тринадцати, сообразно с увеличением числа воеводств. Эти округа составились таким образом: воеводство Виленское – из судовых поветов Виленского, Ошмянского, Вилькомирского, Браславского; воеводство Трокское – из судовых поветов Трокского, Городенского, Ковенского, Лидского и Упитского; воеводство Новгородское – из поветов Новгородского, Слонимского и Волковысского; воеводство Берестейское – из поветов Берестейского и Пинского; воеводство Подляшское – из поветов Дорогицкого, Бельского и Мельницкого; воеводство Минское – из поветов Минского и Речицкого; воеводство Мстиславское – из судового повета Мстиславского; воеводство Жмудское – из Жмудской земли, Полоцкое – из Полоцкого повета, Витебское – из поветов Витебского и Оршанского, Киевское – из поветов Киевского и Мозырского, Волынское – из поветов Луцкого, Владимирского и Кременецкого; воеводство Браславское – из Браславского и Веницкого поветов. Это новое областное деление в общих чертах просуществовало до самого падения Польско-Литовского государства. Главным командиром земского ополчения в каждом из этих округов был местный воевода; под его начальство стягивались во время мобилизации все военнослужилые землевладельцы воеводства; под его командою шли они на театр военных действий под главное начальство гетмана и под его же «справою и послушенством» оставались во время войны. Воеводам подчинены были поветовые командиры, которые во время войны собирали под свою команду всех землевладельцев повета, вели их в сборный пункт воеводства под команду воеводы, обо всех неявившихся докладывали воеводе и шли далее вместе с воеводою на войну, сохраняя над своими отрядами ближайший надзор и дисциплинарную власть. Такими командирами в тех судовых поветах, где находились главные города воеводств, были каштеляны, а в других – маршалки. Чисто придворное звание маршалка соединилось теперь с командованием известным территориальным отрядом земского ополчения Великого княжества. Под команду каштелянов и маршалков должны были становиться как князья и паны хоруговные, так и бояре-шляхта и земяне, причем бояре и земяне собирались и ставились под команду каштелянов и маршалков своими хоружими. Эти хоружие назначены были теперь для каждого судового повета; следовательно, число их по сравнению с прежним уменьшилось. Все это военное устройство почти целиком было заимствовано из Польши, с тою

разницею, что у поляков во всех судовых поветах были каштеляны и не было маршалков.

Так не только на поветовых сеймиках, но и в поветовых ополчениях шляхта сблизилась со своей аристократией – князьями и панами.

Великий вальный сейм, опиравшийся на поветовые сеймики, неизбежно получал более высокое место в государственной организации Великого княжества Литовского. Мы уже видели, что на Виленском сейме 1551 г. по одному частному случаю станы ходатайствовали, чтобы господарь не издавал никаких новых «устав» помимо вального сейма. В то время господарь отклонил это ходатайство как неуместное притязание. Но во втором Статуте это ходатайство уже получило полное удовлетворение: господарь обязался не установлять ничего нового для блага государства, никаких «устав» иначе, как на вальном сейме, с ведома и совета панов-рады и с дозволения всех земель Великого княжества. Ограничение великокняжеской власти, установленное земским привилеем и Статутом Сигизмунда I в пользу господарской рады, Статутом Сигизмунда Августа перенесено было в пользу великого вального сейма. Надо заметить, впрочем, что Статут 1566 г. в данном случае только обобщал и санкционировал установившуюся в Великом княжестве Литовском практику. Это справедливо и относительно того его артикула, коим узаконивалось, что впредь господарь не будет начинать войны самолично и по совету с панами-радою, ни устанавливать серебщин и каких-либо налогов без согласия князей и панов хоруговных и послов земских поветовых, созванных на великий вальный сейм. Ввиду того значения, которое получил сейм в государственной жизни Великого княжества, новый Статут постановлял, что господарь должен созывать великий вальный сейм всякий раз, когда потребуется, по совету панов-рады или по просьбе шляхты-рыцарства.

Так существенно преобразился внутренний политический строй Литовско-Русского государства. Новая конституция его, введенная Статутом 1566 г., давала больший, чем прежде, вес рядовой, средней и мелкой шляхте. Необходимо, впрочем, оговориться, что в состав этой шляхты не включена была шляхта, находившаяся в подданстве у князей и панов, и шляхта так называемых «спадковых» господарских имений, т. е. доставшихся господарю после частных владельцев. На шляхту этих категорий не распространялись ни статьи о новых судах, ни статьи о поветовых сеймиках. На сеймах 1567 и 1568 гг. шляхта добивалась включения спадковой шляхты в поветы, но господарь отклонил ее ходатайства.

Зато получили место на великом вальном сейме бурмистры «столечного» Виленского места. Представители Виленского места стали приглашаться на сеймовые совещания с той поры, как дело стало клониться к унии Великого княжества с Короною. Так, они участвовали в выработке инструкции для литовских послов, отправлявшихся для переговоров об унии на Варшавский сейм 1563 г. Эта инструкция для наибольшего уравнения Великого княжества Литовского с Польшею предполагала сравнять в правах мещан Великого кня-

жества с польскими, в частности, мещан столичного города Вильно с краковскими, и дозволить виленским мещанам посылать на сейм двух представителей для подачи голоса в вопросах, касающихся их места. Накануне заключения унии это предположение получило свое осуществление. 15 июня 1568 г. Сигизмунд Август, не в пример прочим местам, в вознаграждение за верноподданническую преданность и постоянную помощь, которую виленские мещане оказывали государству деньгами в течение последней войны, выдал Виленскому месту особый привилей, в силу коего войт, бурмистры, радцы, лавники и писари места, происходящие из шляхетского сословия, не теряли своих шляхетских прав, отправляя означенные местские должности, а лица плебейского происхождения приобретали шляхетские права пожизненно и могли даже передавать их своим детям, не занимающимся торговлею или ремеслом, но либеральными профессиями или военною службою. Привилей обстоятельно перечислял эти права, а именно: выслужившиеся на местских урядах лица и их дети могли получать светские и духовные должности, приобретать земские имения, брать гербы у шляхетских родов и пользоваться ими без специальных разрешений господаря; с оскорбителей могли искать шляхетского бесчестья; дома их освобождались от постоя послов, гонцов и станов сейма. Привилей предоставлял Виленскому месту по примеру самых знатных мест в Короне Польской припечатывать свои официальные бумаги красным воском и посылать на вальные сеймы двух или трех бурмистров с правом подачи голоса по делам, касающимся места. Так и представители капитала получили доступ к шляхетскому званию и место на вальном сейме. Но дело, впрочем, как и в Польше, не пошло дальше сейчас изложенных начальных шагов.

Реформы, произведенные в Литовско-Русском государстве в связи с введением в действие нового Статута, были последним этапом на пути внутренней ассимиляции Великого княжества с Польшею. Успехи исторической эволюции в этом направлении были весьма значительны. Великое княжество имело теперь господаря, получившего престол так же, как и король Польский, «за вольным обранием» всех «станов» Великого княжества, имело господарскую раду, состоявшую так же, как и польский сенат, из бискупов, воевод, каштелянов и министров, набиравшихся из крупной землевладельческой знати (в Великом княжестве в раду входили и многочисленные дворные, или столовые, урядники); имело сейм из аристократии и представителей шляхетского сословия с законодательною властью (особенностью литовско-русского сейма было изобилие в нем аристократических элементов); имело совершенно такую же военную организацию, как и Польша, такое же приблизительно устройство центрального и местного управления, те же муниципальные и крестьянские учреждения, тот же аграрный строй и те же взаимоотношения между сословиями. Эти успехи во внутренней ассимиляции Великого княжества с Польшею должны были облегчить и внешнее их слияние в одну Речь Посполитую, что произошло на Люблинском сейме 1569 г.

Литература

Любавский М. К. Литовско-русский сейм. М., 1900; *Максимейко Н. А.* Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии. Харьков, 1902; *Лаппо И. И.* Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский повет и его сеймик. Юрьев, 1911.

XLV. ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ СИГИЗМУНДЕ АВГУСТЕ ДО ЛЮБЛИНСКОГО СЕЙМА

Стремления польской шляхты к осуществлению унии Великого княжества с Короною Польскою и причины, их порождавшие. Противодействие литовской аристократии. Предварительные переговоры на сеймах 1551 и 1552 гг. и их неудача. Просьбы литовских станов, направленные против поляков на сеймах до Ливонской войны. Перемена в настроении литовцев в разгар Ливонской войны; конфедерация шляхты под Витебском с целью добиваться осуществления унии. Избрание на сейм 1563 г. делегации для заключения унии; данная ей инструкция. Переговоры литовских делегатов с поляками на Варшавском сейме в 1563–1564 гг.; крупные разногласия между ними. Продолжение переговоров на Бельском сейме в 1564 г. и в Парчове; тяготение шляхты к унии и противодействие магнатов. Просьбы шляхты о скорейшем окончании унии на сейме 1565–1566 гг.; особенное тяготение к унии подляшан и волынян. Дело унии на Берестейском сейме 1566 г.; усилия магнатов отстоять государственную индивидуальность Великого княжества. Постановления шляхты в военном стане в Лебедеве и на Городенском сейме 1568 г. о непременном созыве «спольного» сейма для заключения унии.

Когда усилилась опасность со стороны турок, польская шляхта настойчиво стала добиваться осуществления на деле давней унии Великого княжества Литовского с Короною Польскою. Еще на Петрковском сейме, происходившем в самом конце правления Сигизмунда Старого в декабре 1547 и январе 1548 г., шляхетские послы требовали от короля, чтобы он, согласно давней унии и соединению с Польшею земель Литовской, Мазовецкой, Прусской, Осветимской и Заторской, привлек к общим совещаниям об установлении совместной обороны рыцарство этих земель и созвал его на общий сейм в Парчов, Люблин или Варшаву. С этим же требованием обращалась шляхта и к новому королю Сигизмунду Августу на сеймах 1548 и 1550 гг. Помимо установления совместной обороны, поляков манили перспективы по части приобретения имений и получения урядов в Великом княжестве Литовском. В Короне шляхта уже давно испытывала земельную тесноту и недостаток доходных должностей и званий, вследствие чего все более и более обращалась к солдатскому ремеслу, пополняя собою в качестве «товарищей» наемные роты «жолнеров». Между тем в соседнем государстве, особенно в южных украинных его областях, расстилались огромные пространства лесной заросли и «дикого поля»,

ждавшие хозяев и насельников. В государстве этом чувствовался также и недостаток культурных работников на разных поприщах государственной, общественной и частной службы, и людям с опытом жизни и с познаниями была возможность легче устроиться здесь, сделать лучшую карьеру, чем в Польше. Тяга из Польши в Великое княжество шла уже давно, выражаясь в том, что отдельные лица разными путями, покупкою, браками и т. п. приобретали в Великом княжестве имения, поступали на службу к господарю, князьям и панам. Хотя литовцы и поставили барьер этому Drang nach Osten в виде статей земских привилеев и Статута, обязывавших господаря не раздавать замков, имений, урядов и достоинств чужестранцам, а только уроженцам Великого княжества, но наиболее ловкие перескакивали этот барьер и так или иначе становились и землевладельцами, и должностными лицами на Литве. Уния должна была снять совсем этот барьер, вследствие чего поляки страстно желали ее, а литовцы, особенно правящий класс, наоборот, всячески противились ей. Зная это настроение правящей Литвы, Сигизмунд Август отвечал сначала нерешительно на предъявленные ему с польской стороны требования и уклонился от созыва «спольного» сейма. Но когда осенью 1551 г. собрался в Вильно вальный литовский сейм, поляки отправили к королю послов уговаривать его, чтобы он согласно с данным обещанием приводил литовцев к унии с Польшею, от которой можно ожидать больших выгод и обороны обоим государствам. Сигизмунд Август через коронного подканцлера обратился к сейму с предложением унии на основании старых записей, как того требовали поляки. Но литовцы и слышать не хотели о такой унии и выразили надежду, что государь сохранит свое отчинное государство при той целости, достойности и вольностях, с какими принял его из рук отца, согласно с данною им присягою. Они соглашались только давать полякам помощь против неприятелей на основании «ухвалы» Берестейского сейма и категорически отказались съезжаться с поляками на общий сейм, так как со всеми вопросами они уже покончили на настоящем Виленском сейме. Король, однако, не принял этого заявления за окончательный отказ и на следующем неполном сейме 1552 г. (на этом сейме были поветовые хоружие, но не было послов шляхты) снова поднял вопрос об унии. Станы поблагодарили короля за заботливость о Великом княжестве, но заявили, что ввиду различия прав трудно Великому княжеству соединиться с Польшею, и потому дело это не может осуществиться. Что же касается обороны против нашествия турок, то они, литовцы, согласны помогать полякам всеми силами, согласны для постоянной обороны держать известное число войск или посылать полякам деньги на увеличение их наемных войск.

Вообще на первых сеймах в правление Сигизмунда Августа, как и на последних сеймах, собиравшихся при Сигизмунде Старом, литовские станы ревниво оберегали особность и самостоятельность Великого княжества от посягательств поляков. На сейме 1547 г. они ходатайствовали, чтобы господарь не раздавал чужеземцам урядов земских и дворных, а также замков, дворов, мест и волостей в держание, указывая на то, что такою раздачею всем им наносится

обида, как будто бы между ними нет людей, «годных и верных и справных», а с другой стороны, и государство терпит немалый ущерб от того, что чужеземцы, разживаясь на урядах и державах, увозят с собою немало денег из страны. Развивая эту просьбу и далее, станы просили, чтобы господарь не поручал чужеземцам объезжать и «пописывать» свои замки, дворы и волости и усчитывать господарские доходы, так как от этого происходит затруднение и обременение старостам, державцам и их урядникам. Просьба эта направлена была против группы поляков – Войтеха Ясеньского, Юрия и Станислава Фальчевских, Станислава Коморовского, Станислава Райского и других, которые сделались близкими и доверенными людьми у Сигизмунда Августа, «пописывали» замки и дворы, получили богатые державы и т. д. Но так как они вместе с тем сделались землевладельцами, обывателями Великого княжества, приобрели индигенат, то господарь и отделался от просьбы станов заявлением, что ему неизвестны случаи раздачи чужестранцам урядов и держав; по поводу же ревизий замков и дворов заявил, что и впредь он будет посылать по дворам и волостям своим для выведанья и досмотренья своих «пожитков», кого ему будет угодно, кто только на это дело годится. Затем станы ходатайствовали, чтобы коронные урядники не отправляли своих должностей в Великом княжестве. Они указывали на то, что в прежнее время, когда господарь ехал из Короны в Великое княжество, коронные урядники сопровождали его до границы, а если и ехали дальше, то только в качестве гостей; господаря на границе встречали дворные урядники Великого княжества – маршалки, подскарбий, подчаший, крайчий, конюший, кухмистр, подстолий, подкоморий и др. – и вступали в отправление своих урядов; между тем теперь они носят только титулы, а действительную службу за них несут коронные урядники, пользуясь и их доходами. Господарь обещал держаться в этом отношении старины. О прекращении раздачи урядов и держав чужеземцам, посылки их на ревизии литовцы просили и на сейме 1551 г.; а так как чужеземцы получали уряды через индигенат, становясь предварительно землевладельцами Великого княжества, то станы вместе с тем просили господаря принять меры к тому, чтобы чужеземцы не «поседали» имений в Великом княжестве Литовском. Эта последняя просьба повторена была и на сейме 1554 г. с указанием на Волынь и Подляшье, где в особенности развивалось землевладение «чужеземцев». Господарь сначала отклонил было это представление на том основании, что его государства не замкнуты, и всякому вольно приехать и отъехать, купить и продать; если чужеземцы приобретают имения в Великом княжестве, в этом виноваты сами литовцы, продающие чужеземцам имения. Но на сейме 1554 г. господарь уступил настояниям «станов» и определил, что впредь чужеземцы не имеют права приобретать имения на вечность в Великом княжестве, а только в «заставу» (под залог), в пограничных же поветах и этим правом не будут пользоваться.

Литовцы не оставляли без внимания и литературных посягательств на их государственные интересы со стороны поляков. На сейме 1559 г. они жаловались на «непристойные» польские хроники и просили господаря принять

меры против их лживых показаний. Жалоба эта направлена была, главным образом, против хроники Мартина Кромера, напечатанной в Базеле в 1554 г. В этой хронике Кромер на основании актов, которые ему пришлось просматривать и приводить в порядок в Краковском архиве, изложил историю отношений между Польшею и Литвою в духе, благоприятном для польских притязаний, и потому хроника его получила быстрое и широкое распространение (в 1558 г. вышло уже второе ее издание). Хроника Кромера дала толчок, а отчасти и сам материал для исторических аргументов, с которыми выступали лидеры польской шляхты на Петрковском сейме 1558 г., требовавшие осуществления унии, заключенной при Ягайле, и обвинявшие литовцев в неверности, в неблагодарности и враждебности к полякам, от которых они получили так много добра, в присвоении Луцка, Ломаз, Полюбичей и других держав и т. д. Все это не могло остаться неизвестным литовцам, которые и выступили со своей стороны с протестом против «непристойных хроник».

Ливонская война заставила литовцев переменить свое отношение к унии с Короною Польскою. Против унии с Польшею стояла, главным образом, литовская аристократия, которая опасалась «ущипка» от нее не только достоинству Великого княжества, но и своим материальным интересам, своему политическому преобладанию, которым она пользовалась в Великом княжестве в качестве правящего класса. Что касается рядовой шляхты, то она до поры до времени в этом вопросе просто следовала за своей «старшею братьею», подчиняясь ее авторитету и давлению, но внутренне тяготея к формам польской государственности (домогательства выборного шляхетского суда и расширения власти сейма). Ливонская война, истощившая все материальные и моральные силы этой шляхты, давшая болезненно почувствовать результаты политического одиночества Литвы и отчуждения ее от Польши, заставила шляхту занять самостоятельное положение в вопросе об унии и выступить с инициативою ее осуществления. Собравшаяся в 1562 г. в военном лагере под Витебском шляхта составила своего рода *конфедерацию* с целью добиваться заключения унии с Польшею. Акт этой конфедерации, пересланный королю, гласил, что шляхта покорно просит о заключении унии с Польшею, дабы иметь возможность сообща сеймовать с поляками, сообща избирать государя ввиду бездетности нынешнего короля, пользоваться одинаковыми с ними правами и вольностями и сообща обороняться от врагов. Для заключения этой унии шляхта просит короля назначить общий польско-литовский сейм. «От этого намерения, – гласил акт, – шляхта согласилась не отказываться ни в каком случае, как бы ни старались отклонить ее от этого новым Статутом или какими-либо другими уступками». Каждый из участников настоящего договора обязывается не вдаваться ни в какие совещания, не определять серебщин и никаких других податков прежде, чем не будет исполнено общее желание касательно сейма и унии с поляками; ко всем отсутствующим, особенно жмудским панам, имеет быть послано приглашение присоединиться лично или заочно к настоящему уговору – а кто не присоединится или, присоединившись, отступит от него, тот будет считаться недругом своего отечества и исключается из со-

общества шляхты; земянин или сын земянский, состоящий на службе у пана, не сочувствующего настоящему соглашению или отступившего от него, не может отговариваться этим, но должен самостоятельно и мужественно стать за общее дело; кто по этой причине подвергнется преследованию или обиде, за того должны стать все другие участники соглашения и всячески ему помогать. Как бы в ответ на этот акт литовско-русской шляхты, польская шляхта на Петрковском сейме 1562–1563 гг. постановила назначить на 11 ноября общий польско-литовский сейм в Варшаве для заключения унии. Ввиду такого оборота дел и магнаты литовские не сочли возможным прямо противиться унии. Поэтому на Виленском сейме 1563 г. решено было приступить к переговорам об унии. Но так как по случаю возобновления военных действий нельзя было ехать на «спольный» сейм всем станам, «сойму належачим», то избраны были делегаты от панов-рады «передней» и второй «лавицы», от княжат и панят, от маршалков, от «значнейшей шляхты», от шляхты земель Литовской, Жмудской, Волынской, Киевской, Полоцкой, Витебской, Подляшской, Новгородского повета и Мстиславского и от смоленских землевладельцев. Ввиду того, что с польской стороны в качестве участников предстоявшего сейма должны были выступить и мещане столичного города Кракова, посылавшие своих представителей на сеймы, и литовское правительство сочло нужным привлечь к известному участию в установлении унии представителей столичного места Вильно. Мещане должны были, подобно другим станам, избрать от себя делегатов на «спольный» польско-литовский сейм. Делегатам дана была особая инструкция, читанная перед всеми станами и получившая одобрение сейма.

Эта инструкция составлена была несомненно под влиянием и руководством панов радных. Не имея возможности противиться унии, которой требовала шляхта, паны постарались настоять на своем в той «науке», которая давалась литовским делегатам для заключения унии. Инструкция насквозь проникнута была стремлением отстоять, насколько возможно, целостность, особность и самобытность Великого княжества Литовского. Первым условием ставилось, что впредь у Польши и Литвы будет один общий государь, избираемый общими голосами из царствующей династии. Избрание его должно происходить на границах обоих государств, после чего должна совершаться его коронация в Кракове в присутствии всех польских станов и литовских послов, а вскоре затем – торжественное возведение на великое княжение в Вильно в присутствии всех станов и поветов Великого княжества и польских послов. Перед коронацией в Кракове избранный государь должен подтверждать права и вольности обывателей Польской Короны, а перед возведением на великое княжение – обывателей Великого княжества и приносить установленную присягу. В том случае, если теперешний государь или его преемники будут иметь несколько сыновей, один из них может быть назначен правителем Великого княжества без нарушения унии, по взаимному согласию поляков и литовцев. Поляки и литовцы обязываются никогда не покидать своего общего государя и друг друга во всех затруднениях и превратностях, помогать друг

другу против козней и нападений всех врагов, не начинать распрей и войн с соседями без взаимного совета и согласия, исключая внезапных и непредвиденных случаев, не заключать ни с кем новых договоров и не нарушать старых, не посылать послов без совета и согласия друг с другом. Должны быть определены точно, сообразно с силами и средствами каждого государства и с требованиями данной войны, размеры той военной помощи, которую они должны оказывать друг другу как посполитым рушением, так и наемными войсками или деньгами. Литовцы выразили свое согласие и на общие сеймы с поляками, но с тем условием, чтобы эти сеймы созывались только для решения важных вопросов, касающихся обоих государств; в менее важных случаях, не касающихся или мало касающихся другого государства, должны собираться по-старому местные сеймы, на которые другое государство может присылать своих уполномоченных. На общих польско-литовских сеймах ни в коем случае не должны решаться дела, касающиеся того или другого государства в отдельности. В каждом государстве самостоятельно набирается сенат, замещаются должности, отправляются суды, издаются и исправляются законы; в каждом своя собственная верховная власть (merum et mixtum imperium). Делегатам поручалось при заключении унии охранять честь и достоинство Великого княжества, чтобы литовцы нигде и ни в чем не были ниже поляков, чтобы в войске, сеймах, торжественных собраниях и церемониях занимали одинаковые с поляками и подобающие их достоинству места. «Для большого скрепления заключаемой унии» литовцы соглашались на отмену законов, коими воспрещалось полякам приобретать имения на вечность в Великом княжестве, не вводить впредь никаких новых пошлин, чеканить монету одинакового веса и достоинства, не допускать никакого обмана, произвола, никаких стеснений и притеснений в торговых сношениях, соблюдать старинные границы между обоими государствами и давать скорое и справедливое удовлетворение в пограничных обидах и столкновениях. Для большего уравнения Великого княжества с Короною литовцы предлагали сравнять в правах мещан Великого княжества с польскими, в частности, дозволить мещанам виленским посылать на общие сеймы двух представителей, подобно краковским, для подачи голосов в вопросах, касающихся их мест. Во внимание к издержкам, понесенным Великим княжеством на Ливонию, литовцы требовали, чтобы доходы с этой страны всегда вносились в скарб Великого княжества, но соглашались на то, чтобы герцог курляндский считался вассалом Польши и Литвы и получал инвеституру от обоих государств.

Легко видеть по этой инструкции, что руководящие классы литовского общества желали установить такую унию, которая совмещалась бы с сохранением государственной индивидуальности Великого княжества. Между тем у поляков уже давным-давно сложился совершенно иной идеал унии. Этим идеалом была инкорпорация, «втеление» Великого княжества в Корону, осуществление того, что уже было установлено при Ягайле и Витовте и подтверждено было с некоторыми исправлениями при короле Александре. При Сигизмунде Августе, с конца 40-х гг. XVI в., осуществления заветной унии с особенною

настойчивостью стала добиваться партия так называемых экзекуционистов, не пропускавшая почти ни одного сейма без того, чтобы не поднять вопроса об унии. Эта партия хлопотала об увеличении военных сил и финансовых средств Королевства Польского и в этих целях настаивала, между прочим, и на том, чтобы уния с Литвою, заключенная еще при Ягайле, была приведена в исполнение. Как бы на подкрепление экзекуционистам в 50-х гг. XVI в. выступил со своей описью документов, хранившихся в Краковском архиве, и со своей хроникою, писанною отчасти на основании этих документов, каноник Краковский и Вармийский Мартин Кромер. Кромер дал полякам возможность выступить на Варшавском сейме 1563–1564 гг. во всеоружии исторических документов, подтверждавших давнишнюю инкорпорацию Великого княжества в Корону Польскую. Особенную услугу полякам оказал договор об унии, заключенной в 1501 г., на который они и стали ссылаться в доказательство исторической и юридической правоты своих требований. В конце концов эти требования свелись к следующим положениям: сеймы должны быть общие для Польши и Литвы; отдельных сеймов для того и другого государства не должно быть; элекция общего государя Польши и Литвы должна быть вольная, не стесненная никакими династическими правами, и король должен гарантировать это со своей стороны особым письменным актом; общий государь Польши и Литвы должен короноваться только в Кракове, причем зараз, в одном акте, подтверждать права и вольности как поляков, так и литовцев; особое возведение его на великое княжение не должно иметь места. Шляхетские послы шли еще дальше и требовали, чтобы в Литве вообще не было отдельных от Польши урядов, чтобы была одна печать, одна канцелярия, одна булава (гетманская), одна «ласка» (маршальский жезл) и один скарб. Короче сказать, поляки требовали как раз уничтожения государственной индивидуальности Великого княжества, на сохранении которой настаивали литовцы. Литовцы сделали только две существенные уступки: согласились на вольную элекцию ввиду того, что король отказался от своих наследственных прав на Великое княжество, и на то, чтобы не было отдельного возведения общего государя на великое княжение, но настаивали, однако, чтобы имело место торжественное заседание государя «на маестате» с поднятием меча в присутствии всех станов Великого княжества. Во всем остальном они крепко держались данной им инструкции и требовали как отдельных сеймов для Великого княжества, так и отдельных урядов, не признавали и соединения обоих государств в одну «речь посполитую». При таких крупных разногласиях естественно, что и вопрос об унии не мог быть решен на Варшавском сейме 1563–1564 гг. Чтобы покончить дело, король пророгировал Варшавский сейм в Парчове на 24 июля 1564 г., а литовцам назначил предварительный сейм в Бельске для нового обсуждения унии.

На Бельском сейме 1564 г., по донесению бывших на нем польских делегатов, рыцарство литовское охотно согласилось на ту унию, которую предлагали поляки, и желало иметь общие сеймы и общую раду с поляками. Но литовские «потентаты» сильно этому противились и отклоняли предложения

поляков. В конце концов «потентаты» одержали верх, и те «артикулы», с которыми отправились в Парчов для переговоров с поляками литовские делегаты, оказались для поляков «несносными». В Парчове повторилось в общих чертах то же самое, что происходило и в Бельске. «Потентаты» долго спорили с поляками и не соглашались на их требования. Послы от рыцарства просили не обращать внимания на упорство магнатов и договариваться об унии с ними на условии общих сеймов и общей рады, подавая надежды на то, что остальные спорные пункты будут потом легко разрешены на общем совете. Однако поляки не сочли возможным пренебречь протестом магнатов, хорошо зная, какую они представляют силу в Великом княжестве. Решено было, что король созовет «спольный» польско-литовский сейм с участием не делегатов, а всех литовских станов, «сойму належачих». Таким путем поляки надеялись скорее довести до конца начатое дело унии.

Как уже выше было сказано, на Виленском сейме 1565–1566 гг. литовско-русская шляхта получила удовлетворение по всем своим главным домогательствам. Ей даны были выборные суды, поветовые сеймики, новое военное устройство по польскому образцу; введен был в действие и новый Статут. Но все уступки нисколько не охладили литовско-русскую шляхту к делу унии. На том же Виленском сейме 1565–1566 гг. от лица всех станов подана была просьба господарю, чтобы назначен был, наконец, «спольный сейм» с Короною Польскою, обещанный на Парчовском сейме 1564 г. О том же, в частности, просили и подляшане, и волыняне. Подляшане указывали на великие «утиски, гвалты, мордерства» и захваты земель, которые они терпят с польской стороны, и просили короля, чтобы он выслал своих комиссаров для учинения справедливости, а для умиротворения их с поляками на будущее время привел их к унии с ними; «в противном случае, – говорили они, – Подляшье станет скоро украйною». Волыняне также ходатайствовали одновременно о защите их от обид со стороны поляков и о скорейшем созвании обещанного «спольного сейма» с Короною Польскою. Ассоциация этих двух просьб в их списке вскрывает и те чисто местные побуждения, которые заставляли обывателей Волынской земли, как и подляшан, жаждать унии с Польшею. Очевидно, они желали выйти из своего положения пограничных с Польшею землевладельцев, которое не давало им возможности получать легко и скоро удовлетворение по обидам и правонарушениям со стороны соседей – поляков. Они уже давно и часто жаловались на это на сеймах, собиравшихся при Сигизмунде I и Сигизмунде Августе. Судебно-разграничительные комиссии, выезжавшие на границу с польской и литовской стороны, сначала временные, а затем постоянные (с 1554 г.), очевидно, мало удовлетворяли волынян и подляшан, и они стали видеть выход из своего положения в тесной унии с Польшею, при которой они из пограничных жителей могли бы стать внутренними и искать себе удовлетворения перед обыкновенными судами и на основании обычных законов, а не перед смешанными международными комиссиями, действовавшими по усмотрению «водле Бога и справедливости». Король обещал созвать «спольный» сейм «водле потребы и часу».

«Спольный сейм» назначен был королем в Люблине. Судя по выяснившемуся ходу переговоров, благополучное окончание дела унии должно было повести к прекращению созыва отдельного вального сейма Великого княжества. Между тем такой сейм, согласно прежнему обещанию господаря, должен был собраться для окончательной «поправы Статута». Вследствие этого и для того, чтобы дать возможность литовцам предварительно сговориться между собою насчет предстоящей унии и покончить со своими чисто домашними делами, король созвал литовский сейм в Берестье на 28 апреля.

Литовские «потентаты» воспользовались этим сеймом для того, чтобы сделать новое усилие для спасения своего положения и государственной самостоятельности Великого княжества. Под их влиянием сейм принял «поправу» Статута касательно чужеземцев в том смысле, что выслужившиеся чужеземцы могут получать от господаря имения во временное и даже вечное владение, но только непременно на вальном сейме, «за радою и позволеньем всех» панов-рады и «за позволеньем» всех станов земских, «сойму Литовскому вальному належачих»; что же касается урядов и достоинств, то они оставлены были только Литве, Руси и Жмуди, «с продков своих» уроженцам Великого княжества; кто же из иноземцев выпросит себе что-нибудь подобное, тот лишается не только уряда, но и имения и всей маетности. Не находя более возможности противостоять унии, литовские паны выработали и добились утверждения сеймом таких условий унии, которые предполагали сохранение для Литвы отдельной администрации и суда, особых законов и установлений. С этими условиями литовцы отправили на Люблинский сейм послов только для осведомления поляков, но не для переговоров об унии, а сами не поехали на этот сейм, отговариваясь «небеспечными слухами», которые доходят до них с неприятельской стороны. Так и на этот раз не состоялся «спольный сейм», на котором поляки рассчитывали провести унию. Осуществлению польских желаний помешали, несомненно, не одни только «небеспечные слухи», но и упорство литовских магнатов, которые и слышать не хотели о такой унии, какую желали поляки. До нас дошли некоторые отголоски речей, которые они произносили на Берестейском сейме 1566 г. Оказывается, что они по-прежнему домогались для Великого княжества особых сеймов, особого сената, церемонии возведения на великое княжение и т. д. Разоренные войною витебские землевладельцы обратились к господарю с просьбою о заключении унии с Польшею. Король мог только им ответить, что на этот раз относительно унии не могло состояться никакого постановления, и это дело отложено до будущего сейма, о котором они получат своевременно уведомление; пусть только выбирают послами на этот сейм людей, умеющих «в том з учстивостью и пожитком земским поступовати».

Но проволакивать дело унии до бесконечности при всем том оказалось уже невозможным. Доведенные до крайнего изнурения войною литовские станы на совещании в военном стане в Лебедеве зимою 1567 г. в ответ на приглашение поляков приступить, наконец, к унии, сделали постановление о непременном созыве «спольного» польско-литовского сейма в будущем 1568 г.

Это постановление они повторили и на Городенском сейме, собиравшемся весною 1568 г. Король обещал исполнить эту просьбу станов и своевременно разослать сеймовые листы. Так подошел знаменитый Люблинский сейм, на котором осуществлена была, наконец, подготавливавшаяся всем ходом внутренней и внешней истории Литовско-Русского государства уния его с Польшею.

Из обстоятельств, предшествующих ближайшим образом заключению Люблинской унии, видно, что большинству литовско-русской шляхты стало уже не под силу сносить последствия одиночества Великого княжества в борьбе с могущественным и упорным неприятелем, и оно жаждало унии как единственного выхода из своего тяжелого положения, единственного средства к облегчению себе несносных «беремен» войны. Вместе с тем в союзе с польскою шляхтою на «спольном» сейме шляхта надеялась получить большее значение, чем на своем литовском сейме, переполненном многочисленною и могущественною аристократией. Отсюда само собою вытекало ее сочувствие и содействие *парламентарной унии* Великого княжества с Короною Польскою.

Литература

Те же труды, что и на с. 299, и кроме того: *Грушевський М. С.* Історія України – Руси. Київ; Львів, 1907. Т. 4; *Kutszeba S.* Unia Polski z Litwą. Kraków, 1911.

XLVI. ЛЮБЛИНСКИЙ СЕЙМ 1569 г. И СОЕДИНЕНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО С КОРОНОЮ ПОЛЬСКОЮ В ОДНУ РЕЧЬ ПОСПОЛИТУЮ

Созыв «спольного» польско-литовского сейма в Люблине. Порядок совещаний. Резкое разногласие между поляками и литовцами в вопросе унии; интересы литовских магнатов. Отъезд литовцев с сейма. Хлопоты поляков о присоединении Подляшья и Волыни; универсал 12 марта о возвращении Подляшья и Волыни. Условия присоединения Подляшья. Негодование и бессилие литовских панов. Полное запустение литовской казны, несмотря на все старания о ее пополнении; должность подскарбия земского по привилею 1566 г. Попытка литовских панов отсрочить заключение унии и ее неудача. Присяга подляшских и волынских панов на верность Польше. Привилей 26 мая о возвращении Польше Волыни. Присоединение Брацлавского воеводства и Киевщины к Польше. Возвращение на «спольный» сейм литовцев. Акт унии Великого княжества Литовского с Короною Польскою. Присоединение Ливонии к соединенной Речи Посполитой. Дополнительный акт унии 11 августа. Причины, обусловившие осуществление унии.

Обещанный «спольный» сейм открылся в Люблине в январе 1569 г. В листах, разосланных на литовские сеймики перед этим сеймом, король указывал, что, несмотря на все жертвы кровью и имуществом, приносимые обывателями Великого княжества Литовского, неприятель все более и более берет над ним силу, а потому необходимо Великому княжеству соединиться с Поль-

шею, дабы «одностайною и спольною рукою», с большим успехом и с меньшим «накладом», чинить ему отпор. Поэтому король просил отправить послов на «спольный» сейм «з моцью зупольною» на заключение унии.

В начале заседаний польские шляхетские послы потребовали было, чтобы для переговоров об унии назначены были с той и другой стороны депутаты и чтобы совещания происходили непременно в присутствии шляхетских послов обоих народов. «По прежним сеймам, – говорили послы, – мы знаем, как литовские сенаторы заботливо наблюдают, чтобы при совещаниях не присутствовал их (шляхетский) народ, дабы, надлежащим образом узнав польские права, не разлакомился на них». Но эта попытка поляков сбить с самого начала литовских сенаторов с их позиции не удалась. Литовцы вели свои совещания отдельно и являлись к полякам уже с готовыми предложениями или ответами на их предложения.

В переговорах между ними снова стал ребром тот же контроверз, что и на Варшавском сейме 1563–1564 гг. Поляки, в особенности шляхетские послы, настаивали на том, что уния уже заключена давным-давно, при Ягайле и Витовте, поновлена была затем в 1501 г. при короле Александре, и что незачем составлять нового договора, а надо лишь вновь подтвердить и развить этот договор, чему начало уже положено на Варшавском сейме; надо, следовательно, договориться лишь по тем пунктам, по которым не состоялось еще соглашение. На этот раз поляки соглашались на отдельные уряды для Великого княжества и оговаривали, что редукция столовых имений, предпринятая в Польше, не распространяется на Литву. Литовские сенаторы отвергали всякое юридическое значение за прежними актами унии, которые не вошли в жизнь, вследствие чего и возник настоящий вопрос об унии. Не довольствуясь этими возражениями, они представили свой проект, основные положения которого были те же самые, что и в инструкции, данной на Варшавском сейме 1563–1564 гг., т. е. сохранение государственной особности Великого княжества, его границ, отдельного сейма, отдельных должностей и званий, отдельных законов и отдельной монеты, при общем государе и общем сейме, созываемом для решения общих дел. К этому добавлялось требование от поляков присяги в том, что ни теперешний государь, ни его преемники, ни коронная рада, ни даже послы земские Великого княжества не будут добиваться редукции вечных выслуг, доживотий и ленов, а равно замков и дворов господарских, заложенных в известных суммах обывателям Великого княжества на нужды государства. Поляки должны были гарантировать, что никакое постановление в этом смысле не состоится на сейме, а если состоится, то не будет иметь силы, и Литва не обязана ему подчиняться, если же ее станут принуждать к этому, то тем самым расторгается и договор унии. Из этого ясно видно, что литовский проект унии был делом литовских магнатов, захвативших в свои руки ведение переговоров с поляками. Проект вскрывает и те материальные побуждения, которые заставляли их всеми силами отстаивать государствен-

ную автономию Великого княжества. Автономное литовское государство было предприятием, на которое магнаты затратили огромные фамильные капиталы в форме ссуд скарбу под залог господарских имений, и им, естественно, хотелось по-прежнему хозяйничать и распоряжаться в этом предприятии. Уния, как ее понимали поляки, угрожала положить конец этому хозяйничанью, и потому магнаты так и противились ей. Самыми ярыми противниками унии были как раз именно те паны, которые потратили так много своих денег на нужды Великого княжества. Очевидно, они боялись не только за свое значение в будущей соединенной Речи Посполитой, но и за свои «пензи», отданные в ссуду скарбу и гарантированные «заставами» господарских имений.

Литовский контрпроект возбудил бурю негодования в польской посольской избе, ибо в нем литовцы брали назад некоторые существенные уступки, сделанные на Варшавском сейме 1563–1564 гг., например, восстановляли особое возведение общего государя Польши и Литвы на великое княжение. Еще ранее подачи литовского контрпроекта послы русского воеводства говорили на сейме, что никоим образом не надо допускать отдельной литовской рады, ибо эта рада и была причиною того, что до сих пор уния не получила осуществления. Ни за что послы не соглашались и на оставление отдельных литовских сеймов. Когда представлен был литовский контрпроект, послы стали жаловаться, что попусту тратят время, и приступили к королю с настойчивыми просьбами приказать литовцам засесть с поляками на сейме вместе и понудить их принять унию, которая уже решена предшествующими соглашениями и постановлениями. Послов поддержали и коронные сенаторы. Но когда король, уступая настояниям поляков, собирался объявить литовцам приказание сесть вместе с поляками, оказалось, что литовцы уже начали разъезжаться с сейма. Король хотел привлечь на сейм тех, кто еще не уехал. Тогда и эти поспешили покинуть Люблин (1 марта).

После того как разбилась попытка присоединить Великое княжество целиком и сразу, поляки ухватились за мысль сделать это в несколько приемов, и на первых порах присоединить области, на которые они издавна имели притязания. Еще до окончательного разрыва с литовцами поляки на своих совещаниях поговаривали о том, что Польше, собственно, нужны Подляшье и Волынь и что из-за этих областей и надо хлопотать об унии. Как только литовцы уехали из Люблина, послы сейчас же начали требовать от короля присоединения Подляшья и Волыни. Паны радные со своей стороны стали советовать королю возвратить, наконец, Короне Подляшье и Волынь и указывали, что тогда литовцы сами добровольно покорятся Польше. В своих требованиях поляки, несомненно, стояли на реальной почве, опирались на настроение, господствовавшее в массе военнослужилого люда Подляшья и Волыни. Подляшская и волынская шляхта, как уже было сказано, сама стремилась к унии с Польшею, от которой ожидала себе новых прав и вольностей и прекращения своего в высшей степени неудобного положения пограничных обывателей. Есть основание думать, что у поляков велись тайные переговоры с подляшанами

и волынянами на Люблинском сейме. Этим и можно объяснить те определенные требования, которые они предъявили королю для обывателей Подляшья, а именно, чтобы сняты были все литовские тягости, поборы и подати, чтобы корчмы и мыта у них не отдавались в аренду жидам и чтобы на них не распространялось действие коронной конституции 1504 г. о редукции государственных имений. Король для первого раза согласился исполнить просьбу поляков только относительно Подляшья и приказал подляшским послам и урядникам, которые еще не уехали с сейма, сесть вместе с поляками, принести присягу на верность Польше и принять участие в составлении акта о присоединении Подляшья к Польше. После некоторого колебания и получения уверения, что поляки будут защищать подляшан, подляшские урядники и послы исполнили приказание короля. Только подканцлер Остафий Волович, державший на Подляшье Ломазы, Воин и Ходыничи, категорически отказался от присяги несмотря на то, что ему угрожали отнятием этих держав.

События ускорили присоединение Подляшья и Волыни. Паны-рада Великого княжества Литовского разослали по всему государству, в том числе на Подляшье и Волынь, военные листы с грозным приказанием выезжать на войну под страхом конфискации имений. Когда слух об этом дошел до Люблина, подляшане, присягнувшие на верность Польше, стали просить короля, чтобы он избавил их от последствий ослушания этим листам и издал от себя контрприказ по Подляшью. По настоянию поляков вместо контрприказа король 12 марта разослал универсал о *возвращении* Подляшья и Волыни Короне Польской. В этом универсале король объявил, что Подляшье и Волынь de jure всегда были польскими областями, и приказывал всем сенаторам и послам Подляшья и Волыни, уехавшим самовольно с сейма, а также и всем старостам и державцам явиться в назначенные сроки в Люблин и принести присягу на верность Польше. Акт о присоединении Подляшья закреплен был особым привилеем, составленным при участии подляшских послов и принятым сеймом. Привилей начинал с исторического оправдания присоединения к Польше Подляшья, которое де искони принадлежало Польше, составляя часть Мазовии. От Мазовии оторвал его король Казимир и присоединил к Литве, но поляки с тех пор и до самого 1569 г. не переставали требовать возвращения его Короне. «Исполняя это желание, – гласил привилей, – король возвращает Польше ее законное достояние, причем обывателей Подляшья освобождает от всех податей, поборов, мыт и всяких иных литовских тягостей и сравнивает их во всяких правах и вольностях с остальными обывателями Короны Польской, обязывает их, как и других, давать по два гроша с волоки в королевский скарб, но освобождает их от редукции имений, гарантирует ненарушимость всех жалованных грамот на имения, всех "заставных листов", полученных теми, кто дал деньги на нужды Великого княжества, вечное и спокойное владение землями, полученными в обмен за грунты, занятые в волоки». Привилей устанавливал, чтобы впредь обыватели Подляшской земли по всем делам своим обращались к польскому двору и коронной кан-

целярии, а от судов своих апеллировали на генеральные «роки» воеводства и на вальный польский сейм или к королю (от магдебургских судов) в Польшу, чтобы все вообще судопроизводство шло вполне по обычаю Короны Польской. Сенаторам и послам земским Подляшья привилей отводил место на сейме между сенаторами и послами воеводства Мазовецкого, а послам гарантировал сверх того и содержание по примеру всех вообще коронных земских послов. Привилей оставлял ненарушимо все права и обычаи Подляшской земли, насколько они не противоречат возвращению ее Короне. Как символ принадлежности Короне Польской, привилей вводил изображение орла на военных хоругвях подляшских поветов.

Литовские паны пришли в сильное негодование, когда узнали о королевском универсале 12 марта. По слухам, дошедшим до Люблина, двое из них намеревались ехать в Крым поднимать на Польшу татар. Но литовская шляхта не разделяла воинственного пыла своих магнатов. Для нее стала невыносима и одна война с Москвою, и она чуть не повально уклонялась от несения ее тягостей. Без сочувствия же и содействия шляхты магнатам нечего было и думать о борьбе с Польшею. Для борьбы, конечно, потребовалось бы увеличить наемное войско. Между тем ресурсы литовского скарба были исчерпаны до крайности. В марте 1569 г. подскарбий земский Великого княжества Павел Нарушевич писал королю, что на скарб пришли «потребы великие а кгвалтовные», как-то: снабжение всем необходимым украинных замков, расплата со служебными людьми, пушкарями, фурманами и т. д., а между тем в скарб не поступает никаких доходов, и он не знает, откуда достать денег; для удовлетворения государственных нужд он, подскарбий, позаложил все свои имения, набрал в долг денег по распискам и теперь не может расплатиться со своими кредиторами. Надо сказать, что подскарбий земский в то время был уже настоящим министром государственных имуществ и финансов, которому даны были большие полномочия, большая власть (по привилею 10 марта 1566 г.). На него возложена была обязаность принимать от местных урядников платы и пожитки с господарских замков и дворов, мест и волостей, равно и со всех мытных комор, на основании особых реестров. Вместе с тем подскарбию дано было право налагать секвестр на имения тех старост, державцев и тиунов, городничих и других местных урядников, которые растратят господарские доходы или не внесут их в срок. Подскарбию поручено было всеми способами стараться о расширении и приумножении господарских пожитков, заводить, например, лесные работы в господарских пущах, развивать торговлю продуктами господарских имений, устанавливать с доклада господарю натуральные и денежные поборы с населения господарских имений и т. д. Ему предписано было объезжать господарские имения и осматривать ведущееся в них хозяйство, а местным урядникам – старостам, державцам, тиунам, справцам пожитков и дворов господарских – вменено было в обязанность давать подскарбию обо всем ведомость и отчет, слушаться и подчиняться его суду по жалобам на них господарских подданных. Определено было затем, что льготы и уменьше-

ния в податях и пошлинах будут производиться впредь только по усмотрению подскарбия земского, и никакие льготные листы не будут выдаваться из канцелярии без его ведома. Подскарбий получил право выбирать и устанавливать мытников, и сам господарь обязался не раздавать мыт в аренду или «к верной руце» помимо лиц, избранных подскарбием. Мытникам вменено было в обязанность не выдавать никому денег по «квитам» господаря и панов-рады без листов подскарбия земского за его подписью, и подскарбий получил право не принимать в отчет выданных без его разрешения сумм. Подскарбию же дано было исключительное право судить мытников по должностным злоупотреблениям и неисправных отставлять и заменять другими лицами. Подскарбий земский получил в свое заведывание и «мынцу» Великого княжества вместе со всеми «справцами» и слугами монетной мастерской, и господарь обязался никому не поручать этого дела помимо подскарбия земского. Помощники подскарбия – скарбный и писари скарбные – обязаны были слушаться во всем подскарбия, ничего не делать в скарбе без его ведома и разрешения, не выдавать и не принимать денег и отчетов, не выдавать квитанций и т. п.; эти урядники могли получать отставку и заменяться другими лицами только по представлению подскарбия земского. Но вся эта централизация управления государственными имуществами и финансами, как оказалось на деле, мало помогла литовско-русскому господарю. Война оказалась бездонною пропастью, которая поглощала все текущие и будущие поступления казны и которую нельзя было заполнить никакими усилиями административной техники и хозяйственной сообразительности и предусмотрительности. Находясь в крайности, подскарбий просил короля разрешить ему заложить какое-нибудь из господарских имений, находящихся в его держании. Король разрешил ему «завести» часть этих имений, но ненадолго, так как и без того уже большая часть господарских имений «для великих потреб земских заставлена и заведена». Скарб не мог расплатиться даже со скарбным Иваном Семеновичем Зарецким и братом его Зиновием, которые, добывая для него деньги, пришли сами в великие долги. Господарь выручил их тем, что выдал им 5 апреля «железные листы», коими отсрочивал взыскание с них всяких долгов на три года. Скарб недалек был от полного банкротства вследствие отдачи в залог большинства господарских имений, вследствие общего экономического расстройства, вызванного войною, при все большем и большем увеличении расходов. При таких обстоятельствах самостоятельность государства, его честь и достоинство могли быть сохранены, да и то не наверное, только дружными усилиями и жертвами со стороны землевладельцев Великого княжества. Магнаты готовы были нести эти жертвы, ибо здесь замешаны были их существенные интересы. Но шляхетская масса не обнаруживала уже к тому готовности. По сведениям, дошедшим до поляков, «шляхта римской веры» удержала своих магнатов от разрыва с Польшею и настояла на посылке в Люблин послов для переговоров с поляками. Магнаты должны были смириться и исполнить ее желание.

Явившиеся в Люблин 5 апреля литовские послы от имени панов-рады Великого княжества просили поляков не отторгать от Великого княжества Подляшье, которое исстари было его достоянием и только на время отходило к Мазовии, и исконной литовско-русской области – Волыни, усеянной имениями князей – потомков Олелька, Ольгерда, Наримунта, Корибута. Это отторжение разрушает братскую любовь между обоими народами и отталкивает литовцев от унии. «При подобных поступках поляков, – заявляли послы, – литовцы не могут быть уверенными даже в сохранении своих отчин». Они просили поберечь честь и достоинство их государя, который при восшествии на великое княжение литовское давал присягу соблюдать это государство в целости и неприкосновенности. Литовское посольство просило перенести решение вопроса об унии на другой «спольный» сейм, а предварительно составить такой проект унии, который не вредил бы чести и достоинству Великого княжества, не осуждал бы одну Речь Посполитую на погибель ради другой, и вручить этот проект литовцам для предварительного ознакомления с ним на поветовых сеймиках. Но поляки не согласились на это и потребовали, чтобы литовцы вернулись в Люблин и кончали дело унии на том же сейме, обещаясь ждать их четыре недели.

В ожидании возвращения литовцев на сейм поляки поспешили принять меры к окончательному присоединению Подляшья и Волыни, ясно сознавая, что этим лучше всего можно будет привести литовцев к унии. Магнаты, владевшие имениями на Подляшье, стали было уклоняться под разными предлогами от явки в Люблин для принятия присяги Польше. Польские послы предложили отнять у них уряды и имения. Подобные же меры употребили поляки, чтобы сломить сопротивление волынских магнатов. Когда 16 мая получены были от них письма с извинением в том, что по болезни не могли явиться в срок, и с просьбою отсрочить им еще явку на сейм, послы предложили отнять у них уряды и распространить экзекуцию на их имения, если они не приедут к 23 мая. Эти меры возымели свое действие, и магнаты Подляшья и Волыни один за другим стали прибывать в Люблин и приносить присягу на верность Польше. Среди них были такие тузы, как князь Чарторыйский, воевода волынский, князь Василий Острожский, воевода киевский, князь Богуш Корецкий, староста луцкий, браславский и веницкий, князь Константин Вишневецкий, князь Збаражский и др. Принес присягу и Остафий Волович, оговорившись, что присягает как волынский землевладелец, а не как подданный Великого княжества. Магнаты в конце концов сдавались на требования поляков, очевидно, потому, что не чувствовали за собою поддержки шляхетского большинства, не видели помощи со стороны Литвы и боялись поляков, которые уже 23 апреля объявили посполитое рушенье для осуществления унии и которые не прочь были определить налог для присоединения Подляшья и Волыни. 26 мая издан был привилей о *возвращении* Волынской земли Короне. Привилей начинал с исторических доказательств прав Польши на Волынь и в числе других данных ссылался между прочим на грамоты Сигизмунда

Кейстутовича, в которых он признавал Волынь коронною областью. Привилей указывал, что поляки на сеймах никогда не переставали напоминать своим королям о возвращении Волыни и таким образом не потеряли прав на нее в силу давности. Возвращение Волыни к Польше привилей определял на следующих условиях: обыватели Волынской земли сравниваются в правах и вольностях с остальными коронными обывателями, освобождаются от всяких литовских податков и поборов, от мыт, от городовой и мостовой повинности, и обязываются только платить по два гроша с волоки, а бояре путные – по грошу с дыма; относительно военной службы и даванья податков на войну подчиняются конституциям вальных коронных сеймов, на которые имеют посылать своих послов; экзекуция относительно имений, предпринятая в Короне Польской, на них не распространяется, ибо, находясь в Великом княжестве, они не давали на нее своего согласия, и все привилеи дарственные и заставные, выданные им из великокняжеской канцелярии, будут иметь силу; но впредь король и его преемники уже не будут раздавать столовых имений на Волыни; обывателям Волынского воеводства предоставляется во всех судах судиться по литовскому Статуту, который остается в силе со всеми сеймовыми дополнениями и изменениями, за исключением второго раздела как противного польским шляхетским вольностям; этот Статут им дозволяется исправлять на поветовых сеймиках и новые артикулы вносить на утверждение на вальный коронный сейм; актовым языком остается по-прежнему язык русский, только по апелляциям от магдебургских судов и вообще по мещанским делам дворные урядники будут пользоваться польским языком по коронному обычаю; паны-рада духовные и светские и князья заодно со шляхтою будут подлежать юрисдикции местных гродских и земских судов, уряды и достоинства и впредь, как и прежде, будут раздаваться лицам шляхетского звания, имеющим оседлость в земле Волынской, сенаторы Волынской земли получают места в коронной раде, а послы, избранные на поветовых сеймах, – между коронными послами; перед отправлением на сейм они имеют съезжаться во Владимире; содержание назначается им в том же размере, что и послам русского воеводства, в знак принадлежности Волынского воеводства к Короне на его военных хоругвях имеет изображаться польский орел.

L'appetit vient souvent en mangeant... В заседании 28 мая посольский маршалок Чарнковский потребовал, чтобы было *возвращено* Короне также и воеводство Киевское на основании старых, но ясных привилеев, из которых видно, что киевские князья подчинялись Польше. В заседании 1 июня перемышльский судья Ореховский повторил это требование, распространяя его и на Брацлавское воеводство. Король обещал переговорить с сенаторами о Киевском воеводстве, а относительно Брацлавского заявил, что оно присоединяется к Короне, ибо всегда составляло часть Волыни, а Волынь уже принадлежит Короне. Прибывшие на сейм сановники и крупные землевладельцы Брацлавского воеводства с князем Романом Сангушком во главе получили приказание присягнуть на верность Короне, что они после некоторого колебания и сдела-

ли. После того и вопрос о присоединении к Короне Киевщины пошел быстрыми шагами к решению. Этого присоединения стали уже желать и требовать не одни поляки, но и сенаторы, и послы новоприсоединенных воеводств Волынского и Брацлавского. Князь Роман Сангушко, например, когда его пригласили к присяге, стал умолять короля, чтобы Брацлавщину не отделяли от Киевской земли, с которою она была прежде в тесном единении. Волыняне просили присоединить Киев потому, что через Киев литовцы могут наводить на Волынь и Польшу татар, и потому, что Киева давно уже добивается московский князь. Сенаторы польские не все стояли за присоединение, указывая на то, что это присоединение ставит Польшу в близкое соседство с татарами и вовлекает в постоянную борьбу с ними, в расходы на упоминки и т. п. Но послы шляхетские единодушно настаивали на присоединении Киевщины, которая является воротами к Волыни и Польше. Король пристал к мнению послов: признал нужным присоединить Киев для того, чтобы оцепить Литву по возможности больше польскими владениями. Вопрос был, таким образом, решен, и 5 июня был написан привилей на возвращение Короне Киевской земли. Это возвращение оправдывалось тем, что Киев – главное место Русской земли, а Русская земля издавна принадлежала Польше (?!), и только Владислав Ягайло присоединил ее к Литве без согласия коронных чинов, которые впоследствии, однако, никогда не переставали напоминать о принадлежности ее к Короне. Киевщина присоединена была к Короне на тех же условиях, что и Волынь.

Шестого июня явились литовские паны радные и послы. Староста жмудский Ян Еронимович Ходкевич в длинной речи излил перед поляками всю горечь литовцев по поводу их действий и от имени всех станов Великого княжества просил не отторгать от него Подляшья, Волыни и Киевщины. Коронные сенаторы отвечали, что поляки ничего не отторгали от Великого княжества, а только вернули то, что исстари принадлежало Короне, и предложили литовцам кончать поскорее дело унии. На это Ходкевич заметил: «Не знаю, какая это будет уния, когда мы видим, что уже теперь между вами в раде сидят паны Великого княжества: вы уже обрезали нам крылья». Действительно, после того как от Литвы оторвано было столько областей, ей уже трудно было заноситься далеко в своих требованиях. Великому княжеству и прежде уже не под силу было бороться с Москвою, а теперь, после отторжения от него Подляшья и Малороссии, и тем более. Литовские магнаты волею-неволею должны были распроститься со своими мечтами о сохранении Великого княжества Литовского во всей его «чести и достоинстве»; они пытались, впрочем, спасти все, что было можно, из литовской самостоятельности и долго еще препирались с поляками об условиях унии. Наконец, 1 июля соглашение состоялось, и обе стороны подтвердили присягою акт унии.

Этот акт гласил, что Великое княжество Литовское и Корона Польская сливаются в одно государственное тело и составляют не две, а одну Речь Посполитую. Эта Речь Посполитая всегда будет иметь одну главу, одного госу-

даря, избираемого сообща панами радными и всеми станами Польши и Литвы в Польше, помазуемого и коронуемого в Кракове; особое избрание этого государя в Литве и возведение на великое княжение прекращается. Но так как остается титул Великого княжества и особые уряды, то и общий государь после избрания провозглашается королем польским, великим князем литовским, русским, прусским, мазовецким, жмудским, киевским, волынским, подляшским и ливонским. Избрание короля будет впредь вольное, безо всяких ограничений, ибо король отступился от своих династических прав на Литву в пользу Короны Польской и выговорил только, чтобы его потомки, если не будут избраны на престол, получали от Речи Посполитой пристойное обеспечение, без расчленения, однако, самого государства. Избранный король при коронации будет подтверждать в одном листе права и вольности обоих народов и приносить в соблюдение их присягу. Рада и сеймы впредь всегда будут общие в Польше и Литве, а отдельных литовских сеймов король уже не будет созывать. Все законы, судебные определения, права и вольности земские, привилегии частных лиц остаются в силе. Все паны радные, дигнитарии, урядники и старосты литовские имеют приносить присягу королю и Короне согласно привилею короля Александра. Паны радные и все станы обоих народов обязываются принимать всякие решения ко благу государства сообща и при возникающих разногласиях стремиться всячески ко взаимному согласию: договоры и союзы с посторонними государствами впредь не могут заключаться Польшею и Литвою порознь, а только сообща, по важным делам не могут вестись порознь и дипломатические сношения; договоры, заключенные одною из сторон до унии и вредящие другой, расторгаются. Устанавливается для Польши и Литвы единообразная, одинаковая по ценности и весу монета. Лица шляхетского звания и их подданные в Польше и Литве освобождаются от платежа всяких пошлин при продаже своих сельскохозяйственных продуктов дома или вывозе за границу. Кассируются все постановления, направленные против приобретения поляками земских имений в Литве, и отныне уже вольно будет полякам приобретать имения в Литве и владеть ими, а литовцам в Польше. Уряды и достоинства, существовавшие в Великом княжестве до унии, остаются без изменения и после унии. Экзекуция относительно столовых имений не распространяется на Великое княжество, но король обязывается впредь не раздавать господарских столовых имений на Литве, не включая сюда имения «спадковые», т. е. выморочные, перешедшие к нему за неимением наследников; такие имения он волен раздавать, кому хочет, полякам и литовцам, дабы служба военная не уменьшалась; кроме того, по возвращении от неприятеля занятых им владений Великого княжества король должен будет раздать в них имения тем, кто и раньше владел ими, а данные им во временное владение имения отобрать и привернуть снова к столу господарскому.

После принесения присяги литовцы засели с поляками вместе и сообща занялись обсуждением и решением различных государственных вопросов, между прочим, и тех, которые связаны были с только что заключенною унией.

Одним из этих вопросов было положение Ливонии. После некоторых споров и пререканий взяло верх мнение, что раз Лифляндскую землю Польша и Литва обязаны будут защищать сообща, то и принадлежать она должна им сообща, быть их общим достоянием. В этом смысле 3 августа составлены были и акты о присоединении земли Лифляндской (с Курляндией и Семигаллией включительно) к Речи Посполитой, за которыми последовало (8 августа) принесение присяги лифляндскими сенаторами и послами. Литовские станы подняли было вопрос и о возвращении Подляшья, Волыни и Киевщины обратно Великому княжеству (в заседании 5 августа). Но здесь они встретили энергичный отпор со стороны поляков и самого короля, которые указали, что это дело уже решенное и подтвержденное присягами. Требование литовцев имело своим результатом только внесение в дополнительный акт унии 11 августа и в конституции сейма статьи о возвращении Короне Польской земель Подляшской, Волынской и Киевской. Местом для общего польско-литовского сейма была избрана по большинству голосов Варшава; литовским панам радным отведены были известные места в общем сенате Речи Посполитой, а земским послам – в посольской избе соответственно известной иерархии воеводств. Принятыя на этот счет постановления также внесены были и в дополнительный акт унии, и в конституции сейма. В соединенный сенат Речи Посполитой попали только те члены литовской господарской рады, которые имели уряды и достоинства, соединенные и в Польше с сенаторскими креслами. Таким образом, в сенат не попали гетман как таковой, подскарбий дворный и разные другие «столовые» урядники, т. е. подчаший, крайчий, кухмистр, стольник, подстолий и т. д. Сокращение произошло и в рыцарском «коле» Великого княжества. В нем остались только земские послы, а приглашавшиеся прежде лично княжата, панята, урядники земские и дворные перестали как таковые приглашаться на сейм. Поднимались и вопросы, связанные с избранием королей и неизбежным при этом междуцарствием, а также с обеспечением королевского потомства, но эти вопросы не получили пока разрешения и отложены были до будущего сейма.

Так закончилось самостоятельное существование Литовско-Русского государства, и произошло «втеление» его в Корону Польскую. Давнишние вожделения поляков получили, наконец, полное удовлетворение благодаря Ливонской войне, поставившей Великое княжество почти в безвыходное положение, и благодаря литовско-русской шляхте, искавшей в унии с Польшею облегчения своего бремени и усиления своего политического значения. Хотя реформы 60-х гг. XVI в. и дали ей большие сословные и политические права, но шляхта при всем том чувствовала себя слабою перед своими магнатами, которые не только наполняли господарскую раду, но и сейм в лице княжат, панят, урядников земских и дворных. Поэтому литовско-русская шляхта и стала тяготеть к парламентарной унии с Польшею, чтобы получить в польской шляхте сильного союзника против своих магнатов. Нельзя не отметить и недостаток государственной сплоченности Великого княжества, тот поли-

тический эгоизм, который обнаружили некоторые области Великого княжества в критические минуты государства. Этот политический эгоизм в значительной мере был воспитан эгоизмом господствующей земли и властвовавшей в ней литовской аристократии. Когда государство оказалось в опасном положении, автономные области обнаружили стремление промышлять каждая о себе, вместо того, чтобы теснее сплотиться и грудью стать на защиту своего государства, стали искать спасения и обеспечения своих местных интересов в соседнем государстве, манившем их в свои объятия... Раздираемое внутреннею розныю в тот момент, когда требовалось наибольшее единение и напряжение сил, Литовско-Русское государство и кончило свое самостоятельное существование.

Литература

Любавский М. К. Литовско-русский сейм. М., 1900; *Лаппо И. И.* Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586). СПб., 1901; *Грушевський М. С.* Історія України – Руси. Київ; Львів, 1907. Т. 4; *Kutszeba S.* Unia Polski z Litwą. Kraków, 1911.

XLVII. ОБЩИЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ХОДОМ ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРИИ ЛИТОВСКО-РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Отличие Литовско-Русского государства от Московского во внутреннем развитии и его конечных результатах. Разница общественной почвы, на которой создавались и развивались оба государства. Влияние связи с Польшею на внутреннее развитие Литовско-Русского государства. Причины его слабости.

Прекратившее в 1569 г. самостоятельное существование Литовско-Русское государство в ходе своего внутреннего развития и в его конечных результатах, как можно видеть теперь, было совершенно не похоже на современное ему и родственное Московское государство. Московское государство развивалось все время в направлении монархического абсолютизма и отлилось в конце концов в форму монархии, во главе которой стоял наследственный государь, неограниченный владыка и повелитель, свободно распоряжавшийся жизнью и достоянием своих подданных, которые в отношении его имели одни обязанности и не имели никаких прав: ни личных, ни сословных, ни корпоративных. Правда, этот государь в управлении государством пользовался советом и административными услугами вельмож, составлявших его думу, а по временам созывал на земский совет и других своих подданных, но делал он это по своей воле и усмотрению, а не по своей политической обязанности, закрепленной какою-либо хартией, и не считал себя de jure связанным согласием или несогласием своего совета. Он сосредоточил в своей резиденции все

высшее управление государством и вел его при помощи целого ряда учреждений, которые давали приказы местным агентам, контролировали их деятельность, давали на них суд и управу и т. д. Литовско-Русское государство сделалось монархией конституционною, во главе которой стоял избираемый великий князь. Этот государь с самого конца XIV в. связывал себя разными хартиями, которые он выдавал своим подданным как всего государства, так и отдельных его областей. В этих хартиях землевладельцам Литовско-Русского государства, преимущественно шляхетского, благородного сословия, даны были гарантии личной и имущественной свободы и неприкосновенности, многочисленные вольности и изъятия от повинностей и предоставлены были разные другие сословные преимущества и политические права. В силу этих хартий литовско-русский господарь с конца XV в. был уже не самодержавным государем, а ограниченным de jure советом и согласием панов-рады, а со времени издания Статутов 1529 и 1566 гг. и «ухвалами» всех «станов», шляхты, собранных на великий вальный сейм. И любопытно, что наивысшее развитие литовско-русского конституционализма совпадает по времени как раз с наиболее резким выражением московского абсолютизма. Литовско-русский господарь подавал своим князьям, панам, боярам-шляхте и земянам больше всего гражданских и политических прав (вторым Статутом) как раз в то самое время, когда московский государь устами Грозного царя Ивана Васильевича стал открыто проповедовать, что он волен жаловать и казнить своих холопов, что он имеет нужду только в милости Божией, а человеческого наставления не требует, что «российское самодержавство изначала сами владеют всеми царствы, а не бояре и вельможи». Литовско-русский господарь, подобно московскому, соединивший под своей властью также несколько «царств», однако, разделял управление ими не только с литовскими вельможами, которые группировались около него в центре государства, в его раде, но и с местными земскими князьями и боярами, которые продолжали отправлять в областях должности, составляли советы при литовских наместниках, собирались на местные сеймы для высшего суда и местного законодательства. Литовско-русский господарь стянул к центру, взял в свои руки только наиважнейшие правительственные дела, предоставив текущую будничную правительственную работу местным правителям и в значительной мере землевладельцам. Вследствие этого и в центре Литовско-Русского государства не создалось такого мощного правительственного механизма, как в центре государства Московского.

Чем же объясняется вся эта разница исторического развития обоих государств и его результатов? Прежде всего тем, по всем данным, что Литовско-Русское государство создалось и держалось на более устойчивом и определившемся общественном материале, чем государство Московское. Северо-Восточная Русь, послужившая материалом при постройке Московского государства, как в удельную эпоху, так и в XVI в., представляла страну, население которой переливало из края в край, расползалось вширь, захватывая все новые и новые пространства для своей оседлости на севере, востоке и юге. Обще-

ство Северо-Восточной Руси было жидкое, текучее, не кристаллизовавшееся в устойчивые ячейки. Здесь не отличались прочностью ни образовавшиеся местные политические организации, ни слагавшиеся социальные отношения. Развивавшееся крупное землевладение не врастало глубоко в окружающую среду, не сдерживало ее своими корнями и нитями. Землевладелец здесь, как и земледелец, нередко уподоблялся «перекати-полю», которое срывали порывы экономической или политической бури. Естественно, что московский великий князь, утвердивший свою власть над таким неустойчивым и подвижным обществом, легко прибрал его к своим рукам и сдавил его железными обручами административной дисциплины, придавая ему такие формы, какие подсказывались потребностями государственного целого. Не таков был общественный материал, пошедший на образование Литовско-Русского государства. Литва и Западная Русь сидели на старом корню, сгущаясь на территории, замкнутой со всех сторон владениями сильных соседей. При таких условиях и все общественные отношения, и связи были здесь устойчивее и крепче, чем на Руси Северо-Восточной. Большинство крестьян сидело здесь испокон веков на своих местах племенными гнездами. Землевладельцы – князья, паны и бояре – были также исконными, давними обладателями своих вотчин: в руках многих из них в XVI в. были те же самые владения, какие были у их предков в XIII и XIV вв. Литовские паны скопили поэтому огромные фамильные капиталы, которыми они ссужали государственную казну в то самое время, когда первостатейные московские бояре только что и жили государевым жалованьем и закладывали подчас платья своих жен, чтобы снарядиться на войну. За все время самостоятельного существования Литовско-Русского государства в нем преобладало устойчивое, «вечистое» землевладение. Хотя ему известны были и различные формы временного, поместного землевладения, но эти формы не получили здесь большого распространения; поместной системы как средства обеспечения большинства военнослужилого люда здесь не выработалось. Центры торгово-промышленной жизни – города – были здесь также старые, исконные, видевшие у себя еще первых русских и литовских князей. Вследствие всего этого и завязавшиеся местные союзы землевладельцев, горожан и земледельцев, и местные политические организации отличались также значительною крепостью и мощью. Над таким крепко организовавшимся обществом можно было утверждать центральную власть поверх местных организаций, не ломая, но санкционируя и регулируя установившиеся отношения, что и делали великие князья литовские с самого образования Литовско-Русского государства. В организации этого государства они мало проявляли творческой воли и разума, ссылаясь постоянно на старину и пошлину: «Мы старину не рухаем, а новин не уводим». Если же и приходилось вводить им новины, то большею частью лишь такие, которые давали что-нибудь обществу, а не отнимали от него.

Здесь мы подходим ко второй основной причине, оказавшей сильное влияние на ход внутреннего развития Литовско-Русского государства и его ре-

зультаты, – к установившейся связи его с Польшею. Уже первая уния, состоявшаяся при Ягайле и Витовте, имела огромное значение. Она дала литовским землевладельцам многочисленные гарантии, коими ограничивалась великокняжеская власть. Но самое главное – она воспрепятствовала установлению наследственности великокняжеской власти, предоставив замещение великокняжеского престола избранию князей, панов и бояр Великого княжества. Хотя уния и была разорвана, но данные при ее заключении права и вольности остались и сделались основными законами Великого княжества. Утвердившиеся после того в государственном праве Великого княжества избрания великих князей давали благоприятный случай для новых сословных и политических приобретений литовско-русских землевладельцев, коими все более и более стеснялась и ограничивалась великокняжеская власть и уменьшалось ее значение в государстве. Уния с Польшею не осуществилась в настоящем своем виде. Но при всем том установилась тесная связь между Польшею и Литвою благодаря тому, что большею частью у того и другого государства был один общий государь, проживавший попеременно и в Польше, и в Литве. Это житейское общение обусловило влияние польской государственности на Литву, заимствование разных ее форм, стремления высших классов литовского общества к получению «прав христианских добрых, как в коруне польской», короче сказать – способствовало внутренней ассимиляции Литовско-Русского государства, а затем и соединению его с Польшею. Благодаря общению с Польшею социально-политический процесс, развивавшийся в Литовско-Русском государстве, сопровождался непрерывным юридическим оформлением и закреплением его результатов, что в свою очередь обеспечивало ему дальнейшие успехи и преуспеяние.

Но это же сближение с Польшею было отчасти и причиною того, что Литовско-Русское государство, создавшееся из более устойчивого общественного материала, оказалось менее устойчивым в борьбе за самостоятельное существование, чем государство Московское. Польские права и вольности, перенесенные на литовскую почву, способствовали развитию и расцвету литовско-русского феодализма, для которого и без того была благоприятная почва в старом и крепком землевладении, в экономическом и политическом засилье землевладельцев. Но феодализм расслабил, разложил государство, воспрепятствовал развитию сильной центральной власти, лишил ее должных орудий и средств, и в критические минуты, когда требовалось приказывать и повелевать из центра, заставил литовско-русского господаря сеймовать со «станами» и приглашать их к добровольным жертвам на алтарь отечества. Но воспитанные в областном и вотчинном, а не в общегосударственном патриотизме землевладельцы предпочли пожертвовать не «горлами» своими и «статками», а самостоятельностью своего государства, дабы с меньшим «накладом» давать отпор неприятелю.

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

Помнікі гістарычнай думкі Беларусі

Любавский Матвей Кузьмич

ОЧЕРК ИСТОРИИ ЛИТОВСКО-РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ДО ЛЮБЛИНСКОЙ УНИИ ВКЛЮЧИТЕЛЬНО

Редактор *И. Л. Дмитриенко*

Художественный редактор *Т. Д. Царева*

Технический редактор *О. А. Толстая*

Компьютерная верстка *Л. И. Кудерко*

Подписано в печать 13.12.2012. Формат 70×100$^1/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 32,5. Уч.-изд. л. 26,0. Тираж 1000 экз. Заказ 4245.

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
ЛИ № 02330/0494405 от 27.03.2009. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.

Открытое акционерное общество «Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
ЛП № 02330/0150496 от 11.03.2009. Ул. Корженевского, 20, 220024, г. Минск.